УЧЕБНИКЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

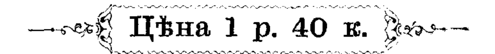
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Родословной и Хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ.

составилъ **К. Елпатьевскій.**

10-е ИЗДАНІЕ

перепечатано безъ перемѣны съ 9-го изданія, **допущеннаго** въ 1905 г. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія **въ качествѣ учебнаго руководства по русской исторіи** для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просвѣщенія. Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній Учебникъ **принятъ какъ руководство** для старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. Во 2-мъ изд. Учебникъ **одобренъ** Уч. Ком. Вѣд. учрежд. ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ **какъ руководство** для институтовъ и гимназій и Уч. Ком. при Св. Синодѣ **одобренъ какъ учебное пособіе** для духовныхъ семинарій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1906.

3514

Заглавія статей въ Учебникѣ.

Введеніе въ русскую исторію.

Русь удѣльно-вѣчевая.

Русь подъ владычествомъ татаръ.

Русь московская.

Новая Россія.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Источники для изученія русской исторіи. Исторію русскаго народа мы узнаемъ изъ памятниковъ его прежней жизни. Къ такимъ памятникамъ или историческимъ источникамъ относятся слѣдующіе:

1. Важнѣйшимъ источникомъ при изученіи русской исторіи отъ начала государства до XVII вѣка служатъ лѣтописи. Лѣтописью называется погодное описаніе событій, то болѣе подробное, то ограничивающееся однимъ краткимъ обозначеніемъ того, что случилось, съ точнымъ указаніемъ времени. Еще при первыхъ князьяхъ въ X в. появляются у насъ краткія погодныя записи о замѣчательныхъ событіяхъ, напр., о смерти князя, походѣ, знаменіи небесномъ, голодѣ и морѣ и т. д.; но въ такомъ первоначальномъ видѣ лѣтописи не дошли до насъ, и мы имѣемъ только позднѣйшіе своды первоначальныхъ лѣтописей, гдѣ эти краткія замѣтки о событіяхъ при первыхъ князьяхъ дополнены или преданіями, или книжнымъ матеріаломъ, а послѣдующія событія излагаются современниками-очевидцами уже подробно и съ объясненіемъ ихъ значенія. Древнѣйшій изъ такихъ дошедшихъ до насъ сводовъ называется „Повѣстью временныхъ лѣтъ". Этотъ сводъ оканчивается 1110 г. и до насъ дошелъ въ рукописи XIV в. въ такъ наз. Лаврентьевскомъ спискѣ. Долгое время составленіе этого свода приписывалось Нестору, монаху Кіево-Печерскаго монастыря (1056—1114 гг.), но теперь полагаютъ, что его составителемъ былъ Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря близъ Кіева (жившій въ XI—XII в.). Этотъ древнѣйшій сводъ позднѣйшіе лѣтописцы переписывали, дополняли и продолжали, разсказывая о событіяхъ своего времени. Сначала лѣтописи велись въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, а потомъ, съ раздѣленіемъ Руси на отдѣльныя княжества, и въ другихъ областяхъ русской земли; есть лѣтописи псковская, тверская, ростовская, московская и въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ „Повѣсть

временныхъ лѣтъ". Послѣдніе лѣтописные своды, составленные изъ нѣсколькихъ лѣтописей, относятся къ XVII вѣку.

2. Отдѣльныя сказанія или повѣсти объ одномъ какомъ-нибудь событіи или о жизни одного лица, прославившагося своею святостію. Эти повѣсти частію дошли до насъ въ отдѣльномъ видѣ, нѣкоторыя же внесены въ лѣтопись. Онѣ написаны по большей части современниками изображаемыхъ лицъ и очевидцами событій и даютъ намъ больше подробностей объ извѣстномъ событіи или лицѣ, чѣмъ лѣтописныя извѣстія. Къ такимъ сказаніямъ принадлежатъ, напр., сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, Александрѣ Невскомъ, Мамаевомъ побоищѣ и многія другія. Сказанія о жизни святыхъ носятъ названія житій.

3. Съ XVI в. появляются у насъ записки или мемуары, авторы которыхъ говорятъ о своей жизни и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ сами принимали участіе или которыя при нихъ совершались. Разсказывая о жизни частнаго лица, записки даютъ намъ понятіе о жизни того сословія, къ которому принадлежалъ ихъ авторъ. Будучи современниками того или другого событія, того или другого историческаго лица, авторы записокъ сообщаютъ чрезвычайно важныя подробности объ этихъ лицахъ и событіяхъ; а иногда и сами авторы играли видную роль въ исторіи и тогда ихъ записки еще интереснѣе. Впрочемъ, при чтеніи записокъ слѣдуетъ знать, кто былъ ихъ авторъ и въ какой степени можно ему вѣрить, такъ какъ составители записокъ иногда пристрастно относятся къ изображаемымъ лицамъ и представляютъ ихъ невѣрно.

4. Разсказы иностранцевъ, посѣщавшихъ русскую землю, замѣчательны, во-первыхъ, потому, что иностранцы описывали такія стороны нашего быта, которыя, какъ обыкновенныя, не поражали русскихъ, и, во-вторыхъ, потому, что иностранцы, какъ безпристрастные наблюдатели, описывали все то, что видѣли и слышали. Съ другой стороны, иностранцы, часто не зная русскаго языка, не всегда понимали то, что видѣли въ Россіи, и потому дѣлали невѣрныя объясненія видѣннаго, тѣмъ болѣе, что русскіе люди допетровскихъ временъ чуждались иностранцевъ и не сближались съ ними. Несмотря на эти недостатки, сочиненія многихъ иностранцевъ очень важны, какъ историческій источникъ. Отъ византійскихъ, арабскихъ и западно-европейскихъ писателей мы узнаемъ о нравахъ и религіи языческихъ славянъ. Съ XV в., когда у насъ возобновились сношенія съ западомъ, многіе европейцы стали пріѣзжать въ Россію, нѣкоторые изъ нихъ поступали въ русскую

службу, другіе пріѣзжали въ качествѣ пословъ отъ европейскихъ государей; отъ нихъ тоже осталось много разсказовъ о жизни нашихъ предковъ.

5. Письма русскихъ людей, особенно тѣхъ, которые играли роль въ исторіи, также представляютъ историческій источникъ, потому что они знакомятъ насъ съ характерами историческихъ лицъ. Въ письмахъ, которыя пишутся отъ одного къ другому, высказывается много такого, о чемъ бы иначе и не знали; напр., въ письмахъ высказываются иногда планы, намѣренія, задушевныя мысли человѣка, такъ какъ обыкновенно не предполагается, чтобы они стали извѣстны третьему лицу.

6. Различные акты, какъ, напр., мирные договоры нашихъ князей съ непріятелями, взаимные договоры князей, торговые договоры *съ нѣмцами, княжескія граматы городамъ и монастырямъ, сборники* старинныхъ законовъ, знакомятъ насъ съ разными условіями быта нашихъ предковъ.

7. Произведенія нашей древней письменности тоже даютъ историческій матеріалъ, напр., различныя поученія, въ которыхъ пастыри церкви обличали пороки и заблужденія современниковъ и остатки языческихъ воззрѣній уже послѣ принятія христіанства, описанія путешествій паломниковъ въ святую землю и Царьградъ, поученіе Владиміра Мономаха, Домострой и др.

8. Памятники вещественные знакомятъ съ внѣшней обстановкой жизни нашихъ предковъ и со степенью цивилизаціи въ разные періоды русской исторіи. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи встрѣчаются до сихъ поръ насыпи, курганы и могилы, и добытые изъ нихъ путемъ раскопокъ разные предметы (оружіе, монеты, металлическія вещи, сосуды и др.) начинаютъ проливать нѣкоторый свѣтъ при помощи археологіи на доисторическій бытъ обитателей В. Европы. Сохранившіеся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи старинныя зданія, храмы, дворцы даютъ понятіе о старинной архитектурѣ. Всѣ сохранившіяся старинныя вещи, какъ-то: одежды, украшенія, вооруженія, монеты, теперь собраны въ большомъ количествѣ и хранятся въ музеяхъ (эрмитажъ въ Петербургѣ, оружейная палата и патріаршая ризница въ Москвѣ).

9. Произведенія устной народной словесности (сказки, былины, пѣсни, заговоры, пословицы, примѣты), переходящія изъ устъ въ уста съ древнихъ языческихъ временъ и въ настоящее время записанныя учеными людьми, даютъ намъ свѣдѣнія о бытѣ и религіи нашихъ предковъ язычниковъ. Эти народныя произведенія особенно

важны потому, что относятся къ тому времени русской жизни, отъ котораго нѣтъ письменныхъ слѣдовъ.

Всѣ эти памятники прошлаго стали ревностно собирать съ XVIII в., собираютъ и теперь. Произведенія народной словесности и памятники письменные печатаются, постройки описываются, старинныя вещи собираются въ музеяхъ. Русскіе ученые изучали ихъ, продолжаютъ изучать и результатомъ ихъ трудовъ явились различныя сочиненія, въ которыхъ подробно и всесторонне изображена прошлая жизнь русскаго народа.

Самыя важныя изъ этихъ сочиненій слѣдующія: Карамзина—Исторія Государства Россійскаго, Погодина—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи, Соловьева—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Костомарова—Историческія монографіи и изслѣдованія, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Забѣлина—Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII стол.: бытъ царей и царицъ, Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, Бестужева—Рюмина—Русская Исторія, Иловайскаго—Исторія Россіи, Розысканія о началѣ Руси, Ключевскаго—Курсъ русской исторіи, Платонова—Лекціи по русской исторіи.

Вліяніе природы Восточной Европы на русскую исторію. Весь европейскій материкъ раздѣляется на 2 части — западную и восточную. Западная Европа состоитъ изъ отдѣльныхъ острововъ и полуострововъ съ сильно развитою береговою линіею, отдѣленныхъ одинъ отъ другого горами и водою, богато одаренныхъ природою, что̀ дало возможность образоваться на западѣ многимъ независимымъ другъ отъ друга государствамъ. Населенію этихъ государствъ не надо было вѣчно бороться съ природою за свое существованіе, а, напротивъ того, оно имѣло полную возможность быстро идти по пути просвѣщенія при легкихъ сношеніяхъ одного государства съ другимъ и при взаимномъ обмѣнѣ знаній. Восточная же Европа состоитъ изъ обширной равнины, окруженной горами Карпатскими, Кавказскими, Уральскими и морями Балтійскимъ, Бѣлымъ, Каспійскимъ, Азовскимъ и Чернымъ. Въ серединѣ эта равнина поднимается въ видѣ холмистыхъ возвышенностей, изъ которыхъ вытекаютъ главныя рѣки со многими притоками, впадающія въ выше означенныя моря. Разноплеменныя народности, обитавшія на этой сплошной однообразной равнинѣ при одинаковыхъ условіяхъ жизни, должны были слиться въ одинъ народъ и составить одно государство. Горы З. Европы раздѣляли народы, многочисленныя рѣки В. Европы, напротивъ того, способствовали объединенію жившихъ въ ней народовъ, такъ какъ рѣки въ древности были самыми удобными и почти единственными путями сообщенія; по рѣкамъ сели-

лись племена, по рѣкамъ первые князья строили города и распространяли свою власть надъ славянскими и финскими племенами; по нимъ же велись торговыя сношенія русскихъ съ Византіей, З. Европой, арабами. Вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія В. Европы со степями средней Азіи между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ азіатскіе кочевники постоянно приходили въ южные предѣлы В. Европы и оставались здѣсь болѣе или менѣе долгое время (гунны, авары, болгары, хозары, печенѣги, половцы, татары). Привольная жизнь въ южныхъ и юговосточныхъ степяхъ влекла туда людей, ищущихъ свободы—казаковъ, которые съ одной стороны были полезны тѣмъ, что защищали государство отъ кочевниковъ, но зато очень часто и враждовали съ нимъ. Долго пришлось русскому государству бороться съ кочевниками и казаками, пока оно наконецъ побѣдило ихъ и утвердило свою власть въ юговосточныхъ и южныхъ предѣлахъ. Долговременная борьба съ кочевниками, конечно, повліяла на жизнь русскаго народа и заставила его далеко отстать въ просвѣщеніи отъ Запада, чему также способствовала и суровая сравнительно природа В. Европы, требовавшая постояннаго упорнаго труда. В. Европа покрыта многочисленными рѣками, изъ которыхъ самыя большія текутъ на востокѣ и юговостокѣ; русскіе славяне, живя въ началѣ исторіи по Днѣпру и его притокамъ и по верховьямъ З. Двины, Дона и Волги, распространяли понемногу свои поселенія на востокъ и юговостокъ, двигаясь по теченію рѣкъ и подчиняя вліянію своей власти и своей народности жившія тамъ финскія и монгольскія племена. Славянская колонизація, дойдя до Уральскихъ горъ, двинулась и далѣе въ предѣлы Азіи. Малонаселенность страны и обиліе свободныхъ земель давали полную возможность населенію легко перемѣнять мѣсто своего жительства, вслѣдствіе чего московское правительство въ интересахъ государства вынуждено было прикрѣпить посадскихъ людей къ ихъ посадамъ, а крестьянъ къ землѣ. Восточная Европа дѣлится на 2 части—лѣсную и степную, чѣмъ объясняется дѣленіе населенія на великоруссовъ и малоруссовъ и различіе въ ихъ характерѣ. Бѣдная природой страна великоруссовъ, происшедшихъ изъ слiянія славянской и финской народностей, покрытая лѣсами и болотами, сдѣлала ихъ предпріимчивыми, домовитыми, энергическими, расчетливыми и пріучила къ постоянному труду и упорному преслѣдованію разъ намѣченной цѣли. Сѣверовосточные князья, во всемъ схожіе со своимъ народомъ, умно воспользовались всѣми благопріятными для нихъ обстоя-

тельствами: они объединили подъ своею властію всѣ племена В. Европы и создали сильное московское государство.

Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы. В. Европа была обитаема за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х., что доказывается найденными путемъ раскопокъ каменными и металлическими вещами первобытнаго происхожденія. О бытѣ этихъ доисторическихъ обитателей В. Европы мы знаемъ очень мало, такъ какъ археологія только въ послѣднее время начинаетъ проливать нѣкоторый свѣтъ на эти времена. Первыя болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о В. Европѣ, и то только объ обитателяхъ южныхъ ея степей, мы получаемъ отъ греческаго историка Геродота (484—406 г. до Р. Х.), посѣтившаго греческія колоніи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Эти колоніи были—Ольвія при устьѣ Буга, Танаисъ при устьѣ Дона, Херсонесъ или Корсунь близъ нынѣшняго Севастополя въ Крыму, Пантикапея на мѣстѣ Керчи. Геродотъ поднялся по Днѣпру (Борисѳену) и собралъ свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, и эти свѣдѣнія дошли до насъ въ его исторіи. Южное пространство В. Европы онъ называетъ Скиѳіей и говоритъ, что „въ ней нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны". Разсказывая о бытѣ скиѳовъ, которые господствовали въ южныхъ степяхъ, Геродотъ различаетъ среди нихъ скиѳовъ кочевниковъ и подвластныхъ имъ скиѳовъ пахарей, жившихъ сѣвернѣе, по Днѣпру. Извѣстія Геродота о скиѳахъ подтверждаются произведенными въ послѣднее время раскопками кургановъ (скиѳскихъ могилъ) въ южной Россіи, въ которыхъ сохранилось много скиѳскихъ металлическихъ вещей и даже нѣсколько человѣческихъ скелетовъ. Ученые еще до сихъ поръ не рѣшили вопроса о происхожденіи скиѳовъ: одни считаютъ ихъ монголами, другіе—финнами, большинство же ученыхъ предполагаетъ, что скиѳы были арійскаго племени. Среди племенъ, которыя были подвластны скиѳамъ кочевникамъ и о которыхъ упоминаетъ Геродотъ, вѣроятно, были и нѣкоторыя славянскія племена. Къ сѣверу отъ скиѳовъ, по словамъ Геродота, жили невры, андрофаги, меланхлены, будины, гелоны и гипербореи, о которыхъ онъ сообщаетъ уже вполнѣ баснословныя извѣстія; подъ этими названіями, быть можетъ, нужно подразумѣвать финновъ, весьма древнихъ обитателей С. В. Европы. Послѣ Геродота другіе греческіе и римскіе писатели сообщаютъ хотя и отрывочныя извѣстія о жителяхъ В. Европы, называя ихъ сарматами, роксоланами, аланами, но все-таки на основаніи этихъ

извѣстій положительно можно сказать, что около времени Р. X. славяне уже жили въ В. Европѣ. Первою попыткою народа европейскаго основать государство въ нынѣшней Россіи было царство готовъ (въ IV в. послѣ Р. X.). Готы, одно изъ германскихъ племенъ, пришли отъ Балтійскаго моря къ Черному и подчинили своей власти многія славянскія и финскія племена. Въ концѣ IV в. въ В. Европу пришли изъ Каспійскихъ степей гунны, которые разрушили готское царство и затѣмъ двинулись въ Венгрію, увлекая за собой готовъ и многихъ славянъ. Послѣ гунновъ славяне В. Европы испытали на себѣ не долговременное, но тяжелое господство пришлыхъ кочевниковъ аваровъ или обровъ.

Населеніе В. Европы въ IX в. послѣ Р. X. Въ эпоху основанія русскаго государства въ В. Европѣ жили слѣдующіе народы: **русскіе славяне**, занимавшіе пространство отъ Ильменскаго озера до верховьевъ Волги и Оки, по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру и Пруту къ Карпатамъ, по верховьямъ Буга и З. Двины,— **литовцы**, жившіе на восточномъ берегу Балтійскаго моря по нижнему теченію З. Двины, по Нѣману и въ области нижней Вислы,— **финны**, занимавшіе пространство отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ и отъ Бѣлаго моря до средняго теченія Волги,—**болгары**, жившіе по Камѣ и Волгѣ, и **хозары** по нижнему теченію Дона и Волги до Днѣпра. Въ юговосточныхъ и южныхъ степяхъ кочевали разные монгольскіе народы, какъ-то: **угры** или **венгры, печенѣги**.

Жизнь и религія славянъ язычниковъ. Въ глубокой древности въ средней Азіи, у верховьевъ рѣки Аму-Дарьи жило обширное арійское или индоевропейское племя, которое разселилось потомъ изъ своего отечества въ разныя стороны. Одна вѣтвь арійцевъ заняла Индустанъ—индусы, другая поселилась въ Иранѣ—мидяне, персы, бактряне, третья пришла въ Европу и заселила ее; къ этой послѣдней вѣтви принадлежатъ грекоиталійцы, кельты, германцы, литовцы и славяне. Принадлежность всѣхъ этихъ народовъ къ одному арійскому племени доказана въ настоящее время сравнительнымъ изученіемъ ихъ языковъ, ихъ языческихъ религіозныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ. Когда славяне пришли въ Европу, мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній; первымъ же мѣстомъ ихъ поселенія въ Европѣ нужно считать подкарпатскій край, откуда уже славяне разселились на сѣверъ, югъ и сѣверовостокъ и раздѣлились на 3 группы: восточныхъ или русскихъ, западныхъ — чехо-моравовъ, поляковъ и славянъ полабскихъ, и южныхъ—болгаръ и сербовъ.

Въ теченіе VII—IX вѣковъ славяне образовали отдѣльныя государства—чешское, моравское, польское, болгарское, русское и нѣсколько позже сербское. Разсказы западно-европейскихъ, византійскихъ и арабскихъ писателей, знавшихъ славянъ, извѣстія лѣтописныя, а также устныя преданія и пѣсни, сохранившіяся отъ временъ язычества, даютъ намъ понятія о жизни и религіи русскихъ славянъ язычниковъ. Славяне жили родовымъ бытомъ. Они дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ, жившихъ отдѣльно одно отъ другого.

Эти племена были слѣдующія: славяне ильменскіе—на берегахъ Ильменскаго озера, кривичи—по верховьямъ З. Двины, Волги и Днѣпра, дреговичи—между Припетью и З. Двиной, радимичи—на берегахъ Сожи, вятичи—на Окѣ, сѣверяне—на Деснѣ и Сеймѣ, древляне—на Припети, поляне—по среднему теченію Днѣпра, бужане—по Бугу, тиверцы и угличи—по Днѣстру и Пруту, бѣлохорваты—въ нынѣшней восточной Галиціи.

Каждое изъ этихъ мелкихъ племенъ состояло изъ отдѣльныхъ родовъ, жившихъ особо и владѣвшихъ особою частью земли, что было возможно при малонаселенности и обширности земель, занятыхъ славянами. Каждый родъ управлялся родоначальникомъ (старѣйшина, князь) и сообща владѣлъ всѣмъ родовымъ недвижимымъ имуществомъ, пока съ теченіемъ времени не образовалась отдѣльная семейная собственность. Для дѣлъ, касавшихся цѣлаго племени, всѣ его роды сходились на общую сходку—вѣче, причемъ право голоса принадлежало только родоначальникамъ. Взаимные раздоры родовъ проявлялись и на вѣчахъ. Славяне жили осѣдло, занимаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотой, рыбной ловлей и пчеловодствомъ; вели также и мѣновую торговлю съ сосѣдями. Жилищами ихъ были простыя деревянныя избы, построенныя въ безопасныхъ мѣстахъ—въ лѣсахъ, около рѣкъ, болотъ и озеръ. Были у нихъ и города, состоявшіе изъ такихъ же избъ и окруженные валомъ или заборомъ, гдѣ происходили ихъ вѣчевыя сходки и гдѣ они защищались въ случаѣ нападенія враговъ. Славяне отличались высокимъ ростомъ, румянымъ лицомъ, русыми волосами и сѣрыми глазами; это были люди сильные, крѣпкіе, выносливые. Въ пищу они употребляли животныхъ, рыбъ и птицъ, просо, гречиху, молоко; любимымъ напиткомъ служилъ медъ; одежда состояла изъ полотнянаго платья и кожи животныхъ; вооруженіемъ были копья, стрѣлы, дротики, мечи и щиты. Миролюбивые по отношенію къ сосѣднимъ народамъ, между собою они вели частые споры. Въ военное время славяне умѣли храбро защищать себя и употребляли

разныя военныя хитрости. Изъ ихъ языческихъ обычаевъ замѣчательны обычаи кровавой мести и гостепріимства; цѣня выше всего свободу, они по истеченіи извѣстнаго срока отпускали на волю своихъ плѣнныхъ рабовъ. Семейная жизнь ихъ была основана на повиновеніи младшихъ членовъ рода родоначальнику, дѣтей отцу; по смерти отца власть надъ малолѣтними дѣтьми переходила къ матери. Брачные обычаи ихъ были трoякіе: невѣсту похищали (умыкали) или покупали, заключался бракъ и по взаимному согласію; бывали случаи многоженства. Хотя славянская женщина находилась въ полномъ повиновеніи у своего мужа и исполняла тяжелыя домашнія работы, но она была очень привязана къ мужу и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, по смерти мужа добровольно шла на сожженіе вмѣстѣ съ его трупомъ. Не понимая силъ и явленій природы, но сознавая ихъ сильное вліяніе на успѣхи земледѣлія, славяне поклонялись имъ, какъ добрымъ и злымъ богамъ; такъ они боготворили солнце подъ именемъ Даждь-бога или Хорса, громъ и молнію подъ именемъ Перуна, который считался въ то же время богомъ войны и пользовался особеннымъ почитаніемъ, Волоса или Велеса, который, будучи сначала солнечнымъ богомъ, явился потомъ покровителемъ земледѣлія, защитникомъ торговли, охранителемъ стадъ, вдохновителемъ пѣвцовъ и гусляровъ, и вѣтеръ подъ именемъ Стрибога. Кромѣ главныхъ боговъ, у славянъ было много второстепенныхъ, какъ-то: лѣшіе, русалки, водяные и домовые (души умершихъ предковъ). Боговъ своихъ они чествовали праздниками, состоявшими въ жертвоприношеніяхъ животныхъ и даже людей, въ молитвахъ, гаданьяхъ и заканчивавшимися пиромъ и играми. Главные праздники были въ честь бога солнца: коляда или рожденіе солнца около нашего Рождества, красная горка на ѳоминой недѣлѣ, семикъ въ четвергъ на 7 недѣлѣ послѣ пасхи, и купала въ ночь съ 23 на 24 іюня. Русская языческая религія не достигла такого развитія, какъ у другихъ народовъ (напр., у грековъ); она состояла въ непосредственномъ поклоненіи силамъ и явленіямъ природы, но олицетворенія этихъ силъ и явленій, представленія ихъ въ опредѣленныхъ образахъ у русскихъ славянъ не было. Общественнаго служенія богамъ, храмовъ и жрецовъ у русскихъ славянъ также не было; каждый родоначальникъ былъ въ то же время и жрецомъ, и члены семьи молились у себя дома преимущественно покровителю семьи—домовому. Хотя изъ среды народа и выдѣлялись волхвы и кудесники, которые преимущественно знали языческіе молитвы и заговоры, занимались гаданіями и пользо-

вались за то уваженіемъ, но они не имѣли значенія жрецовъ. Вѣря въ загробную жизнь, славяне представляли ее продолженіемъ земной; мертвыхъ сожигали или хоронили въ могилахъ и совершали по нимъ тризну, т.-е. пиръ въ соединеніи съ разными играми. Памятникомъ этой языческой жизни славянъ остается народная поэзія—заговоры, наговоры, примѣты, пословицы, загадки, пѣсни, сказки, былины, которые переходятъ съ древнихъ временъ изъ устъ въ уста и до сихъ поръ сохраняются въ народѣ.

Литовцы. Литовцы обитали въ лѣсистой и болотистой мѣстности, занимались охотой и дѣлились на мелкія племена. Лѣса и болота долгое время препятствовали сближенію литовцевъ съ другими народами, такъ что до XIV в. они не играли никакой роли въ исторіи и сохраняли языческую вѣру.

Финны. Финны, называвшіеся у нашихъ предковъ Чудью, жили маленькими поселеніями среди обширной страны лѣсистой и болотистой и занимались почти исключительно звѣроловствомъ и рыболовствомъ; они не составляли одного сплоченнаго цѣлаго и дѣлились на мелкія племена. Бѣдная сѣверная природа ихъ страны вполнѣ отразилась на ихъ физическомъ и духовномъ развитіи; когда русскіе еще до 862 г. стали вступать съ ними въ сношенія и среди нихъ селиться, то финны скоро перенимали русскіе нравы и обычаи и затѣмъ совершенно сливались съ ними; такъ образовывалось новое славянское племя—великоруссы. Изъ всѣхъ финскихъ племенъ только пермь достигла бо́льшаго развитія, благодаря частымъ сношеніямъ съ норманнами. Ихъ языческая религія состояла въ обоготвореніи явленій природы и главнымъ божествомъ былъ Юмала или Укко—богъ неба, грома и молніи. Финны издревле обитали въ сѣверо-восточной Европѣ, ихъ знали и греко-римскіе писатели.

Любопытное описаніе финновъ мы находимъ у римскаго историка Тацита (I в. по Р. X.): „у финновъ чистая дикость, гнусная бѣдность; нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; ихъ пища—трава, одежда—кожи, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя за неимѣніемъ желѣза заостряютъ костями. Охота кормитъ одинаково мужчинъ и женщинъ, которыя всюду сопровождаютъ мужей и требуютъ себѣ части добычи; дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ непогоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей; сюда идутъ юноши, сюда удаляются старцы. Они считаютъ это состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась боговъ, они достигли трудно достижимаго: они ничего не желаютъ“.

Болгары. Государство Болгарское образовалось изъ смѣшенія тюрковъ, финновъ и отчасти славянъ; живя на торговомъ пути по

Камѣ и Волгѣ, болгары вели обширную торговлю съ азіатскими народами; главный ихъ городъ—Великіе Болгары на Волгѣ. Въ X в. они приняли магометанство.

Хозары. Хозары, тюркскаго племени, составляли въ IX в. довольно обширное царство, въ составъ котораго входило много подвластныхъ имъ племенъ, въ томъ числѣ сѣверяне, поляне и вятичи. Во главѣ хозарскаго царства стоялъ верховный властитель—каганъ. Замѣчательные ихъ города—Саркелъ или Бѣлая Вежа на Дону и Итиль или Балангіаръ при устьѣ Волги, въ который собирались для торговли азіатскіе и европейскіе купцы. На ихъ обширную торговлю имѣли вліяніе евреи, которыхъ не мало жило среди хозаръ; самъ каганъ былъ іудейской вѣры. Съ хозарами и болгарами русскіе вели торговыя сношенія.

Норманны. Въ первой половинѣ IX в. русскіе славяне иногда подвергались нападенію воинственныхъ норманновъ, жителей Скандинавіи. Отважные морскіе разбойники, норманны подъ предводительствомъ викинговъ (морскихъ королей) часто дѣлали набѣги на своихъ легкихъ лодкахъ на страны З. Европы и иногда даже утверждали тамъ свою власть, какъ, напр., въ Англіи, въ СЗ. Франціи, въ южной Италіи. Норманны ѣздили и въ Константинополь, чтобы поступать на службу къ византійскимъ императорамъ въ качествѣ наемныхъ воиновъ, при чемъ вмѣстѣ съ норманнами отправлялись и разные удальцы, искатели приключеній, изъ другихъ народностей. Въ Константинополь норманны проходили черезъ землю русскихъ славянъ по великому водному или греческому пути: изъ Финскаго залива рѣкой Невой до Ладожскаго озера, по Волхову въ Ильменское озеро, отсюда рѣкою Ловатью, затѣмъ перетаскивали лодки (волокомъ) въ Днѣпръ и спускались въ Черное море, обходя пороги по сухому пути. Проходя много разъ черезъ земли славянскихъ и финскихъ племенъ и вступая съ ними въ сношенія, норманны видѣли разрозненность этихъ племенъ и подчиняли ихъ своей власти.

Дѣленіе русской исторіи на періоды. Русская исторія раздѣляется на 2 періода: древній—до-петровскій и новый—послѣ реформъ Петра Великаго; въ древнемъ періодѣ 3 отдѣла: 1-й—отъ призванія норманскихъ князей до татарскаго разоренія—Русь удѣльно-вѣчевая; 2-й—отъ татарскаго разоренія до уничтоженія татарскаго ига—Русь подъ владычествомъ татаръ и 3-й—отъ Іоанна III до Петра Великаго—Русь московская.

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ.

Лѣтописные разсказы о началѣ русскаго государства и дѣятельности первыхъ князей.

Призваніе князей. О началѣ русскаго государства лѣтопись разсказываетъ слѣдующее: разрозненныя и враждовавшія между собою племена русскихъ славянъ не могли противостоять воинственнымъ и сильнымъ сосѣдямъ и были принуждены платить имъ дань; такъ въ половинѣ IX в. славяне ильменскіе, кривичи и финскія племена—чудь, меря и весь—платили дань варягамъ (варягами славяне называли норманновъ, жителей Скандинавіи), поляне же, сѣверяне и вятичи платили дань хозарамъ. Вскорѣ затѣмъ сѣверныя славянскія и финскія племена прогнали варяговъ и стали управляться по стариннымъ родовымъ обычаямъ; но среди нихъ начались прежнія племенныя и родовыя усобицы и тогда эти племена, собравшись на вѣче, порѣшили по предложенію новгородскаго старѣйшины Гостомысла послать пословъ къ варягамъ за море, чтобы просить варяжскихъ князей прійти управлять ими. Союзныя племена сознавали, что варяги, всѣмъ имъ одинаково чуждые, будутъ управлять и судить безпристрастно. Славянскіе послы отправились къ варягамъ за море и сказали: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами". Три варяжскихъ князя, братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ приняли предложеніе пословъ и пришли въ славянскую землю; такъ какъ эти князья были изъ варяжскаго племени Русь, то отъ нихъ и земля наша стала называться Русью. Съ князьями пришла разноплеменная дружина, въ которой преобладали норманны. Съ этого призванія варяжскихъ князей (862 г.) и начинается исторія русскаго государства, такъ какъ эти князья и ихъ потомки постепенно соединили подъ своею властью разрозненныя племена русскихъ славянъ.

Русская наука до сихъ поръ еще не рѣшила окончательно вопроса о происхожденіи варяговъ, несмотря на то, что надъ разрѣшеніемъ этого вопроса русскіе ученые трудятся уже болѣе 100 лѣтъ. Главныхъ мнѣній по этому вопросу три: одни защищаютъ происхожденіе варяговъ изъ Скандинавіи, другіе ведутъ ихъ съ *поморія славянскаго*, третьи *видятъ въ нихъ дружину, состоявшую изъ разноплеменнаго* сброда съ преобладаніемъ норманновъ, во главѣ которой стоялъ норманскій конунгъ. „Разноплеменная дружина, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, не внесла какого-либо племеннаго начала, а внесла только связь между разрознен-

ными племенами, связь, состоящую въ единствѣ власти, представляемой князьями, имѣющими право суда и сбора дани и передающими по произволу часть этихъ правъ своимъ дружинникамъ, лицамъ чуждымъ мѣстнаго населенія и тяготѣющимъ къ предводителю дружины—князю".

Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ и Труворъ въ Изборскѣ. По смерти братьевъ, Рюрикъ роздалъ города въ управленіе знатнѣйшимъ дружинникамъ для суда и сбора дани у подвластныхъ племенъ. Аскольдъ и Диръ, дружинники Рюрика, не получившіе городовъ, пошли въ Царьградъ (Константинополь), но по дорогѣ заняли Кіевъ, освободивъ полянъ отъ дани хозарамъ. Отсюда они предпринимали неудачный походъ на Царьградъ, послѣ котораго приняли христіанство отъ присланныхъ къ нимъ греческихъ проповѣдниковъ (865 г.). Объ этомъ походѣ русскихъ на Царьградъ мы находимъ извѣстіе въ византійскихъ хроникахъ, которыя съ этого времени начинають уже часто говорить о русской землѣ.

Послѣ смерти Рюрика его родственникъ **Олегъ** правилъ русской землей (879—912 г.) за малолѣтствомъ Игоря, сына Рюрика. Спустившись по великому водному пути, Олегъ овладѣлъ городами Смоленскомъ и Любечемъ, взялъ обманомъ Кіевъ и, убивъ Аскольда и Дира, сдѣлалъ Кіевъ своей столицей и назвалъ его матерью городовъ русскихъ (882 г.). Затѣмъ Олегъ подчинилъ себѣ древлянъ, сѣверянъ, радимичей, воевалъ съ угличами и тиверцами, опредѣлилъ размѣръ дани съ разныхъ племенъ и построилъ нѣсколько городовъ для защиты границъ русской земли отъ кочевниковъ. Кромѣ этого Олегъ предпринималъ на Царьградъ удачный походъ, разукрашенный въ лѣтописи баснословными подробностями, и заключилъ съ греками выгодный для русскихъ торговый договоръ. Въ народныхъ преданіяхъ Олегъ за свои подвиги получилъ прозвище „вѣщаго", т.-е. мудраго, хитраго. О смерти Олега преданіе говоритъ, что онъ, согласно предсказанію кудесника, погибъ отъ своего коня.

Игорь (912—945 г.), сынъ Рюрика, усмирилъ возмутившихся древлянъ, покорилъ угличей и совершилъ два похода на Царьградъ; въ первомъ походѣ суда русскихъ были сожжены греческимъ огнемъ, а при второмъ походѣ греки предложили Игорю миръ, который сопровождался заключеніемъ новаго торговаго договора, менѣе выгоднаго, чѣмъ при Олегѣ. Когда договоръ этотъ утверждался въ Кіевѣ, то часть дружины Игоря клялась именемъ христіанскаго Бога въ соборномъ храмѣ Иліи; слѣдовательно, христіанство, начавшееся въ Кіевѣ при Аскольдѣ и Дирѣ, уже имѣло столько по-

слѣдователей, что у нихъ былъ свой храмъ. При Игорѣ кочевники печенѣги заняли приднѣпровскія степи и стали нападать на русскія земли, предавая ихъ страшному разоренію. Игорь въ послѣдніе годы своего княженія не ходилъ самъ за данью, а посылалъ знатнаго мужа Свѣнельда, почему дружина Игоря обѣднѣла, такъ какъ князь обыкновенно дѣлился данью съ дружиной; уступая просьбамъ дружины, Игорь пошелъ съ нею за данью въ землю древлянъ, но былъ ими убитъ за то, что хотѣлъ взять двойную дань.

Ольга (945—957 г.), жена Игоря, правила землей за малолѣтствомъ сына Святослава, такъ какъ по славянскимъ обычаямъ вдова, мать малолѣтнихъ дѣтей, получала надъ ними полную власть. За смерть мужа Ольга отомстила древлянамъ, слѣдуя языческому обычаю, по которому на ближайшихъ родичахъ убитаго лежала священная обязанность мстить убійцѣ. Объ этой мести мы находимъ у лѣтописца много подробностей, доказывающихъ, что она поразила современниковъ. Самъ лѣтописецъ, забывъ о томъ, что онъ христіанинъ, восхищался поступкомъ Ольги, слѣдовательно, и онъ увлекся существовавшими о ней преданіями. Отомстивъ древлянамъ, Ольга объѣхала свои земли и подробно опредѣлила размѣръ дани и повинностей (уставы и уроки) у подвластныхъ ей племенъ, что̀ вполнѣ понятно, такъ какъ Игорь былъ убитъ древлянами за лишнія требованія дани. Затѣмъ, по словамъ лѣтописца, Ольга поѣхала въ Царьградъ и тамъ приняла крещеніе; воспріемникомъ ея былъ самъ греческій императоръ Константинъ Багрянородный, а крестилъ патріархъ. При этомъ Ольга перехитрила императора, пообѣщавъ сначала выйти за него замужъ, а послѣ крещенія отказавшись на томъ основаніи, что онъ христіанинъ и не знаетъ того, что крестный отецъ не можетъ жениться на своей крестной дочери. Эти баснословныя подробности приводятся лѣтописцемъ въ доказательство хитрости—ума Ольги, которую современники называли „мудрѣйшей изъ женъ“. Императоръ Константинъ также разсказываетъ въ своихъ запискахъ о пребываніи Ольги въ Цареградѣ, о сдѣланномъ ей пріемѣ и угощеніи, но ничего не говоритъ объ ея крещеніи, такъ что надо предположить, что она крестилась въ Кіевѣ, гдѣ уже былъ христіанскій храмъ и священники, а въ Царьградъ ѣздила послѣ крещенія, для поклоненія святынямъ и принятія благословенія отъ патріарха. Очень понятно, что Ольга приняла христіанство, такъ какъ она при своемъ умѣ не могла не видѣть преимущества христіанства надъ бѣдной славянской языческой вѣрой. Святославъ же на совѣты Ольги принять христіанство отвѣчалъ

отказомъ, говоря, что дружина будетъ надъ нимъ смѣяться; христіанская вѣра, предписывавшая смиреніе, любовь къ ближнему, конечно, не могла нравиться суровому и воинственному Святославу. Ольга умерла уже въ княженіе своего сына.

Лѣтописецъ заканчиваетъ свой разсказъ о ней слѣдующими словами: „Ольга была предвѣстницей христіанства на Руси, какъ денница передъ солнцемъ и какъ заря передъ свѣтомъ, и какъ луна сіяетъ ночью, такъ она свѣтилась среди язычниковъ, какъ бисеръ въ грязи, и послѣ смерти молила Бога за русскую землю".

Святославъ (957—972 г.), сынъ Игоря, въ лѣтописномъ изображеніи является идеаломъ языческаго князя дружинника.

„Ходя легко, какъ барсъ, онъ велъ много войнъ. Во время похода не возилъ съ собой возовъ и котловъ, мяса не варилъ, но нарѣзавъ тонкими ломтями конину, звѣриное мясо или говядину, пекъ на угляхъ и ѣлъ; шатра у него не было, но спалъ на конскомъ потникѣ, положивъ сѣдло подъ голову; таковы были и всѣ его воины". Непріятеля заранѣе извѣщалъ: „хочу на васъ идти".

Вся жизнь Святослава прошла на войнѣ. Онъ побѣдилъ вятичей, хозаръ и обитавшихъ на Кавказѣ ясовъ и касоговъ. По приглашенію греческаго императора Никифора Фоки онъ ходилъ на дунайскихъ болгаръ, завладѣлъ ихъ землею и поселился въ городѣ Переяславцѣ на Дунаѣ. Въ его отсутствіе печенѣги подступили къ Кіеву; Святославъ пріѣхалъ изъ Болгаріи и прогналъ печенѣговъ. Вскорѣ послѣ этого умерла Ольга и Святославъ похоронилъ ее по христіанскому обряду, а затѣмъ, раздѣливъ русскую землю на удѣлы между сыновьями Ярополкомъ (Кіевъ), Олегомъ (древлянская земля) и Владиміромъ (Новгородъ), онъ снова уѣхалъ въ Болгарію. „Не нравится мнѣ жить въ Кіевѣ, говорилъ Святославъ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ средина моей земли, туда сходится всякое добро—отъ грековъ золото, шелковыя ткани, вина, различныя овощи, отъ чеховъ и венгровъ—серебро и кони, изъ русской земли—мѣха, воскъ, медъ и рабы". Новый греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій заставилъ однако Святослава послѣ упорной борьбы удалиться изъ Болгаріи.

Византійскій историкъ Левъ Діаконъ, разсказывая о войнѣ Святослава съ греками и свиданіи его съ императоромъ послѣ заключенія мира, описываетъ наружность русскаго князя: „Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, причемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, голубые глаза, густыя брови, мало волосъ на бородѣ и длинные косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ прочіе члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое.

Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ русскихъ".

На обратномъ пути въ Русь Святославъ былъ убитъ печенѣгами у днѣпровскихъ пороговъ. Послѣ смерти Святослава между его сыновьями **Ярополкомъ**, **Олегомъ** и **Владиміромъ** произошли раздоры (972—980 г.). Ярополкъ началъ войну съ Олегомъ и въ этой войнѣ Олегъ погибъ. Владиміръ, узнавъ о гибели Олега, бѣжалъ изъ Новгорода къ варягамъ, а затѣмъ, возвратившись съ варяжскими полками, пошелъ на Ярополка. Въ это время Владиміръ взялъ городъ Полоцкъ, убилъ полоцкаго князя Рогвольда (который правилъ Полоцкомъ независимо отъ князей Рюриковичей и о происхожденіи котораго нѣтъ никакихъ свѣдѣній) и насильно женился на его дочери Рогнѣдѣ, которая хотѣла выйти замужъ за Ярополка. Благодаря измѣнѣ главнаго боярина Ярополка, Владиміръ взялъ Кіевъ и убилъ брата. Эта побѣда Владиміра надъ братомъ объясняется борьбой языческой и христіанской партій въ Кіевѣ: Ярополкъ, старшій внукъ христіанки Ольги, вслѣдствіе ея внушеній сочувствовалъ христіанству; Владиміръ воспользовался нерасположеніемъ къ Ярополку языческой партіи, болѣе сильной и могущественной, при ея помощи побѣдилъ брата и въ угоду ей торжествовалъ свою побѣду прославленіемъ языческихъ боговъ, ставя имъ идолы и принося обильныя жертвы, даже человѣческія, какъ бы въ благодарность за помощь. Такимъ образомъ вся русская земля снова соединилась подъ властію одного князя.

Владиміръ Святой (980—1015 г.). Самымъ важнымъ дѣломъ его княженія было утвержденіе на Руси христіанства. Въ первые годы княженія онъ старался подчинить своей власти новыя племена: завоевалъ червонную Русь или Галицію, побѣдилъ ятвяговъ, воевалъ съ камскими болгарами. Будучи ревностнымъ язычникомъ, онъ имѣлъ много женъ и отличался жестокостью въ своихъ поступкахъ. Однажды послѣ удачнаго похода на ятвяговъ Владиміръ рѣшилъ принести Перуну человѣческую жертву и жребій палъ на сына одного варяга христіанина. Варягъ не далъ своего сына и сказалъ передъ всѣмъ народомъ, что „ихъ боги не боги, а дерево, нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева, а Богъ одинъ, которому служатъ греки и кланяются, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка, далъ ему жить на землѣ: а эти боги что̀ сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ... Если они боги, прибавилъ варягъ, то пусть пошлютъ какого-

нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?" Варягъ и его сынъ были немедленно убиты народомъ; но этотъ упорный отказъ варяга дать сына въ жертву, соединенный съ публичнымъ поношеніемъ языческихъ боговъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на народъ и на самого Владиміра: Владиміръ рѣшился оставить бѣдную, несостоятельную языческую вѣру и принять другую. Когда объ этомъ узнали сосѣдніе народы (греки, нѣмцы, камскіе болгары и др.), они прислали къ Владиміру пословъ, съ предложеніемъ принять ихъ вѣру. Владиміръ, послѣ разговора съ послами, посовѣтовался съ дружиной и городскими старѣйшинами и по совѣту ихъ отправилъ пословъ въ разныя страны посмотрѣть богослуженіе у разныхъ народовъ. По возвращеніи пословъ, Владиміръ рѣшилъ принять христіанство, такъ какъ въ пользу его было много доводовъ. Христіанство вполнѣ объясняло язычникамъ темный для нихъ, но самый важный вопросъ о будущей жизни, и Владиміръ, какъ говоритъ лѣтопись, былъ пораженъ картиной страшнаго суда, показанной ему греческимъ философомъ. Христіанское богослуженіе въ Цареградѣ произвело сильное впечатлѣніе на русскихъ пословъ: „и не знали мы, говорили послы Владиміру, были ли мы на небѣ, или на землѣ, но на землѣ нѣтъ такого вида и о красотѣ такой не умѣемъ сказать; только то знаемъ, что Богъ тамъ пребываетъ съ людьми и служба у нихъ лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Мы не можемъ забыть этой красоты, и, какъ всякій человѣкъ, попробовавъ сладкаго, горькаго потомъ не захочетъ, такъ и мы здѣсь не останемся". Эти слова пословъ вполнѣ понятны, такъ какъ въ Цареградѣ знали о цѣли прибытія русскихъ пословъ и потому обѣдню служилъ самъ патріархъ при весьма торжественной обстановкѣ. Ольга, мудрѣйшая изъ женъ, приняла христіанство, „а она бы не приняла его, если бы греческій законъ былъ не добръ", замѣтили послы Владиміру. Наконецъ надо замѣтить, что Владиміръ могъ и раньше знать христіанство и видѣть его превосходство надъ язычествомъ. Владиміръ началъ войну съ греками и, взявъ греческій городъ Корсунь (въ Крыму), сталъ просить греческихъ императоровъ Василія и Константина, чтобы они выдали за него замужъ ихъ сестру Анну, угрожая въ случаѣ отказа идти на Царьградъ. Императоры соглашались отдать за него сестру, если онъ приметъ христіанство, и тогда Владиміръ вмѣстѣ съ дружиной принялъ крещеніе въ Корсуни (988 г.), послѣ чего была его свадьба съ греческой царевной. По возвращеніи съ греческими священниками въ Кіевъ, Владиміръ крестилъ кіевлянъ, кото-

рые охотно принимали христіанство, побуждаемые примѣромъ князя и бояръ; идолы языческихъ боговъ послѣ поруганія были истреблены, чтобы народъ убѣдился въ ихъ ничтожествѣ. Изъ Кіева христіанство сначала распространялось на сѣверъ по великому водному пути, но уже не такъ легко, какъ въ Кіевѣ, такъ что въ Новгородѣ, напр., пришлось употребить силу; также къ востоку отъ Днѣпра по Окѣ и верхней Волгѣ христіанство распространялось довольно медленно, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ на народъ имѣли большое вліяніе волхвы, которые и побуждали его къ открытому сопротивленію.

„Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ лежалъ славянинъ язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти. Всѣ его вѣрованія ограничивались грубымъ обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра. Миѳологія его была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества почти не были установлены у славянъ и первыя условія общественнаго быта. Князь почти не соединенъ былъ съ подданными властью; существовалъ обычай мести; однимъ словомъ, не сложился еще опредѣленный характеръ жизни. Находясь въ первой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго, зрѣлаго новой, возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо въ сравненіи съ этой непобѣдимой духовной силой, что онъ сдался послѣ краткой борьбы. Вѣра христіанская, согласная съ мирнымъ характеромъ русскаго народа, быстро принята была и сдѣлала поворотъ въ умственной и нравственной его жизни. Но не одинъ истинный свѣтъ богопознанія и богопочтенія она внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ; принятая на народномъ языкѣ, безконечно превышающая всѣ современныя ей начала народной жизни, вѣра Христова сдѣлалась главнымъ началомъ, одушевляющимъ всѣ отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливала собой другой, лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ опредѣленію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и отдѣльно взятыя не имѣли уже самостоятельной опоры, но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу. Вмѣстѣ съ вѣрою перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало-по-малу проникать въ составъ государства. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ вѣра Христова подчинила своему вліянію и водительству всякое духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера“. (Аристовъ).

Относительно принятія христіанства надо замѣтить то важное обстоятельство, что наши предки слушали христіанскую проповѣдь и богослуженіе на славянскомъ (болгарскомъ) языкѣ, вполнѣ понятномъ для нихъ, такъ какъ славянскими апостолами, св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, еще въ половинѣ IX в. была составлена славянская азбука и переведены на славянскій языкъ богослужебныя книги. Кромѣ того христіанство пришло къ намъ изъ Византіи, гдѣ духовенство было подчинено свѣтской власти, вотъ почему и наше духовенство не только подчинялось княжеской власти, но даже способствовало ея возвышенію, смотря на князей съ византійской точки зрѣнія, какъ на неограниченныхъ владыкъ; оно давало ей религіозное освященіе въ глазахъ народа, такъ, напр., посаженіе князя на столъ (вступленіе на престолъ) происходило въ главномъ городскомъ храмѣ и сопровождалось благословеніемъ и молитвами духовенства. Такимъ образомъ въ русской исторіи мы не встрѣтимъ борьбы свѣтской власти съ духовною, которая происходила во всѣхъ з. европейскихъ католическихъ государствахъ. Мирное распространеніе христіанства на Руси, за исключеніемъ Новгорода, при поддержкѣ свѣтской власти также не походило на насильственныя мѣры католическаго духовенства въ дѣлѣ проповѣди.

Послѣ принятія христіанства Владиміръ, по словамъ лѣтописи, сдѣлался набожнымъ и ласковымъ и всю свою дѣятельность посвятилъ устройству русской земли и благосостоянію народа. Онъ отражалъ печенѣговъ, которые при немъ часто нападали на русскую землю, усмирялъ разбойниковъ, распространялъ христіанство, строилъ города и церкви; о дѣлахъ онъ совѣтовался съ епископами и велѣлъ священникамъ обучать грамотѣ русскихъ дѣтей; для народа и дружины устраивалъ пиры и раздавалъ бѣднымъ щедрую милостыню. Причисленный церковью къ лику святыхъ, какъ равноапостольный, ласковый князь Владиміръ Красное Солнышко воспѣвается до сихъ поръ въ народныхъ былинахъ.

„Эпоха Владиміра—самая ранняя историческая эпоха, какую помнятъ былины: Кіевъ въ эту эпоху является средоточіемъ всѣхъ русскихъ областей, а самъ Владиміръ центромъ, вокругъ котораго собираются всѣ русскіе богатыри. Въ лѣтописяхъ же богатыри упоминаются отъ конца XI в. и до начала XIII в. Преп. Несторъ, разсказывая о Владимірѣ, весьма пространно говоритъ о пирахъ, которые онъ любилъ устраивать для народа. Подобно лѣтописи и былины постоянно воспѣваютъ пиры Владиміра; многія изъ нихъ и начинаются разсказами о томъ, какъ во стольномъ городѣ, во Кіевѣ, у ласковаго князя, у Владиміра

было пированіе, почестенъ пиръ на многихъ князей, на бояръ, на могучихъ на богатырей. Эти пиры Владиміра, вѣроятно, производили такое глубокое впечатлѣніе на народъ, что заслонили собою въ его памяти всѣ его дѣйствія. Былины не помнятъ ни обращенія его въ христіанство и крещенія имъ русской земли, ни другихъ его подвиговъ, а прославляютъ только его радушіе и гостепріимство, называютъ его ласковымъ княземъ, краснымъ солнышкомъ. Часто онъ даже теряетъ въ нихъ образъ христіанскаго князя и является тѣмъ многоженцемъ, какимъ изображаетъ его лѣтопись до обращенія въ христіанство. Вся дѣятельность Владиміра по былинамъ состоитъ въ томъ, что онъ собираетъ вокругъ себя богатырей, пируетъ съ ними, женитъ ихъ и самъ женится, отправляетъ богатырей на разные подвиги, но самъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ. Частныя, отличительныя черты князя Владиміра уничтожились въ общемъ типѣ князя древняго, удѣльно-вѣчевого періода. Такимъ общимъ типомъ, дѣйствительно, и представляется князь Владиміръ, изображаемый въ былинахъ". (Порфирьевъ).

Послѣ смерти св. Владиміра между его сыновьями, которымъ онъ еще при жизни роздалъ удѣлы, произошли усобицы (1015—1019 г.). Старшій **Святополкъ** погубилъ своихъ братьевъ Бориса, Глѣба и Святослава, но былъ изгнанъ изъ Кіева братомъ Ярославомъ, бѣжалъ и умеръ на пути; въ лѣтописи онъ названъ за братоубійства окаяннымъ. Бориса и Глѣба русская церковь причла къ лику святыхъ и древняя Русь глубоко чтила ихъ, какъ своихъ святыхъ заступниковъ, ставя ихъ въ примѣръ братолюбія во время княжескихъ усобицъ.

Ярославъ Мудрый (1019—1054 г.). По смерти брата Мстислава Тмутораканскаго Ярославъ объединилъ всю русскую землю подъ своею властью, кромѣ полоцкаго княжества, которымъ владѣло потомство Изяслава Владиміровича, сына Рогнѣды. Изъ его военныхъ предпріятій замѣчательны — война съ поляками, у которыхъ онъ отнялъ червонную Русь, занятую ими при Святополкѣ, рѣшительная побѣда надъ печенѣгами, заставившая ихъ прекратить нападенія на русскую землю, и морской походъ на Царьградъ, который окончился неудачею и послѣ котораго другихъ походовъ на Царьградъ уже болѣе не предпринималось. Во внутренней дѣятельности Ярослава видно уже сильное вліяніе христіанства и она рѣзко отличается отъ дѣятельности первыхъ князей, напр., Олега и Святослава. Онъ заселялъ пустынныя мѣста, строилъ новые города (Юрьевъ и Ярославль), распространялъ христіанство среди подвластныхъ племенъ и устраивалъ церковь, распространялъ грамотность, построилъ замѣчательные софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ, наконецъ, издалъ первый сборникъ законовъ

(„Русская Правда“). Его любовь къ книгамъ выражалась въ начитанности его самого и въ заботахъ о перепискѣ и переводахъ новыхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій. Будучи извѣстенъ въ З. Европѣ, онъ былъ въ родствѣ со многими государями Запада. Ярославъ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ князей въ древней Руси и за свою дѣятельность получилъ прозваніе „мудраго“.

Развитіе удѣльно-вѣчевой системы.

Завѣщаніе Ярослава Мудраго дѣтямъ. Ярославъ Мудрый передъ смертью раздѣлилъ русскую землю между своими сыновьями и съ этихъ поръ стала развиваться на Руси удѣльная система. Ярославъ далъ своимъ сыновьямъ завѣщаніе, какъ они должны относиться другъ къ другу, и это завѣщаніе послужило основаніемъ для взаимныхъ отношеній князей въ удѣльный періодъ. „Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами. Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ. Если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ-Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу: слушайтесь его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня“. Раздавъ остальныя волости другимъ сыновьямъ (Святославу — земли черниговo-сѣверскую и муромо-рязанскую, Всеволоду — переяславскую, Игорю — владиміро-волынскую, Вячеславу — смоленскую; новгородскую же вмѣстѣ съ Кіевомъ получилъ Изяславъ), Ярославъ завѣщалъ имъ не отнимать другъ у друга владѣній и, обратясь къ старшему сыну Изяславу, прибавилъ: „если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному“.

Основанія удѣльной системы и причины княжескихъ усобицъ. Славянскія племена до призванія князей жили родовымъ бытомъ и этими родовыми понятіями руководствовались князья во время удѣльнаго періода. Всѣ князья принадлежали къ одному роду Рюрика и сообща владѣли всей русской землей, какъ собственностью ихъ рода. Каждый князь при этомъ считалъ себя вправѣ получить отдѣльную волость-удѣлъ съ правомъ суда въ ней и полученія дани, а старшій князь въ родѣ назывался великимъ, былъ „въ

отца мѣсто“ удѣльнымъ князьямъ и владѣлъ стольнымъ городомъ Кіевомъ. (Одно только полоцкое княжество образовало отдѣльную и независимую отъ прочихъ княжествъ область, управляемую потомками св. Владиміра и Рогнѣды). Такъ по завѣщанію Ярослава старшій сынъ его Изяславъ получилъ кіевское княженіе и былъ „въ отца мѣсто“ своимъ младшимъ братьямъ Святославу, Всеволоду, Вячеславу и Игорю, изъ которыхъ каждый получилъ особый удѣлъ. Ни великій князь, ни удѣльные не владѣли постоянно своими удѣлами и не передавали ихъ дѣтямъ. Послѣ смерти великаго князя кіевскій столъ переходилъ къ слѣдующему за нимъ брату, а не къ сыну: такъ Изяславу долженъ былъ бы наслѣдовать Святославъ, потомъ Всеволодъ и т. д.; послѣ смерти всѣхъ братьевъ великимъ княземъ дѣлался старшій племянникъ: такъ послѣ смерти всѣхъ сыновей Ярослава великимъ княземъ былъ старшій изъ его внуковъ Святополкъ II Изяславичъ. Вообще великокняжескій престолъ долженъ былъ наслѣдовать по родовымъ обычаямъ старшій въ княжескомъ родѣ, причемъ другіе князья тоже передвигались по старшинству изъ худшей волости въ лучшую. Сыновья князей, умершихъ ранѣе достиженія ими великаго княженія, не имѣли права на старшинство и даже иногда не получали вовсе удѣловъ, и такихъ князей называли изгоями; первымъ княземъ изгоемъ былъ Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава. Надо замѣтить, однако, что такой порядокъ престолонаслѣдія не всегда соблюдался: очень часто великокняжескій престолъ доставался не старшему въ родѣ, а сильнѣйшему,—сильные князья сами назначали себѣ преемниковъ на великомъ княженіи,—иногда горожане приглашали къ себѣ князей помимо старшинства; такъ было и въ другихъ городахъ, какъ въ Кіевѣ. Понятно, что удѣльный періодъ ознаменованъ постоянными междоусобіями князей, причинами которыхъ были борьба за старшинство, неопредѣленность отношеній удѣльныхъ князей къ великому и стремленіе князей изгоевъ получить себѣ какую-либо волость.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава Мудраго. Послѣ Ярослава великимъ княземъ сдѣлался **Изяславъ Ярославичъ** (1054—1078 г.), въ княженіе котораго и начался рядъ междоусобныхъ войнъ. Первыя смуты началъ изгой Ростиславъ Владиміровичъ, отецъ котораго былъ старшимъ сыномъ Ярослава Мудраго и умеръ еще при жизни Ярослава. Ростиславъ, недовольный своей областью, набралъ дружину и овладѣлъ Тмутораканью, но здѣсь былъ отравленъ греками; у него остались сыновья Володарь и

Василько. Кочевники половцы, появившіеся въ это время въ южныхъ степяхъ, разбили соединенныя силы Ярославичей; кіевляне хотѣли вторично сразиться съ половцами, но Изяславъ этому воспротивился; тогда кіевляне изгнали Изяслава изъ Кіева. При помощи польскаго короля Изяславъ опять занялъ Кіевъ, но вскорѣ поссорился съ братьями, былъ изгнанъ ими изъ Кіева и бѣжалъ въ З. Европу, а Святославъ занялъ не по праву великокняжескій престолъ; только послѣ смерти Святослава Изяславъ снова возвратился въ Кіевъ. Изяславъ погибъ въ борьбѣ съ Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ, которые въ союзѣ съ половцами возстали противъ него и Всеволода, такъ какъ дяди не хотѣли давать племянникамъ волостей. Изяславу наслѣдовалъ въ Кіевѣ слабый **Всеволодъ Ярославичъ** (1078—1093 г.), княженіе котораго было очень безпокойно, такъ какъ младшіе князья вели споры за удѣлы, а половцы нападали на русскую землю; только при помощи своего знаменитаго сына Владиміра Мономаха Всеволодъ могъ удержаться на престолѣ до самой смерти. О Всеволодѣ мы знаемъ изъ поученія его сына Мономаха, что онъ очень любилъ образованіе и зналъ 5 языковъ; вообще любовь къ образованію была наслѣдственна въ семьѣ Ярослава. Всеволоду наслѣдовалъ по старшинству (Игорь и Вячеславъ Ярославичи умерли еще въ первые годы княженія Изяслава) слабый и нерѣшительный, но властолюбивый **Святополкъ II Изяславичъ** (1093—1113 г.). При немъ Олегъ Святославичъ съ половцами нѣсколько разъ опустошалъ русскую землю, желая возвратить себѣ отцовскій городъ Черниговъ. Для прекращенія междоусобій князья съѣхались на общій совѣтъ въ Любечѣ (1097 г.), гдѣ положили каждому владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ его отецъ: Святополку—Кіевомъ, Мономаху—Переяславлемъ, Святославичамъ Олегу, Давиду и Ярославу—черниговo-сѣверской и муромо-рязанской землями, и князьямъ изгоямъ Давиду Игоревичу и Ростиславичамъ Володарю и Васильку дана была владиміро-волынская земля, раздѣленная на 2 части—волынскую, доставшуюся Давиду, и червонную Русь, которую получили Ростиславичи. „Зачѣмъ губимъ русскую землю", говорили князья на съѣздѣ, „поднимая сами на себя ссору? Станемъ лучше жить единодушно и не дадимъ половцамъ разносить русскую землю", и при этомъ скрѣпили мирный договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Согласіе князей однако продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ съѣзда Давидъ Игоревичъ, недовольный удѣломъ и боявшійся воинственныхъ Ростиславичей, особенно Василька, храбраго и предпріимчиваго, захватилъ послѣд-

нягo съ согласія Святополка и ослѣпилъ его. Произошли новыя усобицы, окончившіяся вторымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ (1100 г.), на которомъ князья наказали Давида, отнявъ у него Владиміръ Волынскій. Такъ какъ половцы, пользуясь непрерывными усобицами князей, неоднократно разоряли русскую землю, то Владиміръ Мономахъ по прекращеніи смутъ убѣдилъ князей соединиться и идти на половцевъ. Было совершено 2 похода и во время второго похода князья, углубившись въ половецкія земли, разбили половцевъ на голову при рѣкѣ Салѣ, впадающей въ Донъ (1111 г.). Полная побѣда надъ половцами, постоянными врагами Руси, въ глубинѣ ихъ степей произвела сильное впечатлѣніе въ русской землѣ, такъ какъ послѣ Святослава Игоревича, о походахъ котораго уже никто не помнилъ, ни одинъ изъ князей не ходилъ такъ далеко на востокъ. Понятно, какую славу пріобрѣлъ главный герой этого похода—Мономахъ, и долго ходило преданіе о томъ, „какъ пилъ онъ Донъ золотымъ шеломомъ, какъ загналъ окаянныхъ агарянъ за желѣзныя ворота".

Послѣ Святополка II великимъ княземъ сдѣлался **Владиміръ Мономахъ** (1113 — 1125 г.), называвшійся такъ въ честь дѣда своего по матери, византійскаго императора Константина Мономаха, драгоцѣнный вѣнецъ и золотыя бармы котораго были присланы Владиміру въ числѣ другихъ даровъ византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. Рѣзко выдѣляясь отъ прочихъ князей современниковъ своими личными качествами и заслугами передъ русской землей, Мономахъ пользовался большимъ расположеніемъ народа, еще будучи удѣльнымъ княземъ. Эта любовь народа выразилась въ томъ, что ему кіевляне предлагали престолъ еще послѣ смерти Всеволода, но онъ отказался, не желая нарушать правъ старшинства Святополка II. Послѣ смерти Святополка Мономахъ тоже хотѣлъ отказаться въ пользу старшаго въ родѣ Олега Святославича, но кіевляне и слышать не хотѣли объ Олегѣ, не разъ приводившемъ половцевъ на русскую землю, а звали къ себѣ Мономаха, угрожая возмущеніемъ въ случаѣ его отказа. Мономахъ долженъ былъ согласиться и сдѣлался великимъ княземъ. Будучи удѣльнымъ княземъ, Мономахъ заботился о примиреніи князей, созывая ихъ на съѣзды, и о безопасности русской земли, устраивая общіе походы на половцевъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ успокоилъ русскую землю, заставивъ удѣльныхъ князей ему повиноваться и наказывая непослушныхъ. Святославичи тоже должны были признавать старшинство Мономаха и по-

виновались ему. Сами половцы не рѣшались нападать при немъ на русскую землю. Мономахъ оставилъ своимъ дѣтямъ поученіе, въ которомъ даетъ имъ совѣты, какъ жить и управлять землей, и въ доказательство исполнимости этихъ совѣтовъ приводитъ свою жизнь; изъ этого поученія видно, что онъ былъ идеаломъ князя христіанина XII в.

Соловьевъ такъ характеризуетъ Мономаха на основаніи его княжеской дѣятельности и поученія дѣтямъ. «Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя, чтобы онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не спорилъ съ братьею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами нарядъ въ семью: и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидѣтельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя церковью. Для сдержанія главнаго зла—усобицъ нужно было, чтобы князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался переступать крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ бѣдствіе отъ того, что людямъ не доходила княжая правда; тіуны и отроки грабили безъ вѣдома князя. Мономахъ не давалъ обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, самъ оправливалъ (давалъ правду, судъ) людей. При грубости тогдашнихъ нравовъ люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, причемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнью: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобы они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе; Мономахъ отличался цѣломудріемъ. Обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого князя, копятъ богатство, сбирая его съ тягостью для народа: Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ князей—съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ, по свидѣтельству современниковъ; никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками, а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ образцомъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго князя Владиміра. «Если поѣдете куда по своимъ землямъ, наказываетъ Мономахъ дѣтямъ, не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобы

васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, добрый или простой человѣкъ или посолъ; не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ». Что дѣтямъ наказывалъ, то самъ дѣлалъ: позвавши гостей, служилъ имъ, и когда они ѣли и пили до сыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Кромѣ усобицъ княжескихъ земля терпѣла отъ постоянныхъ нападеній половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ на сторожѣ русской земли, бился за нее съ погаными, пріобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за русскую землю по преимуществу. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность не могли не возбудить сильнаго сочувствія, особенно, когда эти подвиги совершались на пользу землѣ. Большую часть жизни *провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ;* однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покоя ни ночью, ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною; судилъ людей, ѣздилъ на охоту или такъ куда-нибудь, въ полдень ложился спать и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Дитя своего вѣка, Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на половцахъ, столько же любилъ пробовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ; дикихъ коней въ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью. «Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей», говоритъ онъ самъ. «Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужеское дѣло, ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ; Божье блюденье лучше человѣческаго». Но съ этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою дѣятельности въ Мономахѣ соединился здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу. Изъ родичей Мономаха были и другіе не менѣе храбрые князья, не менѣе дѣятельные, но храбрость и дѣятельность Мономаха всегда совпадали съ пользою для русской земли. Народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его щитомъ и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство».

Лѣтописецъ, говоря о смерти Мономаха, замѣчаетъ: «преставился благовѣрный, христолюбивый и великій князь всея Руси, который, какъ солнце, освѣтилъ русскую землю; слухъ о немъ пронесся по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за русскую землю, и весь народъ и всѣ люди плакали о немъ, какъ дѣти по отцѣ или по матери».

Усобицы въ домѣ Мономаха. Мономахъ и вся его семья пріобрѣли такое расположеніе народа, что послѣ смерти Мономаха стар-

шій его сынъ Мстиславъ занялъ Кіевъ, хотя и не былъ старшимъ въ домѣ Рюрика. **Мстиславъ** правилъ русской землей (1125—1132 г.) подобно своему отцу и держалъ въ повиновеніи удѣльныхъ князей. Дому Мономаха принадлежали въ это время слѣдующія земли: Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Переяславль, Туровъ, Волынь, Ростовъ и Суздаль. Кромѣ того Мстиславъ завладѣлъ еще княжествомъ полоцкимъ и отдалъ его своему сыну Изяславу, а полоцкихъ князей отправилъ въ Грецію въ изгнаніе. Такимъ образомъ домъ Мономаха по своимъ владѣніямъ былъ сильнѣе всѣхъ другихъ Рюриковичей, а также былъ силенъ во время Мстислава и братскимъ единодушіемъ всѣхъ своихъ членовъ. Мстиславу наслѣдовалъ въ Кіевѣ его братъ **Ярополкъ** (1132—1139 г.), при которомъ между Мономаховичами произошли раздоры — племянники захотѣли быть старше дядей и наслѣдовать кіевское княженіе; этими раздорами воспользовались Ольговичи, сыновья Олега Святославича, и начали борьбу съ Мономаховичами за старшинство. Полоцкіе князья также воспользовались этими усобицами и снова заняли полоцкое княжество. Послѣ смерти Ярополка старшій изъ Ольговичей **Всеволодъ**, выгнавъ изъ Кіева Вячеслава Владиміровича, сдѣлался великимъ княземъ (1139—1146 г.). Всеволоду хотѣлъ наслѣдовать братъ его Игорь, но кіевляне, не любившіе Ольговичей и привязанные къ дому Мономаха, призвали къ себѣ **Изяслава II Мстиславича** (1146—1154 г.), а Игоря убили. Изяславъ занялъ Кіевъ помимо старшихъ въ родѣ дядей его Вячеслава и Юрія, но онъ мало думалъ о томъ, на чьей сторонѣ право — „не мѣсто идетъ къ головѣ, говорилъ онъ, но голова къ мѣсту“. Противъ Изяслава вооружился за нарушеніе старшинства дядя его Юрій Долгорукій; произошла упорная борьба за Кіевъ, въ которой принимали участіе другіе русскіе князья, а также венгры и половцы. Два раза изгоняемый изъ Кіева Юріемъ, но не желавшій уступить ему, Изяславъ отдалъ Кіевъ старшему, но неспособному дядѣ Вячеславу Владиміровичу, и подъ его именемъ правилъ Кіевомъ до своей смерти. Послѣ Изяслава II **Юрій Долгорукій** окончательно занялъ Кіевъ и владѣлъ имъ до смерти (1157 г.). Послѣ Юрія Кіевъ опять переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ достался Мстиславу II Изяславичу, но его двоюродный дядя Андрей Юрьевичъ Боголюбскій вооружился противъ него за нарушеніе правъ старшинства. Въ 1169 г. Кіевъ былъ взятъ Андреемъ, разграбленъ и долженъ былъ уступить первенство въ русской землѣ Владиміру на Клязьмѣ.

Распаденіе Руси на отдѣльныя княжества во второй половинѣ XII вѣка. Во второй половинѣ XII в. переходы князей по старшинству изъ одной волости въ другую прекращаются. Русская земля распадается на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ или земель, границы которыхъ отчасти соотвѣтствовали границамъ земель первоначальныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ, но земли эти теперь уже назывались по городамъ, а не по племенамъ. Въ каждой изъ этихъ земель утверждается одна какая либо вѣтвь рюриковичей съ однимъ великимъ княземъ въ главномъ городѣ земли и младшими удѣльными въ младшихъ городахъ и между ними происходятъ тѣ же усобицы за старшинство и за удѣлы, которыя мы видѣли и прежде. Хотя нѣкоторые князья еще спорятъ за Кіевъ, но онъ утрачиваетъ свое значеніе и мѣсто столицы занимаетъ Владиміръ. Остальныя княжества были слѣдующія: ростовско-суздальское, кіевское, черниговское, сѣверское, муромское, рязанское, полоцкое, смоленское, волынское, галицкое и новгородское. Изъ всѣхъ этихъ княжествъ во второй половинѣ XII в. возвышается надъ прочими Ростовско-Суздальское.

Ростовско-Суздальское княжество было расположено по верхнему и среднему теченію Волги съ ея притоками и въ половинѣ IX в. было заселено финскими племенами Весью и Мерею. Въ началѣ XIII в. здѣсь были города: Ростовъ, Суздаль, Владиміръ, Москва, Ярославль, Тверь, Нижній Новгородъ и др. Славянская колонизація этой финской земли, начавшаяся, вѣроятно, задолго до основанія русскаго государства, усиливается послѣ призванія князей. Вообще различаютъ 4 вида славянской колонизаціи: княжеско-военная, монастырская, промышленно-торговая и колонизація новгородскихъ повольниковъ. Когда князю доставалась въ удѣлъ финская земля, то онъ шелъ туда съ дружиною и духовенствомъ, строилъ по рѣкамъ города-крѣпости, созидалъ храмы и заводилъ около городовъ поселенія, въ которыя привлекалъ льготами переселенцевъ изъ южной Руси — вольныхъ, охочихъ людей; такимъ образомъ шла колонизація княжеско-военная, которая наибольшаго развитія въ ростовско-суздальской землѣ достигаетъ при Юріи Долгорукомъ. Изъ этихъ славянскихъ поселеній отшельникъ, искавшій уединенія, уходилъ въ глубину дремучаго лѣса и тамъ, ставя себѣ келью, подвизался; къ нему приходили другіе подвижники и такимъ образомъ возникалъ монастырь. Съ теченіемъ времени нѣкоторые подвижники изъ этого монастыря уходили далѣе въ глубь лѣсовъ и образовывали новые монастыри. Близъ монастырей подъ

ихъ защитой возникали славянскія поселенія, слободы, жители которыхъ занимались земледѣліемъ, промыслами, торговлей; лѣса вырубались, прокладывались дороги и славянскій элементъ проникалъ все далѣе и далѣе въ глубь страны. Такимъ путемъ шла монастырская колонизація. Въ извѣстныхъ мѣстахъ, особенно при сліяніи рѣкъ, куда удобно было свозить товары съ разныхъ сторонъ для обмѣна, устраивались ярмарки и базары, около которыхъ постепенно возникали постоянныя поселенія и затѣмъ города,—колонизація промышленно-торговая. Наконецъ колонизаціи финскихъ земель содѣйствовали и новгородскіе удальцы (повольники), которые уходили изъ Новгорода и заводили свои поселенія въ финской землѣ; эта отрасль колонизаціи особенно процвѣтала на сѣверѣ Руси въ землѣ двинской и далѣе на обширномъ пространствѣ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ. Такъ заселялся финскій край русскими людьми, финны смѣшивались съ русскими и сливались съ ними въ одинъ народъ: образовывалось новое славянское племя—великорусское, не похожее по своему складу и характеру ни на одно изъ славянскихъ племенъ, жившихъ прежде на русской территоріи: ни на полянъ, ни на древлянъ, ни на кривичей, ни на новгородцевъ. Малоплодородная, лѣсистая и болотистая Р.-Суздальская земля требовала не малыхъ трудовъ для обработки и повліяла на характеръ великоруссовъ; предпріимчивые, смѣлые, практическіе и способные къ неустанной дѣятельности, самою бѣдностью природы принужденные къ промышленному труду, они не походили на обитателей юго-западной Руси. Каковы были великоруссы, таковы же были и князья ихъ: суздальскіе и московскіе князья были полные выразители своего племени.

Сильнымъ и самостоятельнымъ Р.-Суздальское княжество сдѣлалось еще при Юріи Долгорукомъ, который однако постоянно стремился къ обладанію Кіевомъ, наконецъ завладѣлъ имъ и тамъ умеръ. Сынъ его **Андрей Боголюбскій**, рожденный и воспитанный на сѣверѣ, былъ первымъ настоящимъ великорусскимъ княземъ; съ нимъ выступаютъ на сцену русской исторіи великоруссы и съ этого времени измѣняется характеръ русской исторіи. Андрей, первый изъ князей, начинаетъ борьбу съ удѣльно-вѣчевой системой и своимъ княженіемъ полагаетъ начало новому порядку вещей. Юрій, занявъ Кіевъ, посадилъ въ Ростовѣ и Суздалѣ своихъ младшихъ сыновей, а старшаго Андрея посадилъ въ Вышгородѣ, близъ Кіева, но Андрей самовольно ушелъ въ Суздальскую землю. Не любилъ властолюбивый Андрей Кіева: въ немъ было сильное вѣче, изъ-за него про-

исходили постоянныя княжескія усобицы, половцы часто грабили его окрестности; предпочиталъ онъ Кіеву сѣверъ, гдѣ было болѣе простора для его княжеской власти, гдѣ онъ выросъ, гдѣ не надо было опасаться княжескихъ междоусобій и половецкихъ набѣговъ. Уходя съ юга, Андрей взялъ съ собою чудотворную икону Пр. Богородицы, которая, по преданію, была написана св. евангелистомъ Лукой и привезена изъ Византіи. Преданіе говоритъ, что на пути близъ Владиміра Андрею было видѣніе: явилась ему во снѣ Богородица и велѣла поставить икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ видѣнія заложить монастырь и каменную церковь во имя Рождества Богородицы. Андрей построилъ здѣсь монастырь, каменную церковь, положилъ начало и селу Боголюбову, которое сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ. Своей столицей онъ выбралъ пригородъ Владиміръ на Клязьмѣ, остался въ немъ жить и по смерти отца, а не поѣхалъ ни въ Ростовъ, ни въ Суздаль, хотя жители этихъ городовъ признали его своимъ княземъ, несмотря на распоряженіе Юрія, отдавшаго эти города своимъ младшимъ сыновьямъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны типическія черты князя самовластца, не похожаго на южныхъ князей; такъ изъ суздальской земли онъ изгналъ своихъ братьевъ и племянниковъ, изгналъ старыхъ отцовскихъ бояръ и правилъ самовластно; кромѣ того онъ захотѣлъ, чтобы и всѣ другіе князья русскіе безусловно повиновались ему и смотрѣли на него, какъ на государя. Не желая, чтобы его двоюродный племянникъ Мстиславъ Изяславичъ владѣлъ Кіевомъ, Андрей послалъ противъ него войско, съ которымъ соединились многіе южные князья, недовольные Мстиславомъ. Кіевъ былъ взятъ соединенными войсками 11 князей и разграбленъ; Андрей отдалъ его своему брату Глѣбу, а самъ, принявъ титулъ великаго князя, остался жить во Владимірѣ, который съ этого времени сталъ возвышаться и сдѣлался главнымъ городомъ сѣв.-восточной Руси (1169 г.). Унизивъ Кіевъ, Андрей хотѣлъ подчинить себѣ В. Новгородъ и уничтожить его самостоятельность. Сильное войско, подъ начальствомъ сына Андрея, разоривъ новгородскую землю, осадило Новгородъ, но должно было съ полной неудачей возвратиться назадъ (по сказанію, сама Пр. Богородица спасла Новгородъ). Вскорѣ, однако, новгородцы должны были подчиниться Андрею и принять отъ него князя, такъ какъ Андрей хотѣлъ прекратить подвозъ хлѣба, который привозили въ Новгородъ по Волгѣ черезъ суздальскую землю. По смерти Глѣба Андрей отдалъ Кіевъ смоленскимъ князьямъ, сыновьямъ Ростислава Мстиславича, во всемъ ему послушнымъ.

Когда же Ростиславичи не исполнили его требованія, то Андрей обратился къ нимъ съ такими приказаніями, какихъ еще не слышали на Руси младшіе князья отъ великаго: „не ходите въ моей волѣ, такъ ступайте вонъ изъ Кіева. Ты же, Мстиславъ (Храбрый), всему главный зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ русской землѣ". Ростиславичи изъ Кіева не вышли, отвѣтивъ Андрею: „мы признали тебя старшимъ, а ты сталъ обходиться съ нами не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками, такъ Богъ насъ разсудитъ". Огромное войско 20 союзныхъ князей было послано Андреемъ на югъ; простоявъ безуспѣшно подъ Вышгородомъ, гдѣ заперся Мстиславъ, войско Андрея обратилось въ бѣгство и затѣмъ было окончательно разбито Мстиславомъ, котораго за эту побѣду прозвали Храбрымъ. Такъ не удалась Андрею его попытка подчинить себѣ всѣхъ русскихъ князей, обратить ихъ въ подручниковъ. Кромѣ указанныхъ выше войнъ, Андрей предпринималъ удачный походъ на камскихъ болгаръ, нападавшихъ на суздальскую землю; эта война съ магометанами считалась въ народѣ дѣломъ богоугоднымъ. Въ своей суздальской землѣ Андрей пользовался большимъ расположеніемъ народа. Незначительный до тѣхъ поръ Владиміръ сталъ быстро населяться; Андрей построилъ въ немъ замѣчательный каменный храмъ Успенія Богородицы, въ которомъ была поставлена и чудотворная икона, украшенная золотомъ и драгоцѣнными камнями; эта икона сильно возвысила въ глазахъ народа и Владиміръ и самого Андрея и привлекала многихъ богомольцевъ. Андрей построилъ много другихъ церквей и монастырей и щедро надѣлилъ ихъ имуществомъ, украсилъ Владиміръ Золотыми воротами, на подобіе кіевскихъ, съ церковью надъ ними, былъ очень набоженъ и милостивъ къ бѣднымъ, уважалъ духовенство. Духовенство любило и уважало Андрея и этимъ способствовало возвышенію его власти, равно какъ и народъ любилъ своего благочестиваго князя. Чтобы возвысить Владиміръ, Андрей хлопоталъ о возведеніи жившаго въ немъ епископа въ санъ митрополита, но патріархъ константинопольскій на это не согласился. Со своими боярами и приближенными людьми Андрей обращался очень гордо и сурово и въ этомъ отношеніи тоже былъ не похожъ на южныхъ князей, которые совѣтовались обо всемъ съ боярами. Нѣсколько бояръ, недовольныхъ строгостью Андрея, составили заговоръ и убили Андрея въ селѣ Боголюбовѣ (1174 г.).

Послѣ смерти Андрея въ р.-суздальской землѣ произошли усобицы; ростовцы, недовольные возвышеніемъ Владиміра, и бояре,

недовольные самовластіемъ Андрея, призвали къ себѣ племянниковъ его Ростиславичей помимо законныхъ преемниковъ, братьевъ его Михаила и Всеволода, надѣясь, что Ростиславичи будутъ править по старинѣ и жить въ Ростовѣ. Тогда владимірцы призвали къ себѣ братьевъ Андрея. Произошла междоусобная война дядей съ племянниками, окончившаяся побѣдой дядей; сначала **Михаилъ**, а послѣ его смерти **Всеволодъ III Большое гнѣздо** (прозванный такъ за многочисленное семейство) сдѣлался великимъ княземъ и жилъ во Владимірѣ (1176—1212 г.). Всеволодъ III былъ достойный преемникъ Андрея, истый князь сѣверовосточной Руси.

«Онъ былъ очень остороженъ, не охотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, до рѣшительныхъ битвъ, которыми можно было вдругъ выиграть, но можно вдругъ и потерять, уступчивъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ видѣлъ успѣхъ невѣрный, но постояненъ въ стремленіяхъ къ достиженію цѣли, а цѣль эта какъ у него, такъ и у потомковъ его—пріобрѣсть какъ можно больше владѣній, усилить себя на счетъ всѣхъ другихъ князей, подчинить ихъ себѣ». (Соловьевъ).

Въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ онъ держался такой политики, что ссорилъ ихъ между собою, ослаблялъ и, пользуясь своею силою, подчинялъ ихъ своей власти; такъ онъ имѣлъ вліяніе на Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ, Рязань и Галичъ. „Великій князь Всеволодъ!“ говоритъ про него пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, „ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вылить шлемами“. *Не задолго до смерти Всеволодъ потерпѣлъ, впрочемъ, неудачу* въ Новгородѣ, такъ какъ на защиту послѣдняго явился Мстиславъ Удалой, князь торопецкій, сынъ Мстислава Храбраго, образецъ южнорусскаго князя и, слѣдовательно, прямо противоположный по характеру Всеволоду III.

«Мстиславъ Удалой не думалъ объ усиленіи себя и своихъ дѣтей на счетъ другихъ князей, не думалъ объ умноженіи своихъ волостей, но заботился только о томъ, какъ бы прославить себя воинскими подвигами; любилъ рѣшать споры битвами, въ которыхъ видѣлъ судъ Божій. Съ дружиною своею, славною также храбростью, онъ переѣзжалъ изъ одного конца русскихъ владѣній въ другой, являлся всюду, гдѣ только нужно было защитить слабаго отъ сильнаго и поддержать старину». (Соловьевъ).

Послѣ смерти Всеволода III въ его семьѣ произошли усобицы; старшій его сынъ **Константинъ** хотѣлъ отнять великое княженіе у брата своего Юрія, которому отдалъ в. княженіе Всеволодъ. Ярославъ, третій ихъ братъ, держалъ сторону Юрія и въ то же время ссорился съ новгородцами, которые позвали Ярослава княжить въ Новгородъ, но были недовольны имъ за стѣсненіе новгородскихъ вольностей. На защиту Новгорода явился Мстиславъ

Удалой и заключилъ союзъ съ Константиномъ. Въ Липицкой битвѣ (1216 г.) Константинъ и Мстиславъ побѣдили и Константинъ занялъ велико-княжескій престолъ; послѣ его смерти (1219 г.) **Юрій II** снова сдѣлался великимъ княземъ. Суздальскіе князья Андрей и Всеволодъ III старались распространить русскія владѣнія на сѣверо-востокѣ, по теченію Волги и съ этою цѣлью предпринимали удачные походы на своихъ сосѣдей мордву и камскихъ болгаръ. Юрій II также велъ удачную войну съ мордвой и камскими болгарами и при впаденіи Оки въ Волгу построилъ крѣпость Нижній-Новгородъ.

Кіевское княжество. Выгодное географическое положеніе этого княжества на Днѣпрѣ, по которому шелъ великій водный путь, соединявшій Кіевъ съ сѣверозападной и юговосточной Европой, близость Греціи, хорошій климатъ, плодородная почва сдѣлали эту область первой сценой русской исторіи; но пограничность этой области со степными кочевниками придала ей характеръ пограничнаго военнаго населенія, и поэтому кіевская область не могла сдѣлаться центромъ объединенія всей русской земли. Послѣ разоренія при Андреѣ Боголюбскомъ Кіевъ потерялъ свое прежнее значеніе; въ 1240 г. онъ былъ окончательно разоренъ татарами и затѣмъ отошелъ подъ власть Литвы.

Княжества Черниговское и Сѣверское. Они были расположены по Деснѣ, Сейму и верховьямъ Оки, гдѣ жили прежде сѣверяне, вятичи и радимичи; въ Черниговскомъ княжествѣ были города — Черниговъ, Стародубъ, Любечъ, а въ Сѣверскомъ—Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Курскъ, Брянскъ, Трубчевскъ. Эти княжества принадлежали Ольговичамъ, потомкамъ Святослава Ярославича. Ольговичи черниговскіе боролись за Кіевъ съ Мономаховичами („мы ни угры, ни ляхи, а одного дѣда внуки“, говорили они въ доказательство своихъ правъ на Кіевъ), а Ольговичи сѣверскіе вели постоянную борьбу съ половцами. Походъ двухъ сѣверскихъ князей **Игоря Святославича** и брата его **Всеволода** на половцевъ (1185 г.) воспѣтъ неизвѣстнымъ пѣвцомъ въ знаменитомъ Словѣ о полку Игоревѣ.

Половцы появились въ южныхъ приднѣпровскихъ степяхъ около половины XI в. Они дѣлились на отдѣльныя орды, состоявшія изъ родовъ и управляемыя ханами, власть которыхъ была наслѣдственна. Съ огромными стадами рогатаго скота, овецъ и лошадей они кочевали въ южныхъ степяхъ, раскидывая въ мѣстахъ стоянки круглыя войлочныя кибитки. Занятіемъ ихъ была война, такъ что всѣ домашнія работы исполняли у нихъ женщины и рабы. Будучи язычниками, они не отличались однако особенною ревностію къ своей вѣрѣ, почему половецкія княжны, выходя замужъ за русскихъ князей, принимали христіанство, да и сами ханы иногда крестились. Отъ ихъ набѣговъ много страдала русская земля, такъ

какъ половцы, нападая на русскія княжества, особенно пограничныя съ ними— кіевское и черниго-сѣверское, разоряли и жгли города и уводили въ плѣнъ жителей. Лѣтопись яркими красками описываетъ бѣдствія Руси при половецкихъ набѣгахъ: „опустѣли села наши и города наши, и уходили мы отъ враговъ нашихъ. Половцы пожгли села, гумна и храмы, все обратилось въ пустыню и заросшія нивы сдѣлались жилищемъ звѣрей. Народъ терпѣлъ страшныя бѣдствія. Однихъ уводили въ плѣнъ, другихъ убивали, мучили, вязали, держали на холодѣ, многіе перемерли отъ голода и жажды. Печальные, измученные, цѣпенѣя отъ холода, съ осунувшимися лицами отъ горя, жажды и голода, босые и нагіе, исколотые терновникомъ, шли русскіе плѣнники по невѣдомой странѣ и со слезами разсказывали другъ другу: я изъ такого города, а я изъ такой веси". Простыхъ плѣнниковъ половцы продавали евреямъ, которые перепродавали ихъ въ мусульманскія страны средней Азіи, а болѣе знатныхъ держали въ плѣну въ ожиданіи выкупа за нихъ. Русскіе князья въ своихъ походахъ на половцевъ старались отбить плѣнниковъ, но такіе удачные походы князей были рѣдки, такъ какъ князья въ это время вели постоянныя междоусобныя войны, вмѣсто того, чтобы соединенными силами отражать враговъ. Бывали даже случаи, когда одинъ князь соединялся съ половцами и вмѣстѣ съ ними разорялъ землю другого. Чтобы обезопасить свои земли отъ набѣговъ половцевъ, князья заключали съ ними договоры, скрѣпляя ихъ брачными союзами съ княжнами половецкими, но и это не удерживало половцевъ, и наши лѣтописцы называютъ ихъ не иначе, какъ погаными. Половцы одерживали побѣды надъ русскими только благодаря междоусобію князей, но когда князья дѣйствовали противъ нихъ сообща, то не только отражали половцевъ, но даже заходили въ ихъ землю и наносили имъ тамъ пораженіе, какъ это было, напр., при Владимірѣ Мономахѣ.

Княжества Муромское и Рязанское. Они были расположены по среднему теченію Оки и по верховьямъ Дона, гдѣ жили прежде финскія племена—мурома и мещера; славянская колонизація распространялась въ этомъ краѣ вмѣстѣ съ князьями и христіанствомъ. Здѣсь были города: Муромъ, Рязань, Переяславль-Рязанскій, Коломна, Пронскъ. По завѣщанію Ярослава Мудраго муромо-рязанская земля вмѣстѣ съ черниго-сѣверскою досталась его сыну Святославу. Младшій изъ сыновей Святослава **Ярославъ**, изгнанный изъ Чернигова племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ, ушелъ въ Муромъ и положилъ начало самостоятельному муромо-рязанскому княжеству, которое послѣ его смерти распалось на два княжества— муромское и рязанское. Муромскіе и рязанскіе князья были въ зависимости отъ суздальскихъ князей со времени Андрея Боголюбскаго.

Полоцкое княжество, земля кривичей, было расположено по Западной Двинѣ, Березинѣ и верховьямъ Нѣмана; въ этомъ княжествѣ были города: Полоцкъ, Минскъ, Витебскъ, Друцкъ. Полоцкіе князья жили отдѣльно отъ другихъ рюриковичей и почти не

принимали участія въ событіяхъ удѣльновѣчевой Руси. Вслѣдствіе раздробленія этого княжества на мелкіе удѣлы и розни полоцкихъ князей ливонскіе рыцари успѣли утвердиться на берегахъ З. Двины. Сосѣдство съ Литвой, занимавшей область Нѣмана, вовлекало полоцкихъ князей въ постоянную борьбу съ литовцами, которая окончилась подчиненіемъ Полоцка Литвѣ.

Смоленское княжество, земля кривичей, было расположено по верховьямъ Днѣпра, Волги и Западной Двины; въ смоленскомъ княжествѣ были города: Смоленскъ, Торопецъ, Можайскъ, Вязьма. Положеніе этого княжества было очень выгодное; въ немъ находится Оковскій лѣсъ, изъ котораго, по свидѣтельству лѣтописи, потекли рѣки Западная Двина, Днѣпръ и Волга, такъ что смоленскіе князья „держали ключъ къ областямъ этихъ рѣкъ“; неплодородная почва и близость рѣкъ, единственныхъ въ то время путей сообщенія, сдѣлали Смоленскъ важнымъ торговымъ городомъ. Въ смоленскомъ княжествѣ утвердился домъ Ростислава Мстиславича, внука Мономаха.

Волынское княжество, земля древлянъ и бужанъ, лежало по рѣкамъ Припети и Бугу; его города — Владиміръ-Волынскій, Луцкъ, Туровъ, Берестье и Люблинъ. Около половины XII в. Волынь досталась Изяславу II Мстиславичу, домъ котораго и утвердился въ ней. Внукъ Изяслава II **Романъ Мстиславичъ** (1172—1205 г.) присоединилъ къ Волыни еще княжество галицкое.

Галицкое княжество или Червонная Русь, земля бѣлохорватовъ, было расположено по верхнему теченію Днѣстра и Прута и присоединено къ Руси только при св. Владимірѣ; послѣ смерти Ярослава Мудраго оно составляло часть владиміро-волынскаго удѣла, доставшагося Игорю. На любецкомъ съѣздѣ князей Галиція была отдѣлена отъ Волыни и отдана Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Въ Галиціи были города—Галичъ, Перемышль, Теребовль, Звенигородъ. Основателемъ Галича былъ **Владимірко**, сынъ Володаря, объединившій въ половинѣ XII в. подъ своею властію всю Червонную Русь. Владимірко былъ хитрый, коварный князь и характеристикой его служатъ слова, сказанныя имъ въ отвѣтъ на упреки въ нарушеніи крестнаго цѣлованія: „что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ“. Его дѣятельность была направлена къ тому, чтобы мѣшать усиленію волынскихъ князей, и поэтому онъ былъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ Изяславомъ II. Владимірку наслѣдовалъ въ Галиціи его сынъ **Ярославъ Осмомыслъ** (1152—1187 г.), который много заботился о благосо-

стояніи своей земли, населялъ ее колонистами, призванными изъ З. Европы, и привелъ въ цвѣтущее состояніе. Галицкіе князья, какъ потомки Ростислава — изгоя, были лишены возможности, по тогдашнимъ понятіямъ, когда-либо получить старшинство въ Кіевѣ, потому они довольствовались Галиціей, которая переходила въ потомствѣ Ростислава отъ одного къ другому, и не принимали участія въ дѣлежѣ другихъ областей русскихъ. Галицкіе князья были очень сильны; воспользовавшись выгоднымъ географическимъ положеніемъ своей области среди трехъ враждебныхъ между собою странъ — Руси, Венгріи и Польши, они сдѣлались между ними посредниками, такъ какъ ни одно событіе между этими странами не могло рѣшиться безъ участія галицкихъ князей.

Пѣвецъ слова о П. И. такъ описываетъ могущество галицкихъ князей: „Высоко сидишь ты (Ярославъ Осмомыслъ) на своемъ златокованномъ престолѣ; ты подперъ Карпатскія горы своими желѣзными полками и загородилъ дорогу королю венгерскому, затворилъ ворота къ Дунаю; ты одинъ судишь и рядишь до самаго Дуная. Какъ гроза разносится твое имя по всѣмъ землямъ и открываетъ входъ въ Кіевъ; съ отцовскаго золотого престола стрѣляешь ты султановъ въ далекихъ земляхъ“.

Власть галицкихъ князей однако была сильно ограничена боярами; эти князья не переходили изъ удѣла въ удѣлъ, а постоянно оставались въ Галиціи, почему и бояре ихъ сдѣлались постоянными землевладѣльцами, разбогатѣли и стали очень сильны, между тѣмъ какъ въ другихъ областяхъ бояре передвигались вмѣстѣ съ князьями и не могли усилиться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ; галицкіе бояре были боярами княжества, въ другихъ областяхъ бояре были только боярами князей. На усиленіе галицкихъ бояръ кромѣ того вліяло сосѣдство сильной польской и венгерской аристократіи.

Послѣ смерти Владиміра, сына Ярослава Осмомысла (около 1200 г.), **Романъ Мстиславичъ** Волынскій занялъ Галичъ и сталъ казнить своевольныхъ бояръ („не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть“ — говаривалъ онъ), но скоро погибъ въ войнѣ съ поляками.

Волынскій лѣтописецъ такъ характеризуетъ Романа: „Сердитый какъ рысь, онъ стремился на невѣрныхъ какъ левъ, губилъ ихъ подобно крокодилу; храбрый какъ туръ, онъ орлинымъ полетомъ пролеталъ земли враговъ, ревновалъ дѣду своему Мономаху и тщился погубить иноплеменниковъ“.

Романъ особенно прославился своими побѣдами надъ половцами и литовцами. Половцы его именемъ стращали дѣтей, а плѣнныхъ литовцевъ онъ запрягалъ въ плуги, говоритъ про него преданіе, и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни. Послѣ смерти

Романа Галичъ переходилъ изъ рукъ въ руки и только въ 1229 г. достался сыну его Даніилу; а въ Волыни княжилъ другой сынъ Романа Василько.

Новгородская земля, главную часть которой составляла земля славянъ ильменскихъ, распространялась въ XIII в. далеко на сѣверо-востокъ и имѣла своими границами Финскій заливъ, Чудское озеро, верховья Волги, Вятки и Камы, Бѣлое море и на востокѣ Уральскія горы и близъ лежащія за ними земли. Центромъ этой земли былъ Великій Новгородъ на р. Волховѣ; пригороды, зависѣвшіе отъ Новгорода и управляемые его посадниками, были Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Руса, Торжокъ, Бѣжичи. Ближайшія къ Новгороду земли дѣлились на пятины: Водская, Обонежская, Бѣжецкая, Деревская и Шелонская. За пятинами шли населенныя финскими племенами волости новгородскія, платившія дань Новгороду и составлявшія его владѣнія: Заволочье, Поморье (Тре), Пермь, Печора, Югра. Въ бытѣ Великаго Новгорода были значительныя особенности сравнительно съ бытомъ другихъ русскихъ княжествъ. По своему положенію на великомъ водномъ пути Новгородъ еще до призванія князей былъ значительнымъ торговымъ городомъ и, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, стоялъ во главѣ союза племенъ, призвавшихъ норманскихъ князей. Подчиненный сначала кіевскому князю, Новгородъ получилъ отъ Ярослава Мудраго въ благодарность за помощь въ борьбѣ его со Святополкомъ льготныя граматы, которыя послужили началомъ новгородской вольности. Пользуясь своей отдаленностью отъ Кіева, за обладаніе которымъ боролись князья удѣльнаго періода, и усобицами князей, Новгородъ постепенно усиливался и около половины XIII в. сдѣлался самостоятельною вѣчевою общиною, принимая къ себѣ князя только по своему желанію и на извѣстныхъ условіяхъ. Политическое устройство Новгорода было слѣдующее: во главѣ управленія новгородскою общиною стояло вѣче; вѣче призывало князя въ Новгородъ, судило его и въ случаѣ неудовольствія на него „указывало ему путь“ изъ Новгорода, избирало посадника, тысяцкаго и архіепископа и судило ихъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, издавало и отмѣняло законы, установляло подати и повинности, избирало всѣхъ властей по новгородскимъ владѣніямъ и въ случаѣ ихъ неправильныхъ дѣйствій принимало на нихъ жалобы и наказывало виновныхъ. Вѣче собиралось по звону вѣчевого колокола на торговой сторонѣ на дворѣ Ярослава или на софійской площади у Софійскаго собора (рѣка Волховъ раздѣляла Новгородъ на двѣ

части: софійскую—гдѣ былъ кремль и Софійскій соборъ, и торговую—гдѣ находились лавки и обширная площадь—дворъ Ярослава). Вѣче созывалось обыкновенно посадникомъ, но могли созывать его также и князь, и бояре, и черные люди; собираться на вѣче имѣли право всѣ свободные граждане—бояре и черные люди. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; если же меньшинство не хотѣло согласиться, то его силою принуждали къ согласію. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамату, къ которой прикладывалась вѣчевая печать съ надписью „печать Великаго Новгорода". Нерѣдко собиралось два враждебныхъ вѣча—одно на софійской сторонѣ, другое на торговой, и враждующіе начинали рукопашную схватку на Волховскомъ мосту, пока подошедшій архіепископъ съ духовенствомъ не успокоивалъ ихъ. Такое неопредѣленное устройство вѣча и бурный его характеръ заставляютъ насъ предполагать, что всѣ важнѣйшія дѣла, прежде чѣмъ шли на рѣшеніе вѣча, предварительно разсматривались небольшимъ числомъ вліятельныхъ и опытныхъ въ дѣлахъ новгородцевъ, въ числѣ которыхъ были старые (т.-е. прежде служившіе) посадники и тысяцкіе. Князь призывался въ Новгородъ для исполненія обязанностей верховнаго судьи и для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, причемъ новгородцы заключали съ нимъ условія (ряды), которыя онъ обязанъ былъ исполнять.

Ряды эти состояли въ слѣдующемъ: во всѣхъ распоряженіяхъ князь долженъ былъ руководствоваться новгородскими обычаями и законами и кромѣ того былъ ограниченъ участіемъ посадника, такъ что даже судъ производилъ въ его присутствіи; князь не могъ лишить должности выборное лицо, не обвинивъ его и не доказавъ по суду вины, по которой онъ его лишаетъ власти; не долженъ былъ отмѣнять прежнихъ граматъ, не могъ пріобрѣтать имѣній въ новгородской землѣ, ни самъ, ни его дружина; правителей по волостямъ князь долженъ былъ назначать изъ природныхъ новгородцевъ; князь не могъ нарушать договоровъ, заключенныхъ Новгородомъ съ нѣмцами, и не долженъ былъ препятствовать торговлѣ.

Не всегда, конечно, соблюдались всѣ эти ряды, и положеніе новгородскаго князя зависѣло отъ большей или меньшей его силы, отъ отсутствія важныхъ соперниковъ и отъ силы партіи, поддерживавшей его въ Новгородѣ. Въ военное время князь получалъ большую силу, какъ защитникъ Новгорода, и съ нимъ на войну, кромѣ его дружины, шли и новгородскіе полки, ему же подчинявшіеся. Главными правительственными лицами въ Новгородѣ были посадникъ и тысяцкій. Посадникъ былъ представителемъ В. Новгорода и посредникомъ между княземъ и народомъ, такъ что князь

безъ него не имѣлъ права ни судить, ни управлять; подъ его руководствомъ происходили вѣчевыя совѣщанія, онъ велъ переговоры съ сосѣдними владѣтелями отъ имени Новгорода, замѣнялъ князя во время его отсутствія въ городѣ и на войнѣ. Сначала посадникъ былъ княжескій намѣстникъ, а съ XII в. сталъ выбираться вѣчемъ изъ вліятельныхъ новгородскихъ бояръ и не могъ быть смѣненъ княземъ безъ вины и суда. Посадникъ избирался на неопредѣленное время, пока былъ угоденъ народу; правительствующій посадникъ назывался степеннымъ, а оставившій должность—старымъ. Посадникъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ получалъ опредѣленные доходы съ разныхъ областей. Тысяцкій завѣдывалъ преимущественно черными людьми—судилъ ихъ; вмѣстѣ съ посадникомъ велъ переговоры съ сосѣдними государями и былъ его помощникомъ при рѣшеніи дѣлъ на вѣчѣ; выбирался онъ изъ боярскихъ фамилій. Тысяцкому подчинялись сотскіе и десятскіе, наблюдавшіе за порядкомъ; были еще старосты концовъ и улицъ, завѣдывавшіе хозяйственною частью, и разныя мелкія должностныя лица, исполнявшія приказанія вѣча и выборныхъ властей.

Во главѣ новгородской церкви стоялъ архіепископъ (владыка), избираемый съ половины XII в. вѣчемъ и посвящаемый русскимъ митрополитомъ. Вѣче, созывавшееся для избранія владыки, собиралось въ оградѣ храма св. Софіи и избирало трехъ кандидатовъ изъ лицъ духовнаго званія, послѣ чего имена этихъ 3 кандидатовъ записывались на бумажкахъ, и бумажки клались на престолъ Софійскаго храма. Слѣпой или ребенокъ бралъ съ престола 2 бумажки, а тотъ кандидатъ, имя котораго было написано на третьей, превозглашался владыкою, какъ человѣкъ, указанный самою св. Софіею. Владыка принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ и прекращалъ своимъ вліяніемъ вѣчевыя распри. Онъ имѣлъ свой судъ, управлялъ принадлежавшими его каѳедрѣ обширными имѣніями, имѣлъ свой собственный штатъ и собственный полкъ. Его совѣта искали князья и посадники; договоры съ другими княжествами и съ иностранными государствами всегда заключались съ его благословенія.

Жители В. Новгорода дѣлились на большихъ людей или бояръ, купцовъ и меньшихъ или черныхъ людей. Бояре, возвысившіеся надъ меньшими людьми своимъ богатствомъ и имѣвшіе большія поземельныя владѣнія, присвоили себѣ исключительное право занимать высшія должности посадника и тысяцкаго; они составляли сильный и вліятельный классъ и держали въ своихъ рукахъ все

управленіе Новгорода. Купцы новгородскіе также были вліятельными людьми при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ и составляли отдѣльный самостоятельный классъ новгородскаго общества. Черные люди были такими же полноправными членами новгородскаго общества, какими были купцы и бояре, и участвовали на вѣчахъ. Кромѣ свободныхъ людей были и несвободные—холопы, не имѣвшіе никакихъ правъ и составлявшіе собственность господина.

Земля новгородской области была мало удобна для обработки, но обиліе водныхъ путей и положеніе Новгорода на великомъ пути изъ Скандинавіи въ Грецію побудили жителей заняться торговлей. Издревле уже новгородцы вели мѣновую торговлю съ хозарами, камскими болгарами, финнами, арабами, норманнами и греками; въ XII в. они стали торговать съ островомъ Готландомъ, а въ XIII в. приняли дѣятельное участіе въ ганзейской торговлѣ. Новгородцы ѣздили по Балтійскому морю въ германскіе города, а нѣмцы пріѣзжали въ Новгородъ и завели здѣсь свои торговыя конторы; по договорамъ, заключеннымъ съ Новгородомъ, нѣмецкіе купцы, жившіе въ немъ, пользовались полнымъ самоуправленіемъ и судились по своимъ законамъ. Нѣмцы привозили въ Новгородъ оружіе, сукна, полотна, вина, сельди, стекло и пр., а новгородцы продавали мѣха, кожи, сало, ленъ, иногда хлѣбъ, греческіе товары, покупаемые въ Кіевѣ, и восточныя произведенія. Мѣха, шкуры, въ небольшомъ количествѣ серебро новгородцы получали въ видѣ дани съ финскихъ племенъ, обитавшихъ на всемъ сѣверовостокѣ Руси и подчинявшихся власти В. Новгорода, которая распространилась здѣсь благодаря ушкуйникамъ или повольникамъ. Молодые сыновья бояръ и купцовъ, недовольные разными стѣсненіями въ Новгородѣ, собирали вокругъ себя дружины смѣлой и буйной новгородской молодежи и пускались на лодкахъ (ушкуяхъ) по Волгѣ и сѣвернымъ рѣкамъ; по пути они разбойничали, грабили, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняли власти Новгорода финскія земли и заводили среди нихъ русскія поселенія; въ землѣ вятской повольники образовали даже самостоятельную общину. Иностранные товары Новгородъ покупалъ не только для своего употребленія, но и для перепродажи ихъ другимъ русскимъ областямъ, куда также постоянно ѣздили новгородскіе купцы. Вслѣдствіе неплодородной почвы новгородской области новгородцы часто нуждались въ хлѣбѣ и въ такомъ случаѣ покупали его въ другихъ русскихъ областяхъ. Хлѣбъ доставлялся въ Новгородъ по Волгѣ изъ приволжскихъ земель и съ юга по Днѣпру. Неурожаи или войны, стѣснявшія доставку

хлѣба въ Новгородъ, бывали причиною страшнаго голода въ этомъ городѣ; случалось, что родители продавали нѣмцамъ въ рабство своихъ дѣтей, чтобы спасти себя и ихъ отъ голодной смерти.

Такова была жизнь В. Новгорода. Вѣчевое правленіе его не имѣло однако опредѣленнаго, правильнаго характера и сопровождалось постоянными волненіями: то черные люди поднимались противъ обижавшихъ ихъ бояръ, то бояре, враждуя между собою, возбуждали къ волненію и черныхъ людей. Вѣча часто были очень бурныя, на нихъ образовывались враждебныя партіи, прибѣгавшія къ физической силѣ для рѣшенія дѣла. Бывали споры между княземъ и посадникомъ. Князья въ Новгородѣ мѣнялись очень часто; иногда вѣче указывало имъ путь, а большею частію сами князья уходили изъ Новгорода при первой возможности занять какую-либо другую русскую область. Опасными врагами новгородской вольности были князья суздальскіе (со времени Андрея Боголюбскаго), которые заставляли Новгородъ принимать къ себѣ князя по ихъ назначенію, угрожая въ противномъ случаѣ прекращеніемъ подвоза хлѣба. Въ новгородскихъ былинахъ о Василіи Буслаевичѣ и Садкѣ-богатомъ гостѣ народъ вспоминаетъ удалыхъ повольниковъ, а также прежнюю торговлю и богатство В. Новгорода.— Пригородъ Новгорода Псковъ, постепенно освобождаясь изъ-подъ власти В. Новгорода, пріобрѣлъ въ половинѣ XIV в. самостоятельное вѣче и право имѣть своего особаго князя; онъ сталъ называться „младшимъ братомъ" В. Новгорода и принялъ участіе въ торговлѣ съ нѣмцами. Географическое положеніе Пскова, дѣлавшее его близкимъ сосѣдомъ литовцевъ и ливонскихъ нѣмцевъ, дало ему значеніе передового бойца за русскую землю на западѣ, постоянно обязаннаго отражать первые удары враговъ.

Прибалтійскій край. Земля, находившаяся между Западной Двиной и Финскимъ заливомъ и населенная финскими и литовскими племенами (чудь, ливь, эсты, лѣтьгола, корсь, зимигола), до половины XII в. входила въ составъ областей, принадлежавшихъ дому Рюрика; финское племя чудь само участвовало, по сказанію лѣтописи, въ призваніи князей, и Ярославъ Мудрый построилъ въ его землѣ городъ Юрьевъ, переименованный потомъ въ Дерптъ. Этимъ краемъ владѣли новгородцы и полоцкіе князья, которые, впрочемъ, только собирали съ туземцевъ дань, но не обращали вниманія на ихъ бытъ и языческую религію, такъ что жители этого края оставались по большей части язычниками и сохраняли свое дѣленіе на племена и свое мѣстное управленіе. Въ половинѣ XII в. былъ

занесенъ бурею бременскій корабль въ устье З. Двины и съ этого времени нѣмецкіе купцы завязали постоянную торговлю съ туземцами. Затѣмъ бременскій архіепископъ прислалъ сюда для христіанской проповѣди монаха Мейнгарда, который съ дозволенія полоцкихъ князей (не понимавшихъ, что съ утвержденіемъ нѣмцевъ они теряютъ берега важнаго Балтійскаго моря) основалъ здѣсь нѣмецкую колонію—укрѣпленный городокъ Динагольмъ и былъ назначенъ первымъ ливонскимъ епископомъ. Когда литовскія и финскія племена стали возставать противъ нѣмецкаго владычества и вѣры, которую нѣмцы съ оружіемъ въ рукахъ насильно имъ навязывали, то епископъ Альбертъ Буксгевденъ съ благословенія папы прибылъ сюда съ нѣмецкимъ крестоноснымъ ополченіемъ, построилъ городъ Ригу (1201 г.) и основалъ духовно-рыцарскій (ливонскій) орденъ—„братьевъ Христова воинства“, названный потомъ „меченосцами“. Несмотря на упорное сопротивленіе, разрозненныя туземныя племена не могли устоять въ неравной борьбѣ съ рыцарями, которые имѣли прекрасное вооруженіе и построили въ ихъ землѣ цѣлый рядъ крѣпкихъ замковъ: туземцы были завоеваны рыцарями и обращены въ крѣпостное состояніе. Полоцкіе князья, новгородцы и псковичи пробовали изгнать нѣмцевъ съ помощью туземныхъ племенъ, завоеванныхъ рыцарями, но не имѣли успѣха, такъ какъ дѣйствовали не единодушно и отвлекались внутренними домашними дѣлами. Въ XIII же вѣкѣ между Финскимъ и Рижскимъ заливами (Эстляндія) утвердились датчане, построившіе здѣсь городъ Ревель, но въ половинѣ XIV в. они уступили Эстляндію ливонскому ордену. Въ началѣ XIII в. польскій князь Конрадъ Мазовецкій, тѣснимый литовскимъ племенемъ—пруссами, призвалъ изъ Палестины для борьбы съ пруссами духовно-рыцарскій орденъ тевтоновъ, который послѣ упорной борьбы побѣдилъ пруссовъ и утвердился въ ихъ землѣ между Нѣманомъ и Вислой. Вскорѣ затѣмъ ливонскіе рыцари, соединившись съ тевтонскими, начали наступательное движеніе на русскія земли и заняли Псковъ, но князь новгородскій Александръ Невскій послѣ блистательной побѣды надъ ними на льду Чудского озера (1242 г.) отнялъ Псковъ и задержалъ дальнѣйшее наступательное движеніе ливонскихъ рыцарей. Послѣ Александра псковской князь Довмонтъ, литовскій выходецъ, продолжалъ защищать Псковъ отъ рыцарей; такъ онъ участвовалъ въ Раковорской битвѣ (при Везенбергѣ), гдѣ ливонскіе рыцари были разбиты соединенными силами семи русскихъ князей (1268 г.). Успѣху ливонскихъ рыцарей мѣшали внутренніе раздоры, такъ

какъ магистръ ордена постоянно враждовалъ съ рижскимъ архіепископомъ.

Внутреннее состояніе удѣльно-вѣчевой Руси.

Князь и вѣче. Въ 862 г. сѣверными славянскими и финскими племенами были призваны норманскіе князья. Поселившись среди разрозненныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ, норманскіе князья положили начало объединенію русской земли. Преемники Рюрика, Олегъ и Игорь пошли по великому водному пути съ сѣвера на югъ и подчинили своей власти племена, жившія на этомъ пути. Дѣятельность первыхъ князей до принятія христіанства заключалась въ установленіи суда и расправы среди подвластныхъ племенъ и въ опредѣленіи размѣра дани и съ этою цѣлью они раздавали нѣкоторые города въ управленіе своимъ дружинникамъ. Для защиты своихъ земель отъ восточныхъ кочевниковъ князья, какъ, напр., Олегъ, строили на границѣ города. Въ то же время первые князья еще сохраняли свой норманскій характеръ и стремились къ завоеваніямъ, какъ это видно изъ походовъ Олега и Игоря на Царьградъ и похода Святослава въ Болгарію. Для сбора дани и производства суда князья со своими дружинниками объѣзжали подвластныя имъ земли (полюдье), обыкновенно зимою съ ноября до апрѣля, и во время этихъ объѣздовъ иногда позволяли себѣ обижать подчиненныя племена, напр. Игорь. Дань бралась естественными произведеніями страны—хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, мѣхами, иногда деньгами. Въ своихъ отношеніяхъ къ подвластнымъ племенамъ первые князья опирались на дружину и для пріобрѣтенія ея расположенія дѣлились съ нею данью, совѣтовались и исполняли ея желанія. Въ заботахъ св. Владиміра и Ярослава Мудраго о русской землѣ уже видно сильное вліяніе христіанства. Въ половинѣ XI вѣка русская земля была раздѣлена на удѣлы между князьями изъ рода Рюрика. Каждый князь въ своемъ удѣлѣ былъ вполнѣ самостоятеленъ отъ великаго и другихъ князей, велъ войну, заключалъ миръ, и только для общихъ предпріятій князья иногда собирались на съѣзды (любецкій, витичевскій и др.). На этихъ съѣздахъ однако князья никогда не занимались разсмотрѣніемъ внутреннихъ дѣлъ княжествъ, а каждый князь правилъ своею волостью вполнѣ независимо отъ другихъ.

На ряду съ княжескою властью мы встрѣчаемъ въ городахъ тѣ же **вѣчевыя сходки,** которыя были у русскихъ славянъ и до при-

званія князей. Вѣче стольныхъ городовъ, богатыхъ и наиболѣе населенныхъ, какъ-то — Кіева, Полоцка, Смоленска, Ростова, пріобрѣло довольно большое значеніе во время междоусобныхъ войнъ князей за волости; съ одной стороны сами князья въ своихъ спорахъ искали поддержки у городского населенія, а съ другой и города имѣли возможность по своему желанію выбирать изъ нѣсколькихъ князей того, который имъ болѣе нравился; но эти вѣчевыя сходки не имѣли, впрочемъ, опредѣленнаго характера и опредѣленныхъ формъ. Бывали случаи, напр., что вѣче изгоняло князя и призывало другого: кіевляне изгнали Изяслава Ярославича и посадили на престолъ Всеслава, — ростовцы и суздальцы призвали Андрея Боголюбскаго, изгнавъ его братьевъ. Если вѣче изгоняло одного князя и призывало другого, то никогда оно не возставало противъ княжеской власти вообще, а, напротивъ того, всегда выбирало князя изъ дома Рюрика. Иногда вѣче принимало князя на извѣстныхъ условіяхъ, т.-е. заключало съ нимъ ряды или договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ; такъ кіевляне заключили условіе съ Ольговичами, требуя, чтобъ они сами судили и освободили кіевлянъ отъ разорявшихъ ихъ тіуновъ. Вѣче иногда рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ,—такъ кіевляне отказались идти съ Изяславомъ Мстиславичемъ противъ Юрія Долгорукаго. Вообще же князь въ своихъ распоряженіяхъ не нуждался непремѣнно въ утвержденіи вѣча, а самъ управлялъ удѣломъ, издавалъ съ боярами судные уставы, судилъ, назначалъ подати народу, предводительствовалъ на войнѣ и назначалъ изъ среды дружинниковъ должностныхъ лицъ по городамъ. Вѣчевыя сходки не были постоянными, не созывались въ опредѣленные сроки и отличались случайнымъ характеромъ, т.-е. созывались въ особенно важныхъ случаяхъ, иногда даже самимъ княземъ; народъ шумно выражалъ свое мнѣніе и вопросъ рѣшался по большинству голосовъ (безъ счету). Иногда лучшіе люди въ городѣ призывались на княжескій дворъ для совѣщанія съ боярами подъ предсѣдательствомъ самого князя, причемъ на это совѣщаніе иногда приглашалось и духовенство; въ особенно же важныхъ случаяхъ приглашались на эти совѣщанія дружинники и лучшіе люди изъ пригородовъ.

Жизнь князя. При рожденіи князь получалъ одно имя княжее и при крещеніи другое—христіанское, напр. Святополкъ-Михаилъ. Послѣ крещенія князь отдавался на попеченіе дядькѣ, одному изъ приближенныхъ бояръ, находившемуся при немъ безотлучно до отрочества. Женили князей обыкновенно въ раннемъ возрастѣ,

иногда лѣтъ 14-ти. Князья женились на русскихъ княжнахъ, дочеряхъ бояръ, половецкихъ хановъ, греческихъ царей, польскихъ, венгерскихъ, скандинавскихъ королей. Еще въ отроческихъ лѣтахъ князь отправлялся въ городъ, назначенный ему для управленія, причемъ его „сажали на столъ“ въ главной городской церкви; духовенство благословляло его, а горожане присягали и цѣловали крестъ. Князья удѣльно-вѣчевого періода были не только всѣ грамотные, но часто даже начитанные. Вставали они до восхода солнца и шли иногда въ церковь; послѣ завтрака разсуждали о дѣлахъ со старшей дружиной и творили судъ, затѣмъ охотились или катались верхомъ; около полудня обѣдали, въ полдень ложились спать, а вечеромъ забавлялись съ дружиною плясками скомороховъ и пѣніемъ гусляровъ; послѣ ужина рано ложились спать. Южнорусскіе князья любили пожить весело и часто устраивали шумныя пиршества, но большая часть ихъ жизни проходила на войнѣ и на охотѣ, которая была ихъ любимымъ занятіемъ. Князья были очень богаты; кромѣ дани, военной добычи, торговыхъ и судныхъ пошлинъ они имѣли собственныя земли, населенныя холопами, гдѣ находились княжескіе дворы съ кладовыми и погребами, наполненными винами, медомъ, хлѣбомъ, и гдѣ паслись большія стада домашняго скота и табуны лошадей. Рыболовы, бобровники, бортники (пчеловоды), жившіе на княжескихъ земляхъ, занимались промыслами въ пользу князя. У князей было много должностныхъ лицъ и прислуги, назначаемыхъ изъ младшей дружины или рабовъ и завѣдывавшихъ ихъ имуществомъ. Большая свита и повозки съ припасами сопровождали всегда князя на охоту, полюдье, богомолье. Одежда князей дѣлалась изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ тканей и украшалась золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Сверхъ нижняго платья князья одѣвали кожухъ или свиту (кафтанъ), на который накидывался плащъ. На головѣ они носили высокую шапку (клобукъ) съ бархатнымъ верхомъ и соболиной опушкой, а на ногахъ сапоги изъ цвѣтного сафьяна. Князья были очень религіозны, часто посѣщали церкви и монастыри и строили новые, отдавали десятую часть доходовъ на содержаніе духовенства, иногда уходили въ монастырь и принимали схиму съ приближеніемъ смерти. Хоронили князей въ монастыряхъ и церквахъ и для поминовенія умершихъ родственники раздавали щедрую милостыню.

Населеніе. Свободное населеніе удѣльной Руси состояло изъ дружины или служилаго сословія, людей или не служилаго и духовенства. **Дружина**, съ которой пришли въ русскую землю норман-

скіе князья и которая составляла опору ихъ власти надъ подчиненными племенами, вначалѣ была разноплеменная съ преобладаніемъ однако норманновъ, но постепенно наполнилась русскими и сдѣлалась вполнѣ туземной, что, впрочемъ, не исключало возможности поступить въ нее во всякое время храброму чужестранцу. Князья дорожили дружиной, такъ какъ дружинники были люди вольные и могли переходить отъ одного князя на службу къ другому. Дружина состояла изъ старшихъ членовъ или бояръ и младшихъ, называвшихся отроками, дѣтскими, гридями. Бояре были совѣтниками князя и играли видную роль въ княжескомъ быту; за свою службу они получали отъ князя денежное жалованье и земельные участки. Младшіе дружинники составляли войско князя, исполняли разныя должности при его дворѣ, завѣдывали его имуществомъ и содержались на его счетъ. Изъ среды дружины князь назначалъ должностныхъ лицъ въ города, какъ-то: посадниковъ, воеводъ, тіуновъ и др., которые помогали ему въ управленіи волостью и за свою службу кромѣ жалованья получали часть судныхъ и торговыхъ пошлинъ и разныя приношенія отъ жителей (кормленіе). Вмѣстѣ съ передвиженіемъ князей по волостямъ двигались и ихъ дружинники, которые вслѣдствіе этого не могли усилиться въ качествѣ постоянныхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, за исключеніемъ бояръ галицкаго княжества. **Людьми** (въ ед. числѣ людинъ) назывались свободные жители городовъ и селъ. Городскіе жители раздѣлялись на 3 разряда: лучшіе люди, наиболѣе зажиточные, называвшіеся городскими боярами и имѣвшіе свои земли,—середніи или житьи люди, занимавшіеся промыслами и торговлей,—и меньшіе или черные люди, добывавшіе пропитаніе ручной работой. Свободные сельскіе жители (смерды) за пользованіе землей платили оброкъ и исполняли разныя повинности землевладѣльцу, такъ какъ земля считалась собственностью князя и раздавалась имъ дружинѣ и духовенству. Будучи однако лично свободными, смерды могли переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, такъ какъ при малочисленности населенія много было пустой земли. Такія передвиженія смердовъ хотя и препятствовали правильному развитію сельскаго хозяйства, но зато способствовали русской колонизаціи на сѣверовостокѣ. Всѣ свободные жители платили князю дань, отправляли разныя повинности и выставляли во время войны ополченіе. Свободные жители каждаго княжества составляли отдѣльныя городскія и сельскія общины и имѣли свои земскія власти—тысяцкихъ, старостъ, сотскихъ, десятскихъ, которыхъ они выбирали изъ своей

среды и которые завѣдывали общинами и наблюдали за исполненіемъ повинностей. Кромѣ свободнаго населенія было еще несвободное—**холопы** (челядь, рабы) и полусвободное—**закупы** (наймиты). Холопами были первоначально люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ; кромѣ того, полными или обѣльными холопами были дѣти рабовъ,—купленные при свидѣтеляхъ за деньги,—закупы, обращенные въ холоповъ за воровство или побѣгъ отъ господина,—нанявшіеся въ тіуны или ключники безъ уговору,—женившіеся на рабынѣ безъ условій съ ея господиномъ. Владѣть холопами могли только князья, бояре и монастыри. Холопъ не имѣлъ никакихъ правъ и считался полной собственностью своего господина, такъ что господинъ могъ убить своего раба безнаказанно, но за убійство безъ вины чужого раба платилась стоимость убитаго хозяину и пеня князю. Владѣльцы рабовъ употребляли ихъ въ качествѣ домашней прислуги или селили ихъ на своей землѣ. Закупами или наймитами были свободные люди, находившіеся во временномъ рабствѣ, — напр., должники, нанимавшіеся къ заимодавцамъ для отработки занятыхъ денегъ или вещей,—преступники, которые не могли уплатить слѣдуемаго съ нихъ денежнаго вознагражденія за преступленіе и были проданы на торгу. Послѣ уплаты долга своимъ трудомъ закупы освобождались на волю.

Русская Правда. До принятія христіанства у русскихъ не было законовъ и въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу они руководствовались обычаями. Съ призваніемъ князей, дружина которыхъ пользовалась особыми преимуществами сравнительно съ остальнымъ населеніемъ, и съ принятіемъ христіанства старинные обычаи столкнулись съ новыми взглядами и понятіями, вслѣдствіе чего стали необходимы письменные законы, обязательные для всѣхъ. Ярославъ Мудрый составилъ первый сборникъ русскихъ законовъ подъ названіемъ „Русская Правда“, въ который вошли отчасти прежніе обычаи, княжескія постановленія и нѣкоторые византійскіе законы; дополненъ онъ былъ дѣтьми и внуками Ярослава. Цѣль изданія этого сборника—оградить личную и имущественную безопасность, почему большая часть его статей касалась преступленій противъ личности и собственности. Судъ творилъ князь или его посадникъ или тіуны, поставленные княземъ; при судѣ находились княжескіе чиновники, которые исполняли разныя обязанности во время суда и приводили въ исполненіе судебный приговоръ. Судъ происходилъ на дворѣ князя или княжескаго намѣстника и былъ словесный. Дѣло начиналось по жалобѣ истца, который приводилъ въ судъ

своихъ свидѣтелей (видоковъ и послуховъ). Если не было представлено свидѣтелей или явныхъ доказательствъ преступленія, то обвиняемаго приводили къ присягѣ или испытывали желѣзомъ или водой, смотря по дѣлу (судъ Божій); иногда дѣло рѣшалось судебнымъ поединкомъ или „полемъ". Наказаніями за преступленія были обыкновенно денежные штрафы, которые платилъ виновный и которые шли въ пользу князя („вира или продажа") и на вознагражденіе истца за убытки („головщизна или урокъ"); за разбой, коневую татьбу и зажигательство виновные подвергались потоку (изгнанію) и разграбленію (конфискаціи имущества), тѣлесныхъ же наказаній для свободныхъ людей не было. Ярославъ еще позволялъ за убійство мстить близкимъ родственникамъ, но при его сыновьяхъ месть была замѣнена денежнымъ штрафомъ. Если убійца скрывался, то виру платила община, въ которой найденъ убитый (дикая или общая вира). Убійство, совершенное въ ссорѣ, на пиру, не считалось преступленіемъ. При опредѣленіи денежной пени за убійство во вниманіе принималось сословіе, къ которому принадлежалъ убитый,—такъ, напр., за простого человѣка убійца платилъ вдвое меньше чѣмъ за дружинника или за слугу княжескаго, за женщину вполовину меньше, чѣмъ за мужчину. При обидѣ обращалось вниманіе на свойство обиды, а при воровствѣ на то, какой предметъ украденъ. Кромѣ наказаній за преступленія въ Р. Правдѣ находятся постановленія, ограждающія благосостояніе жителей,—такъ, напр., ограничено произвольное взиманіе процентовъ; есть въ ней и постановленія о наслѣдствѣ: сыновья получали равныя части изъ отцовскаго наслѣдства и должны были надѣлять сестеръ приданымъ; вдова получала то, что ей назначилъ мужъ, но оставалась полной хозяйкой въ домѣ при малолѣтнихъ дѣтяхъ. Кромѣ того въ Р. Правдѣ было опредѣлено, кто и при какихъ обстоятельствахъ обращается въ холопы.

Жилища. Границы русской земли въ XIII в. были слѣдующія: отъ Финскаго залива къ Ладожскому и Онежскому озерамъ, къ сѣв. в. до Бѣлаго моря и Уральскихъ горъ, затѣмъ на югъ по рѣкѣ Вяткѣ къ Волгѣ, гдѣ впадаетъ Ока, по Окѣ и верховьямъ Дона къ среднему теченію Днѣпра, отсюда на юго-западъ по верховьямъ рѣкъ Буга, Днѣстра, Прута, затѣмъ на сѣв.-з. къ Карпатамъ, по верховьямъ Вислы и З. Двины на сѣверъ къ озерамъ Чудскому и Ильменскому. Древняя Русь представляется намъ обширнымъ, малонаселеннымъ пространствомъ, большею частью лѣснымъ или лѣсистымъ и болотистымъ, особенно на сѣверовостокѣ; рѣки и

волоки между рѣками были въ то время почти единственными путями сообщенія, такъ что если была необходимость, напр., для военнаго похода, выбрать другой путь, то приходилось его заранѣе устраивать. На этихъ водныхъ путяхъ возникали города, которыхъ въ началѣ XIII в. было около 300. Кромѣ городовъ были и другія населенныя мѣста, носившія разныя названія: весь, село, погостъ, слобода. Города были старшіе или стольные, гдѣ жилъ князь и происходили вѣчевыя сходки, и младшіе или пригороды, находившіеся въ подчиненіи у старшаго города и управляемые посадниками князя; когда домъ Рюрика размножился, то и пригородами стали управлять князья. Города, существовавшіе до призванія князей, были построены славянами для защиты отъ враговъ; въ эти же города собирались окрестные жители на вѣче (Новгородъ, Кіевъ и др.); большая же часть городовъ была построена князьями, преимущественно въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ города служили крѣпостями (Ярославль, Нижній-Новгородъ и др.); первые такіе города (т.-е. огороженныя, укрѣпленныя мѣста, острожки) началъ строить Олегъ для огражденія границъ. Большіе города состояли изъ внутренняго города (кремля, дѣтинца), обнесеннаго по большей части деревянной стѣной или валомъ съ тыномъ, и внѣшняго (окольнаго, острога, посада) также огороженнаго; вокругъ острога бывали еще слободы, окруженныя валомъ. Внутри города находились деревянныя строенія: двухъэтажныя хоромы—наверху теплое жилье (изба) и холодное (клѣть), соединенныя между собою сѣнями, которыя служили въ то время пріемными, а внизу кладовыя; иногда наверху надстраивался теремъ. У князей были такія же хоромы, но болѣе просторныя, украшенныя рѣзьбой и расписанныя красками, а у простыхъ людей одноэтажныя, состоявшія только изъ клѣти и избы. Кромѣ хоромъ на дворѣ были еще разныя строенія—людскія, баня, медуша и пр. Всѣ строенія въ городахъ были обыкновенно деревянныя; со времени принятія христіанства въ стольныхъ городахъ начинаютъ строить каменные княжескіе терема, стѣны и башни, храмы, напр., софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ, Успенскій храмъ во Владимірѣ; каменныя зданія строились греческими и нѣмецкими мастерами.

Занятія и торговля. Сельскіе жители занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбнымъ и пчелинымъ промыслами, охотой, а городскіе — ремеслами и торговлей. Изъ ремеслъ были извѣстны—плотничье, столярное, токарное, знали и металлическое мастерство. Въ украшеніяхъ построекъ, въ рисункахъ, встрѣчающихся въ старин-

ныхъ рукописныхъ книгахъ, начиналъ тогда уже проявляться особенный русскій вкусъ, образовавшійся подъ вліяніемъ греческаго и восточнаго искусствъ и представляющій прихотливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ фантастическими птицами и звѣрями. Населеніе удѣльной Руси было немногочисленно и увеличенію его много мѣшали междоусобныя войны князей, набѣги половцевъ, голодные годы и моровыя повѣтрія. Болѣе населенными городами были тѣ, которые находились на торговомъ пути. Торговые водяные пути были слѣдующіе: великій водный изъ Скандинавіи въ Грецію, по З. Двинѣ въ Балтійское море, по Волгѣ въ Каспійское, по Камѣ и сѣвернымъ рѣкамъ въ землю финскихъ племенъ. Русскіе торговали тогда съ греками, дунайскими болгарами, нѣмцами, хозарами, камскими болгарами, арабами, печенѣгами и половцами, мѣняя рабовъ, воскъ, мѣха, шкуры, медъ, хлѣбъ на иностранныя произведенія. Отъ грековъ и болгаръ шли на Русь шелковыя ткани, вино, плоды, золото, серебро, лошади, отъ хозаръ, камскихъ болгаръ и арабовъ — драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія, пряности, отъ нѣмцевъ — оружіе, сукна, полотна, сельди, соль, серебро, отъ степныхъ варваровъ — рогатый скотъ, лошади, овцы. Вообще торговля съ иностранцами у насъ была довольно развита, хотя ей и мѣшали плохіе пути сообщенія, княжескія усобицы, большія пошлины и, наконецъ, кочевники. Внутренняя торговля происходила между русскими городами; рынокъ былъ въ каждомъ городѣ, но города стольные и особенно находившіеся на одномъ изъ торговыхъ путей были важнѣйшими торговыми пунктами какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли, какъ-то: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ, Витебскъ, Полоцкъ, позже Владиміръ и Нижній, почему они были самые богатые и самые населенные. Торговля съ иноземцами была преимущественно мѣновая. Первыя деньги, ходившія на Руси, были кожаныя (звѣриныя шкурки-куны), такъ какъ своего золота и серебра еще не добывали. Когда же при торговлѣ стали получать отъ иностранцевъ золото и серебро, то появились и металлическія деньги, которыя чеканились по образцу византійскихъ (серебро Ярославово) или были простые куски металла разныхъ формъ и разнаго вѣса (гривны).

Войско. Войско состояло изъ княжеской дружины и полковъ, собираемыхъ по призыву князя изъ городского и сельскаго населенія. Главнымъ предводителемъ былъ князь. Вооруженіемъ служили брони, шлемы, щиты, мечи, копья, сабли, стрѣлы, ножи и

топоры. Войско въ походѣ раздѣлялось на 5 частей: большой полкъ, два крыла—правое и лѣвое, полки передовой и сторожевой. Междоусобныя войны князей сопровождались страшнымъ разореніемъ городовъ, селъ и даже церквей, причемъ жители обращались въ рабовъ.

Православная церковь и монастыри. Христіанская вѣра, принятая въ 988 г., распространилась сначала изъ Кіева на сѣверъ по великому водному пути. Успѣшному ея распространенію на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ много препятствовали волхвы, возмущавшіе народъ противъ новой вѣры. Вообще же надо сказать, что у насъ не было особенно сильной борьбы языческой вѣры съ христіанствомъ. Русская языческая вѣра состояла въ непосредственномъ поклоненіи силамъ и явленіямъ природы; наши предки не представляли себѣ эти силы и явленія природы въ опредѣленныхъ образахъ, какъ, напр., древніе греки; не было у насъ и общественнаго служенія богамъ съ храмами и сильнымъ жреческимъ сословіемъ, какъ, напр., у древнихъ грековъ или у балтійскихъ славянъ. Одни только низшія божества—водяные и лѣшіе, олицетворявшіе природу русской земли, и семейныя божества—домовые представлялись въ опредѣленныхъ образахъ, почему народъ помнитъ ихъ и до сихъ поръ, но о высшихъ божествахъ онъ совершенно забылъ. Новая христіанская вѣра привлекала къ себѣ язычниковъ своими храмами съ торжественнымъ общественнымъ богослуженіемъ, и народъ принималъ христіанство подъ вліяніемъ духовенства и князя, хотя, конечно, внѣшнимъ образомъ, со стороны обрядовъ, не понимая его сущности и долго еще сохраняя поклоненіе домовымъ, лѣшимъ, водянымъ, продолжая собираться на языческія игрища и удерживая многіе языческіе обычаи. Вѣра и благочестіе русскихъ людей удѣльнаго періода отличались въ большинствѣ случаевъ церковно-обрядовымъ, богослужебнымъ направленіемъ, такъ какъ наши предки не могли сразу понять сущность христіанства. Строилъ ли русскій человѣкъ храмъ, раздавалъ ли милостыню, посѣщалъ ли храмъ, вообще всякое доброе дѣло совершалъ онъ большею частью не изъ сознанія христіанскаго долга, а для спасенія души своей и своихъ родныхъ. Постъ, молитва, раскаяніе, милостыня были часто случайны, напр., во время общественныхъ бѣдствій—голода, мора, нашествія враговъ. Вмѣсто клятвы употребляютъ крестное цѣлованіе и въ то же время часто нарушаютъ его. Князья украшаютъ свои церкви и въ то же время жгутъ и грабятъ города и церкви въ землѣ враждебнаго

имъ князя. Въ XII в. сохранялось еще много языческихъ обычаевъ, напр., вѣра въ волхвовъ, приношеніе языческихъ жертвъ, двоеженство; языческія увеселенія особенно сохранялись еще въ полной силѣ среди народа. Однако понемногу христіанство начинало брать верхъ надъ язычествомъ. Христіанскіе храмы пріобрѣтаютъ большое значеніе: въ нихъ спасаются отъ непріятеля и въ нихъ же принимаютъ отъ него смерть; въ храмахъ хранятся важныя граматы, законныя мѣры и вѣсы, при храмахъ устраиваются богадѣльни; постройка храма и его освященіе считаются важнымъ и торжественнымъ событіемъ. Крестъ и святыя иконы также стали пользоваться уваженіемъ: ихъ носили на груди, ими клялись, передъ ними стыдились дѣлать что-либо недоброе. Крестные ходы во время несчастій для умилостивленія Бога или въ благодарность за помощь усиливаютъ вѣру въ Бога и въ то же время смягчаютъ нравы. Церковныя торжества замѣняютъ языческіе праздники, показывая превосходство христіанства надъ язычествомъ. Постъ, цѣломудріе, трезвость начинаютъ считаться великимъ подвигомъ въ языческомъ обществѣ, привыкшемъ къ разнымъ тѣлеснымъ наслажденіямъ.

Устройство іерархіи русской церкви было заимствовано изъ Византіи. Во главѣ церкви стоялъ кіевскій митрополитъ, котораго выбиралъ и назначалъ изъ среды византійскаго духовенства византійскій патріархъ съ согласія великаго князя (за исключеніемъ 2 русскихъ—Иларіона при Ярославѣ и Климента при Изяславѣ Мстиславичѣ). Кіевскому митрополиту подчинялись всѣ епископы, назначаемые имъ въ главные города и тоже съ согласія удѣльныхъ князей; епископамъ подчинялись священники, причемъ тѣ и другіе были сначала греки и болгары, но уже въ XI в. эти мѣста стали заниматься русскими. По церковнымъ уставамъ Владиміра Св. и Ярослава Мудраго (составленнымъ по византійскому номоканону, но сообразно съ особенными потребностями русскаго общества и церкви) духовенство получило особыя права и преимущества. На содержаніе митрополита и епископовъ шла иногда десятина съ княжескихъ доходовъ, судныя пошлины, пошлины за постановленіе священнослужителей и церковнослужителей, а также доходы съ принадлежавшихъ ихъ каѳедрамъ недвижимыхъ имѣній. Большая часть этихъ доходовъ употреблялась на содержаніе клира, каѳедральнаго храма и дома епископскаго, на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ, вдовъ, на пособіе погорѣвшимъ и несправедливо осужденнымъ, на содержаніе монастырей. На содер-

жаніе низшаго духовенства князья и частные люди, построившіе церковь, назначали извѣстные доходы и имущества. Духовенство не только было свободно отъ гражданскаго суда, гражданской службы и податей, но даже многія свѣтскія дѣла подлежали церковному суду и многіе свѣтскіе люди находились подъ вѣдѣніемъ церкви.

Къ числу людей, подлежащихъ вѣдѣнію церкви, принадлежали всѣ лица духовныя, всѣ нуждающіеся люди, жившіе въ монастыряхъ, гостинницахъ—страннопріимницахъ, содержимыхъ на средства церкви, рабы, жившіе на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, и, наконецъ, изгои. Изгоями назывались люди, не принадлежавшіе ни къ какой общинѣ и, слѣдовательно, лишенные защиты своего сословія, къ которому прежде принадлежали и изъ котораго вышли; такъ изгоями были князья, отцы которыхъ не были великими князьями, безграмотные сыновья священниковъ, холопы, вышедшіе изъ холопства, и обѣднѣвшіе купцы.

Духовенству было поручено наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ, призрѣніе бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ. Суду церковному подлежали преступленія противъ вѣры, святости храмовъ и мѣста погребенія, противъ чистоты брака, семейнаго союза, чистоты нравовъ, наконецъ, дѣла по наслѣдству, причемъ наказанія назначались денежныя, сообразно обычаямъ вѣка. Духовенство на Руси не составляло особаго замкнутаго въ своемъ кругу сословія и принимало большое участіе въ событіяхъ своего времени, имѣло большое вліяніе на князя и входило въ самую тѣсную связь съ народомъ, стараясь распространить среди него христіанскія понятія посредствомъ обученія грамотѣ и проповѣдей. Князья хотѣли устроить бытъ русскаго народа на христіанскихъ началахъ и, слѣдовательно, нуждались въ совѣтахъ духовенства, почему и приглашали игуменовъ и епископовъ на совѣтъ вмѣстѣ съ боярами. Духовенство заботилось о сохраненіи мира между князьями, успокаивало народныя возстанія, возбуждало къ войнѣ или заботилось о мирѣ, смотря по тому, полезна ли война или нѣтъ, посылалось князьями вмѣсто пословъ. На князей духовенство дѣйствовало мольбами, сильными и смѣлыми обличеніями или отлученіями отъ церкви, смотря по обстоятельствамъ. Простой народъ въ первое время послѣ принятія христіанства обращался къ священникамъ съ простодушными вопросами относительно обрядовой стороны христіанства, для рѣшенія которыхъ низшее духовенство само обращалось за совѣтами къ епископамъ и затѣмъ отвѣчало народу отвѣтными посланіями. Противъ долго сохранявшихся въ народѣ языческихъ вѣрованій и обрядовъ духовенство говорило въ церкви и писало

поученія и проповѣди. Наконецъ, духовенство было самое образованное сословіе въ удѣльной Руси и оно-то распространяло книжное ученіе посредствомъ школъ, въ которыхъ было учителями.

О благотворномъ вліяніи духовенства мы находимъ въ лѣтописи такіе отзывы: «князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ. печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ, былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель. Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре, и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ».

Вскорѣ послѣ крещенія появляются на Руси **монастыри**, число которыхъ въ началѣ XIII вѣка простиралось до 90; они были основаны князьями и частными людьми, такъ какъ постройка ихъ считалась дѣломъ богоугоднымъ.

«Въ тогдашнемъ обществѣ, говоритъ историкъ Соловьевъ, грубомъ, еще полуязыческомъ, въ которомъ новыя лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ, встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли особое высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывались не словомъ только, но дѣломъ. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при первомъ удобномъ случаѣ; въ стѣнахъ монастыря одинъ ѣстъ черезъ день просвиру, носитъ власяницу, никогда не ляжетъ спать, но вздремнетъ иногда сидя, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плечи въ землю; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью моловъ его, чтобы заглушить въ себѣ корыстолюбивые помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскія ворота, міряннъ переселялся въ иной высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей».

Наибольшимъ значеніемъ пользовался **Кіевопечерскій монастырь**, основателемъ котораго (XI в.) былъ св. Антоній, а главнымъ устроителемъ пр. Ѳеодосій.

«Пр. Антоній былъ родомъ изъ Любеча; постриженіе свое онъ получилъ на Аѳонѣ, куда отправился для удовлетворенія своего стремленія къ высшему нравственному совершенству. Игуменъ монастыря, въ которомъ онъ подвизался, понялъ, какую пользу его подвиги могутъ принести въ Россіи, и сказалъ ему: «иди опять на Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе св. горы, ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы». Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ здѣшніе монастыри, но ни въ одномъ не нашелъ строгой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ, и поселился одинъ въ пещерѣ недалеко отъ города (1051 г.). Скоро узнали о строгомъ подвижникѣ люди, стали приходить къ нему за благослове-

ніемъ, а нѣкоторые просились къ нему на сожительство. Первый поселился въ его пещерѣ пресвитеръ Никонъ, постригавшій всѣхъ, кого потомъ принималъ Антоній; за нимъ пришелъ Ѳеодосій. Пр. Ѳеодосій былъ родомъ изъ Васильева, но всю свою молодость провелъ въ Курскѣ, куда переселился съ родителями. Еще 14-ти лѣтъ онъ лишился отца и попалъ въ руки матери, одной изъ тѣхъ матерей, которыя любятъ деспотически. Мальчикъ рано выучился грамотѣ, сталъ читать книги, увлекся мыслями въ иной міръ и предался аскетическимъ подвигамъ. Домашняя жизнь не представляла удобствъ для этихъ подвиговъ, противъ которыхъ сильно протестовала любовь матери, и Ѳеодосій однажды бѣжалъ изъ дома съ прохожими паломниками, увлеченный ихъ разсказами о св. мѣстахъ. Мать воротила его съ дороги, прибила и долго послѣ этого держала въ оковахъ. Черезъ нѣсколько времени Ѳеодосій снова бѣжалъ отъ нея въ сосѣдній городъ, гдѣ пріютился у священника и пекъ просфоры для церкви; но мать опять воротила его домой. Она бранила его за то, что онъ отдавалъ свое платье нищимъ и хотѣлъ ходить въ рубищѣ; однажды увидала на немъ вериги, которыя рѣзали его тѣло до крови, съ сердцемъ сорвала ихъ и больно его прибила. Препятствія только усиливали аскетическую настроенность юноши; у него не выходили изъ ума слова Спасителя: «иже любитъ отца или матерь паче Меня, нѣсть Мене достоинъ». Онъ третій разъ бѣжалъ изъ дома и явился въ Кіевъ, чтобы поступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Нигдѣ не приняли нищаго скитальца, который не могъ дать за себя вклада. Наконецъ, онъ нашелъ себѣ убѣжище по сердцу, пещеру Антонія. «Сынъ! говорилъ ему старецъ, трудно тебѣ будетъ въ этой тѣсной пещерѣ: юнъ еще ты». Но въ лицѣ этого ненадежнаго юноши предъ Антоніемъ стоялъ мужъ, уже окрѣпшій въ подвигахъ, котораго не пугали лишенія пещеры. Антоній велѣлъ Никону постричь Ѳеодосія. Черезъ 4 года мать и здѣсь нашла Ѳеодосія. Онъ едва согласился, и то по убѣжденію Антонія, дать ей свиданіе, но остался глухъ къ ея слезнымъ мольбамъ о возвращеніи. Желая умереть вблизи сына, она сама скоро постриглась въ ближней женской обители. Братія Антоніевской пещеры подвизалась въ строгомъ постѣ и трудахъ. Ѳеодосій трудился даже за другихъ, дѣлая часть ихъ работы; въ знойныя ночи онъ выходилъ обнаженный на болото, комары миріадами впивались въ его тѣло, а онъ спокойно прялъ волну и цѣлую ночь пѣлъ псалтырь. При великомъ князѣ Изяславѣ явились къ Антонію одинъ знатный дружинникъ князя Ефремъ и сынъ другого знатнаго дружинника юноша Варлаамъ. Черезъ нѣкоторое время Антоній, поставивъ игуменомъ Варлаама, самъ удалился въ затворъ на сосѣднюю гору, гдѣ и пробылъ до смерти. Въ игуменство Варлаама братія выпросила у князя Изяслава всю гору надъ пещерою, выстроили на ней вмѣсто прежней пещерной церкви новую деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, поставили кельи, оградили все тыномъ и такимъ образомъ съ 1062 г. открыли Печерскій монастырь, пошедшій, по замѣчанію лѣтописца, отъ благословенія св. горы. Послѣ Варлаама игуменомъ сдѣлался пр. Ѳеодосій. Пр. Антоній былъ кроткой и самозаключенной натуры, стремившейся къ уединеннымъ подвигамъ; въ пр. Ѳеодосіи видимъ, напротивъ, дѣятельный духъ законоположника, стремленіе къ практиче-

ской дѣятельности, которое не могло удовлетвориться пещернымъ уединенiемъ. Съ самаго же начала своего игуменства онъ принялся за устроенiе монастыря. Число братiи возросло до 100 человѣкъ и онъ озаботился введенiемъ между ними общежитiя, положивъ въ основанiе всей жизни въ печерскомъ монастырѣ уставъ греческаго Студiйскаго монастыря. Ѳеодосiй бралъ живѣйшее участiе въ спасенiи каждаго брата, давалъ каждому спасительные совѣты, часто поучалъ братiю въ церкви и свои поученiя говорилъ тихо, съ мольбою; во время обличительной рѣчи изъ глазъ его текли слезы. Онъ часто обходилъ кельи, чтобы узнать, нѣтъ ли у кого, сверхъ общихъ, своихъ вещей, пищи или одежды, и все подобное предавалъ огню. Даже ночью неусыпный игуменъ, ходя по монастырю, слушалъ у дверей келiй, что дѣлаетъ каждый братъ, и если слышалъ бесѣду двоихъ или троихъ монаховъ, сошедшихся вмѣстѣ, то ударялъ въ двери жезломъ, а на утро обличалъ виновныхъ. Въ положенное время ворота обители запирали и никого не пускали ни въ монастырь, ни изъ монастыря. Вратарь однажды не пустилъ въ монастырь самого в. князя. Первыми добродѣтелями иноческой дисциплины были послушанiе и смиренiе. Вся жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжкихъ трудахъ. Пища была скудная и малопитательная, да и ее многiе вкушали въ самомъ маломъ количествѣ и черезъ день. О матерiальномъ обезпеченiи своего монастыря не заботились ни игуменъ, ни братiя, твердо вѣруя, что Питающiй птицъ небесныхъ пропитаетъ и своихъ рабовъ. Случалось, что съ вечера не знали, чѣмъ будутъ питаться завтра; при всемъ томъ монастырь на послѣднiя средства помогалъ нищимъ. Когда обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосiй отчислилъ на бѣдныхъ десятую часть всѣхъ ея доходовъ и устроилъ особый дворъ, гдѣ жили нищiе, калѣки и больные; кромѣ того, каждую субботу изъ монастыря отсылался возъ хлѣбовъ по тюрьмамъ. У себя въ кельѣ онъ держалъ разслабленнаго старца и ходилъ за нимъ. Ѳеодосiй во всемъ былъ примѣромъ братiи. Никогда не видали его празднымъ; онъ носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ въ пекарнѣ; ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ и щи безъ масла; лежа не спалъ, а обыкновенно дремалъ немного сидя и, очнувшись, сейчасъ же спѣшилъ продолжать свою непрестанную молитву; одежду носилъ въ заплатахъ, такъ что никакъ нельзя было узнать въ этомъ нищемъ старцѣ знаменитаго игумена, котораго уважалъ самъ вел. князь. Онъ часто ходилъ съ наставленiями въ домы мiрянъ, своихъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ; по ночамъ иногда ходилъ въ жидовскую часть Кiева спорить съ евреями, желая или обратить ихъ ко Христу, или потерпѣть отъ нихъ мученiе. Бѣдные, угнетенные въ судахъ находили въ немъ заступника и судьи перерѣшали дѣла по просьбѣ уважаемаго игумена. Ѳеодосiй имѣлъ большой вѣсъ у князя Изяслава. Когда Святославъ отнялъ престолъ у Изяслава, одинъ Печерскiй монастырь оставался вѣренъ изгнанному вел. князю. Святославъ однако терпѣливо выслушивалъ обличенiя въ неправдѣ отъ пр. Ѳеодосiя и не смѣлъ гнѣваться на него. Святославъ такъ уважалъ святого мужа, что говаривалъ ему: «если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не обрадовался бы ему, какъ твоему приходу». Такъ же относились къ Ѳеодосiю многiе бояре. Въ 1074 г. мая 3-го преставился великiй игуменъ.

Предъ кончиной онъ обѣщалъ братіи молиться передъ Богомъ за свой монастырь и быть непрестанно духомъ съ братіею. Печерское преданіе приписываетъ ему и другое обѣтованіе, что всякій, положенный въ стѣнахъ святой обители, будетъ помилованъ отъ Бога; преданіе это въ старину было предметомъ общаго народнаго вѣрованія». (Знаменскій).

Прославленный подвигами своихъ основателей и ихъ учениковъ, кіевопечерскій монастырь достигъ огромнаго значенія въ удѣльной Руси. Люди всѣхъ сословій и состояній со всѣхъ концовъ русской земли стекались въ печерскую обитель, чтобы получить совѣтъ и благословеніе отъ святыхъ подвижниковъ или постричься въ ней; и монахи другихъ монастырей подражали въ своихъ подвигахъ печерскимъ инокамъ. Изъ этого монастыря вышло много проповѣдниковъ христіанства, многіе изъ его монаховъ занимали мѣста епископовъ, другіе извѣстны, какъ лѣтописцы и духовные писатели. Вообще монастыри въ древней Руси имѣли огромное значеніе. Монахи, чуждые міру и его интересамъ, ничѣмъ не связанные, шли на проповѣдь къ язычникамъ и очень часто погибали мученическою смертью. Монастыри были центрами и разсадниками образованія, такъ какъ здѣсь переписывались и переводились съ греческаго языка сочиненія духовнаго содержанія, а монахи были самые грамотные люди въ то время. Въ монастырь приходили князья и частные люди за совѣтомъ, видя въ монахахъ людей, достойныхъ всякаго уваженія. Жизнь монаховъ, съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на все мірское, подвергавшихъ себя всякимъ лишеніямъ, считалась достойной подражанія и подъ вліяніемъ монашества начиналъ складываться аскетическій характеръ жизни и свѣтскихъ людей. Монастыри, основанные иногда въ дикихъ и глухихъ мѣстностяхъ, способствовали заселенію страны, привлекая населеніе на монастырскія земли. Они принимали подъ свой кровъ гонимыхъ и страждущихъ, особенно во время междоусобныхъ войнъ. Во время войны монастырь превращался въ крѣпость; туда прятали цѣнныя вещи и собиралось окрестное населеніе. Изъ монастырскихъ житницъ раздавали бѣднымъ хлѣбъ во время голода; наконецъ изъ монастырей выходили епископы и архіепископы. Монастыри мало-по-малу пріобрѣли большія богатства: князья и богатые люди отказывали по завѣщанію въ монастырь на поминъ души земли, населенныя рабами, и дѣлали денежные вклады; многіе, уходившіе въ монастырь, приписывали къ нему свое имѣніе и кромѣ того въ монастыри шла обильная милостыня, которую послѣ смерти князя или боярина родственники его раздавали на поминъ

души. Кромѣ мужскихъ монастырей были и женскіе, въ которыхъ иногда постригались княжны и вдовыя княгини.

Православная христіанская вѣра имѣла самое благотворное вліяніе на жизнь древнерусскаго народа. Она способствовала сліянію славянскихъ и финскихъ племенъ въ одинъ русскій народъ, укрѣпляла княжескую власть и впослѣдствіи способствовала уничтоженію удѣльной системы, смягчала грубые языческіе нравы и давала идеалъ жизни и человѣка, совершенно противоположный прежнему языческому, способствовала развитію семейной жизни; вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства началась на Руси и грамотность.

Просвѣщеніе. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою мы получили отъ грековъ и богослужебныя книги, переведенныя на славянскій языкъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ (славянская азбука была изобрѣтена ими въ 855 г.). Владиміръ Св. и Ярославъ Мудрый завели первыя училища на Руси. Грамотность была встрѣчена недружелюбно, такъ что, по словамъ лѣтописца, когда Владиміръ сталъ брать у лучшихъ гражданъ дѣтей и отдавать ихъ въ ученье, то матери плакали по нимъ, какъ по мертвецамъ. Учителями въ этихъ школахъ были духовныя лица и самыя школы устраивались при соборныхъ церквахъ; предметами обученія были чтеніе, письмо, счетъ и церковное пѣніе, причемъ послѣ азбуки выучивали наизусть часословъ и псалтырь. Это начальное обученіе желающіе дополняли чтеніемъ св. писанія, житій святыхъ и другихъ религіозныхъ книгъ. Изъ этихъ училищъ выходили не только церковнослужители, но здѣсь же обучались и дѣти свѣтскихъ лицъ, такъ что грамотность до татаръ не была исключительною принадлежностью духовнаго сословія. Первыя книги мы получили изъ Греціи и Болгаріи и онѣ распространялись на Руси посредствомъ переписки и переводовъ. Переписываніе книгъ было очень распространено, такъ что даже лица княжескаго рода занимались этимъ дѣломъ; оно считалось весьма богоугоднымъ занятіемъ, такъ какъ книги были преимущественно религіознаго содержанія и переписка уставнымъ почеркомъ на пергаментѣ или на толстой хлопчатой бумагѣ (бомбицынѣ) требовала не малаго усидчиваго труда. Книги, привозимыя изъ Греціи и Болгаріи, были богослужебныя, творенія св. отцовъ, сборники поученій отцовъ церкви, сборники свѣдѣній изъ исторіи ветхозавѣтной, византійской, всеобщей (палеи, хроники, хронографы, апокрифы). Самый древній памятникъ русской письменности—Остромирово Евангеліе (1057 г.), переписанное новгородскимъ дьякономъ Григоріемъ для посадника

Остромира. Въ это же время стали появляться и самостоятельныя литературныя произведенія русскихъ людей, преимущественно духовныхъ, которыя составлялись подъ прямымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ и отличались такимъ же религіознымъ характеромъ, такъ какъ цѣлью ихъ было христіанское просвѣщеніе народа. Къ такимъ произведеніямъ относятся поученія пастырей русской церкви— Луки Жидяты, Иларіона, Кирилла Туровскаго, Ѳеодосія Печерскаго, описаніе путешествій паломниковъ къ св. мѣстамъ (напр., хожденіе игумена Даніила въ Іерусалимъ), житія святыхъ. Важнѣйшимъ памятникомъ русской литературы этого періода служатъ лѣтописи, которыя велись сначала въ Кіевѣ и Новгородѣ, а потомъ и по другимъ городамъ русской земли. Съ бытомъ князей удѣльно-вѣчевого періода знакомитъ насъ знаменитое поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ. Отъ этого же времени дошелъ до насъ и одинъ литературный памятникъ свѣтскаго характера, а именно „Слово о полку Игоревѣ", въ которомъ воспѣтъ неизвѣстнымъ пѣвцомъ неудачный походъ князя Новгорода-сѣверскаго Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Слово знакомитъ насъ съ внутреннимъ состояніемъ удѣльно-вѣчевой Руси и даетъ характеристику цѣлаго ряда князей XII в. Составитель Слова принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые сознавали, что бѣдствія русской земли отъ иноплеменниковъ происходили вслѣдствіе постоянныхъ княжескихъ междоусобій, и эта мысль положена имъ въ основаніе своего пѣснопѣнія. О борьбѣ со степными варварами въ народѣ слагались былины, которыя дошли до насъ уже въ измѣненномъ видѣ; героями этихъ былинъ являются богатыри Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и др., которые служатъ великому князю Владиміру „Красное Солнышко". О походахъ Владиміра Мономаха на половцевъ также составлялись народныя поэтическія сказанія, слѣды которыхъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ.

Характеристика удѣльно-вѣчевой Руси. Въ началѣ XIII в. Русь раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ одно отъ другого, самостоятельныхъ княжествъ; изъ городовъ особенно выдѣлялись Кіевъ и Владиміръ. Кіевъ, бывшій столицей русской земли до второй половины XII в., потерялъ свое политическое значеніе при Андреѣ Боголюбскомъ, но сохранилъ значеніе религіознаго центра Руси, такъ какъ здѣсь жили митрополиты и здѣсь же находились всѣми почитаемыя церковныя святыни. Владимірскіе князья Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III стремились подчинить своей власти всѣ другія княжества и сдѣлать Владиміръ центромъ Руси, но ихъ попытки до татаръ не имѣли особеннаго успѣха. Несмотря однако на видимую раздѣльность, всѣ русскія княжества сохраняли внутреннее единство, и всѣ князья и жители княжествъ сознавали, что они составляютъ одинъ и

тотъ же русскій народъ и что всѣ отдѣльныя княжества составляютъ одну русскую землю. Этому единству русской земли способствовалъ равнинный характеръ В. Европы, не имѣющей внутреннихъ преградъ и покрытой многочисленными рѣками, представлявшими удобные пути сообщенія изъ одной области въ другую. На всемъ этомъ обширномъ пространствѣ былъ распространенъ одинъ русскій языкъ, одна православная вѣра, одинаковый бытъ, слегка только измѣнявшійся отъ климатическихъ условій, и всѣмъ этимъ пространствомъ правили князья, принадлежавшіе къ одному дому Рюрика. Распаденіе русской земли на удѣлы было причиною ея слабости, вслѣдствіе которой иноплеменники, сначала половцы, а потомъ татары, могли грабить и разорять Русь, но внутренняя связь между отдѣльными княжествами не прекращалась, такъ какъ князья передвигались со своими дружинами изъ одного княжества въ другое и жители всѣхъ городовъ принимали участіе въ этомъ передвиженіи князей и ихъ борьбѣ за старшинство. Кромѣ того во время удѣльнаго періода князья со своими дружинами мало-помалу разошлись по разнымъ концамъ русской земли и каждый городъ, гдѣ жилъ князь, сдѣлался центромъ, изъ котораго въ окрестную землю распространялись христіанство и грамотность, былъ центромъ торговли и суда, такъ что одинаковая жизнь распространялась по всѣмъ краямъ русской земли, уничтожалась раздѣльность прежнихъ славянскихъ племенъ и русское вліяніе распространялось среди инородцевъ.

РУСЬ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ТАТАРЪ.

Нашествія татаръ. Въ степяхъ средней Азіи издавна кочевали монгольскія и татарскія орды, управляемыя независимыми ханами и враждовавшія между собою. Иногда эти орды, соединяясь, выходили изъ азіатскихъ степей въ Европу и приводили своею жестокостью въ ужасъ всѣхъ европейцевъ: таково, напр., было движеніе гунновъ въ IV в. послѣ Р. Х. Въ началѣ XIII в. всѣ эти кочевники монголы соединились подъ властью одного предводителя Темучина (1154—1227 г.). Сынъ хана одной монгольской орды, кочевавшей при истокахъ Амура, Темучинъ, оставшись въ дѣтствѣ сиротой, провелъ первыя 40 лѣтъ своей жизни въ борьбѣ съ врагами. Побѣдивъ враговъ и страшно имъ отомстивъ, онъ сталъ подчинять своей власти другія монгольскія племена и наконецъ на общемъ собраніи всѣхъ монгольскихъ князей превозгласилъ себя ихъ верховнымъ повелителемъ — Чингизъ-Ханомъ (1206 г.). Объединеніе Темучиномъ всѣхъ монгольскихъ племенъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ замѣчательный военачальникъ и выдвигалъ на первыя мѣста въ своемъ войскѣ людей, отличавшихся способностями, безъ различія ихъ племенного происхожденія. Свои огромныя полчища Темучинъ двинулъ противъ сосѣднихъ азіатскихъ государствъ—

сѣвернаго Китая, Бухары и др., которыя не могли устоять и подчинились его власти. Какими цѣлями руководствовался Темучинъ въ этихъ завоеваніяхъ, видно изъ слѣдующаго: уже въ глубокой старости онъ задалъ своимъ полководцамъ вопросъ, какое благо выше всѣхъ на землѣ, и самъ на него такъ отвѣчалъ: „счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на ихъ коняхъ, любуется слезами людей имъ близкихъ и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей“. Часть полчищъ Темучина подъ начальствомъ двухъ его полководцевъ (Чепе и Субудая) направилась на западъ и черезъ Кавказъ проникла въ южнорусскія степи, занятыя въ то время половцами. Половцы, разбитые татарами, обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Южнорусскіе князья по совѣту Мстислава Удалого Галицкаго соединились съ половцами, несмотря на то, что татарскіе послы говорили князьямъ: „слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши половцамъ; но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не занимали, ни селъ вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ, на конюховъ половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ они къ вамъ, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла“. Первая битва съ татарами произошла при рѣкѣ Калкѣ, впадающей въ Азовское море; русскіе князья были разбиты на голову (1223 г.), отчасти потому, что между ними не было единодушія, а главнымъ образомъ благодаря половцамъ, которые во время битвы внезапно обратились въ бѣгство и разстроили русскіе полки. Отъ начала Руси не было такого страшнаго пораженія—6 князей легло на полѣ битвы. Татары по слѣдамъ уцѣлѣвшихъ и бѣжавшихъ князей двинулись въ русскіе предѣлы, все истребляя на пути и никому не давая пощады, но, не дойдя нѣсколько десятковъ верстъ до Кіева, вдругъ повернули назадъ и скрылись въ тѣ же закаспійскія степи, изъ которыхъ пришли. Успокоившись отъ страха, наведеннаго татарами, русскіе люди много думали о томъ, что за люди татары, откуда и зачѣмъ приходили, и порѣшили, „что Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а наслалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши, обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія“. Русскіе же князья вмѣсто того, чтобы собраться вмѣстѣ и подумать объ общихъ мѣрахъ на случай новаго нападенія татаръ, тотчасъ послѣ ухода послѣднихъ принялись за прежнія усобицы, среди которыхъ и застало русскую землю новое нашествіе татаръ подъ начальствомъ Батыя. Передъ вторымъ нашествіемъ татаръ многія необычайныя и непонятныя для тогдаш-

нихъ людей явленія приводили въ ужасъ всю русскую землю и заставляли думать о скорой кончинѣ міра; появилась комета, вслѣдствіе страшной небывалой засухи горѣли лѣса, такъ что за дымомъ не видно было солнца, было солнечное затменіе, землетрясеніе прошло по всей русской землѣ, большой голодъ и моръ свирѣпствовали въ Новгородѣ и Смоленскѣ.

Чингизъ-хану наслѣдовалъ въ Азіи сынъ его Угедей, который отдалъ племяннику своему Батыю земли, лежавшія на сѣверъ и западъ отъ Каспійскаго моря и которыя еще нужно было завоевывать. Въ 1236 году Батый съ 300,000 татаръ, за которыми двигались ихъ семейства и стада, вошелъ въ землю камскихъ болгаръ и, опустошивъ ее, двинулся въ слѣдующемъ году въ Рязанское княжество. Другіе князья не подали помощи рязанцамъ и не соединились вмѣстѣ для общаго отпора татарамъ, а дѣйствовали отдѣльно, вслѣдствіе чего и не имѣли успѣха, несмотря на отчаянную геройскую оборону князей и народа въ каждомъ русскомъ городѣ. Рязанскіе князья на предложеніе татаръ дать десятину отъ всего, отъ людей и скота, отвѣчали имъ: „когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше". Рязань и другіе русскіе города обращались татарами въ груды развалинъ, жители во многихъ мѣстахъ поголовно избивались, князья погибали, а татары шли все далѣе по русской землѣ. Взявъ послѣ упорной обороны Рязань и разоривъ все рязанское княжество, Батый пошелъ на Владиміръ. Одинъ рязанскій богатырь Евпатій Коловратъ находился на югѣ во время погрома рязанской земли; когда онъ вернулся въ Рязань и увидѣлъ страшное разореніе родной земли, то бросился съ маленькой дружиной за татарами и началъ съ ними злую сѣчу. Татары сначала приняли ихъ за воскресшихъ мертвецовъ рязанской земли; побѣдивъ дружину Евпатія, татары изъ уваженія къ необычайной ея храбрости даровали жизнь уцѣлѣвшимъ въ бою. Великаго князя Юрія II не было во Владимірѣ, такъ какъ онъ уѣхалъ собирать войско, но его семейство оставалось въ городѣ. Владимірцы рѣшили защищаться и умереть, но не сдаваться татарамъ. Епископъ Митрофанъ тоже увѣщевалъ народъ: „чада! не убоимся смерти, не пріимемъ себѣ во умѣ сего тлѣннаго, скоро минующаго житія, но о томъ не скоро минующемъ житьѣ попечемся, еже ангелы жити. Поручникъ я вамъ, аще и градъ нашъ копіемъ возьмутъ и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога". Послѣ мужественной защиты Владиміръ былъ взятъ; въ Успенскомъ храмѣ погибло среди

пламени семейство в. князя съ епископомъ и многими гражданами. Послѣ взятія Владиміра татары разсѣялись отрядами по суздальскому княжеству, взяли въ продолженіе одного февраля мѣсяца 14 городовъ и окончательно разорили это княжество. На рѣкѣ Сити Батый разбилъ в. князя Юрія II, который и самъ палъ въ этой битвѣ (1238 г.). Отсюда Батый пошелъ на юго-западъ, взялъ Тверь и Торжокъ и затѣмъ устремился къ Новгороду; не доходя 100 верстъ до Новгорода, Батый остановился, испугавшись приближенія весенняго времени, когда разливались рѣки и таяли болота, окружавшія Новгородъ, и повернулъ на юго-востокъ въ степь, чтобы завладѣть половецкой землей. На пути Батыя задержалъ подъ своими стѣнами на цѣлыхъ 7 недѣль городокъ Козельскъ, жители котораго геройски защищали городъ и своего еще маленькаго князя до тѣхъ поръ, пока всѣ не погибли. Разбивъ половцевъ, которые затѣмъ въ числѣ 40.000 бѣжали въ Венгрію и тамъ поселились, вступивъ въ подданство венгерскому королю, Батый снова двинулся на русскія земли и пошелъ на южную Русь. Хотя южнорусскіе князья и мужественно защищались, но дѣйствуя отдѣльно, подобно сѣвернымъ князьямъ, тоже не имѣли успѣха въ борьбѣ съ татарами. Батый опустошилъ княжества черниговское, кіевское, волынское и галицкое. Кіевъ былъ взять и разоренъ, а жители его большею частью перебиты (1240 г.). Бояринъ Дмитрій, который былъ присланъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ защищать Кіевъ и былъ взятъ въ плѣнъ Батыемъ, желая избавить русскія земли отъ дальнѣйшаго разоренія, посовѣтовалъ Батыю идти въ Венгрію. Батый послушалъ его, перешелъ Карпатскія горы, разорилъ Венгрію и Силезію, но былъ разбитъ въ Моравіи чешскими войсками. Трудность борьбы на западѣ и вступленіе на верховный ханскій престолъ новаго хана Гаюка, съ которымъ Батый былъ во враждѣ, заставили Батыя отказаться отъ дальнѣйшаго похода и возвратиться въ юго-восточныя русскія степи. Страшно была опустошена русская земля татарами и въ живыхъ осталось не болѣе одной десятой части ея народонаселенія.

„Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки“, говоритъ лѣтописецъ: „храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ и искали заступниковъ между невѣрными и не находили; они славились прежде богатствомъ и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ конями татарскими. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ“.

Бытъ и нравы татаръ. Для того, чтобы лучше понять причину военныхъ успѣховъ татаръ и завоеванія ими русской земли, а также понять характеръ ихъ

владычества на Руси, послушаемъ, что разсказываютъ о бытѣ и нравахъ татаръ восточные писатели и европейскіе путешественники (Плано Карпини, Марко Поло, Рубруквисъ), посѣтившіе землю татаръ.

„Наружностью своею новые завоеватели нисколько не походили на другихъ людей: большее, чѣмъ у другихъ племенъ, разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, небольшой ростъ, рѣдкіе волосы на бородѣ—вотъ отличительныя черты ихъ наружности. Женъ татаринъ имѣлъ столько, сколько могъ содержать. Жили они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ; наверху находилось отверстіе для освѣщенія и выхода дыма, потому что посрединѣ юрты всегда у нихъ разведенъ огонь. Главное богатство ихъ состояло въ скотѣ, верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ. Вѣрили они въ одного бога, творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастія и бѣдствій; но этому богу они не молились и не чествовали его, а приносили жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей и помѣщаемымъ противъ дверей юрты. Боготворили также умершихъ хановъ своихъ, изображеніямъ которыхъ приносили жертвы и творили поклоны, смотря на югъ. Обожали солнце, луну, воду и землю. Вѣрили въ будущую жизнь. Сильно вѣрили гаданіямъ и чарамъ; думали, напр., что огонь все очищаетъ, и потому иностранныхъ пословъ и князей съ дарами проводили сперва между 2 огней, чтобы они не могли принести хану какого-нибудь зла. Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ татары. Бранились они рѣдко между собою и никогда не дрались. Воровъ у нихъ нѣтъ. Другъ съ другомъ они общительны, помогаютъ въ нуждѣ, воздержны и терпѣливы, легко переносили холодъ и жаръ. Европейскихъ путешественниковъ поразила въ татарахъ непомѣрная гордость, презрѣніе ко всѣмъ другимъ народамъ. Татары сколько были обходительны другъ съ другомъ, столько же раздражительны, гнѣвливы съ чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирѣпы, наконецъ очень неопрятны. Мужчины ничѣмъ не занимались, кромѣ стрѣльбы, да еще немного заботились о стадахъ; большую же часть времени проводили на охотѣ и въ стрѣльбѣ, потому что всѣ они отъ мала до велика хорошіе стрѣлки. На женщинахъ лежали всѣ хозяйственныя заботы. Вообще женщины пользовались уваженіемъ, щадить ихъ по возможности было закономъ. Ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла, имъ принадлежало регенство; въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ хана сидѣли и жены его. Касательно военнаго устройства Чингизъ-ханъ опредѣлилъ, чтобы надъ каждыми десятью человѣками былъ одинъ начальникъ—десятникъ, надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью сотниками—тысячникъ, надъ десятью тысячниками особый начальникъ, а число войска, ему подчиненнаго, называлось тьмою. Бѣглецы съ поля битвы, если только это бѣгство не было всеобщимъ, всѣ умерщвлялись. Каждый татаринъ долженъ былъ имѣть лукъ, колчанъ, наполненный стрѣлами, топоръ и веревки для того, чтобы тащить осадныя машины. Богатые сверхъ того имѣли кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей. Щиты у нихъ хворостяные. Вступая въ непріятельскую землю,

татары посылали передовые отряды, которые ничего не опустошали, но старались только убивать людей или обращать въ бѣгство; за ними слѣдовало цѣлое войско, которое, наоборотъ, истребляло все на своемъ пути. Если встрѣчалась большая рѣка, то переправлялись, сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ. На войнѣ это самый хитрый народъ. Прямо противъ непріятеля они высылали отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы самыхъ храбрыхъ людей посылали направо и налѣво въ дальнемъ разстояніи, чтобы послѣ неожиданно обхватить врага. Вообще они не охотники до ручныхъ схватокъ, но старались сперва перебить и переранить какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и потомъ уже схватывались съ ослабленнымъ такимъ образомъ непріятелемъ. При осадѣ крѣпостей разбивали стѣны машинами, бросая стрѣлы въ осажденныхъ, и не переставали бить и биться ни днемъ, ни ночью, чтобы не давать нисколько покоя послѣднимъ, а сами отдыхали, потому что одинъ отрядъ смѣнялъ другой. По приказанію Чингизъ-хана не слѣдовало щадить имѣнія и жизни враговъ, потому что плодъ пощады—сожалѣніе. Миръ они заключали только съ тѣми народами, которые соглашались признать ихъ господство. Жители подчиненной страны обязаны были ходить съ ними на войну по первому требованію и давать десятину отъ людей и отъ вещей, а остальныхъ жителей татары перечисляли для сбора подати. Князья подчиненныхъ странъ обязаны были являться безъ замедленія въ Орду и привозить богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ, однимъ словомъ, всѣмъ, имѣющимъ какое-нибудь значеніе. Подчиненные князья должны были принимать въ свои земли татарскихъ баскаковъ, которымъ какъ сами князья, такъ и всѣ жители обязаны были повиноваться, въ противномъ случаѣ по донесенію баскаковъ являлась толпа татаръ, которая истребляла ослушниковъ, опустошала ихъ городъ или страну. Не только самъ ханъ или намѣстникъ его, но всякій татаринъ, если случалось ему пріѣхать въ подчиненную страну, велъ себя въ ней какъ господинъ, требовалъ всего, чего только хотѣлъ, и получалъ. Во время пребыванія въ Ордѣ у великаго хана Плано Карпини замѣтилъ необыкновенную терпимость послѣдняго относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій; терпимость эта была предписана закономъ. Въ самомъ семействѣ хана были христіане и на собственномъ иждивеніи онъ содержалъ христіанскихъ духовныхъ греческаго исповѣданія, которые открыто отправляли свое богослуженіе въ церкви, помѣщавшейся передъ большой его палаткою. Рубруквисъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ Мангу совершали службу сперва христіанскіе духовные, потомъ магометанскіе муллы и наконецъ языческіе жрецы. «Мы, монголы, сказалъ ханъ Рубруквису, вѣруемъ во единаго Бога, которымъ живемъ и умираемъ, но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ, что они намъ говорятъ, и живемъ въ мирѣ». По уставу Чингизъ-хана и Угедея, подтвержденному впослѣдствіи, служители всѣхъ религій были освобождены отъ платежа дани». (Соловьевъ).

Татарское иго. По возвращеніи изъ Моравіи, Батый съ подвластными ему татарами расположился въ южныхъ и юго-восточ-

ныхъ степяхъ Россіи; татары Батыя смѣшались съ камскими болгарами и остатками половцевъ и составили царство Золотой или Кипчакской Орды, столицей которой былъ городъ Сарай на Ахтубѣ, рукавѣ Волги. Сначала ханъ Золотой Орды зависѣлъ отъ великаго хана, жившаго въ Азіи, но съ распаденіемъ царства Чингиза (1260 г.) на отдѣльныя земли, онъ сталъ вполнѣ независимъ и сдѣлался сильнѣйшимъ изъ монгольскихъ хановъ. Всѣ русскія княжества должны были подчиниться тяжелому татарскому игу. Устройство русской земли послѣ завоеванія ея татарами осталось прежнее. Князья могли управлять своими землями, но должны были являться въ Орду на поклоненіе хану, гдѣ исполняли разные унизительные обряды, напр., кланялись идоламъ и изображенію великаго хана, становились передъ ханомъ на колѣни и т. д. Когда князь Михаилъ Черниговскій не холѣлъ исполнить этихъ обрядовъ, то былъ замученъ въ Ордѣ вмѣстѣ со своимъ бояриномъ по приказанію Батыя. Въ случаѣ войны князья по требованію хана должны были приходить къ нему на помощь со своими дружинами. Князья получали отъ хана ярлыки (граматы) на княженіе, за что должны были дарить хана, его женъ и приближенныхъ богатыми подарками. Великій князь назначался уже самимъ ханомъ, причемъ часто младшіе князья, забывая о правахъ старшинства, получали ярлыкъ на великое княженіе при помощи хитрости и подарковъ. Въ знакъ зависимости отъ хана обрядъ посаженія князя на столъ совершался ханскимъ посломъ. Вся русская земля должна была платить татарамъ тяжелую дань, отданную на откупъ восточнымъ (бесерменскимъ) купцамъ, которые собирали ее подъ защитою ханскихъ баскаковъ, сопровождаемыхъ отрядами татаръ. Татарскіе баскаки (намѣстники) были поставлены въ началѣ ига почти во всѣхъ главныхъ русскихъ городахъ. Такъ какъ дань была поголовная, то составлена была перепись населенія; дань собирали съ большою жестокостью, и тѣхъ, кто не могъ платить, наказывали палками и отнимали у нихъ дѣтей. Православная вѣра осталась неприкосновенной, такъ какъ татары были вѣротерпимы, къ русскому духовенству они относились съ уваженіемъ и даже освободили его отъ дани; быть можетъ, этимъ они надѣялись пріобрѣсти расположеніе духовенства, такъ какъ знали о глубокомъ уваженіи къ нему русскаго народа.

Однимъ изъ многихъ послѣдствій татарскаго погрома было то, что юго-западныя русскія области, разоренныя татарами, не могли сопротивляться образовавшемуся въ это время на ихъ границахъ

литовскому княжеству, были имъ завоеваны и потомъ вмѣстѣ съ Литвой отошли подъ владычество Польши; Русь же сѣверо-восточная постепенно объединилась подъ владычествомъ Москвы.

Русь сѣверо-восточная и возвышеніе Москвы.

Послѣ смерти в. князя Юрія II братъ его **Ярославъ Всеволодовичъ** занялъ Владиміръ и первый поѣхалъ на поклонъ къ Батыю, за что получилъ ярлыкъ на великое княженіе (1238—1246). Онъ умеръ на пути въ Азію, куда отправился по приказанію Батыя кланяться великому хану. Ярославу послѣ шестилѣтнихъ междоусобій наслѣдовалъ на великомъ княженіи владимірскомъ сынъ его **Александръ Невскій** (1252—1263 г.). Русскій народъ не свыкся еще съ тяжелымъ игомъ, не соглашался на перепись для сбора поголовной дани и возставалъ противъ татарскихъ баскаковъ, вслѣдствіе чего русская земля могла быть еще разъ опустошена татарами. Въ то же время западно-русскимъ областямъ угрожали шведы и ливонцы, желавшіе поработить ихъ и распространить въ нихъ католичество, и литовцы. При такихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать Александру, и онъ спасъ русскую землю и отъ нѣмецкаго владычества, и отъ новаго татарскаго разоренія. Еще будучи удѣльнымъ княземъ въ Новгородѣ, Александръ на рѣкѣ Невѣ одержалъ блестящую побѣду надъ шведами (1240 г.), которые подъ предводительствомъ Биргера шли по приказанію римскаго папы крестовымъ походомъ на финскія и сосѣднія съ Новгородомъ земли, чтобы завоевать ихъ и ввести въ нихъ католицизмъ. За побѣду надъ шведами Александръ получилъ прозваніе „Невскаго“. Сохранилось сказаніе, что св. мученики Борисъ и Глѣбъ помогли Александру одержать побѣду. Затѣмъ Александръ, освободивъ Псковъ отъ ливонскихъ рыцарей, которые завладѣли имъ, разбилъ рыцарское ополченіе на льду Чудскаго озера (Ледовое побоище 1242 г.) и такимъ образомъ спасъ вторично новгородскую область отъ нѣмецкаго владычества и католицизма. На западѣ же Александръ 3 раза отражалъ нападенія литовцевъ. Папа римскій, видя невозможность силою обратить русскихъ въ католичество, пробовалъ дѣйствовать на Александра убѣжденіемъ и обѣщаніями разныхъ выгодъ, если онъ согласится на подчиненіе русской церкви Риму, но получилъ рѣшительный отказъ. Невская побѣда и Ледовое побоище сдѣлали извѣстнымъ имя Александра; всѣ русскіе люди прославляли его за славныя побѣды надъ нѣмцами

тѣмъ болѣе, что это было въ первые годы татарскаго ига, когда оно особенно сильно чувствовалось и горько было сносить его. Отличаясь замѣчательною храбростью, Александръ, умный и дальновидный, какъ всѣ сѣверные князья, потомки Всеволода III, иначе относился къ татарамъ. Онъ хорошо понималъ, что разоренная и попрежнему разрозненная Русь не только не могла еще свергнуть татарское иго, а, напротивъ, должна была безпрекословно повиноваться волѣ хана, чтобы не подвергнуться новому разоренію, и поэтому Александръ послѣ своихъ знаменитыхъ побѣдъ немедленно поѣхалъ къ Батыю по его зову и поклонился ему. Ханъ былъ пораженъ его красотой, силой, умомъ и сказалъ своимъ приближеннымъ: „все, что мнѣ ни говорили объ Александрѣ, все правда, нѣтъ князя подобнаго ему. Сдѣлавшись в. княземъ по назначенію хана, Александръ еще нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду, выказывалъ и самъ безусловное повиновеніе волѣ хана и русскихъ людей убѣждалъ повиноваться. Онъ уговорилъ новгородцевъ, не хотѣвшихъ подчиниться поголовной переписи, согласиться на нее, а когда жители Ростова, Суздаля, Владиміра, Ярославля, выведенные изъ терпѣнія угнетеніями татарскихъ баскаковъ, убили ихъ, то онъ въ 4-й разъ поѣхалъ въ Орду просить имъ помилованія у хана. Александру удалось выпросить у хана прощеніе этимъ городамъ, но на возвратномъ пути во Владиміръ онъ умеръ. Искренно любили и уважали Александра всѣ русскіе люди: когда митрополитъ, во время совершенія богослуженія во Владимірскомъ соборѣ, узналъ о смерти Александра и обратился весь въ слезахъ къ народу со словами: „чада моя милая! знайте, что закатилось солнце земли русской: не стало Александра!“, то народъ встрѣтилъ это извѣстіе общимъ плачемъ, среди котораго слышались слова „мы погибаемъ“. Такъ нуженъ былъ Александръ, ясно понимавшій, что сопротивляться было не время, что лучшее спасеніе въ благоразумной уступчивости, что болѣе можно было выиграть политикою, умѣвшій ладить съ татарами и тѣмъ спасшій русскую землю.

Тѣло великаго князя уже везли въ столицу. Несмотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка, говоритъ Карамзинъ, въ похвалу Александра къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небес-

ному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего князя. Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнѣе Великаго: ибо Великими называютъ обыкновенно счастливыхъ; Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ государства. Самые легкомысленные новгородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго князя, говоря, что онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю русскую». (Карамзинъ).

Александру наслѣдовалъ на великомъ княженіи братъ его **Ярославъ Ярославичъ**, князь тверской (1263—1272 г.). Въ его княженіе кончилось первое самое тяжелое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига, такъ какъ въ 1266 г. умеръ ханъ Берке и „была ослаба Руси отъ насилія татарскаго“, замѣчаетъ лѣтописецъ; при этомъ ханѣ татары приняли магометанскую вѣру. Послѣ Ярослава в. княземъ былъ другой братъ Александра **Василій Ярославичъ** костромской (1272—1276.), а затѣмъ сыновья Александра Невскаго **Дмитрій** переяславскій и **Андрей** городецкій вели между собою борьбу за великое княженіе и, обращаясь за рѣшеніемъ своихъ споровъ къ хану, приводили татаръ, которые опустошали русскую землю (1276—1304 г.).

Въ концѣ XIII в. въ сѣв.-вост. Руси начинаетъ возвышаться княжество **Московское**, основателемъ котораго былъ младшій сынъ Александра Невскаго **Даніилъ**. Первое упоминаніе въ лѣтописи о Москвѣ находится подъ 1147 г.; основанная Юріемъ Долгорукимъ и названная Москвой по имени рѣки, на которой она стояла (слово „москва“ по-фински означаетъ мутную воду), Москва до князя Даніила была маленькимъ городкомъ суздальскаго княжества. Даніилъ усилилъ свое княжество присоединеніемъ къ нему Переяславля Залѣсскаго, который онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего племянника. Сынъ Даніила Юрій, присоединившій къ московскому княжеству Можайскъ, отнятый у смольнянъ, и Коломну, отнятую у рязанцевъ, вступаетъ уже въ борьбу за великое княженіе съ тверскимъ княземъ **Михаиломъ Ярославичемъ**, который былъ в. княземъ владимірскимъ послѣ смерти Андрея Александровича (1304—1319 г.). Юрій былъ племянникъ Михаила, правъ на великое княженіе по стариннымъ понятіямъ не имѣлъ и, слѣдовательно, соперничалъ съ Михаиломъ по праву силы, а не по праву старшинства. Пріобрѣтя расположеніе хана Узбека женить-

бой на его сестрѣ Кончакѣ, **Юрій** получилъ великое княженіе (1319—1326 г.) послѣ того, какъ Михаилъ былъ замученъ въ Ордѣ по его ложнымъ навѣтамъ. Вскорѣ, однако, Юрій былъ убитъ въ Ордѣ тверскимъ княземъ Дмитріемъ, который мстилъ Юрію за смерть своего отца Михаила. Ханъ казнилъ за это Дмитрія, но великое княженіе далъ его брату **Александру Михайловичу** (1326—1328 г.), который, однако, скоро навлекъ на себя гнѣвъ хана за то, что позволилъ тверичанамъ убить ханскаго посла Чолхана (Щелкана) и его свиту, которые обижали тверичей. Братъ Юрія Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита („калита“ значитъ „мѣшокъ для денегъ“), соединившій подъ своею властію, по смерти братьевъ, все московское княжество, поѣхалъ въ Орду съ донесеніемъ о тверскихъ событіяхъ и оттуда воротился съ 50,000 татарскимъ войскомъ, чтобы наказать Александра по приказанію хана. Александръ бѣжалъ во Псковъ, тверское княжество было опустошено, а Іоаннъ Даниловичъ получилъ отъ хана великое княженіе.

Іоаннъ Калита (1328—1340 г.), унаслѣдовавшій отъ своихъ предковъ, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, ихъ отличительныя качества: бережливость, хитрость, упорное преслѣдованіе цѣли, и обыкновенно называемый „первымъ собирателемъ русской земли“, своимъ княженіемъ положилъ прочное начало возвышенію Москвы и объединенію подъ ея властію всѣхъ удѣльныхъ княжествъ. Безпрекословно повинуясь волѣ хана, Калита заслужилъ полное его довѣріе, въ силу котораго къ нему перешелъ непосредственный надзоръ за остальными князьями, наказаніе ихъ въ случаѣ ослушанія ханской воли, право собирать дань (выходъ ордынскій) съ русскихъ вмѣсто ханскихъ баскаковъ и самому отвозить ее въ Орду. Собирая дань и тѣмъ освобождая народъ отъ страшныхъ разореній баскаковъ, онъ удерживалъ часть дани въ свою пользу; на эти деньги онъ покупалъ села и города и присоединялъ ихъ къ своей Москвѣ. Живя въ Москвѣ, а не во Владимірѣ, Калита хотѣлъ возвысить ее въ глазахъ народа и сдѣлать главнымъ городомъ сѣв.-вост. Руси и для этого пригласилъ митрополита св. Петра изъ Владиміра на жительство въ Москву (1326 г.). Св. Петръ, полюбивъ Москву и ея князя, предсказалъ будущее ея величіе въ такихъ словахъ: „градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градехъ русскихъ, святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плещи врагъ его, и прославится Богъ въ немъ; еще же и мои кости въ немъ положены будутъ“. Преемникъ св. Петра митрополитъ Ѳеог-

ностъ также жилъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ становится мѣстопребываніемъ митрополитовъ. Калита уважалъ митрополита и духовенство, украшалъ Москву храмами, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ соборъ Успенія Богоматери, гдѣ погребенъ былъ св. Петръ, самъ отличался религіозностью, а митрополиты помогали ему въ борьбѣ съ врагами, налагая на нихъ церковное отлученіе; такъ Ѳеогностъ отлучилъ отъ церкви Александра тверского и псковичей, когда псковичи не хотѣли выдавать Александра; тогда Александръ самъ ушелъ изъ Пскова въ Литву. Москва, сдѣлавшаяся мѣстопребываніемъ митрополита, который былъ одинъ на всю русскую землю, между тѣмъ какъ князей было много, стала постепенно возвышаться въ глазахъ народа и заняла въ сѣв.-восточной Руси такое же мѣсто, какое въ южной прежде занималъ Кіевъ. Съ возвышеніемъ Москвы возвышалось и значеніе московскаго князя, въ которомъ народъ привыкалъ видѣть главу всѣхъ князей. Московское княжество, благодаря расположенію хановъ къ его князьямъ, не опустошалось татарами, не было здѣсь и княжескихъ междоусобій, почему въ него стекалось населеніе изъ другихъ русскихъ областей, и оно стало многолюднѣе и богаче другихъ. Желая упрочить великое княженіе за своимъ потомствомъ, Калита часто ѣздилъ въ Орду, жилъ тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, щедро одѣлялъ подарками хана, его женъ и вельможъ, выказывалъ полнѣйшую преданность волѣ хана, возилъ съ собою своихъ сыновей, представляя ихъ хану, какъ вѣрнѣйшихъ его слугъ, и всѣмъ этимъ достигъ цѣли: великое княженіе осталось за его потомствомъ. Власть Калиты въ русской землѣ была велика; князья тверскіе, суздальскіе, рязанскіе, Великій Новгородъ—повиновались ему, не имѣя возможности соперничать съ нимъ въ Ордѣ, такъ какъ Калита, самъ собиравшій дань, былъ гораздо богаче ихъ и, слѣдовательно, всегда могъ расположить хана на свою сторону. Калита уже не довольствовался титуломъ „в. князя владимірскаго“, но называлъ себя „великимъ княземъ всея Руси“. Раздѣливъ передъ смертью свои земли между 3 сыновьями—Симеономъ, Іоанномъ и Андреемъ, городъ Москву Калита отдалъ въ общее имъ всѣмъ владѣніе, вслѣдствіе чего Москва всегда должна была остаться столицей, кто бы изъ его сыновей ни былъ великимъ княземъ.

„Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ московскій князь Іоаннъ Даниловичъ сталъ великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей русской землѣ и перестали татары воевать ее. Таково было непосредственное слѣдствіе

усиленія одного княжества, московскаго, на счетъ всѣхъ другихъ; видно, что предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ былъ постоянно нарушаемъ сперва родовыми усобицами княжескими, потомъ усобицами князей, или, лучше сказать, отдѣльныхъ княжествъ для усиленія себя на счетъ другихъ, что̀ вело къ единовластію. Борьба эта для усиленія себя на счетъ другихъ съ презрѣніемъ родовой связи и счетовъ началась давно. Ярославъ Тверской, Василій Костромской, Андрей Городецкій показали ясно новый характеръ борьбы; борьба Твери съ Москвою была послѣднею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою 2 княжествъ, стремившихся къ окончательному усиленію. Для Москвы средства въ этой борьбѣ были приготовлены еще при Даніилѣ, началъ борьбу и неутомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ; Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, окончилъ борьбу съ полнымъ торжествомъ для своего княжества и далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія этого торжества, далъ имъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя русской земли". (Соловьевъ).

Іоанну Калитѣ наслѣдовали на великомъ княженіи одинъ за другимъ его сыновья **Симеонъ Гордый**(1340—1353 г.) и **Іоаннъ II Кроткій** (1353— 1359 г.). Послѣ смерти Калиты нѣсколько князей поѣхало въ Орду просить у хана великаго княженія, но богатый московскій князь Симеонъ получилъ ярлыкъ, причемъ „всѣ князья русскіе были даны подъ его руки", т.-е. стали его подчиненными, подручными. За его повелительное обращеніе удѣльные князья дали ему прозваніе „гордаго". Удѣлъ бездѣтнаго Симеона, умершаго отъ моровога повѣтрія (черной смерти), перешелъ вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ къ брату Іоанну, съ которымъ напрасно боролся за великокняжескій престолъ князь суздальскій. Іоаннъ, „кроткій, тихій и милостивый князь", едва ли бы могъ поддержать первенствующее значеніе Москвы, если бы ему не помогали московскіе бояре и митрополитъ Алексѣй, который часто ѣздилъ въ Орду и пользовался большимъ расположеніемъ хана. Когда Іоаннъ II умеръ, то сынъ его Дмитрій былъ еще малолѣтенъ и не могъ самъ за себя хлопотать въ Ордѣ, почему ханъ отдалъ великое княженіе **Дмитрію Константиновичу** суздальскому (1359—1363 г.). Тогда московскіе бояре, которые со временъ Калиты привыкли первенствовать надъ боярами прочихъ князей, рѣшили постоять за Дмитрія Іоанновича и добыть ему в. княженіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ пришлось бы стать ниже бояръ в. князя; если бы они даже отъѣхали къ новому в. князю, то его старые бояре, конечно, были бы выше ихъ, вновь пріѣхавшихъ. Дѣйствительно, боярамъ удалось выхлопотать новый ярлыкъ на в. княженіе Дмитрію московскому

и Дмитрій Константиновичъ, послѣ безуспѣшной борьбы съ нимъ, долженъ былъ отказаться отъ в. княженія и даже отдалъ за Дмитрія замужъ свою дочь.

Дмитрій Іоанновичъ Донской (1363—1389 г.) былъ очень силенъ, какъ великій князь, и всѣ князья сѣв.-восточной Руси ему повиновались. По желанію Дмитрія, пр. Сергій съ разрѣшенія митрополита наложилъ церковное отлученіе на нижегородцевъ и тогда князь Борисъ долженъ былъ уступить Нижній-Новгородъ брату своему Дмитрію суздальскому, такъ какъ этого желалъ московскій князь. Князь тверской Михаилъ Александровичъ, на помощь которому 3 раза приходилъ зять его Ольгердъ, литовскій князь, былъ побѣжденъ Дмитріемъ Іоанновичемъ и призналъ его старшинство надъ собою. Князь Рязанскій Олегъ Ивановичъ послѣ долгой вражды тоже помирился съ Дмитріемъ при содѣйствіи св. Сергія. Утвердивъ власть свою надъ сѣверовосточными князьями и сознавая свою силу, Дмитрій рѣшился вступить въ борьбу съ татарами, которыхъ еще въ дѣтствѣ, во время борьбы своей съ Дмитріемъ суздальскимъ, онъ уже привыкъ не бояться и не слушаться. Онъ видѣлъ слабость Орды, происходившую отъ кровавыхъ раздоровъ за ханскій престолъ, и зналъ, что русскіе люди уже перестали бояться татаръ, такъ какъ со временъ Калиты татары не приходили на Русь за данью. Дмитрій былъ представителемъ того поколѣнія русскихъ людей, которые не испытали ужасовъ татарскаго нашествія и потому безъ боязни пошли съ нимъ противъ татаръ. Въ 1378 г. послѣдовало первое столкновеніе съ татарами на рѣкѣ Вожѣ въ рязанскомъ княжествѣ, гдѣ Дмитрій разбилъ большое татарское войско. Тогда Мамай, правившій въ то время Золотой Ордой, собралъ огромныя полчища татаръ, заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ и двинулся на Русь, чтобы наказать Дмитрія. Дмитрій Іоанновичъ призвалъ всѣхъ князей с.-восточной Руси подъ свои знамена (одинъ только рязанскій князь изъ боязни татаръ уклонился отъ участія въ этой битвѣ) и, получивъ благословеніе отъ св. Сергія, основателя Троицкой Лавры, сразился съ Мамаемъ на **Куликовомъ полѣ**, при впаденіи въ Донъ рѣки Непрядвы (8 сентября 1380 г.). Битва окончилась полнѣйшимъ пораженіемъ татаръ, главнымъ образомъ благодаря смѣлому удару засаднаго полка, находившагося подъ начальствомъ Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Дмитрія, и воеводы Волынскаго Боброка. Куликовская битва произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ и о ней составилось нѣсколько сказаній, въ кото-

рыхъ она подробно описана, причемъ особенно прославляется Дмитрій, прозванный за побѣду Донскимъ. Мамай хотѣлъ еще разъ идти на Дмитрія, но былъ низложенъ Тохтамышемъ; русскіе князья на поклонъ къ Тохтамышу сами не поѣхали, а послали пословъ; тогда Тохтамышъ внезапно напалъ на Москву и заставилъ Дмитрія снова платить дань. Такимъ образомъ Куликовская побѣда не уничтожила татарскаго ига, но она много способствовала объединенію Руси подъ властію Москвы. Дмитрій, московскій князь, первый пытался свергнуть ненавистное иго, вслѣдствіе чего современники и потомки относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и ставили его на ряду съ Александромъ Невскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилась въ глазахъ народа и династія московскихъ князей. Народъ русскій, ободренный успѣхомъ, пересталъ бояться татаръ и смотрѣть на нихъ, какъ на непобѣдимыхъ, какъ на неизбѣжное наказаніе Бога за грѣхи. Русскіе всѣхъ княжествъ участвовали въ этой битвѣ, сражались за православіе противъ магометанъ, вслѣдствіе чего усилилось сознаніе ихъ національнаго и религіознаго единства. Наконецъ сами татары послѣ этой битвы перестали смотрѣть на русскихъ, какъ на покорныхъ рабовъ, и стали уже дѣйствовать противъ нихъ съ хитростью и осторожностью.

„Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побоище каталаунское, гдѣ полководецъ римскій спасъ Западную Европу отъ гунновъ, таково было побоище турское, гдѣ вождь франкскій спасъ Западную Европу отъ аравитянъ. З. Европа была спасена отъ азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще осталась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX в. образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи: въ XIII в. этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣв.-востокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ государство въ 150 лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть—и куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ окончательнаго торжества Европы надъ Азіей. Она имѣетъ въ исторіи Восточной Европы точно такое же значеніе, какъ побѣды каталаунская (451 г.) и турская (732 г.) имѣютъ въ исторіи Европы Западной, и носитъ одинакій съ ними характеръ, характеръ страшнаго кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіей, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ—которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другой. Куликовская битва служитъ гранью между 2 отдѣлами въ исторіи отношеній Европы

къ Азіи: съ этихъ поръ прекращается наступательное движеніе Азіи на Европу и начинается явленіе обратное—наступательное движеніе Европы на Азію. Таково всемірно-историческое значеніе куликовской битвы; собственно въ русской исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣв.-востокѣ. 150 лѣтъ назадъ татарскія полчища встрѣтились съ русскими князьями на берегахъ Калки; здѣсь была въ сборѣ южная Русь, здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей, здѣсь былъ самый храбрый изъ князей, Мстиславъ Мстиславовичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю съ братьями и погубилъ войска. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья князья стали подручниками старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ распрей и побѣда осталась за Русью. Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ мы видимъ, что событіе это, представляясь съ одной стороны какъ великое торжество, съ другой представляется какъ событіе плачевное: была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ, но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ русской". (Соловьевъ).

Дмитрій Іоанновичъ еще при жизни своей заключилъ договоръ съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, который обязался служить ему безъ ослушанія и не искать великаго княженія послѣ его смерти; такимъ образомъ прежнія родственныя отношенія князей замѣняются теперь служебными и кромѣ того является новый порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго отцу на великомъ княженіи наслѣдуетъ сынъ, а не братъ, и дядя признаетъ старшинство племянника. Этотъ новый порядокъ престолонаслѣдія (окончательно установившійся при Василіи II) важенъ былъ въ томъ отношеніи, что прекращалъ прежнюю вражду за старшинство, и потому нашелъ полное сочувствіе и въ народѣ и въ духовенствѣ. Дмитрій настолько былъ увѣренъ въ своей власти надъ остальными князьями сѣв.-восточной Руси и въ слабости Орды, что передъ смертью благословилъ своего старшаго сына Василія в. княженіемъ владимірскимъ, какъ своей отчиной, слѣдовательно, онъ увѣренъ, что другіе князья не осмѣлятся оспаривать в. княженіе у его сына, и не боится, что ханъ можетъ его дать другому князю.

Дѣдъ, дядя и отецъ Дмитрія въ тишинѣ приготовили богатыя средства къ борьбѣ открытой, рѣшительной. Заслуга Дмитрія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленныя силы и дать имъ во-время надлежащее употребленіе. Мы не станемъ взвѣшивать заслугъ Дмитрія сравнительно съ заслугами его предшественниковъ, замѣтимъ только,

что употребленіе силъ происходитъ обыкновенно громче и виднѣе ихъ приготовленія, и богатое событіями княженіе Дмитрія, протекшее съ начала до конца въ упорной и важной борьбѣ, легко затмило бѣдныя событіями княженія предшественниковъ; событія, подобныя битвѣ куликовской, сильно поражаютъ воображеніе современниковъ, надолго остаются въ памяти потомковъ, и потому неудивительно, что побѣдитель Мамая получилъ послѣ Александра Невскаго такое видное мѣсто между князьями новой сѣв.-восточной Руси. Лучшимъ доказательствомъ особенно важнаго значенія, придаваемаго дѣятельности Дмитрія современниками, служитъ существованіе особаго сказанія о подвигахъ этого князя, особаго украшенно написаннаго житія его. Въ житіяхъ прославляется строгая жизнь Дмитрія, отвращеніе отъ забавъ, благочестіе, незлобіе, цѣломудріе; между прочимъ говорится: „аще и книгамъ неученъ бѣашѣ добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше". (Соловьевъ).

Василій I (1389—1425 г.), сынъ Дмитрія Донского, продолжалъ собираніе русской земли. Посредствомъ покупки онъ пріобрѣлъ у хана ярлыкъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ и завладѣлъ Нижнимъ при содѣйствіи нижегородскихъ бояръ, предпочитавшихъ служить сильному московскому князю. Псковъ долженъ былъ также принимать къ себѣ князей по назначенію Василія. При этомъ князѣ Руси угрожало новое разореніе отъ страшнаго монгольскаго завоевателя Тамерлана. Тамерланъ назначилъ ханомъ Золотой Орды подручника своего Тохтамыша, но когда Тохтамышъ возсталъ противъ него, то Тамерланъ пошелъ на Тохтамыша войной, побѣдилъ его и занялъ Сарай, а оттуда пошелъ на русскую землю (1395 г.). Василій собралъ большое войско и сталъ на берегу Оки, а въ то же время былъ перенесенъ въ Москву образъ Владимірской Божьей Матери. Сказаніе, составленное о нашествіи Тамерлана, говоритъ, что Тамерланъ изъ рязанской области внезапно воротился назадъ и ушелъ изъ предѣловъ русской земли въ тотъ именно день, когда жители Москвы встрѣтили икону. Съ тѣхъ поръ этотъ образъ, помѣщенный въ Успенскомъ соборѣ, составляетъ главную святыню Москвы. Воспользовавшись смутами, происшедшими въ Ордѣ по уходѣ Тамерлана, Василій пересталъ платить татарамъ дань. Тогда мурза Эдигей, властвовавшій въ Ордѣ, напалъ врасплохъ на московскую область и, опустошивъ ее, ушелъ назадъ, взявъ съ Москвы 3,000 рублей за отступленіе.

Василію I наслѣдовалъ въ силу новаго порядка престолонаслѣдія сынъ его **Василій II** (1425—1462 г.), прозванный **Темнымъ**. Родной дядя Василія II Юрій Дмитріевичъ вступилъ съ нимъ въ борьбу за в. княженіе, опираясь на право старшинства. Для рѣшенія спора дядя и племянникъ поѣхали въ Орду и ханъ утвер-

дилъ на престолѣ Василія, но, несмотря на это, Юрій снова началъ войну съ Василіемъ. Война, которая велась Юріемъ и его сыновьями Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякой противъ Василія II, шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Сначала побѣдилъ Юрій, занялъ Москву и умеръ в. княземъ. Потомъ Василій II выгналъ изъ Москвы Василія Косого, занявшаго ее послѣ смерти отца, ослѣпилъ его и сѣлъ самъ на в. княженіе. Тогда Дмитрій Шемяка хитростію захватилъ Василія II, ослѣпилъ его и занялъ Москву, но недолго удержался въ ней и долженъ былъ отдать ее обратно Василію; въ происшедшей затѣмъ войнѣ Шемяка былъ разбитъ, бѣжалъ въ Новгородъ и тамъ былъ отравленъ. Такимъ образомъ Василій II вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы за новый порядокъ престолонаслѣдія, такъ какъ на сторонѣ Василія Темнаго были бояре московскіе, духовенство и народъ; всѣ они дѣятельно помогали Василію въ его борьбѣ съ врагами, вполнѣ сочувствуя новому порядку престолонаслѣдія, съ которымъ прекращались прежнія усобицы за старшинство. Утвердившись на в. княженіи, Василій II уничтожилъ всѣ удѣлы въ московскомъ княжествѣ, кромѣ одного только верейскаго, причемъ удѣльные князья московскіе, его родственники, принуждены были бѣжать въ Литву, а одинъ изъ нихъ былъ даже заточенъ. Всѣ сѣв.-восточныя области вполнѣ подчинялись Василію. Въ рязанское княжество онъ послалъ для управленія своихъ намѣстниковъ, а малолѣтняго рязанскаго князя перевезъ въ Москву. Князь тверской также находился отъ него въ зависимости. В. Новгородъ за поддержку Шемяки принужденъ былъ заплатить Василію 10,000 рублей и клятвенно обѣщалъ впредь не принимать къ себѣ князя, враждебнаго московскому. Умирая, Василій благословилъ старшаго сына своего Іоанна, уже бывшаго его соправителемъ, великимъ княженіемъ, причемъ владимірское княжество онъ не считаетъ отдѣльнымъ, а включаетъ его въ составъ московской области. Остальнымъ четыремъ сыновьямъ Василій также назначилъ удѣлы, но старшій Іоаннъ получилъ гораздо большее число городовъ, чѣмъ всѣ его четыре брата вмѣстѣ, слѣдовательно, младшіе братья не могли быть ему опасны.

Внутреннее состояніе сѣверовосточной Руси во время татарскаго ига.

Причины возвышенія московскаго княжества. Въ татарскомъ періодѣ русской исторіи мы видимъ иныя явленія въ жизни

русскаго народа сравнительно съ удѣльновѣчевымъ. Это различіе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что сѣв.-восточная Русь, сдѣлавшаяся въ это время главнымъ мѣстомъ дѣйствія русской исторіи, не походила по своей природѣ и по характеру населенія на Русь юго-западную, а во-вторыхъ,—вліяніемъ татарскаго ига. Иго, тяготѣвшее надъ русской землей 240 лѣтъ, не могло, конечно, не оставить слѣдовъ въ жизни русскаго народа. Однимъ изъ послѣдствій татарскаго ига было собраніе сѣв.- вост. русскихъ земель въ одно цѣлое подъ владычествомъ Москвы. Возвышенію московскаго княжества помогли слѣдующія обстоятельства: покровительство хановъ московскимъ князьямъ и личный характеръ этихъ князей, новый порядокъ престолонаслѣдія и отсутствіе княжескихъ междоусобій вслѣдствіе малочисленности дома Калиты, содѣйствіе митрополитовъ и бояръ, выгодное географическое положеніе московскаго княжества, ослабленіе З. Орды и раздѣленіе ея на части, и, наконецъ, дробленіе на удѣлы и слабость сосѣднихъ съ Москвой сѣв.-восточныхъ княжествъ.

Въ Руси удѣльновѣчевой всѣ князья рюриковичи сообща владѣли русской землей, при чемъ старшій въ родѣ садился въ Кіевѣ и назывался в. княземъ, остальные же назывались удѣльными, и такимъ образомъ сохранялось единство княжескаго рода. Съ Андрея Боголюбскаго Владиміръ занялъ мѣсто Кіева и въ немъ жили в. князья. Во время же татарскаго владычества мы видимъ отдѣльныя княжескія семейства—князей тверскихъ, нижегородскихъ, рязанскихъ, московскихъ, причемъ старшіе князья въ этихъ семействахъ называли себя в. князьями въ знакъ своей самостоятельности и независимости отъ в. князя владимірскаго. Каждый изъ этихъ великихъ князей старался возвыситься надъ другими и увеличить свою область присоединеніемъ къ ней владимірскаго княжества. Хотя Владиміръ и продолжалъ считаться стольнымъ городомъ, но в. князья, получивъ Владиміръ, уже не переѣзжали въ него, а оставались жить въ стольныхъ городахъ своихъ волостей, такъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Дмитрій въ Переяславлѣ. По мѣрѣ того какъ Владиміръ терялъ свое значеніе, являлась возможность возвыситься другому городу въ качествѣ столицы,—такъ столицей сдѣлалась Москва. Для полученія в. княженія владимірскаго уже не нужно было имѣть правъ старшинства: его получалъ тотъ князь, которому удавалось пріобрѣсти наибольшее расположеніе хана; милость хана стала выше всякихъ правъ. Добиться этой милости стремились всѣ князья, но нужно

было особое искусство, хитрая политика, чтобы сохранить за собою эту милость. Князь, получившій великое княженіе и пользовавшійся расположеніемъ хана, становился самымъ сильнымъ въ с.-восточной Руси и могъ подчинить себѣ другихъ князей. Такое положеніе дѣлъ лучше всѣхъ поняли московскіе князья, не имѣвшіе правъ старшинства, владѣвшіе маленькой областью, но зато князья-политики, унаслѣдовавшіе отъ своихъ предковъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III расчетливость, бережливость, осторожность, умѣнье пользоваться обстоятельствами. Ловкой политикой они пріобрѣли расположеніе хановъ, получили ярлыкъ на в. княженіе и право собирать дань для хана съ русскихъ областей. Собирая дань, они увеличивали свою казну, скупали земли, богатѣли, такъ что другимъ князьямъ уже не подъ силу было оспаривать у нихъ ханское благоволеніе, и ярлыкъ на в. княженіе постоянно доставался имъ. Такимъ образомъ московскіе князья, при поддержкѣ хановъ, безсознательно способствовавшихъ уничтоженію удѣльной системы, ослаблявшей русскую землю, постепенно объединяли подъ своею властію сѣв.-восточныя области. Конечно, въ этомъ умѣньѣ пользоваться помощью хановъ для возвышенія Москвы имѣлъ большое значеніе характеръ московскихъ князей.

„Всѣ они, говоритъ Соловьевъ, похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ“.

Новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ старшему сыну, заведенный московскими князьями, нашелъ себѣ полное сочувствіе въ народѣ и духовенствѣ, такъ какъ прекращалъ прежнія родовыя княжескія распри. Когда Юрій Дмитріевичъ сталъ спорить со своимъ племянникомъ Василіемъ II за в. княженіе, то духовенство порицало Юрія и сравнивало его поступокъ съ грѣхомъ праотца Адама, захотѣвшаго быть равнымъ Богу. Важно было и то, что домъ Калиты не былъ многочисленъ и не было въ немъ усобицъ до временъ Василія II, которыя могли бы ослабить Москву. Москва становится главнымъ городомъ сѣв.-восточной Руси въ княженіе Калиты съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поселились митрополиты. Пребываніе митрополита въ Москвѣ возвышало ее въ глазахъ народа, такъ какъ митрополитъ былъ одинъ во всей Руси, а князей было много. Многія лица по дѣламъ церкви пріѣзжали

въ Москву къ митрополиту, что дѣлало ее болѣе многолюдною. Митрополиты помогали усиленію московскихъ князей, хлопоча за нихъ въ Ордѣ и отлучая отъ церкви непокорныхъ имъ князей, такъ какъ духовная власть митрополита простиралась на всю русскую землю. Способствуя возвышенію Москвы и объединенію подъ ея властію удѣловъ, митрополиты содѣйствовали развитію на Руси единодержавія, подобнаго тому, какое было въ византійскомъ государствѣ, но въ то же время они руководствовались и матеріальными интересами, такъ какъ трудно было охранять во время междоусобныхъ княжескихъ войнъ церковныя земли, разсѣянныя по разнымъ княжествамъ. Кромѣ того удѣльные князья часто нарушали права духовенства, между тѣмъ какъ благочестивые московскіе князья оказывали духовенству полное уваженіе и украшали Москву храмами и монастырями. Московскіе бояре, привыкнувъ быть боярами великокняжескими, не хотѣли уже имѣть второстепеннаго значенія и потому поддерживали своихъ князей и старались сохранить за ними великое княженіе, напр., при Іоаннѣ II, Дмитріи и Василіи II. Благодаря возможности перехода отъ одного князя на службу къ другому, даже бояре удѣльныхъ князей переходили къ московскимъ, сохраняя при этомъ свои наслѣдственныя имѣнія. Усиленію Москвы также способствовало ея географическое положеніе. Находясь близъ истоковъ важнѣйшихъ рѣкъ, окруженная русскими княжествами, которыя защищали ее отъ нападеній извнѣ, московская область представляла удобное мѣсто для торговли. Благоразумная политика московскихъ князей защищала ихъ княжество отъ татарскихъ разореній, вслѣдствіе чего населеніе стекалось въ него отовсюду и обогащало его. Благодаря центральному положенію Москвы среди сѣв.-восточныхъ княжествъ, московскіе князья имѣли полную возможность препятствовать соединенію этихъ княжествъ противъ Москвы и въ то же время могли утверждать свою власть надъ этими княжествами. Въ то время какъ Москва усиливалась благодаря всѣмъ этимъ благопріятнымъ для нея обстоятельствамъ, сосѣднія сѣв.-восточныя княжества дробились на удѣлы, слабѣли отъ внутреннихъ усобицъ и такимъ образомъ облегчали Москвѣ дѣло собиранія Руси. Татарская Орда также постепенно слабѣла отъ внутреннихъ неурядицъ и наконецъ распалась (при Василіи II) на 3 отдѣльныя, назависимыя и враждебныя одна другой орды—золотую, казанскую и крымскую.

Князь. Изъ дошедшихъ до насъ духовныхъ завѣщаній князей и ихъ договорныхъ граматъ можно видѣть, что въ XIV—XV в.

измѣняются взаимныя отношенія князей: прежнія родственныя отношенія удѣльныхъ князей къ великому замѣняются служебными. Такъ въ договорныхъ граматахъ удѣльныхъ московскихъ князей съ великимъ московскимъ княземъ на ряду съ выраженіями, что „младшіе братья должны почитать старшаго по старинѣ въ отца мѣсто и слушать его, а старшій не долженъ обижать младшихъ и жить съ ними въ согласіи", встрѣчаемъ и такія выраженія: „тебѣ, брату моему младшему", договаривается Дмитрій Донской съ Владиміромъ Андреевичемъ, „держать подъ мной княженіе мое великое честно и грозно, служить мнѣ безъ ослушанія по условію, а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ".Эти служебныя отношенія, развиваясь все болѣе и болѣе, сдѣлали впослѣдствіи удѣльныхъ князей слугами великаго князя. Этими договорами заранѣе предусматривались всевозможныя столкновенія между князьями, такъ напр., удѣльные московскіе князья по требованію великаго князя должны были ходить на войну,—бояре могли отъѣзжать отъ одного князя къ другому и князья не должны были изъ-за этого ссориться,—удѣлами своими князья владѣютъ полновластно и не вступаются въ удѣлы другъ друга,—удѣльные князья не могли сами непосредственно сноситься съ Ордой и дань отвозилъ въ Орду великій князь. Заботясь о сохраненіи мира между дѣтьми, московскіе князья въ своихъ завѣщаніяхъ дѣтямъ высоко ставили авторитетъ ихъ матери; мать, получая по смерти мужа богатыя волости, должна была рѣшать всѣ споры между сыновьями, а сыновья должны были ее слушать, не выступать изъ ея воли, обращаться къ ней за судомъ. Кромѣ того, для обезпеченія спокойствія московскіе князья назначали старшему сыну большій удѣлъ, чѣмъ другимъ сыновьямъ. Великимъ княземъ со временъ Калиты былъ всегда князь московскій, владѣвшій старшимъ владимірскимъ княжествомъ и носившій названіе великаго князя всея Руси. Великіе князья тверской, рязанскій и нижегородскій по отношенію къ московскому были сначала довольно самостоятельны: они заключали съ московскими князьями договоры, какъ равные съ равными, могли сами сноситься съ ханомъ („знали Орду"), но постепенно и они подчинялись волѣ в. князя московскаго. Въ началѣ ига по городамъ были поставлены татарскіе баскаки (намѣстники), а численники и сборщики дани перечисляли народъ. Когда же великіе князья со временъ Калиты стали сами собирать дань и отвозить ее въ Орду, то въ управленіи своими областями они сдѣлались совершенно назависимы отъ татаръ, получая отъ нихъ только ярлыкъ на княженіе, причемъ великаго князя

сажалъ на столъ ханскій посолъ. Съ этого времени переписи народа уже не было и московскіе князья давали дань (выходъ) по соглашенію съ ханомъ; дань эта собиралась князьями съ народа не поголовно, а по сохамъ, т.-е. по количеству обрабатываемой земли, и съ промысловъ. Кромѣ дани князья должны были одаривать въ Ордѣ приближенныхъ хана и его женъ. Сѣверные князья въ образѣ жизни во многомъ не походили на южныхъ князей; они не предпринимали походовъ ради славы и добычи, не любили вообще воевать, а больше сидѣли дома и копили доходы; это были князья пріобрѣтатели, домовладыки. Ихъ доходы попрежнему состояли изъ торговыхъ и судныхъ пошлинъ и доходовъ съ собственной земли, причемъ если можно было въ Орду дани не отсылать, то князья брали ее себѣ. Южные князья, часто переходя по старшинству изъ одной области въ другую, мало заботились объ устройствѣ земли; сѣверные же князья, оставаясь постоянно въ одной области и передавая ее по наслѣдству дѣтямъ, напротивъ того, старались объ усиленіи и обогащеніи своей области. Внѣшняя обстановка жизни князей этого періода отличалась гораздо большей простотой сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ; немного у нихъ было дорогихъ вещей и потому въ своихъ завѣщаніяхъ они тщательно обозначали всѣ эти вещи, какъ-то: цѣпи, кубки, шубы, образа и пр.

Населеніе. Въ періодъ татарскаго ига населеніе сѣв.-восточной Руси дѣлилось на людей служилыхъ (прежняя „дружина") и тяглыхъ (прежніе „люди"). Къ служилымъ людямъ принадлежали бояре, дѣти боярскіе, вольные слуги или люди дворные. Съ прекращеніемъ перехода сѣверныхъ князей изъ одной волости въ другую, въ каждомъ княжествѣ утверждается одна какая-либо отрасль рюриковичей, вслѣдствіе чего и бояре дѣлаются осѣдлыми, пріобрѣтаютъ большіе земельные участки и наслѣдственныя правительственныя должности, хотя сохраняютъ за собою право перехода отъ одного князя къ другому. Бояре составляли попрежнему совѣтъ (думу) князя. Самые сильные князья были московскіе и ихъ бояре были богаче и сильнѣе бояръ другихъ князей, почему бояре сѣв.- восточныхъ князей охотно переходили на службу къ московскимъ князьямъ, тѣмъ болѣе, что они сохраняли за собою свои земли во владѣніяхъ того князя, отъ котораго отъѣхали. Въ XV в. стали приходить на службу къ московскому князю даже мелкіе удѣльные князья, владѣвшіе только небольшими земельными участками. Литовскіе князья Гедиминовичи, лишенные своихъ удѣловъ, тоже приходили въ Москву. Всѣ эти удѣльные князья становились

боярами московскаго князя наравнѣ съ дружинниками, сохраняя только за собой княжескій титулъ. Бояре кромѣ вотчинъ (своихъ наслѣдственныхъ владѣній) стали получать отъ князей за службу въ концѣ татарскаго періода еще помѣстья, даваемыя во временное владѣніе, и такимъ образомъ становились богатыми землевладѣльцами.

Городское и сельское населеніе (тяглые люди) носило названіе черныхъ людей, земскихъ людей, численныхъ людей; сельскому населенію усваивается въ эту эпоху по преимуществу названіе крестьянъ. Въ татарскій періодъ усиливается власть князя надъ народомъ; народъ въ городахъ уже не собирался болѣе на свои вѣчевыя сходки и князья дѣйствовали вполнѣ самостоятельно: они не заключали рядовъ съ народомъ и не спрашивали его мнѣнія при рѣшеніи важныхъ дѣлъ. Сельское населеніе попрежнему свободно переходило съ одной земли на другую; впрочемъ въ XV в. встрѣчаются уже отдѣльные случаи прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ; такъ иногда князья закрѣпляютъ крестьянъ за монастырями. Было также и несвободное населеніе (челядь, холопы, рабы), принадлежавшее землевладѣльцамъ. Положеніе населенія во время ига было гораздо тяжелѣе прежняго; платя дань татарамъ, оно еще отбывало для нихъ разныя повинности, напр., обязано было доставлять подводы татарскимъ чиновникамъ и содержать ханскихъ пословъ съ ихъ многочисленной свитой. Введены были пошлины со всѣхъ произведеній сельской и городской промышленности, для чего были устроены заставы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, при всѣхъ перевозахъ; пошлины эти обыкновенно отдавались на откупъ. Дань собиралась уже не естественными произведеніями, а деньгами (считали въ это время уже не гривнами, а рублями; рубль былъ кусокъ серебра извѣстнаго вѣса и соотвѣтствовалъ по стоимости нашимъ 8-ми рублямъ; въ московскомъ рублѣ было 100 денегъ, которыя въ это время уже чеканились, а 6 денегъ составляли алтынъ). Кромѣ татарскихъ разореній и междоусобныхъ войнъ населеніе страдало отъ частыхъ голодныхъ годовъ, моровыхъ повѣтрій и пожаровъ. Главнымъ занятіемъ населенія было земледѣліе и разные промыслы—рыболовство, звѣроловство, добываніе соли и пр. При частыхъ татарскихъ разореніяхъ, при междоусобныхъ войнахъ князей, при разнообразныхъ налогахъ торговля не могла быть развита. Одинъ В. Новгородъ, не подвергавшійся татарскимъ опустошеніямъ по своей отдаленности, велъ большую заграничную торговлю, участвуя въ ганзейскомъ союзѣ. Кромѣ Новгорода торговыми городами были еще Псковъ, Нижній, Москва, куда пріѣз-

жали торговать и татарскіе купцы вмѣстѣ съ ханскими послами. Какъ князья, такъ и народъ жили очень небогато, въ деревянныхъ домахъ, изъ камня же строились только церкви да иногда палаты владыкъ.

Церковь и монастыри. Въ татарскій періодъ особенно велико было значеніе православной церкви и монастырей. Постепенное объединеніе московскими князьями сѣв.-восточной Руси въ періодъ татарскаго ига происходило при сильномъ содѣйствіи духовенства. Духовенство лучше другихъ понимало, что раздѣленіе земли ведетъ къ междоусобіямъ и ослабляетъ страну, и что только при одной верховной власти страна будетъ сильна и безопасна отъ внѣшнихъ враговъ. Въ это время личнаго произвола духовенство явилось представителемъ нравственныхъ началъ: оно мирило князей, сдерживало своимъ авторитетомъ личный произволъ, вооружалось противъ судебныхъ поединковъ и было единственнымъ грамотнымъ сословіемъ, а святая жизнь подвижниковъ составляла рѣзкую противоположность съ жизнію народа, нравы котораго сильно огрубѣли во время татарскаго ига. Дѣятельность митрополитовъ становится въ это время гораздо замѣтнѣе, чѣмъ прежде. Въ удѣльное время, когда князья дѣлили между собою русскую землю по родовымъ обычаямъ и вели междоусобныя войны, духовенство старалось мирить князей, но не могло прекратить удѣльныхъ смутъ; митрополиты были родомъ греки, вслѣдствіе чего ихъ мнѣніе о вредѣ удѣльной системы не могло быть особенно авторитетно для князей. Въ татарское же время, когда московскіе князья стали объединять сѣв.-восточную Русь подъ своею властію, митрополиты открыто стали на ихъ сторону; многіе изъ нихъ были родомъ русскіе (Петръ, Алексѣй, Іона), а потому, конечно, принимали большое участіе въ судьбахъ русской земли и имѣли сильное вліяніе на князей и народъ. Когда началось возвышеніе суздальской земли при Андреѣ Боголюбскомъ, то митрополиты стали часто ѣздить на сѣверъ, а митрополитъ Максимъ совсѣмъ переселился въ концѣ XIII в. изъ Кіева во Владиміръ, чѣмъ возвысилъ значеніе Владиміра, какъ столицы. При Калитѣ митрополитъ Петръ переселился изъ Владиміра въ Москву (1326 г.) и этимъ возвысилъ ее надъ другими городами. Литовскіе князья, недовольные дѣятельностью митрополита, жившаго постоянно въ Москвѣ и дѣйствовавшаго исключительно въ пользу усиленія московскаго князя, стали хлопотать у константинопольскаго патріарха о назначеніи особаго митрополита для Кіева, чего и достигли въ 1458 г. Съ этого времени на Руси было 2 митро-

полита—кіевскій и московскій. Съ 1439 г. въ Москвѣ стали выбирать митрополитовъ исключительно изъ русскихъ епископовъ. Это произошло такимъ образомъ: послѣдній митрополитъ изъ грековъ Исидоръ поѣхалъ на духовный соборъ во Флоренцію и тамъ самовольно подписалъ флорентійскую унію, признавъ подчиненіе русской церкви римскому папѣ. Князь Василій II, по возвращеніи Исидора въ Москву, посадилъ его за этотъ поступокъ подъ стражу, а затѣмъ собралъ русскихъ епископовъ, которые низложили Исидора, бѣжавшаго тѣмъ временемъ въ Италію, и поставили митрополитомъ по волѣ князя епископа рязанскаго Іону. Съ этихъ поръ московскіе митрополиты уже не ѣздили болѣе на посвященіе въ Константинополь, тѣмъ болѣе, что этотъ городъ въ 1453 г. былъ завоеванъ турками. По поводу флорентійской уніи московское правительство твердо и вполнѣ опредѣленно высказалось, что оно рѣшительно не желаетъ церковнаго соединенія съ Римомъ, а будетъ держаться древняго благочестія и не допуститъ никакой новизны въ церкви.

Митрополиты не только не стремились къ возвышенію своей власти, а, напротивъ того, помогали усиленію власти московскаго князя и сами вполнѣ отъ него зависѣли. Митрополитъ выбиралъ и рукополагалъ епископовъ и часто собиралъ ихъ на соборы для рѣшенія церковныхъ дѣлъ, а епископы въ своихъ епархіяхъ тоже созывали соборы изъ подвѣдомственнаго имъ духовенства. Отъ лица митрополита или отъ всего собора издавались правила, поученія и посланія къ духовенству и народу. Эти поученія и посланія знакомятъ насъ съ бытомъ и нравами того времени. Митрополиты и епископы владѣли большими недвижимыми имуществами и имѣли свой дворъ изъ свѣтскихъ людей; такъ, напр., митрополиту или епископамъ служили особые *бояре* и *боярскіе дѣти*, получавшіе отъ нихъ землю во владѣніе, управлявшіе церковными имуществами и исполнявшіе разныя должности при ихъ дворѣ. Татарскіе ханы своими ярлыками и русскіе князья льготными жалованными граматами опредѣляли права и преимущества духовенства. Ханы, ограждая духовенство отъ всякихъ притѣсненій, старались расположить его въ свою пользу, такъ какъ знали, какое сильное вліяніе оно имѣло на народъ. Этими ярлыками запрещалось нарушать права духовенства, вступаться въ церковныя дѣла; духовенство судилось своимъ судомъ, было свободно отъ всякихъ податей и люди, жившіе на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, какъ находившіеся подъ вѣдѣніемъ церкви, освобождались отъ дани и

повинностей. Вслѣдствіе этого церковныя земли, какъ представлявшія болѣе обезпеченія для спокойной жизни, привлекали къ себѣ многихъ переселенцевъ.

Въ началѣ ига изъ опасенія татарскаго разоренія боялись устраивать новые **монастыри**, да и старые разрушенные не возобновлялись. Во вторую же половину татарскаго періода, съ облегченіемъ ига, число монастырей, возстановленныхъ и вновь построенныхъ князьями или подвижниками, простиралось до 200. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число иноковъ доходило до 300, но по большей части они не были многолюдны, такъ что иногда монастырь состоялъ изъ 5—6 человѣкъ. Освобожденные отъ дани, безопасные отъ татарскаго разоренія, монастыри въ это тяжелое время привлекали мірскихъ людей въ свои стѣны, какъ въ спокойное убѣжище. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ проповѣдей духовенства, объяснявшаго татарское иго наказаніемъ Бога за грѣхи русскихъ людей, многіе бросали жизнь въ міру и уходили въ монастырь, чтобы молиться о спасеніи своей души и избавленіи русской земли отъ ига. Были, конечно, и такіе люди, которые шли въ монастырь, привлекаемые почетомъ и богатыми монастырскими имѣніями. Роль монастырей въ это время была еще значительнѣе, чѣмъ въ удѣльный періодъ. Подвижники, прославившіеся святостью своей жизни, сильно вліяли на народъ, ободряли его, убѣждая своими проповѣдями и примѣромъ собственной жизни безропотно переносить всякія невзгоды на землѣ въ надеждѣ на лучшую будущую жизнь. Князья, видя примѣрную жизнь многихъ подвижниковъ, приходили къ нимъ за совѣтомъ; подвижники мирили князей и обличали ихъ несправедливые поступки. Проникая въ дремучіе лѣса и пустыни сѣвера, отшельники основывали монастыри и такимъ образомъ способствовали заселенію этихъ дикихъ странъ, такъ какъ около монастырей возникали поселенія. Въ монастыряхъ находили пріютъ странники и бѣдные получали хлѣбъ во время голода. Образованіе, начавшее быстро распространяться среди свѣтскихъ людей въ удѣльное время, въ этотъ періодъ совсѣмъ исчезаетъ, и одни только монастыри оставались хранителями образованія, — въ нихъ сохранялись рукописи, составлялись лѣтописи и другія произведенія нашей древней письменности. Изъ монастырей выходили проповѣдники, распространявшіе христіанство среди язычниковъ сѣверной Руси; такъ св. Стефанъ Пермскій (XIV в.), поселившись въ странѣ зырянъ или пермяковъ, успѣшно проповѣдывалъ среди нихъ христіанство, составивъ для нихъ

пермскую азбуку и переведя на ихъ языкъ священныя книги. Монастыри, владѣя землей и разными угодьями, старались извлекать изъ нихъ возможно больше пользы и такимъ образомъ давали обществу примѣръ житейской домовитости и трудолюбія. Самыми знаменитыми монастырями этого времени въ сѣв.-восточной Руси были Троицко-Сергіевскій и Кирилловъ-Бѣлозерскій. Троицкій монастырь былъ основанъ **св. Сергіемъ**.

„Пр. Сергій, въ міру Варѳоломей, былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла, переселившагося при Калитѣ изъ Ростова въ московскій городъ Радонежъ; онъ родился въ 1313 г. По смерти родителей Сергій отдалъ все ихъ имѣніе младшему брату, а самъ со старшимъ братомъ Стефаномъ удалился въ пустыню верстахъ въ 10-ти отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ, пр. Сергій всею душою предался пустыннымъ подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, искушенія отъ демоновъ. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи и храма поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Св. Сергій трудился на братію, какъ купленный рабъ: строилъ келліи, рубилъ дрова, мололъ жито въ жерновахъ, пекъ хлѣбы, шилъ одежды, носилъ воду, а ночь проводилъ безъ сна въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой, носилъ заплатанную одежду. Въ 1354 году братія почти силой заставила его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ пр. Ѳеодосія; та же строгость въ жизни, неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, обходъ братскихъ келлій, обличенія праздныхъ, тихія, кроткія рѣчи, растворенныя слезами братской любви и религіозной ревности. Новая обитель была очень бѣдна: недоставало ладана и вина для богослуженія, въ церкви служили съ лучиной, книги писали на берестѣ, братія голодала по 2, 3 дня безъ хлѣба. Потомъ около монастыря стали селиться крестьяне и мимо него прошла большая дорога изъ Москвы на сѣверъ. Патріархъ Филоѳей, узнавъ о пр. Сергіи, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и митрополита Алексѣя общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно показалось тяжкимъ и возбудило такой ропотъ, что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился по повелѣнію митрополита Алексѣя и по просьбѣ всей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ были большіе безпорядки. Между тѣмъ средства Сергіевской обители значительно увеличились, такъ что она была уже въ состояніи совершать дѣла благотворительности, раздавать богатую милостыню и принимать странныхъ и больныхъ. Возросла и слава пр. Сергія. Митрополитъ Алексѣй пользовался его совѣтами и хотѣлъ даже сдѣлать его своимъ преемникомъ. Не разъ посѣщалъ обитель в. кн. Димитрій Донской; св. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Онъ ѣздилъ отъ великаго князя и митрополита грознымъ посломъ въ Нижній мирить суз-

дальскихъ князей. Послѣ куликовской битвы своими тихими рѣчами онъ склонилъ къ миру съ великимъ княземъ суроваго Олега рязанскаго. Уважаемый старецъ крестилъ дѣтей Донского и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Еще заживо прославляли въ Сергіи даръ чудесъ, его прозорливость и силу молитвы. Одинъ инокъ видѣлъ небесный огонь на престолѣ, на которомъ Сергій совершалъ литургію; другой видѣлъ сослужащаго съ нимъ ангела. Незадолго до кончины Сергій въ присутствіи своего ученика Михея былъ посѣщенъ Богоматерью, которая сказала ему: „не бойся, избранниче мой! Молитва объ ученикахъ твоихъ и о мѣстѣ семъ услышана: при тебѣ и послѣ тебя неотступна буду отъ обители твоей и буду покрывать ее". 25 сентября 1391 г. почилъ великій святой на 78 году своей жизни. Вмѣстѣ съ Петромъ, Алексѣемъ и Іоною митрополитами онъ сталъ по смерти небеснымъ покровителемъ Москвы". (Знаменскій).

Благодаря иноческимъ подвигамъ св. Сергія, Троицкій монастырь быстро возвысился и имѣлъ въ сѣверной Руси такое же важное значеніе, какое Кіево-Печерскій имѣлъ въ южной. Сподвижники и ученики св. Сергія основали много другихъ монастырей, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Кирилло-Бѣлозерскій, основанный **Св. Кирилломъ** (1337—1427 г.). Князья въ свидѣтели своихъ клятвъ призывали св. Сергія и св. Кирилла, какъ покровителей сѣв.-восточной Руси. Если отъ Сергія осталась намъ память о дѣлахъ, память о тихихъ и кроткихъ рѣчахъ, которыми онъ исправлялъ братію и умилялъ озлобленныхъ князей, то Кириллъ памятенъ намъ тѣмъ, что, горячо любя отечество, не боялся смѣло говорить правду сильнымъ міра.—Князья своими граматами давали многія льготы монастырямъ; такъ крестьяне, жившіе на монастырскихъ земляхъ, освобождались отъ всякихъ даней и повинностей въ княжескую казну на извѣстное число лѣтъ и даже навсегда, освобождались иногда отъ суда и судились игуменомъ; монастырямъ давались во владѣніе соляныя варницы, рыбная ловля и пр., и, благодаря всѣмъ этимъ льготамъ, многіе люди селились на монастырскихъ земляхъ. На ряду съ надѣленіемъ монастырей недвижимымъ имуществомъ уже въ это время слышатся голоса противъ монастырскаго владѣнія селами.

Нравы и просвѣщеніе. Занявъ южныя и юго-восточныя степи, татары прекратили наши прежнія частыя сношенія съ Византіей, а разореніе татарами русской земли дало возможность усилиться Литвѣ, которая вмѣстѣ съ ливонскими рыцарями препятствовала нашимъ сношеніямъ съ Западной Европой. Прекращеніе сношеній съ европейскими народами повлекло за собою отсталость русскаго народа въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, а постоянныя сно-

шенія только съ татарами должны были весьма дурно отразиться на нравахъ народа, огрубѣнію которыхъ способствовали еще и междоусобія князей. Жизнь народа въ татарскій періодъ была очень тяжелая, такъ какъ онъ постоянно подвергался разореніямъ отъ татаръ, отъ литовцевъ, отъ своихъ же князей во время ихъ усобицъ; отъ сознанія постоянно угрожавшей опасности свойственныя великоруссу недовѣрчивость и опасливость развились въ высшей степени. Лучшія вещи, драгоцѣнности прятались въ церкви и монастыри, какъ въ мѣста болѣе безопасныя. Зажиточные люди стали запирать женъ и дочерей въ терема, такъ какъ татары часто увозили русскихъ женщинъ, а удаленіе женщины изъ мужского общества также не мало способствовало огрубѣнію нравовъ. Для возвышенія князьямъ не нужно было имѣть никакихъ правъ—милость хана была единственнымъ источникомъ всякаго права и, слѣдовательно, возвышался тотъ князь, который дѣйствовалъ лестью, хитростью и коварствомъ. Князья вели усобицы не за право старшинства, а каждый князь старался усилиться на счетъ другого, сильный обижалъ слабаго: право уступило мѣсто силѣ. Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ грубѣли нравы народа и матеріальныя побужденія стали господствовать надъ нравственными. Грубость нравовъ этого времени сказалась въ развитіи многихъ темныхъ сторонъ народной жизни, въ тѣхъ жестокостяхъ, которыми сопровождались междоусобныя войны, когда плѣнныхъ подвергали всякимъ мученіямъ, въ разгульныхъ пирахъ, которые были единственными развлеченіями и сопровождались ссорами и драками, наконецъ, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ и смертной казни, которыя отъ татаръ перешли въ наши законы. Въ это время и усилилось значеніе церкви и монастырей; митрополиты, епископы, монахи обличали неустанно мірскіе недостатки и пороки и указывали путь къ спасенію—уходъ въ монастырь. Конечно, въ монастырь шло меньшинство, но все-таки и въ мірскую жизнь постепенно проникали аскетическіе взгляды.

Въ удѣльно-вѣчевой Руси образованіе, какъ мы видѣли, постепенно распространялось; не только духовное сословіе было грамотно, но были грамотны всѣ князья; въ училищахъ обучались дѣти многихъ бояръ и горожанъ. Татарское иго помѣшало дальнѣйшему развитію просвѣщенія. Мы уже не находимъ извѣстій объ училищахъ, даже князья были малограмотны, а иные, напр., Василій Темный, и совсѣмъ безграмотны, такъ что просвѣщеніе сохранилось въ это время только среди духовнаго сословія. Монастыри въ татарское

время были единственными хранителями образованія; здѣсь сохранялись книги, цѣнившіяся въ то время какъ сокровища; здѣсь занимались перепискою книгъ, переводомъ съ греческаго языка и составленіемъ самостоятельныхъ произведеній. Литературные памятники, дошедшіе до насъ отъ этого времени, были—посланія, поучительныя слова, житія святыхъ, разсказы путешественниковъ, сказанія, лѣтописи; составлялись въ это время также историческія пѣсни. Въ посланіяхъ и словахъ, обращенныхъ къ князьямъ, народу или духовенству, духовные проповѣдники обличали грубые нравы того времени и призывали къ покаянію, причемъ обиліе посланій доказываетъ, что тогдашнее общество нуждалось въ нихъ и любило ихъ. Изъ такихъ посланій замѣчательны поученія владимірскаго епископа Серапіона (к. XIII в.), посланія митрополитовъ св. Петра, Алексѣя, Кипріана и др., посланія Кирилла Бѣлозерскаго. Житія святыхъ и раньше, а особенно въ это время были любимымъ чтеніемъ, такъ какъ изображали духовные подвиги св. отшельниковъ и давали высокій нравственный идеалъ. Русскіе люди, побывавшіе въ это время въ другихъ земляхъ, въ своихъ запискахъ разсказываютъ о томъ, что видѣли; все ихъ тамъ занимало и всему простодушно они вѣрили, что̀ имъ говорили; такъ одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора описалъ путешествіе во Флоренцію, — тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи (около 1468 г.) и описалъ страну и ея жителей. Въ украшенныхъ сказаніяхъ, составленныхъ подъ вліяніемъ византійскихъ и юго-славянскихъ писателей, разсказывается о лицахъ и событіяхъ, особенно поразившихъ современниковъ, таковы сказанія—о нашествіи Батыя, объ Александрѣ Невскомъ, о Довмонтѣ, о куликовской битвѣ и Дмитріи Донскомъ, о нашествіяхъ Тохтамыша и Тамерлана. Лѣтописи переписывались и продолжались и имѣли такое значеніе, что князья употребляли ихъ, какъ доказательство въ своихъ спорахъ. Лѣтопись сѣверная отличалась отъ южной; разсказъ южнаго лѣтописца изобилуетъ подробностями, живостью, образностью, даже художественностью, а разсказъ въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, особенно въ московской, отличается сухостью рѣчи и въ немъ нѣтъ прежней оживленной драматической формы повѣствованія.

„По образцу былинъ кіевскаго цикла въ Великой Россіи составились такъ называемыя историческія пѣсни. Послѣ разоренія Кіева и Кіевской Руси татарами, центромъ русскихъ областей и государственной жизни сдѣлались сначала Владиміръ, а потомъ Москва. Около Москвы сосредоточился и народный эпосъ,

какъ прежде онъ сосредоточивался около Кіева. Какъ въ былинахъ Кіевъ и кіевскій князь Владиміръ служатъ центромъ, вокругъ котораго собираются всѣ богатыри, такъ въ историчесиихъ пѣсняхъ всѣ сказанія примыкаютъ къ Москвѣ и московскому царству. Ярче всѣхъ эпохъ въ историческихъ пѣсняхъ выставляются времена Грознаго; но рядъ ихъ начинается еще пѣснями о татарской эпохѣ, которыми онѣ и связываются съ былинами кіевскаго цикла, а потомъ продолжаются пѣснями о временахъ Грознаго, смутной эпохѣ самозванцевъ, царствованіи Алексѣя Михайловича и Петра В. Пѣсни о татарской эпохѣ связываютъ собою историческій эпосъ съ богатырскимъ. Татарскія нашествія оставили такое сильное и страшное впечатлѣніе въ народѣ, что татары сдѣлались для него символомъ вообще всякой непріятельской силы, и эпоха татарская соединилась въ его воображеніи съ эпохой князя Владиміра и его богатырей. Съ особенною яркостью ужасъ и тяжесть татарскихъ нашествій изображаются въ пѣснѣ о царѣ Калинѣ. Замѣчательна также пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, основанная на дѣйствительномъ событіи, которое записано въ лѣтописи подъ 1327 г. Въ этой пѣснѣ изображается, какъ безжалостно поступали со всѣми татарскіе чиновники, собиравшіе дань для своихъ хановъ". (Порфирьевъ).

Русь югозападная и ея соединеніе съ Литвой и Польшей.

Югозападная Русь послѣ татарскаго нашествія. Печально было положеніе приднѣпровскихъ русскихъ областей послѣ татарскаго погрома. Кіевская область, разоренная татарами, совершенно утратила свое прежнее значеніе, и Кіевъ, мать русскихъ городовъ, уступилъ свое первенство на Руси Владиміру, а потомъ Москвѣ. Жители кіевской области большею частію ушли въ сѣверо-восточныя русскія области или въ Галицію, а татарскіе баскаки и литовцы грабили оставшихся жителей и доканчивали разореніе земли.

„Итальянскій монахъ Плано Карпини, посланный отъ римскаго папы къ татарамъ въ 1246 г., такъ описываетъ положеніе кіевской области послѣ татарскаго погрома: „Татары обложили Кіевъ, столицу Россіи, и по долговременной осадѣ взяли ее и умертвили жителей. Оттуда, идучи далѣе съ мечемъ въ рукахъ, погромили всю землю русскую такъ, что когда мы проѣзжали черезъ нее, то видѣли безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ по степи. Сей городъ былъ очень великъ и многолюденъ, а теперь обратился почти въ ничто, потому что оставалось въ немъ едва ли 200 домовъ, жителей коихъ держатъ они въ величайшемъ рабствѣ".

Черниговo-сѣверская область, также сильно разоренная татарами, раздѣлилась на мелкіе удѣлы между потомками Святослава Ярославича. Одна только Галиція поправилась послѣ разоренія и временно даже возвысилась при князѣ **Даніилѣ Романовичѣ**

(1229—1264 г.), братъ котораго Василько былъ въ то же время княземъ на Волыни. Даніилъ и Василько, оставшись малолѣтними послѣ смерти отца (1205 г.), были изгнаны галицкими боярами изъ Галича, которымъ стали владѣть попеременно черниговскіе князья, Мстиславъ Удалой, венгры, поляки, и должны были довольствоваться одною Волынью; только въ 1229 году Даніилъ могъ утвердиться въ Галиціи, подчинивъ себѣ также и Кіевъ. Своевольные галицкіе бояре, не желавшіе подчиниться Даніилу, князю мужественному, прославившемуся уже многими побѣдами, походившему на отца, сильно враждовали съ нимъ, составляли заговоры на его жизнь и призывали въ Галичъ венгровъ и черниговскихъ князей. Послѣ упорной борьбы съ боярами и внѣшними врагами, Даніилъ все-таки побѣдилъ и усмирилъ бояръ. При нашествіи татаръ Даніилъ, видя невозможность сопротивленія, бѣжалъ въ Венгрію и только послѣ ухода ихъ возвратился въ Галицію. Снова началась его неустанная дѣятельность; ведя борьбу съ боярами, разорявшими народъ, съ черниговскимъ княземъ, поляками и литовцами, онъ въ то же время старался загладить въ Галиціи слѣды татарскаго нашествія; онъ возобновлялъ разрушенные и строилъ новые города, созывалъ разбѣжавшихся жителей, льготами привлекалъ въ Галицію колонистовъ: нѣмцевъ, поляковъ, евреевъ, также жителей кіевской области, чѣмъ успѣлъ поднять промышленность и торговлю своей страны. Среди этой дѣятельности Даніилъ получилъ грозное приказаніе отъ хана явиться въ Орду на поклонъ, такъ какъ онъ еще не ѣздилъ туда. Тяжело было Даніилу исполнить это требованіе, много думалъ онъ съ братомъ, согласиться ли ѣхать или начать борьбу съ татарами, но въ концѣ концовъ поѣхалъ, такъ какъ не желалъ подвергнуть свою область новому татарскому разоренію. Въ Ордѣ приняли его ласково, такъ какъ онъ исполнилъ всѣ унизительные обряды, и съ честію отпустили назадъ, но эта честь была для него злою обидою.

„Сильно поразила русскій народъ вѣсть объ униженіи въ ордѣ великаго князя. „О, злѣе зла честь татарская!"—говоритъ лѣтописецъ—„Даніилъ Романовичъ князь великій, обладатель русской земли, стоитъ на колѣняхъ и холопомъ называется, и дани хотятъ, и жизни не чаетъ, и грозы приходятъ! О, злая честь татарская! Чей отецъ былъ царемъ въ русской землѣ, покорилъ половцевъ, воевалъ всѣ другія страны, тотъ не получилъ чести—кто же другой можетъ получить ее?

Хотя Даніилъ поклонился хану, но мысль остаться на всю жизнь его подданнымъ была для него, южнаго князя, невыносима, почему онъ сталъ думать о крестовомъ походѣ на татаръ въ союзѣ

съ европейскими государями. Для этой цѣли Даніилъ завелъ переговоры съ папой, соглашаясь на соединеніе церквей подъ его главенствомъ (унію), но подъ тѣмъ только условіемъ, что папа возбудитъ европейскій крестовый походъ. Папа обрадовался, прислалъ Даніилу вѣнецъ королевскій, такъ что Даніилъ сталъ носить титулъ короля галицкаго, но походъ на татаръ не состоялся, такъ какъ посланія папскія въ половинѣ XIII вѣка уже не имѣли прежняго значенія для Западной Европы. Тогда Даніилъ отказался отъ дальнѣйшихъ сношеній съ папой и, думая собственными силами побѣдить татаръ, сталъ укрѣплять галицкіе города и вступилъ въ открытую борьбу съ татарами, но вскорѣ по грозному требованію Орды долженъ былъ срыть укрѣпленія городовъ и отказаться отъ дальнѣйшей борьбы. Такъ рушилась и послѣдняя надежда на уничтоженіе ига, и вскорѣ послѣ этого Даніилъ умеръ. Современникъ Даніила Александръ Невскій въ этомъ случаѣ поступилъ гораздо благоразумнѣе: онъ вполнѣ подчинился хану и этимъ спасъ Русь отъ новаго разоренія, хорошо понимая, что еще не приспѣло время свергнуть иго. Даніилъ послѣ неудачныхъ попытокъ пришелъ къ тому же заключенію. Сравнивая двухъ знаменитыхъ князей современниковъ—сѣвернаго Александра и южнаго Даніила, мы видимъ ихъ различіе: въ Александрѣ преобладала разсудительность надъ чувствами, въ Даніилѣ же—наоборотъ, хотя оба они несомнѣнно горячо любили русскую землю.

„Какъ же думали о Даніилѣ, который послѣ Владиміра Мономаха болѣе всѣхъ князей заслужилъ названіе страдальца за русскую землю, современники, подданные его? Какія черты въ немъ всего болѣе поразили ихъ? „Современниковъ поразили, говоритъ Соловьевъ, не воинственныя доблести, не многочисленныя побѣды, но то, что Даніилъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ успѣлъ не только загладить слѣды татарскаго нашествія, но и привести свое княжество въ цвѣтущее состояніе, украсить его богатыми городами, великолѣпными зданіями, усилить промышленность, торговлю. Современниковъ поразила эта умная хозяйственная распорядительность князя, умѣнье утѣшать народъ въ бѣдствіяхъ, по выраженію лѣтописца; ихъ поразило умѣнье Даніила, при всемъ униженіи отъ татаръ, поддержать достоинство русской земли, поставить себя необходимымъ и могущественнымъ членомъ славяно-венгерской системы европейскихъ государствъ. Другая черта, поразившая современниковъ въ Даніилѣ, это безпримѣрная привязанность, безпримѣрная дружба къ брату Васильку, вполнѣ его достойному. Съ младенчества неразлучные и въ бѣдствіяхъ и въ счастіи, оба брата жили одной душой, одной мыслью. Легко понять, какъ важно было такое братское согласіе для Руси въ то ужасное время, и современники умѣли оцѣнить его: они прозвали Даніила братолюбцемъ и вторымъ Соломономъ по мудрости“.

По смерти Даніила и брата его Василька Галиціей и Волынью владѣли ихъ сыновья и внуки. Въ первой половинѣ XIV в. Волынская область вслѣдствіе родственныхъ связей перешла подъ власть Гедимина, князя литовскаго, а Галиція, по прекращеніи въ ней дома Даніила, была присоединена къ Польшѣ королемъ Казиміромъ III Великимъ. Такимъ образомъ мы видѣли, что Галиція стала усиливаться благодаря дѣятельности ея князей Владимірки Володаревича и сына его Ярослава Осмомысла. Богатая природа Галиціи, сравнительная съ другими русскими княжествами густота ея населенія, сосѣдство съ западными государствами дѣлали ее самой богатой и сильной изъ всѣхъ русскихъ областей. Послѣ разоренія Кіева татарами, Галиція при Даніилѣ стала центромъ южной Руси, но она не только не была въ состояніи объединить подъ своею властію всѣ русскія области, но даже не могла сохранить собственной независимости. Слишкомъ сильны были въ ней бояре, не разъ измѣнявшіе интересамъ родины ради личныхъ, эгоистическихъ цѣлей и призывавшіе въ нее то поляковъ, то венгровъ; городское ея населеніе, постоянно пополнявшееся иноземными выходцами — нѣмцами, евреями, поляками, не могло проникнуться русскими интересами и не содѣйствовало поддержанію ея независимости, — вотъ почему Галиція даже при своихъ замѣчательныхъ князьяхъ не могла сохранить самостоятельности среди двухъ сильныхъ сосѣдей — Литвы и Польши, и подчинилась послѣдней.

Языческій бытъ литовцевъ и начало литовскаго княжества. У Балтійскаго (Варяжскаго) моря по нижнему теченію З. Двины, по Нѣману и въ области нижней Вислы жили съ незапамятныхъ поръ литовцы, раздѣлявшіеся на слѣдующія отдѣльныя племена: Корсь (куроны), Лѣтьгола (латыши), Зимигола, Жмудь, Литва, Голядь, Ятвяги и Пруссы. Они принадлежали къ арійскому племени и по своему языческому быту болѣе всего были родственны славянамъ. Извѣстія объ языческомъ бытѣ литовцевъ мы находимъ у лѣтописцевъ ливонскаго и тевтонскаго орденовъ, которые завоевали часть литовскихъ племенъ въ XIII в. Лѣса и болота, въ изобиліи покрывавшіе землю литовцевъ, долгое время препятствовали сношенію съ ними другихъ народовъ, почему жизнь ихъ отличалась суровой простотой и они долго сохраняли свои первобытныя языческія вѣрованія. Религія ихъ состояла въ поклоненіи силамъ и явленіямъ природы; они боготворили также животныхъ, птицъ, змѣй. Были у нихъ священные лѣса, поля и воды, гдѣ они не смѣли ни рубить деревья, ни пахать, ни ловить рыбы. Въ лѣсахъ они ста-

вили въ честь боговъ идоловъ, а передъ идолами сожигали приносимыя имъ жертвы. Главнымъ божествомъ былъ Перкунъ, богъ грома и молніи, передъ идоломъ котораго горѣлъ постоянный огонь. Въ жертву богамъ литовцы сожигали плѣнныхъ, но были и добровольныя человѣческія жертвы, такъ какъ, по ихъ вѣрованіямъ, „кто захочетъ принести въ жертву богамъ себя, или своего ребенка, или домочадца, тотъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, потому что освященные черезъ огонь и блаженные будутъ они веселиться вмѣстѣ съ богами". Жрецы (вайделоты) составляли у литовцевъ важное и вліятельное сословіе, во главѣ котораго стоялъ главный жрецъ и верховный судья Криве-Кривейто; власть послѣдняго простиралась на всѣ литовскія племена. Большая часть этихъ верховныхъ жрецовъ кончали свою жизнь добровольнымъ сожженіемъ для умилостивленія гнѣва боговъ. Такъ какъ литовцы вѣрили въ загробную жизнь и считали ее продолженіемъ земной, то вмѣстѣ съ умершими сожигали ихъ рабовъ, оружіе, лошадей. При рѣшеніи важныхъ дѣлъ предварительно узнавали посредствомъ гаданій волю боговъ. Каждое мелкое племя управлялось своимъ княземъ (ригасъ, конунгасъ), сильно ограниченнымъ въ своей власти вліяніемъ жрецовъ, и было независимо отъ другихъ племенъ. Обстановка и условія жизни были самыя простыя. Изъ обычаевъ были замѣчательны гостепріимство и кровавая месть. Отецъ могъ убивать своихъ больныхъ дѣтей, а дѣти старыхъ и больныхъ родителей, такъ какъ, по ихъ религіознымъ понятіямъ, человѣческое бѣдствіе причиняетъ скорбь не только людямъ, но и богамъ. Женъ они покупали и держали ихъ въ рабскомъ состояніи; Криве и другіе жрецы не имѣли права жениться. Въ случаѣ голода прежде всѣхъ убивали женщинъ.

Въ XIII в. большая часть литовскихъ племенъ, раздробленныхъ враждовавшихъ между собою, была завоевана и отчасти истреблена сосѣдними народами: такъ голядь и ятвяги погибли въ борьбѣ съ поляками и русскими, корсь, лѣтьгола и зимигола были завоеваны ливонскими рыцарями, пруссы послѣ упорной пятидесятилѣтней борьбы были порабощены тевтонскими рыцарями. Нѣмецкіе рыцари, побѣдивъ литовскія племена и сдѣлавъ ихъ своими крѣпостными, насильно обращали ихъ въ христіанство и старались онѣмечить. Изъ всѣхъ литовскихъ племенъ только Литва и Жмудь, жившія по Нѣману и его притокамъ, сохранили свою независимость и въ половинѣ XIII в. выступили на сцену исторіи, такъ какъ одинъ изъ литовскихъ князей хитрый и коварный **Миндовгъ** объединилъ подъ

своею властію всю Литву и Жмудь, погубивъ однихъ мелкихъ князей и изгнавъ другихъ, и положилъ начало сильному литовскому княжеству. Успѣшному объединенію Литвы и Жмуди подъ властію Миндовга способствовало сознаніе опасности, грозившей имъ отъ нѣмцевъ при ихъ раздробленности; кромѣ того многіе пруссы послѣ завоеванія ихъ земли тевтонскими рыцарями бѣжали въ Литву и этимъ усилили ее. Къ своему княжеству Миндовгъ присоединилъ завоеванную имъ гродненскую область, но его дальнѣйшимъ завоеваніямъ русскихъ областей помѣшали Александръ Невскій и Даніилъ Романовичъ. Изгнанные Миндовгомъ князья, его родственники, просили противъ него помощи у Даніила Романовича и ливонскихъ рыцарей. Чтобы спастись отъ враговъ, Миндовгъ поступилъ весьма хитро: онъ объявилъ себя союзникомъ ордена и принялъ притворно христіанство, за что папа далъ ему королевскій вѣнецъ, а за сына Даніилова Шварна Миндовгъ выдалъ замужъ свою дочь. Избавившись отъ опасности, Миндовгъ вскорѣ торжественно отрекся отъ христіанства, началъ удачную войну съ ливонскими и тевтонскими рыцарями, возбудилъ къ возстанію пруссовъ, но среди этихъ успѣховъ былъ убитъ (1263 г.) княземъ Довмонтомъ, своимъ родственникомъ.

Исторія Литвы подъ властію дома Гедимина и ея соединеніе съ Польшею. Смуты и междоусобія, наступившія въ Литвѣ послѣ смерти Миндовга, нѣкоторое время мѣшали ея усиленію. Со вступленіемъ на престолъ **Гедимина** (1315—1340 г.) начинается быстрое возвышеніе Литвы, которая усиливается вслѣдствіе присоединенія къ ней юго-западныхъ русскихъ областей частію по родственнымъ связямъ дома Гедимина съ русскими князьями, частію завоеванныхъ. Жители русскихъ областей часто даже добровольно признавали надъ собою власть Гедимина и его сыновей, такъ какъ подчиненіе литовскимъ князьямъ освобождало ихъ отъ татарскаго ига. Кромѣ того князья Гедиминовичи женились на русскихъ княжнахъ, принимали православіе, строили христіанскіе храмы и не только не измѣняли русскихъ обычаевъ, но даже сами вмѣстѣ съ народомъ литовскимъ начинали усваивать русскій языкъ и нравы, такъ какъ по своему развитію и гражданственности литовцы стояли гораздо ниже русскихъ. Гедиминъ присоединилъ къ Литвѣ землю витебскую и назвалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ: волынская земля также перешла по наслѣдству къ одному изъ его сыновей. Столицей его былъ городъ Вильно. Такъ какъ сосѣдніе нѣмецкіе ордена, особенно тевтонскій, продолжали насту-

пательное движеніе на Литву, то Гедимину и его преемникамъ приходилось вести съ ними постоянную борьбу. Гедиминъ, знакомый съ христіанствомъ и понимавшій его преимущество надъ язычествомъ, позволялъ крестить своихъ дѣтей въ православную вѣру, но самъ не принялъ ее, такъ какъ боялся вооружить противъ себя рыцарей и своихъ подданныхъ язычниковъ; католицизма же онъ не принялъ изъ боязни общаго неудовольствія какъ русскихъ подданныхъ, такъ и литовскихъ. Гедиминъ умеръ въ борьбѣ съ тевтонами. Умирая, онъ раздѣлилъ свои земли на удѣлы между сыновьями, у которыхъ послѣ этого произошли усобицы. Ольгердъ и Кейстутъ побѣдили остальныхъ братьевъ и раздѣлили землю пополамъ, причемъ великимъ княземъ сдѣлался хитрый **Ольгердъ** (1345—1377 г.). Ольгердъ присоединилъ къ Литвѣ земли кіевскую, черниговскую, сѣверскую, подольскую и даже началъ войну съ московскимъ княземъ Симеономъ; противъ Симеона Ольгердъ просилъ помощи у татарскаго хана, но, получивъ отказъ, заключилъ съ Симеономъ миръ, такъ какъ ему приходилось въ то же время воевать съ рыцарями. Неоднократно въ его княженіе тевтонскіе рыцари вторгались въ Литву и опустошали ее, но всякій разъ Ольгердъ съ храбрымъ братомъ своимъ Кейстутомъ отражалъ ихъ и страшно разорялъ владѣнія ордена, причемъ попавшіе въ плѣнъ рыцари сожигались предъ идолами языческихъ боговъ. При Ольгердѣ, рожденномъ отъ русской матери, дважды женатомъ на русскихъ княжнахъ—витебской и тверской, православная вѣра и русское вліяніе распространялись въ Литвѣ еще сильнѣе, чѣмъ при Гедиминѣ. Самъ Ольгердъ умеръ православнымъ и дѣти его были воспитаны въ православіи. Кейстутъ же былъ ревностный защитникъ язычества и, будучи непримиримымъ врагомъ нѣмцевъ, сдѣлался любимцемъ всей Жмуди, которою онъ правилъ. Къ проповѣдникамъ католическимъ литовцы язычники относились крайне враждебно и нѣсколько разъ избивали ихъ, видя въ католицизмѣ вѣру ненавистныхъ имъ нѣмцевъ, которые распространяли ее огнемъ и мечомъ и часто разоряли литовскія земли.

Ольгерду наслѣдовалъ на великомъ княженіи его сынъ **Ягелло** (1377—1434 г.); другіе же сыновья его и племянникъ Витовтъ, сынъ Кейстута, задушеннаго по приказанію Ягелла, владѣли небольшими удѣлами. Великій князь литовскій, раздавая удѣлы своихъ родственникамъ или оставляя русскихъ князей въ присоединенныхъ русскихъ областяхъ, обязывалъ ихъ извѣстными служебными отношеніями и былъ настоящимъ главой литовскаго государ-

ства. Этимъ отличалась литовская удѣльная система отъ русской, и, благодаря этому Литва, при существованіи въ ней удѣловъ, была настолько сильна, что могла отбиваться отъ рыцарей и въ то же время завоевывать русскія земли. Литовскихъ князей на Руси не считали чужими и даже сложилось сказаніе о томъ, что они происходили отъ полоцкихъ князей. Князья тверскіе и нижегородскіе, смоленскіе и рязанскіе, Новгородъ и Псковъ искали у нихъ помощи противъ усиливавшейся Москвы. Русскіе изгнанники шли въ Литву, литовскіе въ Москву. Народъ литовскій все болѣе и болѣе подчинялся вліянію русской образованности. Такимъ образомъ подготовлялось сліяніе Литвы, Западной и Восточной Руси въ одно русское государство и весь вопросъ состоялъ только въ томъ, кому удастся объединить эти земли—Гедиминовичамъ или потомкамъ Калиты, какъ вдругъ случилось событіе, совершенно измѣнившее исторію В. Европы. Поляки, тѣснимые тевтонскимъ орденомъ и желавшіе соединиться съ литовцами для общей борьбы противъ рыцарей, предложили литовскому князю Ягеллу руку своей королевы Ядвиги и вмѣстѣ съ нею польскую корону. Католическое духовенство разсчитывало при этомъ не только обратить литовцевъ въ католицизмъ, но и утвердить свое вліяніе въ З. Руси. Ягелло, прельщенный польскою короною и надѣявшійся въ союзѣ съ поляками побѣдить рыцарей, принялъ предложеніе. На съѣздѣ представителей Польши и большинства литовскихъ князей въ Волковыскѣ въ 1386 г. были поставлены слѣдующія условія соединенія Литвы съ Польшей: въ обоихъ государствахъ будетъ одинъ верховный государь Ягелло, будутъ общія иностранныя сношенія по дѣламъ, касающимся обоихъ государствъ, и общая защита противъ всякаго врага; но внутреннее управленіе обоихъ государствъ будетъ совершенно отдѣльно: каждое будетъ имѣть своихъ должностныхъ лицъ, особыя войска, особую казну. Желая уничтожить самую причину существованія прусскаго рыцарскаго ордена, основаннаго для обращенія литовскихъ язычниковъ въ католицизмъ, литовскіе князья согласились, чтобы литовцы язычники были обращены въ католическую вѣру. Послѣ этого съѣзда поляки на люблинскомъ сеймѣ избрали Ягелло польскимъ королемъ подъ именемъ Владислава II. Затѣмъ Ягелло прибылъ въ Краковъ, торжественно перешелъ изъ православія (въ которомъ былъ воспитанъ своею матерью) въ католичество и женился на Ядвигѣ. Когда Ягелло съ польскимъ духовенствомъ прибылъ въ Литву, чтобы обратить ее въ католичество согласно обѣщанію, данному полякамъ при полу-

ченіи короны, то жители русскихъ областей и литовцы, принявшіе уже православіе, католицизма не приняли, несмотря на угрозы; литовцы же язычники стали принимать католицизмъ, когда миссіонеры, погасивъ священный огонь въ виленскомъ замкѣ, истребивъ священныхъ змѣй и вырубивъ заповѣдныя рощи, убѣдили ихъ этимъ въ безсиліи языческихъ боговъ. Литовскіе язычники не понимали новой вѣры, проповѣдываемой на непонятномъ языкѣ, но ихъ привлекали къ ней бѣлыя суконныя свитки, которыя давались отъ князя желавшимъ креститься; литовцы были бѣдны и носили только простой холстъ и грубые мѣха. Скоро обнаружилось сильное неудовольствіе въ Литвѣ противъ Ягелла, который жилъ въ Польшѣ и хотѣлъ вводить въ Литвѣ польское устройство; а русскія области были недовольны распространеніемъ католицизма. Этимъ воспользовался **Витовтъ**, чтобы образовать изъ Литвы и З. Руси особое отъ Польши владѣніе. Витовту въ борьбѣ съ Ягелломъ помогали тевтонскіе рыцари, надѣявшіеся этимъ путемъ подчинить себѣ Литву. Когда же Ягелло, утомленный этой борьбой, увидѣлъ, что литовцы сочувствуютъ Витовту, то отдалъ послѣднему Литву съ титуломъ великаго князя (1392 г.), но съ тѣмъ, чтобы верховная власть надъ Литвой принадлежала польскому королю.

Хотя Витовтъ и сдѣлался независимымъ литовскимъ государемъ, но поляки не оставляли замысловъ слить съ собою литовцевъ и зап.-русскихъ въ одинъ народъ и въ 1413 г. возобновили соединеніе Литвы съ Польшей. Въ 1413 г. на общемъ сеймѣ поляковъ и литовцевъ въ Городлѣ былъ составленъ договоръ, по которому „Литва и Польша соединяются въ одно государство, въ одинъ народъ; по смерти Витовта власть надъ Литвой снова переходитъ къ Ягеллу, а потомъ къ дѣтямъ его; если же онъ умретъ прежде Витовта, то поляки избираютъ послѣдняго своимъ королемъ; Литва получаетъ сеймы и должности, подобныя польскимъ; литовскому дворянству по назначенію великаго князя жалуются польскіе гербы; но пользоваться ими и другими преимуществами, а также занимать высшія должности могутъ только лица латинскаго вѣроисповѣданія“. Такимъ образомъ благодаря этому Городельскому договору въ Литву стали проникать польскія учрежденія (сеймы, должности, гербы) и утверждалось преимущество католической церкви надъ православной.

Тогда Витовтъ отказался отъ всякихъ сношеній съ рыцарями и, соединившись съ Ягелломъ, нанесъ такое сильное пораженіе тевтонскимъ рыцарямъ при Танненбергѣ (1410 г.), что орденъ уже не могъ оправиться и въ царствованіе сына Ягелла Казиміра IV призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши (1466 г.). Несмотря на то, что дочь Витовта была замужемъ за московскимъ княземъ Василіемъ I, Витовтъ былъ во враждѣ съ Москвою,

такъ какъ самъ хотѣлъ завладѣть сѣв.-восточною Русью. Воспользовавшись усобицами смоленскихъ князей, онъ присоединилъ къ Литвѣ смоленскую область. Для того, чтобы утвердиться въ Москвѣ, Витовтъ заключилъ союзъ съ Тохтамышемъ, изгнаннымъ изъ Орды Тамерланомъ, на слѣдующихъ условіяхъ: „Я тебя посажу въ Ордѣ на царство, говорилъ Витовтъ Тохтамышу, а ты меня посади на Москвѣ на великомъ княженіи, на всей землѣ русской“. Первый походъ союзниковъ на татаръ былъ удаченъ, а во второмъ Витовтъ былъ разбитъ наголову Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы и долженъ былъ отказаться отъ мысли овладѣть Москвой. Тогда Витовтъ хотѣлъ овладѣть Новгородомъ и Псковомъ; Василій I объявилъ ему войну, но битвы между одинаково осторожными князьями не произошло, и рѣка Угра, впадающая въ Оку, была назначена границей между владѣніями московскаго и литовскаго князей. Желая освободить свои русскія области отъ церковной зависимости московскому митрополиту, Витовтъ хлопоталъ въ Константинополѣ о назначеніи особаго митрополита въ Зап. Русь, но не имѣлъ успѣха. Попытки Витовта совершенно отдѣлить Литву отъ Польши, для чего онъ думалъ принять королевскій титулъ, не удались вслѣдствіе противодѣйствія поляковъ, и вскорѣ послѣ этого Витовтъ умеръ (1430 г.). Послѣ Витовта Литва иногда управлялась особымъ княземъ изъ дома Ягеллоновъ, иногда же соединялась съ Польшею подъ властью одного государя.

РУСЬ МОСКОВСКАЯ.

Іоаннъ III (1462—1505 г.).

Со вступленіемъ на московскій престолъ князя Іоанна III Васильевича, который присоединилъ къ Москвѣ почти всѣ удѣлы сѣв.-восточной Руси, началъ наступательное движеніе на Литву съ цѣлью возвращенія юго-западныхъ русскихъ областей, свергнулъ монгольское иго и возобновилъ сношеніе съ З. Европой, начинается новый отдѣлъ русской исторіи—Русь московская.

Постепенное паденіе самостоятельности Великаго Новгорода. Паденіе Новгорода подготовлялось уже со временъ Іоанна Калиты. Новгородъ съ его вѣчевымъ устройствомъ могъ быть независимымъ только до тѣхъ поръ, пока земля русская дѣлилась на удѣлы и князья боролись между собою; съ объединеніемъ же сѣв.-восточной Руси подъ властію Москвы, Новгородъ не могъ сохранить своей независимости. При постепенномъ подчиненіи Москвѣ

сѣв.-восточныхъ областей, Новгородъ сохранялъ свое вѣчевое устройство только потому, что уплачивалъ московскимъ князьямъ, совершавшимъ противъ него частые походы, временныя контрибуціи и платилъ ежегодную дань со своихъ волостей. Вѣчевое устройство Новгорода подавало поводъ къ постояннымъ междоусобіямъ и ослабляло его; черные люди враждовали съ боярами, бояре спорили между собою за общественныя должности, вслѣдствіе чего вѣчевыя сходки весьма часто заканчивались междоусобіями партій. Псковъ, Вятка, земля Двинская стремились къ самостоятельности и часто враждовали съ нимъ; новгородцы должны были признать Псковъ независимымъ подъ именемъ „младшаго брата" Новгорода. Московскіе князья также стремились завладѣть нѣкоторыми городами новгородской области. Несмотря на уплату дани московскимъ князьямъ, новгородцы должны были по ихъ требованію постепенно ограничивать свою вольность. При Василіи I они приняли къ себѣ намѣстника отъ московскаго князя, а при Василіи II должны были подчиниться суду московскаго намѣстника и обязались не давать убѣжища въ Новгородѣ князьямъ, враждебнымъ московскому. Поцѣловавъ крестъ Василію II и его старшему сыну, новгородцы тѣмъ самымъ отказались отъ права выбирать себѣ князя въ случаѣ смерти Василія, и Новгородъ сдѣлался наслѣдственной областью московскихъ князей. Василій II собирался уже совсѣмъ покончить съ новгородскимъ вѣчемъ, но смерть помѣшала ему; Іоаннъ III привелъ въ исполненіе планъ отца. Во время борьбы Новгорода съ Москвой литовскіе князья не разъ предлагали ему подчиниться Литвѣ. Нѣкоторые новгородцы, особенно изъ боярской партіи, охотно перешли бы въ подданство аристократическаго польско-литовскаго государства, тѣмъ болѣе, что въ составъ его входили многія русскія области и оно обѣщало имъ сохраненіе ихъ правъ, но большинство населенія держалось православной Москвы и подданство католическимъ литовскимъ князьямъ считало измѣной вѣрѣ. Когда Іоаннъ III вступилъ на московскій престолъ, то новгородцы скоро увидѣли, что при немъ имъ придется совершенно отказаться отъ своего вѣчевого устройства, и вотъ тогда-то литовская партія взяла верхъ. Во главѣ этой партіи стояла смѣлая и рѣшительная женщина Мареа, вдова посадника Исаака Борецкаго, и ея дѣти. Подъ вліяніемъ Борецкихъ новгородское вѣче заключило договоръ съ польско-литовскимъ королемъ Казиміромъ IV, по которому новгородцы признавали надъ собою покровительство короля, а король обязывался прислать къ нимъ своего намѣстника,

защищать ихъ отъ московскаго князя, не притѣснять православной вѣры и „держать Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной граматѣ“. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ объявилъ новгородцевъ измѣнниками православію и клятвопреступниками, такъ какъ они еще при Василіи II цѣловали ему крестъ, и пошелъ на нихъ съ большимъ войскомъ (1471 г.), среди котораго былъ и псковской отрядъ. Новгородцы выступили противъ него, но были разбиты наголову на рѣкѣ Шелони. Области новгородскія были преданы разоренію по приказанію Іоанна; отъ Казимира же помощи никакой не было, даже и присланный къ нимъ раньше князь, намѣстникъ королевскій, теперь отъ нихъ уѣхалъ. Между тѣмъ вслѣдствіе прекращенія подвоза хлѣбъ вздорожалъ. Тогда московская партія взяла верхъ надъ литовской и потребовала заключенія мира съ Іоанномъ. Архіепископъ новгородскій Ѳеофилъ поѣхалъ къ московскому князю съ просьбой о прощеніи. Іоаннъ простилъ новгородцевъ и прекратилъ войну, оставивъ имъ прежнее устройство и взявъ только за ихъ „проступку“ 15,500 рублей, такъ какъ дѣйствовать сразу, рѣшительно и смѣло было не въ его характерѣ. Съ этого времени, когда въ Новгородѣ бывала вражда партій и побѣдившая сторона обижала побѣжденную, то послѣдняя присылала къ Іоанну въ Москву жаловаться на обидчиковъ. Іоаннъ разбиралъ ихъ ссоры и такимъ образомъ присвоилъ себѣ право верховнаго суда въ Новгородѣ. Разъ пріѣхали въ Москву 2 посла новгородскіе и назвали Іоанна государемъ, между тѣмъ какъ раньше новгородцы называли его господиномъ. Іоаннъ сдѣлалъ сейчасъ же запросъ въ Новгородъ, какого они хотятъ государства? Новгородцы отвѣчали, что они государемъ Іоанна не называли и бьютъ челомъ, чтобы онъ держалъ ихъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію. (Послы назвали Іоанна государемъ безъ вѣдома вѣча, но, быть можетъ, съ согласія московской партіи). Тогда Іоаннъ, воспользовавшись этимъ, пошелъ вторымъ походомъ на Новгородъ (1478 г.), чтобы съ нимъ покончить. „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами прислали, а теперь запираются и на насъ ложь положили“, говорилъ Іоаннъ митрополиту по этому поводу. Въ этотъ второй походъ Іоаннъ безъ битвы осадилъ Новгородъ и вскорѣ архіепископъ Ѳеофилъ, сторонникъ Москвы, былъ присланъ къ Іоанну узнать объ условіяхъ мира. „Хотимъ государства, отвѣчалъ Іоаннъ, въ В. Новгородѣ такого же, какое у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть и государство все намъ держать“. Новгородцы долго не соглашались на такія условія и

просили сдѣлать имъ разныя уступки, но Іоаннъ твердо стоялъ на своемъ; тогда они принуждены были уступить и поцѣловали ему крестъ, какъ самовластному государю. Такимъ образомъ кончилось независимое существованіе новгородской общины и она вошла въ составъ областей сѣв.-восточной Руси, подчинившихся единодержавной власти московскаго князя. Вѣчевой колоколъ, какъ символъ новгородской свободы, былъ увезенъ въ Москву и повѣшенъ на колокольнѣ одной изъ московскихъ церквей. Мареа тоже была отправлена въ Москву. Такъ какъ литовская партія все еще была сильна въ Новгородѣ и волновалась, то нѣсколько тысячъ вліятельныхъ новгородскихъ семействъ были переселены въ московскіе города, а вмѣсто нихъ поселены въ Новгородѣ дѣти боярскіе и купцы изъ московскихъ городовъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ независимости прекратилась и торговля Новгорода съ Ганзой; причиной послужило то обстоятельство, что Іоаннъ въ угоду своему союзнику, датскому королю, который былъ врагомъ Ганзы, посадилъ въ тюрьму нѣсколько десятковъ ганзейскихъ купцовъ, а товары ихъ отобралъ въ казну. Послѣ Новгорода были завоеваны находившіяся отъ него въ зависимости земли: пермская, печерская, югорская и община вятская, бывшая новгородской колоніей. Псковъ безусловнымъ подчиненіемъ волѣ Іоанна успѣлъ на время сохранить свое вѣче.

Присоединеніе Твери и другихъ удѣловъ. Великій князь тверской Михаилъ Борисовичъ вступилъ въ союзъ съ королемъ Казиміромъ IV; такъ какъ этимъ союзомъ Михаилъ нарушалъ договоры, ранѣе заключенные съ Москвой, то Іоаннъ III пошелъ на него войной, опустошилъ тверскую область и заставилъ Михаила, которому польскій король помощи не присылалъ, заключить съ нимъ миръ. Вслѣдъ затѣмъ тверскіе бояре, видя униженіе своего князя, стали отъѣзжать на службу къ Іоанну, а Михаилъ, постоянно оскорбляемый Іоанномъ, завелъ новыя сношенія съ Литвой. Іоаннъ снова пошелъ на Тверь; тогда Михаилъ уѣхалъ въ Литву, а Тверь была присоединена къ Москвѣ (1485 г.). Кромѣ того Іоаннъ присоединилъ къ Москвѣ удѣлъ верейскій, удѣлы своихъ братьевъ, часть рязанской области, такъ что неприсоединенными остались въ сѣв.-восточной Руси только Псковъ и другая часть Рязани и то потому, что они безусловно повиновались Іоанну.

Сверженіе татарскаго ига. Въ половинѣ XV в. татары раздѣлились на 3 независимыя Орды—Золотую, Казанскую и Крымскую. Основателемъ казанскаго царства былъ ханъ Улу-Махметъ; изгнанный изъ Золотой Орды своимъ братомъ, онъ удалился въ городокъ

Казань (1437 г.) и соединилъ подъ своею властію жившія тутъ племена татаръ, камскихъ болгаръ, мордвы и черемисовъ. Благодаря выгодному торговому положенію на Волгѣ, Казань скоро усилилась и казанскіе татары стали дѣлать опустошительные набѣги на русскія области. Крымская Орда, расположившаяся въ Крыму и по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, стала независимой подъ управленіемъ хановъ изъ династіи Гиреевъ. Хотя ханъ Золотой Орды и считалъ московскаго князя своимъ данникомъ, но Іоаннъ на самомъ дѣлѣ былъ независимъ отъ хана, такъ какъ дани ему опредѣленной не платилъ, а только посылалъ дары по своему усмотрѣнію. Побуждаемый своей супругой Софьей Ѳоминишной, Іоаннъ рѣшился окончательно уничтожить татарское иго и для этого воспользовался наслѣдственной враждой хановъ Золотой и Крымской Ордъ. Заключивъ союзъ съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, чтобы дѣйствовать заодно противъ общаго врага, Іоаннъ отказался платить какую бы то ни было дань Ахмату, хану Золотой Орды. Говорятъ, что когда послы Ахмата пришли въ Москву съ ханской граматой и басмой (изображеніе хана) и требовали дани, то Іоаннъ вмѣсто того, чтобы преклониться передъ басмой и стоя на колѣняхъ выслушать ханскую грамату, въ гнѣвѣ растопталъ ногами басму и грамату и наотрѣзъ отказался отъ платежа дани. Тогда Ахматъ уговорился съ польскимъ королемъ Казиміромъ вмѣстѣ напасть на московскія земли и, вторгнувшись въ московскіе предѣлы, дошелъ до рѣки Угры. Іоаннъ выступилъ противъ Ахмата и сталъ на другой сторонѣ Угры. Въ это же время Менгли-Гирей напалъ на Литву и помѣшалъ Казиміру соединиться съ Ахматомъ, а московскіе отряды вмѣстѣ съ крымскими напали на Сарай и разграбили его. Сраженія при Угрѣ не произошло (1480 г.), такъ какъ Іоаннъ по врожденной московскимъ князьямъ осторожности дѣйствовалъ рѣшительно только тогда, когда была надежда на вѣрный успѣхъ; онъ не рѣшился въ данномъ случаѣ первый начать битву и выжидалъ, несмотря на негодованіе москвичей и уговоры митрополита и ростовскаго архіепископа Вассіана. Татары тоже выжидали, боясь вступить въ битву съ московскими многочисленными полками, тѣмъ болѣе, что они не получили помощи отъ Литвы. Между тѣмъ начались морозы и рѣка Угра покрылась льдомъ, такъ что татары могли легко перейти ее; Іоаннъ съ войскомъ поспѣшно отступилъ къ Боровску, а татары, плохо одѣтые, побоялись морозовъ и тоже отступили въ степи; на обратномъ пути Ахматъ былъ убитъ однимъ татарскимъ княземъ. Такъ

кончилось тяжелое татарское иго (1480 г.). Менгли-Гирей въ союзѣ съ московскими войсками долго еще продолжалъ воевать послѣ того съ сыновьями Ахмата и, наконецъ, совершенно уничтожилъ Зол. Орду (1502 г.). Избавившись отъ татаръ Зол. Орды, Іоаннъ вслѣдъ затѣмъ подчинилъ своей власти казанское царство; онъ помогъ хану Магметъ-Аминю въ борьбѣ съ братомъ, за что Магметъ, утвердившись въ Казани, призналъ себя подручникомъ московскаго князя.

Война съ Литвой. Іоаннъ III, первый изъ московскихъ князей, началъ войну съ литовско-польскимъ государствомъ съ цѣлью возвращенія западнорусскихъ областей. Называя себя во внѣшнихъ сношеніяхъ „государемъ всея Руси“, Іоаннъ высказалъ этимъ свое право на западнорусскія области, которыя должны принадлежать ему, православному московскому государю, потомку св. Владиміра, а не оставаться подъ властію иновѣрнаго польскаго короля. Поводомъ къ войнѣ послужили мелкіе удѣльные князья черниговосѣверской области, которые переходили на службу къ православному московскому князю, почему и города ихъ также присоединялись къ Москвѣ. Война Іоанна съ литовскимъ княземъ Александромъ, сыномъ Казиміра, женатымъ на дочери Іоанна Еленѣ, была очень удачна; московскій воевода Даніилъ Щеня разбилъ литовское войско близъ Дорогобужа и взялъ въ плѣнъ гетмана Константина Острожскаго. Въ этой войнѣ принялъ участіе и магистръ ливонскаго ордена Плеттенбергъ, но также былъ разбитъ московскими войсками. Александръ долженъ былъ заключить перемиріе съ Іоанномъ (1503 г.) и уступилъ ему сѣверскую область, т.-е. земли всѣхъ князей, перешедшихъ на службу въ Москву.

Женитьба Іоанна на греческой царевнѣ Софьѣ Палеологъ. Въ 1453 г. Константинополь былъ завоеванъ турецкимъ султаномъ Магометомъ II. Ѳома Палеологъ, братъ византійскаго императора Константина XI, убитаго при взятіи города, нашелъ со своимъ семействомъ убѣжище у римскаго папы. У Ѳомы Палеолога была дочь Софья; когда Софья выросла, то папа предложилъ жениться на ней московскому князю Іоанну III, въ это время овдовѣвшему; Іоаннъ III въ первый разъ былъ женатъ на тверской княжнѣ Маріи Борисовнѣ и отъ этого брака имѣлъ сына Іоанна. Римскій папа надѣялся при посредствѣ Софіи снова завести съ Москвой переговоры о соединеніи церквей. Іоаннъ III принялъ предложеніе папы. Софія пріѣхала въ Москву и обвѣнчалась съ Іоанномъ (1472 г.). Кардиналъ, пріѣхавшій въ Москву вмѣстѣ съ Софьей, пытался за-

вести переговоры о соединеніи церквей, но его попытка не имѣла успѣха; по словамъ лѣтописца, какой-то книжникъ Никита Поповичъ, которому митрополитъ поручилъ вести переговоры съ кардиналомъ, побѣдилъ въ преніяхъ кардинала; послѣдній въ свое оправданіе заявилъ, что съ нимъ нѣтъ нужныхъ для спора книгъ. Если бракъ съ Софьей не имѣлъ никакихъ послѣдствій въ церковномъ отношеніи, такъ какъ Софья не поддерживала плановъ папы, то онъ имѣлъ зато другія слѣдствія, весьма важныя для русской исторіи. Царевнѣ Софьѣ, знавшей о пышности византійскаго двора и царскомъ величіи византійскихъ императоровъ, воспитанной и выросшей на образованномъ западѣ, многое не понравилось въ Москвѣ. Обстановка княжескаго двора была незатѣйлива. Москва съ ея небольшими деревянными постройками совсѣмъ не походила на европейскіе города, князь московскій считался еще данникомъ татаръ и бояре обходились съ нимъ запросто,—и вотъ вскорѣ послѣ женитьбы Іоанна начинаются разныя перемѣны, въ которыхъ нельзя не видѣть сильнаго вліянія Софьи. Обстановка двора устраивается по образцу двора византійскихъ императоровъ; призванные изъ-за границы архитекторы строятъ каменный дворецъ для великаго князя и грановитую палату для торжественныхъ пріемовъ, вводятся различные придворные чины и церемоніи, заимствованные изъ Византіи. Іоаннъ, считая себя какъ бы наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ, принимаетъ уже въ сношеніяхъ съ иностранцами титулъ царя (цезарь) и соединяетъ московскій гербъ, т.-е. изображеніе Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона, съ византійскимъ гербомъ—двуглавымъ орломъ. Византійскіе императоры считались представителями и защитниками всѣхъ православныхъ христіанъ и такое значеніе получаютъ послѣ паденія Константинополя и женитьбы Іоанна московскіе государи; порабощенные турками, греки и южные славяне возлагаютъ съ этого времени на московскаго государя всѣ надежды, какъ на своего будущаго освободителя. Іоаннъ перемѣняетъ свое прежнее простое обращеніе съ боярами на строгое и гордое, заставляя ихъ быть почтительными къ нему, и перестаетъ совѣтоваться съ ними.

„Гордый въ сношеніяхъ съ царями, говоритъ про него Карамзинъ, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, Іоаннъ любилъ пышную торжественность, установилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость въ нравѣ, умѣряемую въ немъ

силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностью, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостью. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться".

Московскіе бояре, потомки удѣльныхъ князей рюриковичей и гедиминовичей и прежнихъ дружинниковъ, привыкшіе запросто обращаться съ московскимъ княземъ, считавшіе себя вправѣ по стариннымъ обычаямъ даже отъѣзжать отъ него въ случаѣ неудовольствія, были очень недовольны этой перемѣной въ обращеніи съ ними Іоанна. Считая Софію виновницей этой перемѣны, бояре не любили ее и высказали это при вопросѣ о престолонаслѣдіи. Старшій сынъ Іоанна III, Іоаннъ Молодой еще при жизни отца былъ названъ великимъ княземъ, т.-е. наслѣдникомъ престола, и его имя писалось во всѣхъ граматахъ на ряду съ именемъ Іоанна III, но онъ умеръ въ 1490 г., оставивъ сына Дмитрія отъ брака съ Еленой, дочерью молдавскаго господаря. У Іоанна III отъ Софіи былъ сынъ Василій и поэтому возникалъ вопросъ, кто будетъ наслѣдникомъ московскаго престола — Дмитрій ли, за которымъ были всѣ права по новому обычаю престолонаслѣдія (введенному Дмитріемъ Донскимъ), такъ какъ его отецъ Іоаннъ Молодой уже назывался в. княземъ, или Василій, которому, какъ сыну Софіи, должны были принадлежать принесенные ею изъ Византіи царскій титулъ и византійскій гербъ. Бояре приняли сторону Дмитрія. Софія и Василій, за которыхъ стояли люди незнатные— дѣти боярскіе и дьяки, по навѣтамъ враждебныхъ имъ бояръ были обвинены во враждебныхъ замыслахъ противъ Іоанна. Василій былъ заключенъ подъ стражу, Софья удалена отъ двора, а нѣкоторые изъ ихъ приверженцевъ казнены. Дмитрій былъ торжественно вѣнчанъ на великое княженіе. Вѣнчаніе происходило въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ были поставлены три стула — Іоанну, Дмитрію и митрополиту, а на налоѣ лежали шапка и бармы Мономаха. Послѣ молебна, отслуженнаго митрополитомъ съ епископами и архимандритами, и соотвѣтствующихъ молитвъ, Іоаннъ возложилъ на Дмитрія бармы и шапку. Затѣмъ духовенство и всѣ присутствующіе поздравляли в. князя Іоанна и его внука, а при выходѣ изъ собора осыпали Дмитрія золотыми и серебряными деньгами.

Вѣнчаніе это было заимствовано Іоанномъ тоже изъ Византіи и замѣнило собой старинный русскій обрядъ посаженія князя на столъ. Однако торжество Дмитрія и боярской партіи продолжалось не долго; Софія и Василій вскорѣ были снова возвращены ко двору, двѣ наиболѣе враждебныя Софьѣ и самыя знатныя боярскія фамиліи князей Патрикѣевыхъ гедиминовичей и Ряполовскихъ-Стародубскихъ рюриковичей жестоко поплатились за свои козни: Ряполовскому отрубили голову, а Патрикѣевы отецъ съ сыномъ были пострижены въ монахи. Въ послѣдній годъ своего княженія Іоаннъ велѣлъ заключить Дмитрія съ матерью подъ стражу, а сына своего Василія благословилъ на великое княженіе.

Возобновленіе сношеній съ Западной Европой. Во время *татарскаго ига прекратились сношенія* Россіи съ З. Европой (за исключеніемъ Новгорода), вслѣдствіе чего русскіе отстали отъ зап. европейцевъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ. Кромѣ того были еще особыя причины, которыя мѣшали сближенію русскихъ съ европейцами. Принявъ христіанство по православному обряду и будучи преданы своей вѣрѣ, русскіе люди съ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ относились къ западнымъ сосѣдямъ, иновѣрцамъ-латинянамъ, называя ихъ еретиками и чуждаясь болѣе близкихъ сношеній съ ними. Обычаи русскаго народа въ XV в., унаслѣдованные отъ предковъ и потому считавшіеся какъ бы священными, во многомъ отличались отъ иноземныхъ обычаевъ, что также мѣшало сближенію съ иностранцами. Наконецъ, враждебныя отношенія къ русскимъ ихъ сосѣдей: литовцевъ, ливонскихъ нѣмцевъ, шведовъ, не могли благопріятствовать этому сближенію. Русскіе люди хотя и видѣли преимущество надъ собою иностранцевъ въ знаніяхъ, но по причинѣ указанныхъ обстоятельствъ не находили возможнымъ что-либо заимствовать у нихъ. Іоаннъ III подъ вліяніемъ Софьи первый изъ московскихъ государей понялъ необходимость сближенія съ Западомъ и въ этомъ великая его заслуга, такъ какъ онъ началъ подготовку къ преобразованіямъ Петра Великаго. Преданный дѣдовскимъ обычаямъ, Іоаннъ, конечно, и не думалъ о преобразованіи всего государства по з.-европейскому образцу, но сношенія съ Западомъ завелъ для того, чтобы войти въ кругъ европейскихъ государей и заимствовать отъ европейцевъ полезныя знанія. Въ видахъ сближенія съ Западомъ Іоаннъ завелъ дипломатическія сношенія съ Римомъ, Германіей, Венгріей, Даніей, Венеціей и Турціей; послы отъ этихъ государствъ начинаютъ пріѣзжать въ Россію и знакомятъ З. Европу съ не

извѣстной дотолѣ Московіей, гдѣ все для нихъ было ново и любопытно.

Такъ какъ дань, прежде отсылавшаяся въ Орду, шла теперь въ казну великокняжескую, то Іоаннъ III имѣлъ возможность окружить себя царскою пышностью и великолѣпіемъ и украсить Москву. Съ этою цѣлью онъ вызвалъ изъ-за границы разныхъ мастеровъ, а также военныхъ людей, которые могли бы научить русскихъ иноземному воинскому строю. Болонскій уроженецъ Аристотель Фіоравенти, получавшій отъ Іоанна 10 руб. въ мѣсяцъ жалованья, возобновилъ въ болѣе изящномъ видѣ Успенскій соборъ, построенный еще при Калитѣ, но обветшавшій. Венеціанецъ Маркъ Фрязинъ построилъ грановитую палату для торжественныхъ пріемовъ. Миланецъ Алевизъ заложилъ каменный дворецъ для Іоанна. Въ то же время были построены каменные соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и новыя стѣны съ башнями около Кремля. Богатые люди по примѣру князя также строили для себя каменные дома. Выписанные иностранные мастера должны были научить русскихъ разнымъ полезнымъ ремесламъ и искусствамъ, какъ-то: постройкѣ каменныхъ укрѣпленій, горному дѣлу, чеканкѣ монетъ, выдѣлкѣ оружія, устройству и употребленію разныхъ машинъ; принятые Іоанномъ на службу нѣмцы и литовцы, свѣдущіе въ ратномъ дѣлѣ, должны были учить русское войско иноземному строю; при этомъ впервые была заведена артиллерія. Выписаны были и два доктора, но они поплатились своими головами за то, что не вылѣчили князя Іоанна Молодого и одного татарскаго царевича. Когда же нѣкоторые иностранцы захотѣли вернуться на родину, ихъ не пустили изъ боязни, чтобы они не разнесли дурной молвы о московскомъ государствѣ за границей, да и жаль было лишиться въ нихъ полезныхъ людей.

Изданіе Судебника. Съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ въ нихъ посылались для управленія и суда намѣстники и волостели, назначаемые московскимъ княземъ изъ его бояръ. Эти намѣстники вмѣсто жалованья получали разныя приношенія отъ жителей областей деньгами и припасами (кормленіе); злоупотребляя данною имъ властію, они часто обижали подчиненное имъ населеніе: облагали его непосильными поборами, творили несправедливый судъ, брали взятки. Для защиты населенія отъ обидъ намѣстниковъ и для бо́льшаго объединенія присоединенныхъ къ Москвѣ земель, Іоаннъ велѣлъ дьяку Гусеву составить для всего государства Судебникъ на основаніи Русской Правды, судныхъ

грамат и обычаевъ московскаго судопроизводства (1497 г.). По Судебнику судъ въ областяхъ производился княжескимъ намѣстникомъ, но съ участіемъ княжескаго чиновника, мѣстнаго старосты и выборныхъ лучшихъ людей изъ населенія. Судьи получали судебныя пошлины, но взятокъ (посуловъ) брать не смѣли. За уголовныя преступленія (разбой, душегубство, двукратное воровство, святотатство, зажигательство) полагалась смертная казнь; за первое воровство—торговая казнь, т.-е. били кнутомъ на площади. Обвиняемыхъ иногда пытали, чтобы они сознались въ винѣ. Эти пытки, тѣлесныя наказанія, смертная казнь были заимствованы нами отъ татаръ, такъ какъ въ Русской Правдѣ о нихъ не говорится. Иногда судящимся предоставлялось рѣшить ихъ споръ „полемъ", т.-е. судебнымъ поединкомъ на дубинахъ, причемъ судебные приставы должны были наблюдать, чтобы одинъ противникъ не убилъ другого; женщина, старикъ, малолѣтній, увѣчный могли вмѣсто себя выставить къ поединку наемнаго бойца; побѣдившій на поединкѣ признавался выигравшимъ тяжбу.

Церковныя дѣла. Во второй половинѣ XV в. кіевскій еврей Схарія, пріѣхавъ въ Новгородъ, сталъ распространять здѣсь ересь жидовствующихъ. Эта ересь представляла смѣсь іудейства съ христіанствомъ; она отвергала ученіе о Св. Троицѣ, божество Іисуса Христа, почитаніе святыхъ и иконъ, церковные таинства и обряды, монашество и ставила Ветхій завѣтъ выше Новаго. Изъ Новгорода ересь проникла въ Москву и сильно здѣсь распространилась, такъ какъ ее поддерживали Елена, жена Іоанна Молодого, любимый дьякъ государя Курицынъ и архимандритъ Зосима, вскорѣ по проискамъ еретиковъ избранный въ митрополиты. Новгородскій архіепископъ Геннадій первый началъ преслѣдовать еретиковъ и вызвалъ для борьбы съ ересью основателя Волоколамскаго монастыря Іосифа Санина, который нашелъ поддержку въ Софьѣ Ѳоминишнѣ, стоявшей за православіе. Такимъ образомъ на борьбу православія съ ересью имѣла вліяніе борьба двухъ придворныхъ партій—Софьи и Елены. Постоянно обличая еретиковъ въ своихъ посланіяхъ къ великому князю, епископамъ и духовенству и совѣтуя казнить, жечь и вѣшать еретиковъ, Іосифъ заставилъ Зосиму отречься отъ митрополіи и убѣдилъ в. князя принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. (Собраніе обличительныхъ посланій Іосифа извѣстно подъ именемъ „Просвѣтителя"). Іоаннъ созвалъ духовный соборъ (1504 г.), на которомъ ересь была осуждена, главные еретики сожжены, а другіе наказаны и заточены.

Вслѣдствіе татарскаго ига просвѣщеніе на Руси такъ упало, что даже высшія духовныя лица бывали въ это время малообразованы, а низшее духовенство—священники часто съ трудомъ понимали грамоту; понятно, что такіе священники не могли толковать Св. Писаніе и учить мірянъ, вслѣдствіе чего послѣдніе, соблюдая обрядовую сторону религіи, не понимали истиннаго смысла ученія І. Христа. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется появленіе различныхъ ересей, напр., стригольниковъ (въ XIV в.) и жидовствующихъ. (Стригольники утверждали, что рукоположеніе іереевъ, поставляемыхъ по тогдашнему обыкновенію съ нѣкоторою платою, не должно быть считаемо дѣйствительнымъ, и потому истинные христіане должны ихъ удаляться). Поэтому тотъ же Геннадій вооружился противъ постановленія въ священники безграмотныхъ людей и доказывалъ необходимость заведенія училищъ для духовенства. Въ княженіе Іоанна III на духовномъ соборѣ (1504 г.) впервые былъ поднятъ важный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣніями? Знаменитый подвижникъ Нилъ Сорскій предложилъ на этомъ соборѣ, чтобы селъ у монастырей не было и чтобы монахи кормились трудами рукъ своихъ, но митрополитъ, епископы и особенно Іосифъ Волоцкій отстояли монастырскія земли. „Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять архіереевъ?“ Этотъ же Нилъ Сорскій не сочувствовалъ тѣмъ суровымъ наказаніямъ еретиковъ, которыя предлагалъ Іосифъ Волоцкій, и напоминалъ о христіанскомъ прощеніи и кротости.

Завѣщаніе Іоанна III. Раздѣляя въ своемъ завѣщаніи земли между пятью своими сыновьями, Іоаннъ распорядился такъ, что старшій сынъ Василій получилъ 66 самыхъ богатыхъ городовъ, а остальные 4 всѣ вмѣстѣ 30 городовъ. Младшіе братья обязались присягой во всемъ повиноваться старшему—великому князю, не могли чеканить монету, не имѣли права въ своихъ удѣлахъ судить уголовныхъ дѣлъ и не могли сноситься съ иностранными государями. Если одинъ изъ младшихъ братьевъ умретъ и не оставитъ сына или внука, то весь его удѣлъ долженъ перейти къ старшему Василію. Такимъ образомъ младшіе братья не могли быть опасны для самодержавія Василія. Кромѣ того младшіе братья обязались въ случаѣ смерти Василія подчиняться его сыну, а своему племяннику.

Значеніе дѣятельности Іоанна III. „Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на москов-

скій престолъ, когда дѣло собиранія сѣв.-восточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ и нуженъ былъ послѣдній уже легкій ударъ, чтобы дорушить его. Отношенія всѣхъ частей народонаселенія ко власти княжеской издавна уже опредѣлялись въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданіями, доставшимися въ наслѣдство отъ византійской имперіи, чтобы выказать яснѣе эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобы присоединиться, приравняться къ ней. Орда падала сама собою отъ раздѣленія, усобицъ, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и усобицами, чтобы такъ называемое татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы. На Западѣ король польскій и в. князь литовскій занятъ внутри раздѣленіемъ между Польшей и Литвой, раздѣленіемъ, господствующимъ подъ видомъ соединенія; сильно занятъ извнѣ отношеніями къ Пруссіи, Богеміи, Венгріи, не можетъ мѣшать Москвѣ въ ея усиленіи, не можетъ бороться съ ней и уступаетъ ей цѣлыя области. Спокойный, единовластный внутри, московскій князь пользуется собраніемъ сѣв.-восточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми внѣшними обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобы опять начать наступательное движеніе на востокъ, на племена финскія, на царства татарскія, относительно же юго-запада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издавна его предковъ отчины. Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собиранія земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ внѣшнихъ движеній, замкнутость, отчужденность сѣв.-восточной Руси необходимо начинаетъ прекращаться. Державы З. Европы узнаютъ, что на сѣв.-востокѣ существуетъ обширное, самостоятельное русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобы ознакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣе Италіи, Даніи, Германской имперіи; сношенія съ послѣдней должны были скоро прекратиться по недостатку общихъ интересовъ; какъ и прежде татарскія Орды на востокѣ и югѣ, Литва и нѣмцы на западѣ ограничивали политическій горизонтъ московскаго государства. Таковы были слѣдствія собранія русской земли около Москвы, слѣдствія—необходимо обнаружившіяся во второй половинѣ XV в. въ княженіе Іоанна III, который, пользуясь полученными отъ предковъ средствами, пользуясь счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе одной его дѣятельности; но Іоанну III принадлежитъ почетное мѣсто среди собирателей русской земли, среди образователей московскаго государства; Іоанну III

принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ сѣверной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ. которыми было можно выиграть, но и много потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе—вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III". (Соловьевъ).

Василій III (1505—1533 г.).

Самодержавіе Василія. Василій III носитъ въ исторіи названіе „послѣдняго собирателя Русской земли", такъ какъ онъ окончилъ дѣло, начатое его предками, т.-е. совершенно уничтожилъ удѣльную систему и соединилъ всѣ области сѣв.-восточной Руси подъ своею единодержавною властію. Во всемъ слѣдуя политикѣ своего отца, Василій III еще болѣе усилилъ свою власть и сталъ вполнѣ самодержавенъ. Съ боярами онъ пересталъ совѣщаться о дѣлахъ и не допускалъ съ ихъ стороны ни малѣйшаго противорѣчія; такъ за „высокоумничанье" князь Холмскій былъ посаженъ въ тюрьму; боярину Берсеню отрубили голову за то, что онъ жаловался на новые порядки, введенные Василіемъ, а митрополитъ Варлаамъ, печаловавшійся передъ государемъ за опальныхъ бояръ, былъ свергнутъ и заточенъ въ монастырь. Съ другихъ знатныхъ бояръ онъ бралъ записи, что они отъ него не отъѣдутъ. Понятно, что Василій не довѣрялъ боярамъ и не любилъ ихъ, считая ихъ своими врагами, такъ какъ помнилъ ихъ нерасположеніе къ нему и его матери, которое они выказали еще при Іоаннѣ III, когда рѣшался вопросъ о престолонаслѣдіи. Только нѣсколько приближенныхъ дьяковъ да дворецкій были его любимцами, которыхъ онъ посвящалъ въ свои распоряженія и съ которыми рѣшалъ всѣ дѣла, отдавая ихъ лишь для формы на обсужденіе боярской думы.

Герберштейнъ, бывшій въ княженіе Василія въ Москвѣ посломъ отъ германскаго императора, такъ изображаетъ въ своихъ „Запискахъ о Московіи" самодержавіе Василія III: „Властью, которую имѣетъ надъ своими подданными, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра. Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными, и свободно по своему произволу распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться противорѣчить ему и быть въ чемъ-нибудь другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что̀ князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божьей.

Поэтому они называютъ его Божьимъ ключникомъ, постельникомъ, и вѣрятъ, что онъ исполнитель воли Божьей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ или другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: „будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ". Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: „знаетъ Богъ и великій государь".

Присоединеніе послѣднихъ удѣловъ. Послѣдніе удѣлы, уцѣлѣвшіе еще въ сѣв.-восточной Руси, были присоединены Василіемъ къ Москвѣ. Воспользовавшись враждой, происходившей во Псковѣ между боярами и черными людьми, а также неудовольствіемъ псковичей на княжескаго намѣстника, Василій уничтожилъ безъ всякаго сопротивленія псковское вѣче и уравнялъ Псковъ съ другими московскими городами (1510 г.). Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и увезенъ изъ Пскова; 300 богатыхъ псковскихъ семействъ были переселены въ Москву, а на ихъ мѣсто поселены 300 купеческихъ семействъ изъ московскихъ городовъ. Князь Рязанскій за сношеніе съ крымскимъ ханомъ былъ вызванъ въ Москву и заключенъ въ темницу, откуда онъ потомъ бѣжалъ въ Литву, а Рязань была присоединена къ Москвѣ (1520 г.); такъ же поступилъ Василій и съ сѣверскимъ княжествомъ (1523 г.). Такимъ образомъ московскій князь сдѣлался единодержавнымъ повелителемъ всего московскаго государства. Потомки удѣльныхъ князей стали слугами московскаго государя и занимали мѣста при его дворѣ наравнѣ съ другими боярами, удержавъ за собою только княжескій титулъ. Татарскіе царевичи, потомки тѣхъ хановъ, которые еще недавно владычествовали надъ Русью и передъ которыми унижались русскіе князья, тоже поступали на службу къ московскому князю и добивались его милости.

Война съ Литвою, Крымомъ и Казанью. Князь Михаилъ Глинскій, любимецъ литовскаго князя Александра, потерялъ свое значеніе въ Литвѣ, когда послѣ смерти Александра литовскимъ княземъ сдѣлался братъ его, польскій король Сигизмундъ I. Недовольный Глинскій вступилъ въ сношеніе съ Василіемъ III и уговорилъ его начать войну съ Литвой. Эта война окончилась удачно для Василія и Сигизмундъ уступилъ ему Смоленскъ (1514 г.). Крымскіе татары, помогавшіе Іоанну въ борьбѣ съ З. Ордой, стали враждебно относиться къ Москвѣ, такъ какъ польскій король подарками склонялъ ихъ къ опустошенію московскихъ земель. Опасность еще болѣе усилилась, когда казанскіе татары прогнали отъ себя назначеннаго къ нимъ Василіемъ III царевича Шигъ-Алея,

внука Ахмата, и выбрали ханомъ Саипъ-Гирея, брата крымскаго хана. Оба Гирея, крымскій и казанскій, напали на московскія области, страшно опустошили ихъ и подступили къ Москвѣ. Василій, застигнутый врасплохъ нападеніемъ татаръ, уѣхалъ изъ Москвы собирать войско. Татары однако не могли взять Москвы и ушли въ степи, но зато увели съ собою много плѣнныхъ. Вскорѣ затѣмъ Василій III изгналъ изъ Казани Гирея и посадилъ туда своего подручника Еналея. Крымскимъ татарамъ съ этихъ поръ стали посылать ежегодные поминки (подарки), чтобы они оставляли въ покоѣ русскія области, но это мало помогало, такъ какъ поляки въ то же время съ своей стороны задаривали крымскихъ татаръ, чтобы они нападали на московскія владѣнія; крымцы брали подарки и опустошали владѣнія обоихъ государствъ.

Церковныя дѣла. Въ княженіе Василія III продолжали преслѣдовать еретиковъ, а также не прекращался споръ о монастырскихъ имуществахъ. Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи (іосифляне) защищали свое мнѣніе, что еретиковъ слѣдуетъ казнить, а монастыри должны владѣть имуществами. Послѣдователи Нила Сорскаго, монахи Кирилло-Бѣлозерскаго и вологодскихъ монастырей съ Вассіаномъ Косымъ во главѣ (такъ назывался въ иночествѣ постриженный при Іоаннѣ III князь Василій Патрикѣевъ) въ своихъ сочиненіяхъ опровергали мнѣніе Іосифа. Къ этой же партіи присоединился Максимъ Грекъ. Максимъ, родомъ албанскій грекъ, монахъ съ Аѳона, былъ образованный человѣкъ, слушавшій во многихъ городахъ Запада лекціи ученыхъ богослововъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву по просьбѣ в. князя для приведенія въ порядокъ греческихъ рукописей, находившихся въ княжеской библіотекѣ, а также для перевода на русскій языкъ нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ и для исправленія старыхъ переводовъ. Исполняя то дѣло, для котораго былъ призванъ, Максимъ въ то же время писалъ сочиненія, въ которыхъ обличалъ суевѣрія, пороки и недостатки тогдашняго русскаго общества, указывалъ на необходимость просвѣщенія и сближенія съ Западомъ, писалъ противъ магометанъ и латинянъ. По вопросу о монастырскихъ имуществахъ онъ сталъ тоже на сторону Вассіана, доказывая, что „инокъ долженъ быть страненъ, незнаемъ, бездоменъ и безъимяненъ“. Своими смѣлыми обличеніями Максимъ нажилъ себѣ много враговъ среди духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; вооружилъ онъ противъ себя и великаго князя, такъ какъ вмѣстѣ съ Вассіаномъ порицалъ его разводъ съ женой. Осужденный на духовномъ соборѣ въ церковныхъ пре-

ступленіяхъ, Максимъ былъ заточенъ въ монастырь и умеръ въ Россіи. Вассіанъ тоже былъ заточенъ.

Семейныя дѣла. Василій III былъ женатъ на Соломонидѣ Сабуровой, но не имѣлъ отъ нея дѣтей, такъ что престолъ послѣ его смерти долженъ бы былъ перейти къ его брату Юрію. Василій не любилъ Юрія, считалъ его неспособнымъ къ правленію и очень хотѣлъ имѣть сына, чтобы передать ему престолъ. Преданный Василію митрополитъ Даніилъ разрѣшилъ ему развестись съ Соломонидой, которая затѣмъ была пострижена, и жениться на Еленѣ Васильевнѣ, племянницѣ литовскаго выходца Михаила Глинскаго. Подъ вліяніемъ Елены, воспитанной на Западѣ, в. князь сталъ усваивать нѣкоторые иноземные обычаи и даже сбрилъ себѣ бороду, что̀ произвело дурное впечатлѣніе на народъ. Русскіе люди считали тогда ношеніе бороды необходимою принадлежностью благочестиваго человѣка, а на бритье смотрѣли какъ на тяжкій грѣхъ. Даже на иконахъ, представляющихъ послѣдній судъ, праведники изображались съ бородами, а басурманы и еретики были бритые и имѣли одни только усы, „аки коты и псы". Боярская партія, недовольная Василіемъ, отнеслась крайне несочувственно къ его разводу; многія духовныя лица тоже осуждали его поступокъ, особенно Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ. Отъ Елены Василій имѣлъ двухъ сыновей Іоанна и Юрія; старшаго изъ нихъ трехлѣтняго Іоанна онъ благословилъ передъ смертію на великое княженіе.

Іоаннъ IV Грозный (1533—1584 г.).

Правленіе Елены. (1533—1538 г.). За малолѣтствомъ Іоанна правила государствомъ мать его Елена Васильевна. Во время ея правленія происходили различныя крамолы и интриги бояръ; нѣкоторые бояре бѣжали въ Литву, а другіе были заточены; дяди государя Юрій и Андрей Ивановичи, обвиненные въ честолюбивыхъ замыслахъ, были лишены свободы и посажены подъ стражу; родной дядя Елены, князь Михаилъ Глинскій, враждовавшій съ ея любимцемъ, княземъ Телепневымъ-Оболенскимъ, тоже былъ заключенъ въ темницу. По смерти Елены (1538 г.) правленіе государствомъ перешло въ руки боярской думы, такъ какъ Іоанну было только 8 лѣтъ.

Правленіе бояръ. Дѣтство Іоанна. Среди московскихъ бояръ въ это время особенно выдѣлялись 2 рода: князья Шуйскіе, которые были потомками удѣльныхъ суздальско-нижегородскихъ князей, и

князья Бѣльскіе—потомки Гедимина. Сначала главную власть захватили Шуйскіе. Правленіе Шуйскихъ было очень тяжело для народа, такъ какъ они распоряжались всѣмъ самовластно, грабили государственную казну, произвольно увеличивали налоги, много невинныхъ людей заключили въ темницу и казнили. Съ Шуйскими вступилъ въ борьбу князь Иванъ Бѣльскій, побѣдилъ ихъ и сталъ во главѣ правленія. Бѣльскій старался исправить слѣды дурного правленія Шуйскихъ: уничтожилъ многіе незаконные налоги, освободилъ невинныхъ изъ темницъ, но, къ сожалѣнію, его власть продолжалась недолго. Шуйскіе составили заговоръ, схватили Бѣльскаго, заключили его въ темницу и тамъ умертвили; послѣ этого у Шуйскихъ уже не было соперниковъ. Митрополитъ Іосафъ, сторонникъ Бѣльскаго, былъ свергнутъ и на его мѣсто возведенъ новгородскій владыка Макарій. Эта вражда бояръ за первенство, во время которой они позволяли себѣ самые насильственные поступки со своими врагами, происходила на глазахъ маленькаго государя, который достигъ тѣмъ временемъ 13-лѣтняго возраста. Одаренный отъ природы блестящими способностями, чрезвычайно впечатлительный, Іоаннъ окруженъ былъ боярами, которые заботились только о личныхъ выгодахъ, но не обращали никакого вниманія на его воспитаніе и обученіе. Они обходились съ нимъ очень дурно и постоянно оскорбляли его. Тѣхъ людей, которые были близки къ Іоанну и которыхъ онъ любилъ, бояре удаляли отъ него, несмотря на его просьбы и слезы, заключали ихъ въ темницу и даже лишали жизни. Не любя покойныхъ родителей Іоанна, бояре позволяли себѣ въ его присутствіи оскорблять ихъ память разными намеками и расхищать вещи, имъ принадлежавшія. Бояре не давали иногда Іоанну того платья или кушанья, которыхъ онъ хотѣлъ, и смѣялись надъ его слезами и просьбами. Тѣ же бояре при посольскомъ пріемѣ и различныхъ церемоніяхъ сажали Іоанна на тронъ и выказывали себя преданными и покорными слугами, во всемъ распоряжались его именемъ, изъ чего онъ рано сталъ понимать, что онъ государь и имѣетъ власть, которую присвоили бояре за его малолѣтствомъ, но которою онъ имѣлъ полное право воспользоваться; и вотъ маленькій государь изыскиваетъ способы, какъ доказать врагамъ боярамъ свою власть, какъ побѣдить ихъ и заставить ему подчиняться. Іоаннъ съ жаромъ предался чтенію книгъ; читая священную исторію, церковную, римскую, русскія лѣтописи, творенія святыхъ отцовъ, онъ старался въ этихъ книгахъ найти подтвержденіе своей самодержавной власти, которую

отнимали у него бояре. Видя вокругъ себя сцены насилія и дикаго самоуправства, Іоаннъ и самъ привыкалъ къ нимъ; еще будучи ребенкомъ, онъ уже любилъ мучить животныхъ; скача верхомъ со своими приближенными по улицамъ Москвы, онъ давилъ встрѣчныхъ людей, забавляясь ихъ страхомъ и криками. Іоанна не только не удерживали отъ этихъ забавъ, но льстецы даже говорили ему, что онѣ показываютъ его храбрость и мужество. Когда Іоанну минуло 13 лѣтъ, онъ рѣшилъ показать боярамъ свою власть: разсердившись на главнаго боярина Андрея Шуйскаго, онъ велѣлъ псарямъ замучить его. Шуйскіе пали, ихъ мѣсто во главѣ правленія заняли Глинскіе, родственники царя по матери, вліянію которыхъ и приписывается поступокъ Іоанна съ Шуйскимъ. „Съ этихъ поръ, говоритъ лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе". Послѣ рѣшительнаго поступка съ Шуйскимъ послѣдовали ссылки и казни многихъ другихъ бояръ. Іоаннъ, никѣмъ уже не стѣсняемый, да и не допускавшій никакого противорѣчія, сталъ вести буйную и разгульную жизнь и не обращалъ вниманія на дѣла правленія.

Вѣнчаніе на царство и женитьба Іоанна. Сближеніе его съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Въ 1547 г., когда Іоанну исполнилось 16 лѣтъ, онъ торжественно вѣнчался на царство, подобно тому, какъ Дмитрій былъ вѣнчанъ при Іоаннѣ III, и принялъ титулъ „царя", такъ какъ съ этимъ титуломъ соединялось понятіе о болѣе обширной власти, чѣмъ съ титуломъ „великій князь". Вскорѣ же послѣ вѣнчанія Іоаннъ женился. Когда Іоаннъ III задумалъ женить сына своего Василія, то послѣдовалъ примѣру византійскихъ императоровъ и велѣлъ собрать во дворецъ на смотрины самыхъ красивыхъ дочерей боярскихъ, изъ которыхъ Василій и выбралъ себѣ Соломониду. Іоаннъ Грозный послѣдовалъ его примѣру и съ этихъ поръ этотъ способъ женитьбы у московскихъ государей вошелъ въ обычай. Изъ собранныхъ дѣвицъ Іоаннъ выбралъ себѣ въ жены Анастасію Романовну, дочь окольничаго Романа Юрьевича Захарьина Кошкина, и такимъ образомъ домъ Рюрика породнился съ домомъ Романовыхъ.

Родоначальникомъ дома Романовыхъ былъ прусскій князь Андрей Ивановичъ, выѣхавшій въ Москву изъ литовской земли при Іоаннѣ Калитѣ и имѣвшій пять сыновей, отъ которыхъ пошли многія русскія дворянскія фамиліи. Пятый сынъ Андрея, Ѳедоръ Кошка и сынъ послѣдняго Иванъ были боярами и главными совѣтниками Василія I. Сынъ Ивана Захарій далъ своимъ потомкамъ наименованіе Захарьиныхъ. Отъ Юрія, сына Захарія, пошли Захарьины-Юрьевы; у Юрія

были сыновья Романъ и Михаилъ, бывшій довѣреннымъ лицомъ Василія III. У Романа были дѣти—Анастасія, жена Грознаго, и Никита, родъ котораго сталъ называться Романовыми.

Вскорѣ послѣ свадьбы царя въ Москвѣ произошелъ такой сильный пожаръ, что сгорѣла большая часть города и погибло народу 1700 человѣкъ. Царь съ семействомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево. Между тѣмъ стали ходить слухи, что Москву сожгли чародѣйствомъ. Взволнованный народъ поднялъ мятежъ; озлобленный противъ Глинскихъ и подстрекаемый враждебными имъ боярами, народъ обвинялъ Глинскихъ въ поджогѣ. „Княгиня Анна Глинская со своими дѣтьми волхвовала, говорили въ народѣ, вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила, оттого Москва и выгорѣла“. Мятежники убили дядю царя Юрія Глинскаго въ Успенскомъ соборѣ, куда онъ спрятался, перебили его людей, разграбили дворъ и бросились въ Воробьево требовать у царя выдачи бабки его, княгини Анны Глинской, съ другимъ ея сыномъ Михаиломъ. По приказанію Іоанна зачинщики были схвачены и казнены, послѣ чего мятежъ прекратился. Вѣнчаніе на царство, свадьба, пожаръ, народный мятежъ противъ Глинскихъ, которымъ Іоаннъ довѣрялъ болѣе всѣхъ и которые вооружили противъ себя народъ разными насиліями, всѣ эти событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, произвели сильное впечатлѣніе на молодого царя. Онъ сдѣлался набожнымъ, серьезнымъ, занялся государственными дѣлами и окружилъ себя людьми незнатными, но испытанной нравственности, а бояръ удалилъ. Самыми близкими людьми къ Іоанну становятся священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и спальникъ Алексѣй Адашевъ.

Князь Курбскій, оставившій записки о Грозномъ, говоритъ, что будто еще во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ „пришелъ къ Іоанну Сильвестръ, сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго заклинать его страшнымъ Божіимъ именемъ; кромѣ того повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ. Не знаю, правду ли онъ говорилъ о чудесахъ или выдумалъ, чтобы только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли: душу его исцѣлилъ и очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощью Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ“.

Конечно, Сильвестръ, какъ священникъ придворнаго собора, уже ранѣе былъ извѣстенъ Іоанну своими достоинствами, но въ данномъ случаѣ его внушенія произвели большое вліяніе на Іоанна.

Въ 1550 г. Іоаннъ созвалъ изъ городовъ въ Москву выборныхъ людей всякаго чина (это былъ первый земскій соборъ), чтобы объявить имъ, что онъ самъ будетъ теперь править государствомъ, а потому всякія неправды боярскаго правленія болѣе не повторятся. Когда выборные люди собрались, то Іоаннъ въ воскресенье послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля на лобное мѣсто (возвышеніе на красной площади) съ духовенствомъ и боярами. Послѣ молебна Іоаннъ сначала держалъ рѣчь къ митрополиту, въ которой говорилъ, что онъ не виноватъ въ безпорядкахъ и народномъ бѣдствіи, которые были во время его малолѣтства въ правленіе бояръ, а затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, обратился къ народу со слѣдующими словами:

„Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправды бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать“.

Адашеву царь поручилъ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Такъ кончилось правленіе бояръ и Іоаннъ самъ сталъ управлять государствомъ.

Внутреннія распоряженія. Прежде всего Іоаннъ рѣшилъ улучшить управленіе въ областяхъ и устроить справедливый судъ, чтобы такимъ образомъ заставить народъ забыть печальное время боярскаго правленія. По повелѣнію царя былъ составленъ новый Судебникъ (1550 г.), въ которомъ назначались строгія наказанія правителямъ и судьямъ, если они будутъ обвинены въ неправедномъ судѣ и взяточничествѣ. Чтобы избавить жителей областей отъ притѣсненій корыстолюбивыхъ намѣстниковъ, на что были частыя жалобы, Іоаннъ позволилъ городскимъ и сельскимъ жителямъ выбирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ (старостъ и цѣловальниковъ), которые присутствовали на судѣ царскихъ намѣстниковъ и наблюдали за вѣрнымъ рѣшеніемъ дѣлъ. Кромѣ того выборнымъ людямъ были предоставлены раскладка и сборъ податей (головы и цѣловальники), поимка воровъ и разбойниковъ и судъ надъ ними (губные старосты) подъ высшимъ только наблюденіемъ царскихъ намѣстниковъ. Въ нѣкоторыхъ же областяхъ Іоаннъ совсѣмъ отмѣнилъ намѣстниковъ и далъ жителямъ право самимъ выбирать себѣ

правителей (излюбленныхъ старостъ), но въ такомъ случаѣ жители области должны были вносить въ казну тѣ деньги, которыя бы давали на содержаніе намѣстнику. Въ 1551 г. Іоаннъ созвалъ духовный соборъ изъ высшаго духовенства, которому указалъ на цѣлый рядъ злоупотребленій и безпорядковъ въ церкви и на упадокъ народной нравственности, и предложилъ собору принять соотвѣтствующія мѣры къ исправленію этихъ недостатковъ. Этотъ соборъ называется Стоглавымъ, такъ какъ статьи, обсуждавшіяся на соборѣ, состоятъ изъ ста главъ. Эти указанія Іоанна даютъ намъ свѣдѣнія о состояніи церкви и народной нравственности въ половинѣ XVI в. и являются цѣннымъ историческимъ источникомъ. Іоаннъ указывалъ „на отступленіе церковныхъ уставовъ при совершеніи церковныхъ службъ и обрядовъ, неправильное писаніе иконъ, порчу священныхъ книгъ, которыя писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, небрежное ученіе грамотѣ и отсутствіе училищъ, грубые нравственные пороки и суевѣрія въ народѣ: рѣзоимство, пьянство, развратъ, безчинное стояніе въ церкви въ тафьяхъ, шапкахъ и съ посохомъ, совершеніе разныхъ языческихъ обрядовъ въ христіанскіе праздники, наконецъ, слабую жизнь въ духовенствѣ и монашествѣ“. Главнѣйшія изъ мѣръ, принятыхъ соборомъ противъ этихъ недостатковъ, были слѣдующія: „100 священниковъ должны были выбрать изъ своей среды старосту, который бы собиралъ ихъ для совѣщаній о духовныхъ дѣлахъ и смотрѣлъ бы за благочиніемъ при богослуженіи. Въ домахъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, добрыхъ, благочестивыхъ и грамотныхъ, рѣшено устроить училища для обученія дѣтей грамотѣ, церковному чтенію и письму. Архіереи и монастыри не могли покупать вотчинъ безъ царскаго согласія. Иконы велѣно писать съ древнихъ византійскихъ образовъ, а священныя книги съ ошибками исправлять по хорошимъ переводамъ. Священники должны были своею жизнію показывать примѣръ трезвости и благочестія. Строго запрещались всякія языческія гаданія и суевѣрія. Не позволялось брить бороду и одѣваться въ иноземное платье, такъ какъ во всякой землѣ свой законъ и православнымъ не слѣдуетъ перенимать чужихъ обычаевъ. Въ церковномъ порядкѣ и монастырскомъ строеніи игумены и настоятели должны были сообразоваться съ правилами св. отцовъ и апостоловъ“. Къ сожалѣнію, хорошія намѣренія членовъ собора искоренить развившіеся въ русской жизни пороки и заблужденія остались безуспѣшными. Члены собора вмѣстѣ съ Іоанномъ главную причину всѣхъ недостатковъ видѣли въ томъ, что „старые обычаи

поисшатались и прежніе законы порушены", и помочь бѣдѣ думали возстановленіемъ и сохраненіемъ старины, между тѣмъ какъ причина всѣхъ неурядицъ заключалась въ полномъ отсутствіи просвѣщенія и грамотныхъ людей. Въ 1563 г. началось въ Москвѣ по желанію Іоанна книгопечатаніе. Дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ были первыми русскими книгопечатниками и напечатали Дѣянія Апостольскія и Часовникъ, но затѣмъ, обвиненные въ ереси и порчѣ книгъ, бѣжали въ Литву. Послѣ ихъ бѣгства книгопечатаніе однако продолжалось въ Москвѣ.

Завоеваніе Казани и Астрахани. Въ Казани со временъ Василія III существовали 2 партіи: московская, стоявшая за союзъ съ Москвой, и крымская—за союзъ съ Крымомъ, и борьба этихъ партій выражалась въ частой смѣнѣ хановъ. Іоаннъ воспользовался этими междоусобіями въ Казани для того, чтобы ее завоевать. Въ 1552 г. Іоаннъ во главѣ 150,000 войска съ 150 пушками пошелъ на Казань и осадилъ ее. Послѣ шестинедѣльной осады Казань была взята приступомъ, сопровождавшимся страшной рѣзней, и вошла въ составъ владѣній московскаго государства. Въ Казани были построены православные храмы и приняты мѣры къ обрусенію этого края. Покореніе Казани и освобожденіе изъ татарской неволи нѣсколькихъ тысячъ православныхъ русскихъ людей высоко подняли Іоанна въ глазахъ современниковъ и потомковъ и имѣли большое значеніе въ русской исторіи. Мусульманское татарское царство, отъ котораго такъ долго страдали московскія области, куда уводилось въ плѣнъ много русскихъ людей, было завоевано Іоанномъ. Послѣ долговременнаго татарскаго ига и униженія князей передъ татарами, московскій царь одержалъ такую блистательную побѣду надъ ними; народъ не могъ не замѣтить этого, почему и воспѣлъ Іоанна въ своихъ пѣсняхъ, какъ славнаго завоевателя Казани. Такъ какъ за Казанью послѣдовало въ 1556 г. завоеваніе Астрахани, небольшого татарскаго царства, образовавшагося при устьяхъ Волги послѣ паденія Золотой Орды, то оба эти завоеванія не только обезопасили московскія восточныя области отъ татарскихъ разореній, но и отдали въ распоряженіе Москвы богатыя земли, расположенныя по Волгѣ и ея притокамъ до самыхъ береговъ Каспійскаго моря. Русскіе люди могли съ этого времени безпрепятственно торговать по всему теченію Волги и селиться въ плодородныхъ приволжскихъ земляхъ. Мелкіе князья прикавказскихъ владѣній начинаютъ входить въ сношенія съ московскими государями и даже переходятъ въ ихъ подданство, такъ что русское владычество стало утверждаться и въ этихъ краяхъ.

Отношенія къ Крыму. Изъ всѣхъ татарскихъ Ордъ оставалась еще независимой Крымская. Послѣ завоеванія Казани и Астрахани отношенія Крыма къ Москвѣ стали особенно враждебными. Крымскій ханъ нѣсколько разъ совершалъ набѣги на московскія пограничныя земли и страшно разорялъ ихъ. Іоаннъ принималъ разныя мѣры противъ этихъ набѣговъ: строилъ на южныхъ границахъ крѣпости, дѣлалъ засѣки и посылалъ на югъ легкіе отряды войска, которые вмѣстѣ съ казаками спускались по Дону или по Днѣпру и опустошали крымскія владѣнія; въ одинъ изъ такихъ походовъ на югъ (1559 г.) русское войско подъ начальствомъ Даніила Адашева дошло даже до самаго Крыма и успѣло освободить изъ неволи много русскихъ плѣнныхъ. Совѣтники Іоанна уговаривали его завоевать Крымъ, но Іоаннъ вполнѣ благоразумно отказался отъ этого плана, такъ какъ завоевать Крымъ, отдѣленный въ то время отъ московскихъ владѣній обширными степями и находившійся съ 1475 г. въ ленныхъ отношеніяхъ къ Турціи, было дѣломъ не только труднымъ, но даже невозможнымъ. Прежде чѣмъ воевать съ Крымомъ, Іоаннъ находилъ нужнымъ завоевать балтійскіе берега и завести постоянныя сношенія съ Западомъ, чтобы заимствовать европейское просвѣщеніе и знаніе военнаго дѣла. Во время ливонской войны Іоаннъ особенно желалъ быть въ мирныхъ отношеніяхъ съ Крымомъ и потому даже посылалъ хану цѣнные подарки, но отношенія крымцевъ продолжали оставаться враждебными, тѣмъ болѣе, что турецкій султанъ, глава всѣхъ магометанскихъ земель, постоянно настаивалъ, чтобы его подручникъ, крымскій ханъ, отнялъ обратно у Москвы Казань и Астрахань. Польскій король тоже подстрекалъ крымцевъ къ нападенію на московское государство. Въ 1571 г. крымскій ханъ съ большимъ войскомъ напалъ врасплохъ на московскія земли и сжегъ Москву; во время этого пожара погибло нѣсколько сотъ тысячъ народу; да кромѣ того ханъ увелъ въ неволю болѣе 100,000 человѣкъ. Эти русскіе плѣнные продавались потомъ на рынкахъ средней Азіи и въ Константинополѣ, а русскія женщины попадали въ гаремы разныхъ азіатскихъ властителей. Въ московскомъ государствѣ существовала даже постоянная подать (полоняничныя деньги) для выкупа плѣнныхъ у татаръ. Въ слѣдующемъ году ханъ опять напалъ на Москву, но, разбитый московскими воеводами, ушелъ обратно.

Ливонская война. Желая вести постоянныя сношенія съ Зап. Европой, Іоаннъ рѣшился возвратить берега Балтійскаго моря, за-

воеванные ливонскими рыцарями, такъ какъ владѣніе этими берегами было необходимо для непосредственныхъ сношеній съ Западомъ. Враждебные Россіи поляки и ливонцы старались препятствовать нашимъ сношеніямъ съ Западомъ и не пропускали вызываемыхъ въ Москву ученыхъ и художниковъ, которые могли бы принести русскимъ просвѣщеніе и научить военному дѣлу и безъ того уже страшную для нихъ Московію. Въ 1547 г. по порученію Іоанна было набрано въ Германіи для московской службы болѣе 100 разныхъ мастеровъ; но ливонцы уговорили германскаго императора не пускать ихъ въ Москву. Іоаннъ рѣшился отомстить ливонцамъ и когда покончилъ съ Казанью и Астраханью, то объявилъ имъ войну (1558 г.). Война началась очень успѣшно. Ливонскія земли были опустошены и взято было 20 городовъ. Ливонскій орденъ былъ въ это время очень слабъ, такъ какъ ряды его уже не пополнялись болѣе выходцами изъ З. Европы, въ самомъ орденѣ происходили внутренніе раздоры, а подвластное и порабощенное туземное населеніе относилось къ рыцарямъ съ закоренѣлой ненавистью. Ливонскій магистръ Кетлеръ, видя невозможность борьбы съ Москвой, рѣшилъ перейти въ подданство къ польскому королю Сигизмунду II Августу, и при этомъ произошло распаденіе земель ордена: Ливонія отошла къ Польшѣ, островъ Эзель къ Даніи, Ревель къ Швеціи, Кетлеръ же удержалъ за собою только Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога въ вассальной зависимости отъ Польши (1561 г.). Тогда Іоаннъ началъ войну съ Польшей за Ливонію и лично взялъ важный въ торговомъ отношеніи городъ Полоцкъ. Польскій король предложилъ миръ, соглашаясь отдать Іоанну Полоцкъ и завоеванные имъ ливонскіе города. Для рѣшенія этого вопроса Іоаннъ созвалъ (1566 г.) въ Москву земскій соборъ, на которомъ порѣшили, что войну надо продолжать и добывать всю Ливонію. Война продолжалась. Въ 1572 г. въ Польшѣ умеръ Сигизмундъ II Августъ, послѣдній король изъ дома Ягеллоновъ. Поляки и литовцы выразили Іоанну свое желаніе избрать на польскій престолъ второго его сына царевича Ѳеодора, но Іоаннъ на это не согласился, самъ желая быть польско-литовскимъ королемъ; тогда поляки выбрали королемъ Стефана Баторія, трансильванскаго воеводу. Будучи искуснымъ полководцемъ и имѣя отличное наемное войско изъ венгровъ и нѣмцевъ, Баторій началъ наступательное движеніе на московскія области вмѣсто оборонительной войны, которую до сихъ поръ вели поляки въ Ливоніи. Въ это же время Іоаннъ началъ войну и со Швеціей изъ-за Ре-

веля, который онъ хотѣлъ завоевать. Успѣхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ перешелъ на сторону поляковъ и шведовъ. Баторій взялъ Полоцкъ и другіе города, но принужденъ былъ остановиться подъ стѣнами Пскова, мужественно защищаемаго княземъ Шуйскимъ. Шведы же взяли Нарву и русскіе города Ямъ, Ивангородъ, Копорье. При такихъ обстоятельствахъ Іоаннъ рѣшился первый просить мира и обратился къ посредничеству римскаго папы. Папа прислалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, при посредничествѣ котораго было заключено съ Польшей десятилѣтнее перемиріе у Запольскаго яма (1582 г.): по этому перемирію поляки удержали за собой всю Ливонію и Полоцкъ. На слѣдующій годъ было заключено перемиріе со шведами, удержавшими за собою города Ямъ, Ивангородъ и Копорье. Такимъ образомъ Іоаннъ не только не утвердился на берегахъ Балтійскаго моря, но даже потерялъ принадлежавшее ему прибрежье Финскаго залива. Причиной этихъ неудачъ въ войнѣ съ поляками и шведами было то, что польскія и шведскія войска значительно превосходили московскія въ знаніи военнаго дѣла, да и московскіе воеводы уступали въ опытности Баторію и шведскому полководцу Делагарди. По заключеніи мира Поссевинъ лично убѣждалъ Іоанна принять церковную унію, но его старанія не имѣли успѣха.

Сношенія съ Англіей. Такъ какъ Московское государство осталось послѣ ливонской и шведской войнъ попрежнему отрѣзаннымъ отъ Балтійскаго моря, то Іоанну пришлось удовольствоваться для сношеній съ Западомъ отдаленнымъ Бѣлымъ моремъ, черезъ которое еще въ 1553 г. началась торговля съ англичанами. Англичане послали 3 корабля, чтобы найти новый путь въ Китай и Индію вдоль береговъ Ледовитаго океана. Два корабля погибло, а третій присталъ къ устью Сѣверной Двины; капитанъ этого корабля, Ченслеръ былъ приглашенъ въ Москву и черезъ него Іоаннъ завелъ торговыя сношенія съ англичанами, давъ имъ право безпошлинной торговли въ московскомъ государствѣ. Съ этого же времени московскіе государи стали вести постоянныя сношенія съ англичанами.

Покореніе Сибири. Московское государство было очень обширно, но малонаселенно, особенно на сѣв.-востокѣ, почему московскіе государи не только охотно раздавали пустыя земли во владѣніе тѣмъ людямъ, которые брались заселить ихъ и завести разные промыслы, но еще давали имъ разныя льготы. Одинъ изъ такихъ промышленниковъ былъ Григорій Строгановъ, который получилъ

отъ Іоанна IV во владѣніе пустыя земли по рѣкѣ Камѣ на протяженіи 146 верстъ. Григорій и его братья призвали сюда переселенцевъ, которые съ разрѣшенія царя были освобождены на 20 лѣтъ отъ всякихъ податей, и завели земледѣліе и соляныя варницы. Для защиты отъ сосѣднихъ инородцевъ Строгановы построили маленькія крѣпости и наняли ратныхъ людей. За Уральскими горами по рѣкамъ Тоболу и Иртышу находилось тогда татарское царство, называвшееся Сибирью по имени главнаго города—Сибирь (Искеръ). Сибирскій ханъ Кучумъ былъ во враждѣ съ Москвой и войска его нападали на земли Строгановыхъ. Тогда Строгановы получили отъ царя разрѣшеніе собрать войско и идти за Уральскія горы, чтобы наказать Кучума и тамъ утвердиться. Въ это время царскія войска разбили шайки донскихъ казаковъ, грабившихъ русскія суда по Волгѣ.

Въ южныхъ и юговосточныхъ окраинахъ московскаго государства, по сосѣдству со степями въ половинѣ XV вѣка является особаго рода населеніе—казаки. Казаками назывались вообще бездомовные и безсемейные люди, нанимавшіеся въ батраки. Тѣ изъ нихъ, которые желали полной свободы и независимости, уходили въ степи; къ нимъ же присоединялись и всѣ тѣ, которымъ нельзя было оставаться въ государствѣ, напр., бѣглые холопы, преступники, бѣжавшіе отъ наказанія. Казаки, жившіе недалеко отъ границъ государства, признавали надъ собою власть московскаго правительства, которое пользовалось ими, какъ пограничной стражей противъ набѣговъ кочевниковъ; эти казаки назывались городовыми. Съ уничтоженіемъ Золотой и Казанской Ордъ и уходомъ татаръ далѣе на югъ и востокъ, наиболѣе отважные изъ казаковъ стали занимать ихъ мѣста и углубляться въ степи. Эти смѣлые, воинственные люди составляли независимыя общины и управлялись избираемыми изъ ихъ среды атаманами, почти не признавая надъ собою власти московскаго правительства. Ведя борьбу съ кочевниками, казаки часто нападали на московскія области и грабили суда по Дону и Волгѣ. Въ XVI в. казаки раздѣлялись на донскихъ и малороссійскихъ.

Іоаннъ выслалъ противъ донскихъ казаковъ большое войско, которое разбило ихъ; одинъ изъ казацкихъ отрядовъ подъ начальствомъ Ермака, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, пришелъ къ Строгановымъ и былъ принятъ ими на службу. Этого Ермака Строгановы и послали за Уральскія горы противъ Кучума, пополнивъ его отрядъ своими людьми—русскими, татарами, плѣнными нѣм-

цами, такъ что всего войска было 850 человѣкъ. Правда, не великъ былъ этотъ отрядъ, но зато былъ вооруженъ ружьями и имѣлъ нѣсколько пушекъ, что давало ему огромное преимущество надъ сибирскими народами, не имѣвшими никакого понятія объ огнестрѣльномъ оружіи. Въ сентябрѣ 1581 г. Ермакъ со своимъ отрядомъ выступилъ въ походъ. Плывя по рѣкамъ, Ермакъ добрался до Сибири, разбилъ Кучума и заставилъ его покинуть свою столицу, въ которой отрядъ Ермака и укрѣпился. Вслѣдъ за взятіемъ Сибири одни изъ племенъ, подвластныхъ Кучуму, добровольно подчинились Ермаку, а другія были имъ покорены, и тогда Ермакъ послалъ своего помощника Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками въ Москву поднести царю драгоцѣнные сибирскіе мѣха и просить его принять подъ свою власть все сибирское царство. Іоаннъ милостиво принялъ посольство, простилъ казакамъ ихъ прежніе разбои, послалъ въ подарокъ Ермаку шубу, серебряный ковшъ и 2 панцыря, а въ Сибирь отправилъ своихъ воеводъ съ войскомъ для принятія у Ермака сибирскихъ городовъ и для укрѣпленія русской власти; это было особенно необходимо въ виду того, что отрядъ Ермака все уменьшался отъ постоянныхъ стычекъ съ сибирскими народами, и Ермаку трудно было безъ подмоги держаться въ Сибири. Сильно радъ былъ Грозный покоренію Сибири, велика была радость и въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что это случилось послѣ неудачнаго окончанія ливонской войны. Въ 1584 г. Ермакъ погибъ во время неожиданнаго нападенія на него Кучума, оставивъ по себѣ славную память въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Послѣ смерти Ермака русское владычество продолжало утверждаться въ сибирскихъ странахъ; московскіе государи посылали сюда воеводъ, строили города, заводили земледѣліе и промыслы, разными льготами привлекали сюда для поселенія русскихъ людей; въ то же время среди дикихъ обитателей этихъ земель распространялись христіанство и гражданственность. Между тѣмъ казаки шли все далѣе и далѣе по рѣкамъ къ Восточному океану и границамъ Китая, приводя подъ власть московскихъ государей встрѣчавшіяся имъ племена инородцевъ.

Опричнина и казни Грознаго. Вскорѣ послѣ завоеванія Казани измѣнились отношенія Іоанна къ его совѣтникамъ и вслѣдъ затѣмъ произошла перемѣна въ его характерѣ. Іоаннъ слушался Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, но послѣдній желалъ, чтобы царь исполнялъ его совѣты въ дѣлахъ политическихъ, съ чѣмъ Іоаннъ, возмужавшій и болѣе увѣренный въ себѣ,

согласиться не хотѣлъ, и вслѣдствіе этого произошло первое между ними столкновеніе. Послѣ завоеванія Казани и Астрахани Сильвестръ сталъ уговаривать царя идти на завоеваніе Крыма, но Іоаннъ не послушалъ его и началъ Ливонскую войну. Тогда недовольный Сильвестръ сталъ внушать Іоанну, что всѣ несчастія, которыя въ это время его постигли, а именно: болѣзни его самого, жены и дѣтей, были Божіимъ наказаніемъ за то, что Іоаннъ не послушался его совѣтовъ и воевалъ съ ливонцами. Затѣмъ Сильвестръ началъ сближаться съ боярами, нелюбимыми царемъ; кромѣ того Сильвестръ, Адашевъ и вся ихъ партія враждовали съ братьями царицы Романовыми, враждебно относились и къ самой царицѣ. Хотя все это и было непріятно Іоанну, но онъ еще любилъ и уважалъ Сильвестра. Вскорѣ затѣмъ царь сильно заболѣлъ и, не надѣясь выздоровѣть, пожелалъ, чтобы еще при его жизни двоюродный его братъ, князь Владиміръ Андреевичъ, и бояре присягнули малолѣтнему его сыну Дмитрію Іоанновичу. Владиміръ Андреевичъ не захотѣлъ присягать; Сильвестръ, отецъ Адашева и нѣкоторые бояре, ихъ сторонники, тоже отказывались, громко высказывая свое нежеланіе служить Романовымъ, которые будутъ управлять государствомъ за малолѣтствомъ Дмитрія. Адашевъ хотя и присягнулъ Дмитрію, но въ споры не вмѣшивался и не уговаривалъ бояръ повиноваться волѣ царя. По настоянію преданныхъ Іоанну бояръ всѣ потомъ присягнули Дмитрію, но больной царь слышалъ всѣ эти споры и такимъ образомъ убѣдился въ нерасположеніи своихъ любимцевъ и всей ихъ боярской партіи къ нему и его семейству, такъ что когда онъ выздоровѣлъ, то сталъ уже недовѣрчиво и подозрительно относиться къ своимъ совѣтникамъ и боярамъ. Затѣмъ Іоаннъ поѣхалъ съ женой и сыномъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и по дорогѣ видѣлся съ бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ, любимцемъ Василія III. На вопросъ царя, какъ должно царствовать, чтобы держать вельможъ въ послушаніи, Вассіанъ отвѣчалъ: „если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ“. Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: „Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ“. Понятно, что такой совѣтъ Вассіана пришелся по душѣ царю, уже

раньше успѣвшему убѣдиться въ недоброхотствѣ своихъ совѣтниковъ. Послѣ всего этого Іоаннъ сталъ удаляться отъ совѣтниковъ, а въ 1560 г. послѣдовала ихъ ссылка: Сильвестръ заточенъ въ Соловецкій монастырь, Адашевъ посланъ воеводой въ Ливонію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Въ этомъ же году умерла и царица Анастасія, къ которой Іоаннъ былъ сильно привязанъ. Такимъ образомъ Іоаннъ лишился тѣхъ лицъ, которыхъ онъ любилъ и которыя имѣли на него сильное нравственное вліяніе; оставшись одинъ, онъ сталъ предаваться шумнымъ удовольствіямъ и снова далъ волю своимъ страстямъ. Послѣ ссылки Сильвестра и Адашева, ихъ многочисленные приверженцы бояре, оставшіеся въ Москвѣ, стали выражать свое несочувствіе къ перемѣнѣ въ характерѣ царя и пробовали возвратить прежнее значеніе своимъ вождямъ, но за это одни изъ нихъ были казнены, другіе сосланы, а третьи должны были дать крестоцѣловальныя записи, что не измѣнятъ царю и не отъѣдутъ въ чужія земли. Въ это время бояринъ князь Курбскій, знаменитый воевода и любимецъ Іоанна, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій сторонникомъ Сильвестра и Адашева, былъ посланъ Іоанномъ въ Ливонію воеводой, но здѣсь Курбскій проигралъ одно сраженіе и, боясь царскаго гнѣва, отъѣхалъ въ Литву на службу къ королю Сигизмунду Августу. Изъ Литвы Курбскій написалъ Грозному письмо, въ которомъ приводилъ причины своего отъѣзда и укорялъ царя въ преслѣдованіи бояръ. Іоаннъ отвѣтилъ ему, и затѣмъ еще послѣдовало нѣсколько писемъ съ обѣихъ сторонъ.

„Въ этой перепискѣ Грозный смотритъ на Курбскаго не какъ на простого отъѣздчика, оставившаго отечество только изъ страха личной опалы, но какъ на представителя цѣлой боярской партіи, противной царской власти. Поэтому онъ всего болѣе защищаетъ въ своихъ посланіяхъ идею самодержавной царской власти. Курбскій также упрекаетъ Грознаго не за себя одного, а за многихъ, и грозитъ ему небесной карой также за многихъ: онъ является защитникомъ идеи боярской. Говоря о вельможахъ, павшихъ отъ Грознаго, онъ всегда прибавляетъ, что они были потомки знаменитыхъ князей. Основная мысль Курбскаго та, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что прежде только тогда и было хорошо, когда слушались ихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда Грозный удалилъ совѣтниковъ и сталъ управлять самъ. Основная мысль Грознаго совершенно противоположная: царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ". (Порфирьевъ). Въ письмахъ своихъ Грозный обнаружилъ большую начитанность, такъ какъ постоянно приводитъ примѣры въ доказательство своихъ мыслей и поступковъ изъ священныхъ и историческихъ книгъ. Курбскій, ученикъ Максима Грека, былъ весьма образованный человѣкъ по тому времени, что̀ также сказалось въ его письмахъ. Кромѣ переписки съ царемъ, Курбскій написалъ въ Литвѣ „Исторію

Грознаго" отъ его дѣтства до 1578 года „по просьбѣ многихъ людей, которые желали знать, отъ чего произошла страшная перемѣна въ Іоаннѣ, который послѣ добраго правленія сдѣлался тираномъ своихъ подданныхъ". Сочиненіе это отличается пристрастіемъ къ Сильвестру и всей его партіи, которыхъ онъ слишкомъ прославляетъ, обвиняя одного Грознаго во всѣхъ печальныхъ событіяхъ его царствованія. Нѣкоторые историки новаго времени однако придаютъ большое значеніе Запискамъ Курбскаго, почему изображеніе характера и дѣятельности Іоанна Грознаго въ ихъ сочиненіяхъ является не вполнѣ вѣрнымъ дѣйствительности.

Письма Курбскаго, въ которыхъ онъ явился защитникомъ и представителемъ всей боярской партіи, произвели на царя сильное впечатлѣніе: онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ бояръ въ измѣнѣ. Въ декабрѣ 1564 г. царь со всѣмъ семействомъ неожиданно оставилъ Москву и уѣхалъ въ Александровскую слободу, откуда черезъ мѣсяцъ написалъ митрополиту и народу, что онъ хочетъ отказаться отъ престола, такъ какъ бояре измѣняютъ ему и не заботятся о государствѣ, а духовенство заступается за нихъ и не даетъ царю ихъ наказывать; народу же и купцамъ писалъ, что онъ на нихъ не гнѣвается и пусть они ничего не опасаются. Вся Москва пришла въ ужасъ. Духовенство и бояре поѣхали просить царя отъ имени всѣхъ вернуться на царство. Іоаннъ согласился только съ тѣмъ условіемъ, что ему не будутъ мѣшать расправляться съ измѣнниками такъ, какъ онъ хочетъ. Онъ окружилъ себя людьми вполнѣ преданными, по большей части незнатными, которые получили названіе „опричниковъ" и содержались доходами съ нѣкоторыхъ городовъ и земель; всѣ остальные города и земли составляли земщину. Въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы были взяты въ опричнину. Опричники давали присягу служить только одному царю, доносить на измѣнниковъ, не знаться съ земскими людьми, должны были отказаться отъ отца и матери и знать только одного царя. Управленіе государствомъ было поручено старымъ боярамъ-земскимъ, которые докладывали государю только о самыхъ важныхъ дѣлахъ; во главѣ ихъ былъ поставленъ крещеный касимовскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичъ съ титуломъ великаго князя всея Руси. Окруженный преданными опричниками, Іоаннъ принялся казнить бояръ и искоренять крамолу. Опричники, пользуясь своимъ особымъ положеніемъ, производили страшныя жестокости. Они ѣздили верхомъ съ собачьими головами и метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ знакъ того, что грызутъ царскихъ лиходѣевъ и метутъ Россію. Самые главные изъ опричниковъ были Малюта Скуратовъ, Басмановы и князь Вяземскій. Всѣхъ опричниковъ было

до 6,000. Царь жилъ со своими опричниками въ укрѣпленной Александровской слободѣ и сюда привозили для пытокъ и казни бояръ, обвиненныхъ въ измѣнѣ. Казня бояръ, къ которымъ онъ питалъ сильную ненависть еще со временъ своего дѣтства, въ недоброжелательствѣ которыхъ къ нему и его семейству онъ явно убѣдился во время своей болѣзни, Іоаннъ заканчивалъ дѣло, начатое еще его дѣдомъ и отцомъ; прежнее значеніе и права бояръ были совершенно уничтожены и власть московскаго государя стала вполнѣ самодержавною. Въ числѣ многихъ лицъ, погибшихъ въ это время, были митрополитъ Филиппъ, двоюродный братъ царя и старшій сынъ Грознаго Іоаннъ. Филиппъ ходатайствовалъ за опальныхъ и обличалъ поведеніе царя и его опричниковъ; эти упреки производили вліяніе на Іоанна и заставляли его задумываться надъ своими поступками. Тогда опричники оклеветали Филиппа и онъ былъ лишенъ сана и заключенъ въ монастырь, гдѣ потомъ погибъ отъ руки Малюты Скуратова. Двоюродный братъ Іоанна, князь Владиміръ Андреевичъ былъ казненъ за намѣреніе бѣжать въ Литву. Сына же своего Іоанна царь убилъ въ запальчивости за противорѣчіе. Въ это же время Іоаннъ съ опричниками ходилъ на Новгородъ, который былъ обвиненъ въ намѣреніи передаться польскому королю, и въ теченіе 6 недѣль производилъ тамъ страшныя казни. Псковъ избавился отъ участи Новгорода только тѣмъ, что выразилъ царю при встрѣчѣ полную покорность.

Невоздержная жизнь, которую велъ Грозный въ Александровской слободѣ, неудачное окончаніе ливонской и шведской войнъ, постоянныя угрызенія совѣсти, не дававшія ему покоя въ послѣдніе годы его жизни, сильно повліяли на его здоровье и онъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду, послѣ страшной болѣзни. Іоаннъ былъ женатъ 7 разъ. Отъ первой жены Анастасіи остался сынъ Ѳеодоръ, который и вступилъ на престолъ послѣ смерти Грознаго, а отъ седьмой Маріи изъ рода Нагихъ, которая пережила Грознаго, остался малолѣтній Дмитрій.

Народныя пѣсни о Грозномъ. „Изъ московскаго періода русской исторіи ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ, какъ Іоаннъ Грозный. Причина этого вниманія заключается въ томъ, что Грозный возвысилъ санъ царя московскаго, распространилъ и усилилъ русское царство огромными завоеваніями, а жестокость его народъ объясняетъ необходимостью вывести измѣну изъ царства, т.-е. укротить боярское самовластіе. Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Грознаго, но какъ бы желаютъ выставить его съ особенною силою. Замѣчательно, что и народная

пѣсня согласно съ исторіей взятію Казани приписываетъ великое значеніе, какъ для самого Грознаго, который будто съ того времени сдѣлался царемъ, такъ и для Москвы, которая, по выраженію пѣсни, тогда основалася: „и въ то время князь воцарился и насѣлъ въ московское царство, что тогда де Москва основалася, и съ тѣхъ поръ великая слава". (Порфирьевъ).

Характеръ Грознаго. „Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Въ то время, какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекали изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живого многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатки въ предметѣ любимомъ и достоинства въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ, и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются во что бы то ни стало оправдать своего героя; и наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства. Такъ случилось и съ Іоанномъ IV. Но если съ одной стороны странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи, если съ другой стороны странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ, то болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этой борьбой, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостью, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладать съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь, но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ павшимъ въ борьбѣ; но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ; въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, со своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: „Я знаю, что я золъ", говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему. Мы не можемъ не признать за нимъ большихъ дарованій и большой, возможной въ то время начитанности, но эти дарованія, эта начитанность не оправ-

даніе ему, а обвиненіе. Его жестокости хотятъ оправдать суровостью нравовъ времени; дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно она уже приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать смягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обращенію съ жизнью и честью человѣка; дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло. Но возможность найти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица, да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI в.; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованіе этого основного начала; русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основного начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось передъ исторіей, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво, но онъ не созналъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ—права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ; надобно было отучать отъ этого, но что̀ сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что̀ еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку! Онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы: ибо здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій. Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный". (Соловьевъ).

Ѳеодоръ Іоанновичъ (1584—1598 г.).

Возвышеніе Годунова. Слабый и болѣзненный Ѳеодоръ былъ совершенно неспособенъ къ управленію государствомъ и болѣе чувствовалъ склонность къ монашеской жизни, такъ что правленіе должно было перейти въ руки бояръ. Выдающимися изъ бояръ были—дядя Ѳеодора Никита Романовичъ Юрьевъ, князья Мсти-

славскіе, Шуйскіе и братъ жены Θеодора Ирины Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, предокъ котораго былъ татарскій мурза Четъ, принявшій христіанскую вѣру и перешедшій въ службу къ московскому князю въ XIV в.; Годуновъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго опричника Малюты Скуратова и былъ любимецъ Грознаго. Съ женитьбой Θеодора на его сестрѣ Годуновъ сталъ еще ближе къ царскому семейству. Наибольшимъ значеніемъ пользовался сначала Никита Романовичъ, но онъ скоро умеръ и тогда Годуновъ сталъ выше всѣхъ другихъ бояръ и сдѣлался правителемъ государства. Шуйскіе, Мстиславскіе и другіе бояре были недовольны возвышеніемъ Годунова; желая удалить его отъ царя, они вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ задумали просить Θеодора развестись съ Ириною подъ предлогомъ ея бездѣтности, такъ какъ сила Годунова заключалась въ его родствѣ съ царемъ. Замыселъ ихъ не удался, такъ какъ Годуновъ уговорилъ Діонисія не начинать дѣла. Вскорѣ затѣмъ особенно враждебные Годунову бояре Шуйскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе были разосланы по городамъ, заточены или пострижены. Такъ какъ митрополитъ Діонисій сталъ порицать поступки Годунова съ боярами, то онъ былъ низложенъ, а на его мѣсто возведенъ преданный Годунову ростовскій архіепископъ Іовъ. Послѣ этого Годуновъ уже безъ соперниковъ правилъ государствомъ, называясь „конюшимъ и великимъ ближнимъ бояриномъ, намѣстникомъ царствъ Астраханскаго и Казанскаго“. Изъ событій этого царствованія замѣчательны — прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, учрежденіе патріаршества, убіеніе царевича Дмитрія, постройка Архангельской пристани для иностранныхъ кораблей, приходившихъ въ Бѣлое море, причемъ право свободной торговли съ Россіей было предоставлено купцамъ не только англійскимъ, но и голландскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, и удачная война со шведами, окончившаяся возвращеніемъ городовъ Яма, Ивань-города и Копорья.

Прикрѣпленіе крестьянъ. Такъ какъ свободной земли въ московскомъ государствѣ было очень много, то государи раздавали ее по участкамъ въ пользованіе дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ или помѣщикамъ, которые за это обязаны были нести военную службу, т.-е. по требованію государя являться на войну съ извѣстнымъ числомъ людей вооруженныхъ и конныхъ („конны, людны и оружны“), смотря по величинѣ даннаго имъ помѣстья. Помѣщики могли исполнять это требованіе, конечно, только въ томъ случаѣ, если земли ихъ были населены и приносили имъ извѣстный доходъ. Такъ какъ крестьяне были въ то время лично свободны, то они

переходили съ земли одного владѣльца на землю другого, смотря потому, гдѣ имъ дѣлали больше льготъ. Богатые землевладѣльцы-бояре и особенно монастыри болѣе всего привлекали крестьянъ на свои земли, такъ какъ имѣли возможность давать имъ болѣе льготъ, почему земли небогатыхъ помѣщиковъ часто оставались пустыми. Тогда мелкіе помѣщики стали жаловаться, что они не могутъ исправно нести военную службу. Московскіе государи признавали справедливость такихъ жалобъ и стали постепенно стѣснять свободные переходы крестьянъ, позволяя, напримѣръ, переходить только разъ въ годъ, а именно осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ (около Юрьева дня), какъ это было установлено судебникомъ Іоанна III, а царь Θеодоръ Іоанновичъ и совсѣмъ запретилъ переходъ крестьянъ. (Годъ изданія указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ точности намъ неизвѣстенъ; нѣкоторые историки годомъ изданія указа считаютъ 1592 или 1593 годъ, а другіе историки даже совсѣмъ отрицаютъ установленіе крѣпостного права однимъ указомъ, такъ какъ самый указъ царя Θеодора до сихъ поръ еще не найденъ). По указу царя Θеодора крестьяне должны были оставаться на той землѣ, на которой ихъ засталъ указъ, но они не лишались личной свободы и не смѣшивались съ холопами, что̀ произошло уже гораздо позже, въ концѣ XVII и въ XVIII в. Прикрѣпленіе крестьянъ было необходимымъ слѣдствіемъ новаго государственнаго порядка, утвержденнаго московскими государями. Въ удѣльной Руси князья передвигались по областямъ по старшинству, дружинники могли отъѣзжать отъ одного князя къ другому, крестьяне (смерды) тоже свободно переходили съ одной земли на другую. Со второй половины XII в. князья со своими дружинами мало-по-малу утверждаются въ извѣстныхъ областяхъ и во время татаръ князья уже распоряжаются своими землями, какъ наслѣдственной собственностью (вотчинами). Съ уничтоженіемъ удѣловъ удѣльные князья-вотчинники наравнѣ съ боярами, прежними дружинниками, сдѣлались слугами московскаго государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти бояре и вообще служилые люди потеряли право отъѣзда отъ государя, а вслѣдъ за служилыми людьми должны были лишиться права свободнаго перехода и неслужилые или тяглые люди (посадскіе и крестьяне); вотъ почему въ московскій періодъ русской исторіи крестьяне прикрѣпляются къ землѣ, а посадскіе люди (городскіе обыватели, занимавшіеся торговлей и промыслами) къ ихъ посадамъ. Прикрѣпленіе тяглыхъ людей было необходимо для государства и въ виду полученія опредѣленныхъ

и постоянныхъ доходовъ, такъ какъ подати съ тяглыхъ людей собирались въ казну не подушно—крестьянскія общины платили по количеству принадлежавшей имъ земли (по сохамъ), а посадскіе—по количеству дворовъ. Прикрѣпляя крестьянъ въ интересахъ государства, Годуновъ преслѣдовалъ и свои личныя цѣли. Прикрѣпленіе было выгодно для мелкихъ помѣщиковъ—дѣтей боярскихъ и невыгодно для богатыхъ помѣщиковъ—бояръ; обезсиливая такимъ образомъ враждебное ему боярство, Годуновъ поддерживалъ многочисленныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ надѣялся найти опору въ своихъ стремленіяхъ наслѣдовать престолъ послѣ смерти Θеодора.

Учрежденіе патріаршества. Со временъ Василія II русская церковь стала независимой отъ константинопольской; митрополитъ московскій избирался изъ русскихъ епископовъ, утверждался московскимъ государемъ и не ѣздилъ уже на посвященіе къ патріарху. Несмотря однако на то, что московскій митрополитъ стоялъ во главѣ церкви обширнаго и могущественнаго московскаго государства, онъ все-таки считался ниже константинопольскаго патріарха и былъ ему подчиненъ, хотя этотъ патріархъ находился въ зависимости отъ турецкаго султана. Вслѣдствіе этого Θеодоръ рѣшилъ учредить въ Москвѣ патріаршество. Въ это время пріѣхалъ въ Москву за сборомъ пожертвованій для византійской церкви патріархъ Іеремія, который по желанію царя и Годунова посвятилъ въ московскіе патріархи митрополита Іова (1589 г.). Черезъ нѣсколько времени отъ собора всѣхъ восточныхъ патріарховъ была прислана особая грамата, въ которой они признали полную самостоятельность русской церкви подъ властію московскаго патріарха и дали московскому патріарху одинаковую съ ними власть. Одновременно съ учрежденіемъ патріаршества четыре архіепископа—новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій были возведены въ санъ митрополитовъ. Учрежденіе патріаршества въ Москвѣ было важно и по отношенію къ З. Руси: посредствомъ его духовной власти Годуновъ думалъ утвердить вліяніе Москвы въ З. Руси, такъ какъ Москва получала важное преимущество надъ Кіевомъ, гдѣ былъ только митрополитъ. Возведеніе Іова въ санъ патріарха согласовалось и съ тайными планами Годунова: усиливая духовную власть преданнаго ему Іова, Годуновъ надѣялся найти въ немъ сильную опору въ своемъ стремленіи къ престолу.

Убіеніе царевича Дмитрія. По смерти Грознаго родственники царевича Дмитрія Нагіе и его воспитатель Бѣльскій пытались воз-

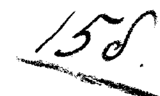
вести Дмитрія на престолъ, но попытка ихъ не имѣла успѣха, и Дмитрій съ матерью и Нагими былъ отосланъ въ Угличъ, назначенный ему отцомъ, а Бѣльскій посланъ въ Н.-Новгородъ. Царевича Дмитрія всѣ уже привыкли считать наслѣдникомъ бездѣтнаго Ѳеодора, какъ вдругъ 15 мая 1591 г. *пришла* въ Москву страшная вѣсть, что Дмитрія зарѣзали въ Угличѣ и народъ растерзалъ убійцъ. Посланные въ Угличъ для розыска объ этомъ дѣлѣ князь Василій Шуйскій и приверженцы Годунова—окольничій Клешнинъ и крутицкій митрополитъ Геласій донесли по возвращеніи въ Москву, что царевичъ самъ наткнулся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, и справедливость этого донесенія была признана на соборѣ духовенства и вельможъ подъ предсѣдательствомъ Іова. Жителей Углича за самоуправство однихъ казнили, другихъ сослали; мать Дмитрія постригли въ монастырь подъ именемъ Марѳы, а Нагихъ заточили за подстрекательство угличанъ къ убійству невинныхъ людей. Несмотря на соборный приговоръ, что царевичъ самъ убился, въ народѣ однако упорно говорили, что Дмитрія зарѣзали убійцы, подосланные Годуновымъ, который хотѣлъ очистить себѣ путь къ престолу.

Историкъ Соловьевъ предполагаетъ, что Дмитрій былъ зарѣзанъ подосланными убійцами, но что въ этомъ преступленіи виноватъ не одинъ Годуновъ, которому мѣшалъ Дмитрій, но и сторонники Годунова и тѣ люди, которые сослали Дмитрія въ Угличъ, такъ какъ они ничего хорошаго не могли для себя ожидать, въ случаѣ вступленія Дмитрія на престолъ.

Въ 1598 г. умеръ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и съ нимъ прекратился на московскомъ престолѣ домъ Рюрика. На вопросъ патріарха и бояръ: „кому приказываешь царство?“—умирающій Ѳеодоръ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: „въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ, какъ Ему угодно, такъ и будетъ, а съ царицею моею Богъ воленъ, какъ ей жить, и о томъ, у насъ улажено“.

Смутное время (1598—1613 г.).

Борисъ Годуновъ. (1598—1605 г.). Послѣ смерти Ѳеодора Москва присягнула женѣ его, царицѣ Иринѣ, но Ирина отказалась отъ престола и постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда вслѣдъ за сестрой уѣхалъ и Годуновъ. Тогда патріархъ Іовъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами просили Годунова принять престолъ, а Ирину просили благословить брата на царство, но Годуновъ,

желавшій быть избраннымъ всей землей, отказался отъ престола. Былъ созванъ земскій соборъ, причемъ среди выборныхъ людей было много сторонниковъ Годунова. Патріархъ Іовъ, спросивъ выборныхъ, кому быть на царствѣ, сейчасъ же и предрѣшилъ отвѣтъ, сказавъ, что онъ и вся Москва уже выбрали Бориса. Соборъ принялъ рѣшеніе патріарха. Годуновъ сначала опять отказался, но когда патріархъ съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи массы народа, пошелъ въ Новодѣвичій монастырь и сталъ умолять Бориса принять престолъ, то онъ наконецъ согласился. Распоряженія Годунова, какъ правителя государства при Ѳеодорѣ и потомъ какъ царя, показываютъ его умъ и замѣчательныя государственныя способности. Сдѣлавшись царемъ Годуновъ сталъ временно допускать переходъ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ. Понимая необходимость просвѣщенія, онъ хотѣлъ вызвать иностранныхъ ученыхъ въ Москву и открыть школы для обученія разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, но противъ этого возстало духовенство, которое говорило, что въ Россіи при обширномъ ея пространствѣ до сихъ поръ господствовало единовѣріе и единоправіе, а если настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Тогда Борисъ послалъ учиться за границу 18 молодыхъ дворянъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только одинъ вернулся домой. Цѣня въ иностранцахъ ихъ преимущество надъ русскими въ образованіи, онъ оказывалъ имъ покровительство и подъ его вліяніемъ иноземные обычаи стали распространяться въ Москвѣ. Со многими европейскими государями Борисъ велъ постоянныя сношенія и даже хотѣлъ породниться съ однимъ изъ нихъ, чтобы болѣе упрочить свою династію; съ этою цѣлью былъ вызванъ въ Москву братъ датскаго короля Іоаннъ въ качествѣ жениха дочери Бориса, Ксеніи, но вскорѣ по пріѣздѣ принцъ умеръ. Дѣти Бориса Ѳеодоръ и Ксенія, благодаря заботамъ отца, получили прекрасное по тому времени образованіе. Въ царствованіе Бориса въ Сибири былъ разбитъ русскими въ рѣшительной битвѣ Кучумъ и затѣмъ убитъ ногайскими татарами, такъ что русское владычество окончательно утвердилось въ Сибири. Взаимныя отношенія Швеціи и Польши, постоянныхъ враговъ Москвы, были тогда очень благопріятныя для нея. Сигизмундъ, сынъ шведскаго короля Іоанна, былъ избранъ послѣ Баторія на польскій престолъ, какъ племянникъ послѣдняго Ягеллона. Шведы протестанты послѣ смерти Іоанна не захотѣли повиноваться его сыну Сигизмунду III, ревностному католику, и выбрали королемъ его

дядю Карла IX, вслѣдствіе чего между Швеціей и Польшей была сильная вражда и оба государства желали союза съ Москвой, но Годуновъ не съумѣлъ этимъ воспользоваться.

Начало смутнаго времени и появленіе самозванца. Избранный на царство всей землей, Борисъ однако не могъ царствовать спокойно. Сознавая въ душѣ незаконность того пути, по которому онъ взошелъ на престолъ, Годуновъ сознавалъ въ то же время, что многіе бояре рюриковичи и гедиминовичи имѣютъ гораздо больше правъ на престолъ, чѣмъ онъ—потомокъ татарина: отсюда произошли его подозрительность и вражда къ боярамъ.

Одинъ изъ современниковъ Бориса, восхваляя его умъ и его дѣятельность, видитъ причину смутъ въ томъ, что Годуновъ не могъ уподобиться древнимъ царямъ, боялся и подозрѣвалъ бояръ и этой враждой возбудилъ ихъ противъ себя: „цвѣлъ онъ добродѣтелями, и если бы зависть и злоба не помрачили его добродѣтелей, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Онъ принималъ доносы отъ клеветниковъ на невинныхъ, отчего возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ всей русской земли: отсюда поднялось на него много бѣдъ, которыя и привели его къ погибели“.

Первые два года царствованія Бориса были спокойные и счастливые, такъ что начало смутъ нужно отнести къ первому году XVII вѣка. Богданъ Бѣльскій былъ первый, котораго Борисъ сталъ подозрѣвать и заключилъ въ тюрьму. Желаніе узнать тайные замыслы бояръ заставило Бориса подстрекать холоповъ къ доносамъ на своихъ господъ. Пользуясь ложнымъ доносомъ, онъ разослалъ въ заточеніе въ дальнія области братьевъ Романовыхъ, дѣтей Никиты Романовича; Романовы были очень популярны въ Москвѣ и потому Борисъ ихъ особенно боялся; старшаго изъ нихъ Ѳедора Никитича Борисъ велѣлъ постричь (подъ именемъ Филарета), чтобы отнять у него всякую надежду на престолъ, и затѣмъ сослалъ въ отдаленный монастырь, разлучивъ его съ женой и маленькимъ сыномъ Михаиломъ. Кромѣ Романовыхъ пострадали и другія боярскія фамиліи; князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому онъ запретилъ жениться, чтобы лишить ихъ потомства и такимъ образомъ болѣе обезопасить наслѣдованіе престола за своимъ сыномъ. Подозрительность Годунова дошла до крайности; онъ рѣдко показывался народу, запирался во дворцѣ и, не довѣряя подданнымъ, окружилъ себя иноземной стражей и щедро ее награждалъ. Такъ какъ доносчики получали большія награды изъ имущества опальныхъ, то люди всѣхъ сословій стали доносить другъ на друга.

„Люди боярскіе, говоритъ современникъ, сговорясь между собою человѣкъ по 5, по 6, одни шли доносить, а другихъ ставили въ свидѣтели, такъ что господа не смѣли поднять глазъ на своихъ холоповъ. Братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить громко, и отъ этихъ окаянныхъ доносовъ пролилось много невинной крови и много людей померло съ пытокъ: однихъ казнили, другихъ разсылали по темницамъ и разнымъ мѣстамъ; ни при одномъ государѣ никто не видалъ такихъ бѣдъ".

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій въ теченіе 3-хъ лѣтъ (1601—1604 г.) отъ постояннаго неурожая произошелъ страшный голодъ, къ которому присоединилось еще моровое повѣтріе. Иностранецъ Бэръ разсказываетъ, что видѣлъ тогда въ Москвѣ людей, которые, валяясь по улицамъ, ѣли траву; у мертвыхъ находили навозъ во рту; ѣли собакъ, кошекъ, мышей, родители варили и ѣли дѣтей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ. Въ одной Москвѣ погибло до 300,000 человѣкъ. Стража, учрежденная Борисомъ, ѣздила по Москвѣ, собирала мертвецовъ и хоронила, причемъ случалось, что хоронили и живыхъ, которые упали отъ изнеможенія силъ. Годуновъ велѣлъ сначала раздавать бѣднымъ деньги и хлѣбъ изъ своихъ житницъ, но потомъ, боясь скопленія народа въ Москвѣ, который пошелъ сюда изъ всѣхъ областей, остановилъ раздачу. Тогда изъ пришедшихъ людей стали составляться разбойническія шайки, къ которымъ приставали бѣглые крестьяне, недовольные прикрѣпленіемъ къ землѣ, холопы, отпущенные господами во время голода по невозможности прокормить ихъ, и наконецъ холопы опальныхъ бояръ. Одни изъ нихъ грабили и разбойничали подъ самой Москвой, такъ что пришлось выслать противъ нихъ войско, а другіе бѣжали въ сѣверскую украйну, гдѣ еще со временъ Грознаго было много гулящихъ людей, такъ какъ Грозный позволилъ преступникамъ убѣгать отъ наказанія въ украйну, желая населить эти земли, пограничныя съ татарами и поляками. Такимъ образомъ подготовлялось войско для будущаго самозванца; эти гулящіе люди—казаки пойдутъ подъ чьимъ угодно знаменемъ, лишь бы было можно имъ безнаказанно пожить на чужой счетъ.

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ было такое страшное время и ненависть къ Борису все болѣе и болѣе возрастала, въ Польшѣ въ первыхъ годахъ XVII в. появился человѣкъ, называвшій себя Дмитріемъ, сыномъ царя Іоанна IV; онъ говорилъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой, подставленный вмѣсто него, ребенокъ, а онъ былъ спасенъ преданными людьми и воспитанъ въ неизвѣстности.

По разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, это былъ Григорій Отрепьевъ, сынъ галицкаго служилаго человѣка; въ концѣ XVI в. онъ явился въ Москву и постригся здѣсь въ монахи. За смѣлыя рѣчи его о своемъ будто бы царскомъ происхожденіи Борисъ велѣлъ сослать Отрепьева въ отдаленный монастырь, но онъ успѣлъ бѣжать въ Польшу. Здѣсь Григорій нѣсколько времени учился въ одномъ польскомъ городѣ, потомъ пожилъ въ Запорожьѣ, научился здѣсь военному дѣлу и затѣмъ, поступивъ на службу къ польскому пану князю Вишневецкому, объявилъ, что онъ Дмитрій—сынъ Грознаго. Вишневецкій и сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ приняли въ судьбѣ Григорія дѣятельное участіе. Іезуиты, имѣвшіе тогда огромное вліяніе въ Польшѣ, устроили свиданіе Григорія съ королемъ Сигизмундомъ III, послѣ того какъ Григорій принялъ тайно католицизмъ и обѣщалъ по вступленіи на московскій престолъ подчинить папѣ русскую церковь. Сигизмундъ призналъ его сыномъ Грознаго, назначилъ денежное вспомоществованіе и позволилъ ему вербовать въ свою службу польскихъ шляхтичей, но отъ личнаго открытаго содѣйствія отказался изъ боязни Годунова. Мнишекъ, дочь котораго Марину Григорій объявилъ своей невѣстой, собралъ для него въ Польшѣ только 1,600 человѣкъ, разныхъ искателей приключеній, зато въ московскомъ государствѣ казаки съ нетерпѣніемъ ожидали самозванца, чтобы подъ его знаменемъ начать разореніе земли. Когда въ Москву пришла вѣсть, что въ Польшѣ объявился человѣкъ, называвшій себя Дмитріемъ, то Годуновъ прямо заявилъ въ боярской думѣ: „я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ; знаю, это ваше дѣло, вы хотите погубить меня“. Въ Польшу дано было знать, что называющій себя Дмитріемъ есть бѣглый монахъ изъ Москвы, Григорій Отрепьевъ. Патріархъ предалъ Отрепьева анаѳемѣ и уговаривалъ народъ не вѣрить самозванцу, но это не помогло, такъ какъ народъ склоненъ былъ вѣрить въ чудесное спасеніе царевича и ожидалъ его.

Борьба Годунова съ Лжедимитріемъ. Лжедимитрій въ Москвѣ. (1605—1606 г.). Въ концѣ 1604 г. Лжедимитрій вошелъ въ московскія области и тотчасъ казаки и многіе служилые люди пришли подъ его знамена; сѣверскіе города стали ему сдаваться, кромѣ Новгорода Сѣверскаго, защищаемаго любимцемъ Бориса Басмановымъ. Царское войско, присланное на помощь Новгороду подъ начальствомъ Мстиславскаго, было разбито самозванцемъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало второе сраженіе, въ которомъ русскими войсками предво-

дительствовалъ Василій Шуйскій, смѣнившій раненаго Мстиславскаго; самозванецъ былъ разбитъ наголову. Если бы послѣ этого были приняты рѣшительныя мѣры, то дѣло самозванца было бы проиграно, но московскіе воеводы медлили, давали ему время снова усилиться и очевидно щадили его. Въ это время Борисъ неожиданно для всѣхъ умеръ (въ апрѣлѣ 1605 г.) и его смерть помогла самозванцу вступить на московскій престолъ. По смерти Бориса Москва присягнула его 16-лѣтнему сыну Ѳеодору, но ему при молодости лѣтъ трудно было удержаться на престолѣ посреди боярскихъ крамолъ, удержать въ повиновеніи народъ, волновавшійся и считавшій самозванца истиннымъ сыномъ Грознаго. Басмановъ, посланный противъ самозванца вмѣсто Шуйскаго, отозваннаго въ Москву, перешелъ со всѣмъ войскомъ на сторону Лжедимитрія. Тогда самозванецъ пошелъ прямо къ Москвѣ и жители городовъ, черезъ которые онъ проходилъ, выходили къ нему на встрѣчу и торжественно встрѣчали его съ образами, хлѣбомъ и солью, какъ прирожденнаго государя. Между тѣмъ въ Москвѣ Ѳеодоръ Борисовичъ съ матерью были звѣрски убиты, а патріархъ Іовъ свергнутъ и сосланъ; Ксенія Борисовна была пострижена въ монастырь. Въ іюнѣ 1605 г. самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву. Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки, и инокиня Марѳа, мать Дмитрія Углицкаго, всенародно признали самозванца настоящимъ сыномъ Грознаго, и послѣ этого Лжедимитрій вѣнчался на царство. Патріархомъ былъ избранъ рязанскій архіепископъ грекъ Игнатій, а Филаретъ Романовъ, возвращенный изъ ссылки, былъ возведенъ въ санъ ростовскаго митрополита. Князь Василій Шуйскій, говорившій передъ всѣмъ народомъ еще до вступленія самозванца въ Москву, что царевичъ Дмитрій не былъ убитъ въ Угличѣ, что его спасли, чѣмъ сильно повліялъ на судьбу Годуновыхъ, теперь сталъ распускать слухи о самозванствѣ новаго царя. Судьи, назначенные Лжедимитріемъ изъ всякихъ чиновъ людей, осудили Шуйскаго на смерть, но самозванецъ помиловалъ его и даже оставилъ въ Москвѣ. Лжедимитрій сначала расположилъ къ себѣ народъ ласковымъ обхожденіемъ и милосердіемъ: онъ лично принималъ всякія жалобы и просьбы. Въ думѣ бояре не мало дивились его уму и умѣнью быстро разрѣшать самыя трудныя дѣла; здѣсь онъ, между прочимъ, говорилъ, что имъ необходимо ѣздить на западъ для знакомства съ образованными народами. Мечтая о славѣ и могуществѣ, онъ задумывалъ въ союзѣ съ европейскими государями изгнать турокъ изъ Европы; себя онъ

называлъ не только царемъ, но и императоромъ. Обѣщаній, данныхъ имъ польскому королю и іезуитамъ во время пребыванія своего въ Польшѣ, онъ и не думалъ теперь исполнять, такъ, напр., онъ отказался отъ намѣренія ввести католицизмъ въ Москвѣ, но все-таки сношеній съ поляками и іезуитами не прекращалъ. Сильное неудовольствіе въ Москвѣ возбудилъ противъ себя Лжедимитрій женитьбой на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ, пріѣхавшей съ большой польской свитой, которая дозволяла себѣ обижать москвичей. Въ то же время полное отступленіе Лжедимитрія отъ всѣхъ заведенныхъ обычаевъ въ обиходѣ царской жизни, пристрастіе его ко всему иноземному и равнодушіе къ православной вѣрѣ заставляли многихъ сомнѣваться въ его происхожденіи. Этимъ неудовольстіемъ противъ самозванца воспользовался князь Василій Шуйскій; съ другими боярами Шуйскій составилъ противъ него заговоръ и 17 мая 1606 г. самозванецъ былъ убитъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ему Басмановымъ, послѣ того какъ инокиня Мароа отъ него отреклась. Много поляковъ въ день 17 мая было перебито возбужденнымъ народомъ, мстившимъ за недавнія обиды, но Марину и ея отца бояре спасли. Трупъ самозванца въ маскѣ съ дудкой и волынкой, вмѣстѣ съ трупомъ Басманова, сначала выставили для поруганія на Красной площади, а потомъ его сожгли, пепелъ смѣшали съ порохомъ и выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда Лжедимитрій въѣхалъ въ Москву.

Вслѣдствіе неясности и разнорѣчія источниковъ о Лжедимитріи I еще до сихъ поръ достовѣрно не опредѣлена его личность. Съ одной стороны несомнѣнно извѣстно, что истинный царевичъ Дмитрій убитъ въ Угличѣ, а съ другой—все поведеніе Лжедимитрія въ Москвѣ на престолѣ показываетъ, что онъ былъ убѣжденъ въ своемъ царскомъ происхожденіи и считалъ себя законнымъ царемъ. Вотъ почему теперь думаютъ, „что Лжедимитрій былъ лицо обольщенное и подготовленное боярами, партіею враждебною Годунову. Люди этой партіи настроили пылкаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Дмитрій, спасенный въ младенчествѣ, и выпроводили его изъ московскаго государства. Бояре, конечно, не желали замѣнить родъ Бориса навсегда этимъ поддѣльнымъ Дмитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и ниспровергнуть родъ Годуновыхъ съ престола, а потомъ можно было обличить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своемъ заблужденіи, уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено. Бориса и рода его не будетъ на престолѣ, а это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолъ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезчуръ унизительно и для національной чести“.

Василій Ивановичъ Шуйскій (1606—1610 г.) и **Тушинскій воръ**. Когда Лжедимитрій былъ убитъ, князь Василій Шуйскій по настоянію преданныхъ ему московскихъ купцовъ и простыхъ людей былъ избранъ царемъ; хотя бояре и говорили, что новаго царя надо выбрать всей землей и для этого созвать земскій соборъ, но Шуйскій спѣшилъ своимъ избраніемъ, такъ какъ не надѣялся, чтобы его выбрали на соборѣ. Вслѣдъ затѣмъ казанскій митрополитъ Гермогенъ былъ избранъ патріархомъ вмѣсто низложеннаго Игнатія. Послѣ своего избранія Шуйскій, исполняя обѣщаніе, данное другимъ боярамъ, вмѣстѣ съ нимъ возставшимъ на самозванца, далъ въ Успенскомъ соборѣ присягу въ томъ, „что ему, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предавать, вотчинъ, дворовъ и имѣнія у братьевъ, жены и дѣтей преступника не отнимать, если они не виноваты, доносовъ ложныхъ не слушать, но изслѣдовать всякое дѣло какъ можно обстоятельнѣе, а ложныхъ доносчиковъ казнить, смотря по винѣ, какую возвели на другого“. Это небывалое ограниченіе царской власти сильно вредило Шуйскому въ глазахъ народа, такъ какъ на него смотрѣли какъ на полуцаря, непохожаго на предшествовавшихъ государей. Въ самой Москвѣ было много недовольныхъ Шуйскимъ; его приверженцы, съ помощью которыхъ онъ воцарился и которыхъ ничѣмъ не наградилъ, укоряли его за скупость; многіе бояре желали сами занять престолъ и стали крамольничать, такъ какъ Шуйскій не могъ безъ ихъ согласія предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Отъ имени бояръ и всего московскаго народа была послана по областямъ извѣстительная грамата, въ которой говорилось, что истинный Дмитрій былъ убитъ въ Угличѣ, а тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ подъ его именемъ, былъ воръ Гришка Отрепьевъ, прельстившій всѣхъ чернокнижествомъ, и что теперь этотъ воръ погибъ за свое злодѣйство; далѣе говорилось, что всѣмъ московскимъ государствомъ избранъ въ цари Шуйскій. Кромѣ того были разосланы граматы отъ самого Шуйскаго съ объявленіемъ о гибели Лжедимитрія и отъ Мароы, въ которой она отреклась отъ самозванца. Эти граматы, противорѣчившія тому, что̀ еще недавно писали областямъ изъ Москвы по случаю воцаренія Лжедимитрія, не только ничего не объяснили жителямъ областей о московскихъ событіяхъ, а, напротивъ того, совершенно поколебали довѣріе областей къ Москвѣ и Шуйскому, который, неизвѣстно какъ, занялъ престолъ.

„До сихъ поръ, говоритъ Соловьевъ, области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, пришедшее къ нимъ, непреложнымъ; но теперь Москва явно при

знается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ; теперь необходимо рождается вопросъ, не омрачены ли москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тяготѣли всѣ области, и связью между Москвою и областями было довѣріе къ власти, въ Москвѣ пребывающей; теперь это довѣріе было нарушено, связь исчезла и государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію; потерявъ вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему. Тутъ-то въ самомъ дѣлѣ для всего государства наступило бѣсовское омраченіе, произведенное духомъ лжи, отъ которой менѣе другихъ былъ чистъ Шуйскій, котораго сонмъ клевретовъ посадилъ на престолъ царей московскихъ".

Нѣкоторые бояре и дворяне, которые не сочувствовали событіямъ 17 мая, были высланы Шуйскимъ изъ Москвы на службу въ разные города, и они, конечно, тоже способствовали возмущенію областей противъ Шуйскаго. Трудно было Шуйскому при такихъ обстоятельствахъ усидѣть на престолѣ; ни въ комъ не имѣя опоры, хитрый и скупой Шуйскій не обладалъ способностями правителя и не умѣлъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно, какъ того требовали обстоятельства времени. Для всѣхъ недовольныхъ Шуйскимъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію—новый самозванецъ, именемъ котораго Шуйскаго можно было бы свергнуть, но который въ то же время по своей ничтожности не могъ бы препятствовать каждому въ достиженіи эгоистическихъ цѣлей. Такой самозванецъ былъ особенно выгоденъ для казаковъ, какъ средство мутить государство и извлекать для себя выгоду изъ этихъ смутъ. И вотъ, вскорѣ же послѣ воцаренія Шуйскаго, въ самой Москвѣ и областяхъ пошли слухи, что 17 мая убитъ другой, а не царь Дмитрій, который успѣлъ спастись въ Польшу. Тогда Шуйскій торжественно перенесъ мощи Дмитрія изъ Углича въ Москву и всенародно говорилъ, что невинный младенецъ былъ зарѣзанъ; никто однако не вѣрилъ Шуйскому, помня, что прежде онъ говорилъ совсѣмъ другое. Такимъ образомъ, въ случаѣ появленія новаго самозванца, успѣхъ ему былъ обезпеченъ.

Сѣверская Украйна по призыву путивльскаго воеводы князя Шаховского возстала первая во имя долженствующаго появиться Дмитрія. Вождемъ собравшагося ополченія сдѣлался бѣглый холопъ Болотниковъ. Къ возставшимъ присоединились рязанцы подъ начальствомъ воеводы Сунбулова и дворянина Прокопія Ляпунова и жители Тулы съ Пашковымъ. Въ то же время волненіе началось и въ отдаленныхъ сѣв.-восточныхъ областяхъ. Мятежныя войска, состоявшія изъ холоповъ, казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ, подступили къ Москвѣ, но тутъ Ляпуновъ и Сунбуловъ отдѣлились отъ нихъ и принесли повинную Шуйскому. Племянникъ царя, князь Ми-

хаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій разбилъ Болотникова и Шаховского, которые тогда отступили отъ Москвы и заперлись въ Тулѣ вмѣстѣ съ казацкимъ самозванцемъ Лжепетромъ, выдававшимъ себя за сына царя Θеодора Іоанновича. Шуйскій, собравъ 100,000 войска, лично осадилъ Тулу и взялъ ее; Шаховской былъ сосланъ, Болотниковъ и Лжепетръ казнены. Въ то время какъ Шуйскій торжественно праздновалъ свою побѣду въ Москвѣ, въ Стародубѣ сѣверскомъ какой-то довольно умный и ловкій проходимецъ, неизвѣстнаго до сихъ поръ происхожденія, объявилъ себя царемъ Дмитріемъ, который былъ въ Москвѣ на престолѣ и спасся отъ убійцъ. Это былъ уже сознательный самозванецъ—воръ, какъ его называли. Сѣверская земля немедленно подчинилась ему и ея безпокойные обитатели (гулящіе люди) стали собираться подъ знамена новаго самозванца. Кромѣ того, къ нему пришли польскіе искатели приключеній Рожинскій, Лисовскій, Сапѣга съ отрядами всякаго сброда, пришли донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и запорожцы. Главнымъ начальникомъ всего войска былъ сдѣланъ Рожинскій. Немногіе, конечно, изъ собравшихся подъ знаменами второго самозванца признавали его царемъ, но всѣмъ имъ онъ былъ нуженъ, чтобы подъ его предводительствомъ грабить русскую землю. Среди казаковъ въ это время являлись и другіе самозванцы (Лжедимитріи, Лжепетры) но они быстро исчезали, и только объявившійся въ Стародубѣ Лжедимитрій II продержался долѣе другихъ. Самозванецъ двинулся къ Москвѣ и, разбивъ по дорогѣ высланное противъ него царское войско, расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ близъ Москвы (1608 г.), почему и получилъ названіе **„Тушинскаго вора“.** Марина Мнишекъ съ отцомъ, отпущенные Шуйскимъ въ Польшу, были перехвачены воромъ, который силою принудилъ Марину признать его своимъ мужемъ, что̀ ему было необходимо, какъ доказательство его тождественности въ глазахъ народа съ тѣмъ, который царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія. Вслѣдъ за утвержденіемъ вора въ Тушинѣ 22 сѣв.-восточныхъ города ему присягнули частію добровольно, частію вынужденные къ этому силою. Зато Троицкій монастырь, осаждаемый Сапѣгою и Лисовскимъ, не сдавался, отчаянно защищаясь въ теченіе 16 мѣсяцевъ съ сентября 1608 г. по январь 1610 г., когда осада была снята. Въ Троицкомъ монастырѣ находилось много окрестныхъ жителей, нашедшихъ убѣжище за его крѣпкими стѣнами. Геройская оборона монастыря монахами и бывшими тамъ ратными людьми (всѣхъ защитниковъ было до 3,000) подъ началь-

ствомъ князя Долгорукаго Рощи и дворянина Алексѣя Голохвастова оказала важную услугу Шуйскому и всей русской землѣ; задерживая подъ своими стѣнами Сапѣгу и Лисовскаго, монастырь ослаблялъ этимъ силы самозванца, а своей вѣрностью царю Шуйскому онъ подавалъ высокій нравственный примѣръ и многихъ удержалъ отъ измѣны; на предложеніе польскихъ вождей сдаться и на обѣщаніе награды защитники монастыря отвѣчали, что они „богатства всего міра не возьмутъ за нарушеніе своего крестнаго цѣлованія". Мысль, что въ случаѣ взятія монастыря гробъ св. Сергія будетъ преданъ поляками поруганію, также не мало способствовала мужеству защитниковъ. Эта оборона была описана со словъ защитниковъ келаремъ монастыря Авраамiемъ Палицынымъ, жившимъ во время осады въ Москвѣ, въ сочиненіи „Сказаніе объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря". Несмотря на высокій примѣръ троицкихъ защитниковъ, въ самой Москвѣ нашлись люди, которые поступали иначе, увидѣвъ возможность воспользоваться бѣдствіями отечества для удовлетворенія своего честолюбія; пользуясь существованіемъ двухъ царей—московскаго и тушинскаго, они переходили на службу отъ одного къ другому, получая за свои переходы лишнее жалованье или повышеніе въ чинѣ; такихъ людей называли „перелетами". Часто происходили подъ Москвой небольшія битвы съ тушинцами, но рѣшительнаго сраженія не было, такъ какъ отряды вора дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ и онъ не рѣшался со слабыми силами напасть на Москву. Между тѣмъ жители сѣв.-восточныхъ городовъ, страшно разоряемые воровскими шайками самозванца, стали противъ него возставать, а города, еще не занятые тушинцами, прослыша объ ихъ разбояхъ, пересылались между собою граматами, чтобы имъ тушинскому царю не присягать, а стоять за московское государство. Сѣв.-восточные города отказывались отъ присяги вору и возставали противъ него не потому, что были увѣрены въ его самозванствѣ, такъ какъ вопросъ о правахъ вора и Шуйскаго для нихъ все еще не былъ рѣшенъ, а потому, что въ тушинцахъ, страшно разорявшихъ землю и грабившихъ церкви, они видѣли враговъ московскаго государства и православной вѣры. Въ самой Москвѣ тоже хотя Шуйскаго не любили, но все-таки лучшіе русскіе люди стояли за него, такъ какъ понимали, какое бы бѣдствіе постигло русскую землю въ случаѣ воцаренія вора; задуманная въ это время нѣкоторыми служилыми людьми попытка низложить Шуйскаго не удалась вслѣдствіе противодѣйствія лучшихъ людей и патріарха Гермогена.

Низложеніе Шуйскаго съ престола Между тѣмъ Шуйскій для успѣшной борьбы съ воромъ заключилъ договоръ съ шведскимъ королемъ Карломъ IX и получилъ отъ него на помощь 5,000 войска подъ начальствомъ Делагарди за денежное вознагражденіе и вѣчный союзъ противъ Польши. Скопинъ-Шуйскій соединился въ Новгородѣ со шведами и весной 1609 г. пошелъ къ Москвѣ, очищая по дорогѣ города отъ тушинцевъ и приводя жителей въ подданство Шуйскому. Къ Скопину присоединялись отряды служилыхъ людей, изъ городовъ и монастырей высылались деньги на жалованье его войску. Тушинскія войска, пытавшіяся остановить его, были имъ нѣсколько разъ разбиты. Положеніе вора въ Тушинѣ вслѣдствіе этихъ успѣховъ Скопина было уже сильно поколеблено. Въ это время польскій король Сигизмундъ III объявилъ войну Шуйскому подъ тѣмъ предлогомъ, что Шуйскій заключилъ договоръ съ враждебной Польшѣ Швеціей. Польскіе послы, которые пріѣхали въ Москву еще съ Мариной и были отпущены Шуйскимъ, увѣряли Сигизмунда, что если онъ пойдетъ на Москву, то бояре низложатъ Шуйскаго и выберутъ царемъ Владислава, сына Сигизмунда. Такъ какъ Сигизмундъ обѣщалъ польскому сейму въ предстоящей войнѣ съ Москвой болѣе всего заботиться о выгодахъ Польши, то онъ прежде всего пошелъ со своимъ войскомъ къ Смоленску и убѣждалъ жителей сдаться, думая присоединить Смоленскъ къ Польшѣ; смольняне однако не сдались королю, ревностному католику, и рѣшили лучше всѣ помереть за православную вѣру. Тогда Сигизмундъ сталъ осаждать Смоленскъ и потребовалъ, чтобы всѣ поляки, служившіе тушинскому вору, немедленно пришли къ нему на помощь. Пока Рожинскій и другіе польскіе паны думали, исполнить ли требованіе короля, воръ, съ которымъ они и прежде обходились грубо и съ пренебреженіемъ и который теперь сталъ бояться, чтобы они его не выдали врагамъ, тайно бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу; Марина послѣдовала за нимъ. Тогда и весь тушинскій станъ распался: поляки ушли къ королю; казаки большею частью послѣдовали за воромъ, а тушинскіе бояре и служилые люди, не надѣясь получить прощеніе отъ Шуйскаго, послали пословъ къ Сигизмунду просить въ цари Владислава съ условіемъ, что его власть будетъ ограничена боярами, что онъ не нарушитъ православной вѣры и позволитъ русскимъ ѣздить для науки въ З. Европу. Такимъ образомъ Москва освободилась отъ вора (1610 г.) и Скопинъ торжественно вступилъ въ нее, съ восторгомъ встрѣченный народомъ. 24-лѣтній Скопинъ-Шуйскій, отличавшійся высокими

нравственными качествами, прославившій себя побѣдами надъ тушинцами, сдѣлался любимцемъ народа и лучшіе русскіе люди надѣялись, что онъ будетъ избранъ царемъ послѣ бездѣтнаго Шуйскаго и успокоитъ государство отъ смутъ. Однако торжество Скопина продолжалось недолго; вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ заболѣлъ на одномъ пиру и чрезъ нѣсколько дней умеръ. Въ народѣ пошли слухи, что Скопинъ отравленъ братомъ царя Дмитріемъ Шуйскимъ, который видѣлъ въ немъ опаснаго для себя соперника при наслѣдованіи престола послѣ царя Василія; обвиняли въ соучастіи съ Дмитріемъ и царя Василія, который подозрительно относился къ Скопину, видя всеобщую любовь къ нему и уваженіе народа. Смерть Скопина, талантливаго полководца, была тяжелой утратой для всей русской земли, которой угрожалъ Сигизмундъ, призываемый въ Москву русскими измѣнниками; въ то же время эта смерть гибельно отозвалась и на положеніи самого царя Василія: онъ могъ усидѣть на престолѣ только благодаря побѣдамъ племянника, но послѣ гибели послѣдняго ничто болѣе не связывало его съ народомъ. Въ это время войско, посланное Шуйскимъ противъ Сигизмунда подъ начальствомъ всѣми нелюбимаго брата его Дмитрія, было наголову разбито при деревнѣ Клушинѣ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, который былъ высланъ Сигизмундомъ на встрѣчу Дмитрію, и это пораженіе окончательно погубило Шуйскаго. Жолкѣвскій послѣ побѣды пошелъ къ Москвѣ, чтобы возвести на московскій престолъ Владислава; самозванецъ тоже двинулся къ Москвѣ изъ Калуги. Тогда москвитяне съ Захаромъ Ляпуновымъ во главѣ низложили Шуйскаго съ престола и насильно постригли его въ монахи, а братьевъ его заключили подъ стражу (1610 г.). Началось междуцарствіе.

Междуцарствіе. (1610—1613). До избранія новаго царя управлять государствомъ стала боярская дума, состоявшая изъ 7 бояръ съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ. Патріархъ Гермогенъ предложилъ выбрать царемъ князя Василія Васильевича Голицына или Михаила Ѳедоровича Романова, сына митрополита Филарета, но это избраніе не могло состояться, такъ какъ близъ Москвы стояли Жолкѣвскій, требовавшій избранія Владислава, и Лжедимитрій II, за котораго была московская чернь. Отбиться отъ нихъ обоихъ Москва не могла, и боярская дума рѣшила лучше подчиниться Владиславу, чѣмъ казацкому вору. Бояре вступили въ переговоры съ Жолкѣвскимъ и жители Москвы присягнули Владиславу съ условіемъ, что онъ приметъ православіе и будетъ править съ

согласія бояръ, послѣ чего Жолкѣвскій, согласно данному обѣщанію, прогналъ вора въ Калугу. Умный Жолкѣвскій, желая удалить изъ Москвы тѣхъ лицъ, на которыхъ указывалъ Гермогенъ, какъ на достойныхъ занять престолъ, и которыя могли быть опасны для Владислава, посовѣтовалъ боярамъ послать къ Сигизмунду посольство съ Голицынымъ и Филаретомъ (такъ какъ М. Ѳ. Романову было только 14 лѣтъ и его самого нельзя было назначить въ посольство) во главѣ, чтобы просить у него сына на царство. По предложенію бояръ, боявшихся вора, котораго чернь могла тайно впустить въ Москву, Жолкѣвскій съ польскимъ войскомъ вошелъ въ столицу; но когда онъ узналъ, что Сигизмундъ самъ хочетъ быть московскимъ царемъ, то поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы подъ Смоленскъ, такъ какъ видѣлъ, что москвитяне никогда не согласятся признать царемъ ненавистнаго имъ католика Сигизмунда. Уѣзжая изъ Москвы, Жолкѣвскій увезъ съ собою низложеннаго Василія Шуйскаго съ братьями и начальство надъ поляками, оставшимися въ Москвѣ, поручилъ Гонсѣвскому. Между тѣмъ Филаретъ и Голицынъ напрасно настаивали у короля подъ Смоленскомъ, чтобы Владиславъ ѣхалъ скорѣе въ Москву; король не соглашался отпустить сына, ссылаясь на его молодость, и требовалъ, чтобы правленіе московскимъ государствомъ было вручено ему и чтобы послы уговорили смольнянъ немедленно сдаться на королевское имя. Послы на эти предложенія не согласились и твердо стояли на своемъ; тогда Сигизмундъ лишилъ ихъ свободы и отослалъ плѣнниками въ Польшу. Однако нашлись среди московскихъ бояръ и такіе, которые изъ личныхъ выгодъ соглашались признать Сигизмунда правителемъ государства и заранѣе у него выпрашивали для себя разныя милости, напр. Мстиславскій, Салтыковъ и др., но патріархъ и народъ и слышать не хотѣли о королѣ.

Когда дѣла находились въ такомъ положеніи, случилось важное событіе, которое все измѣнило: тушинскій воръ былъ убитъ въ Калугѣ однимъ татариномъ. Такъ какъ Москва присягнула Владиславу только изъ страха передъ воромъ, то лучшіе русскіе люди въ Москвѣ и городахъ стали переписываться между собою о томъ, какъ бы всѣмъ соединиться, выгнать поляковъ изъ московскаго государства и выбрать своего русскаго царя. Патріархъ Гермогенъ въ своихъ граматахъ, разосланныхъ по областямъ, тоже призывалъ города на защиту православной вѣры и освобожденіе земли отъ поляковъ въ томъ случаѣ, если Владиславъ не приметъ православія и немедленно не пріѣдетъ въ Москву. Во главѣ народнаго

движенія (1611 г.) на защиту православной вѣры сталъ Прокопій Ляпуновъ и пошелъ къ Москвѣ изъ Рязани; на пути къ нему присоединялись служилые люди изъ разныхъ областей, а города присылали деньги на содержаніе войска. Съ Ляпуновымъ соединились и казаки подъ начальствомъ Заруцкаго и князя Трубецкого, ранѣе находившіеся на службѣ у тушинскаго вора. Тѣ московскіе бояре, которые вошли въ соглашеніе съ Сигизмундомъ, услышавъ о движеніи Ляпунова, стали требовать, чтобы Гермогенъ запретилъ Ляпунову идти къ Москвѣ и велѣлъ посламъ Филарету и Голицыну исполнить всѣ требованія Сигизмунда; Гермогенъ не соглашался, настаивая на томъ, чтобы Владиславъ пришелъ въ Москву; тогда Гермогенъ былъ заключенъ подъ стражу. Въ мартѣ 1611 г. москвитяне возстали противъ поляковъ, находившихся въ Москвѣ. Поляки сожгли всю Москву, а сами заперлись въ каменномъ Кремлѣ и Китай-городѣ, гдѣ и были осаждены подошедшимъ въ это время стотысячнымъ ополченіемъ Ляпунова и Заруцкаго. Вмѣстѣ съ поляками сидѣли въ осадѣ бояре, сторонники Сигизмунда, здѣсь же находились и удержанные насильно поляками М. Ѳ. Романовъ съ матерью, инокиней Марѳой, и патріархъ Гермогенъ. Трудно было бы полякамъ долго высидѣть въ осадѣ и они уже стали испытывать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но ихъ спасла отъ сдачи смерть главнаго вождя ополченія Ляпунова. По приговору всего ополченія главное начальство надъ нимъ и управленіе землей было вручено Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому, но между этими вождями не было согласія: Заруцкій и Трубецкой сильно враждовали съ Ляпуновымъ. Ляпуновъ искренно желалъ очищенія земли отъ враговъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ одну только цѣль—спасеніе родины. Заруцкій съ казаками преслѣдовали преимущественно свои личныя цѣли и для нихъ даже было выгодно продолженіе смутъ, которыя давали имъ возможность безнаказанно разорять землю, что̀ они дѣлали и въ это время, находясь подъ Москвой. Ляпуновъ возставалъ противъ такихъ поступковъ казаковъ и этимъ возбудилъ ихъ противъ себя. Кромѣ того Ляпуновъ, выдвинутый на первое мѣсто событіями смутнаго времени, слишкомъ гордился этимъ и постоянно давалъ это чувствовать другимъ вождямъ ополченія, чѣмъ еще болѣе вооружалъ ихъ противъ себя. Гонсѣвскій, узнавъ о такихъ раздорахъ среди вождей ополченія, рѣшился погубить Ляпунова, который былъ для поляковъ всѣхъ опаснѣе по своимъ способностямъ и довѣрію къ нему русскихъ людей. Онъ послалъ подложную гра-

мату въ казацкій станъ, въ которой будто бы отъ имени Ляпунова приказывалось жителямъ городовъ убивать казаковъ. Казаки, не слушая оправданій Ляпунова, убили его. Со смертью Ляпунова вся власть и значеніе перешли къ Заруцкому и казакамъ, которые вмѣсто осады Кремля занялись исключительно грабежемъ сосѣднихъ областей и стали всячески тѣснить ополченіе городовъ и служилыхъ людей, вслѣдствіе чего ополченцы разъѣзжались по домамъ и разносили по всей землѣ ненависть къ ворамъ казакамъ. Поляки въ Кремлѣ воспользовались этимъ, запаслись продовольствіемъ и не думали уже о сдачѣ, а бояре, сидѣвшіе съ ними, послали новыхъ пословъ къ Сигизмунду съ просьбой поскорѣе идти къ Москвѣ.

Одновременно съ этими событіями, происходившими подъ Москвой, Сигизмундъ взялъ Смоленскъ въ іюнѣ 1611 г. послѣ геройской обороны, но вмѣсто того, чтобы идти на помощь полякамъ, сидѣвшимъ въ московскомъ Кремлѣ, возвратился въ Польшу праздновать сдачу Смоленска и повезъ съ собою плѣннаго Василія Шуйскаго съ братьями. Вся Польша торжествовала, такъ какъ поляки думали, что со взятіемъ Смоленска война кончена, и Сигизмундъ уже заявлялъ на сеймѣ, что онъ соединяетъ московское государство съ польскимъ подъ своею властію. Въ этомъ же году Новгородъ былъ занятъ шведами, которые начали противъ русскихъ враждебныя дѣйствія, послѣ того какъ въ Москвѣ избрали Владислава, и требовали, чтобы новгородцы признали надъ собою власть шведскаго короля. Въ псковской области объявился третій Лжедимитрій. Печально было положеніе русской земли и казалось, что она совсѣмъ погибла.

„И было тогда, говоритъ современное сказаніе, такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля русская запустѣла... И прозвали старики наши это лютое время „лихолѣтьемъ“, потому что тогда была на русскую землю такая бѣда, какой не бывало съ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли русской“.

Мининъ и Пожарскій. Избраніе на царство Михаила Өедоровича Романова. Лучшіе русскіе люди не пришли однако въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества казаковъ надъ Москвой и не соединяли дѣла очищенія земли съ личностью одного человѣка, но они зато вполнѣ поняли казаковъ.

Вотъ что писали другъ другу по случаю смерти Ляпунова жители поволжскихъ областей: „Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы и за московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованіе. Митрополитъ, мы и всякіе люди казанскаго государства согласились съ Н.-Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими, съ горными и луговыми татарами и луговою черемисою на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за московское и казанское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурного ничего ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ по прежнему; казаковъ въ городъ не пускать: стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на московское государство государя, а выбрать бы намъ на московское государство государя всею землею Россійской державы. Если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью, одни, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть“.

Такимъ образомъ возбужденіе народа было попрежнему очень сильно и вездѣ обнаруживалось страстное желаніе очистить русскую землю отъ враговъ и избрать царя всей землей. Это всеобщее возбужденіе еще болѣе увеличилось отъ тѣхъ призывныхъ граматъ, которыя разсылались изъ Троицкаго монастыря отъ имени архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Великую задачу принялъ на себя Троицкій монастырь въ это страшное время лихолѣтья и громадную услугу оказалъ онъ русской землѣ. Архимандритомъ былъ тогда Діонисій, замѣнившій Іосафа, при которомъ монастырь выдержалъ 16-мѣсячную осаду поляковъ. Діонисій былъ человѣкъ высокой нравственности и, горячо любя родину, глубоко скорбѣлъ надъ постигшими ее несчастіями. Когда Москва была сожжена и воровскія шайки казаковъ свирѣпствовали въ ея окрестностяхъ, много бѣглецовъ искали пріюта въ Троицкомъ монастырѣ. Страшенъ былъ видъ ихъ: израненные, обожженные, многіе изъ нихъ даже не имѣли силъ добраться до монастыря и падали на дорогѣ. Тогда-то троицкіе иноки, воодушевляемые примѣромъ своего архимандрита, помѣщали всѣхъ бѣглецовъ въ монастырѣ, собирали раненыхъ по дорогамъ и ухаживали за ними, хоронили мертвыхъ и все богатство, накопившееся въ монастырѣ путемъ пожертвованій въ прежнее время, употребляли на великое дѣло—помощь страждущимъ. Въ то же время Діонисій и Авраамій Палицынъ составляли граматы, въ которыхъ призывали русскихъ

людей къ очищенію земли; писцы переписывали граматы во множествѣ списковъ и особые гонцы развозили ихъ по областямъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру патріархъ Гермогенъ, начальный человѣкъ въ безгосударное время, но теперь не слышно было его голоса, такъ какъ поляки заключили Гермогена въ Кремлѣ въ темницу за его любовь къ родинѣ и преданность православію; вмѣсто него писалъ теперь Діонисій воззванія къ народу.

Вотъ одна изъ троицкихъ граматъ, посланная лѣтомъ 1611 г. еще при жизни Ляпунова: „Православные христіане! вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ Салтыкова и Андронова (одинъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Сигизмунда) и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите, какое разоренье учинили они въ московскомъ государствѣ; гдѣ св. Божія церкви и Божіе образа? гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, иноки, добродѣтелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ: не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ намъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою отъ скудости не разошлось“.

„Народъ готовъ былъ встать, говоритъ Соловьевъ, какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ его, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе—воры. Явились признаки сознанія необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобы оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово; города переслали другъ другу граматы, гдѣ писали, что въ Н.-Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человѣку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ

полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдью о покаяніи, очищеніи всего государства. Во Владимірѣ было также видѣніе. Вслѣдствіе этого по совѣту всей земли московскаго государства во всѣхъ городахъ всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздержаться три дня даже и съ грудными младенцами, и по приговору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ при господствѣ религіознаго чувства выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени».

Весь народъ готовъ былъ подняться на защиту вѣры и родины, ждали только начала движенія и нуженъ былъ вождь. Это движеніе обнаружилось въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ октябрѣ 1611 г. троицкая увѣщательная грамата пришла въ Н.-Новгородъ и была прочитана въ соборѣ въ присутствіи всего народа. Тогда выступилъ съ рѣчью земскій староста, мясной торговецъ Кузьма Мининъ-Сухорукій: „Захотимъ помочь московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“. Предложеніе Минина было принято народомъ; рѣшили созывать ратныхъ людей и собирать на жалованье имъ деньги, а прежде всего выбрать предводителя ополченія. Для такого великаго дѣла нуженъ былъ воевода не только искусный въ ратномъ дѣлѣ, но, что̀ еще важнѣе, безукоризненно нравственный, незапятнанный никакимъ чернымъ дѣломъ; такимъ воеводой былъ избранъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Происходя изъ небогатаго княжескаго рода, Пожарскій не запятналъ себя въ смутное время никакимъ безчестнымъ поступкомъ; онъ вѣрно служилъ Шуйскому и не присталъ къ тушинскому вору, а послѣ низложенія Шуйскаго присягнулъ Владиславу вмѣстѣ съ Москвой, не выпрашивалъ однако себѣ милостей отъ польскаго короля; принявъ затѣмъ участіе въ ополченіи Ляпунова, онъ былъ раненъ въ битвѣ съ поляками во время сожженія Москвы и жилъ въ это время въ своемъ имѣніи, поправляясь отъ ранъ. По предложенію Минина, нижегородцы просили Пожарскаго стать во главѣ народнаго ополченія. „Радъ я вашему совѣту, отвѣчалъ имъ Пожарскій, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мной у такого великаго дѣла быть и казну сбирать“, и указалъ имъ при этомъ на Минина: „бывалъ онъ человѣкъ служилый и

ему это дѣло за обычай". Launch Мининъ согласился только тогда приняться за дѣло, когда нижегородцы написали приговоръ, что будутъ во всемъ послушны и покорны, ратнымъ людямъ будутъ давать деньги и ничего не пожалѣютъ для великаго дѣла. Тогда отъ имени Пожарскаго и нижегородцевъ были повсюду разосланы граматы такого содержанія:

«Теперь мы, Н.-Новгорода всякіе люди, идемъ на помощь московскому государству; къ намъ пріѣхали изъ многихъ городовъ дворяне и мы приговорили: имѣніе свое и дома съ ними раздѣлить, жалованье имъ дать. И вамъ бы, господа, также идти на литовскихъ людей поскорѣе. Отъ казаковъ ничего не опасайтесь; какъ будемъ всѣ въ сборѣ, то всею землею совѣтъ учинимъ и ворамъ ничего дурного сдѣлать не дадимъ. Непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и на поляковъ идти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему рати не разогнали».

Такимъ образомъ Нижній-Новгородъ сдѣлался центромъ возстанія русскаго народа противъ враговъ, къ которому уже всѣ были подготовлены: отовсюду пошли въ Нижній ратные люди, съ разныхъ сторонъ присылались пожертвованія. Пожарскій изъ Нижняго пошелъ въ Ярославль и, подождавъ здѣсь нѣсколько времени, пока собрались ополченія изъ всѣхъ отдаленныхъ областей, двинулся къ Москвѣ. Между тѣмъ сидѣвшіе въ Москвѣ поляки и русскіе бояре, узнавъ о сборѣ ополченія въ Нижнемъ, стали требовать, чтобы Гермогенъ запретилъ Пожарскому идти къ Москвѣ; но Гермогенъ, напротивъ того, благословилъ ополченіе и проклялъ измѣнниковъ, за что и былъ уморенъ голодомъ. Находившіеся подъ Москвой казаки, боясь нижегородскаго ополченія, чтобы оно не помѣшало имъ грабить русскія области, хотѣли избавиться отъ Пожарскаго убійствомъ, но это имъ не удалось. Тогда Заруцкій съ Мариной и сыномъ ея отъ Тушинскаго вора Иваномъ и съ ними часть казаковъ ушли изъ-подъ Москвы въ юговосточныя области. Придя къ Москвѣ въ августѣ 1612 года, Пожарскій разбилъ польскаго гетмана Ходкѣвича, пришедшаго на помощь полякамъ, сидѣвшимъ въ Кремлѣ, и заставилъ его уйти обратно въ Польшу. Въ этомъ сраженіи Трубецкой съ казаками, убѣжденный Авраамiемъ Палицынымъ, бился вмѣстѣ съ Пожарскимъ противъ Ходкѣвича, и затѣмъ они вмѣстѣ осадили Кремль. Въ октябрѣ поляки вслѣдствіе страшнаго голода должны были сдаться. Торжественно вступило въ Кремль, освобожденный отъ враговъ, нижегородское ополченіе, впереди котораго съ крестами и иконами шло духовенство съ архимандритомъ Діонисіемъ во главѣ, и въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, насильно удержанный въ Кремлѣ поляками и послѣ взятія его Пожарскимъ освобожденный изъ плѣна, уѣхалъ съ матерью, инокиней Марѳой Ивановной, въ Кострому въ Ипатьевскій монастырь. Въ это время Сигизмундъ III пошелъ съ войскомъ изъ Польши къ Москвѣ, но вскорѣ вернулся обратно, и тогда въ Москвѣ было рѣшено избрать царя всей землей. Для этой цѣли въ Москву пріѣхали изъ всѣхъ городовъ выборные люди всякаго чина, духовные и свѣтскіе. Это были лучшіе русскіе люди, крѣпкіе и разумные, которые отъ своихъ городовъ *получили вполнѣ опредѣленныя полномочія* на счетъ царскаго избранія. Послѣ трехдневнаго поста и молебствій выборные люди приступили къ совѣщаніямъ и прежде всего порѣшили, чтобы новый царь былъ избранъ непремѣнно изъ русскихъ людей. Сначала много спорили и предлагали разныхъ лицъ, но въ концѣ концовъ всѣ примирились и 21 февраля 1613 г. единогласно избрали 16-лѣтняго **Михаила Θеодоровича Романова**.

«*Въ народномъ воспоминаніи, говоритъ Костомаровъ, свѣжи были страданія* семейства Романовыхъ при Годуновѣ, заточеніе Филарета и его супруги. Народъ въ послѣднее время много перенесъ бѣдствій и потому, естественно, его сочувствіе обращалось къ такому роду, который заодно съ народомъ много пострадалъ. Послѣдній подвигъ Филарета, его твердое поведеніе въ дѣлѣ посольства, его плѣненіе, совершенное беззаконно врагами, все давало ему въ народномъ воображеніи значеніе мученика за вѣру и за русскую землю. Наконецъ въ народѣ сохранились болѣе давнія преданія о царицѣ Анастасіи, жившей въ лучшее время для русскаго народа, о Никитѣ Романовичѣ, о которомъ говорили и даже пѣли въ пѣсняхъ, что онъ по своему благодушію заступался за гонимыхъ при Іоаннѣ Грозномъ. Все это вмѣстѣ располагало русскихъ избрать Михаила Θеодоровича Романова». Какъ смотрѣли сами выборные люди на избраніе Михаила, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ Михаилу посланными отъ земскаго собора: „Тебя убо, превеликій государь, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодью предъизбра, но по праведному суду Божію сіе царское избраніе на тебѣ, великомъ государѣ, возложи... Не мы сей подвигъ сотворихомъ, но Пречистая Богородица съ великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына своего и Бога нашего изволи исполнити на тебѣ, государѣ нашемъ“.

Причины смутнаго времени. „Событія смутнаго времени подготовлены были предшествовавшей исторіей. Въ восточной Руси, какъ мы уже видѣли, въ теченіе трехъ вѣковъ—XIV, XV и XVI постепенно слагалось единодержавное государство. Удѣльныя области и сословія, служилое и общинное, незамѣтно утратили ту политическую самостоятельность, которою пользовались въ удѣльновѣчевое время. Утрата этой самостоятельности, особенно сословной, была у на-

рода въ свѣжей памяти. Пресѣченіе Рюрикова дома со смертію Дмитрія Углицкаго, шаткость на престолѣ новыхъ династій, стремленіе боярства захватить въ свои руки верховную власть, недовольство закрѣпленіемъ сельскаго населенія, алчность казаковъ запорожскихъ и донскихъ, стремленіе поляковъ, а отчасти и шведовъ увеличить свою государственную область на счетъ Россіи, попытки ордена іезуитовъ распространить католицизмъ въ В. Европѣ, ненависть къ московскому владычеству нѣкогда самостоятельныхъ татарскихъ магометанскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, эгоизмъ разныхъ честолюбцевъ, народное невѣжество и грубость нравовъ, —вотъ причины страшныхъ и кровавыхъ смутъ на Руси въ началѣ XVII в. Самозванцы безнарядной эпохи были не цѣлью всеобщаго волненія, а однимъ орудіемъ, иногда слѣпымъ; народъ, уже сильно проникнутый духомъ единодержавія, за неимѣніемъ царя, по своему желанію сочинялъ, дѣлалъ себѣ государей; этими же ходячими призраками, этими же лжецарями пользовались, согласно съ своими видами, разныя политическія партіи, разные грабители и дерзкіе честолюбцы; всевозможныя партіи и шайки обольщали, обманывали другъ друга, чтобы поживиться, пожить однѣ на счетъ другихъ. Только безвыходное общее бѣдствіе могло образумить впослѣдствіи лучшую патріотическую часть русскаго населенія и спасти государство отъ безнарядья и совершенной гибели. Благодаря этой партіи, увлекшей за собою всѣхъ благомыслящихъ людей, могъ водвориться въ нашемъ отечествѣ порядокъ, могло наступить царствованіе родоначальника дома Романовыхъ, избраннаго единодушно всѣмъ народомъ на общенародномъ земскомъ соборѣ». (Павловъ).

Западная Русь въ XVI и въ половинѣ XVII в.

Люблинская унія. Западныя русскія земли во время татарскаго ига соединились, какъ мы видѣли, съ Литвой, а въ 1386 г. Литва и Западная Русь соединились съ Польшей подъ властію одного государя. Эти русскія земли распались потомъ на слѣдующія области: Бѣлая Русь, Малая Русь или Украйна, Полѣсье, Волынь, Подолія, Червонная Русь, Черная Русь и Подляхія. Послѣ соединенія съ Польшей въ Литвѣ и З. Руси, значительно уступавшихъ Польшѣ въ образованіи, стали распространяться польскія учрежденія, нравы, обычаи, языкъ и законы.

Русскія княжества и литовскія земли были раздѣлены на воеводства и повѣты; для управленія этими воеводствами и повѣтами назначались, по польскому обычаю, воеводы, каштеляны, старосты, избираемые изъ богатыхъ помѣщиковъ. Русское дворянство раздѣлилось на магнатовъ, которые владѣли большими землями, и мелкопомѣстныхъ дворянъ или шляхту, и постепенно усваивало польскіе нравы и обычаи. Многіе русскіе города получили самоуправленіе (Магдебургское право), по которому судъ въ городахъ вмѣсто королевскихъ чиновниковъ производилъ судья, назначаемый королемъ изъ мѣстныхъ дворянъ, и совѣтники, избран-

ные горожанами изъ ихъ среды. Купцы и ремесленники были раздѣлены на цехи и получили разныя привилегіи. Такіе города получали свои особый гербъ, печать и знамя. Сельское населеніе постепенно закрѣпощалось и его состояніе все болѣе и болѣе приближалось къ рабскому состоянію польскихъ холоповъ. Сводъ узаконеній литовскаго государства (Литовскій статутъ) образовался изъ смѣшенія польскихъ законовъ съ мѣстными литовско-русскими обычаями и законами. Эти законы были собраны вмѣстѣ при Сигизмундѣ I, пополнены при Стефанѣ Баторіи и окончательно утверждены при Сигизмундѣ III. Въ русскую рѣчь литературную и народную все болѣе и болѣе входило польскихъ словъ и оборотовъ.

Такъ постепенно шло объединеніе Литвы и З. Руси съ Польшею, но полнаго слiянія ихъ въ одно государство и въ одинъ народъ все-таки не было; до половины XVI в. литовское государство было вполнѣ самостоятельно и независимо отъ Польши и соединялись они только подъ управленіемъ одного королевскаго дома. Препятствіемъ къ этому слiянію было, во-первыхъ, желаніе литовцевъ сохранить свою политическую независимость отъ Польши, а во-вторыхъ, различіе вѣроисповѣданія, такъ какъ населеніе западной Руси и многіе литовцы были православные. Тогда польское правительство, чтобы побудить православныхъ къ переходу въ католицизмъ, стало щедро надѣлять перешедшихъ разными льготами и преимуществами и стѣснять православныхъ, хотя впрочемъ открытаго гоненія на православіе при Ягеллонахъ не было. Это обстоятельство, дѣйствительно, побудило нѣкоторыхъ литовскихъ и зап. русскихъ дворянъ, желавшихъ уравняться въ правахъ съ польскимъ дворянствомъ, принять католицизмъ и мало-по-малу ополячиться, чему также способствовало воспитаніе литовскаго и з. русскаго дворянства въ польскихъ школахъ; но большинство з. русскаго населенія продолжало твердо держаться православія. Въ половинѣ XVI в. поляки стали усиленно хлопотать объ окончательномъ соединеніи Литвы съ Польшей, такъ какъ со смертію царствовавшаго тогда бездѣтнаго короля Сигизмунда II Августа прекращался домъ Ягеллоновъ и такимъ образомъ прекращалась всякая связь между обоими государствами; а московскіе государи Іоаннъ III и Василій III уже начали наступательное движеніе на Литву съ цѣлью возвращенія з. русскихъ областей; протестантство, которое стало распространяться съ половины XVI в. въ Литвѣ, могло также повлiять на отпаденіе послѣдней. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, Сигизмундъ II собралъ Люблинскій сеймъ (1569 г.) изъ польскихъ, литовскихъ и з. русскихъ депутатовъ и заставилъ литовцевъ противъ ихъ желанія подписать унію, т.-е. неразрывное

соединеніе Литвы съ Польшей въ одну Рѣчь Посполитую. Сигизмундъ, какъ избранный польскій король, былъ сильно ограниченъ магнатами и польскимъ сеймомъ, но какъ наслѣдственный литовскій князь, онъ былъ въ Литвѣ вполнѣ самодержавенъ и могъ заставить литовцевъ подчиниться его волѣ; русскіе же депутаты не особенно противились уніи, такъ какъ весь вопросъ для нихъ состоялъ въ перемѣнѣ литовскаго подданства на польское, и кромѣ того поляки обѣщали имъ сохраненіе православія въ З. Руси. Въ силу Люблинской уніи Рѣчь Посполитая всегда должна была имѣть одного государя, избираемаго совмѣстно поляками и литовцами, общій генеральный сеймъ и общій сенатъ; одна часть Литовско-русскаго государства, именно Русь югозападная, была непосредственно соединена съ Польшей, получивъ одинаковые съ нею законы и правительственныя учрежденія, а другая часть—собственно Литва и Русь сѣверозападная—получила названіе Великаго княжества литовскаго и сохранила, на основаніи Люблинскаго договора, нѣкоторую самостоятельность, какъ-то: свои мѣстные законы (Литовскій статутъ), свое войско, правительственныхъ лицъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ и т. п.

Іезуиты въ Литвѣ и З. Руси. Послѣ Люблинской уніи польское правительство задалось цѣлью совершенно слить Литву и Ю.-З. Русь съ Польшей. Этому сліянію должны были содѣйствовать тѣ статьи Люблинской уніи, въ силу которыхъ польскіе магнаты получали право пріобрѣтать помѣстья и занимать государственныя должности въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ. Успѣшному объединенію Литвы и Ю.-З. Руси съ Польшей и ополяченію русскихъ преимущественно препятствовало различіе вѣроисповѣданія, а потому польское католическое духовенство при сильной поддержкѣ правительства дѣятельно принялось послѣ Люблинской уніи преслѣдовать православіе въ З. Руси. Преслѣдованіе православныхъ стало особенно сильно съ конца XVI в., когда въ З. Руси появились іезуиты. Іезуиты были призваны въ Польшу (1564 г.) для борьбы съ протестантизмомъ, который особенно сильно распространился въ Литвѣ. Іезуиты завели въ Литвѣ школы, въ которыхъ воспитаніе хотя и велось въ католическомъ духѣ, но протестанты охотно отдавали въ эти школы своихъ дѣтей, такъ какъ видѣли, что іезуиты давали своимъ ученикамъ отличное образованіе и бѣдныхъ обучали даромъ. Съ протестантами они вели диспуты (ученыя пренія) о вѣрѣ и, будучи искусны въ спорахъ, обыкновенно одерживали надъ ними верхъ, а эти диспуты велись при боль-

шомъ стеченіи народа. Обставивъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественностью совершаемыя въ католическихъ костелахъ богослуженія, говоря краснорѣчивыя проповѣди, они этимъ привлекали въ костелы многихъ протестантовъ. Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, іезуиты уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего появленія въ Литвѣ стали вытѣснять отсюда протестантизмъ и обратили въ католичество многія знатныя литовскія фамиліи, бывшія протестантскими. Особенно сильное вліяніе имѣли іезуитскія школы, такъ что молодые литовскіе дворяне, воспитанные въ этихъ школахъ, были уже ревностными католиками. Побѣдивъ протестантовъ въ Литвѣ и Польшѣ, іезуиты начали борьбу съ православными З. Руси, употребляя тѣ же средства, т.-е. писали полемическія сочиненія, говорили проповѣди, спорили, заводили школы. Польскій король Сигизмундъ III, ревностный католикъ, дѣятельно помогалъ іезуитамъ. Вслѣдствіе этихъ усилій іезуитовъ большая часть з. русской аристократіи въ к. XVI в. приняла католицизмъ и совершенно ополячилась, но мелкое дворянство (шляхта), горожане и крестьяне остались вѣрны языку и вѣрѣ предковъ, за что должны были выносить всякія притѣсненія отъ католиковъ. Тогда іезуиты задумали ввести въ З. Руси церковную унію (какъ переходную ступень къ католицизму), т.-е. подчиненіе русской церкви папѣ и принятіе католическаго вѣроученія, при сохраненіи прежнихъ обрядовъ и церковнославянскаго богослужебнаго языка. Главными дѣятелями въ пользу уніи явились іезуиты Петръ Скарга, извѣстный проповѣдникъ, и Антоній Поссевинъ.

Состояніе зап.-русской церкви во второй половинѣ XVI в. Печальное состояніе з. русской православной церкви послѣ ея отдѣленія отъ сѣв.-восточной помогло іезуитамъ ввести унію. Польское правительство, враждебное православію, вовсе не заботилось объ интересахъ и выгодахъ русской церкви, и потому въ епископы и настоятели монастырей часто назначались королемъ знатные дворяне, неимѣвшіе никакого влеченія къ духовному званію и смотрѣвшіе на него, какъ на источникъ доходовъ, которыми они пользовались для веденія роскошной, вполнѣ свѣтской жизни. Такіе епископы, конечно, не могли быть защитниками православія и укрѣплять свою паству въ вѣрѣ и нравственности, вслѣдствіе чего ослаблялась церковная дисциплина; да кромѣ того они дурно вліяли и на нравственность низшаго духовенства. Положеніе низшаго духовенства, т.-е. приходскихъ священниковъ, было очень тяжелое: они находились въ полномъ подчиненіи у помѣщиковъ.

которые имѣли право сами выбирать ихъ для своихъ селъ и часто позволяли себѣ обращаться съ ними, какъ съ холопами. Мало было желающихъ сдѣлаться священниками при такихъ отношеніяхъ, почему очень часто назначались лица малообразованныя и недостойныя носить это званіе, которыя не могли, конечно, поддерживать православіе и просвѣщать простой народъ. Простой народъ былъ только по имени христіанскій, а на самомъ дѣлѣ вся его жизнь была проникнута языческими понятіями и вѣрованіями. Западно-русскіе дворяне, видя такое состояніе православной церкви, переходили въ католицизмъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты поселились въ З. Руси. Іезуиты называли православіе хлопской вѣрой и выставляли на видъ, что глава ея, византійскій патріархъ, рабъ турецкаго султана. Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей даже тѣ русскіе дворяне, которые оставались вѣрны православію, но не могли не видѣть печальнаго состоянія своей церкви, начинали соглашаться съ іезуитами, что подчиненіе з. русской церкви папѣ подниметъ ее на прежнюю высоту. Нѣкоторые изъ з. русскихъ епископовъ тоже склонялись къ уніи изъ желанія уравняться въ правахъ съ высшимъ католическимъ духовенствомъ.

Братства. Несмотря на всѣ указанныя выше обстоятельства, *православіе и вмѣстѣ съ тѣмъ русская народность не погибли* въ З. Руси: они нашли себѣ защитниковъ какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ вельможахъ, такъ особенно въ братствахъ. Князь Острожскій, напр., завелъ въ принадлежащихъ ему владѣніяхъ типографію, гдѣ печатались богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ и разныя сочиненія въ защиту православія, и училища для приготовленія русскихъ учителей и для обученія дѣтей православныхъ. Князь Курбскій, московскій изгнанникъ, тоже писалъ сочиненія въ защиту православія. Братствами назывались издавна существовавшія при церквахъ общины прихожанъ изъ городскихъ обывателей, которыя заботились о благосостояніи церквей, объ устройствѣ церковныхъ празднествъ, помогали бѣднымъ и на эти расходы каждый членъ братства вносилъ извѣстную сумму денегъ. Со второй половины XVI в. эти братства получили болѣе опредѣленное устройство и образовались во многихъ з. русскихъ городахъ, принося огромную пользу дѣлу православія. Они устраивали на свой счетъ училища для дѣтей православныхъ, приготовляли хорошихъ учителей, печатали славянскія и греческія книги, устраивали больницы и богадѣльни. Восточные патріархи возлагали на нихъ обязанность заботиться о поддержкѣ православія въ З. Руси

и для этого давали имъ большія права: братства могли обличать измѣнившихъ православію, отлучать отъ церкви, должны были заботиться, чтобы въ церкви не было никакого безчинія, наблюдать за священниками и даже за епископами и могли обличать ихъ въ случаѣ уклоненія отъ православія. Изъ такихъ братствъ были особенно замѣчательны—Львовское въ Галиціи, Виленское въ Литвѣ и Богоявленское въ Кіевѣ.

Церковная унія. Въ 1589 г. константинопольскій патріархъ Іеремія, возвращаясь изъ Москвы, проѣзжалъ черезъ З. Русь. Православные пожаловались ему на церковные безпорядки, происходившіе отъ порочныхъ епископовъ. Тогда Іеремія поставилъ имъ новаго митрополита Михаила Рагозу, человѣка безупречной нравственности, но слишкомъ слабохарактернаго, причемъ право наблюдать за епископами далъ не ему, а епископу луцкому Кириллу Терлецкому, котораго сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ въ З. Руси, и этимъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе митрополита. Въ то же время патріархъ еще болѣе усилилъ значеніе братствъ, расширивъ ихъ права, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе многихъ епископовъ. Вслѣдствіе этихъ распоряженій патріарха церковные безпорядки еще болѣе усилились. Выборъ Терлецкаго былъ очень неудаченъ: это былъ человѣкъ, любившій роскошную жизнь, весьма честолюбивый и неспособный пожертвовать своими выгодами ради защиты православія. Когда онъ подвергся преслѣдованію отъ польскихъ властей, то рѣшился вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами просить короля и папу о соединеніи з. русской церкви съ римской. Унія для нихъ была выгодна, такъ какъ они въ такомъ случаѣ уравнивались въ правахъ съ католическими епископами, избавлялись отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла свѣтскихъ людей и получали вообще многія преимущества сравнительно съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Къ нимъ присоединились митрополитъ Михаилъ Рагоза и владимиро-волынскій епископъ Ипатій Поцѣй, пользовавшійся большимъ уваженіемъ православныхъ за свою безукоризненную жизнь, но равнодушный къ вопросу о различіи церквей. Князь Острожскій сначала тоже склонялся къ уніи, видя въ ней средство избавить русскую церковь отъ безпорядковъ, но когда узналъ, что предполагается соединеніе одной только зап. русской церкви съ римской, а не всей восточной, и притомъ безъ согласія восточныхъ и московскаго патріарховъ, то отъ уніи отказался и въ посланіи, обращенномъ ко всѣмъ православнымъ З. Руси, обличилъ митрополита и епископовъ въ

отступничествѣ отъ православія. Тогда въ З. Руси произошло сильное волненіе среди православныхъ и общее негодованіе противъ измѣнниковъ епископовъ и митрополита. Сигизмундъ III, согласіе котораго на унію епископы уже ранѣе испросили и который былъ очень этимъ обрадованъ, узнавъ о происшедшемъ волненіи среди православныхъ, поспѣшилъ введеніемъ уніи. Поцѣй и Терлецкій по желанію короля поѣхали въ Римъ и просили папу Климента VIII отъ имени митрополита и всѣхъ з. русскихъ епископовъ принять русскую церковь подъ свою верховную власть (1595 г.). Узнавъ объ этомъ, православные съ княземъ Острожскимъ во главѣ заявили протестъ на общемъ государственномъ сеймѣ противъ Терлецкаго и Поцѣя, которые безъ согласія патріарховъ и всего православнаго населенія самовольно признали главенство папы надъ з. русскою церковью, и просили короля лишить сана этихъ епископовъ. Король не принялъ ихъ протеста и велѣлъ митрополиту созвать соборъ въ Брестѣ для окончательнаго признанія уніи (1596 г.). Собравшіяся на соборъ лица духовнаго и свѣтскаго званія раздѣлились на двѣ партіи—православную съ намѣстникомъ патріарха Никифоромъ и княземъ Острожскимъ во главѣ и уніатскую, на сторонѣ которой были митрополитъ Михаилъ, нѣкоторые епископы и королевскіе послы. Обѣ партіи засѣдали отдѣльно одна отъ другой и ни одного общаго совѣщанія не состоялось. Три раза Никифоръ приглашалъ на совѣщаніе митрополита и епископовъ, принявшихъ унію, но они не приходили, заявляя, что унія уже состоялась и совѣщаться болѣе не о чемъ. Послѣ этого Никифоръ и всѣ православные члены собора объявили Михаила и уніатскихъ епископовъ лишенными сана, уніи не признали и поклялись остаться вѣрными православію. Уніатская же партія съ Михаиломъ объявила лишенными сана православныхъ епископовъ и священниковъ и предала ихъ проклятію. Несмотря на протестъ большинства православныхъ противъ уніи, король призналъ ее и объявилъ православныхъ духовныхъ ослушниками митрополита и противниками королевскаго повелѣнія.

Борьба православныхъ съ уніатами и католиками. Послѣ введенія уніи началось сильное преслѣдованіе православныхъ со стороны католиковъ и уніатовъ. Православныхъ священниковъ насильно замѣняли уніатскими, преслѣдовали братства, всячески стѣсняли и обижали православное населеніе, издѣвались надъ православнымъ богослуженіемъ и обрядами, отдавали церкви въ селахъ на откупъ евреямъ или совсѣмъ ихъ запирали. Эти гоненія на

православіе заставили русскихъ людей выступить на защиту его. Защищая свою вѣру, русскіе защищали въ то же время и свою народность, почему борьба эта была очень упорная, такъ какъ могла кончиться только или полнымъ торжествомъ православія и сохраненіемъ русской народности, или же совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ. Эта борьба была двоякая: образованные русскіе люди защищали православіе посредствомъ богословскихъ сочиненій, вступая въ ожесточенную полемику съ католиками и уніатами, а простой народъ, соединяясь съ казаками, часто возставалъ на защиту вѣры и народности съ оружіемъ въ рукахъ. Въ этой борьбѣ оказали много помощи братства, которыя основывали школы для воспитанія юношества въ правилахъ православія и посылали молодыхъ людей въ западные университеты для полученія высшаго образованія, весьма необходимаго для полемики съ учеными іезуитами.

Кіевская академія. Изъ такихъ школъ особенно замѣчательна школа, основанная братствомъ кіевской богоявленской церкви въ 1594 г. Когда эта школа сгорѣла, то ее возобновила одна богатая женщина и обезпечила ея дальнѣйшее существованіе, подаривъ ей землю и нѣсколько домовъ. При кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ эта школа была преобразована въ коллегію или академію. Петръ Могила былъ молдавскій аристократъ; получивъ образованіе въ Парижѣ, онъ служилъ въ польской военной службѣ, потомъ постригся въ Кіевопечерской лаврѣ и былъ сдѣланъ архимандритомъ. Владѣя большими денежными средствами, Могила на свой счетъ украшалъ монастырь и, заботясь о поддержаніи православія въ борьбѣ съ уніей, задумалъ устроить при монастырѣ высшую школу. Чтобы приготовить свѣдущихъ учителей для своей школы, онъ послалъ на свой счетъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, мірянъ и монаховъ, учиться за границу. По просьбѣ богоявленскаго братства Могила рѣшилъ преобразовать ихъ школу въ коллегію, вмѣсто того, чтобы заводить новую при монастырѣ, что и исполнилъ въ 1633 г. съ согласія короля Владислава, когда былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ.

„Кіевская академія получила другой характеръ, во многомъ отличный отъ братскихъ школъ. Въ братскихъ школахъ, которыя устраивались подъ вліяніемъ ученыхъ грековъ, преобладали греческій языкъ и греческое образованіе; въ академіи стали преобладать языкъ латинскій и латинское образованіе. Устройство академіи, курсы наукъ и вообще вся училищная дисциплина были заимствованы Могилой преимущественно изъ латинскихъ іезуитскихъ коллегіумовъ. Въ академіи преподавались и греческій и славянскій языки, но господствующимъ языкомъ

сдѣлался латинскій. Кромѣ славянской грамматики и катехизиса, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; на немъ писали сочиненія, на немъ должны были говорить воспитанники не только въ классахъ, но и дома. Изъ наукъ преподавались—православный катехизисъ, ариѳметика, піитика, риторика, философія и богословіе. Богословіе было, разумѣется, самою важною и высшею наукою и имѣло полемическое направленіе, такъ какъ при тогдашней борьбѣ православныхъ съ іезуитами и уніатами всего нужнѣе было приготовить въ школѣ людей, способныхъ защищать свое ученіе и опровергать заблужденія противниковъ. Поэтому послѣ каждаго отдѣла въ богословіи обыкновенно помѣщался цѣлый рядъ возраженій и опроверженій. Преподаваніе философіи было тоже направлено къ тому, чтобы приготовить людей, способныхъ спорить, твердо защищать положенія науки и опровергать всѣ возраженія противъ нихъ. Поэтому какъ по богословію, такъ и по философіи были въ большой модѣ такъ называемые диспуты, которые происходили на латинскомъ языкѣ и составляли особенно существенную часть публичныхъ экзаменовъ. Для диспутовъ избирались предметы, допускавшіе спорные вопросы; одна сторона представляла возраженія, другая должна была опровергать ихъ. Послѣ богословія и философіи самое важное мѣсто въ системѣ образованія занимала словесность, т.-е. риторика и піитика, причемъ главное вниманіе было обращено на ораторскую рѣчь, которая считалась главной формой сочиненій... Эта кіевская наука была снимкомъ съ западной латинской схоластической науки и въ этомъ заключались ея сила и ея слабость. Сила кіевской науки заключалась именно въ томъ, что она отвѣчала обстоятельствамъ времени, была равносильнымъ оружіемъ для той борьбы съ латинствомъ, которою она была вызвана. Но, удовлетворяя временнымъ потребностямъ религіозной борьбы и защиты вѣры, она мало удовлетворяла кореннымъ потребностямъ русской народной жизни и народнаго образованія. Имѣя въ виду только интересы схоластической науки, кіевскіе ученые сами не учились и другихъ не учили въ школѣ тому, что̀ прямо нужно и полезно было для народа; даже въ проповѣдяхъ, обращенныхъ къ народу, они употребляли тѣ же пріемы, формы и термины, къ которымъ привыкли въ школѣ. Усвояя образованіе отъ латинскихъ ученыхъ, они часто увлекались подражаніемъ имъ и, ратуя противъ латинства, облекали нерѣдко свое ученіе въ латинскія формы и строгимъ ревнителямъ православія даже сами могли казаться латинствующими. Такими, дѣйствительно, и казались кіевскіе ученые московскимъ грамотникамъ, когда явились въ Москву» (Порфирьевъ).

Умирая, Могила завѣщалъ своей коллегіи значительныя денежныя средства, необходимыя для ея дальнѣйшаго существованія. Устраивая коллегію и возстановляя старинные православные храмы въ Кіевѣ, Могила въ то же время заботился о возстановленіи среди православныхъ древняго благочестія, нарушеннаго вслѣдствіе частаго общенія съ иновѣрцами. Съ этою цѣлью онъ издалъ нѣсколько важныхъ книгъ, которыя объясняли православнымъ смыслъ

ихъ вѣры и богослуженія, какъ-то: Служебникъ, Требникъ, Краткій катехизисъ. Такимъ образомъ въ трудныя времена уніи Петръ Могила оказалъ своею дѣятельностью важную услугу дѣлу православія; онъ умеръ въ 1647 г.

Состояніе Западной Руси въ половинѣ XVII в. Западнорусское дворянство (шляхта) сначала встрѣтило унію очень враждебно и горячо протестовало на государственныхъ сеймахъ и въ сенатѣ противъ гоненія на православіе; но 30 лѣтъ спустя послѣ уніи вотъ что говоритъ намъ одинъ французъ Бопланъ, служившій въ Польшѣ: „дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, несмотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ“. Этому ополяченію русскаго дворянства и измѣнѣ его православію способствовали разныя причины, какъ-то: желаніе пріобрѣсти привилегіи, которыми пользовались польскіе дворяне, браки съ польками, воспитаніе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Простой же народъ попрежнему сохранялъ православіе и свою русскую народность. Въ концѣ XVI в. въ Польшѣ крестьяне (хлопы) были въ полномъ рабскомъ подчиненіи у помѣщиковъ, которые могли не только наказывать ихъ, но даже казнить по своему произволу. Изъ Польши крѣпостное право перешло и въ З. Русь, гдѣ, впрочемъ, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ были еще сносны, пока тѣ и другіе были одной вѣры и народности. Когда же зап. русскіе дворяне измѣнили православію и вполнѣ ополячились, то стали относиться къ крестьянамъ съ большой враждой: они угнетали ихъ не только какъ помѣщики своихъ рабовъ, но и какъ католики православныхъ. Ведя роскошную жизнь подобно польскому дворянству, тратя огромныя суммы на развлеченія и на содержаніе многочисленной прислуги, живя часто за границей и вслѣдствіе всего этого нуждаясь въ деньгахъ, помѣщики облагали своихъ крестьянъ многочисленными поборами и повинностями, помимо обыкновенной барщины. „Крестьяне въ Польшѣ, говоритъ тотъ же Бопланъ, мучатся какъ въ чистилищѣ, въ то время какъ господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю“. Рѣдко управляя сами своими имѣніями, помѣщики отдавали ихъ въ аренду евреямъ съ правомъ судить, наказывать и даже казнить крестьянъ смертію. Въ Польшу евреи стали переселяться еще въ XI—XII в. вслѣдствіе преслѣдованія ихъ на западѣ; здѣсь евреямъ покровительствовала не только польская аристократія, занимавшая у нихъ деньги для

веденія роскошной жизни, но даже сами польскіе короли; евреи получили самоуправленіе и право свободно заниматься торговлей и ремеслами. Изъ Польши они проникли въ З. Русь и захватили здѣсь въ свои руки всю торговлю, а также стали брать въ аренду имѣнія помѣщиковъ. Положеніе крестьянъ въ этомъ случаѣ еще болѣе ухудшилось, такъ какъ евреи старались получить съ нихъ какъ можно болѣе доходовъ и всячески притѣсняли ихъ. Такъ какъ послѣ уніи усилилось гоненіе на православіе, то евреи убѣдили помѣщиковъ католиковъ отдать въ ихъ распоряженіе православныя церкви, вслѣдствіе чего православные крестьяне за каждое богослуженіе, за каждую церковную требу должны были платить особую пошлину еврею, чтобы онъ позволилъ отпереть церковь; при этомъ священники и православное богослуженіе подвергались еще со стороны евреевъ разнымъ выходкамъ и оскорбленіямъ. Невыносимо тяжела поэтому была жизнь русскаго крестьянина во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и часто убѣгалъ онъ или въ сосѣднее московское государство, или въ степи къ казакамъ, „внося туда сердечную, глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему ляхскому, потому что ненавистный ему панъ былъ или сдѣлался ляхомъ; заурядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще противнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть“. Защитниками з. русскаго народа и мстителями за поруганную вѣру явились малороссійскіе и запорожскіе казаки.

Малороссійскіе казаки и ихъ возстанія противъ Польши. Малороссійскіе казаки раздѣлялись на городовыхъ и запорожскихъ. Городовые или украинскіе казаки жили по среднему теченію Днѣпра, раздѣляясь на полки, вели жизнь осѣдлую и семейную и признавали надъ собою верховную власть польскаго короля. Они избирали изъ своей среды гетмана, котораго утверждалъ въ санѣ король и который управлялъ ими при содѣйствіи подчиненныхъ ему эсауловъ, полковниковъ и др. чиновъ. Запорожскіе казаки жили за днѣпровскими порогами, гдѣ на островѣ Хортицѣ былъ у нихъ укрѣпленный станъ, такъ называемая Сѣчь. Хотя они тоже считались подвластными польскому правительству, но на самомъ дѣлѣ были совершенно отъ него независимы. Всѣ важныя дѣла рѣшались у нихъ на радѣ, т.-е. на общемъ собраніи всѣхъ казаковъ, и здѣсь же избирался большинствомъ голосовъ кошевой атаманъ— неограниченный предводитель на войнѣ. Кошевому подчинялись

куренные атаманы, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ отдѣльнымъ полкомъ или куренемъ. Запорожцы были люди безсемейные и не допускали пребыванія женщинъ въ Сѣчи. Когда не было войны, то они занимались рыбной ловлей, охотой, а больше всего весело пировали, прогуливая добычу, ранѣе полученную на войнѣ. Всякій человѣкъ православной вѣры могъ прійти въ Запорожье и сдѣлаться казакомъ, но, вступая въ Сѣчь, онъ обязывался воевать за православную вѣру и исполнять слѣдующія нравственныя требованія запорожской общины: быть простымъ въ образѣ жизни, готовымъ на всякую опасность, благочестивымъ, цѣломудреннымъ, соблюдать совершенное братство съ другими казаками и вполнѣ повиноваться волѣ избранныхъ начальниковъ. Большая часть ихъ жизни проходила въ походахъ противъ турокъ и татаръ, такъ какъ бить и грабить нехристей, по ихъ понятіямъ, самъ Богъ велѣлъ. Рѣдкій изъ запорожцевъ умиралъ своею смертію, много погибало ихъ въ этихъ походахъ, но Запорожье постоянно пополнялось новыми выходцами изъ московской, а особенно изъ польской Руси. Донскіе казаки были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ запорожцами и часто многіе изъ донцовъ живали въ Запорожьѣ и наоборотъ. Если съ одной стороны казаки были полезны для Польши, такъ какъ защищали ея южныя границы отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, но зато своими нападеніями на турецкіе берега они возбуждали неудовольствіе Турціи противъ Польши. Изъ боязни войны съ очень сильной тогда Турціей, а также изъ боязни, что малороссійскіе казаки, увеличиваясь въ числѣ, могутъ быть опасны для самой Польши, польское правительство стало стремиться въ концѣ XVI и въ XVII в. къ тому, чтобы вполнѣ подчинить своей власти казаковъ, руководить ихъ военными предпріятіями и ограничить ихъ число. Казакамъ эти стѣсненія сильно не нравились, да и число ихъ не могло быть постояннымъ, такъ какъ къ нимъ, особенно въ Запорожье, послѣ введенія уніи массами бѣжали угнетаемые за вѣру хлопы, вслѣдствіе чего съ конца XVI в. начинается рядъ казацкихъ возстаній противъ Польши. Эти возстанія были встрѣчены вполнѣ сочувственно православнымъ населеніемъ польскихъ городовъ и селъ, такъ какъ казаки возставали не только на защиту своихъ интересовъ, но и на защиту русской вѣры и народности, слѣдовательно, казацкое дѣло сливалось съ дѣломъ народнымъ, священнымъ. Эти возстанія сопровождались страшными жестокостями, такъ какъ казаки и приставшіе къ нимъ крестьяне вымещали на панахъ и евреяхъ всѣ

перенесенныя отъ нихъ гоненія; не менѣе, впрочемъ, жестоко поступали и поляки съ попадавшимися къ нимъ въ плѣнъ казаками и хлопами. Изъ вождей этихъ казацкихъ движеній до Хмельницкаго особенно замѣчательны—**Наливайко**, **Тарасъ**, **Павлюкъ**, **Остраница**, **Гуня**. Всѣ эти возстанія были усмирены польскимъ правительствомъ, вожди казацкіе погибли жестокой и позорной смертью или бѣжали въ сосѣднія московскія области, воля казацкая была стѣснена, число казаковъ ограничено, такъ какъ однѣми своими силами казаки не могли одолѣть Польши. Иначе пошло дѣло, когда на помощь казакамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на защиту православнаго населенія Р. Посполитой выступило въ половинѣ XVII вѣка сильное московское государство.

165

Михаилъ Θеодоровичъ (1613—1645 г.).

Вступленіе Михаила на престолъ и состояніе въ это время русской земли. 21 февраля 1613 г. на земскомъ соборѣ былъ избранъ царемъ 16-лѣтній Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

«Великое посольство съ рязанскимъ архіепископомъ Θеодоритомъ, келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ и бояриномъ Шереметевымъ во главѣ отправилось въ Кострому въ Ипатьевскій монастырь, чтобы отъ всей русской земли торжественно просить Михаила на царство. Послы земскаго собора, прибывъ въ Кострому, пошли со всѣми костромичами крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ тогда Михаилъ съ инокиней матерью. Отслуживъ въ монастырѣ молебенъ, посольство прочитало Михаилу и Марθѣ грамату земскаго собора объ избраніи всей русской землей Михаила на царство. Марθа сначала не соглашалась отпустить сына на царство. „Его ли юнаго отдамъ вамъ въ цари? говорила Марθа. Люди русскіе! вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, растригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ растрига, не вы ли клялись царю Василію и поѣхали къ тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, клятвопреступленіе? И что же такое ваше русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками, народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? и могу ли я приступить къ тому безъ благословенія отца его?»—«Благослови только, великая инокиня! возражалъ ей Θеодоритъ. Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе

Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы всей русской землей его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ, но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Дмитрія царевича, и растрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божіимъ погибъ растрига, царя Василія выбрали немногіе люди, другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое для блага русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было притомъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стать за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ; хоть и погибли Годуновы и Шуйскій: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ». Но тщетны были эти слова: Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, Авраамій поднялъ образъ московскихъ Чудотворцевъ, и они понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. „Что дѣлаете! воскликнулъ благочестивый юноша; зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ и дѣло выше силъ моихъ!“—„Если вѣришь имъ, говорилъ владыка, указывая на образа, вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ отца твоего! Что человѣкъ и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!“ Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ поверглись предъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей и соединили клики свои съ рыданіями старцевъ и младенцевъ. Уже около шести часовъ продолжалось умилительное зрѣлище. «Такъ вы не внемлете мольбамъ, возгласилъ наконецъ Ѳеодоритъ. Совершилось, да будетъ по вашему; мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но передъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падаетъ бѣдствіе отчизны. И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать передъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе, да расточится царство московское, да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ!» Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа повергласъ предъ святыми иконами и изрекла согласіе. Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Ми-

хаила наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и превозгласили многолѣтіе царю Михаилу".

Слова пословъ, что русскіе люди, наказанные бѣдствіями смутнаго времени, пришли въ соединеніе и готовы пожертвовать всѣмъ для поддержки и защиты избраннаго царя, подтверждались на дѣлѣ подвигомъ Сусанина. Когда одинъ изъ польскихъ отрядовъ, еще остававшихся въ русской землѣ, узналъ объ избраніи Михаила и хотѣлъ убійствомъ отдѣлаться отъ него, то Михаилъ былъ спасенъ благодаря самопожертвованію Ивана Сусанина, крестьянина села Домнина Костромскаго уѣзда. Въ мартѣ Михаилъ отправился въ Москву, сопровождаемый великимъ посольствомъ. По дорогѣ онъ заѣзжалъ въ церкви и монастыри для поклоненія мощамъ святыхъ. Его путь въ Москву былъ настоящимъ торжественнымъ шествіемъ: народъ выходилъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью, духовенство встрѣчало его при церквахъ съ крестами и иконами. Въ маѣ онъ пріѣхалъ въ Москву, а въ іюлѣ торжественно вѣнчался на царство, причемъ князь Пожарскій изъ стольниковъ былъ пожалованъ въ бояре, а Мининъ въ думные дворяне и награжденъ помѣстьемъ. Три дня шумно и радостно праздновала Москва вступленіе на престолъ Михаила. „Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ Михаила на царство, говорилъ народъ; не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхвованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи".

Печально было положеніе русской земли при вступленіи на престолъ Михаила. Москва находилась въ развалинахъ, многіе города и села были сожжены, внутреннія области сильно обезлюдѣли, народъ обнищалъ и не могъ платить податей, вслѣдствіе чего казна государственная была пуста. Внутри государства злодѣйствовали казацкія шайки, инородцы и польскіе отряды. Нѣкоторыя области находились еще въ рукахъ враговъ; такъ въ Астрахани находился Заруцкій съ Мариной, превозглашая ея сына Ивана царемъ и собираясь идти съ казаками и татарами разорять государство,—Смоленскъ былъ въ рукахъ поляковъ и королевичъ Владиславъ хотѣлъ силой занять московскій престолъ,—новгородскою областью владѣли шведы. Печально было и то обстоятельство, что московскіе служилые люди въ смутное время, по выраженію матери царя, измалодушествовались, привыкли заботиться болѣе о собственныхъ интересахъ, чѣмъ о государственныхъ, и, будучи на-

значены намѣстниками областей, позволяли себѣ сильно притѣснять и безъ того уже разоренный народъ. Такъ какъ Михаилъ еще былъ слишкомъ молодъ для самостоятельнаго управленія государствомъ, а Филаретъ, который могъ бы руководить имъ, находился въ Польшѣ въ плѣну, то Михаила окружили корыстолюбивые бояре, запятнавшіе себя въ смутное время многими дурными поступками. Такимъ образомъ Михаилу предстояло въ его царствованіе двѣ задачи: освободить русскую землю отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и заняться ея внутреннимъ устройствомъ. Для исполненія этихъ задачъ въ такое трудное время Михаилу нужно было содѣйствіе всей земли, вотъ почему мы встрѣчаемъ, особенно въ первые годы его царствованія, частые земскіе соборы.

Освобожденіе государства отъ враговъ. Когда правительство стало звать служилыхъ людей на войну съ врагами, то служилые люди жаловались, что ихъ помѣстья разорены, доходовъ они никакихъ не имѣютъ, и просили себѣ жалованья и продовольствія. Такъ какъ казна была пуста и Михаилъ не могъ удовлетворить требованіе служилыхъ людей, то велѣно было отъ имени царя и земскаго собора собирать поскорѣе подати и кромѣ того были посланы грамаТЫ по городамъ и къ богатымъ промышленникамъ съ просьбою помочь государству и прислать денегъ и всякихъ припасовъ для войска. Послѣ этого началось очищеніе земли отъ враговъ. Жители Астрахани сами возстали противъ Заруцкаго и Марины и прогнали ихъ; Заруцкій бѣжалъ на Яикъ, но былъ схваченъ присланными изъ Москвы царскими войсками и перевезенъ въ Москву, гдѣ его посадили на колъ; сына Марины повѣсили, а Марину посадили въ тюрьму, гдѣ она и умерла, оставивъ по себѣ печальную память въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ какъ казацкія шайки продолжали ходить по областямъ, грабили и убивали жителей, то отъ имени земскаго собора имъ сначала предложили добровольно прекратить разбои; казаки увѣщаній не послушались и, собравшись вмѣстѣ, даже пошли на Москву, но здѣсь были разбиты наголову царскимъ войскомъ. Въ то же время Пожарскій былъ посланъ для преслѣдованія Лисовскаго, неутомимаго наѣздника, который съ польскими отрядами опустошалъ русскія области, быстро переходя съ одного мѣста на другое.

Одновременно съ очищеніемъ земли отъ внутреннихъ враговъ шли войны со шведами и поляками. Новгородъ, занятый въ концѣ смутнаго времени шведами, не хотѣлъ присягнуть на подданство шведскому королю Густаву Адольфу, послѣ того какъ въ Москвѣ

былъ избранъ царемъ Михаилъ, за что и терпѣлъ большія притѣсненія отъ шведовъ. Московскія войска, посланныя на помощь Новгороду, были нѣсколько разъ разбиты шведами. Густавъ Адольфъ осадилъ даже Псковъ, но взять его не могъ. Не имѣя возможности долѣе затягивать войну и понимая, что Новгородъ ему за собою не удержать, Густавъ Адольфъ завелъ съ Москвой переговоры о мирѣ, который и для насъ былъ тоже необходимъ въ виду опасной войны съ Польшей. Мирные переговоры происходили при посредничествѣ англійскаго посла Джона Мерика и голландскихъ пословъ, такъ какъ для Англіи и Голландіи было важно скорѣйшее прекращеніе войны: онѣ желали возобновить выгодныя торговыя сношенія съ Москвой и даже надѣялись получить въ награду за посредничество новыя торговыя выгоды. Послѣ долгихъ споровъ послы обоихъ государствъ наконецъ заключили миръ въ Столбовѣ (1617 г.). По столбовскому миру шведы возвратили намъ Новгородъ, Старую Русу, Гдовъ, Порховъ и Ладогу, но удержали за собою побережье Финскаго залива—Ингрію съ городами Ямомъ, Ивань-городомъ и Копорьемъ, городъ Орѣшекъ и область Корелу, да еще должны были получить отъ Михаила 20,000 рублей. Михаилъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ доволенъ условіями мира со Швеціей, такъ какъ возвратилъ большую часть городовъ, занятыхъ шведами во время междуцарствія, и могъ всѣ свои силы направить на борьбу съ опасной для него Польшей, но на самомъ дѣлѣ эти условія были очень тяжелы для государства: столбовскій миръ совершенно удалилъ русскихъ отъ Балтійскаго моря, которое было необходимо для непосредственныхъ сношеній съ Западомъ.

Густавъ Адольфъ вполнѣ вѣрно опредѣлилъ значеніе столбовскаго мира для Швеціи и Россіи въ своей рѣчи къ шведскому сейму: „Одно изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ Богомъ Швеціи, заключается въ томъ, что русскіе, съ которыми мы издавна были въ сомнительныхъ отношеніяхъ, отнынѣ должны отказаться отъ того захолустья, изъ котораго такъ часто безпокоили насъ. Россія опасный сосѣдъ. Ея владѣнія раскинулись до морей Сѣвернаго и Каспійскаго; съ юга она граничитъ почти Чернымъ моремъ. Въ Россіи сильное дворянство, множество крестьянъ, народонаселенные города и большія войска. Теперь безъ нашего позволенія русскіе не могутъ выслать ни одной лодки въ Балтійское море. Большія озера Ладожское и Пейпусъ, Нарвская поляна, болота въ 30 верстъ ширины и твердыя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ нихъ. Теперь у русскихъ отнятъ доступъ къ Балтійскому морю и, надѣюсь, не такъ-то легко будетъ имъ перешагнуть черезъ этотъ ручеекъ».

Война съ поляками въ смоленской области шла сначала безъ особеннаго успѣха съ обѣихъ сторонъ, но въ 1617 г. она сдѣла-

лась очень опасной для Михаила, такъ какъ польскій королевичъ Владиславъ съ войскомъ выступилъ въ походъ противъ Москвы, напоминая въ граматѣ, изданной имъ къ русскимъ людямъ, что они нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже цѣловали ему крестъ, и что онъ идетъ теперь занять московскій престолъ. Соединившись съ малороссійскими казаками, Владиславъ пробовалъ взять Москву приступомъ, но былъ отбитъ. Въ то же время польское войско Владислава не желало болѣе воевать за его интересы и требовало возвращенія въ Польшу; тогда Владиславъ вступилъ въ мирные переговоры съ Михаиломъ, которые и закончились заключеніемъ перемирія на $14^{1}/_{2}$ лѣтъ въ деревнѣ Деулинѣ близъ Троицы (1618 г.). По этому перемирію Смоленскъ и сѣверская земля были уступлены Польшѣ, но Владиславъ не отказался отъ своихъ правъ на московскій престолъ; кромѣ того, размѣнялись плѣнными, въ числѣ которыхъ возвратился въ Москву отецъ государя Филаретъ.

Патріархъ Филаретъ. Внутренняя дѣятельность. По возвращеніи изъ польскаго плѣна Филаретъ Никитичъ былъ посвященъ въ патріархи, такъ какъ послѣ смерти Гермогена патріаршій престолъ былъ еще не занятъ. Такъ какъ Михаилъ былъ еще очень молодъ и неопытенъ въ правленіи и отличался мягкимъ характеромъ („былъ онъ, по словамъ современника, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Ѳеодору Іоанновичу“), то Филаретъ принялъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ и былъ руководителемъ Михаила до самой своей смерти (1619—1633 г.). Патріархъ Филаретъ назывался также „государемъ“, и всѣ граматы того времени давались отъ имени „государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича и великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича“. Съ пріѣздомъ Филарета началась усиленная внутренняя дѣятельность правительства. Нужно было установить болѣе правильный сборъ податей и пошлинъ въ государственную казну и избавить жителей областей отъ притѣсненія воеводъ и приказныхъ людей. Подати собирались съ тяглыхъ людей—городскихъ и сельскихъ жителей, но города и села были сильно разорены въ смутное время и кромѣ того многіе изъ оставшихся въ живыхъ обывателей совсѣмъ ушли изъ своихъ городовъ и селъ, такъ какъ были не въ состояніи платить подати; одни изъ нихъ скрывались въ разныхъ городахъ у родныхъ и знакомыхъ, другіе даже входили въ зависимость (закладывались) къ боярамъ и монастырямъ и такимъ обра-

зомъ избавлялись отъ платежа податей. Оставшіеся на прежнихъ мѣстахъ жители просили освобожденія отъ податей, указывая на свое разореніе, и жаловались на обиды отъ воеводъ. Когда Филаретъ возвратился изъ плѣна, то было рѣшено для прекращенія безпорядковъ послать по областямъ дозорщиковъ и писцовъ, чтобы они сдѣлали перепись жителей (писцовыя книги), возвратили бѣглецовъ на мѣсто ихъ прежняго жительства и обложили тяглыхъ людей опредѣленными податями по имуществу и заработку. Многіе изъ этихъ писцовъ, хотя и должны были „все описать вправду и безъ посуловъ", отнеслись къ дѣлу недобросовѣстно, позволяя себѣ брать взятки и облагать податями неравномѣрно. Кромѣ посылки писцовъ рѣшено было вызвать въ Москву выборныхъ людей изъ каждаго города, чтобы они сообщили подробныя свѣдѣнія о положеніи своего города и области и помогли бы правительству найти средства для лучшаго устройства земли. Воеводамъ и приказнымъ людямъ было запрещено брать взятки, а тяглымъ людямъ давать ихъ, въ противномъ случаѣ правительство грозило строгимъ наказаніемъ; нѣкоторымъ областямъ позволялось выбирать себѣ старостъ вмѣсто правительственныхъ воеводъ.

Вторая война съ Польшей. Царь Михаилъ заключилъ съ Польшей деулинское перемиріе только по необходимости, такъ какъ не было средствъ для веденія войны, и кромѣ того онъ хотѣлъ скорѣе возвратить изъ плѣна своего отца; но такъ какъ поляки не признавали Михаила царемъ и Владиславъ не отказывался отъ своихъ правъ на московскій престолъ, и кромѣ того тяжело было Михаилу окончательно уступить Польшѣ важный для Москвы Смоленскъ, то вслѣдствіе этого Михаилъ сталъ готовиться къ новой войнѣ съ Польшей. Такъ какъ въ Москвѣ убѣдились въ преимуществѣ зап. европейскаго военнаго искусства, то изъ-за границы были выписаны иностранные офицеры для обученія русскихъ ратныхъ людей военному дѣлу, нанято въ московскую службу нѣсколько тысячъ иностранныхъ солдатъ, а также куплено оружіе. Когда въ Польшѣ умеръ Сигизмундъ III (1632 г.) и началось обычное междуцарствіе (вслѣдствіе избирательнаго престолонаслѣдія), то царь рѣшился воспользоваться этимъ временемъ и послалъ подъ Смоленскъ 32,000 войска подъ начальствомъ извѣстнаго уже воеводы Шеина. Война началась очень счастливо: болѣе 20 городовъ сдалось Шеину. Шеинъ осадилъ Смоленскъ, который послѣ 8-мѣсячной осады готовъ уже былъ ему сдаться, но въ это время пришелъ на помощь Смоленску Владиславъ, избранный польскимъ королемъ. По-

ложеніе дѣлъ измѣнилось. Многіе служилые люди изъ войска Шеина уѣхали самовольно, узнавъ, что крымскіе татары по наущенію поляковъ разоряютъ ихъ помѣстья въ южныхъ областяхъ. Оставшееся русское войско стало испытывать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, начались болѣзни, иностранные офицеры отказывали Шеину въ повиновеніи, такъ что Шеинъ принужденъ былъ войти въ переговоры съ королемъ и ушелъ въ Москву, преклонивъ знамена передъ Владиславомъ и оставивъ ему весь обозъ и артиллерію. По возвращеніи въ Москву Шеинъ по проискамъ враждебныхъ ему бояръ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ; другіе воеводы были тоже одни казнены, другіе сосланы. Владиславъ вслѣдъ за Шеиномъ пошелъ въ русскіе предѣлы, но, потерпѣвъ сильную неудачу при осадѣ крѣпости Бѣлой и получивъ извѣстія о враждебныхъ замыслахъ Турціи противъ Польши, поспѣшилъ предложить царю Михаилу миръ, который и былъ заключенъ на рѣкѣ Поляновкѣ близъ Вязьмы (1634 г.). По этому миру снова были утверждены за Польшей Смоленскъ и сѣверская земля и заплачено Владиславу 20,000 рублей, но зато Владиславъ отказался отъ московскаго престола и призналъ царскій титулъ Михаила. Такъ какъ бывшій царь Василій Шуйскій, его жена и братъ умерли въ Польшѣ и были тамъ погребены, то по этому миру поляки согласились на перенесеніе ихъ праха въ Москву, причемъ тѣло царя Шуйскаго было погребено въ Архангельскомъ соборѣ среди другихъ русскихъ государей.

Взятіе Азова донскими казаками. Отношенія къ Турціи въ царствованіе Михаила были враждебныя. Причинами этой вражды были нападенія донскихъ казаковъ на турецкія владѣнія, расположенныя по берегамъ Чернаго моря, и нападенія крымцевъ на московскую украйну, вслѣдствіе чего султанъ жаловался въ Москву на казаковъ, а московское правительство султану на татаръ. Въ концѣ царствованія Михаила донскіе казаки взяли Азовъ, турецкую крѣпость при устьѣ Дона, и мужественно отразили 24 приступа 200,000 турецко-татарскаго войска, присланнаго на помощь Азову. Хотя турки послѣ этого и ушли изъ-подъ Азова, но казаки сознавали, что въ случаѣ новаго нападенія турокъ они не будутъ въ состояніи отстоять Азовъ, такъ какъ ихъ было всего нѣсколько тысячъ, почему и просили царя Михаила принять Азовъ подъ свою высокую руку и прислать имъ войско на помощь. Пріобрѣтеніе Азова было очень важно для московскаго государства, но въ такомъ случаѣ пришлось бы воевать съ очень сильной въ то

время Турціей, а потому царь для рѣшенія этого вопроса созвалъ земскій соборъ (1642 г.).

Выборные люди должны были отвѣтить на слѣдующіе вопросы: „принимать ли Азовъ у донскихъ казаковъ и если принимать, то гдѣ взять деньги и всякіе запасы для войны съ Турціей, которая, конечно, безъ войны Азова не отдастъ?" Выборные люди подали на предложенные вопросы письменные отвѣты, которые хорошо изображаютъ намъ тогдашнее разстроенное состояніе земли съ указаніемъ причинъ этого разстройства. „Духовенство отвѣчало, что оно радо помогать войску деньгами, сколько силы станетъ. Дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали, что они служить рады, что Азовъ надобно принять, а для сбора денегъ пусть государь укажетъ выбрать изъ всякихъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три и сдѣлать при сборѣ денегъ разницу между богатыми и бѣдными; если же вдругъ понадобятся деньги, то взять патріаршую казну, у архіереевъ и въ монастыряхъ домовую казну; съ купцовъ и черныхъ людей, съ ихъ торговъ, промысловъ и прожитковъ взять денегъ въ казну, сколько государю Богъ извѣститъ; пусть государь велитъ приказныхъ своихъ людей счесть по приходнымъ книгамъ, чтобъ государева казна безъ вѣдома не терялась; при этомъ дворяне и дѣти боярскіе, указывая на свою бѣдность, говорили, что дьяки и подъячіе, получая денежное жалованье, имѣя помѣстья и вотчины, обогатѣвши отъ взятокъ, покупили много вотчинъ и построили себѣ дома каменные такіе, какихъ прежде и у великородныхъ людей не бывало; наконецъ дворяне и дѣти боярскіе жаловались, что пуще турецкихъ и крымскихъ басурмановъ разорены они московскими неправедными судами. Купцы сказали, что они разорились отъ службъ, отъ послѣдней польской войны, когда съ нихъ брали много денегъ, отъ иноземцевъ, нѣмцевъ и персіянъ, которые отняли у нихъ торги, и отъ воеводъ, которые ихъ грабятъ; въ заключеніе купцы сказали, что рады служить своими головами, за царское здоровье и за православную вѣру помереть. Выборные изъ тяглыхъ людей говорили, что они оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ поставки людей, отъ подводъ, отъ великихъ податей и отъ разныхъ службъ въ цѣловальникахъ, и потому многіе изъ нихъ изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои покидали».

Такимъ образомъ хотя всѣ выборные люди и выражали полную готовность жертвовать по мѣрѣ силъ на военныя издержки, но изъ ихъ отвѣтовъ видно было разстроенное состояніе земли и недостатокъ средствъ для войны съ Турціей. Кромѣ того люди, посланные царемъ осмотрѣть Азовъ, донесли, что укрѣпленія Азова всѣ уничтожены и потому трудно будетъ его защищать. Вслѣдствіе всего этого Михаилъ велѣлъ казакамъ оставить Азовъ, а султану послалъ сказать, что воры казаки взяли Азовъ самовольно безъ царскаго приказанія, что онъ имъ не помогалъ, впередъ помогать и защищать ихъ вовсе не намѣренъ и ссориться съ султаномъ изъ-за нихъ не хочетъ.

Сношенія съ иностранцами. При Михаилѣ усилились сношенія съ Западомъ. Хотя русскіе люди попрежнему подозрительно относились къ з. европейцамъ, какъ иновѣрцамъ, но не могли не признать ихъ преимущества въ образованіи и необходимости заимствовать у нихъ знанія, вслѣдствіе чего продолжали вызывать иностранцевъ въ Москву. Кромѣ выписанныхъ изъ-за границы офицеровъ и солдатъ для улучшенія ратнаго дѣла въ Москвѣ, было вызвано много мастеровъ и фабрикантовъ, которымъ давали большія льготы и которые должны были русскихъ людей обучать своему мастерству. Изъ такихъ иностранцевъ замѣчательны—голландскій купецъ Виніусъ, устроившій близъ Тулы заводъ для выдѣлки чугунныхъ и желѣзныхъ вещей, и нѣмецъ Марселисъ, устроившій заводы по рѣкамъ Костромѣ и Шекснѣ. Въ царствованіе Михаила проѣзжалъ черезъ Москву голштинскій ученый Адамъ Олеарій, возвращавшійся изъ Персіи въ Германію. Михаилъ предлагалъ Олеарію остаться въ Москвѣ и писалъ ему: „вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ, и небеснаго бѣгу и землемѣрій и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ; а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ". Олеарій однако не согласился остаться; потомъ онъ написалъ сочиненіе о нравахъ и о обычаяхъ московскаго государства. Царь Михаилъ былъ въ сношеніяхъ и со многими европейскими государями; такъ Густавъ Адольфъ, король шведскій, просилъ у Михаила союза противъ Польши и Германіи, англійскій король Іаковъ I далъ Михаилу взаймы 20,000 рублей для войны съ Владиславомъ; посолъ французскаго короля Людовика XIII пріѣзжалъ въ Москву предложить союзъ съ Франціей. Въ основѣ этихъ сношеній съ Москвой лежали корыстныя побужденія з. европейцевъ, такъ, напр., англичане и французы добивались позволенія для своихъ купцовъ ѣздить въ Персію черезъ русскую землю, чего однако не получили. Дружественныя сношенія были съ Персіей, и шахъ прислалъ Михаилу по его просьбѣ серебра на 7,000 рублей.

Семейныя дѣла. Въ 1616 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ задумалъ жениться и выбралъ себѣ изъ собранныхъ въ Москву дворянскихъ и боярскихъ дочерей невѣсту Марію Хлопову, но бракъ съ ней не состоялся. До пріѣзда Филарета сильное вліяніе при дворѣ имѣли два брата Салтыковыхъ, родственники Михаила по матери. Салтыковы были люди корыстолюбивые, старавшіеся обогатить себя и свою родню и не допускавшіе приближенія къ государю другихъ

бояръ. Отецъ и дядя Хлоповой, занявшіе мѣста при дворѣ послѣ того, какъ Марія была наречена царской невѣстой, не поладили съ Салтыковыми, вслѣдствіе чего послѣдніе распустили клевету, что Марія больна неизлѣчимою болѣзнію, а ея родные скрыли это отъ царя. Тогда состоялся боярскій приговоръ, по которому Хлопову съ ея родными сослали въ Тобольскъ. Филаретъ, по возвращеніи изъ плѣна, разслѣдовалъ снова это дѣло, обнаружилъ происки Салтыковыхъ и сослалъ ихъ, а Хлоповыхъ возвратилъ изъ ссылки. Михаилъ женился на Евдокіи Стрѣшневой, отъ которой имѣлъ сына Алексѣя и 3 дочерей. Въ самомъ концѣ своего царствованія Михаилъ вызвалъ въ Москву датскаго принца Вольдемара, за котораго хотѣлъ выдать старшую дочь свою Ирину. Этотъ бракъ однако не состоялся, такъ какъ принцъ не хотѣлъ принимать православія; когда же принцъ хотѣлъ уѣхать обратно въ Данію, то его силою удержали въ Москвѣ, такъ что онъ уѣхалъ уже послѣ смерти Михаила, по вступленіи на престолъ Алексѣя. Умирая, Михаилъ благословилъ на царство 16-лѣтняго сына Алексѣя, поручивъ заботиться о немъ воспитателю его боярину Морозову.

Алексѣй Михайловичъ (1645—1676 г.).

Правленіе Морозова и внутреннія смуты. *Алексѣй Михайловичъ* по характеру своему походилъ на отца и за свою доброту, мягкость, способность сильно привязываться къ окружавшимъ его лицамъ получилъ названіе „тишайшаго“. Воспитатель Алексѣя Морозовъ оставался руководителемъ его и въ первые годы царствованія. Умный и образованный Морозовъ не отличался однако высокими нравственными качествами и злоупотреблялъ неограниченнымъ къ нему довѣріемъ государя для удовлетворенія своихъ личныхъ выгодъ. Когда молодой царь женился на дочери стольника Милославскаго Марьѣ Ильинишнѣ, то Морозовъ женился на другой дочери Милославскаго, чтобъ, породнившись съ царемъ, еще болѣе усилить свое значеніе. Пользуясь покровительствомъ Морозова, Милославскій, самъ человѣкъ корыстолюбивый, сталъ раздавать выгодныя мѣста своимъ родственникамъ, которые сильно притѣсняли народъ своими лихоимствомъ и неправеднымъ судомъ. Изъ нихъ особенное неудовольствіе противъ себя возбудили въ Москвѣ окольничіе Плещеевъ и Траханіотовъ и думный дьякъ Чистый. Неудовольствіе народа усилилось еще вслѣдствіе того, что были введены новые налоги и пошлины для увеличенія госу-

дарственныхъ доходовъ, причемъ наибольшій ропотъ возбуждала пошлина на соль. Кромѣ того народъ негодовалъ, что табакъ, за употребленіе котораго при Михаилѣ рѣзали носы, сталъ теперь открыто продаваться и право его продажи принадлежало только казнѣ, что̀ давало народу поводъ подозрѣвать Морозова въ пристрастіи къ иностраннымъ обычаямъ. Недовольный всѣмъ этимъ народъ въ Москвѣ неоднократно подавалъ жалобы царю, но такъ какъ бояре, окружавшіе царя, не давали этимъ жалобамъ хода, то народъ поднялъ открытый мятежъ (1648 г.). Дядя царя Никита Ивановичъ Романовъ, любимый народомъ за доброту и справедливость, выѣхалъ къ мятежникамъ на площадь и уговорилъ ихъ успокоиться и разойтись, обѣщая отъ имени царя уволить отъ должности и наказать всѣхъ чиновниковъ, виновныхъ въ притѣсненіи народа, и облегчить подати. Во время этого мятежа погибли особенно нелюбимые народомъ Плещеевъ, Траханіотовъ и Чистый; мятежники требовали также смертной казни Морозова, но царь тайно услалъ его въ Кириллобѣлозерскій монастырь. Впослѣдствіи Морозовъ былъ возвращенъ въ Москву, но уже болѣе не вмѣшивался въ управленіе государствомъ, хотя и былъ попрежнему самымъ близкимъ лицомъ къ государю. Кромѣ Москвы мятежи произошли и въ другихъ городахъ; такъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ народъ возсталъ противъ лихоимства сборщиковъ податей и приказныхъ; сильное волненіе было также въ Новгородѣ и Псковѣ. По столбовскому миру къ Швеціи отошли нѣкоторыя русскія земли, жители которыхъ, не желая быть въ подданствѣ Швеціи, постоянно перебѣгали въ московскіе предѣлы, вслѣдствіе чего царь Алексѣй долженъ былъ заплатить за нихъ Швеціи деньги. Когда въ счетъ этихъ денегъ велѣно было послать въ Швецію хлѣбъ изъ казенныхъ псковскихъ житницъ, то во Псковѣ, а затѣмъ и въ Новгородѣ поднялся мятежъ; стали обвинять Морозова, что онъ измѣнникъ и хочетъ всю казну и хлѣбъ изъ русскаго государства отослать въ Швецію; сюда же присоединилось и неудовольствіе на воеводъ. Новгородскій митрополитъ Никонъ пытался успокоить волненіе, но былъ жестоко избитъ мятежниками. Мятежъ прекратился только съ прибытіемъ изъ Москвы войска, причемъ главные зачинщики были казнены.

Соборное Уложеніе 1649 г. Народныя волненія и жалобы на лихоимство и неправосудіе воеводъ и приказныхъ людей побудили царя подумать объ изданіи новаго, болѣе полнаго свода законовъ, „чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ боль-

шаго до меньшаго чину, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровны". Въ собранной по этому поводу боярской думѣ съ участіемъ патріарха и высшаго духовенства было рѣшено поручить особой коммиссіи, состоявшей изъ 3 бояръ и 2 дьяковъ, выписать нужныя статьи изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ византійскихъ законовъ и литовскаго статута, а также собрать указы прежнихъ русскихъ государей и боярскіе приговоры и свѣрить ихъ со старыми судебниками, причемъ на какіе случаи прежнихъ указовъ нѣтъ, то написать вновь по общему совѣту. Въ то же время были созваны въ Москву на земскій соборъ выборные люди, съ которыми должны были совѣщаться составители новаго свода законовъ; каждая статья новыхъ законовъ утверждалась окончательно только послѣ совѣщанія съ выборными людьми. Этотъ новый сводъ законовъ получилъ названіе „Соборнаго Уложенія" и подлинный его списокъ былъ подписанъ 315 членами земскаго собора, „чтобы то все уложеніе впредь было прочно и неподложно"; свитокъ, на которомъ онъ былъ написанъ, былъ длиною въ 434 аршина. Все Уложеніе раздѣляется на 25 главъ, а каждая глава подраздѣляется еще на нѣсколько статей. Вотъ нѣкоторыя постановленія Соборнаго Уложенія: За богохульство назначалась смертная казнь чрезъ сожженіе. За преступленіе противъ государя и его власти назначалась смертная казнь; всякій, кто зналъ или слышалъ о какомъ-либо зломъ умыслѣ противъ государя или объ оскорбительномъ для государевой чести словѣ, долженъ былъ объ этомъ донести („слово и дѣло"), иначе самъ подвергался строгому наказанію. За дѣланіе фальшивыхъ денегъ заливали горло расплавленнымъ металломъ. За неправедный судъ и взяточничество назначались строгія наказанія. Крестьяне окончательно прикрѣплялись къ землѣ, такъ какъ отмѣнялся срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ и помѣщикъ могъ всегда отыскивать бѣжавшаго крестьянина и возвращать на свою землю. Сыну и дочери полагалась смертная казнь за убійство отца или матери; отца и мать за убійство сына или дочери наказывали годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Жену за убійство или отраву мужа закапывали живую въ землю по шею и держали ее такъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ. Держать у себя табакъ и продавать его строго воспрещалось подъ страхомъ наказанія какъ русскимъ людямъ, такъ и иноземцамъ.

Мятежъ въ Москвѣ вслѣдствіе денежнаго затрудненія. Такъ какъ московскіе купцы не переставали жаловаться со временъ

Михаила, что англичане, торгуя безпошлинно внутри московскаго государства, совершенно подрываютъ ихъ торговлю, то царь Алексѣй запретилъ англичанамъ торговать внутри государства, и англійскіе купцы были высланы; съ этого времени они могли торговать только въ Архангельскѣ, и то съ уплатой пошлины (1649 г.). Вслѣдствіе запрещенія англійской торговли сталъ скоро замѣтенъ недостатокъ въ серебряной монетѣ, такъ какъ своего серебра въ Москвѣ было еще очень мало, и оно шло къ намъ главнымъ образомъ изъ-за границы. Серебромъ платили иноземные купцы за русскіе товары, пошлина съ товаровъ собиралась серебромъ, наконецъ привозили серебро въ слиткахъ, и изъ этого серебра чеканились русскія монеты. Въ 1656 г. во время войны съ Польшей не стало денегъ въ казнѣ на жалованье ратнымъ людямъ, и тогда царь велѣлъ пустить въ оборотъ мѣдныя деньги (копѣйки), которыя должны были ходить по одной цѣнѣ съ серебряными. Сначала мѣдныя копѣйки дѣйствительно ходили наравнѣ съ серебряными, но когда количество ихъ сильно увеличилось, а серебряныхъ денегъ становилось все менѣе и менѣе, такъ какъ онѣ припрятывались болѣе осторожными людьми, и кромѣ того явились въ ходу фальшивыя деньги, то цѣна мѣдныхъ копѣекъ стала быстро падать: за серебряный рубль давали 15 мѣдныхъ рублей. Вслѣдствіе этого сильно поднялась цѣна на всѣ необходимые предметы и жизненные припасы, причемъ особенно страдали служилые люди и рабочіе, получавшіе жалованье мѣдной монетой по ея нарицательной цѣнѣ. Начался въ народѣ ропотъ, который въ 1662 г. перешелъ въ открытое народное возмущеніе въ Москвѣ; народъ требовалъ у царя выдачи Милославскихъ и окольничаго Ртищева, считая ихъ виновниками бѣдствій, такъ какъ по совѣту Ртищева мѣдныя копѣйки были пущены въ оборотъ, а Милославскіе, завѣдуя монетнымъ дѣломъ, припрятывали серебро. Мятежъ былъ усмиренъ и вскорѣ затѣмъ мѣдныя копѣйки были отмѣнены и выпущены снова серебряныя.

Бунтъ Стеньки Разина. Донскіе казаки, разорявшіе московское государство въ смутное время и считавшіе себя вполнѣ независимыми, признали надъ собою власть Москвы при царѣ Михаилѣ и, присягнувъ ему, обѣщали отказаться отъ разбоевъ и нападенія на сосѣдей. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича донскіе казаки произвели однако новое страшное возмущеніе противъ московскаго государства. Въ XVII в. донскіе казаки раздѣлялись на домовитыхъ (зажиточныхъ и семейныхъ), которые были вѣрны

московскому правительству, и голутвенныхъ (голытьба, разнаго рода скитальцы и бѣглецы изъ государства), желавшихъ считаться вполнѣ вольными и готовыхъ во всякое время къ мятежу для „добыванія себѣ зипуновъ“. Число этихъ голутвенныхъ казаковъ сильно возросло во второй половинѣ XVII в., такъ какъ на Донъ бѣжали холопы, крестьяне, окончательно закрѣпощенные Соборнымъ Уложеніемъ, торговые и посадскіе люди, обремененные большими повинностями и страдавшіе отъ злоупотребленія воеводъ и ихъ приказныхъ людей. Хотя правительство и посылало воинскіе отряды ловить этихъ бѣглецовъ, но послѣдніе, достигнувъ Дона, становились уже вольными и донскіе казаки ихъ не выдавали. Эти бѣглецы таили въ душѣ глубокую ненависть противъ своихъ притѣснителей—помѣщиковъ, воеводъ, приказныхъ людей и готовы были по первому призыву идти разорять государство и мстить прежнимъ притѣснителямъ. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. во главѣ всей голытьбы, которой было много не только на Дону, но и по низовьямъ Волги и Яика (Урала), сталъ донской казакъ Стенька (Степанъ) Разинъ.

„Стенька обладалъ значительною физическою силою, ловко владѣлъ оружіемъ, былъ храбръ. Суровый и сосредоточенный, онъ нерѣдко предавался самому необузданному пьянству и разврату. Врагъ всего, что стояло выше его, онъ былъ неразборчивъ на средства при стремленіи къ разъ предположенной цѣли, былъ строгъ, даже жестокъ до изувѣрства. Во взорѣ и голосѣ его было столько повелительнаго, что всѣ, которые сближались съ нимъ, невольно становились исполнителями его воли; его даже считали чародѣемъ, застрахованнымъ и отъ пули, и отъ холоднаго оружія“.

Старшій братъ Разина, атаманъ казацкаго отряда, участвовавшій въ походѣ на Польшу, былъ казненъ московскимъ воеводой за попытку самовольно вернуться на Донъ; желаніе отомстить за брата, говорятъ, и побудило Разина стать во главѣ голытьбы. Домовитые казаки съ атаманомъ Яковлевымъ не сочувствовали планамъ Разина и его голытьбы и заставили Разина удалиться съ Дона. Тогда Разинъ съ небольшимъ отрядомъ голутвенныхъ казаковъ на нѣсколькихъ стругахъ поплылъ вверхъ по Дону и затѣмъ по Волгѣ, гдѣ онъ ограбилъ караванъ казенныхъ судовъ, причемъ рабочіе и стрѣльцы, охранявшіе суда, соединились съ нимъ. Пробравшись на Яикъ, Разинъ пополнилъ здѣсь свой отрядъ многими воровскими казаками, разбилъ высланное противъ него изъ Астрахани войско и весною 1668 г. поплылъ въ Каспійское море. Разграбивъ на морѣ много персидскихъ судовъ, опустошивъ прибрежные

персидскіе села и города и разбивъ высланный противъ него шахомъ довольно сильный флотъ, Разинъ лѣтомъ 1669 г. съ большой добычей возвратился въ устье Волги, предшествуемый громкой молвой объ его успѣхахъ. Астраханскіе воеводы вмѣсто битвы предложили Разину отъ имени царя полное прощеніе съ условіемъ отдать пушки, струги, плѣнныхъ персовъ и отпустить приставшихъ къ нему служилыхъ людей.

„Государство при слабости своей, говоритъ Соловьевъ, смотрѣло не такъ строго на дѣйствія казаковъ, если они обращались только противъ чужихъ странъ: при слабости государства считалось нужнымъ давать выходъ этимъ безпокойнымъ силамъ, такъ какъ примѣръ Польши и казаковъ малороссійскихъ научилъ, какъ опасно было удерживать у себя эти силы въ далекихъ украйнахъ. Ea устьяхъ Волги воеводы не имѣли достаточно войска и потому не могли надѣяться на вѣрный успѣхъ въ борьбѣ съ казаками, доведенными до крайности, и притомъ боялись сочувствія къ казакамъ въ своихъ ратныхъ людяхъ, въ стрѣльцахъ и въ остальномъ народонаселеніи, особенно въ низшихъ слояхъ его. Чѣмъ необразованнѣе общество, тѣмъ сильнѣе въ его членахъ стремленіе обнаруживать, употреблять физическую силу, тѣмъ сильнѣе въ нихъ стремленіе какъ можно меньше трудиться, а жить на счетъ чужого труда. Подобная жизнь пріобрѣтаетъ для нихъ особенную прелесть, особый почетъ; отсюда у варварскихъ народовъ презрѣніе къ труду, который предоставляется рабамъ и женщинамъ, и почетъ исключительный войнѣ, которая у варваровъ значитъ одно и то же, что хищничество. Какъ въ русскомъ украинскомъ народонаселеніи сильно было сочувствіе къ казацкому житью-бытью, къ казацкимъ подвигамъ, видно изъ того, что когда купцы изъ украинскихъ городовъ пріѣзжали на Донъ къ казакамъ для торговли и узнавали, что казаки собираются на море громить турецкіе берега и корабли, то присоединялись къ нимъ. Тѣмъ больше сочувствія къ казакамъ было у холоповъ и крестьянъ, которыхъ казачество прельщало вольностью“.

Разинъ согласился на предложеніе воеводъ и расположился станомъ подъ Астраханью. Въ теченіе 10 дней Разинъ и его казаки, одѣтые въ богатыя одежды, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, посѣщали Астрахань и продавали купцамъ за безцѣнокъ награбленную у персовъ добычу, причемъ Разинъ щедро раздавалъ деньги бѣдному народу. Это пребываніе подъ Астраханью сильно увеличило среди народа обаяніе Разина, какъ удалого предводителя, ласковаго и щедраго къ бѣдному люду. Когда Разинъ послѣ этого вернулся на Донъ, то голытьба, уже много слышавшая объ удаломъ атаманѣ, пошла къ нему отовсюду; приходили къ нему даже изъ малороссійской украйны и Запорожской Сѣчи. Стоя во главѣ многочисленной голытьбы, онъ уже не боялся домовитыхъ казаковъ, властно распоряжался на Дону и громко

заявлялъ, что пришло время идти противъ бояръ. Въ маѣ 1670 г. Разинъ со всей своей голытьбой явился на Волгѣ и легко взялъ города Царицынъ и Астрахань, такъ какъ чернь и стрѣльцы безъ всякаго сопротивленія переходили на его сторону; воеводы и лучшіе люди, остававшіеся вѣрными царю, были всѣ перебиты, и въ обоихъ городахъ введено казацкое устройство. Изъ Астрахани, гдѣ былъ оставленъ атаманомъ Васька Усъ, Разинъ поплылъ вверхъ по Волгѣ и занялъ Саратовъ и Самару, устроивъ ихъ такъ же, какъ Астрахань. Между тѣмъ посланцы Разина волновали народъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, проникали до Новгорода и Москвы, распространяя воззванія Стеньки, въ которыхъ онъ говорилъ, „что идетъ истреблять бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренять всякое чиноначаліе и власть, установить во всей Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ". Мятежъ быстро усиливался; крестьяне возставали противъ помѣщиковъ, чернь въ городахъ возставала противъ лучшихъ людей, поднимались также инородцы—черемисы, мордва, татары. Полчища Разина продолжали увеличиваться. Въ сентябрѣ Разинъ пошелъ къ Симбирску, но взять его не могъ, такъ какъ городъ былъ хорошо укрѣпленъ, и воевода Милославскій храбро защищалъ его въ теченіе мѣсяца. На защиту Симбирска между тѣмъ пришелъ князь Барятинскій съ войскомъ, правильно устроеннымъ и обученнымъ иностранными офицерами, и далъ сраженіе Разину. Послѣ упорнаго боя нестройныя полчища Разина были разбиты наголову; самъ онъ, до сихъ поръ считавшійся неуязвимымъ для пуль и мечей, былъ раненъ, и это пораженіе имѣло для него рѣшающее значеніе. Ночью Разинъ тайкомъ бѣжалъ съ одними казаками внизъ по Волгѣ, покинувъ приставшую къ нему чернь, которая на другой день была разбита Барятинскимъ, и нѣсколько сотъ захваченныхъ въ плѣнъ были повѣшены. Разинъ, впервые потерпѣвшій неудачу и предательски покинувшій въ трудную минуту своихъ прежнихъ союзниковъ—холоповъ и крестьянъ, возлагавшихъ на него большія надежды, сразу потерялъ въ ихъ глазахъ производимое имъ обаяніе. Слѣдствіемъ симбирской побѣды было то, что немедленно жители подгородныхъ селъ и слободъ явились къ воеводѣ съ повинной. Мятежныя шайки казаковъ, крестьянъ, инородцевъ, продолжавшія еще свирѣпствовать между Окой и Волгой, были вездѣ разбиваемы московскими воеводами, и волненіе понемногу стало утихать. Жители городовъ и селъ приносили повинную и выдавали воеводамъ главныхъ за-

чинщиковъ. Между тѣмъ города Саратовъ и Самара уже не пустили къ себѣ Разина, бѣжавшаго изъ-подъ Симбирска. Разинъ, вылѣчившись въ Царицынѣ отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ, прибылъ на Донъ и думалъ-было поднять всѣхъ казаковъ, но не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ голутвенные казаки уже раньше пошли за нимъ съ Дона и частію погибли, частію разбѣжались, а домовитые оставались глухи къ его воззванію, боясь въ случаѣ неудачи возстанія навлечь на себя гнѣвъ сильнаго московскаго правительства. Недолго пробылъ Разинъ на Дону: атаманъ Яковлевъ съ домовитыми казаками въ апрѣлѣ 1671 г. схватилъ его и скованнаго отвезъ въ Москву, гдѣ Разина и казнили послѣ страшныхъ пытокъ. Въ отдаленной Астрахани еще нѣкоторое время продолжался мятежъ, во время котораго погибъ смертью мученика астраханскій митрополитъ, не перестававшій уговаривать жителей, чтобы они прогнали отъ себя Ваську Уса съ казаками и повинились царю. Въ ноябрѣ подошли царскія войска и усмирили Астрахань, предавъ казни главныхъ мятежниковъ. Такимъ образомъ московское государство восторжествовало надъ казаками, мятежъ которыхъ, равно какъ и другіе мятежи въ царствованіе Алексѣя были остатками предшествовавшаго смутнаго времени.

Память о Разинѣ до сихъ поръ жива въ чудесныхъ разсказахъ, гдѣ онъ представляется волшебникомъ, которому не могли вредить ружья и пушки и который легко освобождался отъ оковъ и тюремъ своимъ чародѣйствомъ, а народныя пѣсни называютъ Разина и его товарищей не ворами и разбойниками, а удальцами добрыми молодцами, и на ихъ разбой и грабительства смотрятъ какъ на подвиги и удальство.

Патріархъ Никонъ. Никонъ, въ міру Никита, сынъ крестьянина Нижегородской области, родился въ 1605 г. Рано лишившись матери, Никита въ дѣтствѣ много терпѣлъ гоненій отъ мачихи. Необыкновенно способный мальчикъ легко выучился грамотѣ, и чтеніе книгъ религіознаго содержанія побудило 12-лѣтняго Никиту уйти въ монастырь на искусъ, гдѣ онъ удивлялъ братію силою своей воли въ соблюденіи всѣхъ правилъ монастырской жизни. По просьбѣ родственниковъ, Никита однако вышелъ изъ монастыря, женился и на 20 году сдѣлался сельскимъ священникомъ, но вскорѣ перешелъ въ Москву, вызванный туда за его достоинства московскими купцами. Пробывъ 10 лѣтъ священникомъ и потерявъ родившихся у него дѣтей, онъ уговорилъ жену уйти въ монастырь и самъ постригся подъ именемъ Никона въ Анзерскомъ скиту на Бѣломъ морѣ; отсюда онъ перешелъ въ Кожеозерскую обитель и

вскорѣ сдѣлался ея игуменомъ. По дѣламъ своей обители Никонъ поѣхалъ въ Москву и здѣсь, согласно обычаю, представился государю. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на царя Алексѣя и по желанію царя былъ назначенъ архимандритомъ московскаго Новоспасскаго монастыря. Разъ въ недѣлю Никонъ, по желанію царя, сталъ приходить во дворецъ для духовной бесѣды съ нимъ и при этомъ являлся ходатаемъ (печаловался) за разныхъ обиженныхъ. Съ каждымъ днемъ царь все болѣе и болѣе привязывался къ Никону и во всемъ довѣрялъ ему. Въ 1648 г. царь велѣлъ поставить Никона новгородскимъ митрополитомъ, который занималъ первое мѣсто среди духовныхъ лицъ послѣ патріарха. Во время усмиренія новгородскаго мятежа Никонъ подвергся тяжкимъ побоямъ, и выказанныя имъ при этомъ твердость и самоотверженіе еще больше расположили къ нему царя, который въ своихъ письмахъ называлъ его „крѣпкостоятельнымъ пастыремъ и своимъ возлюбленникомъ". Изъ этихъ писемъ между прочимъ видно, что бояре, окружавшіе государя, были уже въ это время недовольны вліяніемъ Никона на Алексѣя Михайловича, видно также, что и Никонъ не старался расположить ихъ къ себѣ кротостью и благодушіемъ. Будучи новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ обратилъ вниманіе на разныя погрѣшности въ церковной службѣ; такъ, напр., въ церквахъ, для сокращенія службы церковной, совершали богослуженіе разомъ въ нѣсколько голосовъ (одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій говорилъ эктеніи и т. д.), церковное пѣніе было очень нестройное; Никонъ запретилъ многогласіе и завелъ благозвучное пѣніе въ новгородскихъ церквахъ, а царь пожелалъ, чтобы это было введено и во всѣхъ церквахъ московскаго государства. Это были первыя церковныя нововведенія Никона, вызвавшія неудовольствіе въ защитникахъ старины. Уже въ Новгородѣ Никонъ стремился къ возвышенію своей духовной власти и успѣлъ получить отъ царя несудимую грамату, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ подчинялись только его суду и были независимы отъ монастырскаго приказа, вѣдавшаго многія церковныя дѣла.

Въ 1652 г. послѣ смерти патріарха Іосифа царь предложилъ патріаршій престолъ Никону, но Никонъ согласился принять его только тогда, когда въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царя всѣ находившіеся тамъ бояре и народъ дали ему клятву, что будутъ почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ и дадутъ ему устроить церковь. Въ первыя 5 лѣтъ своего па-

тріаршества Никонъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ царя, принималъ участіе въ рѣшеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ и во время отсутствія царя Алексѣя изъ Москвы, по случаю польской войны, управлялъ государствомъ. Въ это же время Никонъ сумѣлъ уберечь царское семейство отъ бывшей тогда моровой язвы, за что царь по возвращеніи почтилъ его титуломъ „великаго государя“ и называлъ своимъ особеннымъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Такимъ образомъ было два великихъ государя, какъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но Филаретъ назывался великимъ государемъ, какъ отецъ царя, между тѣмъ какъ Никонъ назывался великимъ государемъ, какъ патріархъ, вслѣдствіе чего власть патріарха какъ бы равнялась власти царской. Получивъ отъ царя на содержаніе своего двора много земель съ крестьянами, Никонъ окружилъ себя царскою пышностью и великолѣпіемъ. Праздничныя патріаршія богослуженія въ Москвѣ были при немъ обставлены особенно торжественно, причемъ облаченія Никона блистали золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными каменьями. Онъ выстроилъ три новыхъ монастыря и много потратилъ средствъ на ихъ украшеніе. Будучи чрезвычайно властолюбивымъ, Никонъ злоупотреблялъ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которымъ пользовался благодаря любви къ нему Алексѣя Михайловича, и старался при всякомъ случаѣ показать свою власть. Требуя отъ всѣхъ полнаго подчиненія его волѣ, поступая рѣшительно и круто, онъ естественно долженъ былъ столкнуться и вооружить противъ себя многихъ бояръ, которые по своей близости къ царю тоже могли бы имѣть вліяніе на дѣла, какъ, напр., родственники царя Стрѣшневы и Милославскіе. Онъ вооружилъ противъ себя нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ бояръ и тѣмъ, что возставалъ противъ всякаго сближенія съ западомъ, напр., отнималъ у нихъ привезенные изъ-за границы картины и органы и жегъ ихъ, требуя такимъ образомъ, чтобы они уже и въ своихъ чисто мірскихъ дѣлахъ поступали по его желанію. Такимъ образомъ бояре враждовали съ Никономъ съ первыхъ же лѣтъ его патріаршества, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, пользуясь довѣріемъ царя.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и расколъ въ русской церкви. Во время своего патріаршества Никонъ много занимался церковнымъ устройствомъ; такъ, напр., отъ требовалъ отъ священниковъ, чтобы они вели жизнь трезвую, приличную своему сану, точно исполняли требы и читали въ церкви поученія народу; тѣхъ же, которые вели порочную жизнь и небрежно исполняли свои

обязанности, Никонъ не только лишалъ мѣстъ, но даже сурово наказывалъ. Весьма важнымъ дѣломъ его патріаршества было исправленіе богослужебныхъ книгъ. Въ богослужебныя книги въ XV и XVI в. благодаря невѣжественнымъ переписчикамъ вкрались многія ошибки, касавшіяся внѣшней, обрядовой стороны вѣры, напр., что надо читать Ісусъ вмѣсто Іисусъ, молиться двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, служить обѣдню на 7 просфорахъ, считать противнымъ вѣрѣ бритье бородъ и усовъ и пр. Когда при Іоаннѣ IV начали печатать въ Москвѣ богослужебныя книги, то печатали ихъ со всѣми ошибками, безъ предварительнаго исправленія, и разсылали по городамъ, вслѣдствіе чего эти уклоненія отъ обрядовъ восточной церкви распространились по всей русской землѣ и къ нимъ всѣ привыкли, такъ что даже самъ Никонъ, будучи новгородскимъ митрополитомъ, и въ первый годъ своего патріаршества крестился двумя перстами. При царѣ Михаилѣ поручили исправить церковныя книги извѣстному троицкому архимандриту Діонисію, но онъ былъ обвиненъ невѣжественными людьми въ ереси и заточенъ. При патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, хотя книги и исправляли, но исправители были люди малообразованные и сами придерживались вышеуказанныхъ ложныхъ мнѣній, напр., внесли ученіе о двуперстномъ сложеніи и сугубой аллилуѣ въ самыя употребительныя книги, которыя были потомъ напечатаны и разосланы. Восточные патріархи и архіереи, которые часто пріѣзжали въ Москву для сбора пожертвованій на свои церкви, стали указывать Никону на эти уклоненія отъ обрядовъ восточной церкви. Никонъ по этимъ указаніямъ сличилъ напечатанныя въ Москвѣ богослужебныя книги съ древними греческими и славянскими и самъ убѣдился во многихъ ошибкахъ. Тогда на соборѣ высшихъ духовныхъ лицъ во дворцѣ въ присутствіи государя Никонъ указалъ на эти ошибки въ церковныхъ печатныхъ книгахъ и спросилъ: „слѣдовать ли новымъ русскимъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и старымъ русскимъ?“ На соборѣ (1654 г.) большинствомъ голосовъ рѣшили, что книги слѣдуетъ исправить по старымъ русскимъ и греческимъ рукописямъ, но нѣкоторыя духовныя лица, преимущественно старые исправители книгъ при Іосифѣ, самолюбіе которыхъ этимъ рѣшеніемъ было оскорблено, тутъ же на соборѣ возстали, называя предполагаемыя исправленія искаженіемъ книгъ, новшествомъ. Послѣ этого собраны были изъ монастырей славянскія рукописи и выписаны съ Аѳона и съ Востока старинныя греческія, писанныя

за 600 и 700 лѣтъ, и по этимъ рукописямъ велѣно было исправить русскія книги людямъ вполнѣ свѣдущимъ, основательно знающимъ греческій и славянскій языки, какими, напр., были монахъ кіевской академіи Епифаній Славинецкій и старецъ-монахъ грекъ Арсеній. Уже въ слѣдующемъ году былъ изданъ вновь исправленный Служебникъ, а потомъ и другія богослужебныя книги, послѣ того, какъ онѣ были разсмотрѣны на соборѣ; затѣмъ ихъ разсылали по церквамъ, а старыя велѣно было отбирать. Вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ исправлялъ церковные обряды согласно съ греческой церковью и возставалъ противъ тѣхъ иконъ, которыя были писаны не по древнимъ византійскимъ образцамъ, а въ подражаніе западно-европейскимъ, причемъ такія иконы онъ велѣлъ отбирать у тѣхъ, у кого онѣ были; тѣхъ же, которые впередъ такія иконы будутъ писать или держать у себя въ домѣ, онъ въ церкви предалъ анаѳемѣ. Восточные патріархи не только вполнѣ одобрили всѣ эти исправленія, но въ недѣлю православія антіохійскій патріархъ и нѣкоторые восточные архіереи, бывшіе тогда въ Москвѣ, торжественно объявили въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царя, бояръ, множества народа, что надобно креститься тремя перстами, и прокляли тѣхъ, кто крестится двумя. Противъ всѣхъ этихъ церковныхъ мѣръ Никона возстала часть духовенства, уже раньше недовольная имъ за его недоступность и строгость, напр., коломенскій епископъ Павелъ, Нероновъ—московскій протоіерей, юрьевецкій протопопъ Аввакумъ, священники Лазарь и Никита Пустосвятъ и дьяконъ Ѳедоръ. Они называли всѣ исправленія новшествами, нарушеніями святой старины, не понимая того, что Никонъ-то именно и хотѣлъ возвратить старину.

Враги новшествъ даже подали царю челобитную, въ которой жаловались, что „Арсеній грекъ взятъ въ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ келліи; Никонъ его, врага, свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы, благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай... зримъ въ нихъ ни едину отъ добродѣтелей; крестнаго знаменія истиннаго въ лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеви покоя ради не хотятъ“.

Очень понятно, что эти церковныя измѣненія возбуждали много толковъ и споровъ; русскіе люди долгое время жили вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, жизнь ихъ сложилась въ опредѣленныя тѣсныя рамки и всякое измѣненіе, отступленіе

отъ такой жизни считалось въ XVII в. дѣломъ грѣховнымъ: надо было жить такъ, какъ жили отцы и дѣды. Если соблюденіе извѣстнаго жизненнаго обычая считалось обязательнымъ для всякаго русскаго человѣка и измѣненіе его было уже грѣхомъ, то понятно, какъ при отсутствіи просвѣщенія русскіе люди XVII в. должны были взглянуть на перемѣны, вводимыя Никономъ въ церкви.

„Не умѣя понять, въ чемъ дѣло, говоритъ Соловьевъ, привыкши придавать внѣшности, обрядамъ великое значеніе, ужаснулись при слухѣ, что въ священную сферу церковную вводятъ новшество, велятъ молиться по новому, не такъ, какъ молились предки, не такъ какъ молились святые угодники и спаслись. Извѣстно, какое сильное вліяніе имѣютъ на воображеніе народное апокалипсическія представленія: съ мыслію о новостяхъ въ вѣрѣ, о перемѣнѣ вѣры сейчасъ же соединилась мысль о послѣднемъ времени, объ антихристовомъ пришествіи. Эти страхи тѣмъ болѣе имѣли силы, что внушались они людьми, знающими писаніе, начетчиками. Въ числѣ этихъ людей были епископъ, протопопы; наказаніе, которому подверглись эти люди за свое сопротивленіе собору, еще болѣе усилило ихъ значеніе, выставивъ ихъ мучениками за правду, еще болѣе усилило ненависть къ Никону, какъ мучителю людей праведныхъ“.

Недовольные жаловались и на то, что Никонъ уничтожилъ прежнюю общительность между патріархомъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ и окружилъ себя недоступнымъ величіемъ. Царь однако не обращалъ вниманія на эти жалобы и передавалъ ихъ Никону, который, по совѣту константинопольскаго патріарха, составителей этихъ жалобъ сослалъ и заточилъ. Волненіе, поднятое ими, однако не прекращалось, а усиливалось. Во многихъ мѣстахъ не хотѣли принимать новыхъ книгъ и креститься тремя перстами; пошли споры о сугубой и трегубой аллилуѣ, объ имени Іисусъ, объ осьмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ...

Паденіе Никона. Такимъ образомъ у Никона было много враговъ среди бояръ, духовенства, народа, а въ 1657 г. у него произошелъ разладъ и съ самимъ царемъ, когда послѣдній вернулся въ Москву изъ польскаго похода. Въ отсутствіе Алексѣя Михайловича Никонъ полновластно управлялъ государствомъ, и вотъ враждебные ему бояре стали говорить царю, что великій государь патріархъ превышаетъ свою власть, что онъ сильнѣе великаго государя царя, что царской власти уже не слыхать въ государствѣ и т. д., и этимъ поколебали прежнее неограниченное довѣріе Алексѣя Михайловича къ Никону. Царь по своему мягкому характеру и по прежнимъ отношеніямъ къ Никону не рѣшился на прямое объясненіе съ послѣднимъ, а сталъ отъ него удаляться и

избѣгать встрѣчи съ нимъ. Никонъ, замѣтивъ такую перемѣну въ отношеніяхъ царя, тоже не шелъ къ нему для объясненія и для оправданія себя, такъ какъ былъ слишкомъ гордъ и слишкомъ привыкъ къ власти, и наконецъ онъ считалъ себя обиженнымъ холодностью царя. Бояре, пользуясь такими отношеніями, старались еще болѣе вооружить царя противъ Никона. Царь пересталъ приглашать Никона во дворецъ къ обѣду въ торжественныхъ случаяхъ, не приходилъ, какъ бывало, къ обѣднѣ на патріаршее служеніе, а лѣтомъ 1658 г. произошелъ окончательный разрывъ Никона съ государемъ. Въ іюлѣ въ праздничный день царь прислалъ въ Успенскій соборъ князя Ромодановскаго сказать Никону, чтобы онъ не ждалъ царя къ обѣднѣ; при этомъ Ромодановскій объяснилъ Никону, что царь гнѣвается на него за то, что онъ называетъ себя великимъ государемъ. Когда же Никонъ возразилъ, что онъ такъ называется по желанію самого царя, то Ромодановскій на это отвѣтилъ, „что царь почтилъ его какъ отца и пастыря, но онъ не понялъ, и что теперь государь приказалъ сказать ему, чтобы онъ впредь не писался и не звался великимъ государемъ". Тогда Никонъ рѣшился торжественно въ соборѣ отречься отъ патріаршества, разсчитывая, что царь до этого не допуститъ и самъ придетъ просить его остаться патріархомъ, и такимъ образомъ они примирятся. Дѣйствительно, отслуживъ обѣдню, Никонъ снялъ съ себя патріаршее облаченіе, заявилъ громко народу, что оставляетъ патріаршество, и въ церкви же написалъ письмо царю, что удаляется отъ царскаго гнѣва по своей волѣ. Царь не пришелъ однако самъ уговаривать Никона, а прислалъ боярина сказать, что Никону не зачѣмъ оставлять патріаршество. Никонъ, надѣявшійся, что царь самъ придетъ просить его, отвѣчалъ боярину отказомъ и уѣхалъ изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. Разладъ между царемъ и Никономъ продолжался нѣсколько лѣтъ; бояре употребляли всѣ средства, чтобы помѣшать новому ихъ сближенію, да и самъ Никонъ своими поступками окончательно возбудилъ противъ себя царя. Наконецъ для рѣшенія этого дѣла царь въ 1666 г. пригласилъ въ Москву антіохійскаго и александрійскаго патріарховъ, которые на духовномъ соборѣ осудили Никона за самовольное оставленіе патріаршества, за жестокія наказанія духовныхъ лицъ, за выходки противъ царя, патріарховъ и бояръ, и приговорили его къ лишенію сана и заточенію въ монастырь. Никонъ былъ сосланъ въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь, откуда возвратилъ его уже царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ; на пути въ Москву Никонъ

умеръ и его похоронили въ Воскресенскомъ монастырѣ; восточные патріархи по просьбѣ царя Ѳеодора разрѣшили Никона отъ осужденія, возвратили ему имя патріарха и прислали прощальныя граматы.—Соборъ, осудившій Никона, тѣмъ не менѣе вполнѣ одобрилъ всѣ его церковныя исправленія и напечатанныя при немъ богослужебныя книги и предалъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, которые продолжали стоять за старыя книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ, и не принимали новыхъ книгъ, трехперстнаго крестнаго знаменія и другихъ церковныхъ исправленій Никона; такіе люди получили названіе старовѣровъ или раскольниковъ, такъ какъ они отдѣлились отъ православной церкви. Несмотря на постановленіе собора, во многихъ мѣстахъ упорно держались старыхъ книгъ, а въ Соловецкомъ монастырѣ произошло даже открытое возмущеніе; цѣлыя восемь лѣтъ отчаянно оборонялись раскольники за крѣпкими монастырскими стѣнами, и только, когда было прислано сюда сильное войско, монастырь былъ взятъ и главнѣйшіе мятежники перевѣшаны.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. Послѣ введенія уніи зап. русское православное населеніе въ Польшѣ стало подвергаться сильнымъ гоненіямъ, произошелъ цѣлый рядъ казацкихъ возстаній на защиту православной вѣры и русской народности, но всѣ эти возстанія были неудачны. Въ половинѣ XVII в. произошло новое возстаніе казаковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Хмельницкій былъ природный казакъ и получилъ образованіе сначала въ кіевскомъ братскомъ училищѣ, а потомъ въ іезуитской школѣ. Свою службу онъ началъ при дворѣ пана Потоцкаго, но, оскорбленный имъ, бѣжалъ въ Украйну и записался въ казаки. За храбрость, обнаруженную въ битвахъ съ турками, за умъ и образованіе онъ скоро получилъ важное званіе генеральнаго писаря. Жестоко оскорбленный однимъ польскимъ подстаростой, который отнялъ у него силою отцовскій хуторъ, увезъ жену и засѣкъ до смерти маленькаго сына, Хмельницкій напрасно искалъ правосудія въ польскомъ сенатѣ и у короля Владислава. Тогда онъ рѣшился самъ отомстить полякамъ за причиненное ему насиліе. Прежде всего (это было въ 1646 г.) онъ сталъ возбуждать народъ и казаковъ въ Украйнѣ къ возстанію противъ Польши за поруганіе православной вѣры и русской народности, нашелъ полное сочувствіе своему предпріятію и получилъ на него благословеніе отъ кіевскаго митрополита Петра Могилы. Затѣмъ онъ отправился въ Запорожье и объявилъ о своемъ намѣреніи вое-

вать съ поляками; запорожцы радостно откликнулись на его призывъ и выбрали его своимъ гетманомъ. Крымскій ханъ, убѣжденный Хмельницкимъ въ томъ, что поляки—общіе враги татаръ и казаковъ, прислалъ казакамъ вспомогательное татарское войско; кромѣ того, изъ Украйны пришло подъ знамена Хмельницкаго много казаковъ и крестьянъ. Когда польское правительство узнало о замышляемомъ возстаніи, то выслало противъ Хмельницкаго войско подъ начальствомъ короннаго гетмана Потоцкаго. Хмельницкій пошелъ къ нему на встрѣчу и разбилъ его войско наголову въ двухъ битвахъ при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ (1648 г.); самъ Потоцкій и другой подручный ему гетманъ были взяты въ плѣнъ и отданы татарамъ, которые увели ихъ въ Крымъ. Когда въ Украйнѣ разнеслась вѣсть объ этихъ побѣдахъ Хмельницкаго, то угнетенные православные крестьяне пришли въ сильное движеніе Одни уходили къ Хмельницкому, записывались въ казаки и становились въ ряды его войска, а другіе составляли на мѣстѣ вооруженные отряды (гайдамаки) и истребляли пановъ, евреевъ и ксендзовъ, подвергая въ то же время поруганію и разоренію католическіе костелы и сожигая помѣщичьи замки. Православное духовенство призывало весь з. русскій народъ къ возстанію противъ ихъ притѣснителей поляковъ. Въ это время умеръ король Владиславъ и наступившее междуцарствіе еще болѣе помогло усиленію возстанія. Войско Хмельницкаго возросло до 150,000. Возстаніе распространилось по всей З. Руси и народъ повсюду встрѣчалъ Хмельницкаго, какъ своего освободителя. Разбивъ еще разъ высланныя противъ него польскія войска, Хмельницкій проникъ въ Галицію и отсюда вступилъ въ предѣлы уже собственной Польши. Польша находилась въ большой опасности. Янъ Казиміръ, братъ Владислава, избранный въ это время польскимъ королемъ, потребовалъ, чтобы Хмельницкій прекратилъ военныя дѣйствія и отступилъ въ Украйну, куда король обѣщалъ прислать пословъ для мирныхъ переговоровъ. Хмельницкій послушался и вернулся въ Кіевъ, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ народомъ и духовенствомъ съ митрополитомъ во главѣ. Это было время наибольшей славы Хмельницкаго. Турецкій султанъ, господари молдавскій и валашскій, седмиградскій князь присылали къ нему пословъ съ предложеніемъ союза противъ Польши. Московскій царь Алексѣй поздравлялъ его съ побѣдами, а Хмельницкій совѣтовалъ царю воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши для возвращенія Смоленска. Вскорѣ пріѣхали королевскіе послы для переговоровъ

съ Хмельницкимъ и привезли ему королевскую грамату на гетманское достоинство, булаву, осыпанную драгоцѣнными каменьями, и красное знамя съ бѣлымъ орломъ. Переговоры однако не привели къ миру, такъ какъ послы обѣщали исполнить казацкія желанія только въ томъ случаѣ, если казаки отступятся отъ возставшихъ крестьянъ, которые должны воздѣлывать свои поля, а не воевать; Хмельницкій на это согласиться не могъ, такъ какъ его сила и заключалась именно въ общемъ народномъ возстаніи, и потому такъ отвѣчалъ посламъ: „Теперь уже прошло время для переговоровъ: выбью изъ польской неволи весь русскій народъ. Сперва я воевалъ за свою обиду, теперь буду воевать за вѣру православную. Мнѣ поможетъ вся чернь по Люблинъ и по Краковъ, *а я отъ нея не отступлю*". Война снова началась. Янъ Казиміръ объявилъ по всей Польшѣ посполитое рушеніе, т.-е. поголовное вооруженіе шляхетства, и самъ сталъ во главѣ войска. Хмельницкій, соединившись съ крымскимъ ханомъ, пошелъ къ королю на встрѣчу и сразился съ нимъ подъ Зборовымъ. Польское войско было разбито казаками и татарами и самъ король едва не попалъ въ плѣнъ. Послѣ этого сраженія Янъ Казиміръ заключилъ мирный договоръ съ Хмельницкимъ (1649 г.), по которому всѣмъ принимавшимъ участіе въ возстаніи было дано полное прощеніе; число казацкаго войска опредѣлялось въ 40,000 и для жительства ему отводились нынѣшнія губерніи Кіевская, Подольская, Полтавская и Черниговская; въ мѣстахъ казацкихъ поселеній не позволялось жить евреямъ и стоять польскимъ войскамъ, а іезуитамъ не позволялось жить въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть русскія школы; кіевскій митрополитъ получалъ право засѣдать въ польскомъ сенатѣ; на всѣ должности въ Украйнѣ рѣшено было назначать только православныхъ, и наконецъ относительно уніи обѣщано было сдѣлать особое постановленіе на сеймѣ съ согласія кіевскаго митрополита.

Условія Зборовскаго договора не были однако исполнены какъ казаками, такъ и поляками. Всѣхъ возставшихъ казаковъ и крестьянъ было гораздо больше 40,000; слѣдовательно, всѣ крестьяне, не включенные въ это число, должны были возвратиться къ прежнимъ помѣщикамъ и работать на нихъ, но на это крестьяне не соглашались. Когда же Хмельницкій попробовалъ силою принуждать крестьянъ къ повиновенію помѣщикамъ и даже нѣкоторыхъ казнилъ, то возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе народа, который говорилъ, что Хмельницкій измѣняетъ русскому дѣлу. Тогда Хмельницкій долженъ былъ признаться полякамъ, что онъ

не можетъ исполнить Зборовскаго договора. Поляки тоже не исполняли его, не допустивъ, напр., митрополита въ сенатъ, да и весь вообще договоръ возбудилъ сильное негодованіе въ польскомъ сеймѣ. Вслѣдствіе этого въ 1651 г. началась новая война Хмельницкаго въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ противъ Польши, но уже не столь удачная, какъ первая. Поляки собрали огромныя военныя силы, и казаки потерпѣли сильное пораженіе подъ Берестечкомъ, такъ какъ крымскій ханъ въ рѣшительную минуту бѣжалъ съ поля сраженія и даже увелъ съ собою въ плѣнъ Хмельницкаго, который пытался его остановить. Народное возстаніе было подавлено поляками, и тогда Хмельницкій, скоро выпущенный ханомъ изъ плѣна, принужденъ былъ согласиться на миръ подъ Бѣлою Церковью, по которому число казаковъ ограничивалось 20,000 и уничтожались всѣ условія Зборовскаго договора. Этотъ договоръ былъ еще менѣе исполнимъ, чѣмъ Зборовскій, и самъ Хмельницкій не соблюдалъ его. Украйна была приведена въ такое же положеніе, въ какомъ была до войны. Народъ сталъ толпами уходить въ предѣлы московскаго государства, гдѣ Алексѣй Михайловичъ охотно принималъ ихъ и отводилъ имъ для поселенія земли по Ворсклѣ и Донцу.

Между тѣмъ началась третья война съ Польшей. Хмельницкій, не надѣясь уже больше на помощь татаръ и видя желаніе народа подчиниться московскому царю, прямо обратился къ Алексѣю Михайловичу съ просьбою о помощи и предложеніемъ принять Малороссію въ свое подданство; Хмельницкій нѣсколько разъ и раньше просилъ Алексѣя Михайловича принять Малороссію подъ свою власть, но царь не соглашался, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы начинать войну съ Польшей. Теперь Алексѣй Михайловичъ рѣшился помочь Малороссіи, но, желая избѣжать войны, сначала прислалъ своихъ пословъ въ Польшу и потребовалъ, чтобы польскіе чиновники, не разъ умалявшіе его царскій титулъ, были наказаны; при этомъ послы заявили, что царь согласенъ простить этихъ чиновниковъ, если король уничтожитъ унію, прекратитъ преслѣдованіе православныхъ и возобновитъ Зборовскій договоръ съ казаками. Когда же король не согласился на эти предложенія и война поляковъ съ Хмельницкимъ продолжалась, причемъ крымцы измѣнили Хмельницкому и съ дозволенія короля страшно опустошили южнорусскія земли, то Алексѣй Михайловичъ рѣшился принять Малороссію подъ свою власть. На земскомъ сборѣ въ Москвѣ 1-го октября 1653 г. всѣ выборные люди единогласно высказались

за присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ и за объявленіе войны Польшѣ, послѣ чего великіе послы были отправлены въ Переяславль взять присягу на подданство московскому царю съ Хмельницкаго, казаковъ и всего малорусскаго народа. 8-го января 1654 г. Хмельницкій собралъ въ Переяславлѣ великую раду (большое народное собраніе), на которой всѣ и присягнули московскому царю на слѣдующихъ условіяхъ: число войска казацкаго опредѣлялось въ 60,000; гетманъ будетъ выбираться по старинному вольными голосами и имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ, давая только о нихъ знать царю, но долженъ задерживать пословъ, предлагающихъ что-либо враждебное московскому государству; съ турецкимъ же султаномъ и польскимъ королемъ долженъ пересылаться не иначе, какъ съ согласія царя; казакамъ и ихъ старшинамъ царь назначитъ жалованье; правителями въ городахъ и сборщиками податей должны быть малороссіяне; права шляхты и горожанъ остаются прежнія; наконецъ царь обязался защищать Малороссію отъ всѣхъ ея враговъ.

Война съ Польшей и Швеціей. Весной 1654 г. Алексѣй Михайловичъ началъ войну съ Польшей за Малороссію и самъ выступилъ въ походъ. Война началась очень успѣшно. Царь обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ православнымъ подданнымъ польскаго короля, чтобы они возставали „на досадителей святой восточной церкви греческаго закона“, и это воззваніе было многими услышано, такъ что въ Бѣлоруссіи крестьяне и нѣкоторые города добровольно подчинились царскимъ войскамъ. Въ короткое время были взяты города Смоленскъ, Вильно, Ковно, Гродно и др. Въ то же время Хмельницкій съ казаками прошелъ Подолію, Галицію, взялъ Люблинъ. Дальнѣйшему успѣшному продолженію войны помѣшалъ шведскій король Карлъ X, который тоже напалъ на Польшу и взялъ Познань, Варшаву, Краковъ. Алексѣй Михайловичъ, не желая допустить усиленія Швеціи на счетъ Польши, заключилъ перемиріе съ поляками, удержавъ за собою Малую и Бѣлую Русь (1656 г.) и получивъ обѣщаніе, что будетъ выбранъ на польскій престолъ по смерти бездѣтнаго Яна Казиміра. Заключивъ перемиріе съ Польшей, Алексѣй Михайловичъ началъ войну со шведами, надѣясь пріобрѣсти балтійскіе берега; но война окончилась безъ всякихъ пріобрѣтеній съ той и другой стороны кардисскимъ миромъ (1661 г.); царь спѣшилъ кончить войну въ виду смутъ, начавшихся въ Малороссіи. Хмельницкій былъ очень недоволенъ примиреніемъ царя съ поляками и вошелъ въ тайныя сношенія

со шведскимъ королемъ о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Польши, но скоро умеръ (1657 г.). Послѣ его смерти въ Малороссіи обнаружились смуты; старшины казацкіе готовы были возвратиться въ подданство Польшѣ изъ личныхъ выгодъ, простые же казаки, тѣснимые старшинами, оставались вѣрными Москвѣ, и кромѣ того начались разногласія изъ-за выбора гетмана. Гетманъ Выговскій присягнулъ Польшѣ, но противъ него возстало большинство казаковъ, и онъ долженъ былъ уступить гетманство Юрію Хмельницкому, сыну Богдана, присягнувшему московскому царю. Между тѣмъ поляки, справившись со шведами, отказались исполнить договоръ 1656 года. Началась вторая польская война, неудачная для Москвы; города, завоеванные въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, снова перешли во власть Польши. Во время этой войны Малороссія раздѣлилась на двѣ стороны — восточную, которая осталась вѣрна Москвѣ, и западную, которая присягнула Польшѣ, причемъ на каждой сторонѣ послѣ Юрія Хмельницкаго былъ избранъ свой гетманъ. Оба государства, московское и польское, были истощены продолжительной войной (1658—1667 г.), но мира не было, такъ какъ поляки не желали дѣлать никакихъ уступокъ, а царь Алексѣй не могъ послѣ всѣхъ принесенныхъ жертвъ отказаться отъ Малороссіи; только когда гетманъ западной стороны Дорошенко подчинился турецкому султану, желая образовать изъ Малороссіи особое владѣніе, то поляки, опасаясь войны съ турками и татарами, поспѣшили помириться съ Москвой. Перемиріе было заключено въ селѣ Андрусовѣ близъ Смоленска (1667 г.) на $13^1/_2$ лѣтъ, по которому за Москвой остались Смоленскъ, Сѣверская область, восточная сторона Малороссіи и городъ Кіевъ (на 2 года), а западная Малороссія осталась за Польшей. Послѣ Андрусовскаго перемирія смуты въ Малороссіи все-таки продолжались. Въ восточной ея сторонѣ не всѣ были довольны присоединеніемъ къ Москвѣ, происходила частая смѣна гетмановъ, а гетманъ западной Малороссіи Дорошенко хотѣлъ подчинить себѣ и восточную ея часть. Турецкій султанъ, соединившись съ Дорошенкомъ и крымскимъ ханомъ, нѣсколько разъ разорялъ Польшу и З. Малороссію, и московскія войска въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича ходили воевать на западную сторону Днѣпра противъ Дорошенка и турокъ.

Подготовка къ преобразованію московскаго государства и бракъ Алексѣя Михайловича съ Нарышкиной. Сближеніе съ З. Европой, возобновившееся при Іоаннѣ III и продолжавшееся

при послѣдующихъ государяхъ, постепенно подготовляло полное преобразованіе московскаго государства, совершенное Петромъ Великимъ. Въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. уже было такъ много выписанныхъ иноземныхъ офицеровъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, что они населяли цѣлую обширную слободу, называвшуюся нѣмецкой. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе усилившихся дипломатическихъ сношеній съ Западомъ, вслѣдствіе церковнаго раскола и мятежа Разина, лучшіе люди въ Москвѣ стали сознавать сильнѣе, чѣмъ прежде, недостатокъ въ образованіи и проистекавшую отсюда необходимость въ сближеніи съ иностранцами; но еще большинство русскихъ людей рѣшительно возставало противъ такого сближенія изъ опасенія за чистоту вѣры, и сюда, конечно, относились всѣ раскольники. Такъ какъ з. европейскихъ ученыхъ людей боялись еще призывать въ Москву изъ боязни за чистоту православной вѣры, а потребность въ образованіи сильно сказывалась, то стали выписывать изъ Кіева православныхъ ученыхъ кіевской академіи; таковы были кіевскіе монахи Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій, которымъ поручено было исправить богослужебныя книги при Никонѣ, и Симеонъ Полоцкій.

Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій были вызваны (1649 г.) въ Москву Ртищевымъ, ближнимъ бояриномъ царя Алексѣя, для училища, основаннаго имъ при Андреевскомъ монастырѣ близъ Москвы. Этотъ Ртищевъ былъ весьма замѣчательнымъ человѣкомъ того времени; кромѣ училища, онъ устроилъ на свой счетъ богадѣльню, выкупалъ у татаръ русскихъ плѣнныхъ, охотно помогалъ всѣмъ нуждающимся и во время польской войны бралъ на свое попеченіе многихъ раненыхъ воиновъ. Ртищевъ былъ человѣкъ набожный и благочестивый и любилъ вести частыя бесѣды о религіозныхъ вопросахъ съ учеными монахами, вызванными имъ изъ Кіева.

Симеонъ Полоцкій былъ наставникомъ дѣтей Алексѣя Михайловича и извѣстенъ своими многочисленными литературными произведеніями. Онъ обличалъ раскольниковъ, писалъ проповѣди и поученія, драматическія сочиненія съ содержаніемъ изъ священной исторіи (мистеріи), переложилъ въ стихи псалтирь и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ указывалъ на необходимость просвѣщенія, но нѣкоторые русскіе люди даже высказывались за различныя преобразованія въ московскомъ государствѣ; таковы были приближенные къ царю бояре Ордынъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Ордынъ-Нащокинъ, сынъ небогатаго помѣщика, получилъ хорошее для того времени образованіе и зналъ латинскій и нѣмецкій языки, почему и былъ назначенъ на службу въ посольскій приказъ въ Москвѣ. Здѣсь

онъ обнаружилъ такія дипломатическія способности, что ему было поручено царемъ заключеніе Андрусовскаго перемирія. За удачное исполненіе этого порученія онъ получилъ санъ ближняго боярина и управленіе посольскимъ приказомъ, но это назначеніе вызвало противъ него вражду многихъ знатныхъ бояръ, такъ какъ, по тогдашнимъ понятіямъ, люди могли возвышаться и получать высокія мѣста не по способностямъ, а по знатности рода. Занимая высокое мѣсто и пользуясь довѣріемъ государя, Нащокинъ сталъ указывать на необходимость нѣкоторыхъ преобразованій, напр., преобразованіе войска, освобожденіе торговыхъ людей изъ-подъ власти воеводъ, очищеніе посольскаго приказа отъ недостойныхъ лицъ, позорившихъ московское государство передъ иностранцами своими неблаговидными поступками; для развитія торговли Россіи, которая, по его мнѣнію, должна быть посредницей въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей вслѣдствіе своего географическаго положенія, онъ предлагалъ завести флотъ на Каспійскомъ морѣ, и былъ даже построенъ первый русскій корабль и спущенъ на Волгу, но его сжегъ Разинъ. Нащокинымъ была заведена заграничная почта, чтобы своевременно получать извѣстія объ европейскихъ событіяхъ, и куранты, или рукописныя газеты для царя, въ которыхъ помѣщались въ переводѣ извѣстія иностранныхъ газетъ объ европейскихъ событіяхъ. По своему уму и большимъ дипломатическимъ способностямъ, что̀ вполнѣ признавали и знавшіе его иностранцы, Нащокинъ рѣзко выдѣлялся изъ среды современныхъ ему бояръ. Многочисленные его враги—бояре, завидовавшіе его возвышенію и его превосходству надъ ними, и дьяки посольскаго приказа, которыхъ онъ преслѣдовалъ за ихъ злоупотребленія, всячески старались уронить его въ глазахъ царя и дѣлали ему разныя непріятности, такъ что Нащокинъ подъ конецъ своей жизни оставилъ службу и постригся въ монастырь.—Матвѣевъ Артамонъ Сергѣевичъ, сынъ дьяка, еще молодымъ человѣкомъ поступилъ на службу ко двору и скоро пріобрѣлъ полную довѣренность царя Алексѣя Михайловича. Не будучи честолюбцемъ, онъ не стремился возвыситься и играть роль, и только въ концѣ царствованія Алексѣя получилъ боярство и послѣ Нащокина былъ сдѣланъ правителемъ посольскаго приказа. Подъ вліяніемъ своей жены, которая была шотландка и ранѣе жила въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ, Матвѣевъ завелъ у себя въ домѣ з. европейскіе обычаи, такъ, напр., комнаты его дома были убраны картинами, зеркалами, часами, мебелью. Самъ онъ много читалъ, былъ очень образованъ и по-

стоянно высказывался за сближеніе съ Западомъ; въ его домѣ уже не было затворничества женщинъ, и его жена вмѣстѣ съ нимъ принимала гостей. Алексѣй Михайловичъ, часто приходившій къ Матвѣеву запросто, познакомился въ его домѣ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая была дочерью небогатаго помѣщика и воспитывалась у Матвѣева, и женился на ней послѣ смерти первой супруги своей, Марьи Ильинишны. Значеніе Матвѣева послѣ этого брака еше болѣе усилилось. Подъ вліяніемъ Матвѣева и новой царицы, воспитанной уже при иной обстановкѣ, при дворѣ стали заводиться новые обычаи и былъ устроенъ театръ.

Въ 1673 году въ Москву прибыла изъ-за границы странствующая труппа нѣмецкихъ актеровъ и музыкантовъ съ Яганомъ Готфридомъ во главѣ и просила у Матвѣева позволенія дать во дворцѣ представленіе. По докладу Матвѣева царь позволилъ нѣмцамъ явиться во дворецъ и потѣшить дворъ музыкой, и это такъ понравилось царю, что нѣмецкій оркестръ по его желанію сталъ каждый праздникъ играть во дворцѣ. Черезъ нѣсколько времени нѣмцы просили у царя дозволить имъ при дворѣ комедійное дѣйствіе и потѣху, на что и получили разрѣшеніе послѣ того, какъ царскій духовникъ сказалъ царю, что и византійскіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя потѣхи. Въ Преображенскомъ селѣ въ присутствіи царя и всего двора нѣмцы разыграли комедію, какъ Юдифь Олоферну отсѣкла голову, причемъ оркестръ уже состоялъ изъ дворовыхъ людей Матвѣева, которые по его желанію были обучены нѣмцами музыкѣ. Всѣ присутствовавшіе были въ восторгѣ отъ этой потѣхи, и на второмъ представленіи присутствовала уже сама царица и дочери Алексѣя Михайловича, смотрѣвшія изъ закрытой галлереи за царскимъ мѣстомъ. Послѣ этого представленія стали даваться въ каждый праздникъ, и кромѣ вышеназванной комедіи давали и другія: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и Мардохеину наученію,—исторію о странствованіи и бракѣ молодого Товія, сына Товитова,—комедіи Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ и Навуходоносорѣ и друг., а разъ въ субботу на масляницѣ былъ данъ даже балетъ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Орфеемъ. Такъ какъ театръ вошелъ въ число постоянныхъ увеселеній царя и придворныхъ, то подъ руководствомъ Матвѣева были устроены палаты со всѣми необходимыми принадлежностями для комедійнаго дѣйства въ Преображенскомъ селѣ и въ кремлевскомъ дворцѣ; Ягану Готфриду были даны для выучки въ 3 мѣсяца 27 мѣщанскихъ дѣтей. Есть извѣстіе, что кромѣ труппы Ягана были выписаны еще актеры изъ Германіи. Всѣ эти представленія при всемъ своемъ несовершенствѣ были для тогдашняго высшаго московскаго общества прогрессомъ, первымъ шагомъ на пути эстетическаго образованія.

Въ 1676 г. царь Алексѣй Михайловичъ умеръ; отъ перваго брака у него были сыновья Ѳеодоръ и Іоаннъ и 6 дочерей, а отъ второго брака сынъ Петръ (р. 30 мая 1672 г.) и 2 дочери; умирая, онъ благословилъ на царство старшаго сына 14-лѣтняго Ѳеодора.

Личность царя Алексѣя Михайловича. „Наружность царя всѣхъ располагала въ его пользу: это былъ человѣкъ достаточно высокаго роста, здоровый и полный, съ привлекательнымъ лицомъ. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась такая доброта, что его взглядъ никогда не возбуждалъ страха, но всякаго ободрялъ и обнадеживалъ. Его румяное лицо, окаймленное русою бородою, дышало добродушіемъ, но въ то же время было серьезно, чинно и важно. Онъ усвоилъ себѣ важную осанку и поступь, но его чинность и царственная важность не запугивали и не отталкивали. И не самомнѣніе выработало въ немъ такую манеру держать себя, а сознаніе важности и святости сана, который Богъ на него возложилъ. Вообще симпатичная внѣшность Алексѣя Михайловича была отраженіемъ его хорошей души... Онъ любилъ писать и прозой и виршами; писалъ письма, сокольничьи уставы, даже мемуары о польской войнѣ. Когда вы читаете его письма, то первое заключеніе, которое изъ нихъ дѣлаете, что Алексѣй Михайловичъ человѣкъ безспорно умный и притомъ натура чрезвычайно живая и воспріимчивая. Онъ всѣмъ интересуется: его занимаетъ и война, и политика, и болѣзнь придворнаго, и соколиная охота, и садоводство, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и театральныя представленія. И ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно. Онъ легко можетъ вспылить, но этотъ гнѣвъ скоро проходитъ: онъ раскаивается въ томъ, что кого-нибудь обидѣлъ, и ласкаетъ его. Доброта его вызываетъ постоянную благотворительность: при дворцѣ жили разные старики-богомольцы, юродивые; щедрая милостыня раздавалась тишайшимъ царемъ; по праздникамъ для бѣдныхъ устраивались „кормы“; тюрьмы очень часто видѣли въ своихъ стѣнахъ Алексѣя Михайловича, подававшаго тамъ милостыню несчастнымъ и освобождавшаго ихъ отъ наказаній. Царь не могъ равнодушно видѣть страданій, утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе. Доброта и добродушіе царя отражались въ его лицѣ, глазахъ, въ ласковомъ обращеніи, въ беззлобной, свѣтлой шуткѣ, какая часто мелькаетъ въ его письмахъ. Но это же добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали ему быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Очень часто по добродушію и даже противъ воли онъ уступалъ вліянію со стороны. Вообще у него недоставало твердости характера, хотя онъ и не былъ совсѣмъ безхарактернымъ. Такова была природа этого царя: живая, впечатлительная, добрая и мягкая. Любовь къ чтенію и размышленію еще болѣе развила свѣтлыя стороны его характера. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей московскаго общества; слѣды его начитанности библейской, церковной и свѣтской разбросаны по всѣмъ его писаніямъ. Онъ вполнѣ владѣлъ литературою того времени и до тонкости усвоилъ себѣ книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ царь любилъ пускать въ ходъ книжные обороты, употреблялъ цвѣтистые афоризмы. Чтеніе, которое онъ очень любилъ, развило въ немъ чрезвычайно глубокую и сознательную религіозность. Онъ былъ замѣчательный эстетикъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его занятіяхъ соколиной охотой, а позже въ страсти къ сельскому хозяйству. Кромѣ обычнаго удовольствія охоты, помимо простыхъ охотничьихъ

ощущеній, царь находилъ въ охотѣ удовлетвореніе и чувству красоты. Даже въ выборѣ любимыхъ мѣстъ у Алексѣя Михайловича сказывается это поэтическое чувство: онъ любилъ село Коломенское, отличающееся живописнымъ мѣстоположеніемъ, хотя далеко не величественнымъ, а изъ такихъ свойственныхъ русской природѣ, которыя порождаютъ чувство спокойствія. Чрезвычайно любилъ онъ также Саввинъ-Сторожевскій монастырь (возлѣ Звенигорода); это одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ около Москвы; но опять-таки красота этого мѣста мирная, веселая, спокойная, вполнѣ соотвѣтствующая характеру царя. Эта жизнерадостность, эта способность наслаждаться всѣмъ прекраснымъ не противорѣчила религіозности Алексѣя Михайловича, наоборотъ, сливалась съ ней удивительно гармоничнымъ образомъ. Онъ считалъ необходимымъ условіемъ жизни соблюденіе духовной бодрости, поддержаніе душевнаго равновѣсія во всякихъ житейскихъ треволненіяхъ. Онъ только тогда бывалъ доволенъ собой, когда на душѣ у него было свѣтло и легко, когда кругомъ все было свѣтло и спокойно и все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внѣшнемъ порядкѣ и внутреннемъ равновѣсіи и заботился болѣе всего царь, мѣшая дѣло съ потѣхой, аскетизмъ съ удовольствіемъ. Въ своихъ общественныхъ симпатіяхъ Алексѣй Михайловичъ былъ передовымъ человѣкомъ своего времени; онъ очень послѣдовательно проводилъ церковную реформу и не былъ противъ реформъ гражданскихъ и культурныхъ новшествъ. Онъ охотно принималъ и жаловалъ ученыхъ кіевлянъ и грековъ, которыхъ тогдашніе поклонники русской старины склонны были считать еретиками. Вообще царь былъ очень милостивъ къ иностранцамъ, но въ то же время онъ оставался чисто русскимъ и православнымъ, не подвергаясь вліянію иноземцевъ, не проводя новыхъ идей въ общество и не будучи дѣятелемъ партіи. И при концѣ своего царствованія, подавляя консервативный расколъ, онъ не терпѣлъ и слишкомъ рабскихъ подражаній Западу. Онъ на все отзывался, но вполнѣ не отдавался ничему и „въ этомъ отношеніи его можно назвать личностью, вполнѣ отражавшей въ себѣ все общество XVII вѣка". (Изъ характеристики Алексѣя Михайловича проф. Платонова).

Θеодоръ Алексѣевичъ (1676—1682 г.).

Придворныя событія. 14-лѣтній, слабый здоровьемъ, царь Θеодоръ Алексѣевичъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, не могъ еще самъ управлять государствомъ и нуждался въ руководителѣ, вслѣдствіе чего немедленно обнаружилась вражда среди приближенныхъ ко двору лицъ. Послѣ второго брака царя Алексѣя Михайловича его взрослыя дочери отъ первой жены не поладили съ мачихой Натальей Кирилловной, а Милославскіе и другіе родственники покойной царицы Маріи Ильинишны были недовольны возвышеніемъ Матвѣева и Нарышкиныхъ, вслѣдствіе чего Милославскіе и вся ихъ партія группировались около дѣтей царя Алексѣя отъ перваго брака, а Нарышкины съ Матвѣевымъ около Натальи Кирилловны

и ея сына Петра, и эта вторая партія въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя имѣла первенствующее значеніе. Со вступленіемъ на престолъ Θеодора Милославскіе снова получили прежнее вліяніе и, конечно, прежде всего постарались удалить отъ двора ненавистнаго имъ Матвѣева. Матвѣевъ, обвиненный въ чернокнижіи за его любовь къ книгамъ и въ нерадѣніи о здоровьѣ царя Алексѣя, былъ лишенъ имѣнія и боярскаго сана и сосланъ въ Пустозерскъ, откуда потомъ напрасно умолялъ царя и его приближенныхъ помиловать его и снять ложное обвиненіе. Вслѣдъ за Матвѣевымъ были сосланы двое Нарышкиныхъ, а Наталья Кирилловна съ Петромъ должна была удалиться отъ двора въ село Преображенское. Милославскіе, впрочемъ, скоро должны были уступить свое вліяніе при дворѣ постельничему царскому Языкову и спальнику Лихачеву, любимцамъ Θеодора Алексѣевича. Кромѣ того сильное вліяніе на дѣла получилъ молодой и образованный князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны.

Окончаніе малороссійскаго вопроса и уничтоженіе мѣстничества. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ продолжалась война за Малороссію. Русскія войска вмѣстѣ съ гетманомъ восточной Малороссіи Самойловичемъ нѣсколько разъ ходили на правый берегъ Днѣпра, чтобы вытѣснить оттуда Дорошенка и турокъ, которые вслѣдствіе подданства Дорошенка султану считали всю Украйну своей. Эта война съ турками окончилась въ 1681 г. 20-лѣтнимъ перемиріемъ въ Бахчисараѣ, по которому восточная Малороссія и Запорожье остались за Москвой, а западная, страшно разоренная турками и татарами и обратившаяся въ совершенную пустыню, отошла къ Турціи. Послѣ окончанія этой войны царь поручилъ князю Голицыну съ выборными изъ ратныхъ людей обсудить вопросъ о преобразованіи войска и указать мѣры для этого преобразованія. Голицынъ съ выборными людьми, разсмотрѣвъ предложенный вопросъ, призналъ необходимымъ просить царя уничтожить мѣстничество. Подъ именемъ мѣстничества разумѣлся обычай московскихъ бояръ считаться службою предковъ при занятіи мѣста въ военной и гражданской службѣ, въ придворныхъ церемоніяхъ и за царскимъ столомъ. Обычай этотъ объясняется существовавшею тогда тѣсною связью между всѣми членами одного рода, въ силу которой одинъ членъ рода, повышаясь или понижаясь на службѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалъ или понижалъ весь свой родъ. Поэтому понятно, что при совмѣстномъ назначеніи на службу

двухъ или нѣсколькихъ бояръ каждый бояринъ справлялся въ разрядныхъ книгахъ (куда вписывались всѣ служебныя назначенія и мѣстническіе случаи) о томъ, какія мѣста занимали его предки, чтобы ему не занять низшаго мѣста и тѣмъ не нанести безчестья (порухи) своему роду. Пока въ сѣв.-восточной Руси были удѣльные князья, и бояре имѣли право отъѣзда отъ одного князя къ другому, то каждый бояринъ, считавшій себя обиженнымъ по службѣ у одного князя, могъ отъѣхать къ другому. Съ уничтоженіемъ же удѣльной системы и съ прекращеніемъ права отъѣзда бояръ, дворъ московскаго царя наполнился потомками удѣльныхъ князей и прежнихъ бояръ, которые всѣ равно подчинились самодержавному московскому царю, но между собою спорили о служебномъ старшинствѣ—мѣстничались. Мѣстничество приносило большой вредъ, такъ какъ при назначеніи бояръ на службу постоянно приходилось царю разбирать ихъ споры посредствомъ справокъ въ разрядныхъ книгахъ, обсуждать въ боярской думѣ и назначать на высокія мѣста главныхъ воеводъ и полномочныхъ пословъ по знатности рода, а не по заслугамъ и способностямъ. Московскіе бояре, во всемъ покорные царю, въ своихъ мѣстническихъ спорахъ не только не повиновались ему, но скорѣе предпочитали вынести самое строгое наказаніе, чѣмъ унизить свой родъ; случалось, напр., что бояринъ, приглашенный къ царскому столу, не хотѣлъ сѣсть ниже другого боярина, и когда царь приказывалъ посадить его насильно, то онъ опускался подъ столъ, заявляя, что пусть царь ему велитъ голову отсѣчь, а онъ ниже такого-то не сядетъ. Если послѣ розыска мѣстническаго спора оказывалось, что какой-либо бояринъ въ своемъ спорѣ съ другимъ былъ неправъ, и если онъ послѣ этого все-таки не соглашался занять назначенное ему мѣсто, то его выдавали головой противнику за нанесенное послѣднему безчестіе. Эта выдача головой состояла въ томъ, что пристава брали подъ руки виновнаго боярина и въ сопровожденіи дьяка или подъячаго вели его по городу во дворъ къ обиженному боярину; послѣдній выходилъ на крыльцо, и дьякъ ему говорилъ, что государь указалъ и бояре приговорили выдать ему этого боярина головой за безчестіе. Хозяинъ благодарилъ дьяка за оказанную ему царемъ милость и давалъ дьяку подарокъ, а униженнаго соперника отпускалъ домой; на другой же день самъ отправлялся во дворецъ благодарить лично государя. Кромѣ выдачи головой, за неправое и упорное мѣстничество виновнаго били иногда кнутомъ, заключали въ тюрьму, лишали имѣнія, ссылали въ Сибирь. Съ Іоанна IV мо-

сковскіе государи стали ограничивать мѣстничество, объявляя въ извѣстныхъ случаяхъ „службу безъ мѣстъ“. Для рѣшенія вопроса о мѣстничествѣ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ собралъ въ думу бояръ и высшее духовенство и въ засѣданіи этой думы высказалъ, какой вредъ приноситъ мѣстничество. Затѣмъ на вопросъ царя, отмѣнить ли мѣстничество или оставить, патріархъ и бояре отвѣчали, что они не находятъ словъ, какъ благодарить его за намѣреніе уничтожить мѣстничество. Тогда царь отмѣнилъ мѣстничество и всѣ бывшіе въ думѣ порѣшили: „да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не вспомянется во вѣки“. Разрядныя книги были немедленно принесены и тутъ же во дворцѣ сожжены (1682 г.), причемъ царь заявилъ, что онъ велитъ записать для памяти потомства знатныя фамиліи въ особыя родословныя книги.

„Какъ же это вдругъ сдѣлалось, говоритъ Соловьевъ, что легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій при случаѣ считалъ своей обязанностью отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны. Всѣ возставали при случаѣ, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому, что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались св. угодники, потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду. Почему же мѣстничество не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностью, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься, и вырвать ихъ стало уже легко. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя, вслѣдствіе поворота къ чужому западному“.

Въ 1682 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ; онъ былъ женатъ два раза, но дѣтей послѣ себя не оставилъ.

195

Внутреннее состоянiе московскаго государства.

Царь. Московское государство образовалось изъ соединенiя московскими князьями въ одно цѣлое всѣхъ сѣверовосточныхъ княжествъ древней Руси. Въ XVI в. въ составъ его вошли татарскiя царства — Казанское, Астраханское и Сибирское, а въ XVII в. къ нему еще была присоединена восточная часть Малороссiи съ городами Кiевомъ и Смоленскомъ. Всѣмъ московскимъ государствомъ управлялъ самодержавно и неограниченно „великiй государь, царь и великiй князь, всея Руси самодержецъ". Iоаннъ III первый изъ московскихъ князей сталъ называть себя царемъ послѣ брака съ Софьей Палеологъ, какъ наслѣдникъ византiйскихъ императоровъ; онъ же первый замѣнилъ прежнiй обрядъ „посаженiя князя на столъ" византiйскимъ вѣнчанiемъ на царство, вѣнчавъ своего внука Дмитрiя, какъ наслѣдника престола. Iоаннъ IV уже торжественно вѣнчался на царство, и съ этого времени всѣ московскiе государи короновались при вступленiи на престолъ.

Полный титулъ московскаго государя, напримѣръ, Алексѣя Михайловича былъ слѣдующiй: „Великiй Государь, Царь и Великiй князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великiя и Малыя Россiи Самодержецъ, Московскiй, Кiевскiй, Владимiрскiй, Новгородскiй, Царь Казанскiй, Царь Астраханскiй, Царь Сибирскiй, Государь Псковской и Великiй князь Тверской, Югорскiй, Пермскiй, Вятскiй, Болгарскiй и иныхъ, Государь и Великiй князь Новгорода, Низовскiя земли, Черниговскiй, Рязанскiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлозерскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондiйскiй, и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскiя земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскiя земли, Черкесскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ владѣнiй и земель Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель".

Хотя значительная часть русскихъ земель находилась подъ властью польскихъ королей, но московскiе государи со временъ Iоанна III во внѣшнихъ сношенiяхъ называли себя государями всея Руси, желая этимъ показать, что всѣ русскiя области, находившiяся во власти Польши, должны принадлежать имъ, наслѣдникамъ Св. Владимiра. Московскiе государи очень дорожили своимъ царскимъ титуломъ и при дипломатическихъ сношенiяхъ съ западными государствами, особенно съ Польшей, постоянно требовали отъ иноземныхъ пословъ полнаго перечисленiя титула; чаще всего споры изъ-за умаленiя титула бывали съ польскими послами, которые не соглашались называть московскаго царя государемъ всея Руси. Московскiе самодержавные государи, уничтоживъ удѣльную

систему и сбросивъ тяжелое татарское иго, соединили въ одно сильное и цѣльное царство съ прочнымъ государственнымъ устройствомъ сѣв.-восточныя русскія княжества и завоеванныя ими татарскія царства—казанское, астраханское и сибирское. Создавъ московское государство, они пробовали бороться со шведами за берега Балтійскаго моря, нужные Москвѣ для сношенія съ Западомъ, а изъ-подъ власти поляковъ стали освобождать западнорусскія области, подготовляя своимъ преемникамъ успѣшное окончаніе этихъ вопросовъ. Велики были заслуги московскаго самодержавія, и народъ не могъ не сознавать ихъ, вотъ почему попытки бояръ, желавшихъ воспользоваться смутнымъ временемъ для ограниченія царской власти, окончились полной неудачей, и въ 1612 г., послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ, тотчасъ же выборные люди отъ всей русской земли собрались для избранія царя съ властію вполнѣ самодержавной. Иностранцы, посѣщавшіе московское государство, въ своихъ запискахъ неоднократно говорятъ о глубокой *преданности и любви русскаго народа къ своему государю.*

Въ образѣ жизни московскихъ царей было много заимствованнаго изъ жизни византійскихъ императоровъ. Государь вставалъ обыкновенно въ 4 часа утра; умывшись и одѣвшись при помощи спальниковъ и стряпчихъ, онъ молился въ крестовой палатѣ, и священникъ благословлялъ его крестомъ. Затѣмъ, поздоровавшись съ царицей, царь вмѣстѣ съ нею слушалъ заутреню въ верховой церкви. Послѣ того онъ здоровался и говорилъ о дѣлахъ съ боярами, собиравшимися къ этому времени во дворецъ и привѣтствовавшими царя земными поклонами. Въ девятомъ часу царь со всѣми боярами шелъ къ обѣднѣ въ придворную церковь или въ соборъ, если день былъ праздничный. Послѣ обѣдни царь занимался дѣлами: начальники приказовъ читали доклады, думный дьякъ докладывалъ челобитныя и помѣчалъ рѣшенія, причемъ всѣ присутствовавшіе бояре садиться не смѣли, а должны были стоять. Если же было засѣданіе думы (сидѣнье съ бояры), то бояре разсаживались по лавкамъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ царя. Къ 12 часамъ дѣла оканчивались, бояре уѣзжали, а царь обѣдалъ. Обыкновенный столъ государя былъ очень простой и умѣренный; въ праздники же и при пріемѣ пословъ столъ государя отличался роскошью и обиліемъ блюдъ (иногда до 100), причемъ иныя блюда государь посылалъ въ знакъ милости тому или другому боярину на домъ. Послѣ обѣда государь спалъ до вечерни часа 3 и къ вечернѣ выходилъ въ сопровожденіи снова собравшихся во дво-

рецъ бояръ. Послѣ вечерни иногда слушалъ дѣла, но обыкновенно царь проводилъ время до ужина въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Въ это время царь читалъ книги духовно-назидательныя и церковно-историческія, куранты, слушалъ разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, иноземныхъ обычаяхъ, особенно о старинѣ; при царѣ Алексѣѣ во дворцѣ жили столѣтніе старики, разсказывавшіе ему о старинѣ, и юродивые. Верховые богомольцы пѣли государю Лазаря и духовные стихи, слѣпцы домрачеи пѣли сказки и былины съ аккомпаниментомъ домры. Иногда государь игралъ въ шахматы или тѣшился выходками шутовъ и карловъ. Кромѣ этихъ развлеченій, царь часто ѣздилъ на охоту въ окрестности Москвы или смотрѣлъ на бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Послѣ ужина царь заканчивалъ день молитвой въ крестовой. Въ подражаніе византійскимъ императорамъ московскіе государи совершали во всѣ церковные праздники торжественные выходы въ монастыри и храмы и присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Государь тогда являлся народу въ великолѣпной одеждѣ и при самой торжественной обстановкѣ; большая свита бояръ сопровождала царя, причемъ за нимъ несли полотенце (носовой платокъ), стулъ съ подушкой, подножье и солношникъ, или зонтъ. Церемонія, обрядъ составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, а потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Изъ этихъ выходовъ особенно замѣчательны выходы царя въ рождественскій сочельникъ и въ день Богоявленія. 24 декабря государь рано утромъ тайно обходилъ тюрьмы и богадѣльни въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ и подъячихъ тайнаго приказа и самъ раздавалъ милостыню; по улицамъ, гдѣ проходилъ государь, собиралось при этомъ множество нищихъ и убогихъ, которые всѣ тоже получали отъ царя милостыню. Особенно великолѣпенъ былъ царскій выходъ въ день Богоявленія, когда патріархъ освящалъ воду на рѣкѣ Москвѣ. Масса народу отовсюду собиралась въ Москву къ этому празднику. Въ этотъ день государь являлся народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, одѣтый въ „большой царскій нарядъ“. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана на немъ было царское платно изъ дорогой золотной матеріи съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Царскій вѣнецъ, называвшійся по соболиной опушкѣ царской шапкой, бле-

стѣлъ драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая діадима, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣнчанія бармами; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ со Спасовою Ризою. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьяновые башмаки государя были также богато унизаны жемчугомъ. Весьма торжественные выходы были также въ новый годъ (1-го сентября), въ Вербное воскресеніе, на Пасху и Масляницу.

Составъ населенія. Народонаселеніе московскаго государства состояло изъ людей свободныхъ, несвободныхъ и духовенства. Люди свободные раздѣлялись на служилыхъ и тяглыхъ. Служилые люди, образовавшіеся, главнымъ образомъ, изъ княжеской дружины удѣльнаго времени, обязаны были цѣлую жизнь служить по назначенію государя и за свою службу получали имѣнія (вотчины, дававшіяся въ наслѣдственное владѣніе, и помѣстья — въ пожизненное) и жалованье деньгами и хлѣбомъ. Тяглые люди или податные, т.-е городское и сельское населеніе, платили подати и пошлины въ государственную казну, отбывали разныя повинности и служили на выборныхъ земскихъ должностяхъ.

Служилые люди раздѣлялись на 3 разряда—бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, весьма различныхъ одинъ отъ другого. Бояре московскаго періода соотвѣтствовали старшей дружинѣ удѣльно-вѣчевой Руси, а дворяне и дѣти боярскіе—младшей дружинѣ. Бояре занимали высокое положеніе въ государствѣ сообразно своему знатному происхожденію. Боярами были потомки удѣльныхъ князей, сохранившіе княжескій титулъ, и старинныхъ бояръ дружинниковъ, а также потомки знатныхъ иностранныхъ выходцевъ — литовскихъ, нѣмецкихъ, татарскихъ мурзъ и царевичей. Въ составъ боярской аристократіи входили такимъ образомъ только люди знатнаго рода, и намъ извѣстно всего нѣсколько случаевъ, когда боярство давалось за заслуги, а не за происхожденіе, какъ, напр., получилъ его Матвѣевъ. Гордые своимъ знатнымъ происхожденіемъ, бояре и при заключеніи брака болѣе всего заботились о соблюденіи „версты“, т.-е. равенства происхожденія жениха и невѣсты, иначе была бы „поруха“ роду. Бояре составляли дворъ царя и, живя постоянно въ Москвѣ въ собственныхъ домахъ, должны были два раза въ день пріѣзжать во дворецъ для привѣтствія государя; отъ этого пріѣзда во дворецъ, конечно, избавлялись тѣ бояре, которымъ приходилось быть на службѣ внѣ Москвы.

Объ этомъ пріѣздѣ бояръ къ царю подъячій Котошихинъ говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «Бояре и окольничіе, и думные и ближніе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано всякій день; пріѣхавъ въ церковь или въ палату и увидѣвъ царя, кланяются передъ нимъ въ землю. А котораго дня они въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ или за ними царь посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ палаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму, и они за свои вины также кланяются въ землю многократно, пока проститъ. А какъ они и на пріѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А когда случится ему сидѣть въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣла или слова разговорныя говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, а пристанутъ стоя и они выходятъ отдыхать—сидѣть на дворѣ; также и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему къ вечерни всякій день. А пріѣзжая они къ царскому двору на лошадяхъ верхами или въ каретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слазятъ или изъ каретъ и изъ саней выходятъ, не доѣзжая двора и не близко крыльца; а къ самому крыльцу или на дворъ его царскій не ѣздятъ никогда и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускаютъ, а обводятъ кругомъ двора... А пріѣзжаютъ бояре и думные и ближніе люди, ходятъ къ царю во дворецъ въ переднюю палату и ожидаютъ царскаго выхода изъ покоя; а ближніе бояре, выждавъ время, ходятъ въ комнату, а стольники и стряпчіе, и дворяне, и полковники, и головы, и дьяки, и иные служилые чины къ царю во дворецъ не ходятъ, а бываютъ на крыльцѣ середнемъ передъ палатами непокоевыми... Какъ пойдетъ царь куда въ походъ на недѣлю и больше или будетъ въ Москвѣ, а боярамъ и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и полковникамъ, и дьякамъ для гулянья или для какого дѣла понадобится ѣхать въ деревни свои дня на два или на недѣлю и на мѣсяцъ, и они бьютъ челомъ царю о томъ, и царь ихъ отпускаетъ съ срокомъ, а безъ отпуску изъ бояръ, изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, изъ полковниковъ, изъ дьяковъ изъ Москвы уѣхать не смѣетъ никто ни на одинъ день; да какъ они бываютъ отпущены на срокъ и до срока для какого дѣла царю будутъ надобны, и за ними посылаютъ граматы съ людьми ихъ, которые останутся въ Москвѣ, или нарочно съ стряпчими, съ жильцами, съ подъячими, велятъ быть тотчасъ. Да не только когда для гулянья своего отпрашиваются, но когда случится имъ котораго дня другъ у друга быть въ гостяхъ, на свадьбѣ или на крестинахъ, или на именинахъ, и они отправляются по такому же обычаю. А какъ придетъ празднованіе дня рожденія котораго боярина, или думнаго и ближняго человѣка, или ихъ дѣтей, и они въ тотъ день ѣздятъ къ царю челомъ ударить, а царь ихъ спрашиваетъ о здоровьѣ и поздравляетъ, а послѣ того подносятъ царю именинные калачи, и царь у нихъ тѣ калачи велитъ принимать; и потомъ пойдутъ къ царицѣ, и царица также поздравляетъ и калачи велитъ принимать: и потомъ ходятъ къ царевичамъ и къ царевнамъ и отъ нихъ также бываетъ имъ поздравленіе и калачи принимаютъ, а у царевенъ у самихъ не бываютъ, кромѣ родственниковъ бояръ. Потомъ межъ себя тотъ день другъ у

друга пирують. А царь и царица, и царевичи и царевны у нихъ на обѣдахъ и въ домахъ ихъ не бываютъ ни у кого; и не только на обѣдахъ, но на свадьбахъ ихъ и на погребеніяхъ не бываютъ тоже никогда".

Высшій придворный чинъ былъ чинъ думнаго боярина, за нимъ слѣдовалъ чинъ окольничаго; знатнѣйшіе дворяне, допускаемые въ боярскую думу, назывались думными дворянами. Эти три чина имѣли право засѣдать въ боярской думѣ. Бояре по назначенію царя занимали мѣста военачальниковъ, воеводъ, начальниковъ приказовъ, посылались послами въ другія государства, и при этомъ назначеніи на службу обращалось вниманіе на санъ боярина и знатность его рода. Бояре, владѣвшіе родовой собственностью и кромѣ того получавшіе отъ государя вотчины, были очень богаты и число принадлежавшихъ имъ крестьянъ доходило иногда до нѣсколькихъ тысячъ. Сыновья бояръ на 16-мъ году начинали свою службу во дворѣ при особѣ государя въ званіи спальниковъ и стольниковъ; послѣ многихъ лѣтъ службы сыновья самыхъ знатныхъ бояръ жаловались государемъ изъ спальниковъ прямо въ бояре, сыновья менѣе знатныхъ въ окольничіе и назывались они „ближніе или комнатные бояре и окольничіе". Дворяне и дѣти боярскіе произошли изъ младшей дружины удѣльнаго времени, изъ обѣднѣвшихъ потомковъ старинныхъ бояръ, а также въ составъ ихъ вошли многіе земскіе или черные люди удѣльнаго времени и лица, по происхожденію своему принадлежавшія къ духовному сословію (дьяки, подъячіе). Съ уничтоженіемъ удѣловъ служба собственно при государѣ перешла къ высшему классу служилыхъ людей — боярамъ, изъ дворянъ же только нѣкоторые остались близки къ государю, а большинство дворянъ и дѣти боярскіе были разосланы на службу по городамъ или жили въ своихъ помѣстьяхъ. Главная ихъ обязанность была нести военную службу, т. е. по требованію государя они должны были являться на войну „конны, людны и оружны", соразмѣрно количеству земли въ полученныхъ ими помѣстьяхъ. Число ихъ въ XVII в. было весьма значительно.

Тяглые люди раздѣлялись на посадскихъ и крестьянъ. Посадскіе жили въ городахъ и слободахъ, занимаясь торговлей и промыслами; дѣлились они на лучшихъ (болѣе зажиточныхъ) и меньшихъ; самые богатые торговцы въ Москвѣ получали иногда отъ государя званіе „гостя", но число такихъ „гостей" было очень ограничено. Крестьяне, жившіе въ селахъ и деревняхъ и занимавшіеся земледѣліемъ, были дворцовые, подати съ которыхъ шли на содержаніе двора, черносошные — платившіе подати въ госу-

дарственную казну, причемъ тѣ и другіе жили на государевой землѣ, помѣщичьи—жившіе на земляхъ служилыхъ людей, и монастырскіе—жившіе на церковныхъ земляхъ. Посадскіе и крестьяне платили подати (тягло) въ казну такимъ образомъ, что каждый посадъ вносилъ ежегодно извѣстную сумму денегъ по количеству бывшихъ въ немъ тяглыхъ дворовъ, число которыхъ было извѣстно правительству по писцовымъ книгамъ, а каждая деревня по количеству принадлежавшей ей земли (по числу сохъ); вносимую же посадомъ или деревней сумму уже сами обыватели раскладывали между собою при содѣйствіи выборнаго земскаго старосты. Нѣкоторые посадскіе люди, уклоняясь отъ платежа податей, уходили изъ своего посада и оставшимся посадскимъ приходилось платить и за себя и за ушедшихъ (избылыхъ), такъ какъ податъ бралась по количеству записанныхъ за посадомъ дворовъ. Другіе посадскіе закладывались (т.-е. переходили въ зависимость) за боярами и служилыми людьми и подъ ихъ покровительствомъ, уже не платя податей, занимались торговлей и промыслами, отбивая такимъ образомъ заработокъ у тѣхъ посадскихъ, которые при своихъ промыслахъ должны были платить подати. Кромѣ того, жившіе въ посадахъ казаки, стрѣльцы, дѣти духовныхъ лицъ тоже занимались промыслами и торговлей, но податей не платили. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ посадскіе люди разорялись, за ними накапливались казенныя недоимки и число избылыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. При Алексѣѣ Михайловичѣ было обращено вниманіе на эти явленія въ жизни посадскихъ людей и были приняты мѣры для исправной уплаты ими казенныхъ податей; посадскимъ людямъ было запрещено закладываться за частными лицами,—всѣ лица, торгующія въ посадѣ, какого бы ни были званія, должны были платить подати наравнѣ съ посадскими, и наконецъ всѣмъ посадскимъ было запрещено уходить изъ своего посада, т.-е. они были прикрѣплены къ мѣсту своего жительства; точно такъ же и крестьяне были лишены права перехода и прикрѣплены къ землѣ, чтобы служилые люди, имѣя постоянныхъ работниковъ и получая съ нихъ опредѣленный доходъ, могли исправно отбывать воинскую повинность. Московское государство при обширномъ пространствѣ было очень рѣдко населено, и это населеніе еще болѣе рѣдѣло по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ земель на сѣв. востокѣ или уходило въ среду казаковъ, вотъ почему прикрѣпленіе посадскихъ и крестьянъ было для правительства дѣломъ необходимымъ. Крестьяне лишились права перехода въ концѣ XVI в., но они продолжали быть

сначала лично свободными и не считались собственностью своихъ помѣщиковъ, чѣмъ отличались отъ существовавшихъ и въ то время холоповъ (рабовъ). Холопы были люди несвободные, податей въ казну не платили и считались полной собственностью своихъ владѣльцевъ. Крѣпостное право развивалось постепенно. Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, позволилъ временной переходъ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ же и опредѣлилъ, какой оброкъ крестьянинъ долженъ платить помѣщику и какую для него исполнять работу; кромѣ того, если крестьянинъ убѣгалъ отъ помѣщика и скрывался въ теченіе пяти лѣтъ, то помѣщикъ не могъ уже искать его и возвращать на свою землю. При Михаилѣ Θеодоровичѣ была назначена 10-лѣтняя давность для бѣглыхъ крестьянъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича этотъ срокъ былъ увеличенъ до 15 лѣтъ, а по Соборному Уложенію и совсѣмъ уничтоженъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщики понемногу присваивали себѣ право распоряжаться и личностью своихъ крестьянъ, стали продавать ихъ безъ земли и къ концу XVII в. совершенно сравняли ихъ съ холопами; иногда и сами крестьяне добровольно дѣлались холопами помѣщика, чтобы не платить очень тяжелой въ то время казенной подати. Большинство же крестьянъ, конечно, не могло примириться съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, съ обращеніемъ ихъ въ холопы, и потому многіе изъ нихъ убѣгали на Донъ или въ Запорожье, чтобы сдѣлаться тамъ вольными казаками. Казаками дѣлались и посадскіе люди, тоже недовольные прикрѣпленіемъ къ посадамъ, обремененные податями и повинностями, страдавшіе отъ корыстныхъ воеводъ и приказныхъ людей.

Боярская дума. Какъ въ удѣльно-вѣчевой Руси князь постоянно совѣщался о дѣлахъ со старшей дружиной, такъ московскій царь разсуждалъ (думалъ) о дѣлахъ съ боярами, и этотъ совѣтъ назывался думою или „сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ“. Различіе было въ томъ, что князь удѣльнаго періода не могъ рѣшить ни одного важнаго дѣла безъ согласія дружины, боярская же дума не имѣла такого опредѣленнаго характера и власти государя не ограничивала, а была только его совѣтомъ, почему и голосъ имѣла только совѣщательный. Иногда государь приглашалъ въ думу, кромѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, еще и патріарха съ высшимъ духовенствомъ; въ другой разъ приглашалъ только немногихъ близкихъ бояръ, если вопросъ шелъ о какомъ-нибудь тайномъ важномъ дѣлѣ. Рѣшенія думы пріобрѣтали силу только послѣ утвержденія ихъ государемъ, и въ ея

приговорахъ писалось: „великій государь указалъ и бояре приговорили". Попытки бояръ ограничить власть царя и возвратить себѣ старинныя права удѣльнаго періода были неудачны и не находили сочувствія въ народѣ, такъ что дума пріобрѣтала извѣстную самостоятельность только въ малолѣтство государя. Въ думѣ обсуждались общія государственныя мѣры, рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ, постановлялись рѣшенія дѣлъ, нерѣшенныхъ въ приказахъ. Если дѣла были не особенно важныя или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ государь самъ не могъ присутствовать въ думѣ, то приказывалъ боярамъ рѣшать ихъ во дворцѣ безъ него.

«Котошихинъ такъ описываетъ засѣданіе думы: «Какъ царю случится сидѣть съ боярами и думными людьми въ думѣ, и въ то время бояре и окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежде въ чину, окольничіе подъ боярами такимъ же образомъ, подъ окольничими думные дворяне также по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть; и о чемъ случится мыслить, мыслятъ съ царемъ, какъ обычай и въ иныхъ государствахъ. А случится царю мысль свою о чемъ объявить и онъ, объявя, приказываетъ, чтобы они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ побольше и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою о способѣ объявляютъ; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ бояръ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неучены и необразованы; однако сыщется и кромѣ ихъ на отвѣты разумный изъ большихъ и изъ меньшихъ бояръ. А на чемъ которое дѣло быть приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтить и тотъ приговоръ записать. А случится писать о чемъ граматы въ окрестныя государства, и тѣ граматы прикажутъ готовить посольскому думному дьяку, а думный дьякъ приказываетъ подъячему, а самъ не готовитъ, только чернитъ и прибавляетъ, что надобно и ненадобно. А какъ изготовятъ, тѣ граматы слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они же бояре слушаютъ вдругорядь съ царемъ вмѣстѣ; также и иныя дѣла вносятся для слушанія всѣмъ боярамъ, и потомъ бояре слушаютъ вдругорядь съ царемъ же. А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ, кромѣ того, что послы прикладываютъ руки къ договорнымъ записямъ, руки своей не прикладываютъ, для этого предназначаются думные дьяки; а къ меньшимъ ко всякимъ дѣламъ прикладываютъ руки простые дьяки и приписываютъ подъячіе свои имена».

Земскіе соборы. Первый земскій соборъ, т.-е. собраніе выборныхъ изъ городовъ людей всякаго чина, былъ созванъ въ 1550 г. Іоанномъ IV, который пожелалъ объявить выборнымъ, что онъ будетъ самъ править государствомъ. Этому же собору приписывается важ-

ное участіе въ послѣдующей законодательной дѣятельности Іоанна IV. Второй земскій соборъ былъ созванъ Іоанномъ IV въ 1566 году во время войны съ Польшей за Ливонію. Послѣ Іоанна IV мы встрѣчаемъ земскіе соборы въ смутное время, а также при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. Засѣданіе земскаго собора обыкновенно открывалъ самъ государь; одинъ изъ думныхъ дьяковъ предлагалъ выборнымъ людямъ записанные вопросы для рѣшенія, и отвѣты на нихъ выборные должны были подавать тоже письменно; отвѣты подавались не поголовно, хотя всякій выборный и могъ подать отъ себя отдѣльное мнѣніе, а отъ цѣлаго сословія, причемъ общаго обсужденія вопросовъ всѣми выборными вмѣстѣ и общаго соборнаго постановленія не было. Затѣмъ письменные отвѣты выборныхъ царь обсуждалъ въ боярской думѣ, и тогда уже постановлялъ то или другое рѣшеніе вопроса сообразно съ поданными мнѣніями. Земскіе соборы не представляли изъ себя какого-либо правильнаго учрежденія и не собирались въ опредѣленные сроки,— такъ при Іоаннѣ IV было два собора, при Михаилѣ двѣнадцать, при Алексѣѣ четыре. Московскіе государи созывали ихъ по мѣрѣ нужды въ совѣтѣ выборныхъ людей по извѣстному дѣлу, и характеръ соборовъ былъ чисто совѣщательный. Нѣкоторые соборы были созваны передъ началомъ опасной и тяжелой войны, чтобы узнать, готовы ли ратные люди и могутъ ли тяглыя сословія дать денегъ для войны: такъ Іоаннъ IV созвалъ соборъ во время польской войны, Михаилъ Θеодоровичъ по случаю приближенія Владислава къ Москвѣ и послѣ взятія Азова казаками, Алексѣй Михайловичъ передъ войной съ Польшей за Малороссію. Когда при Алексѣѣ Михайловичѣ составлялось Соборное Уложеніе, то онъ также велѣлъ собраться выборнымъ людямъ, чтобы они приняли участіе въ составленіи Уложенія. Соборы не состояли изъ опредѣленнаго числа выборныхъ людей и не были всенародными, такъ какъ выборныхъ отъ крестьянъ на нихъ обыкновенно не было, а выборные изъ другихъ сословій собирались далеко не изъ всѣхъ городовъ и областей русской земли и на иныхъ соборахъ бывали выборные только изъ Москвы и московскаго уѣзда. Наиболѣе замѣчательные соборы были въ смутное время и въ царствованіе Михаила. Въ 1612 г. русскіе люди, освободивъ Москву отъ поляковъ, рѣшили выбрать своего природнаго русскаго царя; земскій соборъ, который собирался по этому поводу и въ которомъ въ первый разъ участвовали выборные отъ крестьянъ, былъ дѣйствительнымъ собраніемъ выборныхъ отъ всей земли и всѣхъ со-

словій и былъ выразителемъ мнѣній и желаній всей Руси, и на этомъ-то соборѣ былъ единогласно избранъ царемъ Михаилъ Θеодоровичъ. Такъ какъ московское государство при вступленіи Михаила на престолъ было сильно разорено и не было средствъ для веденія войны съ внѣшними врагами, внутренній порядокъ тоже еще не установился, то молодой и неопытный Михаилъ Θеодоровичъ не могъ обойтись безъ усиленнаго содѣйствія всей земли въ успокоеніи государства и потому онъ часто созывалъ соборы для совѣщанія о дѣлахъ и сбора денегъ; на этихъ соборахъ не только подавались мнѣнія выборными, но составлялся соборный приговоръ отъ имени царя, бояръ и всякихъ чиновъ людей. Послѣдній земскій соборъ былъ при Алексѣѣ Михайловичѣ по случаю подданства Малороссіи въ 1653 году.

Приказы. По мѣрѣ уничтоженія удѣловъ, ихъ отдѣльныя управленія переносились въ Москву подъ названіемъ приказовъ, изъ которыхъ одни завѣдывали областями, другіе различными дѣлами правительственными и судебными. Число приказовъ увеличивалось постепенно, по мѣрѣ надобности; когда съ развитіемъ государственной дѣятельности, возникало какое-нибудь новое дѣло, то государь приказывалъ его вѣдать кому-либо изъ бояръ, окольничихъ или думныхъ дворянъ и назначалъ ему еще одного или двухъ помощниковъ дьяковъ, а иногда поручалъ вѣдать дѣло однимъ только дьякамъ; для письмоводства назначались подъячіе (приказные люди), и такимъ образомъ возникалъ новый приказъ. Должность дьяковъ занимали грамотныя и свѣдущія въ дѣлопроизводствѣ лица изъ духовнаго званія и изъ торговыхъ людей. Четыре дьяка, дѣлопроизводители боярской думы, назывались думными и имѣли очень важное значеніе въ московскомъ государствѣ. Простые дьяки назначались помощниками (товарищами) бояръ въ приказахъ и въ посольствахъ; подъячіе могли дослужиться до званія дьяка. Расходы по своему вѣдомству каждый приказъ покрывалъ тѣми доходами, которые онъ получалъ съ приписанныхъ къ нему городовъ и податныхъ людей. Всѣхъ приказовъ по счету Котошихина было 42.

Вотъ нѣкоторые изъ приказовъ: Приказъ тайныхъ дѣлъ, въ которомъ, говоритъ Котошихинъ, „сидитъ дьякъ да подъячихъ съ 10 человѣкъ и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякія царскія, тайныя и явныя; и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказа подъячіе съ послами въ чужія государства и на посольскіе съѣзды, и на войну съ воеводами для того, что послы въ своихъ посольствахъ много

чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ, а воеводы въ полкахъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми, и тѣ подъячіе надъ послами и воеводами подсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ. Послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царскаго гнѣва, тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они передъ царемъ ихъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ для того, чтобы его царскія мысли и дѣла исполняли всѣ по его хотѣнію, а бояре бы и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали". Посольскій приказъ завѣдывалъ иностранными сношеніями,—разрядный вѣдалъ всѣ служебныя назначенія,—приказъ большого дворца вѣдалъ приходы и расходы царскаго дворца,—помѣстный распредѣлялъ помѣстья служилымъ людямъ,—приказъ новгородская четверть вѣдалъ города Новгородъ, Псковъ, Нижній, Архангельскъ, Вологду и нѣкоторые другіе,—челобитный разсматривалъ прошенія, поданныя на имя государя,—панихидный вѣдалъ поминаніе по умершимъ великимъ князьямъ, царямъ, царицамъ, царевичамъ и царевнамъ и объявлялъ по городамъ и монастырямъ, въ какой день по комъ творить память,—счетный провѣрялъ доходы и расходы всего государства,—аптекарскій вѣдалъ аптеку, 30 иностранныхъ докторовъ и 20 ихъ русскихъ учениковъ.

Распредѣленіе дѣлъ между приказами было весьма неправильное: такъ иногда дѣла одного рода вѣдались разными приказами (напр., военное дѣло въ приказахъ стрѣлецкомъ, пушкарскомъ, оружейномъ),—одинъ приказъ вѣдалъ разнородныя дѣла (напр., приказъ тайныхъ дѣлъ завѣдывалъ еще гранатнымъ дѣломъ и царской лѣтней потѣхой — кречетами, ястребами, соколами),—кругъ дѣятельности у однихъ былъ очень большой (напр., приказъ большого дворца вѣдалъ больше 40 городовъ), у другихъ, наоборотъ, весьма маленькій (напр., приказы аптекарскій и панихидный). Вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія дѣлъ по приказамъ, дѣла въ нихъ разбирались очень долго и часто передавались изъ одного приказа въ другой. Кромѣ того, дьяки и подъячіе, бывшіе въ сущности главными лицами въ приказахъ, такъ какъ бояре были обыкновенно не особенно свѣдущи въ веденіи дѣлъ, позволяли себѣ часто всякія неправды и намѣренно затягивали рѣшеніе дѣла ради взятокъ, хотя и подвергались тяжелымъ наказаніямъ въ случаѣ обличенія ихъ проступковъ, такъ, напр., подъячему за неправильную запись дѣла отсѣкали руку, а за взятки били кнутомъ и отставляли отъ должности.

Областное управленіе. Московское государство дѣлилось на уѣзды, которые отчасти образовались изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ, постепенно присоединяемыхъ московскими князьями къ своей области, вслѣдствіе чего уѣзды были неравномѣрны по коли

честву населенія и по пространству. Уѣзды раздѣлялись на станы, погосты и губы, а эти послѣднія на волости. Во главѣ уѣздовъ стояли назначаемые государемъ изъ служилыхъ людей воеводы, соотвѣтствовавшіе княжескимъ посадникамъ удѣльнаго времени. При Іоаннѣ IV было позволено уѣзднымъ обывателямъ выбирать себѣ изъ своей среды или изъ служилыхъ лицъ излюбленныхъ головъ, губныхъ и земскихъ старостъ, которые бы замѣняли царскихъ намѣстниковъ, но въ половинѣ XVII в. эти выборныя власти снова были замѣнены воеводами, назначаемыми царемъ. Главная обязанность воеводъ, что̀ показываетъ и ихъ названіе, была военная. Воевода долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ города его уѣзда были хорошо укрѣплены и снабжены всѣмъ необходимымъ для защиты въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Когда государь созывалъ служилыхъ людей на войну, то воевода долженъ былъ позаботиться, чтобы всѣ помѣщики его уѣзда немедленно собрались для отбыванія военной службы, но самъ онъ на войну не ходилъ, а съ частью ратныхъ людей оставался въ городѣ для защиты своего уѣзда. Въ наказахъ, получаемыхъ воеводами отъ царя, перечислялись слѣдующія ихъ обязанности: „воевода долженъ смотрѣть, чтобы все государево было цѣло, чтобъ вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобы въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, бою, грабежа; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать и по сыску наказывать. Воевода судитъ также во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ и смотритъ, чтобы всѣ доходы государевы доставлялись сполна съ города и уѣзда“. Кромѣ воеводъ въ уѣздахъ еще были земскія выборныя власти, т.-е. избранныя самимъ уѣзднымъ населеніемъ изъ своей среды, которыя помогали воеводамъ въ управленіи и были отъ нихъ зависимы.

Таковы были—губные старосты, выбиравшіеся изъ уѣздныхъ дворянъ и вѣдавшіе уголовныя дѣла, т.-е. они были обязаны ловить и судить разбойниковъ и воровъ,—земскіе старосты изъ посадскихъ людей, раскладывавшіе и собиравшіе подати и повинности среди тяглыхъ уѣздныхъ людей и завѣдывавшіе городовымъ хозяйствомъ,—головы и цѣловальники (присяжные), собиравшіе въ казну пошлины судныя, торговыя, питейныя, и другія низшія должностныя лица.

На эти земскія должности выбирали каждый годъ новыхъ лицъ; должности эти не были особенно привлекательны, такъ какъ лица, занимавшія ихъ, *должны были пополнять* изъ своего имущества всякіе казенные убытки и недоимки. Должность же воеводъ была очень выгодная, доходная, такъ какъ воевода получалъ отъ уѣздныхъ жителей приношенія (кормленіе) настолько значительныя, что

онъ могъ на нихъ не только существовать со своимъ семействомъ, но еще и поправить свое состояніе, и это кормленіе по тогдашнимъ понятіямъ, было вполнѣ естественное. Опредѣленнаго жалованья отъ государя воеводы не получали; но иногда государь жаловалъ ихъ деньгами, какъ наградой за усердную службу. Кромѣ кормленія воевода еще получалъ пошлины съ разныхъ судебныхъ дѣлъ; понятно, что служилые люди желали получить воеводство. Московскіе цари назначали на воеводство преимущественно тѣхъ служилыхъ людей, которые были ранены на войнѣ и были неспособны болѣе къ военной службѣ, да къ тому же еще были небогаты. Если же лица, способные къ военной службѣ, добивались воеводства, то это считалось какъ бы уклоненіемъ отъ прямой службы царю на войнѣ. Обыкновенный срокъ воеводской службы былъ 1 или 2 года и очень рѣдко воеводы оставались на третій годъ—за особенно усердную службу. Въ наказахъ, даваемыхъ отъ царя воеводамъ, обязанности послѣднихъ не были опредѣлены вполнѣ точно, а самый способъ исполненія этихъ обязанностей и совсѣмъ предоставлялся усмотрѣнію воеводъ, такъ какъ въ наказѣ говорилось: „дѣлать воеводамъ по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ“. Вслѣдствіе этого воеводы и ихъ дѣлопроизводители дьяки и подъячіе часто позволяли себѣ поступать въ областяхъ, особенно въ отдаленныхъ отъ Москвы, напр., въ Сибири, весьма произвольно, тѣмъ болѣе, что въ ихъ рукахъ находилась и судебная власть: не довольствуясь, напр., добровольными приношеніями, они устанавливали большіе поборы съ жителей въ свою пользу. Бывало и такъ, что воевода, получая большія взятки отъ обывателей, не заботился о правильномъ сборѣ съ нихъ податей въ казну или помогалъ помѣщикамъ своего уѣзда уклоняться отъ военной службы, чѣмъ, конечно, наносилъ ущербъ государству. Такіе корыстные воеводы подвергались тяжелому наказанію, когда ихъ поступки дѣлались извѣстны правительству, да и сами уѣздные обыватели могли подать жалобу на воеводу въ тотъ московскій приказъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, или даже пожаловаться на него самому царю.

Судопроизводство. Въ XV и XVI в. въ областяхъ судили княжескіе намѣстники при участіи выборныхъ отъ городскихъ и сельскихъ обывателей, но въ XVII в. на судѣ воеводъ и ихъ дьяковъ выборныхъ отъ населенія уже не было; вмѣстѣ съ тѣмъ прежній словесный судъ замѣнился письменнымъ, болѣе сложнымъ и про-

должительнымъ судопроизводствомъ. Рѣшеніе дѣлъ часто передавалось изъ низшаго судебнаго мѣста въ высшее—отъ воеводы въ московскій приказъ, изъ приказа дѣло докладывалось царю, который рѣшалъ самъ или поручалъ рѣшить боярской думѣ. Доказательствами на судѣ служили показанія свидѣтелей, поличное, письменные документы, присяга, а въ уголовныхъ дѣлахъ—допросъ мѣстныхъ обывателей о совершенномъ преступленіи и о личности обвиняемаго, а также пытка, которая замѣнила судъ Божій; судебные поединки въ XVII в. не допускались.

Олеарій въ своемъ сочиненіи перечисляетъ слѣдующія пытки, употреблявшіяся въ московскихъ судахъ: „преступнику связываютъ за спиною руки, поднимаютъ его на веревкѣ къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязываютъ тяжелый брусъ, на которомъ палачъ прыгаетъ и такимъ образомъ вытягиваетъ члены преступника. На землѣ подъ ногами раскладывается иногда при этомъ огонь, который причиняетъ ужасныя мученія несчастному, опаляя жаромъ ноги и дымомъ захватывая ему дыханіе. Иногда же преступнику на головѣ пробриваютъ волосы и на выбритое мѣсто каплютъ холодною водою; эта пытка должна быть невыносимо мучительна. Нѣкоторыхъ преступниковъ, смотря по роду преступленія, при такихъ пыткахъ бьютъ еще кнутомъ, и по ранамъ, образующимся у нихъ на тѣлѣ отъ разсѣченія кнутомъ, водятъ раскаленнымъ желѣзомъ“.

Наказанія за преступленія были очень жестокія. За менѣе важные проступки людей всѣхъ сословій били кнутомъ и батогами; несостоятельныхъ должниковъ ставили на правежъ, т.-е. ежедневно выводили изъ долговой тюрьмы на площадь и цѣлый часъ били батогами по ногамъ, пока они не заплатятъ долга или кто-нибудь ихъ не выручитъ, причемъ господа за свои долги могли выставлять на правежъ своихъ холоповъ (помѣщики сами судили своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій). За первое воровство послѣ пытки сѣкли плетью, отрѣзывали одно ухо и затѣмъ сажали въ тюрьму на 2 года, а за второе—отрѣзывали другое ухо, сажали въ тюрьму на 4 года и затѣмъ ссылали въ украинные города. За уголовныя преступленія назначалась смертная казнь: обезглавленіе, четвертованіе, колесованіе, висѣлица, сажаніе на колъ, сожженіе, заливаніе горла растопленнымъ металломъ. Кромѣ того, что рѣшеніе дѣлъ въ тогдашнихъ судахъ тянулось долго, иногда нѣсколько лѣтъ, воеводы и приказные люди позволяли себѣ еще при случаѣ брать взятки и рѣшать дѣла несправедливо, хоть по Соборному Уложенію имъ за это и полагалось жестокое наказаніе. Народъ въ сатирическихъ сказкахъ о Шемякиномъ судѣ и Ершѣ Щетинниковѣ изобразилъ этотъ московскій судъ со всѣми его неправдами.

205

Войско. Какъ въ удѣльной Руси войско состояло преимущественно изъ княжеской дружины, такъ и въ московскомъ государствѣ главною обязанностью служилыхъ людей было отбываніе воинской повинности, но между дружинниками и служилыми людьми была большая разница. Дружинники были храбрые воины, искусные въ военномъ дѣлѣ, съ сознаніемъ военныхъ обязанностей, съ побужденіями воинской чести; они составляли постоянное войско, такъ какъ тогда шли непрерывныя войны съ кочевниками и князья часто враждовали между собою. Въ московской Руси дружинники превратились въ помѣщиковъ—мирныхъ землевладѣльцевъ, которые жили въ пожалованныхъ имъ отъ государя помѣстьяхъ и только по его призыву являлись на войну, такъ что военная служба была для нихъ очень тяжела. Неподготовленные къ военному дѣлу и вызываемые на войну послѣ спокойной жизни въ имѣньяхъ, помѣщики часто очень неохотно шли на войну, стараясь или совсѣмъ отъ нея уклониться, или поскорѣе вернуться въ свое помѣстье. За побѣги изъ полковъ и уклоненіе отъ службы они подвергались впрочемъ тѣлеснымъ наказаніямъ и лишенію помѣстій. Помѣщики (бояре, дворяне и дѣти боярскіе) должны были являться на войну съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ и конныхъ слугъ соразмѣрно съ величиной ихъ помѣстья и составляли главную часть московскаго войска—конницу. Дворяне московскаго уѣзда составляли царскій полкъ, а всѣ придворные чины—спальники, стольники и др. составляли отрядъ царскихъ тѣлохранителей. Кромѣ конницы была пѣхота, которая состояла изъ стрѣльцовъ, городовыхъ казаковъ и даточныхъ людей. Стрѣлецкіе полки, заведенные при Іоаннѣ IV, были единственнымъ постояннымъ и хорошо вооруженнымъ войскомъ; числомъ ихъ было 22 полка по 1,000 человѣкъ въ каждомъ и начальниками полковъ были дворяне и дѣти боярскіе. Большая часть стрѣлецкихъ полковъ находилась въ Москвѣ, остальные въ другихъ городахъ. Въ военное время стрѣльцы ходили на войну, а въ мирное жили въ отдѣльныхъ слободахъ со своими семействами, занимались торговлей и промыслами и въ то же время отправляли въ городахъ гарнизонную, полицейскую и пожарную службу; изъ московскихъ стрѣльцовъ нѣкоторые назначались тѣлохранителями царя во время его поѣздокъ. Стрѣльцы получали постоянное денежное жалованье и были свободны отъ всякихъ податей. Городовые казаки въ мирное время жили на отведенныхъ имъ земляхъ, которыя они обрабатывали, податей никакихъ не платили и получали во время войны жалованье. Даточныхъ людей

собирали въ случаѣ войны по одному человѣку съ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ, причемъ землевладѣльцы должны были ихъ вооружать и продовольствовать. Кромѣ того были еще охочіе люди, шедшіе на войну добровольно. При нарядѣ или артиллеріи были пушкари, которые тоже жили въ особыхъ слободахъ. Къ этому войску такъ называемаго „русскаго строя“ въ иныхъ случаяхъ присоединялись малороссійскіе и донскіе казаки, татары и отряды изъ калмыковъ, мордвы и другихъ инородцевъ. Войны съ поляками, ливонцами и шведами въ XVI в. показали преимущество з. европейскаго регулярнаго войска надъ московскимъ. Недостатки московскаго войска состояли въ томъ, что все оно, кромѣ стрѣльцовъ, къ военному дѣлу было непривычно и послѣ войны возвращалось къ мирному труду, было плохо вооружено и дисциплина была очень слабая. Въ полной исправности являлись на войну только богатые помѣщики—бояре и придворные чины, большинство же мелкихъ помѣщиковъ являлось плохо вооруженными и даже иногда безъ огнестрѣльнаго оружія съ однимъ только лукомъ и стрѣлами.

Въ виду такого состоянія войска московскіе государи, начиная съ Годунова, стали нанимать въ русскую службу иностранные отряды, а въ половинѣ XVII в. начали приглашать на службу иностранныхъ офицеровъ для обученія русскихъ ратныхъ людей з. европейскому военному строю. Было составлено изъ безпомѣстныхъ служилыхъ, изъ тяглыхъ и охочихъ людей около 60 конныхъ и пѣшихъ русскихъ полковъ подъ иностранными названіями „солдатъ, драгунъ, гусаръ, рейтаръ“, начальниками которыхъ были иностранные офицеры; полки эти, обученные иностранными офицерами, назывались войскомъ „иноземнаго строя“. Во время войны служившимъ въ этихъ полкахъ давали жалованье и вооруженіе, а въ мирное время они распускались по домамъ на отведенныя имъ земли и только ежегодно на мѣсяцъ, послѣ уборки хлѣба, собирали ихъ для обученія ратному дѣлу. Всего войска русскаго и иноземнаго строя при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было 200,000. Мало свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ и плохо вооруженные, русскіе ратные люди въ открытомъ полѣ большею частію не могли устоять противъ з. европейскаго правильнаго войска, но въ городахъ они храбро защищались. По свидѣтельству и своихъ и иностранныхъ писателей, русское войско обнаруживало уже и въ то время большое мужество и способность выносить на войнѣ всякія лишенія.

Московія и ея климатъ по описанію иностранцевъ. „Московія представляла видъ совершенной равнины, покрытой обширными лѣсами и пересѣкаемой

по всѣмъ направленіямъ большими рѣками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московія не что иное, какъ сплошной лѣсъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ его выжгли для обращенія въ поле, годное къ обработкѣ. Поверхность этой равнины рѣдко подымается значительными возвышеніями; часто на обширномъ пространствѣ не встрѣтишь ни одного значительнаго холма. Страна эта имѣетъ огромное протяженіе въ длину и ширину. Съ юга и частію съ востока она окружена неизмѣримыми пустынями, безлѣсными и скудными водою степями, а съ запада и сѣвера обширными дикими лѣсами или болотистыми мѣстностями. Благодаря этому трудно проникнуть въ нее или выйти изъ нея окольными путями, и каждый долженъ держаться большихъ дорогъ, чтобы не зайти въ непроходимыя лѣсистыя или болотистыя мѣста. Крымскіе татары не даромъ называли лѣса для московскаго государства великими крѣпостями. Лѣса богаты пушными звѣрями, невѣроятно высокими соснами, превосходнымъ дубомъ и кленомъ. Московія казалась западнымъ европейцамъ другою частью свѣта не по одному отдаленному своему положенію на границахъ Азіи и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многимъ особенностямъ своей природы, своего климата, отличавшагося рѣзкими противоположностями въ явленіяхъ зимы и лѣта. Западные путешественники съ удивленіемъ разсказываютъ о чудесахъ, которыя творитъ тамъ морозъ: отъ его суровости земля трескается, образуя широкія разсѣлины, и деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозятъ сани съ замерзшими сѣдоками; хищные звѣри, гонимые голодомъ и стужей, выбѣгая изъ лѣсовъ и нападая на селенія, врываются въ дома жителей, которые отъ страха разбѣгаются и мерзнутъ подлѣ своихъ жилищъ. Зима смѣняется совершенно другими явленіями. Большія рѣки, пересѣкающія Московію, поднимаясь отъ тающихъ весною снѣговъ, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, иногда не просыхающею до тѣхъ поръ, пока рѣки опять не покроются льдомъ и болота не окрѣпнутъ отъ мороза настолько, чтобы по нимъ можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лѣсовъ, рѣкъ и озеръ, обилію растеній, страна бываетъ чрезвычайно пріятна и прекрасна весной и въ началѣ лѣта; но неумѣренные лѣтніе жары, подобно зимнимъ холодамъ, дѣлаютъ невыносимымъ путешествіе по странѣ и сопровождаются печальными явленіями: подъ вліяніемъ знойнаго солнца отъ громадныхъ лѣсовъ и безчисленныхъ стоячихъ водъ зарождается такое множество комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, что съ трудомъ можно защититься отъ нихъ. Рѣки и источники во многихъ мѣстахъ высыхаютъ, трава и хлѣбъ выгораютъ на лугахъ и поляхъ, отъ чего происходитъ страшная дороговизна жизненныхъ припасовъ. Такіе жары сильно способствовали пожарамъ, и Герберштейнъ видѣлъ, какъ горѣли деревни, лѣса и поля, покрытыя созрѣвшимъ хлѣбомъ, весь округъ наполнялся мракомъ и дымомъ, страшно разъѣдавшимъ глаза. Въ первой четверти XVI в. встрѣчаемъ краткія указанія на то, что глухія лѣсныя пространства начали уступать усиліямъ осѣдлаго населенія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно предполагать большое развитіе промышленной дѣятельности и большую степень населенности. Герберштейнъ также видѣлъ въ

московской области множество пней большихъ деревьевъ и заключаетъ изъ этого, что недавно страна была еще лѣсистѣе. Воздухъ вообще, особенно въ центральныхъ областяхъ, хорошъ и здоровъ, такъ что тамъ мало слышно о заразительныхъ болѣзняхъ, которыя бы происходили собственно отъ климата". (Ключевскій).

Промышленность и торговля. Московское государство было богато всякими естественными произведеніями, свойственными умѣренному климату, добываніемъ которыхъ занимались преимущественно его жители. Такъ какъ почва страны отличалась плодородіемъ, особенно въ центральныхъ областяхъ, то главнымъ занятіемъ жителей было земледѣліе, въ которомъ сохранялись еще самые первобытные пріемы. Главными хлѣбными растеніями были пшеница, рожь, ячмень, овесъ, греча, горохъ и просо. Успѣшному *развитію земледѣлія мѣшали рѣдкость населенія и прикрѣпленіе* крестьянъ, замѣнившее вольнонаемный крестьянскій трудъ обязательнымъ. Съ земледѣліемъ тѣсно связывалось скотоводство, которое доставляло важные продукты для заграничной торговли— кожи и сало. Обиліе лѣсовъ и рѣкъ давало возможность заниматься звѣроловствомъ, пчеловодствомъ и рыболовствомъ. Жители почти всѣхъ центральныхъ областей послѣ земледѣлія болѣе всего промышляли добываніемъ мѣховъ, меда, воска и рыбы, а въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ земледѣліе было менѣе развито, добываніе мѣховъ и рыбный промыселъ являлись на первомъ планѣ и къ нимъ присоединялось еще добываніе соли. Мѣха добывались собольи, лисьи, куньи, бѣличьи, рысьи, горностаевые, бобровые, медвѣжьи и вывозились болѣе всего изъ Сибири. Благодаря обилію и дешевизнѣ лѣса, всѣ постройки и домашняя утварь дѣлались по преимуществу изъ дерева. Кромѣ этихъ главныхъ промысловъ занимались отчасти добываніемъ селитры, сѣры, желѣза, слюды, дегтя. Въ XVII в. рудокопное дѣло приняло большіе размѣры, такъ какъ отыскиваніемъ и разработкою рудниковъ занялись пріѣхавшіе къ намъ съ запада мастера; ими были открыты пріиски мѣдной, серебряной и золотой руды въ сѣв.-восточномъ краю. Въ XVII в. стали заниматься въ Москвѣ садоводствомъ и огородничествомъ, а въ Астрахани винодѣліемъ. Всѣ эти промыслы при хорошей разработкѣ могли бы доставить богатство странѣ, но они большею частью производились въ московскомъ государствѣ самыми первобытными способами и потому ихъ едва хватало для народнаго существованія. Хорошихъ и искусныхъ въ разныхъ ремеслахъ мастеровъ среди русскихъ людей почти не было, а жившіе въ Москвѣ искусные мастера были родомъ иноземцы. Въ XVII в.

было нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, устроенныхъ иностранными купцами, причемъ мастерами на нихъ были тоже иностранцы, напр., заводы около Тулы, на рѣкахъ Костромѣ, Шекснѣ, Вагѣ, олонецкіе заводы. Всѣ эти заводы поставляли для казны пушки, ядра, ружья. Было нѣсколько суконныхъ и полотняныхъ фабрикъ, работавшихъ на царскій дворъ.

Московское государство вело значительную торговлю съ зап. Европой и Азіей, причемъ предметы вывоза на востокъ и западъ были различные. Въ товарахъ, отпускавшихся на востокъ, преобладали произведенія болѣе или менѣе обработанныя, какъ-то: шерстяныя и полотняныя одежды, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки и, съ разрѣшенія начальства или тайкомъ, оружіе и желѣзо. Къ намъ съ востока шли шелковыя и хлопчатобумажныя матеріи, ковры, парча, драгоцѣнные камни, пряные коренья, шелкъ, краски и проч. На западъ же изъ московскаго государства отпускались почти исключительно сырыя произведенія: медъ, воскъ, смола, сало, мѣха, кожи, икра, ленъ, пенька, лѣсъ и отчасти хлѣбъ, а съ запада привозили къ намъ преимущественно фабричныя издѣлія: оружіе, металлическія вещи, сукна, полотна, сахаръ, бумагу, большое количество серебряной и золотой монеты въ качествѣ товара, а не денегъ, такъ какъ торговля была большею частью мѣновая, разныя пряности и вина и пр. Въ XVII в. главными пунктами внѣшней торговли съ востокомъ была Астрахань, а съ западомъ Архангельскъ, куда и съѣзжались русскіе и иноземные купцы со своими товарами — восточные въ Астрахань, з.-европейскіе въ Архангельскъ. За границу русскіе купцы сами не ѣздили, такъ какъ пребываніе русскаго человѣка въ иновѣрныхъ земляхъ считалось въ московскомъ государствѣ весьма опаснымъ изъ боязни за чистоту вѣры и обычаевъ, а съ другой стороны иностранные купцы старались мѣшать этимъ поѣздкамъ, такъ какъ, покупая русскіе товары на мѣстѣ, они извлекали для себя больше выгоды. Изъ Москвы, которая была главнымъ мѣстомъ внутренней торговли и въ которую постоянно пріѣзжало много купцовъ русскихъ и иноземныхъ, шло 4 пути для внѣшней торговли—по Волгѣ къ Астрахани, черезъ Ярославль и Вологду по С. Двинѣ къ Архангельску, черезъ Смоленскъ въ Литву и Польшу и путь къ Новгороду и Пскову. Важными торговыми городами кромѣ Москвы были Нижній-Новгородъ, Казань, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ, Ярославль, Вологда, а для Сибири—Верхотурье и Тобольскъ. Въ Сибирь шла дорога по Камѣ, и такъ какъ русскія владѣнія въ Сибири

въ XVII в. уже соприкасались съ Китаемъ, то съ послѣднимъ тоже вели торговлю. Кромѣ названныхъ городовъ и во всѣхъ остальныхъ были рынки и базары, куда окрестные жители пріѣзжали для купли и продажи, а въ нѣкоторыхъ городахъ или вблизи монастырей устраивались ярмарки ежегодно въ извѣстное время, преимущественно въ храмовые праздники. Надо замѣтить, что многія обстоятельства мѣшали развитію русской торговли,—такъ не было устроенныхъ путей сообщенія и лѣтомъ былъ возможенъ только рѣчной путь, но и онъ затруднялся вслѣдствіе отсутствія каналовъ, такъ что обыкновенно товары возили въ города зимой большими обозами въ нѣсколько сотъ возовъ. Съ товаровъ собирали большія пошлины и торговымъ людямъ приходилось выносить много притѣсненій отъ воеводъ и приказныхъ людей. Много мѣшала безпошлинная торговля англичанъ до временъ Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, на всѣхъ главныхъ рынкахъ покупались иностранные товары для царя и продавались царскіе товары, а потому купцы могли начинать торговлю только по окончаніи царской и покупать иностранные товары уже послѣ того, какъ лучшіе были отобраны въ казну; торговля нѣкоторыми предметами, напр., виномъ, дорогими мѣхами, даже находилась исключительно въ рукахъ казны. Иностранцы находили русскихъ весьма способными къ торговлѣ, но замѣчали наклонность русскихъ торговцевъ къ обману покупателей. Торговля съ иностранцами была преимущественно мѣновая, а внутренняя производилась при помощи денегъ, причемъ въ обращеніи ходила только серебряная монета. Ходячей серебряной монетой были копѣйки, на которыхъ изображался в. князь на конѣ съ копьемъ въ рукахъ, деньги (полкопѣйки) и полушки (четверть копѣйки). Изъ сложенія копѣекъ составлялись высшія счетныя единицы — алтынъ гривна, полтина, рубль, которыя не имѣли однако соотвѣтствующихъ имъ металлическихъ знаковъ; въ рублѣ считалось сто денегъ, на чеканку которыхъ шло 16 золотниковъ серебра. Русская монета чеканилась изъ иностраннаго серебра, привозимаго къ намъ въ видѣ слитковъ или монетъ. Золотой монеты въ ходу не было, а ее покупали и продавали въ видѣ товара для подарковъ царю и боярамъ.

Доходы. Главнымъ источникомъ доходовъ московскаго государства были подати, собиравшіяся съ тяглыхъ людей.

„Служилый человѣкъ долженъ былъ служить, говоритъ Соловьевъ, посадскій тяглый платить на содержаніе, на жалованье ратнымъ людямъ; такое первоначальное отношеніе между двумя частями народонаселенія длилось вѣка и усло-

вило основной взглядъ ихъ другъ на друга: военный смотрѣлъ на посадскаго или на крестьянина, какъ на человѣка, котораго трудъ и сбереженія этого труда имѣли непосредственное назначеніе кормить его, ратнаго человѣка".

Относительно сбора доходовъ не было установлено правильной системы, и дошедшія до насъ извѣстія своихъ и иностранныхъ писателей не даютъ намъ вполнѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ великъ былъ доходъ со всего государства и сколько тратилось въ отдѣльности на различныя государственныя нужды. Вообще надо замѣтить, что вслѣдствіе незначительнаго развитія промышленности и торговли и рѣдкости населенія при огромномъ пространствѣ земли государственные доходы были очень невелики и часто ихъ не хватало на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Вслѣдствіе этого кромѣ прямыхъ податей тяглые люди платили еще разнообразные пошлины и налоги, напр., полоняничныя деньги для выкупа плѣнныхъ, пищальныя—на вооруженіе войска и др., и отбывали различныя повинности, напр., поставляли лошадей для проѣзда пословъ и должностныхъ лицъ, давали кормленіе воеводамъ и пр. Кромѣ того, при недостаткѣ средствъ въ случаѣ войны тяглые люди должны были временно вносить извѣстную сумму денегъ или извѣстное количество продовольствія для ратныхъ людей.

Жилища и одежда. Въ концѣ XVII в. московское государство по занимаемому имъ пространству было очень обширно. Сѣверной его границей былъ Ледовитый океанъ, западной—Ладожское и Чудское озера и рѣка Днѣпръ до Запорожской Сѣчи включительно, юго-восточной—низовья Дона и сѣв.-западные берега Каспійскаго моря, а на дальнемъ востокѣ въ Сибири его владѣнія простирались до нижняго теченія Амура и Восточнаго океана. На этомъ громадномъ пространствѣ весьма немногочисленное населеніе жило въ городахъ, селахъ и деревняхъ. Главную часть города составлялъ кремль или дѣтинецъ, гдѣ находились слѣдующія зданія: соборъ, воеводскій дворъ и приказная изба (мѣсто воеводскаго суда), государева житница, казенный дворъ для сохраненія пороха, тюрьма, избы ратныхъ людей, дворы для помѣщиковъ и народа, которые скрывались здѣсь въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Кремль былъ окруженъ деревянными и въ самыхъ главныхъ городахъ каменными зубчатыми стѣнами; на стѣнахъ были башни съ окнами и отверстіями, изъ которыхъ стрѣляли въ осаждающихъ. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ для защиты отъ непріятеля вблизи городовъ дѣлались еще земляныя насыпи, лѣсныя засѣки и завалы и устраивались небольшія укрѣпленія—острожки. Кругомъ кремля,

за стѣной располагался посадъ, въ которомъ жили торговцы, ремесленники и промышленники (посадскіе люди). Въ посадѣ находился рынокъ или торгъ. Посадъ въ пограничныхъ городахъ тоже былъ защищенъ валомъ или стѣной. Къ посадамъ иногда еще примыкали слободы, жители которыхъ пользовались извѣстными льготами сравнительно съ жителями деревень; слободы назывались по занятіямъ ихъ жителей — стрѣлецкой, ямской, гончарной и пр. Городовъ въ московскомъ государствѣ было сравнительно немного, гораздо больше было селъ и деревень, раскинутыхъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, причемъ многія деревни были очень невелики—въ 3, 4 избы. Болѣе многолюдные города, села и деревни находились на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ. Самымъ замѣчательнымъ городомъ по величинѣ, многолюдству, красивому внѣшнему виду и обилію каменныхъ зданій и церквей была столица Москва, въ которой, по свидѣтельству иностранцевъ, во второй половинѣ XVII в. находилось до 100,000 домовъ и до 2,000 церквей вмѣстѣ съ часовнями и домовыми церквами бояръ и окружность которой со всѣми ея слободами составляла 38 верстъ. Города тогда не имѣли мостовыхъ и уличнаго освѣщенія. Рѣдкое населеніе и густые дремучіе лѣса представляли много удобствъ для разбойниковъ, отъ которыхъ страдали не только сельскіе жители, но и городскіе, и даже въ Москвѣ бывали частые разбои.

Городъ состоялъ изъ отдѣльныхъ дворовъ, огороженныхъ заборомъ и иногда очень обширныхъ, съ одними или нѣсколькими воротами, надъ которыми ставились иногда образа. Посреди двора у зажиточныхъ людей помѣщались деревянныя хоромы съ крыльцомъ, состоявшія обыкновенно изъ трехъ этажей: нижняго или подклѣта, гдѣ помѣщалась прислуга и кладовыя, средняго или горницы, раздѣлявшейся перегородками на нѣсколько комнатъ, и верхняго или терема (вышка, свѣтелка), окруженнаго балкономъ. Снаружи хоромы украшались различной узорчатой рѣзьбой и расписывались яркими красками. У богатыхъ людей бывало во дворѣ и нѣсколько хоромъ, соединенныхъ между собою сѣнями или крытыми переходами. Кромѣ хоромъ во дворѣ были и другія постройки— людскія избы, сараи, погреба, мыльня, и здѣсь же находились садъ и огородъ. Устройство деревянныхъ царскихъ хоромъ было такое же, но только онѣ были болѣе просторныя и затѣйливѣе изукрашенныя. Жилищами же простолюдиновъ были простыя избы, состоявшія изъ двухъ частей: теплой избы и холодной клѣти, съ подклѣтомъ, но по способу постройки одинаковыя съ хоромами,

такъ какъ основой русской постройки служила четырехъугольная клѣть, состоявшая изъ бревенъ, наложенныхъ одно на другое; такія клѣти или срубы продавались въ Москвѣ на рынкѣ уже готовыми. Во внѣшнемъ видѣ хоромъ, въ ихъ украшеніяхъ и рѣзьбѣ, равно какъ и въ постройкѣ храмовъ проявлялся своеобразный и затѣйливый русскій вкусъ, но каменные дворцы и дома, которыхъ въ XVII в. было уже довольно въ Москвѣ, строились въ з.-европейскомъ вкусѣ. Внутреннее убранство домовъ тоже соразмѣрялось съ бóльшимъ или меньшимъ достаткомъ хозяевъ. Въ крестьянскихъ избахъ съ маленькими окнами, затянутыми вмѣсто стекла бычачьимъ пузыремъ, не было никакихъ украшеній, кромѣ лавокъ, стола и полатей. У богатыхъ же людей полы покрывались коврами, стѣны обивались цвѣтными сукнами, печи дѣлались изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ, для сидѣнья и спанья служили лавки, прикрѣпленныя къ стѣнѣ и покрытыя полавочниками изъ дорогой матеріи, для сидѣнья же употребляли скамейки и табуреты, передъ лавками ставили длинные узкіе столы. Во всѣхъ комнатахъ въ переднемъ углу ставились на полкахъ образа въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, часто украшенные драгоцѣнными камнями, причемъ была особая комната (крестовая), въ которой вся стѣна увѣшивалась образами и гдѣ ежедневно утромъ и вечеромъ молилась вся семья и слуги. Во второй половинѣ XVII в. заводится иноземный обычай украшать комнаты зеркалами, часами, лубочными и религіозными картинками и расписывать потолки изображеніями религіознаго содержанія. Въ столовой комнатѣ ставились поставцы съ серебряными и золотыми ковшами, кубками, блюдами, подарками царя или родственниковъ; они употреблялись въ очень рѣдкихъ случаяхъ и переходили по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ обиходѣ же была мѣдная и оловянная посуда, а у простыхъ деревянная.

Русская одежда допетровскаго времени, одинаковая по покрою у богатыхъ и бѣдныхъ, различалась качествомъ матеріала. Богатый человѣкъ поверхъ опоясанной рубашки, воротникъ и края которой вышивались разноцвѣтными шелками, серебромъ, золотомъ и унизывались жемчугомъ, надѣвалъ шелковый или тонкій суконный узкій кафтанъ и подпоясывалъ его. На кафтанъ для пріема гостя или выхода надѣвалась ферязь — широкій, длинный кафтанъ съ длинными рукавами, а при выходѣ изъ дома сверхъ ферязи надѣвался опашень или однорядка съ откиднымъ воротникомъ и длинными откидными рукавами, а зимой шуба, которая была на дорогомъ

мѣху и служила предметомъ гордости ея владѣльца, такъ что иногда сидѣли въ шубѣ и въ комнатѣ при гостяхъ. Всѣ эти одежды (кафтанъ, ферязь, опашень, шуба) дѣлались изъ сукна, шелка, парчи, бархата и были разныхъ цвѣтовъ. Коротко остриженную голову знатные люди покрывали небольшой шапочкой (тафьей), а сверхъ нея надѣвали высокую горлатную шапку изъ дорогого мѣха съ бархатнымъ широкимъ верхомъ и въ ней часто сидѣли на парадныхъ обѣдахъ и въ боярской думѣ, но простой человѣкъ такой шапки носить не смѣлъ. На ноги богатые люди надѣвали полусапожки или сапоги изъ краснаго или желтаго сафьяна, шитые золотомъ или серебромъ. Одеждой простолюдина были холщевая рубаха и штаны, а въ холодное время кромѣ того сѣрый суконный кафтанъ (сермяга) до колѣнъ длиною и овчинный тулупъ; на головѣ простолюдинъ носилъ войлочную шапку, а зимой — мѣховую, на ногахъ лапти или кожаные сапоги. Женщины изъ богатаго круга сверхъ бѣлой или красной рубашки съ пристегнутыми къ рукавамъ вышитыми запястьями надѣвали длинный шелковый лѣтникъ, застегиваемый спереди до горла, съ длинными рукавами, украшенными золотымъ шитьемъ и жемчугомъ, и съ пристегнутымъ воротомъ или ожерельемъ. Верхней выходной женской одеждой былъ длинный суконный опашень съ частыми пуговицами, украшенный по краямъ шелковымъ или золотымъ шитьемъ, причемъ длинные рукава опашня висѣли, а руки продѣвались въ особые разрѣзы. Верхней одеждой были еще душегрѣи и шубы. Замужнія женщины должны были непремѣнно прикрывать свои волосы и потому дома онѣ носили на головѣ волосники или повойники и повязывались еще платкомъ, а при выѣздѣ изъ дома надѣвали богато украшенную кику или кокошникъ. Дѣвицы волосъ не закрывали, а, заплетя ихъ въ одну или двѣ косы, спускали на спину, на головѣ же носили широкую вышитую повязку съ длинными лентами назади. Зимой женщины при выходѣ изъ дома надѣвали мѣховыя шапки. Кромѣ дорогихъ одеждъ мужчины и женщины любили еще украшать себя ожерельями, шейными цѣпями, кольцами, серьгами и др. Дорогія шелковыя и парчевыя одежды, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными каменьями, надѣвали наши предки только изрѣдка, въ торжественныхъ случаяхъ, ихъ тщательно берегли и передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ какъ имъ неизвѣстенъ былъ обычай нашего времени часто измѣнять покрой платья; дома же и богатые люди носили платье изъ простыхъ недорогихъ матерій. Что касается понятій о красотѣ, то русскіе люди того времени считали

красивымъ человѣка высокаго роста, дороднаго, съ полнымъ бѣлымъ лицомъ и длинной окладистой бородой; точно также и въ женщинѣ красотой считались дородство, бѣлыя руки и румяное лицо, которое женщины высшаго круга обязательно еще должны были бѣлить и румянить.

Семейный бытъ. Съ семейнымъ бытомъ и особенно съ положеніемъ женщины у нашихъ предковъ XVI—XVII в. знакомятъ насъ два литературныхъ памятника этого времени, а именно: „Домострой“ и сочиненіе Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича“. Въ „Домостроѣ“ священникъ Сильвестръ, извѣстный совѣтникъ Іоанна Грознаго, собралъ правила житейской мудрости и домашняго семейнаго благочинія и изложилъ обязанности къ Богу, духовнымъ пастырямъ, къ царю и вообще къ ближнему. Котошихинъ былъ подъячій посольскаго приказа и написалъ свое сочиненіе въ Швеціи, куда онъ убѣжалъ (1666 г.) изъ Москвы по служебнымъ непріятностямъ; въ своемъ сочиненіи онъ описываетъ внутреннее устройство московскаго государства, а также говоритъ о нравахъ и обычаяхъ русскихъ людей XVII вѣка.

Въ семейномъ быту нашихъ предковъ еще въ полной силѣ были родовыя понятія и отношенія. Во главѣ семьи стоялъ отецъ и въ домѣ все дѣлалось по его волѣ и приказанію; жена, дѣти, хотя бы даже сыновья были взрослые и женатые, слуги—всѣ ему безпрекословно повиновались. Отецъ относился съ любовью и лаской ко всѣмъ членамъ своей семьи, но строго слѣдилъ за исполненіемъ ими ихъ обязанностей и наказывалъ ослушника.

„Если жена, или сынъ, или дочь, говоритъ Сильвестръ, слова и приказанія не слушаютъ, поступаютъ вопреки ему, не боятся, не дѣлаютъ того, что мужъ, отецъ или мать повелѣваютъ, то ихъ плетью постегать, смотря по винѣ; а бить ихъ наединѣ, не при людяхъ, наказать, потомъ пожаловать и ласковое слово молвить; а не гнѣваться ни мужу на жену, ни женѣ на мужа“.

Второе мѣсто въ семьѣ занимала жена, которая хотя была госпожей и хозяйкой въ домѣ, но не имѣла никакой самостоятельности, такъ какъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже и въ распоряженіяхъ по хозяйству, она должна была совѣтоваться съ мужемъ и дѣлать такъ, какъ онъ велитъ. Хорошая жена должна была быть доброй, молчаливой, трудолюбивой и послушной. По взгляду тогдашнихъ книжниковъ „достоитъ женамъ повиноваться мужамъ своимъ и послушливымъ быти, понеже послушнымъ Богъ подаетъ честь и славу, а непослушнымъ горькую муку. Добра жена и покорлива—вѣнецъ мужу своему есть“. Отъ жены кромѣ того требовалось,

чтобы она была хорошей, бережливой хозяйкой и умѣла дѣлать всякія домашнія работы; распредѣляя работы между слугами и показывая имъ, какъ и изъ чего что̀ дѣлать, она сама должна была служить для нихъ примѣромъ трудолюбія и усердія. По наставленію Сильвестра родители должны были заботиться о воспитаніи дѣтей—сыновей учить грамотѣ, вѣжеству, т.-е. умѣнью обходиться съ людьми, и разнымъ „промысламъ", а дочерей мать должна была пріучать къ веденію хозяйства и къ разнымъ рукодѣльямъ. Все это воспитаніе основывалось на страхѣ и наказаніи. Отецъ даже не долженъ быть играть съ дѣтьми, чтобы не уронить въ ихъ глазахъ своего авторитета и не ослабить въ нихъ страха къ нему. Родители должны были позаботиться о женитьбѣ сыновей и выдачѣ замужъ дочерей по достиженіи ими совершеннолѣтія. Сильвестръ даже совѣтуетъ тотчасъ по рожденіи дочери готовить ей понемногу приданое. Что касается слугъ, которыхъ было много въ богатыхъ домахъ, то они назывались домочадцами, т.-е. были какъ бы низшими членами семьи. Сильвестръ совѣтуетъ обходиться съ ними хорошо и держать ихъ въ домѣ столько, сколько хозяева могутъ прокормить и снабдить всѣмъ необходимымъ для жизни. За слугами наблюдала госпожа, а неисправныхъ слугъ наказывалъ уже самъ господинъ. Такова была идеальная русская семья, какъ ее изображаетъ Сильвестръ, но, конечно, далеко не всегда она была такою въ дѣйствительности. Относительно положенія женщины въ московскомъ государствѣ нужно замѣтить, что русскіе люди XVI—XVII в. подъ вліяніемъ византійскихъ и монашескихъ взглядовъ имѣли очень невысокое мнѣніе о женщинѣ: „умъ женскій не твердъ, аки храмъ не покровенъ; мудрость женская, аки оплотъ неокопанъ, до вѣтру стоитъ, вѣтеръ повѣетъ и оплотъ порушится; отъ жены начало грѣху и много бѣсу помощи въ женахъ". Въ царскомъ и боярскомъ быту существовало полное затворничество женщины, начавшееся еще во время монгольскаго ига. Жена и дочери боярина жили въ домѣ въ особомъ помѣщеніи (свѣтлица и теремъ) и видѣть ихъ могли изъ мужчинъ только самые близкіе родичи. Изъ дому онѣ выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ и въ церкви стояли въ особыхъ мѣстахъ на хорахъ, гдѣ ихъ никто не видѣлъ. У людей средняго круга жена сама занималась хозяйствомъ и смотрѣла за всѣмъ въ домѣ, руководствуясь, впрочемъ, совѣтами мужа. Жены людей богатыхъ и знатныхъ, у которыхъ хозяйство вѣдали особые слуги—дворецкіе и ключники, все время проводили въ терему, занимаясь только разными руко-

дѣльями и пустыми разговорами съ прислужницами и приживалками, что̀, конечно, не могло способствовать ихъ умственному развитію, и безъ того уже весьма небольшому, такъ какъ грамотѣ женщинъ не учили, считая ее для нихъ совершенно безполезной. „Московскаго государства женскій полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ не ученыя, и необычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты и на отговоры несмышлены и стыдливы". Въ царскомъ быту теремное заключеніе было еще болѣе строгое, такъ что, напр., если царица или царевна заболѣвали, то докторъ долженъ былъ ихъ лѣчить заочно по разсказамъ служанокъ, но видѣть ихъ ему ни за что не позволялось. Особенно печально было положеніе царевенъ, которыя даже не могли выйти замужъ: выйти за подданнаго не позволяла знатность рода, выйти за иностраннаго принца мѣшало различіе вѣроисповѣданія, такъ что, по словамъ Котошихина, „онѣ жили какъ пустынницы, мало видѣли людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и постѣ пребывали и лица свои слезами умывали". Быть женой и матерью—въ этомъ видѣли главное назначеніе женщины, а потому родители старались непремѣнно выдать дочерей замужъ, такъ какъ иначе пожилой дѣвицѣ, равно какъ и бездѣтной вдовѣ, оставалась одна дорога—монастырь. Браки заключались по рѣшенію родителей жениха и невѣсты, при содѣйствіи сватовъ и свахъ; согласія жениха и невѣсты не спрашивали, тѣмъ болѣе, что женили и выдавали замужъ въ очень раннемъ возрастѣ, иногда лѣтъ 14—15. Женихъ и невѣста не видѣли другъ друга до самой свадьбы, и женихъ узнавалъ о невѣстѣ по разсказамъ какой-либо своей родственницы, которой невѣсту показывали; при этомъ бывали иногда и такіе случаи, что покажутъ свахѣ или смотрильщицѣ одну дочь или даже красивую служанку, а выдадутъ замужъ другую дочь, некрасивую. Главное вниманіе при заключеніи брака обращалось на приданое и равенство происхожденія жениха и невѣсты. Свадьба праздновалась съ соблюденіемъ различныхъ обрядовъ и церемоній, которые еще и до сихъ поръ сохраняются въ быту простого народа. При такомъ способѣ заключенія браковъ въ боярскомъ быту семейная жизнь часто бывала весьма непривлекательна. У мужа съ женой былъ разладъ и постоянныя ссоры; часто случалось, что недовольные мужья и жены избавлялись другъ отъ друга монастыремъ, причемъ оставшійся въ міру могъ вторично вступить въ бракъ, и мужья иногда насильно постригали женъ; бывали случаи, что одинъ отъ другого избавлялся преступленіемъ. Въ быту простыхъ людей не было терем-

наго заключенія женщины, но положеніе ея въ домѣ мужа было очень тяжелое, такъ какъ на ней лежали многія трудныя работы и въ домѣ по хозяйству и на полѣ.

Образъ жизни русскихъ людей и вообще весь домашній бытъ былъ одинаковъ въ московскомъ государствѣ у людей всякаго состоянія. Монастырская жизнь была тогда высшимъ идеаломъ праведной христіанской жизни и поэтому благочестивые люди XVI—XVII в. старались насколько возможно уподобить свою домашнюю жизнь монастырской. Наши предки вставали очень рано, часа въ 4 утра, и начинали день молитвой. Если въ домѣ была особая крестовая комната или домовая церковь (у богатыхъ бояръ), то сюда сходились для утренней молитвы всѣ члены семьи и прислуга, причемъ передъ иконами зажигались лампады и свѣчи и курили ладономъ. Въ праздникъ же, а часто и въ будни многіе ходили въ церковь къ заутренѣ. Послѣ молитвы, напившись горячаго, напр., сбитню или взварцу изъ наливокъ съ клюквой и малиной, и покушавъ, хозяйка въ зажиточномъ домѣ съ согласія мужа дѣлала распоряженія относительно обѣда и задавала прислугѣ работу, а хозяинъ, осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ во дворѣ, приступалъ къ своимъ занятіямъ: бояринъ, напр., отправлялся во дворецъ къ государю или, если онъ занималъ какое-либо мѣсто, то на службу, купецъ шелъ въ лавку. Часу въ десятомъ бояре вмѣстѣ съ царемъ шли къ обѣднѣ; шли въ церковь и люди другихъ сословій, незанятые дѣлами; въ 12 часовъ обѣдали, причемъ царь и бояре обѣдали у себя отдѣльно отъ женъ и дѣтей, а послѣ обѣда всѣ, согласно укоренившемуся обычаю, ложились спать. Послѣ отдыха опять всякій занимался своимъ дѣломъ, а бояре съ царемъ ходили сначала къ вечернѣ и потомъ разбирали дѣла. Вечеромъ ходили въ гости или развлекались у себя дома, а затѣмъ, поужинавъ и помолившись всѣмъ домомъ въ крестовой комнатѣ, довольно рано ложились спать. Такой порядокъ жизни сложился постепенно и въ половинѣ XVII в. его соблюдали всѣ отъ царя до крестьянина; отступленіе отъ такого порядка сочли бы нарушеніемъ дѣдовскихъ обычаевъ—грѣхомъ, и только во второй половинѣ XVII в. начинаютъ проникать иноземные обычаи въ жизнь нѣкоторыхъ бояръ. Сильвестръ совѣтуетъ благочестивому человѣку, кромѣ частой молитвы дома и въ церкви, постоянно и обо всемъ совѣтоваться съ духовнымъ отцомъ, раздавать почаще милостыню и у себя дома кормить нищихъ, соблюдать всѣ посты. Благочестивый человѣкъ, по мнѣнію Сильвестра, долженъ избѣгать всякихъ развлеченій,

какъ-то: музыки, пляски, пѣнія, съ которыми тогда соединялось много непристойнаго.

„Когда начнутся гусли, гуденіе всякое и плясаніе, и скаканіе, и всякія игры и пѣсни бѣсовскія, говоритъ Сильвестръ, тогда, якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отыдутъ и ангелы Божіи отъ той смрадной бесѣды и возрадуются бѣси".

Такія развлеченія онъ считаетъ грѣхомъ, за который бываетъ наказаніе отъ Бога—болѣзни и разныя несчастія. Всѣ событія, происходившія въ семьѣ, какъ-то: крещеніе дѣтей, именины, свадьбы, сопровождались обязательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ и были поводомъ къ устройству пира, на который приглашались родные и знакомые. Пиры устраивались и по случаю церковныхъ праздниковъ и были вообще главнымъ развлеченіемъ въ то время, такъ какъ, за отсутствіемъ просвѣщенія, наукой и искусствомъ не занимались и не интересовались жизнью другихъ европейскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что въ московскомъ государствѣ и не получалось никакихъ политическихъ извѣстій. Особенно частые и долго продолжавшіеся пиры бывали у людей богатыхъ и знатныхъ. Хозяинъ встрѣчалъ гостя въ комнатѣ, въ сѣняхъ или на крыльцѣ, смотря по его званію, равно какъ и гость сообразно со своимъ чиномъ или въѣзжалъ во дворъ, или шелъ по двору пѣшкомъ (знатные люди считали неприличнымъ ходить по улицѣ пѣшкомъ и всегда ѣздили верхомъ или въ колымагѣ, а зимою въ саняхъ). Хозяинъ и гость по взаимномъ привѣтствіи при встрѣчѣ тоже соблюдали разныя церемоніи сообразно своему общественному положенію. Жены гостей обѣдали на женской половинѣ съ хозяйкой, а мужчины съ хозяиномъ и разсаживались за столомъ по знатности рода. Комната, въ которой происходилъ пиръ, украшалась самыми лучшими коврами, полавочниками и занавѣсами, равно какъ и на столъ ставилась самая дорогая посуда. Число кушаній было тоже гораздо больше обыкновеннаго, иногда подавалось больше 50; тутъ было печеное тѣсто въ разныхъ видахъ, щи, уха, мясо животныхъ и птицъ, разнаго сорта рыба, причемъ всѣ эти блюда въ изобиліи приправлялись чеснокомъ, лукомъ, шафраномъ. Въ числѣ лакомствъ подавались плоды, пастила, пряники и сахарныя фигуры, изображавшія разные предметы. На пирахъ особенно много пили, и напитками служили квасъ, медъ, пиво, водка и виноградныя иностранныя вина. Во время пира выходила хозяйка потчивать виномъ гостей, которые ее при этомъ цѣловали и отвѣшивали ей поклоны. Пиръ начинался въ полдень и продолжался до поздняго вечера, такъ какъ по окончаніи ѣды гости оста-

вались за столомъ и пили за здоровье царя, хозяина, другъ за друга; при этомъ часто бывало, что пиръ оканчивался ссорой и даже дракой. Для развлеченія гостей хозяинъ иногда приглашалъ гусляровъ и скомороховъ. Послѣ пира гости дарили хозяину разные подарки, поэтому воеводы особенно любили приглашать на свои пиры богатыхъ купцовъ. Бывали иногда пиры и другого рода: передъ пиромъ, устраиваемымъ въ большіе церковные праздники, приглашенное въ домъ духовенство служило молебенъ и затѣмъ обѣдало вмѣстѣ съ гостями; на дворѣ въ такихъ случаяхъ кормили нищихъ, а иногда и ихъ сажали за столъ; во время пира дьячки пѣли духовныя пѣсни. Кромѣ пировъ были и другія развлеченія, свойственныя духу вѣка. Въ домахъ бояръ жили дураки, шуты и шутихи, карлы, потѣшавшіе своихъ господъ разными выходками, а также пѣсенники и разсказчики. Охота, особенно соколиная, была любимымъ развлеченіемъ царя и бояръ. Простой народъ тѣшился кулачными боями, катаньемъ съ горъ, качелями, азартными играми въ карты, игрою въ зернь. Въ лѣтніе праздники водили хороводы, на святкахъ переряживались. Въ корчмахъ и на площадяхъ въ праздники Рождества, Пасхи, Масляницы скоморохи потѣшали народъ музыкой, пляской, разными прибаутками; богатые люди приглашали ихъ иногда къ себѣ на домъ, но благочестивые люди того времени считали грѣхомъ даже смотрѣть на такія забавы.

Просвѣщеніе. Просвѣщеніе въ московскомъ государствѣ вслѣдствіе долговременнаго татарскаго ига было мало распространено, такъ что даже и среди бояръ бывали неграмотные, не говоря уже о простомъ народѣ. Какъ въ царскомъ, такъ и въ народномъ быту все образованіе состояло только въ умѣньѣ читать, писать и пѣть церковныя пѣсни. Дѣти государя начинали учиться грамотѣ съ 5 лѣтъ, когда они съ рукъ мамы поступали на попеченіе дядьки или кормильца-боярина, которому поручался главный надзоръ за ихъ воспитаніемъ. Учителемъ царевича назначался подъячій или дьякъ, причемъ чистописанію училъ обыкновенно подъячій посольскаго приказа, въ которомъ процвѣтала русская старинная вычурная каллиграфія. Выучивъ наизусть все содержаніе букваря, царевичъ постепенно выучивалъ также наизусть часовникъ, псалтырь, апостольское дѣяніе и наконецъ евангеліе; такъ Алексѣй Михайловичъ на седьмомъ году началъ учить часовникъ, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого псалтырь и потомъ черезъ 3 мѣсяца апостольское дѣяніе. Семи лѣтъ царевичи начинали учиться письму и цер-

ковному пѣнію. Начальное обученіе царевенъ велось въ такомъ же порядкѣ и объемѣ, но только ихъ обучали женщины — „учительницы мастерицы". Кромѣ этого начальнаго обученія дѣти государя въ то же время знакомились посредствомъ картинокъ съ русской исторіей и со многими предметами вседневной жизни, т.-е. съ занятіями земледѣльца, ремесленника, промышленника и пр. То же самое первоначальное обученіе было и въ народномъ быту, гдѣ оно заканчивалось, впрочемъ, изученіемъ псалтыря. Любознательный же человѣкъ, если хотѣлъ, могъ продолжать свое образованіе посредствомъ чтенія бывшихъ тогда книгъ религіознаго и историческаго содержанія и тогда онъ уже считался книжнымъ, начитаннымъ. Въ народномъ быту грамотѣ обучали лица духовнаго званія, а въ Москвѣ и подъячіе. Помимо того, что ребенку трудно было научиться грамотѣ по тогдашнимъ пріемамъ, обученіе еще сопровождалось наказаніемъ и даже въ азбукахъ помѣщалось стихотворное увѣщаніе дѣтямъ о пользѣ для нихъ наказанія розгою.

«Мысль о недостаточности подобнаго образованія сознавалась немногими лучшими людьми древней Руси; мысль эта смутно бродила и въ сознаніи самого народа и въ сознаніи правительства, которое съ давняго времени призывало для своихъ цѣлей изъ Европы людей, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искусствѣ или наукѣ, какъ, напр., иноземныхъ офицеровъ, врачей и т. п. Слѣдственно, оно признало на дѣлѣ превосходство европейскаго просвѣщенія, европейской науки; слѣдственно, оно чувствовало необходимость этого просвѣщенія и для Руси. Уже Іоаннъ Грозный посылалъ русскихъ учиться въ Европу, а Годуновъ снарядилъ и послалъ въ Европу многихъ молодыхъ людей для наученія, но они не возвратились въ отечество. Борьба съ Польшею въ смутное время самозванцевъ и междуцарствія привела Русь въ болѣе близкое столкновеніе съ Западомъ и ясно указала на то, что отсутствіе просвѣщенія можетъ сдѣлаться опаснымъ для государства и для церкви и что, слѣдственно, нужно торопиться съ распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ число иноземцевъ разнаго рода, какъ-то: ратныхъ и торговыхъ людей, различныхъ мастеровъ и заводчиковъ, было уже въ Москвѣ весьма значительно. По свидѣтельству Олеарія, въ Москвѣ жило тогда около 1,000 протестантскихъ семействъ. Иноземные начала и обычаи, хотя строго преслѣдуемые властями духовною и свѣтскою, со времени самозванцевъ начали постепенно вторгаться въ русскую жизнь, что стало замѣтно въ особенности при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сама жизнь настойчиво указывала на насущную потребность въ знаніи и наукѣ и на несостоятельность однихъ византійскихъ началъ, которыми руководствовались представители древней Руси, для дальнѣйшаго развитія силъ государственныхъ и народныхъ. Западная образованность далеко опередила образованность византійскую. Лучшіе изъ византійскихъ ученыхъ съ половины XV вѣка и ранѣе сами обыкновенно

отправлялись для дальнѣйшаго образованія въ западныя школы. Становилось яснымъ, что для распространенія просвѣщенія на Руси необходимо было общеніе съ З. Европой, откуда только и могли прійти къ намъ знанія и науки. Но этого-то сближенія съ Европой всего болѣе и боялись представители древней Руси. Все, что шло съ Запада, было по ихъ понятіямъ еретическимъ и опаснымъ для русской православной вѣры. Цари московскіе, видя необходимость для государственныхъ цѣлей Россіи въ европейскихъ знаніяхъ и наукѣ, думали удовлетворить этой необходимости приглашеніемъ въ Россію иностранцевъ, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искусствѣ или наукѣ. Но безъ насажденія началъ европейскаго просвѣщенія, при полномъ отчужденіи, даже презрѣніи грамотниковъ тогдашней Руси ко всему иноземному, наплывъ разнаго рода мастеровъ и художниковъ изъ нѣмцевъ не могъ принести и, дѣйствительно, не принесъ никакой пользы Россіи и тѣмъ болѣе былъ безполезенъ для образованія народнаго. А между тѣмъ отсутствіе знаній и невѣжество народное становились вредными не только для государственной, но и для религіозной жизни древней Руси. Сама церковь нуждалась въ наукѣ для охраненія чистоты своего ученія. Невѣжественная привязанность къ буквѣ и къ обряду и непониманіе духа вѣры и смысла писаній господствовали не только въ грубомъ, неграмотномъ народѣ, но и въ средѣ самого духовенства. Грубыя ошибки, вносимыя безграмотными переписчиками въ церковныя и богослужебныя книги время отъ времени, все увеличивались и вслѣдствіе долговременнаго употребленія узаконялись и дѣлались неприкосновенной святыней для строгихъ ревнителей старины, слѣпо привязанныхъ къ буквѣ. Всякая попытка къ истребленію сказанныхъ ошибокъ служила поводомъ къ религіознымъ смутамъ и толкамъ, главная причина которыхъ всегда заключалась въ общей безграмотности и невѣжествѣ въ вопросахъ вѣры. Ученый монахъ Арсеній Глухой, которому въ 1616 г. царь Михаилъ повелѣлъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Діонисіемъ и другими лицами заняться исправленіемъ церковныхъ книгъ, подготовлявшихся къ печатанію, работалъ надъ этимъ дѣломъ $1^1/_2$ года и потомъ обвиненъ былъ вмѣстѣ съ товарищами своихъ трудовъ въ неправославіи и въ ереси. Оправдываясь отъ обвиненія, Арсеній Глухой въ своей челобитной, поданной боярину Салтыкову, говоритъ, что ихъ обвинители «сами едва азбуку умѣютъ, не знаютъ какія въ ней письмена гласныя, согласныя и двоегласныя, а чтобы 8 частей слова разумѣть и къ симъ предстоящая, сирѣчь роды и числа и времена, званія и залоги, то имъ ниже на разумъ вхаживало; а священная философія и въ рукахъ не бывала; не знаютъ ни православія, ни кривославія, точно на едину строку зрятъ, божественнаго писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти». Устранить подобное невѣжество въ дѣлѣ религіи возможно было только посредствомъ знаній и просвѣщенія, и вотъ въ Москвѣ возникла мысль объ учрежденіи высшей школы. Школу эту учредилъ передъ 1633 г. патріархъ Филаретъ при Чудовомъ монастырѣ. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ этой школѣ, называвшейся тоже патріаршею и греколатинскою. Затѣмъ уже въ 1649 г. постельничій и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Ртищевъ основалъ другое училище св. Андрея

въ Преображенскомъ монастырѣ и вызвалъ туда изъ кіевской лавры нѣсколько ученыхъ монаховъ. Монахи эти, впрочемъ, занимались въ Москвѣ болѣе переводами св. книгъ, нежели обученіемъ юношества. Царь Өеодоръ Алексѣевичъ, узнавъ изъ разсказовъ одного странника по Востоку о жалкомъ состояніи наукъ у грековъ, пожелалъ завести въ Москвѣ греческое училище, которое сдѣлалось бы мѣстомъ для образованія какъ грековъ, такъ и русскихъ. Училище это открыто было въ 1679 г.; въ него собрали 30 учениковъ и учителями назначили двухъ грековъ. Царь вскорѣ пожелалъ расширить основанное имъ греческое училище и сдѣлалъ изъ него академію. Бывшій наставникъ царя, Симеонъ Полоцкій написалъ уставъ новой академіи, скопировавъ его съ устава академіи кіевской. Но за учителями для задуманной московской академіи все же обратились съ просьбою къ константинопольскому патріарху, который предложилъ ѣхать въ Москву двумъ ученымъ братьямъ—Іоанникію и Софронію Лихудамъ. Лихуды прибыли въ Москву только въ 1685 г., и московская духовная академія была открыта уже послѣ смерти царя Өеодора во время правленія Софьи. Зданіе для московской академіи построено было въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, потому и сама академія называлась заиконоспасскими или спасскими школами. Такимъ образомъ съ учрежденіемъ московской академіи начинаетъ обнаруживаться въ Москвѣ вліяніе югозападной учености. Но въ Москвѣ было еще весьма сильно византійское вліяніе; московскіе книжники смотрѣли съ недоброжелательствомъ на ученыхъ югозападной Руси и по внушенію греческихъ патріарховъ заподозрѣвали ихъ въ латинскомъ еретичествѣ. Въ Москвѣ все еще считали, что въ дѣлѣ просвѣщенія наставниками для православныхъ могутъ быть только греки, хотя почти всѣ ученые греки того времени, пріѣзжавшіе въ Россію въ качествѣ учителей, сами получали образованіе въ западныхъ школахъ. Сами Лихуды, съ прибытіемъ которыхъ въ Москву начинается дѣятельность московской академіи, учились въ Венеціи и въ падуанской академіи. Метода преподаванія, равно какъ и кругъ наукъ, введенныхъ ими въ московскую академію, были пропитаны западнымъ схоластицизмомъ и вполнѣ согласовались съ преподаваніемъ кіевской академіи, съ той лишь разницей, что Лихуды больше обращали вниманія, чѣмъ въ Кіевѣ, на преподаваніе греческаго языка. Въ преподаваніи же другихъ наукъ, какъ-то: грамматики, піитики, риторики и философіи они слѣдовали строго схоластической методѣ, руководствуясь главнымъ образомъ въ преподаваніи почти всѣхъ наукъ однимъ Аристотелемъ. Той же системѣ преподаванія слѣдовали и ученики Лихудовъ, стоявшіе послѣ нихъ во главѣ московской академіи.—Обнаруживъ однажды стремленіе къ просвѣщенію, Москва постоянно чувствовала потребность въ людяхъ образованныхъ и знакомыхъ съ науками и, при всемъ недоброжелательствѣ и недовѣрчивости московскаго духовенства и книжниковъ къ югозападнымъ ученымъ, Москва однако не могла безъ нихъ обойтись, въ особенности послѣ основанія академіи. Число югозападныхъ ученыхъ начинаетъ увеличиваться въ Москвѣ особенно послѣ присоединенія Малороссіи. Представителемъ югозападной образованности является здѣсь Симеонъ Полоцкій, прибывшій въ Москву въ 1664 г. Со времени Полоцкаго плоды кіевской учености начи-

наютъ появляться довольно послѣдовательно и въ сѣв.-восточной Руси, такъ что югозападная русская образованность скоро обнаруживаетъ рѣшительное вліяніе на ученую и литературную дѣятельность Москвы. И здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, скоро появляются тѣ же школьные богословскіе трактаты и богословско-полемическія сочиненія, тѣ же духовныя проповѣди, сочинявшіяся по образцу западныхъ проповѣдей, тѣ же силлабическіе вирши и духовныя сценическія представленія». (Карауловъ).

Относительно народной поэзіи въ московскій періодъ русской исторіи замѣтимъ, что въ народѣ на ряду съ сохранявшимися былинами о старинныхъ богатыряхъ, пѣснями и сказками составлялись историческія пѣсни про Іоанна Грознаго, Ермака, Гришку Отрепьева, Скопина-Шуйскаго, Разина, царя Алексѣя Михайловича и духовные стихи и легенды о созданіи міра, о страшномъ судѣ, которые пѣлись нищими-богомольцами („калики перехожіе“). Съ этой народной поэзіей знакомы были и люди высшихъ сословій, такъ какъ въ дѣтствѣ они слышали ее отъ нянекъ и кромѣ того сказочники или бахари часто приглашались въ боярскія хоромы потѣшить своимъ пѣніемъ всю семью. Среди малорусскаго народа, находившагося подъ игомъ Польши, въ XVI—XVII в. слагались пѣсни или думы о казацкихъ подвигахъ въ борьбѣ съ поляками и татарами, которыя пѣлись кобзарями или бандуристами. Книжная же словесность состояла изъ книгъ религіозныхъ, поучительныхъ, историческихъ и т. наз. потѣшныхъ. Сюда относились сборники поученій отцовъ церкви — златоусты, златоструи, измарагды, сборники житій святыхъ, напр., четьи-минеи митрополита Макарія и кіевопечерскій патерикъ, пчелы, палеи, хронографы, составленные изъ лѣтописей своды и степенныя книги, разрядныя записки. Въ XVI в. появляются историческія записки, которыя имѣютъ весьма важное значеніе, какъ историческій источникъ, особенно въ виду того, что съ XVII в. составленіе лѣтописей прекращается. Изъ этихъ записокъ до временъ Петра замѣчательны — записки Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго, сказаніе Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря, записки Котошихина, описаніе Шушеринымъ жизни патріарха Никона, автобіографія Аввакума. Къ потѣшнымъ книгамъ относились разныя иноземныя повѣсти и сказки, занесенныя изъ Азіи и З. Европы, но передѣланныя въ русскомъ вкусѣ, напр. о Бовѣ королевичѣ, Александрѣ Македонскомъ, Синагриппѣ царѣ, и русскія легенды и повѣсти, напр., о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи, о Фролѣ Скобѣевѣ, сатирическія сказки о Шемякиномъ судѣ и Ершѣ Ершовичѣ, по-

вѣсть о Горѣ-злосчастіи. Въ XVII в. начинаютъ привозить изъ Польши даже нѣкоторыя книги научнаго содержанія, переведенныя на русскій языкъ, напр., географическія, космографическія и др. Чтеніемъ вышеупомянутыхъ книгъ и пополнялъ свои свѣдѣнія тотъ русскій человѣкъ, который не удовлетворялся изученіемъ часослова и псалтыря, но, конечно, очень не великъ былъ кругъ такихъ читателей, да къ тому же и книги по рѣдкости и дороговизнѣ (онѣ были рукописныя) были доступны очень немногимъ.

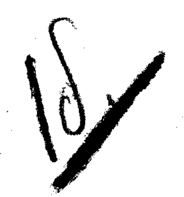
Нравы и обычаи. Съ нравами и обычаями русскихъ людей XVI и XVII в. хорошо знакомятъ насъ какъ русскіе источники—Судебники, Стоглавъ, Домострой, Записки Котошихина, такъ еще болѣе записки иностранцевъ, находившихся на московской службѣ или посѣщавшихъ московское государство въ качествѣ пословъ отъ иноземныхъ государей или въ качествѣ путешественниковъ.

Изъ этихъ записокъ особенно замѣчательны по изображенію русскихъ нравовъ и обычаевъ записки слѣдующихъ иностранцевъ: Герберштейна, бывшаго въ Москвѣ въ 1517 и 1525 гг. посломъ отъ германскаго императора,—Флетчера, бывшаго англійскимъ посломъ въ Москвѣ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ,—Голштинца Адама Олеарія, бывшаго въ Россіи въ 1634 г. и на пути въ Персію въ 1636 г.,—французскаго инженера Боплана, долго служившаго польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу и описавшаго Украйну,—Мейерберга, посла германскаго императора, бывшаго въ Россіи съ 1661 по 1663 г.,—Самуила Коллинса, англійскаго доктора царя Алексѣя Михайловича, жившаго въ Россіи съ 1659 г. по 1667 г.,—серба Крижанича, жившаго въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Много было темныхъ сторонъ въ жизни и характерѣ русскаго народа XVI—XVII в. Семейная жизнь въ большинствѣ случаевъ основывалась на деспотическихъ отношеніяхъ отца къ женѣ и дѣтямъ и рабскомъ страхѣ послѣднихъ передъ первымъ. Печально было положеніе русской женщины какъ въ высшемъ кругу, гдѣ она была заключена въ теремъ, такъ и въ низшемъ, гдѣ она исполняла самыя трудныя работы. Весьма мало была развита общественная жизнь, и каждый больше всего думалъ о себѣ и о своемъ родѣ, а не объ общей пользѣ. Суевѣріе, вѣра въ разное колдовство были распространены во всѣхъ классахъ общества. Пороку пьянства были подвержены люди всѣхъ сословій. Правежъ, страшныя пытки, жестокія тѣлесныя наказанія были отличіемъ тогдашняго суда. Въ пріемѣ иностранныхъ пословъ были очень подозрительны; на пословъ смотрѣли всегда такъ, какъ будто бы они пріѣхали съ враждебными намѣреніями и желаютъ что-либо про-

вѣдать, а потому не позволяли имъ сноситься ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ; старались во время проѣзда пословъ устроить такъ, чтобы они не увидали какихъ-либо темныхъ сторонъ русской жизни. Въ характерѣ русскаго народа иностранцы замѣчали слѣдующія непривлекательныя черты: высокомѣріе и гордость при сношеніяхъ съ иностранцами, лживость и хитрость, грубость въ обращеніи между собою, которая выражалась въ томъ, что русскіе бранились и дрались другъ съ другомъ, а бояре дѣлали это даже въ передней дворца въ ожиданіи царскаго выхода, незнакомство съ правилами приличія, грубость въ обхожденіи съ низшими и раболѣпіе передъ высшими, подозрительность. Иностранцы, впрочемъ, не скупились на указаніе темныхъ сторонъ жизни и характера русскаго народа и даже позволяли себѣ изъ предвзятаго мнѣнія о русскихъ дѣлать часто невѣрныя указанія. Указывая недостатки русскихъ людей, тѣ же иностранцы обратили однако вниманіе и на такія качества, которыя и въ настоящее время составляютъ отличительную особенность русскаго народа, какъ-то: безграничная преданность царю и православной вѣрѣ, высокая религіозность, природный умъ, добродушіе, гостепріимство, терпѣніе, выносливость. Причиной выше указанныхъ темныхъ сторонъ народной жизни и характера былъ недостатокъ просвѣщенія, вслѣдствіе чего древнерусскій человѣкъ былъ мало развитъ умственно и нравственно. Въ наше время человѣкъ начинаетъ свою общественную дѣятельность уже по окончаніи образованія, когда его физическому развитію соотвѣтствуетъ и развитіе духовное; въ Руси же московской то начальное обученіе, которое получали весьма немногіе, нисколько не подготовляло человѣка къ общественной дѣятельности, такъ что онъ, физически развитый, начиналъ ее съ неокрѣпшими еще духовными силами. Самостоятельнымъ русскій человѣкъ дѣлался очень поздно, такъ какъ по родовымъ понятіямъ младшій членъ рода, хотя бы онъ былъ вполнѣ возмужалый и былъ даже отцомъ семейства, долженъ былъ находиться подъ опекой старшихъ родственниковъ, пока они живы. Такая продолжительная опека съ одной стороны дѣлала его робкимъ передъ всякою силою, а съ другой стороны побуждала его проявлять свою силу надъ подчиненными ему женой, дѣтьми и слугами; нравственной же опеки общество ему не могло дать. За отсутствіемъ просвѣщенія и какихъ бы то ни было полезныхъ развлеченій становится понятнымъ пьянство, господствовавшее въ древней Руси во всѣхъ сословіяхъ.

Характеристика до-Петровской Руси. «Много темныхъ сторонъ находили въ московскомъ государствѣ иностранцы; свои русскія извѣстія нисколько не скрываютъ этихъ темныхъ сторонъ; громко вопіютъ противъ нихъ и церковь и государство, требуя исправленія. Но иностранцы не могли не отдать справедливости способностямъ русскаго народа: «необразованность сковываетъ этотъ народъ, говорили они, какъ же будетъ онъ могущественъ и страшенъ, когда пріобрѣтетъ образованіе». Дѣйствительно, нельзя не признать нравственной силы народа, который при самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ, въ сосѣдствѣ и безпрестанной борьбѣ и сношеніяхъ съ азіатскими варварами, раскинутый на громадныхъ пространствахъ, въ странѣ суровой, вдали отъ моря, вдали отъ тѣхъ европейскихъ народовъ, которые, благодаря стеченію разныхъ счастливыхъ условій, преимущественно потрудились для гражданственности, успѣлъ сохранить свой европейско-христіанскій образъ: трудясь тяжело и скромно при средствахъ самыхъ скудныхъ, населилъ громадныя, необитаемыя пространства восточной Европы и Сѣверной Азіи, положилъ здѣсь начало европейско-христіанской гражданственности; одинъ изо всѣхъ славянскихъ народовъ умѣлъ составить могущественное государство; въ безпрерывной борьбѣ съ неблагопріятными обстоятельствами, среди трудной и бѣдной жизни своей, не утратилъ способности движенія къ лучшему. Окончивъ съ торжествомъ борьбу съ востокомъ, успокоиваясь отъ смутъ внутреннихъ, бывшихъ въ началѣ XVII в., московское государство въ то же самое время начало все болѣе и болѣе сближаться съ западомъ, заимствовать отъ него плоды его цивилизаціи, хотя отрывочно, односторонне, съ колебаніемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ началѣ дѣла; а между тѣмъ вмѣстѣ съ внутреннимъ усиленіемъ потребности сближаться съ западомъ ослабѣвали внѣшнія препятствія къ этому сближенію, ослабѣвало польское государство вслѣдствіе событій, ознаменовавшихъ царствованіе Алексѣя Михайловича; оставалась одна Швеція, которая загораживала Европу отъ Москвы, которая держала у себя завѣтные прибалтійскіе берега. Сломить эту послѣднюю преграду и удовлетворить такъ ясно обнаружившейся потребности московскаго государства — сблизиться съ З. Европою суждено было младшему сыну царя Алексѣя Михайловича». (Соловьевъ).

НОВАЯ РОССІЯ.

Петръ I Великій (1682—1725 г.).

Правленіе царевны Софіи (1682—1689 г.).

Стрѣлецкій бунтъ. Двоевластіе. Вражда Милославскихъ съ Нарышкиными, которая началась еще при жизни царя Алексѣя Михайловича и продолжалась въ царствованіе Өеодора, возгорѣлась еще съ большею силою по смерти послѣдняго изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи. Такъ какъ Өеодоръ Алексѣевичъ дѣтей не имѣлъ и наслѣдника себѣ не назначилъ, то патріархъ Іоакимъ и большинство бояръ рѣшили объявить царемъ 10-лѣтняго Петра, младшаго брата Өеодора, помимо старшаго царевича Іоанна, болѣзненнаго и неспособнаго къ правленію. Когда патріархъ спросилъ народъ, собравшійся у краснаго крыльца, которому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ, то народъ тоже назвалъ Петра. Такимъ образомъ Петръ былъ превозглашенъ царемъ. За малолѣтствомъ Петра, мать его Наталья Кирилловна стала правительницей государства; Матвѣевъ былъ немедленно вызванъ изъ ссылки и занялъ высокое положеніе при дворѣ. Милославскіе, потерявшіе сразу всякое значеніе, не могли примириться съ этимъ, тѣмъ болѣе, что они боялись мести со стороны Нарышкиныхъ. Во главѣ Милославскихъ стояла царевна Софья, дочь Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. Послѣ смерти царя Алексѣя 6 его дочерей остались безъ всякаго надзора, такъ какъ нелюбимой и молодой мачихѣ онѣ не хотѣли повиноваться, а братъ ихъ царь Өеодоръ по молодости лѣтъ и слабости здоровья самъ нуждался въ руководителѣ. Царевны оставили строгое теремное заключеніе и стали вести болѣе открытую жизнь подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ взглядовъ на положеніе женщины, которые тогда уже распространялись въ Москвѣ. Одна изъ нихъ, Софья, отличавшаяся замѣчательнымъ умомъ и способностями, училась вмѣстѣ съ братьями у Симеона Полоцкаго, затѣмъ постаралась развить себя чтеніемъ и бесѣдами съ нѣкоторыми выдававшимися тогда по уму московскими боярами, напр., съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, который сдѣлался ея любимцемъ, и заняла выдающееся положеніе при дворѣ своего брата. Софья находилась постоянно около больного Өеодора; бояре при ней докладывали царю дѣла,

причемъ, вѣроятно, и сама она принимала участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Со смертью Θеодора положеніе Софьи совершенно измѣнилось: вмѣсто свободы и извѣстной доли власти, къ чему она уже привыкла, ее снова ожидало заключеніе въ теремъ, а, быть можетъ, и въ монастырь. Тогда властолюбивая Софья задумала при помощи стрѣлецкаго войска посадить на престолъ вмѣстѣ съ Петромъ царевича Іоанна и сдѣлаться правительницей государства.

Стрѣльцы, пользовавшіеся въ прежнее время разными преимуществами въ качествѣ царскихъ тѣлохранителей, при царѣ Θеодорѣ стали выражать сильное неудовольствіе на дурное обхожденіе съ ними ихъ начальниковъ. Послѣ избранія Петра они подали правительству жалобу на своихъ начальниковъ; бояре, заправлявшіе дѣлами, въ угоду стрѣльцамъ смѣнили ихъ полковниковъ и даже наказали безъ изслѣдованія виновности, потому что они боялись, какъ бы ни произошло среди стрѣльцовъ открытаго возстанія. Эта уступка стрѣльцамъ сдѣлала ихъ дерзкими и самонадѣянными и они стали позволять себѣ всякія безчинства. Матвѣевъ, возвратившійся въ это время изъ ссылки, сильно порицалъ послабленіе, сдѣланное стрѣльцамъ, чѣмъ, конечно, возбудилъ ихъ противъ себя. Такимъ положеніемъ дѣлъ царевна Софья и рѣшилась воспользоваться. При содѣйствіи своихъ сторонниковъ, Ивана Милославскаго, двухъ Толстыхъ и князя Хованскаго, она возбудила стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ ложными слухами, что Нарышкины, незаконно отстранивъ царевича Іоанна отъ престола, хотятъ его убить, а стрѣльцовъ наказать за ихъ своеволіе. 15 мая 1682 г. (въ этотъ день въ 1591 г. былъ убитъ царевичъ Дмитрій) поднялось все стрѣлецкое войско вслѣдствіе слуха, распущеннаго сторонниками Софьи, что царевичъ Іоаннъ задушенъ Иваномъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, и двинулось въ Кремль. Наталья Кирилловна вывела къ стрѣльцамъ обоихъ царевичей, чтобы стрѣльцы убѣдились, что ихъ обманули. Патріархъ, Матвѣевъ и князь Долгорукій, главный начальникъ стрѣльцовъ, пытались усовѣстить ихъ, но стрѣльцы, убивъ Матвѣева и Долгорукаго, ворвались во дворецъ и отыскивали спрятавшихся тамъ Нарышкиныхъ и другихъ лицъ, списокъ которыхъ былъ имъ данъ заранѣе. 3 дня во дворцѣ, въ присутствіи маленькаго Петра и другихъ членовъ царскаго семейства, и въ городѣ буйствовали стрѣльцы, муча и убивая всѣхъ поименованныхъ въ спискѣ лицъ, числомъ до 30; въ числѣ замученныхъ были два брата царицы. Когда мятежъ прекратился, то

по требованію стрѣльцовъ Іоаннъ долженъ былъ царствовать вмѣстѣ съ Петромъ, а правленіе государствомъ за молодостью царевичей было вручено царевнѣ Софьѣ. Вслѣдъ затѣмъ оба царя вмѣстѣ вѣнчались на царство и для нихъ былъ сдѣланъ двойной тронъ съ закрытымъ позади него мѣстомъ для царевны Софьи. По русскимъ понятіямъ царица-вдова за малолѣтствомъ сына была естественной правительницей государства, какъ, напр., Ольга, Елена, Наталья Кирилловна, но до этого времени еще на Руси не бывало, чтобы во главѣ правленія стояла дѣвица.

Волненіе среди раскольниковъ. Казнь Хованскаго. Прямымъ слѣдствіемъ стрѣлецкаго бунта было волненіе, поднятое въ Москвѣ раскольниками. Число раскольниковъ быстро увеличивалось, несмотря на преслѣдованія ихъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, когда главные представители раскола Лазарь, Аввакумъ и дьяконъ Ѳедоръ были сожжены въ Пустозерскѣ (1681 г.); раскольниковъ было очень много даже въ самой Москвѣ и ея окрестностяхъ. Московскіе раскольники, которыхъ много было среди стрѣльцовъ и къ которымъ принадлежалъ новый начальникъ стрѣлецкаго приказа князь Хованскій, назначенный Софьей, скрывали до сихъ поръ свою принадлежность къ расколу, но теперь открыто объявили себя раскольниками, такъ какъ увидѣли, какую силу имѣютъ стрѣльцы. Московскіе раскольники подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята, священника, разстриженнаго за расколъ, стали требовать, чтобы патріархъ вышелъ къ нимъ на лобное мѣсто и объяснилъ, почему преслѣдуется старая вѣра. Споръ патріарха съ раскольниками состоялся, но не на лобномъ мѣстѣ, а въ грановитой палатѣ въ присутствіи Софьи, Натальи Кирилловны и еще двухъ царевенъ. Споръ продолжался очень долго, раскольники вели себя крайне дерзко, позорили память царей Алексѣя и Ѳеодора и, выйдя изъ дворца уже вечеромъ, говорили народу, что они побѣдили. Чрезъ нѣсколько дней послѣ спора, по распоряженію Софьи, главные предводители раскольниковъ были схвачены и заточены, а Никита казненъ; сторонники же ихъ разбѣжались изъ Москвы по разнымъ областямъ. Волненіе въ Москвѣ, поднятое раскольниками, прекратилось, но число послѣдователей раскола въ областяхъ не уменьшалось. Софья велѣла принимать противъ раскольниковъ строгія мѣры: бить ихъ кнутомъ, а особенно упорныхъ и нераскаянныхъ еретиковъ предавать сожженію. Эти мѣры заставили многихъ раскольниковъ бѣжать въ юговосточныя степи и на западъ за границы московскаго государства.

Вслѣдъ за раскольничьимъ движеніемъ царевнѣ Софьѣ стала угрожать большая опасность со стороны Хованскаго, который былъ прежде ея соумышленникомъ и которому она болѣе всего была обязана своимъ возвышеніемъ. Хованскій съумѣлъ расположить къ себѣ стрѣльцовъ и, опираясь на нихъ, сталъ высокомѣрно обращаться не только съ боярами, но и съ самой Софьей. Однажды Софью даже увѣдомили подметнымъ письмомъ, что Хованскій намѣренъ погубить все царское семейство, патріарха, архіереевъ, бояръ, превозгласить себя царемъ и возвратить старую вѣру. Тогда Софья со всѣмъ царскимъ семействомъ поспѣшно удалилась въ Троицкій монастырь и, собравъ для своей защиты служилыхъ людей, вызвала Хованскаго изъ Москвы. Хованскій, ничего не подозрѣвая, поѣхалъ вмѣстѣ съ сыномъ, но ихъ на дорогѣ схватили по приказанію Софьи и безъ всякаго суда предали казни, хотя Хованскій и просилъ судить его. Говорятъ, что подметное письмо было сочинено боярами, враждовавшими съ Хованскимъ. Стрѣльцы, узнавъ о смерти Хованскаго, сначала взбунтовались, но вскорѣ увидѣли свое безсиліе передъ большимъ войскомъ служилыхъ людей, которые собрались на защиту царскаго семейства, и изъявили Софьѣ полную покорность. Софья простила стрѣльцовъ и назначила начальникомъ стрѣлецкаго приказа думнаго дьяка Шакловитаго, вполнѣ ей преданнаго.

Война съ турками. Договоръ съ Китаемъ. Въ правленіе Софьи былъ заключенъ съ Польшей вѣчный миръ (1686 г.), по которому Кіевъ, Смоленскъ и лѣвый берегъ Днѣпра, уступленный намъ Польшей по андрусовскому перемирію, закрѣплялись навсегда за Москвой, но зато Софья должна была помочь польскому королю Яну Собѣсскому въ его войнѣ съ Турціей. Въ силу договора съ Польшей князь Голицынъ два раза ходилъ съ большимъ войскомъ на крымскаго хана, чтобы помѣшать ему подать помощь туркамъ въ ихъ войнѣ съ поляками, но оба похода были неудачны, такъ какъ обширныя степи, отдѣлявшія Крымъ отъ московскихъ владѣній, представляли чрезвычайныя затрудненія для московскаго войска. Несмотря на неудачу походовъ, Голицынъ и другіе воеводы были щедро награждены Софьей, но царю Петру это очень не понравилось, и онъ не захотѣлъ видѣть Голицына и его товарищей, когда они пришли благодарить его за награды; это обстоятельство послужило, между прочимъ, поводомъ къ открытой борьбѣ Петра съ Софьей. Въ правленіе Софьи съ Китаемъ былъ заключенъ Нерчинскій договоръ (1689 г.), по кото-

рому оба берега Амура, завоеванные казаками, были уступлены китайцамъ.

Воспитаніе Петра. Въ 1689 г. младшій царь Петръ, которому уже минуло 16 лѣтъ, женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, слѣдовательно, по тогдашнимъ понятіямъ онъ уже считался совершеннолѣтнимъ и въ глазахъ народа получилъ полное нравственное право освободиться изъ-подъ опеки Софьи. Старшій братъ Петра, Іоаннъ, женатый на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой, по своей болѣзненности не вмѣшивался въ дѣла правленія и не былъ опасенъ для Софьи. Дѣтство Петра и воспитаніе, имъ полученное, были совсѣмъ другого характера, чѣмъ у прежнихъ московскихъ царевичей. Петръ родился 30 мая 1672 г. Рано лишившись отца, Петръ въ царствованіе брата Ѳеодора росъ въ удаленіи отъ двора въ селѣ Преображенскомъ подъ надзоромъ горячо любившей его матери. Будучи избранъ царемъ, онъ оставался въ томъ же удаленіи, такъ какъ правила его сестра Софья. Отличаясь геніальными способностями, живостью характера, необыкновенной любознательностью и дѣятельностью, Петръ быстро усвоилъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя могъ сообщить ему приставленный къ нему дьякъ Никита Зотовъ, „мужъ кроткій и смиренный, всѣми добродѣтелями исполненный и въ грамотѣ искусный“. Зотовъ прошелъ съ Петромъ азбуку, часословъ, псалтырь, даже евангеліе и апостолъ, причемъ все пройденное выучивалось Петромъ, по тогдашнему обычаю, наизусть. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ разсматривалъ съ царевичемъ особыя потѣшныя тетради, въ которыхъ были нарисованы золотомъ и красками города, палаты, разныя зданія, сраженія, взятіе городовъ, исторіи лицевыя съ прописьми (т.-е. съ текстомъ), и сопровождалъ этотъ обзоръ поясненіями. При этихъ поясненіяхъ Зотовъ касался и русской старины, разсказывая Петру о св. Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ, Грозномъ, о дѣяніяхъ царей Михаила и Алексѣя. 10-ти лѣтъ Петръ былъ избранъ царемъ и вскорѣ сдѣлался свидѣтелемъ страшнаго стрѣлецкаго мятежа, видѣлъ смерть Матвѣева и дядей, униженіе матери. Эти событія повліяли на его характеръ и здоровье: всю жизнь онъ страдалъ нервными припадками, голова его тряслась и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія. Съ назначеніемъ Софьи правительницей, Петръ съ матерью снова удалился въ Преображенское; воспитаніе его кончилось, такъ какъ Зотовъ былъ отъ него удаленъ, и маленькій Петръ былъ предоставленъ вполнѣ самому себѣ. Свѣдѣнія, сообщенныя Зотовымъ, не могли удовлетворить Петра, а только

еще болѣе развили въ немъ любознательность; но во дворцѣ матери не было такого человѣка, какимъ, напр., былъ Симеонъ Полоцкій для Ѳеодора Алексѣевича, который бы могъ руководить дальнѣйшимъ воспитаніемъ Петра и умѣрить излишнюю пылкость его характера. Чувствуя скуку во дворцѣ своей матери, гдѣ онъ видѣлъ вокругъ себя вѣчно печальныя лица и слышалъ постоянныя жалобы на царевну Софью, Петръ сталъ уходить изъ дворца на дворъ и въ садъ и заниматься тамъ игрою въ солдаты. Любимыми игрушками Петра, когда ему было только 3 года, были знамена, сабли, барабаны, и Петръ со своими сверстниками, дѣтьми бояръ, игралъ въ воинское дѣло. Эта игра стала теперь понемногу принимать у Петра характеръ уже настоящаго воинскаго обученія: игрушечныя оружія замѣнялись настоящими и устраивались примѣрныя сраженія. Кромѣ товарищей ровесниковъ Петръ сталъ принимать въ число своихъ „потѣшныхъ" людей всякаго званія, давая имъ мѣста въ своихъ полкахъ по ихъ знаніямъ и способностямъ. Изъ этихъ потѣшныхъ постепенно образовалось два солдатскихъ полка — преображенскій и семеновскій, обученныхъ правильному европейскому строю. Разъ Петру привезли изъ Франціи астролябію, но никто изъ окружавшихъ его русскихъ людей не могъ объяснить ея употребленія. Тогда въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ отыскали голландца Тиммермана, который объяснилъ Петру значеніе астролябіи, и 15-лѣтній Петръ сталъ учиться у него ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи. Другой иностранецъ, голландецъ Брандтъ, спустилъ для Петра на Яузу англійскій ботъ, найденный случайно Петромъ въ селѣ Измайловѣ среди разныхъ старинныхъ вещей. Плаваніе на ботикѣ чрезвычайно понравилось Петру и онъ перевезъ ботикъ на большое Переяславское озеро. Изъ бесѣдъ съ Тиммерманомъ и Брандтомъ Петръ узналъ, насколько иностранцы образованнѣе русскихъ, и вотъ онъ самъ сталъ посѣщать нѣмецкую слободу, познакомился съ жившими тамъ иностранными офицерами и мастерами и съ удовольствіемъ проводилъ время въ ихъ простомъ, безцеремонномъ, но веселомъ кругу. Хотя обыватели нѣмецкой слободы и не отличались особеннымъ образованіемъ, но все таки превосходили своими познаніями русскихъ людей, могли многое объяснить Петру, а главное заинтересовали его разсказами о З. Европѣ и ея цивилизаціи. Здѣсь Петръ сблизился съ шотландцемъ Гордономъ, который сдѣлался его руководителемъ въ военномъ дѣлѣ, а особенно съ женевцомъ Лефортомъ. Лефортъ вступилъ въ московскую службу еще при Алексѣѣ Ми-

хайловичѣ; веселый, общительный, хорошій разсказчикъ, онъ скоро сдѣлался самымъ близкимъ лицомъ къ Петру, имѣлъ на него сильное вліяніе и своими разсказами объ европейской цивилизаціи возбудилъ въ Петрѣ желаніе познакомиться съ ней и затѣмъ перенести ее въ Россію. Такимъ образомъ Петръ провелъ свои юношескіе годы не во дворцѣ, гдѣ строго соблюдались всѣ старинные обычаи и церемоніи, а на свободѣ и притомъ среди иноземцевъ, чѣмъ и объясняется, что самъ онъ такъ легко оставилъ всѣ обычаи старины. Натальѣ Кирилловнѣ не понравились эти частыя посѣщенія Петромъ нѣмецкой слободы и катанье на ботикѣ; думая остепенить сына, она выбрала ему невѣсту Лопухину; Петръ въ угоду матери женился на Лопухиной, но все-таки не оставилъ развлеченій и вскорѣ послѣ свадьбы опять уѣхалъ на Переяславское озеро.

Паденіе Софьи. Царевна Софья, вполнѣ освоившаяся съ властью, задумала уже сама вѣнчаться на царство, но, не найдя себѣ поддержки среди стрѣльцовъ, на которыхъ разсчитывала, должна была оставить свое намѣреніе. До 1689 г. Петръ занимался своими потѣхами и не принималъ никакого участія въ правленіи, но въ этомъ году между нимъ и Софьей произошло нѣсколько столкновеній, изъ которыхъ Софья могла убѣдиться, что 17-лѣтній Петръ самъ намѣренъ управлять государствомъ и что ей придется уступить ему власть. Наталья Кирилловна тоже открыто говорила о незаконности правленія Софьи. Стрѣльцы, несмотря на уговоры Шакловитаго, который былъ лично заинтересованъ въ правленіи Софьи, отказывались ее поддерживать. Тогда Шакловитый съ 5 преданными ему стрѣльцами задумалъ погубить Петра и его мать, и для исполненія этого замысла имъ была уже назначена, какъ говорятъ, ночь съ 7 на 8 августа. Два другихъ стрѣльца, узнавъ о заговорѣ, отправились ночью въ Преображенское и предупредили Петра объ угрожавшей ему опасности. Петръ тотчасъ же ускакалъ въ Троицкую Лавру, куда къ нему на другой день пріѣхали его мать, жена, преданные бояре, пришли также потѣшные и стрѣлецкій сухаревъ полкъ. Софья пыталась уговорить Петра возвратиться въ Москву и съ этою цѣлью посылала къ нему бояръ и даже патріарха, но Петръ не возвращался; патріархъ, не расположенный къ Софьѣ, также не возвратился. Софья сама поѣхала къ Петру, но онъ ее не принялъ, велѣлъ воротиться назадъ и потребовалъ выдачи Шакловитаго, Медвѣдева и остальныхъ ея сообщниковъ. (Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго, былъ игуменомъ Заиконоспасскаго монастыря, отли-

чался ученостью и вмѣстѣ съ Шакловитымъ былъ ревностнымъ сторонникомъ Софьи). Тогда Софья пробовала поднять на свою защиту оставшихся въ Москвѣ стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, обращалась съ рѣчью и къ народу, но безуспѣшно; иноземцы съ Гордономъ тоже ушли къ Троицѣ, а стрѣльцы заставили Софью выдать Шакловитаго съ его сообщниками. Дѣло Софьи было проиграно, и она по приказу Петра должна была удалиться на житье въ Новодѣвичій монастырь. Голицынъ былъ сосланъ, а Шакловитый, Медвѣдевъ и заговорщики стрѣльцы были казнены. Съ этого времени Петръ сталъ самодержавнымъ государемъ, такъ какъ братъ его Іоаннъ хотя и назывался царемъ, но не принималъ никакого участія въ правленіи; Іоаннъ V умеръ въ 1696 г., оставивъ 3 дочерей—Екатерину, Анну и Прасковью.

Единодержавіе Петра (1689—1725 г.).

Азовскіе походы. Постройка флота. Первыя 5 лѣтъ правленія Петра не были ознаменованы никакими важными событіями, такъ какъ 17-лѣтній Петръ продолжалъ заниматься своими потѣшными, но все-таки уже сильно было замѣтно сочувствіе Петра ко всему иностранному и новому. Не довольствуясь Переяславскимъ озеромъ, на которое было спущено, кромѣ ботика, еще 5 судовъ, вновь построенныхъ Брандтомъ, при дѣятельномъ участіи самого царя, Петръ въ это время ѣздилъ въ Архангельскъ и плавалъ по Бѣлому морю; здѣсь онъ осмотрѣлъ иноземные корабли и велѣлъ построить по ихъ образцу два русскихъ корабля. Въ 1694 г. умерла Наталья Кирилловна, и Петръ сдѣлался теперь вполнѣ самостоятельнымъ. Онъ совершилъ второе путешествіе въ Архангельскъ, посѣтилъ Соловецкій монастырь, изучалъ морскую службу подъ руководствомъ голландскаго шкипера и плавалъ по Бѣлому морю на военномъ кораблѣ, купленномъ по его заказу въ Голландіи. По возвращеніи изъ Архангельска въ Москву, Петръ устроилъ большіе маневры (кожуховскій походъ), во время которыхъ онъ со своими потѣшными взялъ земляное укрѣпленіе, защищаемое стрѣльцами. Первымъ важнымъ событіемъ въ его правленіе было взятіе турецкой крѣпости Азова. Такъ какъ война съ турками, начатая при Софьѣ, еще не была окончена, то Петръ задумалъ взять крѣпость Азовъ и такимъ образомъ проложить путь къ Черному морю: онъ хорошо понималъ, какъ необходимо было обладаніе сѣверными берегами Черного моря для политическаго могущества Россіи.

Первый Азовскій походъ (1695 г.), въ которомъ участвовалъ самъ Петръ подъ именемъ Петра Алексѣева, бомбардира преображенскаго полка, былъ неудаченъ, такъ какъ съ однимъ сухопутнымъ войскомъ, при отсутствіи свѣдущихъ инженеровъ, трудно было взять сильно укрѣпленный Азовъ, гарнизонъ котораго могъ получать еще помощь съ моря. По возвращеніи изъ похода, Петръ велѣлъ выстроить въ Воронежѣ въ одну зиму подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ, вызванныхъ изъ Архангельска, гребной флотъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ кораблей. Весною 1696 г. русскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Лефорта, спустившись по Дону, осадилъ Азовъ съ моря, а сухопутное войско подъ начальствомъ генералиссимуса Шеина осадило его съ суши. На этотъ разъ послѣ 2-мѣсячной осады Азовъ былъ взятъ. По случаю взятія Азова Петръ устроилъ еще не виданное въ Москвѣ празднество: были поставлены тріумфальныя ворота съ разными изображеніями и надписями, представлявшими торжество русскихъ надъ турками, и черезъ эти ворота торжественно прошло русское войско, возвратившееся изъ похода, причемъ самъ Петръ въ мундирѣ капитана шелъ пѣшкомъ передъ своимъ отрядомъ (Петръ началъ свою службу во флотѣ шкиперомъ). Чтобы утвердиться на Азовскомъ морѣ и затѣмъ овладѣть Чернымъ, Петръ рѣшилъ завести большой флотъ, причемъ въ засѣданіи боярской думы было постановлено построить флотъ на счетъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ и посадскихъ людей. Землевладѣльцы должны были соединиться въ кумпанства или отдѣльныя общества, и каждое кумпанство должно было къ извѣстному сроку выстроить одинъ корабль; всѣхъ кораблей было рѣшено выстроить 52. Гаванью для будущаго флота былъ выбранъ Таганрогъ при Азовскомъ морѣ, а корабли строились въ Воронежѣ мастерами, вызванными съ Запада. Въ то же время 50 спальниковъ и стольниковъ были посланы въ Англію, Венецію и Голландію учиться корабельному искусству, чтобы на будущее время не зависѣть отъ иностранныхъ мастеровъ.

Путешествіе Петра за границу. Въ 1697 году Петръ рѣшился самъ ѣхать за границу, чтобы поучиться корабельному мастерству, набрать въ русскую службу свѣдущихъ мастеровъ и познакомиться съ цивилизаціей запада. Великое русское посольство должно было отправиться къ германскому императору, королямъ англійскому и датскому, къ римскому папѣ, къ голландскимъ штатамъ, къ бранденбургскому курфюрсту и въ Венецію. Великими полномочными

послами были назначены Лефортъ, Головинъ и думный дьякъ Возницынъ; среди посольской свиты находился самъ Петръ подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Цѣлью посольства было объявлено „подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ". Петръ отправился инкогнито, такъ какъ ѣхалъ учиться и потому желалъ избѣжать пышныхъ и церемонныхъ встрѣчъ, которыхъ онъ не любилъ и которыя у него отняли бы много времени. Въ то же время Петръ могъ лично направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ мира или войны съ нею, и лично объясняться съ государями запада и ихъ министрами. Управленіе государствомъ на время своего отсутствія Петръ поручилъ 3 близкимъ боярамъ. Посылка за границу русскихъ молодыхъ людей, а еще болѣе поѣздка самого царя возбудили сильный ропотъ и негодованіе среди всѣхъ приверженцевъ старины. Передъ отъѣздомъ посольства даже былъ открытъ заговоръ на жизнь Петра; заговорщиками были одинъ стрѣлецкій полковникъ и двое бояръ, приверженцевъ старины. Послѣ ихъ казни великое посольство выѣхало изъ Москвы и направилось сначала въ Ригу; подозрительный шведскій комендантъ не позволилъ Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія, чѣмъ Петръ остался очень недоволенъ. Изъ Риги Петръ поѣхалъ въ Курляндію и затѣмъ въ Пруссію, гдѣ его приняли чрезвычайно радушно. Въ Пруссіи Петръ изучилъ артиллерійское дѣло и заключилъ съ бранденбургскимъ курфюрстомъ дружественный договоръ о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ и о свободномъ проѣздѣ черезъ Бранденбургъ русскихъ людей, которые поѣдутъ учиться въ Германію. Въ голландскихъ городахъ Саардамѣ и Амстердамѣ Петръ работалъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ на верфяхъ, какъ простой корабельный плотникъ; въ то же время великое посольство вело переговоры съ Голландіей о помощи Россіи въ войнѣ съ турками, но переговоры эти не увѣнчались успѣхомъ. Для усовершенствованія въ кораблестроеніи Петръ поѣхалъ въ Англію, гдѣ очень сошелся съ ея королемъ Вильгельмомъ. Кромѣ занятія кораблестроеніемъ, Петръ посѣщалъ въ Голландіи и Англіи разныя фабрики и мастерскія, занимался анатоміей, естествознаніемъ, математикой, нанималъ въ русскую службу опытныхъ мастеровъ и ученыхъ и заключилъ съ англійскими купцами договоръ о свободномъ ввозѣ въ Россію табака. Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну, гдѣ велъ переговоры объ условіяхъ заключенія мира съ Турціей, и отсюда хотѣлъ ѣхать

въ Венецію, но долженъ былъ возвратиться въ Москву, такъ какъ узналъ о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ.

Стрѣлецкій бунтъ. Еще передъ отъѣздомъ Петра за границу послано было на литовскую границу войско изъ служилыхъ людей, чтобы противодѣйствовать избранію французскаго принца на польскій престолъ послѣ смерти польскаго короля Яна Собѣсскаго. Въ отсутствіе Петра на смѣну служилыхъ людей были посланы на литовскую границу 4 стрѣлецкихъ полка, отбывавшихъ передъ тѣмъ трудную службу въ Азовѣ. Стрѣльцы, недовольные тяжелой службой, которую имъ приходилось нести въ царствованіе Петра, и подстрекаемые царевной Софьей, которая увѣряла ихъ, что Петръ погибъ за границей, самовольно возвратились въ Москву, съ намѣреніемъ перебить бояръ и ненавистныхъ имъ нѣмцевъ и посадить на престолъ Софью. Регулярные полки подъ начальствомъ Шеина и Гордона встрѣтили стрѣльцовъ близъ Москвы и, разсѣявъ ихъ нѣсколькими залпами артиллеріи, всѣхъ захватили въ плѣнъ. Затѣмъ былъ произведенъ надъ ними розыскъ, наиболѣе виновные стрѣльцы были повѣшены, другіе заключены. Петръ, по возвращеніи въ Москву, произвелъ новый розыскъ надъ стрѣльцами и при помощи страшныхъ пытокъ узналъ объ участіи Софьи въ мятежѣ стрѣльцовъ. Послѣ этого всѣ виновные въ бунтѣ стрѣльцы были казнены, а потомъ было распущено и все стрѣлецкое войско. Царевна Софья была пострижена въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и окончила свою жизнь послѣ 5-лѣтняго заключенія.

По поводу стрѣлецкихъ казней произошло столкновеніе Петра съ патріархомъ Адріаномъ. Патріархъ пришелъ къ Петру съ иконой Богородицы просить милости виновнымъ стрѣльцамъ. Петръ, нерасположенный къ патріарху за то, что Адріанъ возставалъ противъ бритья бородъ, съ раздраженіемъ отвѣчалъ ему: «Зачѣмъ пришелъ сюда съ иконою? Поставь ее на мѣсто и не мѣшайся не въ свои дѣла. Я не меньше тебя почитаю Бога и Пр. Богородицу, но моя обязанность и долгъ передъ Богомъ охранять народъ и казнить злодѣевъ, которые посягаютъ на его благосостояніе».

Первыя нововведенія. Путешествіе Петра за границу имѣло весьма важныя послѣдствія. Лично убѣдившись въ превосходствѣ З. Европы надъ Россіей въ образованіи, Петръ, по возвращеніи въ Москву (1698 г.), рѣшился вступить въ постоянныя сношенія съ Западомъ и перенести въ Россію зап.-европейское просвѣщеніе. Началомъ преобразованій было измѣненіе внѣшнихъ признаковъ, отличавшихъ русскихъ отъ зап.-европейцевъ; на другой день по возвращеніи изъ-за границы Петръ собственноручно отрѣзалъ бо-

роды у представлявшихся ему бояръ и затѣмъ велѣлъ всѣмъ русскимъ людямъ, кромѣ духовенства и крестьянъ, сбрить бороду и одѣть короткое нѣмецкое платье. Петръ началъ свои реформы измѣненіемъ внѣшняго вида русскаго человѣка, такъ какъ, за отсутствіемъ образованія, русскіе люди придавали большое значеніе внѣшности, формѣ, обряду и въ этой внѣшности видѣли свое главное отличіе отъ иностранцевъ. Понятно, что эти первыя нововведенія Петра были встрѣчены враждебно, особенно если мы припомнимъ, какое значеніе придавали бородѣ въ допетровское время. Не желавшимъ разставаться съ бородой было велѣно платить за ношеніе ея особую пошлину. Затѣмъ съ наступленіемъ 1700 года Петръ велѣлъ считать первымъ днемъ новаго года 1 января, а не 1 сентября, какъ считали у насъ раньше, и лѣтосчисленіе вести отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра.

Миръ съ Турціей. Великая сѣверная война (1700—1721 г.). Весною 1699 г. Петръ поѣхалъ въ Воронежъ. Новые корабли, построенные кумпанствами, уже были готовы къ плаванію, и Петръ выѣхалъ съ ними въ Азовское море, думая продолжать войну съ турками; но въ слѣдующемъ году онъ заключилъ съ Турціей миръ, такъ какъ одной Россіи безъ союзниковъ трудно было воевать съ нею. По этому миру (1700 г.) прибрежье Азовскаго моря съ городами Азовомъ и Таганрогомъ осталось за Россіей и кромѣ того Петръ отказался отъ платежа ежегодныхъ поминокъ крымскому хану. Такимъ образомъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія утвердиться на сѣв. берегахъ Чернаго моря и этимъ путемъ завести сношенія съ западомъ. На другой же день по заключеніи мира съ Турціей Петръ началъ войну со Швеціей, надѣясь завоевать берега Балтійскаго моря, которое было ближе и къ русскимъ владѣніямъ и къ З. Европѣ, чѣмъ Черное море.

(„Во время младенчества Руси, при отсутствіи крѣпкой государственной связи, единства направленія народныхъ силъ и яснаго сознанія народныхъ интересовъ,—въ это безпомощное время орденъ меченосцевъ отнялъ у Руси Ливонію, захватилъ здѣсь русскіе города и княжества; впослѣдствіи, когда объединенная Россія, съ яснымъ сознаніемъ необходимости для себя моря, устремилась къ нему,—поляки и шведы оттолкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движеніе все болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соединенное съ нимъ стремленіе къ морю; слѣдовательно, мы естественно должны ожидать, что когда преобразовательное движеніе пошло такъ рѣшительно, Россія немедленно начнетъ опять биться за берега Балтійскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, будучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гонясь за славою полководца-завоевателя, занятый одной мыслью о вну-

треннемъ преобразованіи, Петръ начинаетъ войну со шведами за Балтійское море, смотря на нее только какъ на средство этого преобразованія, исполняя завѣщаніе предковъ. Петръ не усумнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованіями, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнаго проведенія внутреннихъ преобразованій, и въ послѣднихъ видѣлъ средство для успѣшнѣйшаго окончанія войны. На войну великій царь смотрѣлъ гражданскимъ взглядомъ, именно, какъ подобаетъ правителю; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять почетное мѣсто среди другихъ народовъ,—не выпрашивать цивилизаціи, какъ милости, но предъявлять на нее свои безспорныя права. Мы видѣли, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціей, и что Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ,—характеръ морской войны, приготовивъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣпить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обратилъ на него сильное вниманіе, но продолженіе турецкой войны онъ вовсе не считалъ желаннымъ дѣломъ: турецкая война не могла быть школою для русскаго сухопутнаго войска; такою школою могла быть только европейская война и именно—война шведская, въ которой достигалась двойная цѣль: войско получало хорошую школу, и слѣдствіемъ хорошаго прохожденія этой школы было утвержденіе на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря". (Соловьевъ).

Мысль о войнѣ со Швеціей явилась у Петра еще во время пребыванія его за границей, такъ какъ на возвратномъ пути въ Москву, встрѣтившись съ польскимъ королемъ Августомъ II, Петръ уже говорилъ ему о своемъ намѣреніи воевать со Швеціей. Начиная войну, Петръ заключилъ противъ Швеціи наступательный союзъ съ Польшей и Даніей при содѣйствіи одного ливонскаго дворянина Паткуля, который желалъ отомстить шведскому правительству за отобраніе въ казну нѣкоторыхъ земель у ливонскаго дворянства. По плану, составленному Паткулемъ, Польша должна была отнять у Швеціи Лифляндію и Эстляндію, Россія—Ингерманландію (принадлежавшую нѣкогда новгородцамъ подъ именемъ водской пятины), прибрежье Финскаго залива, уступленное Швеціи по Столбовскому миру, и Карелію, а Данія — Голштинію, герцогомъ которой былъ зять шведскаго короля. Союзники надѣялись безъ большого труда побѣдить Швецію, такъ какъ ея король Карлъ XII былъ еще очень молодъ и велъ пустую и праздную жизнь, не обращая вниманія на дѣла государства; но Карлъ XII, узнавъ о заключенномъ противъ него союзѣ, вдругъ измѣнился: онъ бросилъ забавы, сдѣлался чрезвычайно дѣятельнымъ, сталъ вести простую жизнь и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ обнаруживалъ прямоту и рѣшительность, а во время сѣверной войны Карлъ обнаружилъ и замѣчательныя военныя способности. Быстро и неожи-

данно явившись подъ стѣнами Копенгагена, онъ заставилъ датскаго короля, уже овладѣвшаго Голштиніей, отказаться отъ союза съ Россіей и Польшей, признать независимость голштинскаго герцога и уплатить Швеціи денежную контрибуцію. Изъ Даніи Карлъ съ 8,000 войскомъ направился къ Нарвѣ и разбилъ на голову русское 35,000 войско, осаждавшее Нарву и состоявшее преимущественно изъ неопытныхъ новобранцевъ, находившихся подъ начальствомъ иностраннаго генерала; вся русская артиллерія досталась шведамъ. Оставивъ въ Ливоніи небольшое войско, Карлъ послѣ нарвской битвы двинулся въ Польшу противъ Августа II, гдѣ и оставался нѣсколько лѣтъ. Одинъ изъ шведскихъ генераловъ, напрасно старавшійся удержать Карла въ Ливоніи, замѣтилъ: „Кажется, нашъ король нарочно оставилъ насъ здѣсь съ малыми силами, чтобы научить русскихъ бить насъ", и, дѣйствительно, выходъ Карла изъ Ливоніи былъ чрезвычайно выгоденъ для Петра.

Пользуясь отсутствіемъ Карла, Петръ собралъ новое войско и велѣлъ отлить изъ лишнихъ церковныхъ колоколовъ до 300 пушекъ. Бояринъ Шереметевъ, поставленный во главѣ русскаго войска, двинулся въ Лифляндію и одержалъ надъ шведами 2 побѣды, за что получилъ отъ Петра званіе фельдмаршала; Лифляндія была страшно разорена русскими войсками. Въ то время какъ Шереметевъ воевалъ въ Лифляндіи, Петръ получилъ извѣстіе, что шведы намѣреваются захватить Архангельскъ. Петръ немедленно отправился на защиту Архангельска и провелъ тамъ все лѣто 1702 года, но такъ какъ шведы не приходили, то Петръ вернулся назадъ и рѣшилъ пробиться къ Балтійскому морю. Пріѣхавъ въ Ладогу, Петръ вызвалъ Шереметева изъ Лифляндіи и немедленно повелъ войско къ шведской крѣпости Нотебургъ (новгородскій Орѣшекъ). Нотебургъ былъ взятъ и переименованъ Петромъ въ Шлиссельбургъ, т.-е. Ключъ-городъ, такъ какъ эта крѣпость, находившаяся при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, служила ключемъ къ морю. Затѣмъ Шереметевъ двинулся изъ Нотебурга далѣе по правому берегу Невы и вмѣстѣ съ Петромъ взялъ небольшую шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ (1 мая 1703 г.), находившуюся въ устьяхъ Невы (гдѣ теперь Охта); здѣсь же Петръ одержалъ и первую морскую побѣду: посадивъ на лодки свое войско, онъ окружилъ 2 шведскихъ корабля, шедшихъ на защиту Ніеншанца, и взялъ ихъ съ бою. Пробившись къ Балтійскому морю, Петръ рѣшился утвердиться здѣсь и поэтому, срывъ Ніеншанцъ,

основалъ новый городъ — Петербургъ на островѣ Лустъ Эйландѣ (нынѣшняя Петербургская сторона) 16 мая 1703 г.; для защиты Петербурга съ моря была заложена крѣпость Кронштадтъ на островѣ Котлинѣ. Въ то же время на берегахъ Свири въ Лодейномъ полѣ немедленно была начата постройка кораблей для будущаго балтійскаго флота. Въ этомъ же году Шереметевъ взялъ шведскіе города Копорье и Ямы и предалъ опустошенію Эстляндію, а въ слѣдующемъ году (1704 г.) имъ были взяты Дерптъ и Нарва. Между тѣмъ Карлъ XII все это время воевалъ въ Польшѣ съ Августомъ II. Разбитый Карломъ и неутомимо преслѣдуемый имъ по всей Польшѣ, Августъ переходилъ изъ одного города въ другой, но не думалъ отказываться отъ польской короны, какъ того желалъ Карлъ. Карлъ хотѣлъ низложить Августа, чтобы возвести на польскій престолъ другого короля и въ союзѣ съ нимъ продолжать войну съ Россіей, которой онъ намѣревался продиктовать условія мира по взятіи Москвы. Убѣдившись, что ему не вытѣснить Августа изъ Польши, Карлъ заставилъ польскій сеймъ низложить Августа съ престола и выбрать королемъ познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго; но такъ какъ многіе поляки еще держали сторону Августа, то Августъ продолжалъ оставаться въ Польшѣ. Для поддержки Августа Петръ послалъ значительное войско въ Литву, но оно не имѣло успѣха и должно было возвратиться обратно. Чтобы заставить Августа покинуть Польшу, Карлъ двинулся въ его наслѣдственныя земли въ Саксонію и сталъ ихъ опустошать. Тогда Августъ поспѣшилъ заключить миръ съ Карломъ (1706 г.) на слѣдующихъ условіяхъ: онъ отказался отъ польскаго престола, призналъ королемъ Лещинскаго, прекратилъ союзъ съ Петромъ и выдалъ Карлу Паткуля, котораго Карлъ велѣлъ предать мучительной казни. Такимъ образомъ Петръ остался безъ союзниковъ; не надѣясь побѣдить Карла, онъ предложилъ ему миръ, соглашаясь возвратить Швеціи всѣ завоеванныя у ней земли, кромѣ устьевъ Невы и Петербурга, но Карлъ отвѣчалъ, что заключитъ миръ только въ Москвѣ.

Говорятъ, Петръ на это возразилъ: „Если братъ мой Карлъ хочетъ быть вторымъ Александромъ Македонскимъ, то не найдетъ во мнѣ Дарія“, и рѣшился бороться до крайности.

Волненія въ Астрахани и на Дону. Въ то время какъ шла война со шведами, въ Астрахани и на Дону вспыхнули мятежи настолько значительные, что Петру пришлось послать туда войска для усмиренія. Мятежъ въ Астрахани произошелъ (1706 г.) вслѣд-

ствіе нелѣпыхъ слуховъ, что царь хочетъ ввести новую вѣру и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ замужъ за нѣмцевъ. Шереметевъ, присланный Петромъ, наказалъ бунтовщиковъ и волненіе прекратилось. Возстаніе на Дону (1708 г.) произошло по слѣдующему поводу: много тяглыхъ людей бѣжало на Донъ, чтобы избавиться отъ военной службы и большихъ налоговъ, введенныхъ по случаю шведской войны. Петръ послалъ отрядъ войска, чтобы возвратить назадъ бѣглецовъ. Голутвенные казаки подъ начальствомъ Булавина рѣшились не выдавать бѣглецовъ и перебили высланный русскій отрядъ, а затѣмъ Булавинъ, превозгласивъ себя атаманомъ всѣхъ донскихъ казаковъ, сталъ открыто заявлять, что онъ съ казаками возсталъ на защиту православной вѣры противъ бояръ и нѣмцевъ, которые всѣхъ отъ нея отвращаютъ, и приглашалъ чернь подъ свои знамена. Отряды Булавина направились по Волгѣ и разорили Саратовъ, Царицынъ и Камышинъ. Возстаніе было усмирено только съ приходомъ большого войска подъ начальствомъ князя Долгорукаго, который разбилъ отряды Булавина и взялъ Черкаскъ при содѣйствіи домовитыхъ казаковъ, не сочувствовавшихъ Булавину. Булавинъ застрѣлился, а его помощникъ Некрасовъ съ 2,000 казаковъ бѣжалъ сначала на Кубань въ подданство крымскому хану, а оттуда перебрался въ турецкую область Добруджу на Дунаѣ. По усмиреніи мятежа Долгорукій повѣсилъ многихъ мятежныхъ казаковъ и повѣшенныхъ пустилъ на плотахъ по теченію Дона.

Продолженіе сѣверной войны. Лѣтомъ 1708 г. Карлъ XII двинулся изъ Польши въ предѣлы Россіи, переправился въ Могилевѣ черезъ Днѣпръ и направилъ свой путь въ Малороссію, такъ какъ малороссійскій гетманъ Мазепа, измѣнивъ Петру, вошелъ съ Карломъ въ сношенія и обѣщалъ ему, что вся Украйна приметъ его сторону. На соединеніе съ Карломъ шелъ изъ Лифляндіи шведскій генералъ Левенгауптъ съ 15,000 войскомъ, съ артиллеріей и большими запасами продовольствія, но Карлъ, не дождавшись его, направился въ Малороссію. Тогда Петръ, пользуясь оплошностью Карла, напалъ на Левенгаупта и разбилъ его наголову при деревнѣ Лѣсной на р. Сожѣ; половина шведскаго войска легла на полѣ битвы, болѣе 2,000 шведовъ было взято въ плѣнъ, артиллерія и всѣ запасы достались русскимъ, такъ что Левенгауптъ, вмѣсто ожидаемыхъ Карломъ подкрѣпленій людьми, военными запасами и провіантомъ, привелъ къ нему только жалкіе остатки своего войска.

Малороссійскій гетманъ Мазепа былъ человѣкъ образованный, очень умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый и властолюбивый. Онъ получилъ образованіе въ іезуитскомъ училищѣ и въ молодыхъ годахъ служилъ при дворѣ польскаго короля. Затѣмъ онъ поступилъ въ войско малороссійскихъ казаковъ и сдѣлался войсковымъ писаремъ, благодаря содѣйствію гетмана Самойловича, но скоро измѣнилъ Самойловичу и даже способствовалъ его паденію. Когда Самойловичъ былъ низложенъ при царевнѣ Софьѣ, то Мазепа былъ избранъ гетманомъ. Въ царствованіе Петра Мазепа лестью и хитростью успѣлъ привлечь на свою сторону всѣхъ его приближенныхъ, да и самъ Петръ полюбилъ Мазепу, щедро награждалъ и оказывалъ ему неограниченное довѣріе. Стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ показывать себя вѣрноподданнымъ московскаго царя, честолюбивый Мазепа втайнѣ мечталъ о полной независимости Малороссіи подъ своею властью и потому велъ негласныя сношенія съ Польшей. Со вступленіемъ Карла XII въ русскіе предѣлы, Мазепа увидѣлъ возможность осуществить свою мечту и поэтому вступилъ съ нимъ и съ польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ въ переговоры о союзѣ и взаимной помощи, обѣщаясь поднять противъ Петра всю Малороссію. Генеральный судья Кочубей, мстившій за позоръ своей дочери, и полковникъ Искра донесли Петру о замыслахъ Мазепы, но такъ какъ подобные доносы на Мазепу бывали и прежде и оставались обыкновенно недоказанными, то Петръ и на этотъ разъ не повѣрилъ. Кочубей и Искра, взятые къ допросу, объявили на пыткѣ, что они сдѣлали доносъ на Мазепу изъ личной мести и злобы. Петръ объяснилъ себѣ эту злобу желаніемъ свергнуть вѣрнаго ему Мазепу и произвести смуту въ Малороссіи, какъ это бывало при прежнихъ гетманахъ, и поэтому выдалъ Кочубея и Искру Мазепѣ, который предалъ ихъ казни. Между тѣмъ, какъ только Карлъ XII вступилъ въ Малороссію, Мазепа присоединился къ нему съ 2,000 преданныхъ казаковъ. Узнавъ объ измѣнѣ Мазепы, Петръ приказалъ палачу повѣсить на висѣлицѣ изображеніе Мазепы, а духовенство предало измѣнника церковному проклятію; въ то же время Меншиковъ взялъ съ бою Батуринъ, столицу малороссійскаго гетмана, разорилъ ее и казнилъ безъ пощады всѣхъ находившихся въ ней приверженцевъ Мазепы. На мѣсто Мазепы былъ избранъ другой гетманъ. Надежды Мазепы на возстаніе всей Малороссіи не сбылись: народъ остался вѣренъ Петру и враждебно встрѣтилъ шведовъ, такъ какъ хорошо понималъ, что Карлъ XII, король отдаленной Швеціи, не

можетъ быть защитникомъ Малороссіи. Одни только запорожцы передались шведамъ, и за это Петръ велѣлъ разорить ихъ сѣчь.

Положеніе Карла стало весьма затруднительнымъ: не получивъ ожидаемой помощи отъ Левенгаупта и Мазепы, онъ располагалъ всего только 30,000 войска, уже изнуреннаго далекими походами и сильно пострадавшаго отъ суровой зимы 1709 года. Въ апрѣлѣ Карлъ осадилъ Полтаву, но на ея защиту подоспѣлъ самъ Петръ съ главными силами своего войска и здѣсь произошла рѣшительная битва 27 іюня 1709 г. Оба государя принимали дѣятельное участіе въ сраженіи, но такъ какъ Карлъ не могъ сидѣть на конѣ вслѣдствіе полученной имъ раны въ ногу, то его возили въ коляскѣ по рядамъ войска. Передъ битвой русскимъ войскамъ былъ прочитанъ слѣдующій знаменательный приказъ Петра: „Пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества; вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное. О Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи для благосостоянія нашего“. Во время сраженія Петръ находился постоянно въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, такъ что его шляпа и сѣдло были прострѣлены, а отъ смертельной раны въ грудь его спасъ крестъ, носимый имъ на груди. Полтавская битва окончилась полнымъ пораженіемъ шведскаго войска. Часть шведовъ легла на полѣ битвы, а остальные бѣжали, но были настигнуты Меншиковымъ и всѣ сдались въ плѣнъ; самъ же Карлъ XII съ небольшимъ отрядомъ шведовъ и запорожцевъ успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ и убѣжалъ въ предѣлы Турціи, въ Бендеры. Мазепа бѣжалъ вмѣстѣ съ Карломъ и вскорѣ умеръ. Послѣ битвы Петръ велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ, а затѣмъ пировалъ со своими приближенными; пригласивъ на этотъ пиръ шведскихъ генераловъ, онъ пилъ за ихъ здоровье, какъ за учителей русскаго войска въ военномъ дѣлѣ.— Полтавская побѣда, названная современниками „русскимъ воскресеніемъ“, имѣетъ огромное значеніе въ русской исторіи. Швеція, занимавшая въ то время важное мѣсто среди европейскихъ державъ, должна была уступить свое значеніе Россіи. Эта побѣда окончательно закрѣпила за Россіей завоеванные Петромъ берега Балтійскаго моря и „въ день 27 іюня 1709 г., по словамъ Петра, былъ положенъ крѣпкій камень въ основаніе Петербурга“. Россія, не игравшая до сихъ поръ никакой роли въ Европѣ, своею побѣдою надъ шведами показала, что она имѣетъ достаточно средствъ и настолько знаетъ военное дѣло, что можетъ бороться съ евро-

пейскими державами, и съ этого времени Россія стала принимать участіе въ общеевропейскихъ событіяхъ. Въ лицѣ Россіи славянское племя выступило на сцену европейской исторіи на ряду съ народами романо-германскими, игравшими до сихъ поръ въ ней главную роль.—Извѣстіе о полтавской побѣдѣ было встрѣчено съ восторгомъ по всей Россіи; въ Москвѣ въ теченіе 8 дней звонили въ колокола, палили изъ пушекъ, зажигали иллюминацію и обильно угощали по улицамъ народъ. Офицеры и солдаты, принимавшіе участіе въ битвѣ, были щедро награждены государемъ. Самъ Петръ по просьбѣ войска принялъ чинъ генерала и въ морскомъ строю чинъ вице-адмирала. Послѣ полтавской битвы Августъ саксонскій, изгнавъ Станислава Лещинскаго, снова занялъ польскій престолъ и возобновилъ союзъ съ Петромъ, что̀ сдѣлалъ также и король датскій. Сѣверная война продолжалась, и въ короткое время русскіе завоевали у шведовъ Ригу, Пернау, Ревель и Выборгъ. Завоеванныя шведскія провинціи Лифляндію и Эстляндію Петръ рѣшилъ присоединить къ Россіи; чтобы привлечь жителей этихъ провинцій на свою сторону, онъ сохранилъ за ними бывшее у нихъ устройство, привилегіи дворянъ и горожанъ и обѣщалъ неприкосновенность лютеранской вѣры, судовъ и нѣмецкаго языка. Въ то же время Петръ выдалъ племянницу свою Анну Іоанновну замужъ за курляндскаго герцога, но герцогъ скоро умеръ; хотя послѣ его смерти Анна Іоанновна и была назначена правительницей, но на самомъ дѣлѣ Петръ сталъ самовластно распоряжаться въ Курляндіи, несмотря на то, что эта страна считалась леномъ Польши. Съ возвращеніемъ на польскій престолъ Августа II Петръ также пріобрѣлъ большое вліяніе на внутреннія дѣла Польши и держалъ тамъ свои войска подъ видомъ защиты Августа.

Война съ Турціей. Одновременно съ сѣверной войной пришлось еще воевать съ Турціей, такъ какъ турецкій султанъ, подстрекаемый Карломъ XII и Франціей, объявилъ войну Россіи. (Франція хотѣла помѣшать возвышенію Россіи и устранить вмѣшательство ея въ дѣла Западной Европы и для этого постоянно возбуждала противъ Россіи Швецію, Турцію, Польшу). Петръ рѣшилъ вести наступательную войну и съ 40,000 войскомъ направился (1711 г.) въ предѣлы Турціи въ Молдавію, понадѣявшись на обѣщанія польскаго короля и господарей молдавскаго и валашскаго выставить ему вспомогательныя войска и думая своимъ походомъ вызвать возстаніе сербовъ и черногорцевъ противъ турецкаго владычества. Когда Петръ пришелъ въ Молдавію, войско

его было сильно изнурено этимъ походомъ, такъ какъ приходилось идти черезъ степь въ жаркую лѣтнюю пору. Кантемиръ, молдавскій господарь, хотя и соединился съ Петромъ, но не приготовилъ обѣщаннаго продовольствія для русскаго войска, въ чемъ оно особенно нуждалось. Бранкованъ, господарь Валахіи, не рѣшался перейти на сторону Петра, такъ какъ 200,000 турецкая армія подъ начальствомъ великаго визиря уже переправилась черезъ Дунай и шла на встрѣчу русскимъ. При такомъ положеніи дѣлъ Петръ рѣшилъ вернуться обратно въ Россію, но было уже поздно: на берегу Прута турки окружили малочисленное русское войско и отрѣзали ему путь къ отступленію. Хотя первое нападеніе турокъ русскіе блистательно отразили, но всетаки положеніе русскихъ было весьма опасное, такъ какъ было невозможно долго защищаться за отсутствіемъ провіанта, а пробиться сквозь непріятельское войско было мало надежды. Петръ собралъ военный совѣтъ и тутъ было рѣшено предложить миръ великому визирю. (Говорятъ, что Екатерина, вторая супруга Петра, сопровождавшая его въ походѣ, принимала дѣятельное участіе въ мирныхъ переговорахъ съ визиремъ; эта заслуга Екатерины была засвидѣтельствована самимъ Петромъ, когда онъ нѣсколько лѣтъ спустя короновалъ ее императрицей). Визирь сначала не соглашался на миръ; но когда янычары стали отказываться отъ битвы съ русскими въ виду отчаянной храбрости послѣднихъ, то визирь далъ свое согласіе. По условіямъ прутскаго мира Петръ уступилъ Турціи побережье Азовскаго моря вмѣстѣ съ Азовомъ, долженъ былъ срыть 3 крѣпости, основанныя имъ въ этомъ краѣ, обѣщалъ не вмѣшиваться въ польскія дѣла и долженъ былъ пропустить Карла XII въ Швецію черезъ русскія владѣнія.

Турки требовали также выдачи Кантемира, но Петръ имъ отвѣтилъ: „Я лучше уступлю туркамъ всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдамъ Кантемира, пожертвовавшаго для меня всѣмъ своимъ достояніемъ. Потерянное оружіемъ возвращается; но нарушеніе даннаго слова невозвратимо, отступать отъ чести то же, что не быть государемъ“. Кантемиръ вмѣстѣ съ Петромъ поѣхалъ въ Россію и поступилъ на русскую службу.

Окончаніе сѣверной войны. Ништадтскій миръ. Заключивъ миръ съ Турціей, Петръ дѣятельно продолжалъ войну со шведами. Русскія войска взяли Гельсингфорсъ, Або и заняли почти всю Финляндію. Самъ Петръ одержалъ морскую побѣду надъ шведами при Гангудѣ, взялъ въ плѣнъ шведскаго адмирала и нѣсколько кораблей и занялъ островъ Аландъ. Между тѣмъ Карлъ XII оста-

вался въ Бендерахъ, негодуя на Турцію за то, что она заключила миръ съ Петромъ, и напрасно пытаясь снова возбудить султана къ войнѣ; наконецъ, потерявъ всякую надежду, Карлъ пробрался черезъ Венгрію и Германію въ свои померанскія владѣнія (1714 г.). Въ это время Петръ выдалъ свою племянницу Екатерину Іоанновну замужъ за Мекленбургскаго герцога Леопольда и сталъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Мекленбурга; изъ-за этого онъ разсорился со своими союзниками датчанами и ганноверцами, которые тоже принимали участіе въ сѣверной войнѣ. Тогда Петръ поѣхалъ во Францію, чтобы заключить союзъ съ правителемъ ея герцогомъ орлеанскимъ и устроить помолвку своей дочери Елизаветы съ малолѣтнимъ французскимъ королемъ Людовикомъ XV. Во время своего пребыванія въ Парижѣ Петръ не мало удивлялъ французовъ простотою своей одежды и своими привычками, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поразилъ ихъ своимъ умомъ, знаніями, находчивостью. Цѣль, для которой Петръ пріѣзжалъ въ Парижъ, не была имъ достигнута, вслѣдствіе чего по возвращеніи въ Россію Петръ вступилъ въ мирные переговоры съ Карломъ XII при посредничествѣ довѣреннаго его министра Герца. Карлъ XII соглашался уступить Петру Финляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи, взамѣнъ чего Петръ обязывался помочь ему въ борьбѣ съ другими его врагами; но переговоры эти не были доведены до конца, такъ какъ Карлъ XII былъ убитъ при осадѣ одного города. Карлу XII наслѣдовала на шведскомъ престолѣ его сестра, при которой вся власть перешла въ руки аристократовъ; шведская аристократія относилась къ Россіи очень враждебно и возобновила съ ней войну. Русское войско подъ начальствомъ адмирала Апраксина высадилось на берега Швеціи и стало опустошать страну. Тогда Швеція, уже обезсиленная и разоренная столь продолжительной войной съ нѣсколькими врагами, стала первая просить мира, который и былъ заключенъ 30 августа 1721 г. въ Ништадтѣ. По этому миру Россія получила Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кареліи и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ и такимъ образомъ упрочила за собою берега Балтійскаго моря.

„Требованія Петра при заключеніи Ништадтскаго мира были велики, но едва ли онъ могъ бы отступиться отъ котораго-нибудь изъ нихъ, не жертвуя интересами Россіи. Если торговый пунктъ при устьѣ Невы былъ намъ необходимъ, чтобы дать жизнь всей обширной системѣ озеръ и рѣкъ новгородскаго и олонецкаго края, то нельзя было оставить этотъ пунктъ неприкрытымъ какимъ-нибудь укрѣпленіемъ со стороны Финляндіи, какъ невозможно было и оставить шведской

крѣпости на Ладожскомъ озерѣ. Выборгъ и Кексгольмъ были, слѣдовательно, намъ необходимы. Но безопасно ли было бы плаваніе по Финскому заливу, если бы по обоимъ его берегамъ стояли шведскія крѣпости и находились шведскіе порты съ военными кораблями? Очевидно, нѣтъ. Не только въ случаѣ непріязненныхъ отношеній къ Швеціи наши торговые корабли не могли бы выйти въ море, но даже и въ мирное время ни одна изломанная бурей мачта не могла бы быть исправлена иначе, какъ въ шведскомъ портѣ, съ дозволенія шведскаго правительства. Уступая шведскимъ требованіямъ, мы должны были бы или сдѣлаться на Финскомъ заливѣ совершенно зависимыми отъ Швеціи, или мириться съ тайною мыслью черезъ нѣсколько времени начинать новую войну съ нею. Уже то одно, что сѣверный берегъ Финскаго залива и Аландскіе острова оставались въ ея рукахъ, грозило намъ большими неудобствами въ будущемъ. Что же касается до Лифляндіи, то здѣсь важна была для насъ Рига, запирающая устье Двины; пріобрѣтеніе этого порта, притомъ сильно разбогатѣвшаго во время войны, дѣлало Двину весьма важнымъ для Россіи торговымъ путемъ и доставляло намъ хорошую границу съ Польско-Литовскимъ государствомъ". (Щебальскій).

Заключеніе мира было торжественно отпраздновано пирами, маскарадами, фейерверками, сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Во время торжества члены сената и синода просили Петра принять титулъ „Отца Отечества, Императора Всероссійскаго и Великаго" за то, что „онъ изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу чрезъ единое свое руковожденіе", и съ этого времени была установлена слѣдующая форма его царскаго титула: „Божьею милостью, мы Петръ Первый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій".

Персидская война. Пріобрѣтя балтійскіе берега и соединивъ Ладожскимъ и Вышневолоцкимъ каналами Балтійское море съ Каспійскимъ, Петръ задумалъ утвердиться и на берегахъ Каспійскаго моря для того, чтобы Россія могла сдѣлаться посредницей въ торговлѣ Европы съ Азіей, а поэтому объявилъ персидскому шаху войну (1722 г.), выставивъ предлогомъ къ ней обиды, нанесенныя русскимъ купцамъ въ Шемахѣ. Русскій флотъ подъ начальствомъ самого Петра спустился Волгою въ Каспійское море и занялъ Тарки и Дербентъ. Петръ скоро возвратился въ Москву, но оставленные имъ генералы успѣшно продолжали войну. Въ 1723 г. былъ заключенъ съ Персіей миръ, по которому Россія получила города Дербентъ и Баку и области Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ, но зато обѣщалась помочь шаху въ его борьбѣ съ внутренними врагами.

„Экспедиція Петра въ Персію, говоритъ Костомаровъ, имѣла важное значеніе въ русской исторіи. Она была начальнымъ шагомъ къ тому движенію Россіи

на юговостокъ, которое, то останавливаясь, то снова возобновляясь, привело Россію впослѣдствіи къ пріобрѣтенію закавказскихъ грузинскихъ земель и всего кавказскаго хребта. Петръ, думая сдѣлать изъ Россіи морскую державу и открыть ей путь къ занятію подобающаго ей мѣста въ ряду европейскихъ державъ, въ то же время понималъ, что какъ географія, такъ и исторія намѣтили ей и другую дорогу — дорогу на Востокъ, гдѣ Россія, получая отъ Запада плоды европейской цивилизаціи, могла въ собственной переработкѣ сообщать ихъ восточнымъ народамъ, стоявшимъ въ сравненіи съ нею на меньшей степени культурнаго развитія".

Внутренняя преобразовательная дѣятельность Петра Великаго.

Дѣла церковныя. Самою важною мѣрою Петра относительно церкви было учрежденіе „святѣйшаго синода". Послѣ смерти патріарха Адріана (1700 г.), который несочувственно относился къ нововведеніямъ Петра, Петръ не назначилъ ему преемника, такъ какъ, приступая къ своимъ реформамъ, боялся встрѣтить и въ новомъ патріархѣ сильнаго защитника старины, голосъ котораго могъ имѣть невыгодное вліяніе на народъ. Завѣдываніе дѣлами церковнаго управленія Петръ поручилъ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, съ титуломъ „блюстителя патріаршаго престола", а въ 1721 г. для управленія церковными дѣлами учредилъ святѣйшій синодъ. Названіе „святѣйшаго" было символомъ патріаршаго достоинства и восточные патріархи признали за синодомъ ту же власть и тѣ же права, какія сами имѣли. Синодомъ называлась коллегія изъ высшихъ духовныхъ лицъ, назначаемыхъ государемъ, которые должны были всѣ дѣла рѣшать сообща вмѣстѣ съ президентомъ; первымъ президентомъ синода былъ назначенъ Стефанъ Яворскій. Кромѣ духовныхъ лицъ въ синодѣ присутствовалъ оберъ-прокуроръ, назначаемый государемъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ и за исполненіемъ законовъ. Синоду былъ данъ особый уставъ или „духовный регламентъ", составленіе котораго Петръ поручилъ псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу.

Въ регламентѣ были указаны такія причины новой формы церковнаго управленія: „коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣсняться боязнію передъ сильными лицами, и какъ соборное имѣетъ болѣе авторитета, а съ другой стороны представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной и,

удивляемый славою и честью верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по самомъ Богѣ". Въ доказательство указывалось на византійскую исторію и папское властолюбіе. Регламентъ поручалъ синоду смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ и духовныхъ властей, судить ихъ, наблюдать за поведеніемъ духовенства и мірянъ, рѣшать дѣла о бракахъ и разводахъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви. Чтобы дать народу правильное понятіе о вѣрѣ, регламентъ находилъ необходимымъ написать 3 книги и читать ихъ въ церквахъ: о догматахъ православной вѣры, объ обязанностяхъ каждаго человѣка и собраніе проповѣдей св. отцовъ о догматахъ и обязанностяхъ. Архіереямъ регламентъ вмѣнялъ въ обязанность заводить при своихъ домахъ школы для приготовленія священнослужителей, а неграмотныхъ сыновей священниковъ и дьяконовъ было приказано брать въ солдаты.

Петръ ограничилъ число монаховъ и значительно стѣснилъ поступленіе въ монашество въ виду того, что иные поступали въ монастырь не по призванію къ иноческой жизни, а для того, чтобы уклониться отъ службы и вести праздную жизнь. Родители не могли по обѣщанію отдавать своихъ дѣтей въ монастырь и вообще дозволялось постригать не ранѣе 30—40 лѣтъ. Въ указѣ синоду о монахахъ Петръ опредѣлилъ 2 цѣли для монашества: служеніе страждущему человѣчеству и образованіе изъ себя властей церковныхъ. Для исполненія первой цѣли Петръ велѣлъ употреблять извѣстную часть доходовъ съ монастырскихъ имуществъ на дѣла благотворительности, такъ, напр., помѣщать въ монастыри на жительство больныхъ, стариковъ, отставныхъ военныхъ съ тѣмъ, чтобы монахи за ними ухаживали, а монахини въ женскихъ монастыряхъ должны были воспитывать дѣтей сиротъ. Находя, что монахи не должны заниматься мірскими дѣлами, Петръ передалъ монастырскія имущества въ вѣдѣніе свѣтской власти, поручивъ управленіе ими особому монастырскому приказу, но въ концѣ своего царствованія снова возвратилъ ихъ въ вѣдѣніе синода. Петръ возобновилъ указъ своего отца, чтобы православные люди ходили по праздникамъ въ церковь и разъ въ годъ исповѣдывались. Иностранцамъ, поселившимся въ Россіи, было позволено свободно отправлять свое богослуженіе и православнымъ не возбранялось вступать съ ними въ бракъ. Число раскольниковъ при Петрѣ еще

болѣе увеличилось, такъ какъ въ расколъ переходили многіе простые люди, которые по своему невѣжеству видѣли въ реформахъ Петра измѣну православной вѣрѣ и русской народности. Свободное куреніе табака, бритье бородъ, нѣмецкое платье, перепись податного сословія въ соединеніи съ рекрутскими наборами и большими налогами производили сильное неудовольствіе и заставляли многихъ бѣжать на окраины государства и даже за границу и переходить въ расколъ. Петръ однако не преслѣдовалъ раскольниковъ, какъ дѣлали его предшественники; напротивъ того, позволялъ имъ свободно отправлять свое богослуженіе, но только въ томъ случаѣ, если они не уклонялись отъ государственной службы, отъ переписи и не распространяли своего ученія; кромѣ того раскольники должны были платить двойную подать и носить особое платье. Въ обличеніе раскольниковъ въ царствованіе Петра были написаны 2 сочиненія: „Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ“ св. Дмитрія митрополита ростовскаго, и „Знаменія пришествія антихристова“ Стефана Яворскаго. Такъ какъ московское духовенство за отсутствіемъ школъ было мало образовано и Петръ не могъ найти среди него дѣятельныхъ помощниковъ при рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, то онъ особенно дорожилъ кіевскими учеными монахами, вызывалъ ихъ въ Петербургъ и давалъ высшія духовныя мѣста. Кіевскіе ученые понимали пользу его реформъ и усердно защищали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ. Изъ этихъ кіевскихъ ученыхъ замѣчательны: Стефанъ Яворскій — блюститель патріаршаго престола, знаменитый проповѣдникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, св. Дмитрій — митрополитъ ростовскій и Ѳеодосій Яновскій — архимандритъ Александроневской лавры.

Сословныя реформы. До Петра въ московскомъ государствѣ люди возвышались и занимали высокія мѣста не по способностямъ и заслугамъ, а по знатности своего происхожденія. Петръ, наоборотъ, возвышалъ людей за ихъ способности и ревностную службу государству, несмотря на то, какого они были происхожденія, и возвышалъ не только природныхъ русскихъ, но и иностранныхъ выходцевъ. Всѣ служилые люди, получившіе со временъ Петра одно общее наименованіе „дворянъ“ (шляхетство), были при немъ раздѣлены такъ называемою „табелью о рангахъ“ (1722 г.) на 14 классовъ (ранговъ) и каждому классу соотвѣтствовалъ опредѣленный чинъ (должность) въ гражданской и военной службѣ. Доступъ къ дворянству путемъ службы былъ открытъ для всѣхъ. Всякій человѣкъ изъ другого сословія, получившій въ

военной службѣ офицерскій чинъ или достигшій VIII класса въ гражданской службѣ, дѣлался потомственнымъ дворяниномъ. Дѣти дворянъ къ 15-лѣтнему возрасту должны были обязательно выучиться дома или въ школѣ грамотѣ, цифири и отчасти геометріи и затѣмъ поступать на службу. Время отъ времени Петръ самъ назначалъ въ Москвѣ или Петербургѣ смотръ дворянскимъ юношамъ и здѣсь распредѣлялъ ихъ въ военную или гражданскую службу или посылалъ учиться за границу, смотря по ихъ способностямъ. Если дворянинъ къ назначенному сроку не выучивался грамотѣ, то его отдавали въ солдаты или матросы безъ выслуги. Дворяне должны были служить всю жизнь и выходить въ отставку позволялось только очень старымъ или больнымъ. Чтобы принудить дворянъ учиться и служить, Петръ постановилъ, что дворянинъ не можетъ жениться до тѣхъ поръ, пока не выучится читать и писать, а у тѣхъ дворянъ, которые не хотѣли служить, онъ велѣлъ отнимать ихъ вотчины и помѣстья. Такимъ образомъ Петръ далъ службѣ перевѣсъ надъ происхожденіемъ; онъ постоянно говорилъ дворянамъ, что знатность рода безъ службы ничего не значитъ, что служба военная или гражданская составляетъ главную обязанность дворянина, „ради которой оно благородно и отъ простонародья отлично“. За усердную и долгую службу Петръ сталъ награждать орденами (при немъ были учреждены орденъ св. Андрея Первозваннаго и женскій орденъ св. Екатерины), а также возводилъ въ графское и княжеское достоинство. Желая показать всѣмъ, какъ надо служить государству, Петръ самъ началъ свою военную службу въ качествѣ бомбардира преображенскаго полка, а во флотѣ со званія шкипера; точно также и всякій дворянинъ начиналъ военную службу рядовымъ, обыкновенно въ гвардіи, и затѣмъ уже получалъ офицерскій чинъ. Указомъ 1714 г. Петръ превратилъ помѣстья въ такую же наслѣдственную собственность, какою были вотчины, но за то потребовалъ отъ дворянъ обязательной пожизненной службы государству; въ силу этого же указа помѣщикъ, умирая, долженъ былъ передать все свое недвижимое имущество только старшему сыну или вообще одному изъ своихъ сыновей, остальные же сыновья или ничего не получали, или получали только деньги и движимое имущество; также запрещалось продавать родовыя земли (вотчины и помѣстья) въ чужія руки, такъ что имѣніе бездѣтнаго помѣщика должно было переходить къ его ближайшему родственнику. Издавая этотъ указъ, Петръ надѣялся, что обдѣленные наслѣдствомъ сыновья дво-

рянъ не будутъ болѣе вести праздной жизни, какъ прежде, въ своихъ помѣстьяхъ, а должны будутъ поступить на службу или заняться ремеслами и торговлей; кромѣ того, постоянное дробленіе помѣстій было причиною упадка многихъ дворянскихъ фамилій, мѣшало исправному взносу государственныхъ повинностей и заставляло помѣщиковъ сильно притѣснять крестьянъ, чтобы получить съ нихъ побольше дохода.

Что касается положенія крестьянъ при Петрѣ, то власть надъ ними помѣщиковъ еще болѣе усилилась вслѣдствіе замѣны поземельной подати подушною и введенія ревизіи. По Соборному Уложенію крестьяне со своимъ потомствомъ хотя и были навсегда прикрѣплены къ той землѣ, на которой они тогда жили, но лично не принадлежали помѣщикамъ, а считались полноправными гражданами, имѣли свою собственность, составляли общины съ выборными старостами, платили подати въ государственную казну. Во второй половинѣ XVII в. помѣщики стали распространять свою власть и на личность крестьянъ, продавали ихъ безъ земли и не только цѣлыми семьями, но и въ розницу, закладывали, переводили изъ одной деревни въ другую, и такимъ образомъ крестьяне постепенно становились такою же собственностью помѣщика, какими были его холопы (рабы). Иногда крестьяне и добровольно дѣлались кабальными холопами, чтобы не платить казенныхъ податей. Каждая крестьянская община платила подать въ казну по числу сохъ, т.-е. по количеству обрабатываемой ею земли, но чтобы платить поменьше податей, крестьяне стали сокращать свои пашни и заниматься промыслами. Тогда московское правительство стало собирать подати по количеству дворовъ въ деревнѣ, но и тутъ оказались злоупотребленія: дворовъ показывали меньше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, въ одномъ дворѣ старались сосредоточить побольше работниковъ; такимъ образомъ народное хозяйство не улучшалось и казенные доходы не увеличивались. Чтобы увеличить казенные доходы, Петръ замѣнилъ поземельную подать подушною или поголовною, для чего приказалъ сдѣлать перепись (ревизію) всего податного сословія (1719 г.), въ которой помѣщичьи крестьяне уже были смѣшаны съ полными холопами и кабальными слугами: тѣ и другіе должны были платить одинаковую подушную подать и нести рекрутскую повинность. Всѣхъ податныхъ людей (т.-е. крестьянъ дворцовыхъ, государственныхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ, а также городскихъ жителей — купцовъ и ремесленниковъ) по этой переписи оказалось до 6 милліоновъ. При церквахъ были заведены

метрическія книги, въ которыхъ записывались новорожденные и умершіе. Помѣщики должны были отвѣчать передъ правительствомъ за исправный взносъ ихъ крестьянами подушной подати; такимъ образомъ крестьяне были поставлены въ личную зависимость отъ помѣщиковъ, вслѣдствіе чего власть помѣщиковъ надъ крестьянами еще болѣе усилилась. Послѣ введенія подушной подати крестьянину уже не для чего было сокращать свои пашни, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ платилъ опредѣленную подушную подать, а поэтому крестьяне въ XVIII в. стали распахивать все больше и больше земли, что̀ должно было благопріятно отразиться на народномъ хозяйствѣ. Есть, впрочемъ, нѣкоторыя распоряженія Петра, которыми онъ старался облегчить положеніе крестьянъ; такъ, напр., въ одномъ указѣ онъ говоритъ: „продажу людей пресѣчь, а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“; онъ запрещалъ помѣщикамъ насильно женить или выдавать замужъ своихъ крѣпостныхъ, предписывалъ воеводамъ наблюдать, чтобы помѣщики не мучили и не разоряли крестьянъ, а въ противномъ случаѣ приказывалъ отбирать у помѣщиковъ крестьянъ и отдавать самихъ помѣщиковъ въ опеку, замѣнилъ правежъ отсылкою на казенныя работы. Къ сельскому населенію принадлежали еще „однодворцы“, т.-е. обѣднѣвшіе служилые люди, платившіе поголовную подать, но сохранившіе право владѣть крѣпостными людьми, и „половники“, т.-е. немногіе крестьяне, удержавшіе право перехода отъ одного помѣщика къ другому и пользовавшіеся землею за извѣстную часть жатвы.

Административныя реформы. Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ при Петрѣ былъ „правительствующій сенатъ“. Сенатъ былъ учрежденъ въ 1711 г. для управленія всѣми государственными дѣлами во время частыхъ отлучекъ Петра изъ столицы; въ отсутствіе царя сенатъ заступалъ его мѣсто, и всѣ лица и учрежденія обязаны были повиноваться сенату, какъ самому царю. Нѣсколько лѣтъ спустя сенатъ былъ сдѣланъ постояннымъ учрежденіемъ, число его членовъ увеличено и онъ замѣнилъ собою прежнюю боярскую думу, которая была уничтожена еще до учрежденія сената. Кругъ вѣдомства сената былъ очень обширенъ: онъ былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ, наблюдалъ за расходами и за правильнымъ сборомъ и увеличеніемъ доходовъ, былъ высшимъ руководителемъ всего управленія и давалъ предписанія губернаторамъ, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы служилые люди не избѣгали службы, имѣлъ

высшій надзоръ за народнымъ хозяйствомъ, промышленностью и торговлею. Сначала сенатъ состоялъ только изъ 9 членовъ, которые были назначены государемъ изъ высшихъ сановниковъ и которые всякое дѣло должны были рѣшать единогласно, но затѣмъ было введено рѣшеніе по большинству голосовъ. Въ концѣ царствованія Петръ учредилъ при сенатѣ должность „генералъ-прокурора". Генералъ прокуроръ былъ блюститель закона и представитель верховной власти въ сенатѣ — „государево око", по словамъ Петра. Генералъ-прокурору было дано право наблюдать за дѣятельностью сената, за порядкомъ рѣшенія и за тѣмъ, чтобы всѣ рѣшенія сената были согласны съ законами. Если онъ замѣчалъ какое-либо отступленіе отъ закона, то долженъ былъ сдѣлать представленіе сенату, но если сенатъ не слушалъ его, то онъ долженъ былъ остановить рѣшеніе и донести объ этомъ государю. Сенатъ выбиралъ „оберъ-фискала", человѣка „умнаго и добраго", который обязанъ былъ тайно надсматривать за управленіемъ, за правильнымъ ходомъ судопроизводства, слѣдить, чтобы чиновники не брали взятокъ, не утаивали казенныхъ денегъ, чтобы дворяне не избѣгали службы; въ случаѣ замѣченнаго злоупотребленія, оберъ-фискалъ привлекалъ обвиняемаго къ отвѣтственности передъ сенатомъ. У оберъ-фискала были подчиненные ему фискалы, которые находились въ провинціяхъ и городахъ.

Для высшаго завѣдыванія дѣлами по разнымъ частямъ управленія Петръ учредилъ вмѣсто приказовъ „коллегіи" по образцу датскихъ и шведскихъ.

Коллегіи были слѣдующія: военная, адмиралтейская—вѣдавшая флотъ, иностранныхъ дѣлъ, камеръ и штатсъ-коллегіи—вѣдавшія финансы, юстицъ-коллегія—вѣдавшая судебныя дѣла, вотчинная—вѣдавшая помѣстья, бергъ и мануфактуръ-коллегіи—вѣдавшія фабрики и заводы, коммерцъ-коллегія—вѣдавшая торговлю.

Всѣ коллегіи были подчинены сенату; въ сенатъ вносились тѣ дѣла, которыхъ коллегіи сами не могли рѣшить, а также и рѣшенныя дѣла для пересмотра по жалобамъ частныхъ лицъ. Въ каждой коллегіи присутствовали — президентъ, вице-президентъ, 4 совѣтника, 4 помощника или ассесора и 2 коллежскихъ секретаря. Президентами коллегій назначались важнѣйшіе сановники того времени, напр., президентомъ иностранной коллегіи былъ канцлеръ Головкинъ, военной коллегіи — князь Меншиковъ. Дѣла въ коллегіяхъ обсуждались всѣми членами коллегіи и рѣшались по большинству голосовъ, такъ какъ Петръ при замѣнѣ прика-

зовъ коллегіями и расчитывалъ главнымъ образомъ на то, что рѣшеніе дѣлъ не однимъ лицомъ, а нѣсколькими будетъ болѣе правильное и безпристрастное. Отличіе коллегій отъ приказовъ заключалось еще въ слѣдующемъ: правительственныя дѣла были распредѣлены между коллегіями правильнѣе, чѣмъ между приказами,—вѣдомство каждой коллегіи было болѣе широкое,—каждая коллегія вѣдала извѣстныя дѣла по всему государству, между тѣмъ какъ одни приказы завѣдывали областями, а другіе различными дѣлами, правительственными и судебными. Такъ какъ среди русскихъ не было еще опытныхъ чиновниковъ, которые могли бы вести дѣла въ коллегіяхъ, то Петръ предлагалъ шведскимъ плѣннымъ офицерамъ, усвоившимъ русскій языкъ, поступать на службу въ коллегіи и кромѣ того вызвалъ шрейберовъ (писцовъ) изъ австрійскихъ славянскихъ земель; въ то же время 40 русскихъ подъячихъ были посланы въ Пруссію учиться дѣлопроизводству съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи занять мѣста въ коллегіяхъ.

Московское государство дѣлилось на уѣзды, неравномѣрные по количеству населенія и по пространству. Петръ ввелъ болѣе правильное дѣленіе Россіи на 11 „губерній“, которыя были раздѣлены еще на 45 „провинцій“. Управленіе губерніями было поручено „губернаторамъ“, а во главѣ провинцій были поставлены „воеводы“. Губернаторы и воеводы зависѣли отъ сената. Всѣ дѣла рѣшались губернаторами совмѣстно съ совѣтниками (ландратами), которыхъ избирало изъ своей среды мѣстное дворянство. Губернаторъ и ландраты рѣшали дѣла по большинству голосовъ, такъ какъ губернаторъ, по мысли Петра, былъ не властитель губерніи, а только президентъ въ совѣтѣ ландратовъ. Областное управленіе сосредоточивалось въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Губернаторы должны были особенно заботиться о своевременномъ доставленіи податей, а также о присылкѣ рекрутъ и рабочихъ. Такъ какъ въ московскомъ государствѣ воеводамъ принадлежала также и судебная власть, вслѣдствіе чего происходили частыя злоупотребленія, то Петръ изъялъ судебную часть изъ вѣдѣнія губернаторовъ и учредилъ въ главныхъ городахъ особые „надворные суды“.

Городское сословіе было выдѣлено изъ общаго губернскаго управленія и получило свои особыя учрежденія. Городское населеніе было раздѣлено на 3 разряда: къ первому принадлежали богатые купцы, фабриканты и мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, ко второму мелкіе торговцы и ремесленники, а къ третьему черно-

рабочіе. Первые два разряда назывались „гильдіями". Гильдейскіе граждане составляли высшій слой городского населенія и выбирали своихъ старшинъ. Чтобы поднять промышленность и торговлю и улучшить положеніе купцовъ и ремесленниковъ, Петръ освободилъ ихъ изъ-подъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ и позволилъ имъ имѣть свой судъ и выборныхъ лицъ для завѣдыванія ихъ дѣлами. Съ этою цѣлью въ главныхъ городахъ были учреждены „магистраты", состоявшіе изъ президента, 2 бургомистровъ и 4 ратмановъ; всѣхъ этихъ лицъ гильдейскіе граждане выбирали изъ своей среды; въ важныхъ дѣлахъ магистраты должны были совѣтоваться съ гильдейскими старшинами. Всѣ провинціальные магистраты подчинялись главному петербургскому магистрату, который въ свою очередь былъ подчиненъ сенату. Главный магистратъ долженъ былъ заботиться о развитіи торговли и промышленности, рѣшалъ споры между магистратами и горожанами, утверждалъ членовъ, избранныхъ въ городовые магистраты, утверждалъ смертные приговоры, произнесенные городовыми магистратами, сообщалъ сенату о состояніи городовъ и коллегіямъ о состояніи промышленности и торговли.

При Петрѣ было принято много новыхъ мѣръ относительно общественнаго порядка и благоустройства не только въ Москвѣ и въ Петербургѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ; приняты были также мѣры къ охраненію народнаго здоровья и безопасности жизни городскихъ и сельскихъ обывателей. Въ Петербургѣ и Москвѣ было учреждено полицейское управленіе, во главѣ котораго въ Петербургѣ былъ поставленъ „генералъ-полицеймейстеръ", а въ Москвѣ „оберъ-полицеймейстеръ". Въ провинціальныхъ городахъ полицейскимъ надзоромъ завѣдывали губернаторы и воеводы. Дома въ городахъ велѣно было строить въ извѣстномъ порядкѣ, съ фасадами на улицу, а не располагать ихъ по дворамъ, какъ въ старину. Въ селахъ дворы строились одинъ отъ другого па разстояніи 5 саженъ для предохраненія на случай пожара. Улицы стали мостить камнемъ вмѣсто деревянной мостовой. Устроены были правильныя почты между городами. По городамъ начинаютъ заводить больницы, богадѣльни, дома для пріема брошенныхъ дѣтей. Заводятся аптеки и запрещается незнающимъ людямъ торговать и лѣчить разными травами. Въ случаѣ появленія моровой язвы или другой заразительной болѣзни въ какой-либо мѣстности, окружали эту мѣстность заставами и задерживали проѣзжающихъ. Запрещено было хоронить мертвыхъ внутри города при церквахъ и не

дозволялось хоронить ранѣе истеченія 3 дней послѣ смерти. Запрещалось сваливать на улицу или въ рѣки нечистоты, продавать испорченные продукты. Приняты были мѣры противъ бродягъ, мнимыхъ калѣкъ и нищихъ: ихъ велѣно было забирать и годныхъ отдавать на службу, а дѣйствительно увѣчныхъ и старыхъ помѣщать въ богадѣльни; въ Москвѣ было совсѣмъ запрещено подавать и просить милостыню, такъ какъ здѣсь нищенство было особенно развито.

Войско и флотъ. Съ самаго начала царствованія Петръ особенно много заботился о войскѣ и флотѣ. Онъ устроилъ постоянное регулярное войско по зап.-европейскому образцу и далъ солдатамъ нѣмецкіе мундиры; былъ составленъ „Воинскій уставъ", въ которомъ были опредѣлены должности всѣхъ чиновъ и званій въ войскѣ и даны правила для строевого ученья. Съ началомъ великой сѣверной войны были введены рекрутскіе наборы: всѣ платившіе подушную подать должны были поставлять для военной службы одного рекрута съ извѣстнаго числа душъ. Купцы могли освободиться отъ рекрутской повинности, внеся по 100 рублей за каждаго рекрута, котораго имъ слѣдовало поставить. Срокъ военной службы не былъ опредѣленъ: отставку давали только очень старымъ или получившимъ тяжелыя раны на войнѣ. Два первыхъ полка—преображенскій и семеновскій, образовавшіеся изъ потѣшныхъ, получили названіе „гвардіи", всѣ остальные полки были армейскіе и гарнизонные. Дворяне начинали свою военную службу рядовыми, обыкновенно въ гвардіи, куда также назначались лучшіе солдаты изъ арміи. Войско получало жалованье деньгами и провіантомъ. Къ концу царствованія Петра всего регулярнаго войска, конницы и пѣхоты, было 200,000; кромѣ регулярнаго войска было еще 100,000 казаковъ; большая часть регулярнаго войска размѣщалась въ мирное время по разнымъ губерніямъ въ домахъ горожанъ и крестьянъ. — Знаменитый ботикъ, на которомъ Петръ катался въ свои дѣтскіе годы, сдѣлался родоначальникомъ русскаго флота, который въ концѣ царствованія Петра состоялъ изъ 48 большихъ линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ и былъ устроенъ по голландскому образцу; экипажа на немъ было до 28,000 человѣкъ. Въ матросы брали тѣхъ рекрутъ, которые родились и выросли на берегу моря или большой рѣки и, слѣдовательно, уже привыкли къ водѣ; брали также дѣтей солдатъ и матросовъ и съ дѣтства пріучали къ морской службѣ.

Развитіе промышленности и торговли. Въ своей преобразовательной народно-хозяйственной дѣятельности Петръ руководился

слѣдующими соображеніями, которыя онъ высказалъ въ одномъ изъ своихъ указовъ:

„Наше россійское государство передъ многими иными землями преизобилуетъ потребными металлами и минералами благословенно, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла, частію же иждивенія и трудовъ не хотѣли къ оному приложить", а потому, „дабы Божіе благословеніе подъ землею втуне не оставалось". Петръ объявилъ, что всѣ на своихъ и чужихъ замляхъ имѣютъ право отыскивать и обрабатывать всякіе металлы и минералы; если же владѣлецъ земли, гдѣ была открыта руда, не хотѣлъ самъ ее разрабатывать, то обязанъ былъ уступить свое право другому и тогда уже пользовался только частію дохода, а въ случаѣ утайки руды подвергался тѣлесному наказанію.

Золото, серебро, мѣдь должны были продаваться исключительно въ казну. Губернаторы и воеводы были обязаны всячески помогать предпринимателямъ промышленникамъ, чтобы, „видя ту государеву милость, всякихъ чиновъ люди съ вящшею охотою и безопасно въ компаніи вступали". Петръ затронулъ всѣ отрасли народнаго хозяйства; такъ онъ заботился о сохраненіи и разведеніи лѣсовъ, о развитіи винодѣлія и шелководства на юго-востокѣ, началъ сѣять табакъ, положилъ начало конскимъ заводамъ, заботился о разведеніи овецъ, такъ какъ хотѣлъ имѣть свое русское сукно для одежды войска, разводилъ въ Россіи холмогорскій скотъ. Петръ заботился и о развитіи разныхъ ремеслъ, для чего выписывалъ искусныхъ мастеровъ съ запада и посылалъ туда русскихъ учиться разнымъ мастерствамъ, дорого платя за ихъ обученіе. Вообще надо замѣтить, что Петръ, сознавая превосходство западн. европейцевъ надъ русскими въ знаніяхъ и искусствахъ, вызывалъ въ большомъ числѣ свѣдущихъ людей изъ-за границы, давалъ имъ большое жалованье и разныя льготы, но зато непремѣнно требовалъ, чтобы они учили русскихъ людей своему мастерству. На этотъ вызовъ иностранцевъ Петръ смотрѣлъ, однако, какъ на необходимую, но временную мѣру, и вовсе не хотѣлъ, чтобы Россія всегда находилась въ зависимомъ отношеніи къ Западу, а поэтому въ теченіе всего царствованія онъ посылалъ за границу многихъ русскихъ учиться разнымъ свѣдѣніямъ, необходимымъ для государства, какъ-то: кораблестроенію, ремесламъ, дѣлопроизводству въ коллегіяхъ и т. д. Больше всего Петръ заботился о развитіи мануфактурной промышленности, которая до него едва существовала въ Россіи. Заводовъ до Петра было ничтожное число, а въ его царствованіе было открыто болѣе 200 фабрикъ и заводовъ. Петръ

всячески содѣйствовалъ открытію новыхъ фабрикъ и заводовъ и давалъ имъ многія льготы; такъ, напр., заведя на казенный счетъ новую фабрику, сдавалъ ее потомъ на льготныхъ условіяхъ компаніи капиталистовъ, на открытіе фабрики давалъ частнымъ лицамъ деньги изъ казны заимообразно, безъ процентовъ, освобождалъ на нѣсколько лѣтъ фабрикантовъ и ихъ рабочихъ отъ податей, позволялъ безпошлинно выписывать изъ-за границы нужный матеріалъ для обработки и запрещалъ привозить изъ-за границы такія издѣлія, какія выдѣлывались на русскихъ фабрикахъ, позволялъ фабрикантамъ-купцамъ покупать для фабрикъ и заводовъ земли, населенныя крестьянами. Изъ такихъ вновь открытыхъ заводовъ и фабрикъ были слѣдующіе: сахарные и металлическіе заводы, фабрики суконныя, полотняныя, писчебумажная, зеркальная, шелковыхъ матерій и др. Петръ старался пріучить русскихъ людей соединять свои капиталы и составлять компаніи для разныхъ промышленныхъ предпріятій; къ участію въ этихъ предпріятіяхъ онъ привлекалъ и знатныхъ дворянъ, объясняя въ своихъ указахъ, что торги и ремесла никого не безчестятъ и столь же полезны для государства и почетны, какъ и государственная служба.

Что касается торговли внѣшней и внутренней, то она значительно развилась при Петрѣ и этому развитію много способствовали завоеваніе береговъ Балтійскаго моря, соединеніе Балтійскаго моря съ Каспійскимъ Ладожскимъ и Вышневолоцкимъ каналами, а также проведеніе внутри государства многихъ сухопутныхъ исправныхъ дорогъ. Торговля съ Западомъ шла моремъ изъ Архангельска, Петербурга и Риги, сухимъ путемъ черезъ Малороссію и Польшу. Въ концѣ царствованія Петра изъ Россіи вывозили разныхъ товаровъ на 2.400,000 рублей, а привозили изъ-за границы на 1.600,000 рублей. Такъ какъ въ концѣ XVII в. въ Россіи былъ недостатокъ въ монетѣ, особенно въ мелкой, доходившій до того, что старыя серебряныя монеты разламывали пополамъ, то Петръ позаботился о новой чеканкѣ монетъ. Съ этихъ поръ появляются въ обращеніи золотые червонцы, серебряные рубли, полтинники и другія мелкія серебряныя монеты, а также мѣдныя денежки и полушки. Расходы государства при Петрѣ чрезвычайно увеличились вслѣдствіе частыхъ войнъ, устройства постояннаго войска и флота, множества новыхъ учрежденій и построекъ, такъ что Петръ старался изыскать источники новыхъ доходовъ. Была введена подушная подать, гербовая бумага; казна продавала отъ себя вино, табакъ, соль; нѣкоторые предметы про-

мысловъ и торговли были даны на откупъ, былъ введенъ налогъ за право носить бороду и другіе налоги; кромѣ того, тяглые люди должны были отбывать разныя повинности, напр., поставлять рабочихъ для постройки Петербурга, крѣпостей и судовъ. Благодаря постояннымъ заботамъ Петра объ увеличеніи государственныхъ средствъ, доходы государства къ концу его царствованія возросли съ 3 до 10 милліоновъ.

Заботы Петра о распространеніи образованія. Желая распространить образованіе въ Россіи, Петръ естественно началъ съ духовенства и дворянства и потребовалъ, чтобы дѣти дворянъ и духовныхъ лицъ обязательно учились. Дѣти духовенства обучались въ школахъ, устроенныхъ при архіерейскихъ домахъ, а для дѣтей дворянъ и чиновниковъ были заведены въ провинціяхъ „элементарныя школы", гдѣ ихъ обучали чтенію, письму, ариѳметикѣ и геометріи. Кромѣ элементарныхъ школъ были заведены въ Москвѣ такъ назыв. „математическія школы", гдѣ преподавались преимущественно математика и иностранные языки; воспитанники математическихъ школъ назначались учителями въ элементарныя школы, а также поступали въ „техническія спеціальныя школы", какими были морская академія, инженерная и артиллерійская школы, школа для подъячихъ, медицинская школа, приготовлявшія разныхъ спеціалистовъ. При Петрѣ еще не было учебныхъ заведеній общеобразовательнаго характера, такъ какъ характеръ просвѣщенія былъ при немъ практическій, реальный. Еще въ началѣ царствованія Петръ выражалъ желаніе завести такія школы, изъ которыхъ „люди происходили бы во всякія потребы, въ церковную и гражданскую службу, воинствовать, знать строеніе и докторское искусство", и дѣйствительно, всѣ основанныя при немъ школы имѣли сословный техническій характеръ. Во время одного изъ своихъ путешествій за границу Петръ познакомился съ знаменитымъ германскимъ ученымъ Лейбницемъ; пораженный его умомъ и знаніями, Петръ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ, постоянно съ нимъ переписывался и часто руководствовался его совѣтами; такъ полагаютъ, что по его совѣту устроены коллегіи, введена табель о рангахъ, предприняты съемки мѣстностей и ученыя путешествія. По совѣту же Лейбница Петръ задумалъ учредить въ Россіи академію наукъ и вызвать въ нее нѣмецкихъ ученыхъ.

Въ указѣ объ учрежденіи академіи, изданномъ Петромъ за годъ до его смерти, Петръ говоритъ слѣдующее: „Слѣдуетъ учредить академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводи-

лись бы книги. Для художествъ и наукъ обыкновенно употребляются двоякаго рода учрежденія: университетъ и академія, но въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что принято въ другихъ государствахъ; надобно смотрѣть на состояніе здѣшняго государства: одну академію нельзя учредить, потому что она не въ состояніи скоро распространять знанія въ народѣ; университеты также не для чего заводить, когда нѣтъ еще гимназій и семинарій; надобно, слѣдовательно, основать такое учрежденіе, которое бы изъ лучшихъ ученыхъ людей состояло; но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично, и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобы они потомъ могли въ свою очередь обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ". Нѣкоторые не одобряли этого намѣренія царя и говорили: „что пользы давать деньги нѣмцамъ, которые будутъ писать ученыя книги, а ихъ въ Россіи никто не будетъ понимать и читать". „Правда, отвѣчалъ Петръ, но они приготовятъ намъ такихъ людей, которые ученыя книги ихъ будутъ понимать и читать. Тогда мы и безъ нѣмцевъ обойдемся и сами ученыя книги станемъ писать по-русски. Если не дѣлать плохого начала, то и добраго конца нельзя дождаться".

Академія была открыта уже послѣ смерти Петра при Екатеринѣ I, но Петръ успѣлъ собрать для нея значительную библіотеку и кунсткамеру, въ которой были собраны разные звѣри, рыбы, птицы, всякіе уроды и др. Съ учрежденіемъ спеціальныхъ школъ понадобились учебники на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего Петръ велѣлъ переводить на русскій языкъ иностранныя книги по артиллеріи, механикѣ, военному дѣлу, исторіи и по большей части самъ выбиралъ книги для перевода. Переводъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ исполнялся по большей части кіевскими учеными, причемъ Петръ часто самъ исправлялъ переводы, требуя, чтобы переводили внятно и просто, русскимъ разговорнымъ языкомъ, „а не высокими словами словенскими". Заботясь объ изданіи книгъ, Петръ, кромѣ существовавшихъ типографій въ Петербургѣ и Москвѣ, учредилъ еще русскую типографію въ Голландіи и всячески поощрялъ издателей книгъ. Для печатанія книгъ свѣтскаго характера Петръ придумалъ особую гражданскую азбуку, въ которой славянскія буквы были болѣе округлены по образцу латинскихъ, славянская же азбука осталась только въ церковныхъ книгахъ. При немъ были напечатаны грамматики, лексиконы, календари, учебники по разнымъ предметамъ, привѣтственныя и поздравительныя рѣчи Петру. Требуя обязательной грамотности отъ дворянъ, Петръ въ то же время старался сдѣлать его проводникомъ свѣтскихъ обычаевъ и приличій въ русское общество. Съ этою цѣлью по его приказанію напечатанъ былъ переводъ книги

подъ заглавіемъ: „Юности честное зерцало или показаніе житейскаго хожденія“, которая стала руководствомъ къ свѣтскому общежитію, своего рода учебникомъ свѣтскихъ приличій. Въ этой книгѣ вслѣдъ за азбукой и цифирью изложены правила, какъ благородному молодому человѣку слѣдуетъ держать себя въ обществѣ, какъ сидѣть за столомъ и поступать съ вилкой и ножомъ, какъ обращаться съ носовымъ платкомъ, какъ кланяться при встрѣчѣ со знакомыми и т. п. Эта книга послѣ Петра выдержала нѣсколько изданій. Желая распространить элементарныя гражданскія понятія среди грамотныхъ лицъ, Петръ велѣлъ перевести на русскій языкъ трактатъ извѣстнаго публициста того времени Пуффендорфа „О должности человѣка и гражданина“. Для распространенія въ народѣ свѣдѣній о чужихъ земляхъ, а также и о своихъ русскихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ правительства, Петръ велѣлъ издавать „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти“, которыя были первой газетой въ Россіи и замѣнили прежніе рукописные куранты. Петръ обратилъ также вниманіе на старинныя лѣтописи и граматы, велѣлъ ихъ собирать изъ монастырей, переписывать и тщательно сохранять. Учениковъ морской академіи Петръ посылалъ по всей Россіи дѣлать съемки мѣстностей и по этимъ съемкамъ уже по смерти Петра была составлена карта Россіи; ученыхъ людей посылалъ для изслѣдованія и описанія малоизвѣстныхъ и отдаленныхъ окраинъ Россіи, напр., Сибири; посланный имъ Берингъ открылъ Беринговъ проливъ.

Царствованіе Петра вызвало цѣлый рядъ историческихъ записокъ, составленныхъ при немъ его современниками или послѣ него, но такими лицами, которыя при немъ получили образованіе и начали свою службу. Въ этихъ запискахъ выразились сужденія о личности Петра и его реформахъ; изъ нихъ также видно, какъ реформы Петра и образованіе, имъ введенное, постепенно измѣняли взгляды, нравы, обычаи и даже языкъ русскихъ людей. Изъ такихъ записокъ замѣчательны слѣдующія: записки о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г. Матвѣева (сына извѣстнаго боярина Матвѣева),—записки Желябужскаго о событіяхъ съ 1682 г. по 1709 г., богатыя бытовыми подробностями, — Крекшина, въ которыхъ описываются событія отъ рожденія Петра до 1706 г., — Неплюева, въ которыхъ онъ описываетъ всю свою продолжительную жизнь (1693—1773 г.) и службу при Петрѣ и его преемникахъ и при всякомъ случаѣ восхваляетъ Петра, дѣлая ему такую оцѣнку: „сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“. О Россіи въ царствованіе Петра мы находимъ свѣдѣнія и въ запискахъ иностранцевъ, бывшихъ при немъ въ Россіи; такъ о первыхъ

годахъ царствованія Петра до 1698 года мы находимъ важныя свѣдѣнія въ дневникѣ Гордона, — секретарь австрійскаго посольства Корбъ, бывшій свидѣтелемъ стрѣлецкихъ казней и имѣвшій случай близко видѣть Петра и его сподвижниковъ, описалъ время по возвращеніи Петра изъ-за границы, — брауншвейгскій резидентъ Веберъ, проживиій въ Россіи съ 1714 по 1720 г., описываетъ въ своемъ сочиненіи перемѣны, произведенныя Петромъ во внутреннемъ устройствѣ русскаго государства, —Беркгольцъ, камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, описывая день за днемъ свое пятилѣтнее пребываніе въ Россіи (1721—1725 г.), изображаетъ чрезвычайно полно и вѣрно русское общество того времени въ его домашней жизни.

Нравы и обычаи. Вслѣдствіе реформъ Петра нравы и обычаи русскаго народа значительно измѣнились. Перемѣны начались съ внѣшности: всѣ, кромѣ крестьянъ и духовныхъ, должны были одѣть короткое нѣмецкое платье, вмѣсто старинныхъ широкихъ русскихъ одеждъ, и сбрить себѣ бороду. Женщины точно такъ же должны были одѣть иноземное платье. Семейная жизнь подверглась перемѣнѣ, такъ какъ Петръ строго запрещалъ родителямъ силою принуждать своихъ дѣтей къ браку. За 6 недѣль до свадьбы должно было происходить обрученіе и въ это время женихъ и невѣста знакомились между собою и могли отказаться отъ свадьбы по взаимному согласію. Такъ какъ въ московской Руси было затворничество женщинъ и общественной жизни не существовало, то Петръ завелъ въ Петербургѣ и Москвѣ т. наз. „ассамблеи" или вольныя собранія, которыя должны были въ теченіе зимы въ опредѣленные дни устраивать у себя вельможи и богатые люди. Въ указѣ объ ассамблеяхъ было сказано: „ассамблея составляется не для одной забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и обо всемъ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается". На ассамблеи дозволялось приходить „съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, также и знатнымъ приказнымъ". Всякій гость могъ привести свою жену и дочерей. На ассамблеяхъ гости танцовали, играли въ шахматы, бесѣдовали, курили въ отдѣльной комнатѣ, закусывали и пили то, что было приготовлено. Было полное отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности; никакихъ старинныхъ церемоній при пріемѣ гостей тоже не допускалось, и хозяева не должны были встрѣчать гостей, хотя бы пріѣхалъ самъ царь. Танцы были главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ, такъ какъ посредствомъ ихъ должны были сближаться мужчины съ женщинами; Петръ очень часто самъ принималъ участіе въ танцахъ и придумывалъ разныя затѣйливыя фигуры. Супруга Петра Екате-

рина и его дочери также посѣщали ассамблеи и танцовали вмѣстѣ съ другими гостями. Танцы были иностранные. Ассамблеи продолжались обыкновенно до 10 или 11 часовъ вечера, а начинались въ 5 часовъ, и о началѣ первыхъ ассамблей объявлялось на площадяхъ барабаннымъ боемъ. Въ началѣ ассамблеи были встрѣчены очень несочувственно, и русскія женщины, впервые появившіяся въ обществѣ, чувствовали себя весьма неловко, не зная какъ говорить и держаться, равно какъ и мужчины возставали противъ сближенія своихъ женъ и дочерей съ незнакомыми кавалерами и особенно съ иностранцами; но вскорѣ ассамблеи вошли въ обычай и устраивались уже безъ всякаго принужденія. Кромѣ ассамблей Петръ впервые сталъ устраивать концерты и маскарады, причемъ послѣдніе были одной изъ его любимыхъ потѣхъ. Устраивая народные праздники по случаю побѣды или заключенія мира, Петръ всегда включалъ въ нихъ маскарады, которые продолжались нѣсколько дней сряду и происходили обыкновенно на улицахъ, чтобы доставить даровое зрѣлище народу; въ этихъ маскарадныхъ процессіяхъ принимали участіе самъ Петръ, Екатерина, придворные и вельможи; особенно былъ продолжителенъ маскарадъ, устроенный во время празднованія ништадтскаго мира.

Хотя при Петрѣ было уничтожено затворничество русскихъ женщинъ и явилась общественная жизнь, но нравы народа оставались еще очень грубы, такъ какъ просвѣщеніе только что начиналось и не могло еще замѣтно повліять на смягченіе нравовъ; конечно, больше всего измѣнились подъ вліяніемъ реформъ Петра нравы высшаго дворянскаго класса, но и въ нихъ замѣчалась двойственность, смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми. Многіе преобразованія и указы Петра не достигали цѣли и подвергались злоупотребленіямъ; вслѣдствіе низкаго уровня образованности подъ иностранными названіями ландратовъ, губернаторовъ и другихъ чиновниковъ оставались прежніе воеводы и дьяки съ ихъ лихоимствомъ и неправдою. Члены коллегій при рѣшеніи дѣлъ старались угодить сильнымъ людямъ; члены магистратовъ забирали всю торговлю въ свои руки, не давая ходу мелкимъ торговцамъ; указы сената исполнялись чрезвычайно медленно; сенаторы ссорились между собою и въ сенатѣ часто занимались разговорами и шутками; главнымъ же порокомъ была старинная привычка обогащаться на счетъ казны, брать взятки, скрывать правду отъ царя, смотря по личнымъ расчетамъ; даже самые дѣятельные сотрудники Петра часто пятнали себя лихоимствомъ, напр., Меншиковъ, си-

бирскій губернаторъ Гагаринъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ и др. Съ недостатками тогдашняго общества насъ знакомитъ сочиненіе „О скудости и богатствѣ“ торговаго человѣка Посошкова, жившаго при Петрѣ. Указывая на недостатки современнаго ему общества (печальное матеріальное положеніе сельскаго духовенства, неправосудіе, безграмотность крестьянъ и др.), Посошковъ требуетъ коренныхъ преобразованій. Сочувствуя Петру въ его преобразованіяхъ, онъ сожалѣетъ, что Петру мало въ нихъ помогаютъ: „великій нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; какъ же его дѣло споро будетъ“. Петръ строго преслѣдовалъ ослушниковъ его воли и особенно жестоко наказывалъ тѣхъ, которые были уличены въ лихоимствѣ и грабительствѣ; такъ Гагаринъ былъ повѣшенъ, а Нестеровъ колесованъ. Если онъ замѣчалъ близкихъ къ нему людей въ чемъ-нибудь виноватыми, то самъ въ своемъ кабинетѣ наказывалъ дубинкою. Приверженцы старины всячески старались мѣшать реформамъ Петра и возбуждали къ нему народную ненависть, распространяя о немъ въ народѣ самыя нелѣпыя выдумки. Для преслѣдованія и наказанія такихъ лицъ Петръ учредилъ Преображенскій приказъ или Тайную розыскную канцелярію, начальникомъ которой былъ сдѣланъ бояринъ Ромодановскій, получившій отъ Петра титулъ „князя-кесаря“. Кто узнавалъ о какомъ-либо замыслѣ противъ царя, тотъ обязанъ былъ донести въ Тайную канцелярію, что онъ знаетъ „слово и дѣло государево“; тогда доносчика и тѣхъ, на кого онъ показалъ, тотчасъ же брали въ Тайную канцелярію и тамъ производили розыскъ при помощи пытокъ; преступника, смотря по винѣ, жестоко наказывали по обычаю того вѣка (рвали языкъ, ноздри, рѣзали уши и носъ, били нещадно батогами, ссылали на каторгу) или лишали жизни посредствомъ повѣшенія, колесованія или четвертованія.

Петербургъ при Петрѣ. Основаніе Санктъ-Петербурга было положено 16 мая 1703 года. Петръ очень любилъ Петербургъ и въ 1713 г. сдѣлалъ его столицей новой, преобразованной Россіи вмѣсто Москвы, которая была центромъ и представительницей древней, дореформенной Руси. Такъ какъ мѣсто, гдѣ стоитъ Петербургъ, было тогда низкое, болотистое и пустынное, то Петру стоило большихъ трудовъ поднять мѣстность, прорытіемъ каналовъ предохранить городъ отъ наводненій и населить его. Въ первое время Петръ приказывалъ высылать сюда ежегодно до 40,000 рабочихъ изъ внутреннихъ губерній, такъ какъ онъ спѣшилъ укрѣпить за собою городъ постройкой Петропавловской крѣпости; кромѣ того здѣсь работали плѣнные шведы и казенные должники. Много рабочихъ погибало отъ болѣзней и голода, такъ какъ припасы приходилось сначала привозить издалека, что̀ было очень затруднительно. Первыми поселенцами Петер-

бурга были жители разрушенной Петромъ шведской крѣпости Ніеншанца, а затѣмъ были вызваны сюда купцы изъ внутреннихъ городовъ, которые, равно какъ и вельможи Петра, должны были строить здѣсь для себя дома, такъ что черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія Петербургъ сталъ многолюднымъ городомъ. Для защиты Петербурга съ моря былъ построенъ Кронштадтъ. Въ первый же годъ существованія Петербурга къ гавани его прибылъ первый иностранный корабль съ грузомъ вина и соли и радостно былъ встрѣченъ самимъ царемъ. Для освященія Петербурга въ глазахъ народа Петръ торжественно перевезъ изъ Владиміра мощи св. Александра Невскаго и положилъ ихъ въ золоченой ракѣ въ монастырѣ, построенномъ на берегу Невы. Петръ много заботился о благоустройствѣ Петербурга и для наблюденія за порядкомъ и безопасностью жителей учредилъ особое полицейское управленіе. Наиболѣе населенною частью Петербурга при Петрѣ была Петербургская сторона, гдѣ находились крѣпость, маленькій деревянный домикъ, сохранившійся донынѣ, въ которомъ жилъ Петръ въ первое время послѣ основанія Петербурга, церковь св. Троицы, зданіе сената, гостинный дворъ, сытный рынокъ, трактиры. На Васильевскомъ острову, на углу Кадетской линіи и набережной былъ построенъ великолѣпный дворецъ Меншикова, а по берегу Невы дома вельможъ и купцовъ. Весь Васильевскій островъ по плану Петра, не приведенному однако въ исполненіе, предполагалось прорыть каналами. Невскій проспектъ былъ широкой аллеей, усаженной по краямъ деревьями и вымощенной, но проходившей по совершенно пустынной мѣстности. Онъ былъ застроенъ только отъ Полицейскаго моста къ Адмиралтейской площади, на которой стояли возы съ сѣномъ и дровами и гдѣ постоянно толпился народъ, затѣвавшій иногда здѣсь кулачные бои. Въ Адмиралтействѣ непрерывно строились корабли для балтійскаго флота. По Фонтанкѣ среди лѣсовъ находились дачи Чернышева, Апраксина и другихъ вельможъ; память объ этихъ дачахъ сохранилась въ названіяхъ Апраксина двора, Чернышева переулка и др. На дворцовой площади близъ канавы, соединяющей Мойку съ Невой, находился двухъэтажный дворецъ Петра. Лѣтній садъ былъ уже разведенъ и въ немъ находились статуи, фонтаны, оранжереи и лѣтній дворецъ Петра, а возлѣ сада былъ большой лугъ, гдѣ происходили смотры гвардіи. Таковъ былъ видъ Петербурга при Петрѣ.

Ближайшіе сотрудники Петра В. Среди ближайшихъ сотрудниковъ Петра, которые своими трудами не мало способствовали осуществленію его реформъ, мы встрѣчаемъ какъ лицъ знатнаго происхожденія, такъ и незнатныхъ, и бѣдныхъ иностранныхъ выходцевъ, возвышенныхъ Петромъ за ихъ способности и труды на пользу Россіи. Возвышая иностранцевъ по службѣ, Петръ главныя мѣста по управленію всегда давалъ русскимъ людямъ. Первое мѣсто возлѣ государя послѣ смерти Лефорта (1699 г.) занималъ Меншиковъ, человѣкъ простого происхожденія, не получившій почти никакого образованія, но чрезвычайно талантливый и любимый Петромъ за точность и усердіе въ исполненіи даваемыхъ ему по-

ученій. Сначала Меншиковъ служилъ въ потѣшныхъ полкахъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе государя расторопностью и природнымъ умомъ; Петръ опредѣлилъ его въ число своихъ денщиковъ, взялъ съ собою, когда отправился путешествовать за границу, и по возвращеніи въ Россію уже удостоивалъ Меншикова неограниченной довѣренности, какъ самаго ревностнаго исполнителя царскихъ приказаній. Кромѣ того Меншиковъ обнаружилъ замѣчательныя военныя способности въ битвахъ со шведами при устьѣ Невы, при Калишѣ и при Полтавѣ и сталъ быстро возвышаться по службѣ. Петръ назначалъ его на самыя высшія должности, напр., президента военной коллегіи, первенствующаго члена сената, щедро награждалъ помѣстьями, пожаловалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и званіе генералъ-фельдмаршала и наконецъ возвелъ его въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго. Однако Меншиковъ не съумѣлъ до конца оправдать довѣрія къ нему Петра: въ концѣ царствованія Петра онъ сдѣлался чрезвычайно высокомѣрнымъ и кромѣ того запятналъ себя лихоимствомъ, вслѣдствіе чего не разъ навлекалъ на себя гнѣвъ государя и даже былъ судимъ въ сенатѣ; только воспоминаніе о прежнихъ заслугахъ Меншикова и сильное заступничество Екатерины спасало его отъ окончательной опалы.—Замѣчательнымъ полководцемъ въ царствованіе Петра былъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, происходившій изъ старинной дворянской фамиліи. Шереметевъ, уже будучи бояриномъ, 45 лѣтъ отъ роду, отправился въ З. Европу для изученія военнаго дѣла и вернулся назадъ вполнѣ просвѣщеннымъ человѣкомъ. Послѣ Нарвской битвы Петръ назначилъ Шереметева главнокомандующимъ русскаго войска, дѣйствовавшаго противъ шведовъ въ Лифляндіи. Въ войнѣ со шведами Шереметевъ обнаружилъ таланты искуснаго полководца и за свои побѣды получилъ первый изъ русскихъ званіе фельдмаршала, а за усмиреніе Астраханскаго мятежа Петръ возвелъ Шереметева въ графское достоинство. Шереметевъ пользовался большимъ уваженіемъ современниковъ также и за свои высокія нравственныя качества.—Благородствомъ характера и замѣчательною твердостью духа особенно отличался сенаторъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій. Вѣрный слуга Петра, Долгорукій никогда не былъ льстецомъ, говорилъ и дѣйствовалъ съ рѣдкой правдивостью и за то пріобрѣлъ искреннее уваженіе государя.

Слѣдующій разсказъ отлично характеризуетъ Долгорукаго: „Въ Петербургѣ оказался однажды недостатокъ въ мукѣ и городу угрожалъ голодъ; въ сенатѣ

состоялся по этому случаю указъ — собрать по четверику ржи съ крестьянъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей, и указъ этотъ былъ одобренъ царемъ. Долгорукій не присутствовалъ въ сенатѣ въ тотъ день, когда это дѣло было обсуждаемо, а когда ему предложили подписать состоявшійся по немъ протоколъ, онъ запечаталъ его и тѣмъ пріостановилъ его исполненіе. Съѣхались сенаторы, прибылъ царь и узнаютъ, что Долгорукій запечаталъ одобренный сенатомъ и царемъ указъ. Шлютъ за нимъ; не заставъ его дома, посылаютъ отъискать и, найдя въ церкви, требуютъ въ сенатъ. „Воздадите Божіе Богови“, говоритъ старикъ посланному и остается дослушивать обѣдню. Три раза царь посылалъ за нимъ, но Долгорукій явился въ сенатъ только по окончаніи литургіи. Царь, говорятъ, кинулся на него съ поднятой рукой, но Долгорукій спокойно взглянулъ на пылающее гнѣвомъ лицо его и сказалъ: „вотъ грудь моя, но ты будешь Александръ, а я Клитъ“. Затѣмъ онъ объяснилъ, что, не обременяя поборами разоренныхъ уже крестьянъ, можно до прибытія ожидаемыхъ транспортовъ съ хлѣбомъ позаимствовать изъ богатыхъ житницъ Меншикова и другихъ вельможъ, не исключая и его самого, Долгорукаго. Выслушавъ это, царь обнялъ его и исполнилъ по его совѣту. Часто спорилъ этотъ правдивый старикъ съ государемъ и нерѣдко выводилъ его изъ терпѣнія. Говорятъ, однажды въ спорѣ съ нимъ царь схватился за кортикъ; Долгорукій остановилъ его руку и сказалъ: „постой государь! честь твоя дороже мнѣ моей жизни. Если голова моя тебѣ нужна, то не дѣйствуй руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади; тогда еще подумаютъ, что я казненъ за какое-нибудь важное преступленіе; судить же меня съ тобою будетъ одинъ Богъ“. (Щебальскій).

Большимъ значеніемъ пользовались братья князья Голицыны, изъ которыхъ старшій Дмитрій Михайловичъ, сенаторъ, гордый своимъ знатнымъ происхожденіемъ, не сочувствовалъ возвышенію при Петрѣ иностранцевъ и людей простого происхожденія, а младшій Михаилъ Михайловичъ прославился своими побѣдами въ сѣверной войнѣ и пользовался всеобщей любовью за свою честность и великодушіе. Изъ высшихъ сановниковъ еще замѣчательны слѣдующіе: Ромодановскій завѣдывалъ преображенскимъ приказомъ и былъ точный исполнитель царскихъ приказаній. Головинъ, а послѣ него Апраксинъ стояли во главѣ русскаго флота. Апраксинъ прославился въ сѣверной войнѣ удачными дѣйствіями противъ шведовъ въ Финляндіи, гдѣ имъ былъ завоеванъ г. Выборгъ. Головкинъ завѣдывалъ сношеніями съ иностранными государствами и сопровождалъ Петра во всѣхъ его походахъ. Шафировъ изъ подъячихъ посольскаго приказа дослужился до званія вице-канцлера и пріобрѣлъ особую извѣстность заключеніемъ мира съ турками при р. Прутѣ, но въ послѣдніе годы царствованія Петра онъ подвергся опалѣ. Ягужинскій былъ первый генералъ-прокуроръ сената и кромѣ того извѣстенъ, какъ искусный дипломатъ. Толстой былъ

сначала сторонникомъ царевны Софьи, но впослѣдствіи Петръ приблизилъ къ себѣ Толстого за его умъ и способности и давалъ ему разныя тайныя порученія. Какъ дипломаты были извѣстны князья Долгорукіе Григорій Θедоровичъ и Василій Лукичъ, графъ Матвѣевъ, князь Куракинъ и въ концѣ царствованія Петра Волынскій и Бестужевъ. Выдающимися изъ иностранцевъ были—баронъ Остерманъ, сынъ нѣмецкаго пастора, извѣстный своими замѣчательными дипломатическими способностями (онъ велъ вмѣстѣ съ Брюсомъ переговоры о ништадтскомъ мирѣ), но по характеру хитрый и двоедушный человѣкъ, и графъ Брюсъ, начальникъ артиллеріи, отличавшійся высокими нравственными достоинствами и считавшійся самымъ ученымъ человѣкомъ въ Россіи; его именемъ называется календарь, изданный подъ его надзоромъ. Въ концѣ царствованія Петра былъ вызванъ изъ-за границы въ Россію для работъ по Ладожскому каналу инженеръ Минихъ, впослѣдствіи знаменитый полководецъ. Генералъ-полицеймейстеромъ Петербурга былъ Девьеръ, юнгой пріѣхавшій въ Россію на португальскомъ кораблѣ.

Семейныя дѣла. Въ 1689 г. 16-лѣтній Петръ по желанію матери женился на Евдокіи Θедоровнѣ Лопухиной, но вскорѣ послѣ свадьбы обнаружилось рѣзкое различіе въ ихъ характерахъ и взглядахъ. Евдокіи, воспитанной въ теремѣ, не нравился образъ жизни Петра и его постоянныя отлучки изъ дома; а живому, дѣятельному Петру не могла нравиться Евдокія, строго придерживавшаяся старинныхъ обычаевъ, да и кромѣ того Петръ по своему воспитанію и характеру не былъ склоненъ къ тихой семейной жизни. Ихъ взаимныя отношенія не улучшились и послѣ того, какъ у нихъ родился сынъ Алексѣй. Разладъ между супругами кончился тѣмъ, что Петръ, по возвращеніи изъ-за границы, велѣлъ постричь Евдокію въ монастырь. Второй супругой Петра была Екатерина Алексѣевна, урожденная Скавронская. Во время сѣверной войны Шереметевымъ былъ взятъ въ Лифляндіи городъ Маріенбургъ; пасторъ этого города Глюкъ со всѣмъ семействомъ и жившею у него въ домѣ дѣвушкою Мартою, происходившею изъ бѣднаго лифляндскаго семейства Скавронскихъ, отдался въ плѣнъ Шереметеву. Отъ Шереметева Марта поступила въ услуженіе въ домъ Меншикова, гдѣ ее увидѣлъ Петръ. Красивая собой, веселая и живая, Марта чрезвычайно понравилась государю и онъ женился на ней; Марта приняла православіе и была наречена Екатериной Алексѣевной. Екатерина была совершенною противоположностью Евдокіи; она отлично понимала характеръ Петра и съумѣла приноровиться ко всѣмъ его

привычкамъ; она сопровождала его въ походахъ и путешествіяхъ, принимала дѣятельное участіе въ устраиваемыхъ имъ праздникахъ, ухаживала за нимъ во время болѣзни, за что Петръ платилъ ей горячей привязанностью и называлъ своимъ „другомъ сердечненькимъ“. Незадолго до смерти Петръ торжественно короновалъ ее въ Москвѣ въ присутствіи депутатовъ отъ дворянства и городовъ, быть можетъ, имѣя въ виду сдѣлать ее своей преемницей на престолѣ. У Петра отъ Екатерины были двѣ дочери—Анна и Елизавета.

Судьба царевича Алексѣя была слѣдующая: до десятилѣтняго возраста находясь при матери и постоянно слыша ея жалобы на Петра, Алексѣй съ ранняго дѣтства сталъ питать непріязненныя чувства къ отцу. Послѣ постриженія Евдокіи Петръ разлучилъ съ нею сына и приставилъ къ Алексѣю учителей, но не могъ при своихъ частыхъ отлучкахъ изъ Петербурга слѣдить за его воспитаніемъ и развитіемъ его характера, а между тѣмъ въ характерѣ Алексѣя сказывались такія черты, которыя должны были возбудить неудовольствіе Петра. Алексѣю, любившему спокойную жизнь, не нравилась кипучая дѣятельность Петра и онъ съ неудовольствіемъ, только изъ боязни отца, принималъ участіе въ военныхъ смотрахъ и присутствовалъ на спускѣ кораблей. Окруженный приверженцами старины, Алексѣй охотно бесѣдовалъ съ ними о старинѣ и открыто порицалъ реформы Петра; онъ любилъ также вести разговоры съ духовными лицами о церковныхъ дѣлахъ. Замѣтивъ такія наклонности въ сынѣ и опасаясь за участь своихъ преобразованій, въ случаѣ вступленія Алексѣя на престолъ, Петръ сталъ требовать, чтобы Алексѣй перемѣнился; угрозами и даже побоями Петръ хотѣлъ принудить сына къ дѣятельности, но это еще болѣе усилило непріязнь Алексѣя къ отцу. Въ 1711 г. Петръ женилъ Алексѣя на Софіи, принцессѣ Браунгвейгъ-Вольфенбиттельской, надѣясь, что этотъ бракъ повліяетъ на царевича, но между супругами не было согласія; Софья умерла черезъ 4 года оставивъ двухъ дѣтей—Петра и Наталью. Увидѣвъ, что женитьба не произвела никакой перемѣны въ Алексѣѣ, Петръ рѣшительно объявилъ ему, что если онъ не перемѣнитъ своего характера и своихъ наклонностей, то не получитъ престола послѣ смерти отца. „Если я за отечество и за подданныхъ моихъ жизни не жалѣлъ и не жалѣю, говорилъ Петръ сыну, то неужели пожалѣю тебя? лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный“. Въ отвѣтъ на это Алексѣй заявилъ, что онъ сознаетъ свою неспособность къ управленію госу-

дарствомъ, отказывается отъ престола и даже согласенъ идти въ монастырь. Когда же Петръ потребовалъ, чтобы Алексѣй еще разъ хорошенько подумалъ, прежде чѣмъ идти въ монастырь, то царевичъ, воспользовавшись отсутствіемъ Петра, убѣжалъ за границу и нашелъ убѣжище у германскаго императора Карла VI, который былъ ему родственникомъ по женѣ. Толстой и Румянцевъ, посланные Петромъ, открыли мѣстопребываніе Алексѣя, котораго Карлъ VI помѣстилъ въ одномъ неаполитанскомъ замкѣ, и уговорили его вернуться въ Петербургъ, обѣщая отъ имени Петра прощеніе за побѣгъ и позволеніе жить въ Россіи частнымъ человѣкомъ. Послѣ возвращенія Алексѣя Петръ простилъ его, но пожелалъ узнать, кто помогалъ ему въ бѣгствѣ. Былъ произведенъ розыскъ и оказалось, что на сторонѣ Алексѣя была цѣлая партія людей, которые не сочувствовали реформамъ Петра и съ нетерпѣніемъ ожидали его смерти, въ надеждѣ на возвращеніе старины; они-то и подстрекали Алексѣя къ враждѣ съ отцомъ. Мать Алексѣя, инокиня Елена, и царевна Марія Алексѣевна, сестра Петра, были тоже замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Когда розыскное дѣло кончилось, то всѣ сторонники Алексѣя были казнены, Елена и Марія были заключены въ крѣпость, а надъ Алексѣемъ Петръ назначилъ судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, который приговорилъ царевича къ смерти, но Алексѣй умеръ въ Петропавловской крѣпости, прежде чѣмъ приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе (1718 г.) Вскорѣ послѣ этого (1721 г.) Петръ издалъ указъ о томъ, что царствующій государь назначаетъ себѣ преемникомъ на престолѣ кого хочетъ и вправѣ отрѣшить назначеннаго отъ престола, если онъ окажется неспособнымъ; это распоряженіе Петра было, по его желанію, разъяснено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ сочиненіи „Правда воли монаршей".

Петръ не щадилъ своего здоровья, трудясь на пользу Россіи, и эти труды такъ надломили его крѣпкую натуру, что въ 1724 г., когда ему было 52 года, онъ сталъ уже сильно недомогать, но, несмотря на это, продолжалъ работать попрежнему. Осенью этого года Петръ сильно простудился, спасая солдатъ, погибавшихъ въ морѣ близъ Лахты; затѣмъ, вторично простудившись на обрядѣ водоосвященія, онъ окончательно слегъ въ постель и уже больше не вставалъ: 28 января 1725 г. Петръ Великій скончался.

Личность Петра Великаго. „Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частнымъ, которымъ онъ посвящалъ

часы досуга,—все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не устающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія. Петръ былъ ростомъ слишкомъ 2 аршина и 11 вершковъ. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ. Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ вверхъ, кортикомъ перерубилъ оную на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслью или увлекался разговоромъ. Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяной камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ и, вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно разставался съ сею простотою и даже не измѣнилъ ей въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностью: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самой государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ. „Смотри, Катенька“, сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, „слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата“. Вообще Петръ, щедрый въ награжденіяхъ заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось его собственно. „Мнѣ мотать не изъ чего“, говорилъ онъ, „жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно; я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу“. Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и

по два одно платье. Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску, одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя денщиками — однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Та же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. Указомъ отъ 30-го декабря 1701 г. обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: „чего ты?" и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ, — „эхъ, братъ", продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ, „у тебя свои дѣла, у меня мои; ступай своей дорогой". Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, пировалъ съ другими, плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу и ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ, приказывалъ подавать себѣ то же, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобы обходились съ нимъ безъ чиновъ. Часто видали его на улицахъ, идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ, — иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной. Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. „За признаніе — прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія", повторялъ онъ часто, „лучше грѣхъ явный, нежели тайный". Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. „Князь Яковъ въ Сенатѣ", отзывался онъ о Долгорукомъ, „прямой помощникъ: онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, несмотря на лицо".

„Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ лѣтняго сада, зимою въ зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра и ходилъ часъ по комнатѣ, читалъ въ это время С.-Петербургскія Вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ хорошо зналъ по-латыни, по-нѣмецки и по-голландски и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся съ тростью въ одной и записною книжкою въ другой смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь,

или въ Адмиралтейство. Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. Зато государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что̀ выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 6 марта 1711 года, отправляясь въ прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, причемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій—и богатый, и неимущій, и знатный вельможа, и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жереная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Петръ не терпѣлъ многочисленной прислуги и вообще называлъ лакеевъ шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный денщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при парѣ безотлучно днемъ и ночью, былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что̀ должно переводить въ С.-Петербургскія Вѣдомости, потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Въ четыре часа входилъ въ токарную или кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ кто-нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ государь всегда провожалъ до двери кабинета; всѣ прочіе, даже сама императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что̀ ему приходило въ тотъ день на мысль, и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселитъ въ насъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей или иногда въ мирномъ кругу немногихъ искренно преданныхъ царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному, вы можете судить, сколько занятія сіи были разнообразны; но, несмотря на это разнообразіе, всѣ имѣли

одну постоянную неизмѣнную цѣль. Хотите ли знать ее? „Трудиться надобно, братецъ“, говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ: „я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя-бъ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству“. — Площадь, извѣстная нынѣ подъ именемъ Царицына луга, усажена была во время Петра деревьями въ нѣсколько аллей. Между деревьями разбросаны были небольшіе домики съ тесовыми крышами, принадлежавшіе собственно Петру. Въ одномъ изъ нихъ находились математическіе инструменты, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты; тутъ въ одномъ углу стоялъ токарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски, съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ третьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь, послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою. Море было любимою стихіею Петра. Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лѣкарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Петергофѣ онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на голландскій образецъ, напоминалъ ему время молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшаны были картины, которыя представляли виды голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ царь на верфи остъ-индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстью къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерингофскомъ подзорномъ дворѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу, выѣзжалъ на встрѣчу тѣмъ, которыя приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кронѣ. Онъ позволялъ иноземнымъ шкиперамъ свободный къ себѣ доступъ, охотно слушалъ разсказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю, и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, государь свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, императрицѣ полотно и пряники для малолѣтнихъ великихъ князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чтобы имъ въ Петербургѣ доставить всевозможное удовольствіе.

Я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ исчислять всѣ роды упражненій императора Петра I, если бы вздумалъ подробно разсказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера, неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ, и бралъ за пудъ по

алтыну, какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ особенно любилъ заниматься токарнымъ искусствомъ и вырѣзываніемъ на мѣди. Токарное искусство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату государь называлъ мѣстомъ отдыха и, чтобы избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: „кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не только посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное". Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому-нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ провиниться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ веселымъ лицомъ и государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происшедшаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть и обходился съ нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Предметы для вырѣзыванія на мѣди были: государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко: тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, варваромъ. Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. (Корниловичъ).

Народныя пѣсни объ эпохѣ Петра В. „Эти пѣсни очень однообразны и бѣдны по содержанію, особенно сравнительно съ такимъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ эпохи. Въ нихъ отразилось только общее впечатлѣніе, какое производили на народъ такія событія, какъ стрѣлецкіе бунты и казни стрѣль-

цовъ и вообще внѣшнія дѣла Петра, особенно его войны; внутреннія же событія, разныя государственныя реформы Петра были непонятны для народа и потому не вошли въ его пѣсни. Лучшими пѣснями можно назвать пѣсни на рожденіе и смерть Петра, о казни стрѣльцовъ, о борьбѣ Петра съ драгуномъ и о первой супругѣ Петра въ монастырѣ. Пѣсня о борьбѣ Петра съ драгуномъ представляетъ Петра въ самыхъ простыхъ и близкихъ отношеніяхъ къ народу —черта, которою дѣйствительно отличался Петръ, любившій обращаться просто и безразлично со всѣми, и которая не могла не нравиться народу. Особымъ характеромъ отличаются пѣсни объ эпохѣ Петра, сложенныя въ средѣ раскольниковъ. Раскольникамъ, дорожившимъ преимущественно древними обычаями, особенно не нравилось, что при Петрѣ вводились разные новые обычаи, противные старинѣ, а старые обычаи подвергались гоненіямъ. Это, естественно, возбуждало въ нихъ нерасположеніе къ Петру. Имя Петра В., какъ виновника новшества гражданскаго, у раскольниковъ стало на ряду съ именемъ патріарха Никона, какъ начальника новшества церковнаго, и время его реформы представляется временемъ нарожденія антихриста, который, невидимо въ церкви дѣйствуя со временъ Никона, видимо сталъ въ государствѣ царствовать со временъ Петра. Такой взглядъ на эпоху Петра особенно рѣзко выразился въ раскольническомъ стихѣ о пустынѣ: „пришло времячко гонимо—народился злой антихристъ; въ сію землю онъ вселился, на весь міръ вооружился. Стали его волю творити: усы, бороды стали брити, латинскую одежду носити, трепроклятую траву пити“. (Порфирьевъ).

Значеніе дѣятельности Петра В. „Дѣятельность Петра была приготовлена всею предшествовавшею исторіею, необходимо истекала изъ нея, требовалась народомъ, который долженъ былъ путемъ страшнаго переворота, посредствомъ необычайнаго напряженія силъ выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человѣка, который при совершеніи такого труднаго подвига подалъ мощную руку великому народу, необычайною силою своей воли напрягъ всѣ его силы, далъ направленіе движенію. Никогда ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общей европейской жизни; неимовѣрными усиліями, страшными пожертвованіями далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успокоившійся, какъ только пріобрѣтено было необходимое для его внутренней жизни. Человѣка, руководившаго народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть бо̀льшаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе славолюбцемъ-завоевателемъ и въ этомъ явился полнымъ представителемъ своего народа, не завоевательнаго по природѣ племени и по условіямъ своей исторической жизни. Геній Петра высказался въ ясномъ уразумѣніи положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа: онъ созналъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность

дѣла представилась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ-за границы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на Западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его стрѣлецкимъ бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ него, вполнѣ увѣровавши въ нравственныя силы своего народа, и не замедлилъ призвать его къ великому подвигу, къ пожертвованіямъ и лишеніямъ всякаго рода, показывая самъ примѣръ во всемъ этомъ. Ясно сознавши, что русскій народъ долженъ пройти трудную школу, Петръ не усомнился подвергнуть его страдательному, унизительному положенію ученика, но въ то же время онъ успѣлъ уравновѣсить невыгоды этого положенія славою и величіемъ, успѣлъ создать политическое значеніе Россіи и средства для его поддержанія. Петру предстояла трудная задача: для образованія русскихъ людей необходимо было вызвать иностранныхъ наставниковъ, руководителей, которые естественно стремились подчинить учениковъ своему вліянію, стать выше ихъ, но это унижало учениковъ, которыхъ Петръ хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорѣе мастерами. Петръ не поддался искушенію, не принялъ предложенія вести дѣло успѣшно съ людьми выученными, вполнѣ приготовленными, но иностранцами, а хотѣлъ, чтобы свои русскіе проходили дѣятельную школу, хотя бы это стоило и большихъ потерь, сопровождалось большими неудобствами. На всѣхъ высшихъ мѣстахъ онъ поставилъ русскихъ людей, а иностранцамъ далъ только второстепенныя, и мы видѣли, какъ Петръ былъ награжденъ за вѣру въ свой народъ, за преданность ему. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни изучали эпоху преобразованія, мы должны прійти въ изумленіе передъ нравственными и физическими силами преобразователя. Силы развиваются упражненіемъ и мы не знаемъ ни одного историческаго дѣятеля, сфера дѣятельности котораго была бы такъ обширна. Родившись съ умомъ необыкновенно возбужденнымъ, чуткимъ ко всему, Петръ изощрилъ эту чуткость до высшей степени, съ малолѣтства прислушиваясь и приглядываясь ко всему, не направляемый, не ограничиваемый никѣмъ, а возбуждаемый обществомъ, уже стоявшимъ на поворотѣ, колебавшимся между двумя направленіями, волнуемымъ уже вопросами о старомъ и новомъ, когда подлѣ старой Москвы уже виднѣлся авангардъ Запада—нѣмецкая слобода. У Петра была старинная русская богатырская природа, онъ любилъ широту и просторъ: отсюда объясняется, что, кромѣ сознательнаго влеченія къ морю, онъ имѣлъ еще и безсознательное; богатыри старой Руси стремились въ широкую степь, богатырь новой Руси стремился въ широкое море; мѣстности, сжатыя горами, были для него непріятны, тяжелы. Богатырскимъ силамъ соотвѣтствовали страсти, неумѣренныя правильнымъ и искуснымъ воспитаніемъ. Одна наблюдательная женщина современница отозвалась совершенно справедливо о Петрѣ, что это былъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной человѣкъ. Не отвергая и не умаляя черной стороны характера Петра В., не забудемъ стороны свѣтлой, которая перевѣшивала черную и могла такъ сильно привязывать къ нему людей. Если гнѣвъ Петра разражался иногда такъ страшно надъ людьми, которыхъ онъ считалъ врагами отечества, врагами общаго блага, то сильно привязывался онъ и сильно привязывалъ къ себѣ людей съ наклонностями противоположными. Дѣло, совер-

шенное Петромъ, было совершено имъ съ помощью способныхъ людей, которыхъ онъ умѣлъ всюду отыскать. Сознанiе обязанностей своихъ къ Богу, глубокое религiозное чувство высказывалось постоянно у Петра, поднимало духъ его въ бѣдахъ и не давало заноситься въ счастiи. Необыкновенное величiе, соединенное съ сознанiемъ ничтожества всѣхъ умовъ человѣческихъ, строгое требованiе исполненiя обязанностей, строгое требованiе правды, умѣнье выслушивать возраженiя самыя рѣзкiя, чрезвычайная простота, общительность, благодушiе,—все это сильно привязывало къ Петру лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сближаться съ нимъ». (Соловьевъ).

Екатерина I (1725—1727 г.).

Послѣ смерти Петра В. возникалъ вопросъ, кто будетъ царствовать, такъ какъ Петръ не назначилъ себѣ преемника. Вельможи изъ старинныхъ боярскихъ фамилiй—Голицыны, Долгорукiе, Салтыковы, враждебно относившiеся къ Меншикову и другимъ лицамъ, возвысившимся при Петрѣ только личными заслугами, желали возведенiя на престолъ 10-лѣтняго Петра, сына царевича Алексѣя. Вельможи новые — Меншиковъ, Толстой, Апраксинъ, а также Ѳеофанъ Прокоповичъ, стояли за супругу Петра Екатерину Алексѣевну, такъ какъ они боялись потерять свое значенiе въ случаѣ вступленiя на престолъ Петра Алексѣевича, который могъ припомнить ихъ враждебное отношенiе къ его отцу. Они доказывали, что и самъ покойный государь, вѣроятно, думалъ сдѣлать Екатерину своей преемницей, когда вѣнчалъ ее императрицей. Сторонники Екатерины одержали верхъ надъ своими противниками и при поддержкѣ гвардiи провозгласили ее императрицей. Выдающееся положенiе при дворѣ Екатерины занялъ Меншиковъ, который болѣе всѣхъ способствовалъ возведенiю ея на престолъ.

Изъ распоряженiй Екатерины замѣчательны слѣдующiя: чтобы ослабить первенствующее значенiе сената, въ числѣ членовъ котораго было не мало враговъ Меншикова, по предложенiю послѣдняго былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, которому сенатъ долженъ былъ подчиниться. Въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ императрицы обсуждались и рѣшались самыя важныя дѣла внутренней и внѣшней политики; никакое дѣло не могло быть доложено императрицѣ помимо совѣта, и всякое распоряженiе сената предварительно обсуждалось въ совѣтѣ. Членами совѣта были назначены важнѣйшiе сановники: Меншиковъ, Дмитрiй Михайловичъ Голицынъ, Толстой, Апраксинъ, Головкинъ, Остерманъ и герцогъ голштинскiй Карлъ Фридрихъ, мужъ цесаревны Анны Петровны.

Петръ еще при жизни вызвалъ герцога въ Петербургъ и объявилъ его женихомъ своей старшей дочери, но бракъ ихъ былъ заключенъ уже послѣ смерти Петра. Была открыта академія наукъ, проектъ которой былъ составленъ еще при Петрѣ, и учрежденъ новый орденъ св. Александра Невскаго. Верховный совѣтъ обратилъ вниманіе императрицы на бѣдственное положеніе крестьянъ, обремененныхъ большими податями, на скудость государственной казны; для сокращенія расходовъ было рѣшено закрыть въ губерніяхъ нѣкоторыя канцеляріи и уменьшить число чиновниковъ; надворные суды были тоже уничтожены, а судъ и расправа были поручены губернаторамъ и воеводамъ; воеводамъ же были подчинены городовые магистраты. Вопросъ о томъ, кто будетъ наслѣдовать Екатеринѣ на престолѣ, снова возбудилъ сильную вражду между вельможами. Одни, съ графомъ Толстымъ во главѣ, стояли за цесаревну Анну Петровну, но большинство было на сторонѣ великаго князя Петра Алексѣевича. Поссорившись съ герцогомъ голштинскимъ, мужемъ Анны Петровны, Меншиковъ убѣдилъ Екатерину назначить наслѣдникомъ престола Петра, причемъ императрица согласилась на обрученіе 16-лѣтней дочери Меншикова съ 12-лѣтнимъ Петромъ; такимъ образомъ Меншиковъ не только ничего не терялъ со вступленіемъ на престолъ Петра, но надѣялся еще болѣе возвыситься въ будущемъ. Сторонники Анны Петровны, выразившіе неудовольствіе на такое распоряженіе императрицы относительно престолонаслѣдія, подверглись опалѣ и ссылкѣ. Въ маѣ 1727 г. Екатерина I скончалась.

Петръ II (1727—1730 г.).

Такъ какъ 12-лѣтній Петръ не могъ еще самъ заниматься государственными дѣлами, то вся власть перешла въ руки Меншикова, получившаго отъ Петра II титулъ генералиссимуса. Цесаревна Анна съ мужемъ по требованію Меншикова должна была выѣхать изъ Россіи въ Голштинію. Распоряжаясь полновластно безъ соперниковъ, Меншиковъ даже перевезъ малолѣтняго Петра въ свой домъ и строго слѣдилъ за его ученіемъ и всѣми поступками. Остерманъ былъ приставленъ къ Петру въ качествѣ воспитателя. Самовластіемъ Меншикова были очень недовольны его враги, во главѣ которыхъ находились князья Долгорукіе; они стали употреблять всѣ усилія, чтобы свергнуть Меншикова, и это имъ удалось. Товарищемъ дѣтскихъ игръ и любимцемъ Петра былъ

16-лѣтній Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, сынъ гофмейстера Алексѣя Григорьевича, и вотъ черезъ него-то Долгорукіе стали возбуждать государя противъ Меншикова; они постоянно говорили Петру, что Меншиковъ обращается съ нимъ чрезвычайно самовластно, не даетъ ему ни въ чемъ воли и забываетъ, что онъ подданный Петра. Подстрекаемый Долгорукими, Петръ сталъ тяготиться опекою Меншикова; однажды въ отсутствіе Меншикова Петръ переѣхалъ въ свой дворецъ и затѣмъ приказалъ Меншикову со всѣмъ его семействомъ выѣхать изъ Петербурга на жительство въ городъ Раненбургъ Рязанской губерніи. Такимъ образомъ владычество Меншикова продолжалось всего 4 мѣсяца. Вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ надъ Меншиковымъ судъ, который обвинилъ его въ лихоимствѣ и другихъ преступленіяхъ: у Меншикова были отняты чины, ордена, всѣ имѣнія, и самого его сослали со всѣмъ семействомъ въ Сибирь, въ городъ Березовъ. Самъ Меншиковъ и его дочь, невѣста Петра II, умерли въ Березовѣ, но другія его дѣти были впослѣдствіи возвращены изъ ссылки.—Послѣ паденія Меншикова Петръ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и говорилъ, что самъ будетъ заниматься государственными дѣлами, но вскорѣ бросилъ ученіе и занятія и предался развлеченіямъ, изъ которыхъ больше всего любилъ охоту. Власть перешла въ руки Долгорукихъ. Они уговорили Петра переѣхать въ Москву, окружили его своими родственниками, часто увозили его въ свои подмосковныя имѣнія на охоту и достигли того, что Петръ обручился съ сестрой Ивана Долгорукаго Екатериной. Вскорѣ однако Петру наскучила и опека Долгорукихъ: онъ сталъ сближаться со своей теткой, цесаревной Елисаветой Петровной, и Остерманомъ, и неизвѣстно, удалось ли бы Долгорукимъ удержать власть, какъ вдругъ Петръ II скончался отъ оспы. Изъ событій этого царствованія замѣчательны слѣдующія: русскій посолъ графъ Рагузинскій заключилъ съ Китаемъ договоръ, по которому русскіе могли вести постоянную торговлю съ китайцами въ слободѣ Кяхтѣ, лежавшей на границѣ нашихъ владѣній съ китайскими, и разъ въ три года посылать караванъ въ Пекинъ для безпошлинной въ немъ торговли; въ Малороссіи было возстановлено гетманство, уничтоженное въ концѣ царствованія Петра Великаго.

О Петрѣ II и его приближенныхъ мы находимъ любопытныя извѣстія въ запискахъ испанскаго посла герцога де-Лирія и въ письмахъ англійскаго резидента Рондо и его жены.

Анна Іоанновна (1730—1740 г.).

Избраніе на престолъ. Тотчасъ же послѣ смерти Петра II, съ которымъ прекратилась мужская линія дома Романовыхъ, собрались на совѣщаніе члены верховнаго совѣта: канцлеръ Головкинъ, два князя Голицына и четыре князя Долгорукихъ; вице-канцлеръ, хитрый Остерманъ, восьмой членъ совѣта, отказался отъ участія въ этомъ совѣщаніи, сославшись на свое иностранное происхожденіе и кромѣ того на свою болѣзнь. Были прямые наслѣдники престола—дочь Петра В. Елизавета и внукъ его Петръ, сынъ Анны Петровны, герцогини голштинской, но члены В. Совѣта по предложенію Дмитрія Голицына избрали на престолъ вдовствующую герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы ея власть была ограничена участіемъ въ правленіи членовъ совѣта. Анна Іоанновна приняла предложенный престолъ, согласившись на ограниченіе ея власти, и пріѣхала въ Москву. Анна вступила на русскій престолъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, испытавъ до этого много горя, непріятностей и униженій. Съ дѣтства нелюбимая матерью, она выросла на рукахъ мамокъ, среди разнаго рода ханжей и юродивыхъ, постоянно наполнявшихъ домъ ея матери. 17 лѣтъ она была выдана Петромъ за курляндскаго герцога и черезъ 2 мѣсяца овдовѣла. Съ этихъ поръ она жила въ Курляндіи подъ строгимъ надзоромъ приставленнаго къ ней гофмейстера Бестужева и до избранія ея на русскій престолъ видѣла много огорченій и встрѣчала всякія препятствія въ исполненіи своихъ желаній. Такъ прожила она въ Курляндіи до 37-лѣтняго возраста, когда верховники предложили ей русскую корону съ условіемъ ограничить ея власть и не привозить въ Россію ея любимца, курляндца Бирона. Между тѣмъ образовалась сильная дворянская партія, которая хотѣла уничтожить замыслы верховниковъ; во главѣ этой партіи стояли князья Черкасскій и Трубецкой, Остерманъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Анны въ Москву члены этой партіи явились во дворецъ и просили императрицу царствовать самодержавно. Тогда Анна разорвала подписанное ею раньше условіе и короновалась самодержавной императрицей; изъ Москвы она переѣхала на жительство въ Петербургъ. Сознавая, что среди русскихъ вельможъ есть много недовольныхъ ею, она по необходимости должна была опереться на людей, вполнѣ ей преданныхъ, интересы ко-

торыхъ были бы тѣсно связаны съ ея интересами, почему и приблизила къ себѣ иностранцевъ Бирона, Миниха, Остермана, возвышенію которыхъ не сочувствовали русскіе вельможи. Верховный совѣтъ былъ уничтоженъ, а вся фамилія Долгорукихъ, обвиненныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, подверглась ссылкѣ; нѣсколько лѣтъ спустя, во время господства Бирона, Иванъ Ал. Долгорукій и дядя его Василій Лукичъ были привезены изъ Сибири въ Новгородъ и здѣсь обезглавлены.

Иванъ Ал. Долгорукій обручился еще при жизни Петра II съ Натальей Борисовной Шереметевой, дочерью извѣстнаго петровскаго фельдмаршала. Съ воцареніемъ Анны, когда Долгорукіе подверглись опалѣ, родственники Натальи Борисовны (ея родителей не было въ живыхъ) стали уговаривать ее отказать жениху, но 16-лѣтняя Наталья ихъ не послушала; горячо любя Долгорукаго, она вышла за него замужъ и добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку въ Березовъ, гдѣ они и прожили вмѣстѣ 8 лѣтъ до казни Ивана Алексѣевича, терпя всевозможныя лишенія. Въ 1740 г. Наталья Борисовна съ двумя своими сыновьями возвратилась въ Москву съ дозволенія Анны Іоанновны; выростивъ своихъ сыновей, она постриглась въ кіевскомъ монастырѣ, гдѣ и окончила свою жизнь, исполненную страданій, оставивъ любопытныя записки о своей судьбѣ.

Вынеся изъ своей молодости одни только горькія воспоминанія и постоянно тревожась за прочность своего положенія, Анна Іоанновна, чтобы забыться и развлечься, окружила себя шутами и часто устраивала разныя развлеченія и празднества. Дворъ ея отличался необыкновенною пышностью. Она завела при своемъ дворѣ итальянскую оперу, балетъ, нѣмецкій театръ, два оркестра музыки; торжественные пріемы, балы, маскарады, спектакли постоянно устраивались при дворѣ. Шуты и шутихи, находившіеся при дворѣ Анны Іоанновны, должны были всячески развлекать ее; такъ, напр., зимою 1740 г. была пышно отпразднована свадьба шута князя Голицына съ приживалкой калмычкой Бужениновой, причемъ для молодыхъ былъ выстроенъ на Невѣ ледяной домъ.

Возвышеніе Бирона. Всемогущимъ лицомъ при дворѣ Анны Іоанновны былъ Биронъ. Биронъ, родомъ курляндецъ, состоялъ въ придворномъ штатѣ Анны, когда она была еще герцогиней курляндской, и пріобрѣлъ полное ея довѣріе. Вступивъ на русскій престолъ, Анна вызвала Бирона въ Петербургъ, гдѣ онъ и занялъ выдающееся положеніе, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ императрицы. Не получивъ почти никакого образованія, Биронъ былъ человѣкъ высокомѣрный, жестокій и мстительный; презирая Россію, онъ вовсе не заботился о благѣ государства, а преслѣдовалъ во всемъ только свои личныя выгоды и цѣли, такъ какъ отличался

непомѣрнымъ корыстолюбіемъ. Господство Бирона тяжело отразилось на русскомъ народѣ и вызвало всеобщее неудовольствіе. Еще со временъ Петра В., вслѣдствіе рекрутскихъ наборовъ и разнообразныхъ повинностей, вызванныхъ продолжительной войной со шведами, подушная подать собиралась съ большимъ трудомъ, такъ что накопилось много недоимокъ, которыя при вступленіи на престолъ Анны составляли уже крупную для того времени сумму въ 7 милліоновъ рублей. Биронъ рѣшилъ взыскать всю эту сумму съ крестьянъ, не обращая вниманія на донесенія губернаторовъ и воеводъ, что такая мѣра должна совершенно разорить народъ. По городамъ и деревнямъ были разосланы военные отряды, которымъ было приказано сажать помѣщиковъ и воеводъ въ тюрьмы и держать до тѣхъ поръ, пока крестьяне не уплатятъ недоимокъ. Въ виду такихъ мѣръ недоимки собирались съ безчеловѣчною жестокостью; у крестьянъ продавали скотъ, лошадей, всѣ пожитки и этимъ совершенно ихъ разоряли, такъ что множество крестьянъ стали бѣглыми. Общій ропотъ былъ отвѣтомъ на такія мѣры Бирона, тѣмъ болѣе, что собранныя деньги шли не въ государственную казну, а въ особый доимочный приказъ, находившійся въ полномъ распоряженіи Бирона. Нашлись люди, которые стали доносить Бирону, что̀ про него говорятъ въ народѣ. Биронъ поощрялъ доносчиковъ, а тѣхъ людей, которые на него жаловались, подвергалъ страшнымъ пыткамъ въ тайной канцеляріи, наказывалъ кнутомъ, заточалъ и казнилъ.

«Въ столицахъ, говоритъ одинъ современникъ, на углахъ никто не смѣлъ поговорить, сошедшись съ пріятелемъ, опасаясь, чтобы не сочли разговоръ подозрительнымъ и не взяли обоихъ подъ караулъ. Мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ боялись сказать слово о своемъ печальномъ положеніи, чтобы кто изъ домашнихъ не подслушалъ и не донесъ. Пріятели и родственники, прощаясь между собою, не иначе другъ о другѣ думали, что прощаются навѣки. Рѣдкая ночь проходила, чтобы кто-нибудь изъ живущихъ въ городѣ не пропалъ безвѣстно; да не смѣли и спрашивать, куда онъ дѣвался. На всѣхъ лицахъ изображенъ былъ страхъ, уныніе, отчаяніе».

Это печальное время омрачилось еще болѣе заточеніями и казнями вельможъ (Голицыныхъ и Долгорукихъ), сверженіями и наказаніями архіереевъ (напр., тверского архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, написавшаго сочиненіе „о лютеранской и кальвинской ереси“), ссылкою въ Сибирь нѣсколькихъ священниковъ, позабывшихъ отслужить молебенъ въ царскіе дни. Между тѣмъ императрица, безгранично довѣрявшая Бирону и окруженная его

клевретами, ничего не знала о положеніи народа, полагаясь на увѣренія Бирона, что народъ благоденствуетъ.

Внутреннія распоряженія. Вмѣсто уничтоженнаго В. Совѣта былъ учрежденъ Кабинетъ, состоявшій изъ 3 кабинетъ-министровъ—Остермана, Черкасскаго и Головкина. Самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Кабинетѣ былъ Остерманъ, руководившій сношеніями Россіи съ иностранными державами; неспособный къ управленію государственными дѣлами, Биронъ цѣнилъ его умъ и дипломатическія способности, но потомъ сталъ опасаться его властолюбія и, чтобы выставить ему соперника, назначилъ послѣ смерти Головкина кабинетъ-министромъ Волынскаго. Изъ русскихъ вельможъ въ царствованіе Анны Волынскій былъ самымъ выдающимся по своимъ способностямъ. Онъ началъ свою дѣятельность при Петрѣ; будучи назначенъ губернаторомъ Астрахани, а потомъ Казани, онъ обнаружилъ замѣчательный умъ и административныя способности. Съ нравственной стороны Волынскій былъ человѣкъ жестокій, высокомѣрный и свою полезную дѣятельность запятналъ взяточничествомъ и дурнымъ обращеніемъ съ подчиненными. Въ царствованіе Анны Волынскій съумѣлъ угодить Бирону и былъ назначенъ кабинетъ-министромъ. Какъ человѣкъ наблюдательный, онъ хорошо зналъ Россію и составлялъ проекты необходимыхъ по его мнѣнію преобразованій въ управленіи государствомъ; осуждая въ кругу близкихъ людей современные ему государственные порядки, онъ мечталъ объ осуществленіи своихъ проектовъ. Волынскій ненавидѣлъ Бирона и другихъ нѣмцевъ и, сдѣлавшись близкимъ лицомъ къ императрицѣ въ качествѣ кабинетъ-министра, вступилъ съ ними въ борьбу съ намѣреніемъ отнять у нихъ власть; но его столкновеніе съ Остерманомъ и въ особенности съ Бирономъ было для него гибельно. Бирону удалось уговорить императрицу предать Волынскаго суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ; послѣ страшныхъ пытокъ Волынскій и двое его друзей были казнены; сынъ его отправленъ солдатомъ въ Камчатку, а дочери пострижены.

Русскіе дворяне были очень недовольны указомъ Петра В. о единонаслѣдіи въ недвижимыхъ имуществахъ (1714 г.), такъ какъ этотъ указъ не согласовался съ русскими понятіями о равныхъ правахъ всѣхъ сыновей на отцовское наслѣдство, и кромѣ того каждый дворянинъ дорожилъ своею долею въ имѣніи, такъ какъ служба обезпечивала очень немногихъ. Дворяне всячески старались обойти этотъ указъ; желая оставить часть наслѣдства млад-

шимъ сыновьямъ, отдавали имъ хлѣбъ и скотъ, а земли старшему сыну, или брали лишніе поборы съ крестьянъ и даже продавали деревни, чтобы младшихъ сыновей надѣлить деньгами вмѣсто земли, или при жизни обязывали старшаго сына уплатить своимъ братьямъ извѣстную сумму денегъ, вслѣдствіе чего хозяйство разстраивалось и происходили безконечныя семейныя ссоры и тяжбы. Въ виду этого Анна отмѣнила указъ Петра, давъ помѣщикамъ право дѣлить поровну свое недвижимое имущество между сыновьями и отдавать его въ приданое за дочерьми.—Срокъ военной службы дворянъ былъ ограниченъ 25 годами; дворянинъ до 20 лѣтъ долженъ былъ учиться дома или въ школѣ, съ 20 лѣтъ до 45 служилъ въ войскѣ, а потомъ могъ выйти въ отставку. Если дворянинъ учился дома, то два раза подвергался экзамену—12 лѣтъ и 16 лѣтъ, и если послѣ второго экзамена оказывался невѣждой въ Законѣ Божіемъ, грамматикѣ, ариѳметикѣ и геометріи, то его опредѣляли въ матросы безъ выслуги. Дворянскихъ сыновей, болѣе способныхъ къ гражданской службѣ, чѣмъ къ военной, велѣно было распредѣлять по коллегіямъ, гдѣ секретари обязаны были ихъ учить приказному дѣлу. Такъ какъ дворянамъ было тяжело начинать службу рядовыми въ гвардіи, а иногда даже въ армейскихъ полкахъ, наравнѣ съ рекрутами изъ крестьянъ, то Анна, по проекту Миниха, учредила въ Петербургѣ для дворянъ первый шляхетскій кадетскій корпусъ, изъ котораго дворянскіе сыновья, получивъ надлежащее образованіе, уже прямо поступали офицерами въ армію; но этотъ корпусъ не былъ только военно-учебнымъ заведеніемъ, такъ какъ его воспитанники могли поступать и въ гражданскую службу, а наиболѣе способные могли продолжать свое ученіе у профессоровъ академіи наукъ; въ виду этого воспитанники военными упражненіями занимались всего одинъ день въ недѣлю, дабы въ обученіи другимъ наукамъ препятствія не было.

Чему обучали въ корпусѣ, видно изъ слѣдующаго аттестата, полученнаго въ 1749 г. изъ корпуса Остервальдомъ, однимъ изъ учителей вел. князя Павла Петровича: „тушуетъ ландшафты и картуши, разумѣетъ французскаго автора, переводитъ хорошо съ нѣмецкаго на французскій языкъ, сочиняетъ французскія письма, разумѣетъ и говоритъ хорошо по-россійски, переводитъ съ нѣмецкаго на россійскій языкъ, учится исторіи универсальной и географіи по гоманскимъ картамъ и исторіи специальной новѣйшихъ временъ, танцуетъ менуэты и другіе танцы, окончилъ геометрію съ фортификаціею регулярной, учится иррегулярной, учился гражданскому праву по наставленіямъ юстиніановымъ, сочиняетъ хорошія нѣмецкія письма, нравоученіе и натуральное право окончилъ, фехтуетъ въ контру, ѣздитъ верхомъ по-солдатски“.

Численность гвардіи была увеличена учрежденіемъ двухъ новыхъ полковъ—коннаго и измайловскаго. Военнымъ дѣломъ завѣдывалъ фельдмаршалъ Минихъ, поступившій на русскую службу еще при Петрѣ Великомъ. Какъ начальникъ войска, онъ отличался чрезвычайною строгостью и ввелъ въ войскахъ замѣчательную дисциплину, но, несмотря на это, былъ очень любимъ офицерами и солдатами. Благодаря его постояннымъ заботамъ, русское войско было приведено въ отличное состояніе и одержало рядъ блестящихъ побѣдъ въ бывшихъ тогда войнахъ польской и турецкой.

Внѣшнія событія. Во внѣшнихъ сношеніяхъ Анна, по совѣту Остермана, придерживалась союза съ Австріей противъ враждебныхъ намъ Франціи и Турціи. На польскій престолъ послѣ смерти Августа II (1733 г.) былъ избранъ при содѣйствіи Франціи Станиславъ Лещинскій. Россія, дѣйствуя въ согласіи съ Австріей, рѣшилась помѣшать этому избранію и возвести на польскій престолъ сына Августа II, Августа III, курфюрста саксонскаго, который обязывался за это помочь Бирону сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ. Русскія войска, посланныя въ Польшу, заставили Лещинскаго бѣжать во Францію и отречься отъ польскаго престола, а польскимъ королемъ былъ избранъ Августъ III. Вскорѣ затѣмъ въ Курляндіи умеръ герцогъ Фердинандъ, послѣдній изъ дома Кетлера, и тогда при помощи русскаго войска курляндскимъ герцогомъ былъ избранъ Биронъ.

Желая пріобрѣсти сѣверные берега Чернаго моря и прекратить набѣги крымскихъ татаръ на наши южныя области, Анна Іоанновна въ союзѣ съ Австріей объявила Турціи войну. (Въ это время Персія также воевала съ Турціей; чтобы привлечь Персію на сторону Россіи, Анна Іоанновна возвратила ей прикаспійскія области, завоеванныя Петромъ В.; эти отдаленныя области, въ которыхъ погибало много русскаго войска отъ вреднаго климата, трудно было тогда сохранять за Россіей). Въ этой войнѣ русскія войска подъ предводительствомъ Миниха и Ласси одержали цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ. Война началась походомъ въ Крымъ; Бахчисарай, столица Крыма, былъ занятъ Минихомъ, и весь Крымъ былъ сильно опустошенъ русскими войсками; но болѣзни, открывшіяся въ войскахъ отъ непривычнаго климата, не позволили Миниху окончательно занять Крымъ. Затѣмъ Минихъ взялъ Очаковъ, разбилъ наголову турокъ при Ставучанахъ, занялъ крѣпость Хотинъ и переправился черезъ Прутъ. Въ это время австрійцы, потерпѣвъ отъ турокъ нѣсколько пораженій, завели съ Турціей мир-

ные переговоры, при содѣйствіи Франціи, которая боялась, чтобы русскія войска не дошли до Константинополя. Такъ какъ въ этихъ трудныхъ походахъ черезъ степи мы уже потеряли до 100,000 войска, множество лошадей и воловъ, павшихъ отъ недостатка корма, то продолжать войну съ Турціей безъ союзниковъ было невозможно, и потому въ 1739 г. Анна Іоанновна заключила съ нею миръ въ Бѣлградѣ; по этому миру Россія возвратила Турціи почти всѣ завоеванныя земли, удержавъ за собою только часть степи между Днѣпромъ и Бугомъ.

Престолонаслѣдіе. Желая упрочить русскій престолъ за потомствомъ своего отца, Анна Іоанновна вызвала изъ Мекленбурга свою племянницу Анну Леопольдовну, дочь царевны Екатерины Іоанновны и герцога Леопольда, и выдала ее замужъ за брауншвейгскаго принца Антона Ульриха, пріѣхавшаго въ Россію. Когда у Анны Леопольдовны родился сынъ Іоаннъ (1740 г.), то императрица объявила его своимъ наслѣдникомъ. Вслѣдъ затѣмъ Анна Іоанновна опасно заболѣла; Биронъ, опасаясь потерять по смерти императрицы всякое значеніе въ Россіи, сталъ хлопотать о назначеніи его регентомъ государства за малолѣтствомъ Іоанна Антоновича. Кабинетъ-министры Черкасскій и особенно Бестужевъ-Рюминъ, обязанный своимъ мѣстомъ Бирону, а также Минихъ тоже приняли сторону Бирона и подали умирающей императрицѣ просьбу за подписью сенаторовъ, членовъ синода и другихъ знатныхъ лицъ о назначеніи Бирона регентомъ. Долго не соглашалась Анна Іоанновна подписать указъ, но передъ смертью уступила и назначила Бирона регентомъ, сказавъ ему на прощанье: „жаль мнѣ тебя, герцогъ, ты самъ идешь къ своей гибели“. Торжествующій Биронъ объявилъ вельможамъ о своемъ назначеніи и при этомъ похвалилъ ихъ: „Господа, вы поступили, какъ истинные римляне“. Въ октябрѣ 1740 г. скончалась императрица Анна Іоанновна; младенецъ Іоаннъ Антоновичъ былъ объявленъ императоромъ, Биронъ регентомъ.

Іоаннъ VI (1740—1741).

Правленіе Анны Леопольдовны. Назначеніе Бирона регентомъ возбудило сильный ропотъ въ народѣ и среди гвардіи. Биронъ сталъ жестоко преслѣдовать недовольныхъ его правленіемъ, но эти мѣры только усиливали народное неудовольствіе. Родители маленькаго государя, оскорбленные Бирономъ, думали уже выѣхать изъ Россіи. Правленіе Бирона продолжалось всего три недѣли.

Соперникомъ Бирона выступилъ честолюбивый фельдмаршалъ Минихъ. Съ согласія Анны Леопольдовны и при содѣйствіи преданной ему гвардіи Минихъ рѣшился низложить Бирона. Въ одну ночь Минихъ съ небольшимъ отрядомъ войска отправился въ лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ Биронъ, и легко уговорилъ находившійся во дворцѣ караулъ соединиться съ нимъ; Манштейнъ, адъютантъ Миниха (оставившій любопытныя записки о царствованіи Анны Іоанновны и правленіи Бирона) пошелъ съ нѣсколькими солдатами во дворецъ и захватилъ Бирона. Анна Леопольдовна была объявлена правительницей государства; Минихъ получилъ званіе перваго министра, а Антонъ Ульрихъ титулъ генералиссимуса русскихъ войскъ. Извѣстіе о низложеніи ненавистнаго Бирона было встрѣчено всеобщею радостью. Судъ, наряженный надъ Бирономъ, приговорилъ его къ лишенію чиновъ и имѣнія и къ ссылкѣ со всѣмъ семействомъ въ Сибирь, въ городъ Пелымъ Тобольской губерніи. Бестужевъ, сторонникъ Бирона, былъ устраненъ отъ дѣлъ. Вскорѣ однако оказалось, что и правленіе Анны Леопольдовны не можетъ долго продолжаться. Правительница, отличавшаяся добротой, но въ то же время слишкомъ безпечная и нерѣшительная, не чувствовала никакой охоты, да и не была способна къ занятію государственными дѣлами, предпочитая проводить цѣлые дни въ бездѣйствіи въ обществѣ любимой фрейлины. Принцъ Антонъ Ульрихъ также не имѣлъ способностей правителя, и кромѣ того между ними и Анной Леопольдовной происходили частыя несогласія. Остерманъ, потерявшій съ возвышеніемъ Миниха всякое вліяніе на дѣла, задумалъ въ свою очередь лишить его власти; онъ сталъ доказывать Антону Ульриху, который подчинялся его вліянію, и Аннѣ Леопольдовнѣ, что Миниха слѣдуетъ остерегаться, какъ человѣка опаснаго, который въ состояніи произвести новый государственный переворотъ. Правительница легко поддалась убѣжденіямъ Остермана и стала холодно относиться къ Миниху. Минихъ, замѣтивъ перемѣну отношеній, подалъ прошеніе объ отставкѣ, думая этимъ испугать правительницу, но просьба его была исполнена и онъ потерялъ свое первенствующее значеніе. Это удаленіе Миниха отъ дѣлъ обусловливалось также направленіемъ нашей внѣшней политики, которая склонялась къ союзу съ Австріей, а Минихъ былъ противникомъ этого союза. Въ это время въ Германіи началась война за австрійское наслѣдство: Баварскій курфюрстъ, въ союзѣ съ Пруссіей и Франціей, воевалъ съ Маріей-Терезіей, дочерью и наслѣдницей

германскаго императора Карла VI. Такъ какъ Антонъ Ульрихъ былъ родственникомъ Маріи-Терезіи, то послѣдняя надѣялась на помощь Россіи въ происходившей войнѣ. Остерманъ, ставшій опять руководителемъ внѣшнихъ сношеній, стоялъ также за союзъ съ Австріей. Тогда Франція, желая помѣшать Россіи принять участіе въ войнѣ, стала возбуждать противъ Россіи Швецію; Швеція, все еще не терявшая надежды возвратить завоеванные Петромъ В. балтійскіе берега, объявила войну Россіи подъ тѣмъ предлогомъ, что она выступаетъ защитницей правъ Елизаветы Петровны, незаконно отстраненной отъ престола. Между тѣмъ въ Петербургѣ среди духовенства, а также въ народѣ и въ войскахъ стало высказываться замѣтное неудовольствіе противъ правительницы, при которой попрежнему во главѣ правленія стояли нѣмцы; все чаще и чаще произносилось имя цесаревны Елизаветы, какъ законной наслѣдницы Петра Великаго. Французскій посолъ въ Петербургѣ, маркизъ Шетарди и домашній докторъ Елизаветы, французъ Лестокъ, приняли самое дѣятельное участіе въ низложеніи браунгшвейгской фамиліи и возведеніи на русскій престолъ цесаревны Елизаветы.

Цесаревна Елизавета Петровна. Елизавета по смерти родителей вовсе не думала о своихъ правахъ на престолъ и держалась вдали отъ всякихъ политическихъ вопросовъ. Красавица, веселая и живая, добродушная отъ природы, она больше всего любила всякія развлеченія, любила наряжаться, охотно участвовала во всѣхъ придворныхъ празднествахъ. Будучи вполнѣ русской по своему характеру, она охотно сближалась съ народомъ и любила жить въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ она водила хороводы и пѣла пѣсни съ крестьянскими дѣвушками. Въ то же время она была очень набожною, строго соблюдала всѣ обряды православной церкви и часто ходила пѣшкомъ на богомолье въ Троицкій монастырь. Любимая духовенствомъ и народомъ, она была особенно популярна среди гвардіи. Всѣ считали ее прямой наслѣдницей Петра В. и на нее возлагали надежды въ печальное время Бирона и въ правленіе браунгшвейгской фамиліи. Сама же Елизавета не искала власти; ея приближенные—Разумовскій, Шуваловъ, Воронцовъ были еще молоды и слишкомъ мало извѣстны для того, чтобы совершить переворотъ въ ея пользу, а лица, возвысившіяся при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, были сторонниками нѣмецкой партіи. Такимъ образомъ главнымъ дѣятелемъ переворота въ пользу Елизаветы сдѣлался ея докторъ Лестокъ, поддерживае-

мый французскимъ посломъ Шетарди; имъ удалось уговорить Елизавету приступить къ рѣшительнымъ дѣствіямъ. Между тѣмъ правительница узнала о тайныхъ сношеніяхъ Елизаветы съ французскимъ посломъ; Елизаветѣ угрожало заточеніе въ монастырь, если ея намѣренія будутъ вполнѣ обнаружены, тѣмъ болѣе, что гвардія, на которую она могла опереться, должна была выступить въ походъ противъ шведовъ. Тогда Елизавета рѣшилась встать во главѣ особенно преданныхъ ей преображенцевъ и арестовать брауншвейгскую фамилію. Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. Елизавета съ Лестокомъ, Воронцовымъ и др. приближенными отправилась въ казармы преображенскаго полка и, вызвавъ солдатъ, объявила имъ о своемъ намѣреніи. Преображенцы съ восторгомъ присягнули ей. Часть преображенцевъ Елизавета отрядила для арестованія Миниха, Остермана, вице-канцлера Головкина и другихъ сторонниковъ брауншвейгской фамиліи, а съ остальными отправилась во дворецъ, гдѣ безъ всякаго сопротивленія арестовала Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми. Рано утромъ было объявлено народу о восшествіи Елизаветы на престолъ и всѣ приняли эту вѣсть съ искреннею радостью.

55

Елизавета Петровна (1741—1761 г.).

Судьба брауншвейгской фамиліи и ихъ приверженцевъ. Елизавета сначала хотѣла отпустить Анну Леопольдовну съ семействомъ за границу, но Лестокъ сталъ доказывать, что пребываніемъ за границей маленькаго Іоанна Антоновича могутъ воспользоваться иностранныя державы съ враждебными для Россіи цѣлями, и тогда Елизавета заключила Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургскую крѣпость, а Антона Ульриха съ женою и другими дѣтьми отправила въ Холмогоры, гдѣ они должны были жить въ самомъ строгомъ заключеніи. Іоаннъ Антоновичъ пробылъ въ Шлиссельбургѣ до 1764 г.; въ этомъ году одинъ изъ караульныхъ офицеровъ Мировичъ задумалъ освободить его и превозгласить императоромъ, но другіе офицеры помѣшали Мировичу, и во время происшедшаго столкновенія Іоаннъ былъ убитъ.

Въ Холмогорахъ у Анны Леопольдовны родилось еще нѣсколько дѣтей, но всѣ они страдали физическою и умственною слабостью. Анна Леопольдовна умерла въ 1746 г.; принцъ Антонъ Ульрихъ тоже умеръ въ Холмогорахъ (1774 г.), а ихъ дѣти: принцессы Екатерина и Елизавета и принцы Петръ и Алексѣй были отпущены императрицею Екатериною II за границу (1780 г.), въ

Данію, гдѣ въ одномъ мѣстечкѣ и дожили свой вѣкъ подъ надзоромъ ихъ родственницы датской королевы.

Остерманъ, Минихъ, Головкинъ и другіе сторонники Анны Леопольдовны были приговорены судомъ къ смертной казни, но Елизавета замѣнила имъ казнь ссылкою въ Сибирь. (Говорятъ, что Елизавета передъ тѣмъ, какъ занять престолъ, дала обѣтъ никого не казнить и по вступленіи на престолъ подтвердила это указомъ. Съ этихъ поръ смертная казнь въ Россіи въ уголовномъ судопроизводствѣ болѣе не встрѣчается, за исключеніемъ политическихъ преступленій). Минихъ былъ сосланъ въ Пелымъ на мѣсто Бирона, которому Елизавета позволила жить въ Ярославлѣ. Въ Сибири Минихъ пробылъ до вступленія на престолъ Петра III; долговременная ссылка и преклонный возрастъ не ослабили въ Минихѣ энергіи и честолюбія; привыкнувъ къ постоянной дѣятельности, Минихъ и въ Сибири писалъ трактаты о военномъ искусствѣ и составлялъ проекты объ изгнаніи турокъ изъ Европы. Сынъ Миниха во время ссылки написалъ для своихъ дѣтей „записки о частной и публичной своей жизни“, въ которыхъ описалъ время правленія Анны Іоанновны, Бирона и Анны Леопольдовны. Остерманъ и Головкинъ умерли въ Сибири. Жена Головкина Екатерина Ивановна, дочь князя-кесаря Ромодановскаго, съ необычайною твердостью духа раздѣляла съ мужемъ ссылку въ теченіе 14 лѣтъ.

Главные дѣятели ея царствованія. По вступленіи на престолъ Елизавета щедро наградила преображенцевъ; та рота, которая болѣе другихъ помогла ей, была наименована лейбъ-кампаніей, причемъ всѣ солдаты этой роты были возведены въ потомственное дворянство и вмѣстѣ съ офицерами щедро награждены землями и крестьянами. Устранивъ приверженцевъ нѣмецкой партіи и возвративъ изъ Сибири нѣсколько тысячъ человѣкъ, безвинно сосланныхъ при Биронѣ, Елизавета окружила себя русскими людьми, изъ которыхъ на первыя мѣста выдвигаются лица, состоявшія въ ея штатѣ, когда она была еще цесаревной, а именно Разумовскій, Шуваловы, Воронцовъ. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ сынъ малороссійскаго казака и при красивой наружности отличался прекраснымъ голосомъ, благодаря которому Разумовскій въ царствованіе Анны Іоанновны былъ привезенъ вмѣстѣ съ другими малороссіянами въ Петербургъ и сдѣланъ придворнымъ пѣвчимъ. Елизавета, еще будучи цесаревной, взяла его въ свой штатъ, а по вступленіи на престолъ дала ему званіе фельдмаршала и воз-

вела въ графское достоинство. Въ первую половину царствованія Елизаветы Разумовскій былъ самымъ близкимъ къ ней лицомъ, но онъ не злоупотреблялъ довѣренностью къ нему императрицы и не вмѣшивался въ дѣла правленія, сознавая, что онъ вовсе къ нимъ не подготовленъ. Не получивъ никакого образованія, Разумовскій былъ однако человѣкъ въ высшей степени добрый, простой, готовый помочь каждому въ нуждѣ, и отличался широкимъ гостепріимствомъ. У Разумовскаго былъ младшій братъ Кириллъ, которому онъ далъ хорошее образованіе въ Петербургѣ, а затѣмъ послалъ его доучиваться за границу. По возвращеніи изъ-за границы 22-лѣтній Кириллъ Разумовскій былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, а затѣмъ избранъ малороссійскимъ гетманомъ (ради него было возстановлено гетманское достоинство, уничтоженное при Аннѣ Іоанновнѣ). Видными дѣятелями были также графы Шуваловы, братья Александръ и Петръ, значеніе которыхъ было особенно сильно во вторую половину царствованія, когда близкимъ лицомъ къ Елизаветѣ сдѣлался ихъ родственникъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Александръ Шуваловъ былъ начальникомъ тайной канцеляріи. Петръ Шуваловъ былъ одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, особенно по дѣламъ народнаго хозяйства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ хитрый, властолюбивый, умѣвшій пользоваться обстоятельствами и заботившійся больше всего о личныхъ выгодахъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, воспитанный въ гуманныхъ идеяхъ французской литературы половины XVIII в., отличался своею образованностью, мягкостью характера, благородствомъ, гуманностью въ отношеніяхъ съ низшими; онъ старался распространить въ Россіи просвѣщеніе и покровительствовалъ русскимъ ученымъ и писателямъ (напр., Ломоносову), за что заслужилъ прозваніе русскаго мецената. Внѣшними сношеніями при Елизаветѣ завѣдывалъ Бестужевъ-Рюминъ. Начавъ свою службу по дипломатической части при Петрѣ I, онъ былъ сдѣланъ въ царствованіе Анны Іоанновны послѣ казни Волынскаго кабинетъ-министромъ и больше всѣхъ хлопоталъ о регентствѣ Бирона. Устраненный отъ дѣлъ послѣ паденія Бирона, Бестужевъ по просьбѣ Лестока былъ назначенъ при Елизаветѣ канцлеромъ. Но вскорѣ между Лестокомъ и Бестужевымъ возникла сильная вражда. Въ началѣ царствованія Елизаветы Лестокъ и Шетарди имѣли большое вліяніе на дѣла. Такъ какъ въ Германіи шла въ это время война за австрійское наслѣдство между Австріей, которую поддерживала Англія, и Пруссіей, которой помо-

гала Франція, то обѣ враждующія стороны искали союза съ Россіей. Лестокъ и Шетарди уговаривали Елизавету принять сторону Пруссіи и Франціи; Бестужевъ, наоборотъ, стоялъ за союзъ съ Австріей. Тогда Лестокъ задумалъ устранить Бестужева отъ дѣлъ, но это ему не удалось. Хитрый Бестужевъ, отыскивая средства, какъ бы погубить Лестока, вскрылъ переписку Шетарди съ французскимъ дворомъ, изъ которой оказалось, что Шетарди въ своихъ письмахъ неблагопріятно отзывался о Россіи и осмѣивалъ Елизавету Петровну, а Лестокъ получалъ деньги отъ Франціи за содѣйствіе видамъ французскаго правительства. Бестужевъ показалъ эту переписку императрицѣ; Елизавета велѣла Шетарди немедленно выѣхать изъ Россіи, а Лестока отдала подъ судъ; Лестокъ послѣ пытокъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Устюгъ.

Внутренняя дѣятельность. По вступленіи на престолъ, Елизавета немедленно уничтожила кабинетъ и возвратила сенату то первенствующее значеніе, которое онъ имѣлъ при Петрѣ I. Особенное вниманіе Елизавета обращала на дѣла церковныя; она заботилась объ улучшеніи положенія духовенства, требовала, чтобы богослуженія совершались возможно торжественнѣе, чтобы церкви содержались въ порядкѣ, запрещала продавать иконы безъ одобренія синода; родителямъ велѣно было обучать дѣтей закону Божію и для этого были разосланы по епархіямъ катехизисы; была также издана Библія. Такъ какъ число раскольниковъ увеличивалось и были случаи, что раскольники сжигали себя, когда противъ нихъ посылались воинскія команды, то Елизавета предписывала дѣйствовать на раскольниковъ болѣе убѣжденіями, чѣмъ строгими мѣрами. Чтобы облегчить народу отбываніе воинской повинности, Петръ Шуваловъ предложилъ раздѣлить Россію на 5 полосъ такимъ образомъ, чтобы ежегодно выставляла рекрутъ (одного со ста душъ) только одна изъ 5 полосъ, на слѣдующій годъ другая полоса и т. д., слѣдовательно, каждая деревня поставляла рекрутъ одинъ разъ въ 5 лѣтъ. Для призрѣнія отставныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ были устроены инвалидные дома и богадѣльни. Такъ какъ границы между землями, принадлежавшими отдѣльнымъ помѣщикамъ, не были точно обозначены, вслѣдствіе чего часто возникали между помѣщиками ссоры, то былъ изданъ указъ о межеваніи земель по всему государству. По плану Шувалова были учреждены 2 заемные банка для дворянъ и купцовъ, которые могли получать изъ банка деньги въ долгъ подъ залогъ своего

имущества съ уплатою 6% за ссуду. Для усиленія внутренней торговли были уничтожены внутреннія таможни; пошлина на иностранные товары была увеличена и вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры для бо̀льшаго сбыта нашихъ товаровъ за границу. Изъ мѣръ, принятыхъ Елизаветою для развитія образованія въ Россіи, замѣчательны слѣдующія: въ 1755 г. въ Москвѣ былъ основанъ первый русскій университетъ, „гдѣ бы люди всякаго званія (кромѣ крѣпостныхъ) могли свободно пользоваться наукою"; къ университету подготовляли двѣ гимназіи, изъ которыхъ одна была учреждена для дворянъ, другая для разночинцевъ. Университетъ и гимназіи были основаны по проекту И. И. Шувалова, который и былъ назначенъ первымъ ихъ кураторомъ. Въ университетѣ при его основаніи были три факультета — философскій, юридическій и медицинскій, и 10 профессоровъ. Пользу отъ основанія университета Шуваловъ видѣлъ въ томъ, „что университетъ дастъ возможность и въ другихъ городахъ завести училища, отъ которыхъ и въ простомъ народѣ суевѣрія, расколы и тому подобныя отъ невѣжества происходящія ереси истребятся". Высшее дворянство воспитывало тогда своихъ дѣтей дома; воспитателями сначала были нѣмцы, а въ царствованіе Елизаветы стали выписывать французовъ.

Объ этихъ педагогахъ французахъ въ указѣ объ учрежденіи московскаго университета говорится слѣдующее: „въ Москвѣ у помѣщиковъ находится на дорогомъ содержаніи великое число учителей, большая часть которыхъ не только наукамъ обучать не могутъ, но и сами къ тому никакихъ началъ не имѣютъ; многіе, не сыскавши хорошихъ учителей, принимаютъ къ себѣ людей, которые лакеями, парикмахерами и иными подобными ремеслами всю свою жизнь препровождали. Московскій университетъ дастъ возможность замѣнить этихъ иностранныхъ педагоговъ достойными и свѣдущими въ наукахъ русскими наставниками".

Университетъ былъ основанъ въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, въ виду центральнаго положенія Москвы, дешевизны жизни въ ней и большого числа живущихъ въ ней дворянъ и разночинцевъ. Въ 1757 г. по мысли И. И. Шувалова была основана въ Петербургѣ академія художествъ и затѣмъ еще одна гимназія въ Казани. При московскомъ университетѣ стали издавать газету „Московскія Вѣдомости" по образцу „Петербургскихъ Вѣдомостей", издававшихся при академіи наукъ. Къ царствованію Елизаветы относится и основаніе въ Петербургѣ перваго публичнаго русскаго театра (1756 г.). Первыя публичныя театральныя представленія являются у насъ при Петрѣ В.; въ Москвѣ была устроена коме-

діальная храмина, гдѣ давались нѣмецкія и русскія представленія, на сценѣ осмѣивались такіе люди и мнѣнія, съ которыми приходилось бороться Петру. Съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ, московскій театръ прекратился. Въ царствованіе Анны Іоанновны при дворѣ были заведены итальянская опера и нѣмецкій театръ, причемъ въ театральныхъ представленіяхъ принимали иногда участіе кадеты шляхетскаго корпуса, исполняя балетную часть. При Елизаветѣ нѣмецкій театръ долженъ былъ уступить мѣсто при дворѣ французскому театру, такъ какъ вообще въ царствованіе Елизаветы, не любившей нѣмцевъ, начинаетъ распространяться въ Россіи вліяніе французской образованности; при дворѣ и среди высшаго класса постепенно входятъ въ употребленіе французскій языкъ, французскіе обычаи и моды. Вмѣстѣ съ тѣмъ становятся модными русскія народныя пѣсни, которыя любила слушать сама Елизавета, и появляется русская музыка. Подъ вліяніемъ французскихъ драмъ Сумароковъ написалъ русскую драму „Хоревъ", а затѣмъ и другія комедіи и драмы, которыя разыгрывались кадетами шляхетскаго корпуса. Купеческій сынъ Ѳедоръ Волковъ, пріѣхавъ по дѣламъ изъ Ярославля въ Петербургъ, увидѣлъ здѣсь театральныя представленія и настолько увлекся ими, что по возвращеніи въ Ярославль подобралъ себѣ изъ товарищей труппу актеровъ и устроилъ публичный театръ. Когда Елизавета узнала объ этомъ, то вызвала Волкова и его товарищей (среди которыхъ былъ извѣстный впослѣдствіи актеръ Дмитревскій) въ Петербургъ, гдѣ они сдѣлались первыми актерами въ учрежденномъ Елизаветою публичномъ русскомъ театрѣ; первымъ директоромъ театра былъ назначенъ Сумароковъ, драмы котораго и разыгрывались въ театрѣ.

Къ замѣчательнымъ запискамъ о временахъ Елизаветы Петровны относятся записки генералъ-лейтенанта Нащокина и князя Шаховского. Шаховской служилъ въ теченіе 40 лѣтъ при трехъ императрицахъ—Аннѣ, Елизаветѣ и Екатеринѣ II, занималъ различныя важныя должности, былъ въ сношеніяхъ съ Бирономъ, Волынскимъ, Головкинымъ, Минихомъ, Шуваловымъ и другими извѣстными лицами и видѣлъ возвышеніе и паденіе этихъ лицъ; но при всѣхъ правительственныхъ перемѣнахъ и личныхъ служебныхъ Шаховской никогда не измѣнялъ своему долгу и совѣсти, всегда служилъ честно и былъ строгимъ исполнителемъ закона и ревностнымъ поборникомъ справедливости.

Внѣшнія дѣла. Швеція, объявившая Россіи войну при Аннѣ Леопольдовнѣ, потребовала отъ Елизаветы возвращенія части Финляндіи, завоеванной при Петрѣ, вслѣдствіе чего Елизавета начала

со Швеціей войну. Русскія войска подъ начальствомъ Ласси одержали въ Финляндіи нѣсколько побѣдъ надъ шведами и заняли многія финляндскія крѣпости; тогда Швеція стала просить мира, который и былъ заключенъ въ Або (1743 г.). По этому миру къ Россіи отошла еще часть Финляндіи до р. Кюмени.

Въ 1741 г., по смерти бездѣтной шведской королевы Ульрики Элеоноры, шведскій сенатъ рѣшилъ заранѣе избрать преемника мужу умершей королевы и предложилъ наслѣдство шведскаго престола голштинскому герцогу Петру Ульриху, который имѣлъ право на шведскую корону по ближайшему родству своему съ домомъ Карла XII; но въ это время Петръ Ульрихъ былъ вызванъ императрицею Елизаветою въ Россію и объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола, вслѣдствіе чего онъ отказался отъ шведскаго престола. Тогда шведы хотѣли выбрать сына датскаго короля, но тѣсный союзъ Швеціи съ Даніей былъ невыгоденъ для Россіи, а потому Елизавета предложила шведскому сенату избрать голштинскаго принца Адольфа Фридриха, родного дядю Петра Ульриха, и по условіямъ Абосскаго договора шведскій сенатъ согласился назначить его наслѣдникомъ шведскаго престола, что̀ обезпечивало Россію на будущее время относительно Швеціи.

Война за австрійское наслѣдство въ З. Европѣ окончилась безъ участія въ ней Россіи. Такъ какъ прусскій король Фридрихъ II вышелъ изъ этой войны побѣдителемъ и удержалъ за собою Силезію, отнятую у Австріи, то Марія-Терезія рѣшилась снова воевать съ нимъ для возвращенія Силезіи. Заключивъ союзъ съ Людовикомъ XV, королемъ Франціи, Марія-Терезія уговаривала и Елизавету принять участіе въ войнѣ съ Пруссіей. Канцлеръ Бестужевъ стоялъ за союзъ съ Австріей, доказывая, что надо ослабить Фридриха II, угрожавшаго русскимъ интересамъ въ Польшѣ и Курляндіи; за союзъ съ Австріей и Франціей стояли также Шуваловы, да и сама Елизавета была лично не расположена къ Фридриху II. Вслѣдствіе этихъ причинъ Россія приняла участіе въ семилѣтней войнѣ (1756—1763 г.) противъ Фридриха II, сторону котораго держала только одна Англія.

«Съ начала царствованія при дворѣ Елизаветы повторялось, что король прусскій есть самый опасный врагъ Россіи, гораздо опаснѣе, чѣмъ Франція, и это было убѣжденіемъ самой императрицы. Петръ Великій оставилъ Россію въ самыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ; она была окружена слабыми государствами: Швеціей, Польшей; Турція была или, по крайней мѣрѣ, казалась болѣе сильною и опасною, и это условило австрійскій союзъ по единству интересовъ, по одинаковому опасенію со стороны Турціи; это же условило и враждебныя отношенія къ Франціи, находившейся въ постоянной дружбѣ съ султаномъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: вблизи Россіи является новое могу-

щество; прусскій король обрываетъ естественную союзницу Россіи Австрію; онъ сталкивается съ Россіей въ Швеціи; Польшѣ; отдаленность Турціи не мѣшаетъ ему искать ея дружбы и, разумѣется, не для выгодъ Россіи. Блестящія способности Фридриха II и неразборчивость средствъ при достиженіи цѣлей дѣлаютъ могущество Пруссіи еще болѣе опаснымъ, еще болѣе усиливаютъ раздраженіе, ибо заставляютъ быть въ натянутомъ положеніи, вѣчно готовиться къ какой-нибудь неожиданности, военной или дипломатической. Знали, что Швеція и Польша сами по себѣ не опасны, но когда будутъ соединены прусскими интригами, тогда другое дѣло; вслѣдствіе могущества Пруссіи и характера ея короля боялись не только за Курляндію, но и за пріобрѣтенія Петра Великаго. Это постоянное опасеніе и раздраженіе сдѣлали господствующею мысль о необходимости окружить прусскаго короля цѣпью союзовъ и сократить его силы при первомъ удобномъ случаѣ. Семилѣтняя война была войной за сохраненіе политическаго равновѣсія Европы, она сдержала Фридриха II. Силы прусскаго короля были сокращены благодаря твердости и энергіи Елизаветы, и если не были такъ сокращены, какъ бы она того желала, то достаточно были сокращены для того, чтобы впослѣдствіи Екатерина II не встрѣтила въ нихъ препятствія для достиженія своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенія семилѣтней войны для Россіи, она была школою, изъ которой вышли русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины II столь блестящимъ въ военномъ отношеніи». (Соловьевъ).

Фельдмаршалъ Апраксинъ съ 80,000 войскомъ вступилъ черезъ польскія земли въ восточную Пруссію, занялъ пограничный городъ Мемель и двинулся къ Кенигсбергу, причемъ отряды казаковъ и калмыковъ страшно опустошили прусскія деревни. Фридрихъ II, принужденный раздѣлить свои войска для одновременной борьбы съ тремя врагами, могъ выставить противъ русскихъ только 30,000 войска подъ начальствомъ Левальда, который не рѣшился дать битву Апраксину, опасаясь превосходства русскихъ силъ, и отступилъ для защиты Кенигсберга. Здѣсь при деревнѣ Гроссъ-Эгернсдорфѣ произошло сраженіе, въ которомъ Левальдъ былъ разбитъ Апраксинымъ и обратился въ бѣгство. Послѣ этой побѣды Апраксинъ, вмѣсто того, чтобы идти дальше на Кенигсбергъ, поспѣшно отступилъ черезъ польскія владѣнія къ русской границѣ, объясняя причину своего отступленія недостаткомъ припасовъ. Причины, заставившія Апраксина поспѣшно возвратиться въ Россію, остались не вполнѣ раскрытыми, но этимъ отступленіемъ воспользовались вельможи, враждебные канцлеру Бестужеву, для того, чтобы устранить Бестужева отъ дѣлъ. Такъ какъ въ это время Елизавета была опасно больна, то враги Бестужева обвиняли его въ томъ, что онъ, желая угодить будущему государю Петру III и его супругѣ, которые не одобряли войны съ Пруссіей, увѣдомилъ

Апраксина о болѣзни Елизаветы и посовѣтовалъ ему отступить. Елизавета вызвала Апраксина въ Петербургъ и отдала подъ судъ, но еще до рѣшенія суда Апраксинъ умеръ. Бестужевъ тоже былъ арестованъ и послѣ произведеннаго надъ нимъ слѣдствія удаленъ отъ занимаемой должности и сосланъ въ деревню, а канцлеромъ назначенъ Воронцовъ. Война продолжалась. Генералъ Ферморъ, смѣнившій Апраксина, взялъ Кенигсбергъ; жители Кенигсберга должны были присягнуть на подданство Елизаветѣ и въ Кенигсбергѣ было введено русское управленіе. Затѣмъ Ферморъ двинулся далѣе и осадилъ Кюстринъ; на защиту Кюстрина прибылъ самъ Фридрихъ II; произошла кровопролитная битва при деревнѣ Цорндорфѣ (1758 г.), въ которой русскихъ пало около 20,000, а пруссаковъ 11,000 чел.; Ферморъ долженъ былъ отступить. Въ 1759 г. Салтыковъ, смѣнившій Фермора, соединился съ австрійцами и наголову разбилъ Фридриха II при деревнѣ Кунерсдорфѣ, близъ Франкфурта на Одерѣ; самъ король едва успѣлъ избѣжать плѣна. Въ слѣдующемъ году Чернышевъ временно занялъ Берлинъ, но долженъ былъ изъ него удалиться, въ виду приближенія Фридриха II. Между тѣмъ силы прусскаго короля совершенно истощились въ неравной борьбѣ съ тремя врагами и онъ уже думалъ самоубійствомъ спасти свою честь, но въ это время скончалась императрица Елизавета Петровна (1761 г.), а ея преемникъ Петръ III возвратилъ Фридриху II всѣ прусскія земли, завоеванныя русскими войсками въ семилѣтней войнѣ, и заключилъ съ нимъ дружескій союзъ. Такимъ образомъ Пруссія была спасена.

Престолонаслѣдіе. Императрица Елизавета рѣшила утвердить русскій престолъ за потомствомъ своего отца и поэтому тотчасъ же по вступленіи на престолъ вызвала въ Россію изъ Голштиніи своего 14-лѣтняго племянника Петра Ульриха, сына цесаревны Анны Петровны и голштинскаго герцога Карла-Фридриха. Петръ Ульрихъ принялъ православіе и въ ноябрѣ 1742 года былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола подъ именемъ Петра Θеодоровича. Затѣмъ Елизавета выбрала своему наслѣднику невѣсту— 14-лѣтнюю Софію-Августу, принцессу ангальтъ-цербстскую, которая по приглашенію Елизаветы и пріѣхала со своею матерью въ Петербургъ. Отецъ Софіи-Августы служилъ генераломъ въ прусскихъ войскахъ и былъ сначала губернаторомъ Штетина (гдѣ у него и родилась дочь Софія въ 1729 г.), а потомъ наслѣдовалъ престолъ цербстскаго княжества. По прибытіи въ Петербургъ Софія-Августа приняла православіе, была наречена Екатериною

Алексѣевною и въ 1745 г. вступила въ бракъ съ Петромъ Өеодоровичемъ. Этому браку много содѣйствовалъ Фридрихъ II, такъ какъ надѣялся при посредничествѣ Екатерины привлечь на свою сторону Россію. Черезъ нѣсколько лѣтъ у Петра и Екатерины родился сынъ Павелъ и такимъ образомъ преемство русскаго престола за домомъ Петра Великаго было обезпечено.

Черты общественнаго быта въ половинѣ XVIII вѣка.

Жизнь высшаго общества. Въ половинѣ XVIII вѣка была уже замѣтна значительная перемѣна въ нравахъ и обычаяхъ, какъ слѣдствіе реформъ Петра Великаго; но эта перемѣна была преимущественно внѣшняя, такъ какъ образованіе только-что начиналось, и большой внутренней перемѣны къ лучшему еще не могло и быть. Реформы Петра больше всего повліяли на высшее сословіе—дворянское; дворяне съ постепеннымъ распространеніемъ среди нихъ образованія усваивали западно-европейскіе обычаи и понятія и такимъ образомъ удалялись отъ простого народа, который продолжалъ жить по старинѣ, такъ какъ народныхъ школъ еще не было и образованіе не коснулось народа. Наибольшую перемѣну мы видимъ въ обстановкѣ жизни высшаго русскаго общества, которое быстро усвоило внѣшность европейской цивилизаціи. Въ царствованія Анны и Елизаветы, дворъ которыхъ отличался блескомъ и пышностью, роскошь быстро распространяется и входитъ въ обычай среди аристократіи; русская аристократія считала уже необходимостью имѣть собственные дома, убранные дорогою мебелью и зеркалами, великолѣпный столъ, большіе погреба съ дорогими винами, блестящія одежды, украшенныя золотомъ и серебромъ, дорогіе заграничные экипажи, множество лошадей. Женщины, явившіяся на ассамблеи въ иностранныхъ костюмахъ, въ первое время чрезвычайно стѣснялись и дичились, но очень скоро полюбили выѣзды и стали щеголять своими нарядами, тратя на нихъ большія деньги. Разсказываютъ, что въ Москвѣ сначала была только одна уборщица волосъ, а поэтому многія дамы причесывались у нея за 3 дня до выѣзда на вечеръ и затѣмъ спали сидя, боясь испортить прическу. Многіе въ погонѣ за роскошью жили выше средствъ и разорялись; такъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, имѣя ежегоднаго дохода 400,000 р., жилъ такъ расточительно, что оставилъ послѣ себя большіе долги. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ въ русскомъ обществѣ половины XVIII в. развитіе изящнаго вкуса. При дворѣ

Анны Іоанновны мы видимъ хоръ пѣвчихъ, итальянскую оперу и нѣмецкій театръ, при Елизаветѣ Петровнѣ — французскій придворный театръ и открытіе русскаго публичнаго театра въ Петербургѣ. Петербургъ украшается при Елизаветѣ многими красивыми зданіями, построенными по планамъ итальянскаго архитектора Растрелли; такъ при Елизаветѣ былъ построенъ Зимній дворецъ, церкви Смольнаго монастыря, Владимірская и Николы Морского, Академія художествъ, сплошной рядъ каменныхъ домовъ по Дворцовой набережной. Дома, построенные вельможами Елизаветы, отличались не только обширностью и красивыми фасадами, но и внутренними удобствами, напр., домъ канцлера Воронцова (нынѣ Пажескій корпусъ), графа Разумовскаго (Аничкинъ дворецъ). Въ комнатахъ вельможъ мы находимъ картины извѣстныхъ европейскихъ художниковъ, купленныя за дорогую цѣну. Подъ вліяніемъ иностранныхъ художниковъ и архитекторовъ распространялся изящный вкусъ въ русскомъ обществѣ и образовывались русскіе художники (Никитинъ) и архитекторы (Чевакинскій и Кокориновъ — ученики Растрелли).

Грубость нравовъ. Съ внѣшнимъ блескомъ и роскошью, которыми отличалась жизнь высшаго русскаго общества, не соединялось однако настоящаго образованія и нравы были еще очень грубы. Эта полуобразованность общества сказывалась въ страсти къ шутамъ, которые наполняли дворецъ Анны Іоанновны и дома вельможъ, и въ такихъ удовольствіяхъ, какъ постройка ледяного дома, причемъ извѣстный писатель и секретарь Академіи Наукъ Тредьяковскій сочинилъ нелѣпые поздравительные стихи въ честь молодыхъ. Этого же Тредьяковскаго избилъ кабинетъ-министръ Волынскій, а когда Тредьяковскій пришелъ жаловаться на него Бирону, то Волынскій избилъ его вторично въ комнатахъ Бирона.

Такую роль игралъ академикъ въ Петербургѣ, а какую роль играли лѣкаря въ полкахъ, видно изъ донесенія одного армейскаго доктора главному доктору: «Штабъ-офицеры лѣкарей хотятъ имѣть совершенно въ своей командѣ, употребляютъ ихъ вмѣсто камердинеровъ, заставляютъ парики расчесывать; а если лѣкарь передъ своимъ штабъ-офицеромъ не захочетъ показать излишней услужливости и раболѣпства, то на него нападаютъ, по произволу штрафуютъ и безчестятъ; а которые лѣкаря у штабъ-офицеровъ въ страхѣ или милости, употребляются вмѣсто камердинеровъ, такіе докторовъ не слушаются и должностью своею пренебрегаютъ, къ больнымъ не ходятъ, а живутъ болѣе при домахъ штабъ-офицеровъ, другіе же, обиженные штабъ-офицерами, служить не хотятъ».

Взяточничество и притѣсненія воеводъ, лихоимство судей попрежнему постоянно встрѣчаются, какъ это мы видимъ изъ ука-

зовъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Въ этихъ указахъ говорится, что „многіе воеводы какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ дѣлаютъ великія обиды и разоренія“, вслѣдствіе чего велѣно было смѣнять воеводъ каждые два года, и по смѣнѣ воеводы должны были являться въ сенатъ съ отчетомъ; если воевода окажется исправнымъ и если въ продолженіе года жалобъ на него не будетъ, то было позволено опять опредѣлять его въ воеводы.

Даниловъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее о взяточничествѣ современныхъ ему воеводъ и чиновниковъ. Когда Даниловъ еще маленькимъ мальчикомъ жилъ у одного воеводы, своего родственника, то этотъ воевода посылалъ его на Рождествѣ вмѣстѣ со своимъ сыномъ по уѣзду славить Христа. Съ мальчиками было отправлено 5 пустыхъ саней, которыя потомъ возвращались наполненныя хлѣбомъ, курами и другими припасами; при этомъ люди воеводы собирали дань разною живностью и съ тѣхъ дворовъ, куда славильщики не заѣзжали. Затѣмъ Даниловъ разсказываетъ такой случай: зять его послѣ смерти брата долженъ былъ получить въ наслѣдство 900 душъ, но другіе родственники стали оспаривать у него наслѣдство; секретарь вотчинной коллегіи только тогда рѣшилъ дѣло въ пользу зятя, когда послѣдній подарилъ ему 50 душъ. Разбогатѣвъ, зять Данилова сталъ увертываться отъ службы, а такъ какъ выйти въ отставку было нельзя, то онъ бралъ изъ полка каждый годъ отпуски въ деревню, причемъ за каждый отпускъ долженъ былъ дарить полковому секретарю 12 душъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, да полковому писарю по одной душѣ за паспортъ. Какъ смотрѣли тогда на взятки, видно изъ слѣдующихъ словъ Татищева, одного изъ образованныхъ людей того времени: „отъ того, кому сдѣлалъ добро, могу взять безъ зазрѣнія совѣсти; я беру то, что принесутъ, и въ этомъ ни передъ Богомъ, ни передъ государемъ не погрѣшаю“.

Бытъ провинціальныхъ дворянъ. Что касается быта небогатыхъ провинціальныхъ помѣщиковъ, то на немъ въ описываемое время еще мало было замѣтно вліяніе реформъ Петра В. О бытѣ провинціальныхъ дворянъ мы находимъ весьма любопытныя подробности въ запискахъ современниковъ—Болотова и Данилова. «Даниловъ, маіоръ артиллеріи (1722—1790 гг.), описалъ свою жизнь и все, что зналъ о своихъ предкахъ; несмотря на простоту изложенія и на совершенное отсутствіе политическаго элемента, его записки служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ XVIII вѣка, такъ какъ въ нихъ изображается воспитаніе и бытъ небогатыхъ дворянъ въ половинѣ XVIII в. Записки Болотова обнимаютъ всю вторую половину XVIII в. съ 1740 г. и представляютъ важный матеріалъ для изученія бытовой исторіи XVIII в.; онѣ касаются самыхъ разнообраз-

ныхъ сторонъ русской жизни—домашняго и общественнаго воспитанія, домашняго и общественнаго быта, военной и гражданской службы, состоянія русской науки, литературы и книжной торговли, содержатъ много свѣдѣній о русскомъ дворѣ при Елизаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II, множество интересныхъ подробностей для біографіи государственныхъ, военныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей XVIII в. Искренность, честность, любовь къ правдѣ и глубокое чувство патріотизма составляютъ отличительныя черты записокъ Болотова, одного изъ лучшихъ русскихъ людей XVIII в.». «Домъ родителей Болотова былъ деревянный, безъ фундамента, съ огромною тесовою крышей. Объ изяществѣ архитектуры нечего и говорить; даже условія простого удобства не были соблюдены: такъ изъ 7 покоевъ, заключавшихся въ этомъ домѣ, только 3 были обитаемы, другіе были кладовыя, чуланы и отдѣлены были отъ главныхъ комнатъ холодными сѣнями. Какъ снаружи, такъ и изнутри стѣны были просто бревенчатыя, голыя; полы и потолки голые же, деревянные, некрашенные; вся мебель состояла изъ лавокъ, по старинному придвинутыхъ къ стѣнамъ, изъ длиннаго дубоваго стола въ переднемъ углу, подъ образами, да еще изъ небольшого количества стульевъ или креселъ, выражавшихъ собою уже нѣкоторую претензію на удобство. Забившись, особенно зимою, въ одинъ или два маленькіе тепленькіе покойца, дворянское семейство тамъ и спало, тамъ и обѣдало, тамъ и гостей принимало. Дворяне уже не носили въ описываемое время бородъ, но ходили въ длиннополыхъ одеждахъ, а жены ихъ большею частью носили тѣлогрѣи и платочки на головѣ. Иногда, особенно въ день храмового праздника, именинъ, къ матери Болотова наѣзжали и гости, сосѣдніе помѣщики, и тогда время проводили слѣдующимъ образомъ: по утрамъ бывали обыкновенно праздничные завтраки, тамъ обѣды, и за ними почиванье; тамъ закуска и заѣдка, послѣ того чай, а тамъ ужинали. Спали всѣ на землѣ повалкою, а по утру, проснувшись, принимались опять за ѣду... Въ описываемое врямя сельскій священникъ былъ лицомъ близкимъ и крестьянину, и помѣщику, особенно небогатому; въ рѣдкой дворянской усадьбѣ мы не встрѣтили бы приходскаго священника частымъ и почетнымъ гостемъ. Весьма важную особу, пишетъ Болотовъ, составлялъ въ ихъ домѣ приходскій попъ. Онъ былъ ежедневнымъ гостемъ матери Болотова, ея совѣтникомъ и наставникомъ не только въ семейныхъ дѣлахъ, но давалъ ей совѣты по поводу случавшихся тяжбъ и споровъ съ сосѣдями». (Такъ какъ помѣщичьи владѣнія еще не были разграничены, то между сосѣдними помѣщиками происходили тогда частыя ссоры, сопровождаемыя драками и насильственнымъ захватомъ земли и крестьянъ). Вотъ какъ описываетъ Болотовъ общество людей той же эпохи (1750 г.), принадлежавшихъ къ другому, нѣсколько болѣе достаточному кругу въ окрестностяхъ Пскова. Онъ вводитъ насъ въ домъ своей сестры, гдѣ праздновались ея именины. Гостей съѣхалось множество, обѣдъ продолжался нѣсколько часо́въ. «Псковскіе дворяне любили тогда быть веселы и заставлять въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки. Понабравшись немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще болѣе. У г. Сумороцкаго была своя музыка; зять мой постарался, чтобы онъ привезъ ее съ собою. Музыки не было

тогда такія огромныя, какъ нынѣ. Ежели скрипочки двѣ-три умѣли играть польскій, менуэтъ и контрданцы, такъ и довольно. Немногіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ колясках, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ. Потребовали лакеевъ-музыкантовъ; молодежь стала танцовать, старушки играли въ карты, старички распивали наливки, а какъ подгуляли, то начали и они танцами веселиться. Музыка должна была играть то, что было угодно, и по большей части русскія плясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать было можно. Не успѣли сего начать, какъ принуждены были и боярыни покинуть свои карты и дѣлать имъ свою компанію. Къ музыкѣ присоединены были потомъ и дѣвки со своими пѣснями, а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣвшіе пѣсни пѣть лакеи, и такъ попеременно то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина».

Первоначальное образованіе дѣти небогатыхъ помѣщиковъ обыкновенно получали у приходскаго священника или у церковно-служителя; оно состояло только въ церковнославянской грамотѣ (азбука, изученіе часослова и псалтыря). Даниловъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ намъ слѣдующее о первоначальномъ своемъ ученіи грамотѣ у понамаря Филиппа Брудастаго: «Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобы во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, сѣчь. Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена во время нашего ученія принуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобы мы громче кричали, хотя-бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно; изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ не полезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость». Изъ школы Брудастаго Даниловъ перешелъ въ домъ тетки своей, вдовы Матрены Петровны, у которой жилъ и учился еще другой племянникъ ея, Епишковъ. «А какъ вдова, говоритъ Даниловъ, своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться; однако я, въ таковой будучи волѣ и не принужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ 2 книгъ: часослова и псалтыри... Матрена Петровна была великая богомольщица; рѣдкій день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную

должность. Я употребленъ былъ въ такой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: полно тебѣ шутить, Ванюша, и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобы прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго аппетиту».

«Вообще польза грамотности и образованія была скоро понята русскимъ дворянствомъ, говоритъ Щебальскій. Потребность просвѣщенія начинала чувствоваться владѣльцами самыхъ глухихъ и отдаленныхъ усадьбъ. Люди стараго времени не хотѣли сами измѣнять своихъ обычаевъ, но старались дѣтей своихъ воспитать инымъ образомъ. Даниловъ пишетъ, что его отецъ, крайне бѣдный дворянинъ, самъ обучалъ грамотѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей; неподалеку отъ его усадьбишки случился грамотный дьячокъ,—мальчиковъ стали посылать къ нему для усовершенствованія въ чтеніи и письмѣ; наконецъ нашлись родственники, болѣе или менѣе достаточные люди, которые, имѣя учителей при дѣтяхъ своихъ, приняли къ себѣ въ домъ бѣдныхъ ребятишекъ. Другіе помѣщики, если имѣли возможность, опредѣляли дѣтей въ кадетскій корпусъ или какую-нибудь изъ школъ, учрежденныхъ правительствомъ. Къ этому понуждали не только царскіе указы—сила вещей къ тому приводила. Возьмемся опять за Болотова. Отецъ его всю жизнь свою странствовалъ съ полкомъ изъ Украйны въ Швецію, изъ Петербурга на Дунай, и странствованія эти, доставляя случай видѣть, сличать и сравнивать, не могли не способствовать его развитію и, между прочимъ, не дать ему почувствовать пользу просвѣщенія. Онъ покупалъ книги, занимался музыкою и завелъ въ полку своемъ оркестръ. Съ самаго ранняго возраста своего сына онъ уже началъ думать, какъ бы его образовать. Первое книжное знаніе ребенка доставило, по словамъ Болотова, великую радость его родителямъ; этого мы не замѣчаемъ въ прежнее время, по крайней мѣрѣ, между среднимъ дворянствомъ. Дворяне Петрова времени сокрушались, а дворянки слезно плакали, отпуская по приказу государеву дѣтей своихъ въ науку. Болотовъ-отецъ, напротивъ того, пользуется каждымъ случаемъ, чтобы научить сына чему-нибудь; оказывается въ полку солдатъ изъ нѣмцевъ, онъ беретъ его къ сыну въ учителя; располагается полкъ по квартирамъ въ Курляндіи, маленькаго Болотова отдаютъ въ домъ къ какому-то дворянину, у котораго для сына выпи-

санъ хорошій учитель изъ нѣмцевъ; наконецъ отецъ и мать рѣшаются разстаться съ сыномъ, чтобы помѣстить его въ петербургскій пансіонъ, и радуются мысли, что ихъ дѣтище будетъ образованнѣе ихъ. Родитель мой, пишетъ Болотовъ, не преминулъ меня проэкзаменовать во всѣхъ моихъ занятіяхъ. Онъ доволенъ былъ, что я по-французски сколько-нибудь научился, любовался моими рисунками. Болотовъ-отецъ радовался не даромъ; молодое поколѣніе пошло далѣе стараго. Сынъ-Болотовъ употреблялъ послѣднія свои копѣйки на покупку книгъ, не разставался съ ними ни въ крестьянскихъ избахъ во время стоянки съ полкомъ на квартирахъ, ни въ походѣ, и, собираясь на войну, набивалъ ими свои вьюки. Пребываніе съ полкомъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ, гдѣ небогатые дворяне охотно принимали «геръ-поручика», хорошо говорящаго по-нѣмецки, время, проведенное съ полкомъ въ Пруссіи въ продолженіе семилѣтней войны,—все это осталось не безъ вліянія на развитіе молодого человѣка, который наконецъ возвратился въ свое наслѣдственное имѣніе далеко уже не тѣмъ, чѣмъ были его сосѣди ровесники. И такихъ людей, какъ Болотовъ, было много; служба способствовала ихъ образованію и они въ свою очередь дѣлались орудіями, посредствомъ которыхъ образованіе проникало внутрь Россіи».

Развитіе крѣпостного права и перемѣны въ положеніи помѣщиковъ. Въ законахъ первой половины XVIII в. не были точно обозначены границы помѣщичьей власти, вслѣдствіе чего послѣдняя стала увеличиваться. Помѣщикъ понемногу сдѣлался не только надзирателемъ крестьянскаго хозяйства и сборщикомъ казенныхъ податей, но сталъ наказывать крестьянъ за преступленія, ссылать ихъ въ Сибирь, продавать семьями и въ розницу, съ землей и безъ земли, сталъ смотрѣть на крестьянское имущество, какъ на полную свою собственность; размѣръ барщины и оброка, который крестьяне платили помѣщикамъ за пользованіе землей, тоже не былъ опредѣленъ,—и такимъ образомъ въ половинѣ XVIII в. постепенно устанавливается взглядъ на крестьянъ, какъ на полную собственность ихъ владѣльцевъ. Число крѣпостныхъ въ половинѣ XVIII в. значительно увеличилось вслѣдствіе приписки и пожалованія. Для того, чтобы никто не уклонялся отъ платежа государственныхъ податей и повинностей, правительство приписало въ число крѣпостныхъ всѣхъ тѣхъ, прежде свободныхъ людей, которые не принадлежали къ какому-либо опредѣленному состоянію, какъ-то: незаконнорожденныхъ, вольноотпущенниковъ, дѣтей солдатъ, заштатныхъ церковнослужителей, бродягъ и вообще „гулящихъ людей“. Гулящимъ людямъ предоставлено было право избрать себѣ помѣщика, который бы согласился принять ихъ подъ свою зависимость съ обязательствомъ платить за нихъ подушную подать; если же они не находили себѣ владѣльца, то отдавались

въ зависимость по усмотрѣнію правительства. Со времени Петра государи стали жаловать служилыхъ людей и своихъ приближенныхъ землей, населенной государственными крестьянами, которые такимъ образомъ обращались въ крѣпостныхъ. Подушная подать, разныя пошлины и повинности въ соединеніи съ барщиной и рекрутскими наборами были слишкомъ обременительны для крестьянъ, такъ что за ними постепенно накопилось много недоимокъ. Учрежденная Бирономъ доимочная канцелярія стала строго взыскивать недоимки, вслѣдствіе чего крестьяне во многихъ мѣстахъ покидали свои деревни и убѣгали; такихъ бѣглыхъ въ теченіе 1727—1736 гг. насчитывалось до 400,000. Такъ какъ за недоимки крестьянъ отвѣчали помѣщики, то нерѣдко случалось, что и помѣщикъ убѣгалъ неизвѣстно куда вмѣстѣ со своими крестьянами, такъ что агенты доимочной канцеляріи, пріѣзжая за сборомъ податей, находили покинутыми и деревню и барскую усадьбу. Притѣсненія помѣщиковъ тоже часто принуждали крестьянъ бродяжничать. Въ половинѣ XVIII в. стали происходить въ разныхъ мѣстахъ возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщичьихъ и заводскихъ; крестьяне собирались въ разбойничьи шайки и разоряли помѣщичьи усадьбы, казенные склады, заводы, иногда даже города, въ которыхъ освобождали колодниковъ и забирали деньги и товары. Разбои происходили даже около Москвы и Петербурга. Особенно сильны были разбои въ низовыхъ областяхъ, по Окѣ и Волгѣ, гдѣ многочисленные разбойники выѣзжали на лодкахъ, вооруженные пушками, грабили казенныя суда и бились съ высылаемыми противъ нихъ военными командами; въ этихъ разбояхъ принимало дѣятельное участіе и казачество.

Петръ В., размѣстивъ всѣ полки по уѣздамъ на квартиры, поручилъ въ каждомъ уѣздѣ сборъ подушной подати мѣстному полковому командиру и офицерамъ, такъ что военныя команды въ извѣстное время года обходили всѣ деревни уѣзда и собирали подушную подать; при этомъ они позволяли себѣ часто обижать крестьянъ. Въ виду этого Екатерина I велѣла собирать подушную подать воеводамъ, но ихъ приказные люди тоже обижали крестьянъ. Тогда Анна Іоанновна возложила сборъ подушной подати на самихъ помѣщиковъ, которые должны были собранную сумму доставить въ извѣстный срокъ мѣстному воеводѣ. Въ царствованіе же Анны Іоанновны былъ изданъ указъ, по которому помѣщики должны были кормить своихъ крестьянъ въ голодные годы и ссужать ихъ хлѣбомъ на посѣвы, вслѣдствіе чего помѣщики сдѣлались какъ бы отвѣтствен-

ными опекунами крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ помѣщики были отвѣтственными сборщиками подушной подати со своихъ крестьянъ и отвѣтственными опекунами крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ, отбывая обязательную службу по указу Петра В., помѣщики не могли жить въ своихъ помѣстьяхъ и заниматься хозяйствомъ, вслѣдствіе чего крестьяне ихъ были предоставлены на произволъ приказчиковъ и старостъ; слѣдовательно, съ увеличеніемъ обязанностей дворянъ по землевладѣнію необходимо было снять съ дворянства его обязанности по службѣ и дать ему возможность работать въ деревнѣ. И дѣйствительно, преемники Петра В. постепенно ослабляли служебныя обязанности дворянства. Екатерина I и Петръ II стали часто отпускать дворянъ со службы на побывку въ деревню. Анна Іоанновна ограничила срокъ службы дворянъ 25 годами, послѣ чего дворянинъ могъ выйти въ отставку; кромѣ того, если у помѣщика было двое или больше сыновей, то отецъ могъ оставить одного сына при себѣ для хозяйства. Наконецъ, Петръ III совершенно освободилъ дворянъ отъ обязательной службы, предоставивъ имъ право служить только по собственному желанію.

Литература. «Такъ какъ эпоха преобразованія царствованіемъ Петра Великаго не окончилась, то всѣ вопросы, поднятые вслѣдствіе новаго порядка вещей, всѣ столкновенія, имъ порожденныя, должны были имѣть силу и послѣ Петра, должны были главнымъ образомъ отражаться въ литературѣ. Въ литературѣ отражалась борьба между старымъ и новымъ. Приверженцы старины, раскольники имѣли свою тайную рукописную литературу, въ которой высказывались обличенія новому порядку, прославлялись подвиги и страданія приверженцевъ старины. Явная, печатная литература исключительно принадлежала приверженцамъ новаго, которые, предоставя церковнымъ писателямъ ратовать противъ раскола, съ одной стороны прославляли новый порядокъ вещей и его виновника Петра, съ другой—вооружались противъ защитниковъ старины. Таковы сатиры Кантемира, писателя-вельможи, передового бойца въ рядахъ поклонниковъ Петра и новаго порядка. Кантемиръ старается представить въ смѣшномъ видѣ людей, толкующихъ о вредѣ, какой происходитъ въ обществѣ отъ науки, старается показать, что одно своекорыстіе заставляетъ ихъ жалѣть о старомъ времени и порицать новое. Кантемиръ старался показать важность образованія, которое усугубляетъ природныя силы человѣка, молодого равняетъ со стариками по мудрости; сатирикъ вооружается противъ тѣхъ отцовъ, которые копятъ богатство и пренебрегаютъ воспитаніемъ дѣтей и потомъ горюютъ, когда сынъ, выросши, дѣлается негоднымъ человѣкомъ. Цѣль воспитанія, цѣль всѣхъ наукъ и искусствъ, по Кантемиру, состоитъ въ томъ, чтобъ сердце юноши утвердить въ добрыхъ нравахъ, сдѣлать его полезнымъ отечеству, между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ. Прославляя науку, введенную Петромъ, Кантемиръ необходимо долженъ

былъ прославлять самого Петра, черезъ постановленія котораго мы стали вдругъ народомъ новымъ, по выраженію Кантемира; трудъ Петра былъ корнемъ нашей славы: благодаря этому труду, подвигамъ, странствіямъ, принесены были къ намъ изъ чужихъ краевъ приличные человѣку нравы и искусства.

Вторымъ, болѣе громкимъ прославителемъ Петра и новаго порядка былъ знаменитый Ломоносовъ, поэтъ, ораторъ, ученый, авторъ грамматики, риторики, отечественной исторіи, химикъ, геологъ и физикъ. Мы видѣли, что Петръ, основывая академію, объявилъ, что при тогдашнихъ средствахъ Россіи не можетъ быть трехъ отдѣльныхъ учрежденій—академіи, университета и гимназіи, и что одно учрежденіе должно носить этотъ тройственный характеръ; дѣйствительно, раздѣленія занятій, по недостатку средствъ и людей, быть еще не могло, одно учрежденіе должно было исполнять нѣсколько обязанностей, одинъ даровитый и ученый человѣкъ долженъ былъ приниматься за нѣсколько разнородныхъ занятій, удовлетворять многимъ съ разныхъ сторонъ требованіямъ. Такимъ былъ и Ломоносовъ. Громадная дѣятельность Ломоносова, могущественное вліяніе его на школу и на все послѣдующее образованіе всего сильнѣе утвердили тотъ взглядъ, что образованные русскіе люди обязаны своимъ бытіемъ Петру; Петръ въ сочиненіяхъ Ломоносова называется богомъ Россіи; городъ, имъ основанный, священнымъ городомъ. Для русскаго человѣка, изучившаго оды и похвальныя слова Ломоносова, величественная фигура преобразователя поднялась на недосягаемую высоту и заслонила собою всю предыдущую исторію: изъ этой исторіи только одно лицо Ломоносовъ сопоставляетъ съ Петромъ—Великаго Іоанна (Грознаго), котораго называетъ *примѣромъ для Петра; оба героя трудятся вмѣстѣ для величія Россіи*. Оды и похвальныя слова Ломоносова Елизаветѣ суть оды и похвальныя слова Петру; похвалы дочери риѳмуютъ только похваламъ отцу. Кромѣ обычнаго прославленія просвѣщенія и просвѣтителя—Петра, въ сочиненіяхъ знаменитаго писателя находимъ любопытныя мысли, или взятыя имъ изъ тогдашняго общества, или распространенныя имъ въ обществѣ. Особенно любопытно разсужденіе Ломоносова о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа въ письмѣ къ И. И. Шувалову, который былъ покровителемъ и другомъ знаменитаго писателя и по его внушеніямъ хлопоталъ объ учрежденіи московскаго университета. Въ этомъ разсужденіи Ломоносовъ указываетъ язвы тогдашняго общества и предлагаетъ средства къ ихъ исцѣленію; Ломоносовъ вооружается противъ браковъ между стариками и молодыми дѣвицами и наоборотъ, что было тогда въ обычаѣ по деревнямъ; говоритъ противъ постриженія молодыхъ людей въ монахи, требуетъ учрежденія воспитательныхъ домовъ, распространенія медицинскихъ книгъ для народнаго употребленія, уничтоженія суевѣрій; вооружается противъ невоздержанія на масляницѣ и на свѣтлой недѣлѣ, жалуется на недостаточность врачебныхъ *пособій въ народѣ и войскѣ; жалуется* на кровавыя драки, которыя происходятъ между сосѣдями, особенно между помѣщиками, и единственнымъ средствомъ прекращенія этихъ дракъ считаетъ межеваніе; говоритъ, что нѣтъ никакой надежды уменьшить разбои, потому что въ Россіи есть глухія пространства безъ городовъ на 500 и болѣе верстъ—убѣжище для разбойниковъ и всякихъ

бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей; Ломоносовъ предлагалъ по такимъ мѣстамъ основать города. Потомъ Ломоносовъ указываетъ на уменьшеніе народонаселенія отъ побѣговъ крестьянъ за польскую границу; лучшее средство противъ этого, по мнѣнію автора, есть кроткое обращеніе съ крестьянами. Русскою исторіею Ломоносовъ сталъ заниматься по предложенію Шувалова, который хотѣлъ, чтобъ онъ исключительно занялся этимъ трудомъ. Но Ломоносовъ занимался имъ не по призванію (любимыя науки его были физика и химія), и онъ думалъ, что стоитъ только употребить искусство—и русская исторія представитъ дѣянія, подобныя дѣяніямъ героевъ греческихъ и римскихъ; смотря на исторію только какъ на украшенный витійствомъ разсказъ, имѣющій цѣлью прославленіе геройскихъ подвиговъ, Ломоносовъ очень легко обходился съ источниками; витіеватое изложеніе вышло далеко не художественное; но при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ древностей видны проблески сильнаго таланта. Враждуя съ нѣмцами, Ломоносовъ никакъ не хотѣлъ выводить Рюрика съ братьями изъ Скандинавіи и выводилъ ихъ изъ Пруссіи, дѣлая пруссаковъ славянами.

Въ описываемое время появились и литературные журналы. Сумароковъ издавалъ журналъ «Трудолюбивая пчела»: содержаніемъ служили оригинальныя и переводныя стихотворенія, разсужденія, напримѣръ, о пользѣ миѳологіи и т. п., странныя историческія статьи, въ родѣ баснословнаго разсказа о созиданіи Москвы. Но важнѣе тѣ статьи, въ которыхъ высказывается уже недовольство крайностями господствующаго направленія; Сумароковъ нападаетъ на пестроту русскаго языка, вобравшаго въ себя множество иностранныхъ словъ, частью черезъ заимствованіе новыхъ понятій у народовъ чуждыхъ, болѣе образованныхъ, частію, по необходимости читать постоянно иностранныя книги за неимѣніемъ русскихъ, частію, наконецъ, отъ ребяческой хвастливости знаніемъ, которое не всѣ имѣютъ, знаніемъ, которое отличало человѣка образованнаго, принадлежащаго къ высшему сословію, отъ человѣка изъ простонародья. Насмѣхаясь надъ пестротою языка такъ называемыхъ образованныхъ людей, Сумароковъ насмѣхался надъ ихъ поверхностнымъ образованіемъ, насмѣхался надъ этими кавалерами петиметрами, какъ ихъ тогда называли, которые кричали обо всемъ, не зная основательно ничего, не умѣя ничего доказать. Кромѣ петиметровъ, Сумароковъ особенно вооружался въ своемъ журналѣ противъ подьячихъ взяточниковъ.

Труды по русской исторіи. И ученые, менѣе Ломоносова даровитые, не могли посвящать своей дѣятельности одному какому-нибудь предмету. Такъ извѣстный уже намъ Тредьяковскій, профессоръ элоквенціи, знаменитый авторъ Телемахиды, переводчикъ Римской исторіи Ролленя, писалъ также историческое изслѣдованіе о варяго-руссахъ, которые являются у него жителями острова Рюгена, славянами поморскими. Но болѣе всѣхъ въ это время для Русской исторіи потрудился Татищевъ, на дѣятельности котораго отразился также общій характеръ эпохи, когда дѣла было гораздо больше, чѣмъ рукъ, когда раздѣленіе занятій было невозможно; взявшись за одно дѣло, видѣли, что для него необходимо нѣсколько приготовительныхъ работъ, одна работа вела къ другой и одинъ дѣятель долженъ былъ вдругъ удовлетворять многимъ потребностямъ. Управляющій

горными заводами, впослѣдствіи астраханскій губернаторъ, Татищевъ дѣлается первымъ собирателемъ и критикомъ матеріаловъ Русской исторіи. Это случилось такимъ образомъ: служа подъ начальствомъ графа Брюса, Татищевъ помогалъ ему въ составленіи полной русской географіи, а потомъ долженъ былъ взять на себя одинъ весь этотъ трудъ; но при этомъ Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя составить полной и вѣрной географіи, и вотъ онъ начинаетъ заниматься русской исторіею: собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ ему незнакомыхъ, заставляетъ переводить извѣстія о Россіи. Татищевъ не хотѣлъ писать Русской исторіи: онъ хотѣлъ собрать матеріалы и показать, какъ надобно ими пользоваться; трудъ его, извѣстный подъ именемъ Исторіи Россійской, есть сводъ лѣтописей, а въ примѣчаніяхъ Татищевъ сообщаетъ свой взглядъ на событія и предлагаетъ критику лѣтописныхъ извѣстій. Важная заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ далъ понятіе, какъ приняться за дѣло, показалъ, что такое Русская исторія, какія существуютъ средства для ея сочиненія. Но трудъ Татищева не былъ оцѣненъ современниками; однимъ не нравился простой лѣтописный, неукрашенный разсказъ, другіе вооружились противъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ сужденій автора въ примѣчаніяхъ, и книга не была напечатана при жизни Татищева. Не изданнымъ оставалось въ это время «Ядро Россійской Исторіи», сочиненное Манкіевымъ еще при Петрѣ Великомъ. Исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ «Ядрѣ» просто, обстоятельно, почти безошибочно.—Кромѣ означенныхъ русскихъ людей, съ пользою занимались русскою исторіею два иностранца, Байеръ и Мюллеръ, призванные въ петербургскую академію. Байеръ, не знавшій по-русски, могъ съ успѣхомъ заниматься только тѣми вопросами, гдѣ могъ пользоваться иностранными источниками; онъ положилъ начало научному изслѣдованію о происхожденіи варяговъ Руси, которыхъ выводилъ изъ Скандинавіи. Неутомимый Мюллеръ знаменитъ особенно, какъ собиратель и издатель матеріаловъ историческихъ и географическихъ». (Соловьевъ).

Петръ III (1761—1762 г.).

Внутреннія распоряженія. Изъ внутреннихъ распоряженій Петра III замѣчательны слѣдующія: уничтоженіе тайной канцеляріи, указъ о вольности и свободѣ россійскаго дворянства и запрещеніе преслѣдовать раскольниковъ.

Въ своемъ манифестѣ объ уничтоженіи тайной канцеляріи Петръ III говорилъ слѣдующее: «Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайной канцеляріи побудили Петра В. тогдашнихъ временъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени годъ отъ году меньше становилось надобности въ такихъ канцеляріяхъ; но такъ какъ тайная канцелярія все оставалась въ своей силѣ, то злымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя наказанія, или клеветать на своихъ начальниковъ и непрія-

телей. Поэтому тайная канцелярія уничтожается навсегда, ненавистное выраженіе «слово и дѣло» не должно значить ничего».

Указомъ о вольности и свободѣ россійскаго дворянства Петръ III уничтожилъ обязательную службу дворянъ, предоставивъ имъ полную свободу служить или не служить, и кромѣ того позволилъ дворянамъ свободно ѣздить за границу. Правительство впрочемъ удерживало за собою право призывать дворянъ на службу отечеству лишь въ исключительныхъ случаяхъ; удержано было и обязательство дворянъ относительно воспитанія дѣтей: дворянинъ своихъ сыновей долженъ былъ или отдавать въ правительственную школу, или воспитывать дома. Петръ III запретилъ преслѣдовать раскольниковъ и даже приказалъ защищать ихъ отъ всякихъ обидъ; раскольникамъ, бѣжавшимъ въ прежнее время за предѣлы государства, онъ позволилъ возвратиться въ Россію и жить на отведенныхъ имъ въ Сибири земляхъ.

«Внутри всероссійской имперіи, говорилъ Петръ III въ указѣ о раскольникахъ, и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники христіане точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ которыхъ они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно».

Вслѣдствіе этого указа нѣсколько тысячъ раскольниковъ возвратились въ Россію изъ Польши и другихъ пограничныхъ земель, куда они бѣжали въ предшествовавшія царствованія.

Характеръ царствованія Петра III. Во время своего царствованія добрый и мягкій характеромъ, но простодушный и недальновидный Петръ III не съумѣлъ пріобрѣсти народнаго расположенія. Главнымъ образомъ онъ возбудилъ противъ себя народное неудовольствіе тѣмъ предпочтеніемъ, которое онъ оказывалъ нѣмцамъ и всему нѣмецкому. Горячій поклонникъ Фридриха II, Петръ, будучи еще наслѣдникомъ престола, открыто выражалъ свое неудовольствіе, когда Елизавета Петровна приняла участіе въ семилѣтней войнѣ. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ Петръ III прекратилъ войну съ Пруссіей, возвратилъ безвозмездно Фридриху II всѣ завоеванныя при Елизаветѣ прусскія области и заключилъ съ нимъ тѣсный дружескій союзъ. Такой конецъ войны, на которую было издержано около 30 милліоновъ рублей и во время которой погибло до 300,000 солдатъ, возбудилъ въ Россіи большое неудовольствіе. Заключивъ союзъ съ Фридрихомъ II, Петръ III рѣшился объявить войну Даніи, такъ какъ голштинскіе

герцоги издавна враждовали съ датскими королями; задуманная война не могла принести никакой выгоды Россіи и приготовленія къ ней были встрѣчены крайне несочувственно. Когда Петръ еще былъ наслѣдникомъ престола, то для него былъ выписанъ изъ Голштиніи небольшой отрядъ войска, съ которымъ онъ занимался военными упражненіями; сдѣлавшись государемъ, онъ оказывалъ своимъ голштинцамъ явное предпочтеніе и далъ имъ разныя преимущества сравнительно съ русской гвардіей. Гвардія была одѣта въ нѣмецкіе мундиры, должна была учиться прусскому воинскому строю у нѣмецкихъ офицеровъ и подчиняться суровой военной дисциплинѣ, заимствованной Петромъ III у нѣмцевъ. Среди гвардіи, еще недавно одерживавшей побѣды надъ пруссаками, такія мѣры возбуждали сильный ропотъ. Духовенство было также недовольно Петромъ III за его намѣреніе отобрать церковныя недвижимыя имущества. Таковы были обстоятельства, возбуждавшія народное неудовольствіе противъ Петра III и способствовавшія восшествію на престолъ его супруги Екатерины Алексѣевны.

Переворотъ 28 іюня 1762 г. Со времени своего пріѣзда въ Россію Екатерина стала усердно изучать исторію, языкъ и обычаи страны и ревностно исполняла всѣ обряды принятой ею православной вѣры. Отличаясь большими способностями и природными дарованіями, Екатерина, по пріѣздѣ въ Россію, много занималась своимъ образованіемъ. Она изучала произведенія древнихъ классиковъ (Плутарха, Тацита, Платона и др.) и отлично была знакома съ произведеніями современной ей французской литературы (съ сочиненіями Вольтера, Монтескье и др.). Будучи чрезвычайно привлекательной, всегда веселой и остроумной, обходительной со всѣми, Екатерина легко располагала въ свою пользу всѣхъ тѣхъ, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Еще при жизни Елизаветы она съумѣла привлечь на свою сторону большинство приближенныхъ ко двору лицъ и въ томъ числѣ Бестужева, который не сочувствовалъ браку съ ней наслѣдника русскаго престола. Между тѣмъ взаимныя отношенія Петра III и Екатерины далеко не были дружественными; ихъ взгляды, занятія, привычки были совершенно противоположны. По вступленіи Петра III на престолъ ихъ отношенія стали еще болѣе натянутыми; ходили даже слухи, что царь Петръ хочетъ заключить Екатерину въ монастырь и вступить въ новый бракъ съ Елизаветой Воронцовой, племянницей канцлера. Когда стало извѣстно о нерасположеніи Петра III къ Екатеринѣ, то это обстоятельство еще болѣе усилило народное

неудовольствіе, такъ какъ умная и всесторонне образованная Екатерина была любима всѣми и пользовалась большой популярностью, особенно среди войска, за ея преданность интересамъ Россіи. Около Екатерины сгруппировалась большая партія лицъ, вполнѣ ей преданныхъ и готовыхъ дѣйствовать въ ея пользу. Среди этой партіи находились графъ Кириллъ Разумовскій, воспитатель наслѣдника престола—графъ Никита Панинъ, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, архіепископъ новгородскій и вліятельный членъ синода Дмитрій Сѣченовъ, княгиня Дашкова—сестра Елизаветы Воронцовой и др.; но особенно ей были преданы молодые гвардейскіе офицеры—братья Орловы, Барятинскій, Пассекъ и другіе, не мало содѣйствовавшіе ея популярности среди гвардіи.

Лѣто 1762 г. Петръ III проводилъ въ Ораніенбаумѣ, приготовляясь къ походу въ Данію. Въ то же время стали ходить слухи, что когда преданная Екатеринѣ гвардія выступитъ въ походъ, Петръ III заключитъ Екатерину въ монастырь. Гвардія волновалась. Тогда Екатерина рѣшилась дѣйствовать. Утромъ 28 іюня въ сопровожденіи Орловыхъ она пріѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ. Здѣсь ее встрѣтили гвардейскіе полки и съ восторгомъ ей присягнули; затѣмъ она отправилась въ церковь Рождества Богородицы (которая находилась на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора), гдѣ архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ отслужилъ благодарственный молебенъ и превозгласилъ Екатерину самодержавною императрицей. Весь Петербургъ спокойно присягнулъ ей. Написавъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ, Екатерина во главѣ гвардейскихъ полковъ двинулась изъ Петербурга по петергофской дорогѣ къ Ораніенбауму. Когда вѣсть о происшедшемъ въ Петербургѣ дошла до Петра III, онъ совершенно растерялся и не зналъ, что̀ ему предпринять. Среди приближенныхъ къ нему лицъ находился знаменитый фельдмаршалъ Минихъ, возвращенный Петромъ III изъ ссылки и вполнѣ ему преданный; Минихъ совѣтовалъ Петру сѣсть на суда со своимъ голштинскимъ отрядомъ и занять Кронштадтъ, но когда Петръ рѣшился послѣдовать этому совѣту, то было уже поздно, такъ какъ гарнизонъ Кронштадта присягнулъ Екатеринѣ и угрозами заставилъ Петра вернуться въ Ораніенбаумъ. Отказавшись отъ дальнѣйшей борьбы, Петръ подписалъ актъ отреченія отъ престола и черезъ нѣсколько дней умеръ въ Ропшинскомъ дворцѣ (недалеко отъ Петергофа), куда былъ отосланъ Екатериною. Щедро наградивъ лицъ, помогавшихъ ей вступить на престолъ, Екатерина очень милостиво обо-

шлась съ тѣми, которые оставались вѣрными Петру III, какъ, напр., Минихъ, Гудовичъ, Воронцова, — они не подверглись ни малѣйшему преслѣдованію.

Екатерина II Великая (1762—1796 г.).

Главные дѣятели ея царствованія. Екатерина подобно Петру Великому съумѣла окружить себя преданными ей и способными людьми, которые были отличными исполнителями ея распоряженій въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Изъ лицъ наиболѣе близкихъ ко двору были сначала братья Орловы Григорій и Алексѣй, потомъ Григорій Александровичъ Потемкинъ и въ концѣ царствованія Платонъ Александровичъ Зубовъ. Братья Орловы, смѣлые и рѣшительные, пользовавшіеся большою популярностью среди гвардіи, болѣе всѣхъ содѣйствовали вступленію Екатерины на престолъ, за что и были награждены—Григорій титуломъ князя, а Алексѣй—графскимъ титуломъ. Вліяніе Орловыхъ при дворѣ пало въ 1772 г., и съ этого времени первымъ лицомъ при Екатеринѣ дѣлается Потемкинъ. Потемкинъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго помѣщика; отличаясь необыкновенными способностями, онъ рано сталъ обнаруживать сильное честолюбіе; исключенный за лѣность изъ московскаго университета, Потемкинъ думалъ сначала поступить въ духовное званіе, но потомъ, оставивъ свое намѣреніе, отправился въ Петербургъ и поступилъ въ конную гвардію. Послѣ паденія Орловыхъ ему удалось приблизиться ко двору, и когда Екатерина узнала его умъ и замѣчательныя способности, то сдѣлала его президентомъ военной коллегіи, дала титулъ графа и удостоила его такой неограниченной довѣренности, какой не пользовался ни одинъ изъ ея приближенныхъ. Первенствующее вліяніе Потемкина на рѣшеніе всѣхъ государственныхъ дѣлъ продолжалось нераздѣльно до самой его смерти (1791 г.). Екатерина въ письмахъ называла Потемкина своимъ другомъ и учителемъ и рѣшительно обо всемъ съ нимъ совѣтовалась; по словамъ Екатерины, „умъ его былъ превосходный, и Потемкинъ всегда могъ помочь совѣтомъ; онъ былъ до безконечности вѣренъ и никогда не продавалъ ее". Смерть Потемкина сильно поразила Екатерину, такъ какъ, по ея собственнымъ словамъ, онъ былъ незамѣнимъ. Дѣятельность Потемкина выразилась въ разныхъ улучшеніяхъ, которыя онъ ввелъ въ обмундировкѣ, вооруженіи и продовольствіи арміи, какъ президентъ военной коллегіи, — въ заселеніи Новороссійскаго края, въ присоеди-

неніи и устройствѣ Крыма, за что онъ получилъ титулъ князя Таврическаго, въ заведеніи черноморскаго флота и въ составленіи греческаго проекта, т.-е. плана освобожденія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова изъ-подъ турецкаго ига и возстановленія греческой имперіи. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины наибольшее вліяніе при дворѣ имѣлъ молодой князь Платонъ Зубовъ. Иностранными сношеніями завѣдывали графъ Никита Ивановичъ Панинъ, Марковъ и графъ Безбородко. Умный и образованный Панинъ пользовался большимъ довѣріемъ Екатерины, которая руководствовалась его совѣтами и при рѣшеніи важныхъ внутреннихъ вопросовъ; онъ былъ также главнымъ воспитателемъ наслѣдника престола Павла Петровича. Панинъ составилъ себѣ извѣстность въ Европѣ проектомъ „вооруженнаго нейтралитета“ (1780 г.) для защиты морской торговли нейтральныхъ державъ во время происходившей тогда сѣверо-американской войны.

Во время сѣверо-американской войны (1774—1783 г.) военные корабли воевавшихъ между собою державъ Франціи, Испаніи и особенно Англіи часто захватывали торговыя суда нейтральныхъ державъ подъ предлогомъ, что эти суда доставляютъ помощь непріятелю; между прочимъ испанцы захватили 2 русскихъ корабля, нагруженныхъ хлѣбомъ, которые шли въ гавань англійской крѣпости Гибралтара. Тогда Екатерина, по совѣту Панина, предложила нейтральнымъ (невоюющимъ) державамъ заключить съ Россіей союзъ (вооруженный нейтралитетъ), чтобы сообща защищать на морѣ [redacted]у своихъ торговыхъ кораблей. Въ 1780 г. Екатерина разослала къ европейскимъ дворамъ декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ, въ которой, между прочимъ, постановлялось, что корабли нейтральныхъ державъ могутъ производить торговлю въ гаваняхъ воюющихъ державъ, но подъ условіемъ—не привозить оружія и военныхъ снарядовъ; при этомъ Екатерина заявила, что для защиты русскихъ торговыхъ кораблей будетъ снаряжена ею эскадра. Европейскія державы признали справедливость началъ, изложенныхъ въ деклараціи, и заключили союзъ съ Россіей; одна только Англія уклонилась отъ союза, и ея отношенія къ Россіи стали послѣ этого довольно враждебными.

Изъ полководцевъ временъ Екатерины особенно замѣчательны Румянцевъ и Суворовъ, которые громкими побѣдами пріобрѣли себѣ извѣстность по всей Европѣ и доставили большую славу русскому оружію. Графъ Румянцевъ былъ сынъ денщика Петра В. и прославился, какъ искусный полководецъ, еще въ семилѣтнюю войну; возвышенный Петромъ III, Румянцевъ по вступленіи на престолъ Екатерины подалъ прошеніе объ отставкѣ, но Екатерина удержала его на службѣ и при этомъ замѣтила, что „она смотритъ не на лица, а на заслуги“. Особенно громкую славу стяжалъ себѣ Ру-

мянцевъ во время 1-й турецкой войны, за которую получилъ титулъ фельдмаршала и прозваніе „Задунайскаго". Румянцевъ былъ первымъ кавалеромъ ордена св. Георгія 1-й степени. Онъ умеръ на 72-мъ году отъ рожденія въ концѣ 1796 г. Въ память его побѣдъ былъ сооруженъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ острову гранитный обелискъ въ 70 футовъ вышины, на мраморномъ пьедесталѣ котораго сдѣлана надпись „Румянцева побѣдамъ". — Суворовъ, сынъ генерала, въ дѣтствѣ былъ хилымъ и слабымъ ребенкомъ, такъ что отецъ предназначалъ его къ гражданской службѣ. Отличаясь необыкновенными способностями, Суворовъ легко и охотно усвоивалъ разныя научныя свѣдѣнія и иностранные языки. Онъ много читалъ и особенно интересовался подвигами великихъ полководцевъ древнихъ и новыхъ временъ; 10-лѣтній мальчикъ уже мечталъ о славѣ полководца и сталъ изучать военныя науки. Тогда отецъ Суворова, убѣдившись въ наклонностяхъ сына къ военной службѣ, записалъ его, по тогдашнимъ обычаямъ, на 12-лѣтнемъ возрастѣ въ гвардейскій Семеновскій полкъ. 15-ти лѣтъ Суворовъ поступилъ въ полкъ рядовымъ на дѣйствительную службу и постепенно проходилъ въ теченіе 10 лѣтъ всѣ низшія воинскія званія — капрала, унтеръ-офицера, сержанта, продолжая въ то же время серьезно заниматься науками. Это пребываніе среди солдатъ принесло Суворову большую пользу: онъ отлично изучилъ бытъ и характеръ русскаго солдата и, ведя самъ суровую солдатскую жизнь, закалилъ свое здоровье, такъ что до самой смерти легко переносилъ всякія лишенія. Военной службѣ онъ былъ преданъ всею душою и отличался такимъ усердіемъ и строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, что обратилъ на себя особенное вниманіе начальства. Свои воинскіе таланты Суворовъ впервые обнаружилъ во время семилѣтней войны, когда онъ проходилъ еще младшіе офицерскіе чины; здѣсь онъ уже получилъ извѣстность, „какъ отличный кавалерійскій офицеръ, быстрый при рекогносцировкѣ, отважный въ битвѣ и хладнокровный въ опасности". Присланный въ 1762 г. въ Петербургъ съ донесеніемъ изъ арміи, находившейся въ Пруссіи, онъ представился Екатеринѣ, которая назначила его командиромъ одного пѣхотнаго полка, стоявшаго близъ Петербурга. Часто бывая съ полкомъ въ Петербургѣ для занятія карауловъ и участія въ маневрахъ, Суворовъ сталъ лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный полковой командиръ. Въ высшей степени честолюбивый, Суворовъ не удовлетворился достигнутымъ положеніемъ: ему хотѣлось пріобрѣсти извѣстность, славу. Однажды Суворовъ услышалъ

замѣчаніе Екатерины, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-нибудь особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкновенныхъ, и вотъ онъ дѣлается крайнимъ оригиналомъ, чудакомъ, желая выдѣлиться изъ толпы и заставить говорить о себѣ. Суворовъ начинаетъ говорить загадочными фразами, шутками, сопровождая свои слова разными ужимками, кривляньями, припрыгиваніями. Вставая съ восходомъ солнца, онъ бѣгалъ по лагерю въ одной рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ 8 часовъ утра, лѣтомъ являлся передъ солдатами въ одной рубашкѣ и штанахъ, зимою не носилъ шубы, а надѣвалъ только лѣтній плащъ. Строгій въ исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ сближался съ солдатами, смѣшилъ ихъ своими прибаутками; при разговорѣ съ подчиненными требовалъ находчивыхъ, быстрыхъ и смѣлыхъ отвѣтовъ, а говорить „не знаю" строго запрещалъ. Иногда ночью собиралъ по тревогѣ свой полкъ и водилъ его нѣсколько дней; разъ даже атаковалъ какой-то монастырь близъ Новой Ладоги. Такими продѣлками Суворовъ достигъ цѣли: объ его странностяхъ заговорилъ весь Петербургъ, услышала и Екатерина, но она не удивлялась, вполнѣ разгадавъ Суворова. И дѣйствительно, надъ Суворовымъ не смѣялись, такъ какъ во всѣхъ его шуткахъ и странностяхъ былъ виденъ особый оригинальный умъ, здравый, прямой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ироническій, съ примѣсью извѣстной доли хитрости. Суворовъ сдѣлался очень популярнымъ, особенно среди войска, которое было ему неограниченно предано. Въ Суворовѣ солдаты видѣли чисто русскаго человѣка, такъ какъ всѣ его дѣйствія были проникнуты русскимъ духомъ, да и во внѣшней жизни своей онъ подражалъ пріемамъ русскаго простолюдина и солдата, соблюдая всѣ народные обычаи и привычки. Суворовъ добился расположенія Екатерины, громкими побѣдами заставилъ говорить о себѣ всю Европу, но до конца жизни не бросалъ своихъ причудъ, съ которыми какъ бы сроднился. Но не всегда Суворовъ былъ чудакомъ: когда ему приходилось присутствовать при различныхъ торжествахъ, бесѣдовать о дѣлахъ съ Екатериной, вести переговоры съ иностранными дипломатами и полководцами, или когда онъ занимался дѣлами, онъ забывалъ свои странности, держалъ себя, какъ всѣ другіе, и поражалъ ясностію своихъ сужденій и вѣрностью взглядовъ. Суворовъ былъ геніальный полководецъ и его имя занимаетъ почетное мѣсто среди великихъ полководцевъ древнихъ и новыхъ временъ. Его военныя правила были очень просты: вѣрно разсчитать, гдѣ надобно нанести ударъ, быстрымъ движеніемъ появиться внезапно передъ

непріятелемъ, атаковать его смѣло и рѣшительно; эти правила онъ выражалъ тремя словами: глазомѣръ, быстрота, натискъ.

Изъ лицъ, отличившихся на другихъ поприщахъ въ царствованіе Екатерины, замѣчательны—генералъ-прокуроръ сената князь Вяземскій, новгородскій губернаторъ графъ Сиверсъ, генералъ-фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи графъ Чернышевъ, Бецкій—помогавшій Екатеринѣ въ устройствѣ благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеній, Завадовскій — извѣстный составленіемъ плана народнаго образованія; изъ духовныхъ лицъ—московскій митрополитъ Платонъ.

Внутренняя дѣятельность.

Екатерина продолжала преобразовательную дѣятельность Петра Великаго, которому она вообще хотѣла подражать въ своемъ царствованіи. По словамъ статсъ-секретаря Екатерины Грибовскаго, она всегда носила при себѣ табакерку съ портретомъ Петра Великаго и говорила: „это для того, чтобы мнѣ спрашивать себя каждую минуту, что̀ бы онъ приказалъ, что̀ бы онъ запретилъ, что̀ бы сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ?“ Въ память Петра Великаго Екатерина воздвигла памятникъ на площади Исакіевскаго собора, при ней заложеннаго (день памяти пр. Исаакія былъ днемъ рожденія Петра Великаго); этотъ памятникъ изображаетъ Петра Великаго сидящимъ на конѣ, подножіемъ которому служитъ гранитная скала и на ней надпись: „Петру I Екатерина II“. Екатеринѣ было гораздо легче проводить свои распоряженія, чѣмъ Петру, такъ какъ, благодаря реформамъ Петра, образованіе уже значительно распространилось, нравы измѣнились къ лучшему и общество само понимало необходимость дальнѣйшихъ преобразованій. Она была счастлива и въ томъ отношеніи, что при вступленіи на престолъ ей не нужно было, подобно Петру, сначала подготовить себѣ достойныхъ сотрудниковъ, такъ какъ она могла прямо выбирать ихъ изъ среды окружавшихъ ее лицъ. При вступленіи Екатерины на престолъ во внутреннемъ состояніи государства было много недостатковъ. Финансы были разстроены и кредитъ Россіи такъ палъ на европейской биржѣ, что голландскіе банкиры не хотѣли ссудить императрицѣ Елизаветѣ во время семилѣтней войны 2 милліоновъ рублей, вслѣдствіе чего армія, находившаяся въ Пруссіи, не получала жалованья за 8 мѣсяцевъ. Заводскіе, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне волновались во многихъ мѣстахъ имперіи.

Русская торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ, а важныя статьи внутренняго производства превратились въ монополію немногихъ торговыхъ домовъ. Дѣла въ сенатѣ шли крайне медленно и безпорядочно и среди членовъ сената происходили несогласія и раздѣленіе на враждебныя партіи. Губернаторы медлили исполненіемъ сенатскихъ предписаній. Въ губерніяхъ еще сохранялся обычай брать взятки, такъ что Екатерина принуждена была тотчасъ по вступленіи на престолъ издать строгій указъ противъ взяточничества, говоря въ немъ, что „она съ содраганіемъ сердца услышала, что въ новгородской губернской канцеляріи регистраторы, приводя нынѣ къ присягѣ ей въ вѣрности бѣдныхъ людей, брали и за то съ каждаго себѣ деньги". Для ближайшаго знакомства съ положеніемъ народа Екатерина въ первые годы своего царствованія совершила нѣсколько поѣздокъ по Россіи и затѣмъ приступила къ важной внутренней дѣятельности.

Коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія. Наказъ. Такъ какъ послѣднимъ сводомъ законовъ было Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, то Екатерина прежде всего рѣшила составить новый сводъ законовъ, болѣе соотвѣтствующихъ правамъ русскаго народа и новымъ потребностямъ государства. Еще Петръ Великій хотѣлъ составить новое уложеніе, основаніемъ котораго долженъ былъ служить сводъ шведскихъ законовъ, но не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Преемники Петра также не успѣли составить новаго уложенія. Для сочиненія проекта новаго уложенія Екатерина учредила въ Москвѣ особую коммиссію, которая состояла изъ выборныхъ лицъ, присланныхъ по указу императрицы отъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій и разныхъ сословій со всего государства. Всѣхъ выборныхъ собралось 559 человѣкъ. Каждый выборный долженъ былъ имѣть отъ своихъ избирателей составленное ими письменное наставленіе (наказъ) о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества. 30 іюля 1767 г. въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ послѣ богослуженія, на которомъ присутствовала Екатерина со своимъ дворомъ, всѣ выборные дали присягу въ томъ, „что приложатъ чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго уложенія". Затѣмъ всѣ отправились въ Грановитую палату и здѣсь при весьма торжественной обстановкѣ, въ присутствіи самой императрицы, сидѣвшей на тронѣ и окруженной блестящею свитой, состоялось открытіе коммиссіи; при этомъ Екатерина передала выборнымъ для руководства при сочиненіи проекта новаго уложенія написанный ею Наказъ, въ

которомъ она высказала свои просвѣщенные взгляды на государство, законы, систему наказаній, воспитаніе и пр.

Наказъ свой Екатерина написала подъ вліяніемъ произведеній современной ей французской литературы, знакомство съ которой началось у насъ еще при Елизаветѣ Петровнѣ. Екатерина была не только хорошо знакома съ произведеніями Вольтера, Монтескье, Ж. Ж. Руссо и другихъ философовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «энциклопедистовъ» (Дидро, д'Аламберъ, Гельвеціусъ и др.), но съ нѣкоторыми изъ этихъ писателей находилась въ частой дружеской перепискѣ, напр., съ Вольтеромъ, д'Аламберомъ, а Дидро, по ея приглашенію, побывалъ даже въ Петербургѣ. При составленіи Наказа Екатерина по преимуществу руководствовалась двумя сочиненіями—Монтескье «Духъ законовъ» и итальянскаго писателя Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Вотъ главнѣйшія мысли, высказанныя Екатериной въ ея Наказѣ: «Лучшіе законы для государства тѣ, которые соотвѣтствуютъ его естественному положенію и сообразны съ нравами народа. Въ Россіи, вслѣдствіе ея естественнаго положенія, всякое другое правленіе, кромѣ монархическаго самодержавнаго, было бы не только вредно, но и въ конецъ разорительно. Предметъ и цѣль монархическаго самодержавнаго правленія есть слава гражданъ, государства и самого государя. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ были подчинены одинаковымъ законамъ. Вольность есть право дѣлать все то, что законы дозволяютъ. Законами исправляется лишь то, что установлено законами; обычаи же должно исправлять не законами, а обычаями: есть способы, перемѣну обычаевъ вводящіе,—къ сему служатъ примѣры. Разсуждая о наказаніяхъ за преступленія, Екатерина возстаетъ противъ жестокихъ наказаній, полагая, что важнѣе всего, чтобы преступленіе было открыто, такъ какъ стыдъ уличеннаго уже есть тяжелая кара, кроткими наказаніями можно достигнуть той же цѣли, какъ и жестокими, лишь бы стыдъ слѣдовалъ за наказаніемъ. Всѣ наказанія, которыя уродуютъ человѣческое тѣло, должно отмѣнить. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію: пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго. Наказывать можетъ лишь законъ, а не отдѣльное лицо по своему произволу, и самые судьи не имѣютъ права толковать по-своему законъ, а слѣдуютъ его буквѣ; поэтому законы должны быть написаны точно, ясно и языкомъ простымъ, понятнымъ каждому. Они должны составлять дешевую, общеупотребительную книгу на подобіе букваря, чтобы каждый зналъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Такую книгу полезно бы читать и въ школахъ. Для предупрежденія преступленій необходимо распространить просвѣщеніе. Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія. Говоря о воспитаніи, Екатерина замѣчаетъ, что всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страху Божьему, какъ началу всякаго цѣломудрія, и вселять въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ своемъ десятословіи, и православная наша восточная греческая вѣра въ правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ. Также слѣдуетъ внушать имъ любовь къ отечеству и ува-

женіе къ законамъ, научить ихъ почитать правительство своего отечества, какъ заботящееся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на землѣ. Всякій родитель долженъ воздерживаться при своихъ дѣтяхъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насилію, какъ-то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и т. п. поступковъ и не дозволять людямъ, окружающимъ дѣтей, давать такіе дурные примѣры. Онъ запрещаетъ дѣтямъ и тѣмъ, кто за ними ходитъ, лгать даже въ шутку, ибо ложь есть вреднѣйшій изъ пороковъ. Вообще должно внушать дѣтямъ трудолюбіе, приличіе, состраданіе къ бѣднымъ, наклонность къ домостроительству, къ опрятности и чистотѣ. Екатерина возстаетъ также противъ преслѣдованій за вѣру, находя, что въ такомъ огромномъ государствѣ, какъ русское, въ составъ котораго входитъ много разныхъ народовъ, весьма было бы вредно для спокойствія и безопасности гражданъ запрещать имъ исповѣдывать различныя вѣры. Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону смягчаетъ самыя жестокія сердца и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, прекращая ихъ споры, мѣшающіе тишинѣ государства и соединенію гражданъ».

Выборные люди, познакомившись съ Наказомъ, благодарили императрицу и просили ее принять титулъ „Великой Премудрой Матери Отечества". На это Екатерина имъ такъ отвѣчала: „О званіяхъ, кои вы желаете, чтобы я приняла, отвѣтствую: Великая—о моихъ дѣлахъ оставляю безпристрастно судить времени и потомству; Премудрая — никакъ себя такою назвать не могу, ибо премудръ — одинъ Богъ; Мать Отечества — любить Богомъ мнѣ врученныхъ подданныхъ я почитаю за долгъ моего званія, быть ими любимою есть мое желаніе". Затѣмъ коммиссія выборныхъ приступила къ занятіямъ; было образовано нѣсколько частныхъ коммиссій, между которыми были распредѣлены отдѣльные законодательные вопросы для предварительной разработки; потомъ эти разработанные вопросы должны были обсуждаться уже въ общемъ собраніи всѣхъ выборныхъ, въ такъ называемой Большой Коммиссіи. Эта коммиссія однако тоже не составила новаго уложенія. Въ 1768 г. началась первая турецкая война; часть выборныхъ была отпущена для участія въ войнѣ и Большая Коммиссія перестала собираться на совѣщанія, а потомъ Екатерина уже болѣе ее не созывала; но частныя коммиссіи продолжали еще работать нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ генералъ-прокурора Вяземскаго. Такимъ образомъ хотя коммиссія и не выработала проекта новаго уложенія, но депутатскіе наказы и пренія все-таки обнаружили нужды и стремленія различныхъ классовъ населенія, и съ этой стороны цѣнила коммиссію и сама Екатерина.

Она говорила, что «коммиссія подала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать».

Учрежденія для управленія губерній. Труды Коммиссіи имѣли большое вліяніе на послѣдующую внутреннюю дѣятельность Екатерины и особенно на ея губернскія учрежденія. Въ 1775 г. Екатерина обнародовала „Учрежденія для управленія губерній", которыми она установила порядокъ управленія во всемъ государствѣ и докончила преобразованіе областного управленія, начатое при Петрѣ В. Эти „Учрежденія" вслѣдствіе трудности дѣла вводились постепенно въ теченіе 20 лѣтъ. Вся Россія была раздѣлена на 50 губерній (вмѣсто 11 слишкомъ обширныхъ губерній Петра В.) такимъ образомъ, чтобы въ каждой губерніи было отъ 300,000 до 400,000 жителей; каждая губернія раздѣлялась на нѣсколько уѣздовъ и въ каждомъ уѣздѣ было отъ 20,000 до 30,000 жителей. Каждой губерніей управлялъ губернаторъ; иногда двѣ или три губерніи поручались вѣдѣнію генералъ-губернатора или намѣстника. Намѣстники и губернаторы наблюдали за ходомъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ своихъ губерній, заботились о развитіи земледѣлія и промышленности, о путяхъ сообщенія, о народномъ здоровьѣ (заводили аптеки и вызывали докторовъ), объ улучшеніи наружнаго вида городовъ, напр., о проведеніи прямыхъ широкихъ улицъ и замѣнѣ деревянныхъ построекъ каменными, принимали мѣры противъ пожаровъ; для сближенія провинціальнаго общества и развитія вкуса и потребностей, свойственныхъ образованному обществу, они должны были устраивать общественныя развлеченія, публичныя собранія, балы. Екатерина сама назначала намѣстниковъ и губернаторовъ и выбирала на эти мѣста людей, лично ей извѣстныхъ и отличавшихся способностями, каковы, напр., Потемкинъ, Сиверсъ, Румянцевъ, Чернышевъ и др. Съ намѣстниками и губернаторами Екатерина находилась въ частой перепискѣ, руководствуя ихъ своими совѣтами. Такъ какъ все областное управленіе до Екатерины сосредоточивалось въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, которыя одновременно вѣдали казенные доходы и расходы, уголовныя и гражданскія дѣла, и имъ же принадлежала полицейская власть, а губерніи были очень обширны, то губернскія канцеляріи были завалены массою разнородныхъ дѣлъ; кромѣ того въ канцеляріяхъ было очень не-

большое число чиновниковъ, вслѣдствіе чего дѣла шли крайне медленно и неправильно. Екатерина нашла необходимымъ для лучшаго хода дѣлъ, чтобы въ каждой губерніи были отдѣльныя учрежденія для управленія губерніей, для суда, для завѣдыванія финансами.

Главнымъ учрежденіемъ въ каждой губерніи было «губернское правленіе» съ губернаторомъ во главѣ; это было учрежденіе исполнительное, полицейское и распорядительное; оно обнародывало въ губерніи указы и распоряженія правительства, наблюдало за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ другихъ учрежденіяхъ, понуждало ихъ къ исполненію своихъ обязанностей, наблюдало за порядкомъ и тишиной. Уѣзднымъ органомъ губернскаго правленія былъ «нижній земскій судъ», исполнительное полицейское учрежденіе съ земскимъ исправникомъ или капитаномъ во главѣ, который въ своемъ уѣздѣ наблюдалъ за торговлей, заботился о благосостояніи жителей, производилъ предварительное слѣдствіе по судебнымъ дѣламъ. Во главѣ уѣзднаго города находился городничій. «Казенная палата» въ каждой губерніи вѣдала казенные сборы, подряды и постройки, а «губернское и уѣздныя казначейства» собирали и хранили казенные доходы. Въ каждомъ уѣздѣ были учреждены—«уѣздный судъ» для дворянъ, «городовой магистратъ» для купцовъ и мѣщанъ, «нижняя расправа» для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Эти уѣздныя судебныя учрежденія подчинялись губернскимъ судебнымъ учрежденіямъ тоже сословнаго характера: въ каждой губерніи были— «верхній земскій судъ» для дворянъ, «городовой губернскій магистратъ» для купцовъ и мѣщанъ и «верхняя расправа» для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Высшими судебными инстанціями для всѣхъ сословій въ каждой губерніи были двѣ палаты—уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ дѣла переносились изъ низшаго судебнаго учрежденія въ высшее по жалобамъ сторонъ или для повѣрки рѣшеній, или для производства окончательнаго рѣшенія. Кромѣ того въ губерніяхъ были еще «совѣстные суды», т.-е. суды по совѣсти, для особаго рода уголовныхъ дѣлъ, гдѣ причиной преступленія была не сознательная воля преступника, а болѣзнь, несчастіе, суевѣріе и т. п., и для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ. При уѣздномъ дворянскомъ судѣ находились—«приказъ общественнаго призрѣнія» для устройства школъ, богадѣленъ, сиротскихъ домовъ, и «дворянская опека» для управленія дѣлами вдовъ и сиротъ дворянскихъ, а при городовомъ магистратѣ «сиротскій судъ» для попеченія о вдовахъ и сиротахъ мѣщанъ и купцовъ.

Всѣ эти учрежденія были снабжены достаточнымъ количествомъ должностныхъ лицъ, причемъ предсѣдателей губернскихъ мѣстъ и чиновниковъ, завѣдывавшихъ казенными доходами, назначалъ сенатъ, а лицъ на остальныя должности частію назначало губернское правленіе, частію выбирали ихъ изъ своей среды дворяне и купцы. При раздѣленіи губерній на уѣзды обнаружился недостатокъ въ городахъ, какъ въ центральныхъ мѣстахъ для уѣзднаго

управленія, вслѣдствіе чего около 200 селъ были обращены въ уѣздные города; такъ какъ образованіе этихъ городовъ было вызвано только нуждами управленія и не обусловливалось развитіемъ торговли и промышленности, то позже многіе изъ нихъ опять превратились въ села. Въ концѣ царствованія Екатерины въ Россіи при пространствѣ въ 300,000 квадратныхъ миль находилось до 1,200 городовъ. Вводя губернскія учрежденія, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ составила новыя правила, по которымъ началось всеобщее обмежеваніе земель.

Сословныя мѣры. Сословныя мѣры Екатерины находились въ связи съ ея губернскими учрежденіями, такъ какъ ими заканчивалось преобразованіе областного управленія. Екатерина болѣе точнымъ образомъ опредѣлила обязанности и права каждаго сословія. Въ „жалованной граматѣ“ дворянству (1785 г.) Екатерина даровала много льготъ дворянскому сословію, желая дать ему значеніе первенствующаго сословія въ государствѣ. Подтвердивъ права, данныя дворянству Петромъ III, Екатерина даровала этому сословію еще слѣдующія права: дворянинъ владѣетъ всѣмъ, что находится въ его имѣніи, въ томъ числѣ и крестьянами, какъ неотъемлемою собственностью; дворянинъ передаетъ свое званіе женѣ и дѣтямъ и можетъ быть лишенъ своего званія только послѣ судебнаго обвиненія въ извѣстныхъ проступкахъ и притомъ не иначе, какъ по разсмотрѣніи его дѣла въ сенатѣ и съ утвержденія верховной власти; дворянинъ судится лицами, равными ему по происхожденію; дворянинъ свободенъ отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности и тѣлесныхъ наказаній; дворяне каждой губерніи получили право собираться черезъ каждые 3 года въ губернскій городъ на дворянскія собранія, гдѣ они могли совѣщаться о дѣлахъ своего сословія и выбирать изъ своей среды губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и лицъ на разныя общественныя должности, напр., засѣдателей судебныхъ палатъ, уѣздныхъ судей, исправниковъ и др.; присутствовать въ этихъ собраніяхъ могъ каждый дворянинъ губерніи, но право участія въ выборахъ предоставлялось только тѣмъ дворянамъ, которые на государственной службѣ достигли офицерскаго чина; дворянскія собранія получили также право заявлять о нуждахъ своего сословія не только намѣстнику и сенату, но даже обращаться прямо къ верховной власти. Для награжденія лицъ, служащихъ въ гражданской службѣ, Екатерина учредила орденъ св. Владиміра, а для военныхъ орденъ св. Георгія. Эти ордена имѣли нѣсколько сте-

пеней, вслѣдствіе чего ихъ могли получать и низшія должностныя лица, между тѣмъ какъ ордена св. Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго, учрежденные Петромъ, могли получать только высшіе сановники.

По „городовому положенію" (1785 г.) городскіе жители, платившіе подати, составили такъ называемое „городское общество" и раздѣлялись на купцовъ и ремесленниковъ. Главнымъ занятіемъ городскихъ обывателей считалась торговля и промышленность, но они могли поступать и на государственную службу. Купцы по своему капиталу раздѣлялись на 3 гильдіи; къ первой принадлежали имѣвшіе не менѣе 10,000 рублей капитала, ко второй—не менѣе 1,000 рублей и къ третьей—не менѣе 500 рублей; имѣвшіе менѣе 500 рублей назывались мѣщанами. Ремесленники раздѣлялись на разные цехи и каждый цехъ могъ заниматься только какимъ-либо однимъ мастерствомъ. Купцы вмѣсто подушной подати платили въ казну 1% съ объявленнаго ими по совѣсти капитала и освобождались отъ личной рекрутской повинности посредствомъ внесенія денежнаго выкупа; купцы двухъ первыхъ гильдій были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній, а высшій слой купечества — именитые граждане могли при извѣстныхъ условіяхъ даже получить дворянство. Городскіе податные жители имѣли право собираться вмѣстѣ одинъ разъ въ 3 года въ „общую городовую думу", гдѣ они избирали изъ своей среды для управленія городскими дѣлами (въ теченіе 3 лѣтъ) городского голову и 6 гласныхъ, которые составляли „шестигласную думу". Шестигласная дума имѣла постоянное засѣданіе и завѣдывала текущими дѣлами города, его расходами и доходами, общественными постройками; но главное назначеніе этой думы состояло въ томъ, чтобы заботиться о раскладкѣ и сборѣ податей, объ исполненіи казенныхъ повинностей, за исправность которыхъ отвѣчало все городское общество. О нуждахъ своего общества шестигласная дума могла ходатайствовать у губернатора, которому принадлежалъ надзоръ надъ городскимъ самоуправленіемъ.

Что касается положенія крестьянъ, то Екатерина при вступленіи на престолъ была противъ крѣпостного права и думала даже приступить къ постепенному ограниченію власти помѣщиковъ надъ крестьянами, но ея приближенные и большинство дворянъ не оказали ни малѣйшаго сочувствія ея намѣренію, а въ коммиссіи уложенія нѣкоторые депутаты даже говорили, что надо позволить и купечеству владѣть крѣпостными людьми. Екатерина

освободила только крестьянъ, жившихъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, отдавъ ихъ въ вѣдѣніе коллегіи экономіи. Помѣщичьи крестьяне, услышавъ объ этомъ, съ нетерпѣніемъ ждали воли и для себя и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже произвели возмущенія, такъ что пришлось усмирять возставшихъ строгими мѣрами. Не встрѣтивъ среди дворянства сочувствія къ освобожденію крестьянъ и отвлеченная наступившими затѣмъ важными внутренними и внѣшними событіями, Екатерина отказалась отъ мысли уничтожить крѣпостное право. Крѣпостное право въ ея царствованіе достигло даже полнаго своего развитія. Жалованная грамата дворянству признавала крестьянъ неотъемлемою собственностью ихъ помѣщиковъ, такъ что помѣщики сдѣлались полными господами надъ личностью и трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Крестьянамъ было запрещено даже подавать жалобы на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки на вѣчную каторгу. Число крѣпостныхъ значительно увеличилось при Екатеринѣ, такъ какъ она распространила крѣпостное право на Малороссію и щедро раздавала государственныхъ крестьянъ дворянамъ въ награду за ихъ службу.

Церковныя мѣры. Вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ, впервые поднятый на духовномъ соборѣ въ княженіе Іоанна III и потомъ неоднократно возбуждавшійся, окончательно былъ рѣшенъ Екатериною. По вступленіи на престолъ, Екатерина тотчасъ же учредила подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особую коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая составила опись всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ земель съ принадлежавшими имъ крестьянами, причемъ послѣднихъ оказалось болѣе 900,000; одной только Троицкой Лаврѣ принадлежало болѣе 100,000 крестьянъ. Всѣ эти земли съ крестьянами были изъяты изъ духовнаго вѣдомства (1764 г.) и переданы въ вѣдѣніе особой „коллегіи экономіи", почему эти крестьяне получили названіе „экономическихъ". Съ экономическихъ крестьянъ коллегія брала по 1 р. 50 к. съ души вмѣсто прежнихъ оброковъ и повинностей. Были составлены особые штаты для монастырей и церквей и деньги на содержаніе духовенства выдавались изъ коллегіи экономіи; оставшіяся за этими расходами экономическія деньги употреблялись на содержаніе духовныхъ училищъ, больницъ, инвалидныхъ домовъ, на пособія отставнымъ военнымъ, которыхъ уже теперь не посылали на содержаніе въ монастыри. — Екатерина въ своемъ Наказѣ высказалась за полную

вѣротерпимость и прекратила всякое преслѣдованіе раскольниковъ. Они были освобождены отъ уплаты двойныхъ податей и обязанности носить особую одежду и брить бороду. Екатерина даже старалась возвратить изъ-за границы бѣжавшихъ туда въ прежнія времена раскольниковъ, объявляя имъ полное прощеніе. Возвративъ Россіи западно-русскія области, Екатерина запретила обращеніе православныхъ въ унію и переходъ уніатовъ въ католичество, и позволила уніатамъ возвращаться въ православіе, слѣдствіемъ чего было присоединеніе къ православію болѣе $1^1/_2$ милліона уніатовъ.

Финансовыя мѣры. При вступленіи Екатерины на престолъ финансы находились въ разстроенномъ состояніи вслѣдствіе участія Россіи въ семилѣтней войнѣ; расходы превышали доходы. Екатерина въ первые годы царствованія успѣла настолько поправить финансы, что образовался запасный капиталъ въ 5 милліоновъ рублей. Къ концу царствованія государственные доходы возросли съ 16 милліоновъ до 68 милліоновъ рублей. При Екатеринѣ впервые входятъ въ употребленіе бумажныя деньги или „ассигнаціи". Такъ какъ въ то время серебра и золота въ обращеніи было немного, а огромное количество мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи, представляло много неудобствъ, то Екатерина учредила ассигнаціонный банкъ (1768 г.) съ капиталомъ въ милліонъ рублей золотою и серебряною монетою и на такую же сумму выпустила ассигнацій, т.-е. печатныхъ росписокъ (кредитокъ), замѣнившихъ деньги, по которымъ банкъ обязывался уплачивать предъявителю во всякое время звонкою монетою. Такъ какъ ассигнаціи всегда можно было размѣнять на звонкую монету и онѣ принимались во всѣ казенные и частные платежи, да и въ обращеніи онѣ были удобны, то ассигнаціи пріобрѣли большое довѣріе въ народѣ и получили значеніе бумажныхъ денегъ. Послѣдовавшія затѣмъ турецкія и польскія войны потребовали большихъ средствъ, много звонкой монеты ушло за границу, вслѣдствіе чего правительство было принуждено постепенно увеличивать количество ассигнацій, такъ что къ концу царствованія ихъ было выпущено уже на 150 милліоновъ рублей. По мѣрѣ новыхъ выпусковъ цѣна ассигнацій стала понижаться, а съ пониженіемъ курса бумажныхъ денегъ поднималась цѣна на товары; въ 1795 году за ассигнаціонный рубль давали уже только 68 копѣекъ звонкою монетой. Вмѣсто дворянскаго и купеческаго банковъ, учрежденныхъ Елизаветою, былъ основанъ одинъ „государственный заемный банкъ" (1786 г.), изъ котораго дворяне и городскіе обыватели могли брать въ ссуду

деньги за 5% и уплачивать долгъ въ теченіе 20 лѣтъ. При Екатеринѣ была назначена особая коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о способѣ продажи вина съ цѣлью увеличенія государственнаго дохода отъ этой продажи и по представленію коммиссіи была введена откупная система (1765 г.).

Мѣры для увеличенія и сохраненія народонаселенія. Населеніе Россіи въ царствованіе Екатерины увеличилось съ 20 до 35 милліоновъ, какъ вслѣдствіе присоединенія къ Россіи земель, завоеванныхъ у Турціи и пріобрѣтенныхъ по 3 польскимъ раздѣламъ, такъ и благодаря мѣрамъ, принятымъ Екатериною. Для заселенія пустынныхъ степей на югѣ и юговостокѣ Россіи еще при Елизаветѣ, а особенно при Екатеринѣ стали вызывать иностранныхъ колонистовъ. При Елизаветѣ нѣсколько тысячъ православныхъ сербовъ, выѣхавшихъ изъ Австріи и Турціи, приняли русское подданство и поселились въ южной Россіи на границахъ Украйны въ такъ называемой „Новой Сербіи". Екатерина, вызывая иностранныхъ колонистовъ въ Россію, старалась при этомъ еще привлекать ихъ разными льготами; колонистамъ давались деньги на подъемъ и на обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ, они освобождались отъ всякой службы и податей на 30 лѣтъ, могли свободно исповѣдывать свою вѣру и судиться по своимъ законамъ. Вслѣдствіе такихъ льготъ свыше 25,000 нѣмецкихъ колонистовъ двинулись въ Россію и поселились преимущественно по Волгѣ въ Саратовской и Самарской губерніяхъ. По призыву Екатерины возвратилось также изъ-за границы много раскольниковъ. Кромѣ того приняты были мѣры къ сохраненію народонаселенія. Съ этою цѣлью губернаторы должны были заботиться, чтобы въ каждомъ городѣ была аптека и два доктора: городовой и уѣздный. Для образованія русскихъ докторовъ была учреждена „медицинская коллегія" (1763 г.) и въ то же время много докторовъ было вызвано изъ Германіи на службу въ Россію. Приказы общественнаго призрѣнія должны были заводить по городамъ больницы и дома для умалишенныхъ. Такъ какъ тогда много народу въ Россіи погибало отъ оспы, то Екатерина ввела оспопрививаніе, незадолго передъ тѣмъ открытое на Западѣ; чтобы убѣдить народъ въ безвредности оспопрививанія, Екатерина прежде всѣхъ привила оспу себѣ и наслѣднику престола Павлу Петровичу, послѣ чего оспопрививаніе стало быстро распространяться.

Преобразованіе Малороссіи и уничтоженіе Запорожской Сѣчи. Вводя одинаковыя губернскія учрежденія и сословныя мѣры во

всѣхъ областяхъ русскаго государства и такимъ образомъ объединяя области подъ одними общими законами, Екатерина не могла оставить Малороссію и Запорожье при ихъ прежнемъ устройствѣ. Въ Малороссіи гетманское достоинство было окончательно уничтожено (1764 г.) и въ ней были введены общія губернскія учрежденія, причемъ крестьяне сдѣлались крѣпостными тѣхъ помѣщиковъ, на чьей землѣ они жили въ то время. Запорожцы при Хмельницкомъ приняли подданство московскаго царя Алексѣя Михайловича. Передъ полтавской битвой запорожцы перешли на сторону Мазепы и шведовъ, за что Петръ Великій велѣлъ разорить Сѣчь; тогда запорожцы перешли въ подданство крымскому хану и поселились близъ устьевъ Днѣпра. При Аннѣ Іоанновнѣ они опять были приняты по ихъ просьбѣ въ русское подданство и имъ было позволено поселиться на прежнихъ мѣстахъ. Между тѣмъ южныя степи заселялись колонистами, здѣсь была образована при Екатеринѣ новая губернія Новороссійская, вслѣдствіе чего у запорожцевъ стали происходить столкновенія съ правительствомъ; запорожцы жаловались, что имъ тѣсно, что у нихъ отнимаютъ земли, нужныя имъ для скотоводства и охоты; они ссорились за землю съ поселенцами Новороссійскаго края, не пускали въ свою область правительственныхъ землемѣровъ, иногда даже по старой привычкѣ сами пускались на разбой. Тогда Екатерина велѣла отряду русскаго войска, возвращавшагося изъ Турціи по окончаніи войны, занять и разорить Запорожскую Сѣчь. Часть запорожцевъ ушла въ турецкія владѣнія, а оставшіеся должны были подчиниться общимъ русскимъ законамъ; земли запорожскія были розданы вельможамъ Екатерины въ видѣ помѣстьевъ и вошли въ составъ Азовской и Новороссійской губерній, — такимъ образомъ прекратилось существованіе Запорожской Сѣчи (1775 г.). Нѣсколько лѣтъ спустя Потемкинъ образовалъ изъ бывшихъ запорожцевъ войско черноморскихъ казаковъ; имъ были отведены земли между Кубанью и Азовскимъ моремъ.

Просвѣщеніе. Екатерина много заботилась о распространеніи образованія въ Россіи. Особенное вниманіе было обращено ею на усовершенствованіе воспитанія, въ которомъ она видѣла самое надежное средство сдѣлать людей лучшими, какъ это мы знаемъ изъ ея Наказа. Главнымъ помощникомъ Екатерины въ дѣлѣ воспитанія былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, получившій образованіе за границей.

Вотъ какими соображеніями руководствовались Екатерина и Бецкій въ дѣлѣ воспитанія: «Преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло, соединенное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается потомству. Съ давняго уже времени имѣетъ Россія академію и разныя училища и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность, но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ не доставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Изъ посланныхъ еще при Петрѣ В. дворянъ съ хорошимъ возвратились успѣхомъ въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе, изъ подлости (простонародья) къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились, отчего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называется, Россія до сего времени и произвести не могла. Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный и просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто изъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго чина людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то-есть, произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получали они сами, и отъ нихъ дѣти передали-бъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ на пятомъ или на шестомъ году».

Въ Петербургѣ были учреждены закрытыя учебно-воспитательныя заведенія—кадетскіе корпуса инженерный (переименованный впослѣдствіи во 2-й кадетскій) и артиллерійскій и смольный институтъ (при Смольномъ монастырѣ) съ двумя отдѣленіями—для дворянскихъ дочерей и дочерей городского сословія (1764 г.). Учрежденіемъ Смольнаго института было положено начало женскому образованію въ Россіи. Дѣти оставались въ этихъ заведеніяхъ безвыходно до окончанія курса, домой ихъ не отпускали и такимъ образомъ отъ нихъ было устранено вліяніе семьи и общества.

Сравнивая заботы Петра о распространеніи образованія въ Россіи съ заботами Екатерины, которая хотѣла не только распространить образованіе, но и усовершенствовать общество посредствомъ воспитанія, Бецкій говорилъ Екатеринѣ: „Петръ В. создалъ въ Россіи людей, а Ваше Величество влагаете въ нихъ души". По мысли же Бецкаго были основаны воспитательные дома въ Москвѣ (1763 г.) и въ Петербургѣ (1767 г.) для призрѣнія дѣтей, брошенныхъ родителями; въ прежнее время много погибало такихъ дѣтей, но теперь ихъ не только избавляли отъ смерти, но воспитывали и обучали, такъ что они могли впослѣдствіи зарабатывать себѣ пропитаніе и сдѣлаться полезными членами общества. Екатериною были также приняты мѣры для распространенія народнаго образованія. Назначенная для этой цѣли „коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ" (1782 г.) подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго выработала первый общій уставъ народныхъ училищъ для обученія дѣтей всѣхъ свободныхъ сословій наукамъ математическимъ, естественнымъ, словеснымъ и изящнымъ искусствамъ. Было предположено учредить въ каждомъ уѣздномъ городѣ двуклассныя „малыя народныя училища" и въ каждомъ губернскомъ городѣ „главныя" и кромѣ того еще 4 новыхъ университета. Коммиссія вызвала изъ за границы свѣдущихъ педагоговъ и при ихъ содѣйствіи были составлены разные учебники и приготовлены русскіе учителя. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, этотъ планъ коммиссіи только отчасти былъ приведенъ въ исполненіе: новые университеты не были учреждены и главныя училища были открыты только въ нѣкоторыхъ городахъ. При Екатеринѣ была учреждена Россійская Академія для ученой обработки отечественнаго языка; президентомъ Академіи была назначена княгиня Дашкова. Академія издала словарь, въ которомъ впервые было опредѣлено точное значеніе каждаго слова въ русскомъ языкѣ и установлены грамматическія формы языка. Частнымъ лицамъ было разрѣшено свободно открывать типографіи и печатать книги съ одобренія цензуры.

Къ эпохѣ Екатерины II относится много записокъ современниковъ, изъ которыхъ особенно важны для характеристики этой эпохи записки слѣдующихъ лицъ: княгини Дашковой, Державина, Порошина—воспитателя в. князя Павла Петровича, Храповицкаго и Грибовскаго, бывшихъ статсъ-секретарями Екатерины II, и Болотова. Изъ записокъ иностранцевъ современниковъ о Екатеринѣ II замѣчательны записки французскаго посланника Сегюра и австрійскаго принца де-Линя.

Литературная дѣятельность Екатерины. «Посмотримъ, какъ литература Екатерининскаго времени содѣйствовала народному воспитанію, и какъ авторъ

Наказа, сама императрица, въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ хотѣла содѣйствовать этому воспитанію. Здѣсь насъ прежде всего останавливаетъ инструкція князю Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей: «Высокому рожденію ихъ Высочествъ, говоритъ Екатерина, паче иныхъ предлежатъ два великіе пути: первый—справедливости, второй—любви къ ближнему. Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи, въ благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрѣнія. Пороки вообще уменьшаютъ смѣлость и храбрость; добродѣтели же умножаютъ твердость духа и укрѣпляютъ разсудокъ, истинную его смѣлость и храбрость. Истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобы пребывать въ томъ, что̀ долгъ человѣку предписываетъ. Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха въ младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что мысли устрашить можетъ, какъ-то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ и отъ коихъ дѣлаются они робки». Съ воспитательною цѣлью Екатерина сочиняла нравоучительныя сказки: въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ представлено образцовое поведеніе вслѣдствіе воспитанія. Екатерина написала также нѣсколько историческихъ представленій.

Общій характеръ литературы Екатерининскаго времени. Въ первой половинѣ XVIII вѣка литература явная, печатная главною задачею своею считала восхваленіе новаго порядка, введеннаго Петромъ, считала необходимымъ вооружаться противъ людей, ему противившихся. Но во второй половинѣ вѣка взглядъ перемѣнился: общество, развиваясь, почувствовало новыя потребности; односторонность, недостаточность, темныя стороны господствующаго направленія обозначались и не могли не возбудить противъ себя лучшихъ людей. Отсюда литература Екатерининскаго времени имѣла задачею: во-первыхъ, превозглашать новыя начала, признанныя необходимыми для поддержанія общества, именно—внутреннее совершенствованіе человѣка посредствомъ просвѣщеннаго воспитанія; потомъ вооружаться, съ одной стороны, противъ отсталыхъ людей, которые принадлежали болѣе XVII, чѣмъ XVIII вѣку, для которыхъ эпоха преобразованія проходила даромъ; а съ другой стороны, вооружаться и противъ людей, принявшихъ однѣ формы образованности, въ нравственномъ же отношеніи представлявшихъ самое печальное явленіе. Это направленіе обозначилось уже въ царствованіе Елизаветы въ сочиненіяхъ Сумарокова, который продолжалъ свою дѣятельность и при Екатеринѣ. Многочисленныя драматическія пьесы его игрались вездѣ: при дворѣ, на публичныхъ театрахъ, въ школахъ; въ этихъ пьесахъ Сумароковъ обыкновенно высказывалъ мысли, которыя были тогда въ ходу въ западной Европѣ. Въ многочисленныхъ комедіяхъ своихъ Сумароковъ продолжалъ вооружаться противъ главныхъ пороковъ времени, и хотя сильно подражалъ Мольеру, хотя бралъ у него характеры, однако между дѣйствующими у него лицами мы встрѣчаемъ много русскихъ людей и тогдашнюю обстановку русскаго общества. Лихоимцы суть глав-

ныя лица Сумароковскихъ комедій, ханжи и педанты взяты изъ Мольера, но петиметры русскіе. Сумароковъ же знакомитъ насъ и съ тою сферою, которую описалъ Даниловъ въ своихъ запискахъ и изъ которой вышли «Бригадиръ» и «Недоросль» даровитаго Фонъ-Визина. Сочиненія Фонъ-Визина важны для исторіи общества въ томъ отношеніи, что въ нихъ рѣзко проведена господствовавшая тогда у русскихъ людей мысль о необходимости созданія новой породы людей посредствомъ просвѣщеннаго воспитанія, мысль, что все зло происходитъ отъ недостатка такого воспитанія; въ сочиненіяхъ своихъ Фонъ-Визинъ также сильно ратуетъ противъ двухъ огней, между которыми стояло русское общество: противъ пороковъ и предразсудковъ, наслѣдованныхъ отъ до-Петровской старины, и противъ вредныхъ явленій, происходившихъ вслѣдствіе односторонняго сближенія съ западною цивилизаціею. Въ комедіи «Бригадиръ» въ сынѣ бригадира и въ совѣтницѣ въ самомъ отвратительномъ видѣ выставлены слѣдствія привитія чужихъ модныхъ взглядовъ къ людямъ, не получившимъ никакого нравственнаго воспитанія и воспитывающимъ себя по французскимъ романамъ. Въ знаменитомъ «Недорослѣ» своемъ авторъ представляетъ урода, произведеніе старинпаго грубаго, исключительно физическаго воспитанія; но къ этому старинному воспитанію присоединено и новое, какое требовалось отъ дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка, воспитаніе форменное, вредное по выбору воспитателя, иностранца, бывшаго прежде кучеромъ. Знаменитѣйшій изъ поэтовъ Екатерининскаго времени, великолѣпный Державинъ, воспѣвая блистательныя побѣды и торжества, въ то же время твердитъ о необходимости нравственныхъ основъ для общества, требуетъ правды и встрѣчаетъ новорожденнаго внука Екатерины (Александра Павловича) желаніемъ: «Будь на тронѣ человѣкомъ!»

Историческіе труды. Екатерина считала необходимымъ знаніе русской исторіи: при пытливости и многосторонности ума своего сама любила заниматься вопросами изъ нея; за нѣсколько минутъ до смерти занималась сочиненіемъ «записокъ касательно Россійской исторіи». Что же было сдѣлано при ней для русской исторіи? Старикъ Мюллеръ былъ переведенъ въ Москву, сдѣланъ начальникомъ драгоцѣннаго архива иностранной коллегіи, гдѣ былъ совершенно въ своей сферѣ. Мюллеръ издалъ Татищева, издалъ «Ядро Россійской исторіи» Манкіева, сообщилъ много матеріаловъ Новикову для его «Вивліоѳики», Голикову—для его «Дѣяній Петра Великаго». Явились попытки изъ собранныхъ матеріаловъ сдѣлать что-нибудь стройное, написать русскую исторію, явилась «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ» князя Щербатова. Авторъ былъ человѣкъ умный, образованный, трудолюбивый, добросовѣстный, но не даровитый и не приготовленный наукою къ своему труду, принимавшійся за него какъ любитель только. Несмотря на то, трудъ Щербатова занимаетъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Слѣдя добросовѣстно и внимательно за ходомъ событій русской исторіи, Щербатовъ останавливался на явленіяхъ особенно поразительныхъ, не похожихъ на явленія, въ исторіи другихъ народовъ встрѣчающіяся, старался объяснить ихъ, подходилъ къ нимъ съ разныхъ сторонъ, ошибался, но пролагалъ дорогу другимъ, возбуждалъ споръ.

Мы видѣли, что среди мыслящихъ людей Екатерининскаго вѣка явилось недовольство направленіемъ первой половины столѣтія, признаніе его вредной односторонности; но одни изъ нихъ средствомъ поправить дѣло признаютъ распространеніе началъ такъ называвшейся тогда философіи, разрушавшей старые предразсудки; другіе заподозрѣваютъ эту философію въ томъ, что она, разрушая предразсудки, съ тѣмъ вмѣстѣ подрываетъ и основаніе добродѣтелей; третьи отъ недовольства эпохою преобразованія естественно переходятъ къ мысли, что эта эпоха не права передъ обезславленною ею до-Петровскою Россіею. Подлѣ этихъ направленій существовало также направленіе мистическое. Изъ людей этого мистическаго направленія особенно замѣчателенъ Новиковъ, начавшій свою дѣятельность изданіемъ сатирическихъ журналовъ, которыхъ выходило много при Екатеринѣ: цѣль ихъ была осмѣяніе тѣхъ же недостатковъ общества, которые осмѣивала и комедія. Потомъ Новиковъ приступилъ къ изданію сборника историческихъ матеріаловъ, извѣстнаго подъ именемъ „Древней Россійской Вивліоѳики“. Въ Москвѣ, вмѣстѣ съ профессоромъ тамошняго университета Шварцомъ, Новиковъ основалъ въ 1781 году дружеское ученое общество, цѣлью котораго было печатаніе учебныхъ книгъ и даровая раздача ихъ по учебнымъ заведеніямъ. Около Новикова собралось много даровитыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ людей, которые занимались переводами книгъ и участвовали въ изданіяхъ Новикова; въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и Карамзинъ. Императрица Екатерина не любила мистиковъ, не любила тайныхъ масонскихъ обществъ, смѣялась надъ ихъ членами въ своихъ комедіяхъ; по ея мнѣнію, было непонятно, зачѣмъ люди, объявляющіе, что желаютъ добра ближнимъ, окружаютъ себя таинственностью и мракомъ, тогда какъ имъ никто не препятствуетъ дѣлать всевозможное добро безъ всякихъ фокусовъ. Новиковъ въ концѣ царствованія подвергся преслѣдованію по отношеніямъ политическимъ“. (Соловьевъ).

Внутреннія и внѣшнія событія.

Первая турецкая война (1768—1774 г.). Вступивъ на престолъ, Екатерина тотчасъ же прекратила приготовленія къ безполезной для Россіи войнѣ съ Даніей и заключила миръ со всѣми участниками семилѣтней войны. По этому поводу она такъ выразилась въ разговорѣ съ однимъ иностраннымъ посломъ: „Я довольно войнолюбива, но никогда не начну войны безъ причины; если же начну войну, то не такъ, какъ императрица Елизавета, изъ угожденія другимъ, а лишь тогда, когда найду это удобнымъ для себя“. Эти слова вѣрно характеризуютъ внѣшнюю политику всего ея царствованія: двѣ турецкія войны доставили Россіи естественныя границы на югѣ, а благодаря участію въ 3 польскихъ раздѣлахъ были возвращены западнорусскія области. Въ первые годы своего царствованія Екатерина вмѣшалась во внутреннія дѣла

Польши, вступившись за православныхъ ея подданныхъ. Франція, недовольная этимъ вмѣшательствомъ, стала поддерживать польскихъ конфедератовъ и кромѣ того возбуждала Турцію къ войнѣ съ Россіей, доказывая, что усиленіе Россіи на счетъ Польши не можетъ быть выгодно для Турціи. Въ это время отрядъ малороссійскихъ казаковъ, возставшихъ въ польской Украйнѣ противъ притѣсненій за вѣру, разграбилъ пограничное татарское селеніе Балту. Турецкій султанъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, объявилъ войну Россіи, хотя Екатерина и предлагала вознаградить Турцію за убытки. Въ этой войнѣ особенно прославился Румянцевъ; назначенный главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, Румянцевъ быстро перешелъ въ наступленіе и одержалъ надъ турками въ Молдавіи 2 блистательныя побѣды (1770 г.): на берегу р. Ларги, впадающей въ Прутъ, онъ побѣдилъ 100,000 войско крымскаго хана, а затѣмъ разбилъ наголову и обратилъ въ бѣгство 150,000 войско великаго визиря на р. Кагулѣ, причемъ весь турецкій лагерь со всѣми запасами и 130 пушекъ достались русскимъ. Послѣдняя побѣда особенно замѣчательна тѣмъ, что войско Румянцева состояло всего только изъ 17,000 человѣкъ; говорятъ, что послѣ битвы при Ларгѣ Румянцевъ просилъ Екатерину прислать ему подкрѣпленія, но Екатерина напомнила ему о древнихъ римлянахъ, которые не заботились о числѣ враговъ, а только спрашивали, гдѣ они находятся. Результатомъ Кагульской побѣды было занятіе русскими войсками Молдавіи и Валахіи и очищеніе турками всего лѣваго берега Дуная. Одновременно съ побѣдами Румянцева на сушѣ русскій флотъ одержалъ знаменитую морскую побѣду. Преемники Петра Великаго вовсе не заботились о флотѣ, вслѣдствіе чего русскій флотъ пришелъ въ большой упадокъ. Екатерина велѣла поправить старые корабли, которые еще были годны къ плаванію, соорудила новые и послала ихъ подъ главнымъ начальствомъ Алексѣя Орлова въ Средиземное море къ берегамъ Греціи, жители которой съ приближеніемъ русскаго флота возстали противъ турецкаго владычества. Мысль объ этомъ походѣ была внушена Екатеринѣ Григоріемъ Орловымъ, который еще до турецкой войны находился въ сношеніяхъ съ греками, пріѣзжавшими въ Петербургъ. Сильный турецкій флотъ вышелъ на встрѣчу русскому въ архипелагъ и здѣсь между о. Хіосомъ и берегомъ Малой Азіи произошла морская битва. Во время этой битвы отличился адмиралъ Спиридовъ, который зажегъ бомбами турецкій адмиральскій корабль; при этомъ корабль Спиридова столкнулся

съ горѣвшимъ турецкимъ кораблемъ, произошелъ взрывъ пороха, находившагося на русскомъ кораблѣ, и оба адмиральскихъ корабля погибли. Турецкій флотъ, испуганный взрывомъ, поспѣшно укрылся въ тѣсную чесменскую гавань. Тогда по предложенію капитана Грейга рѣшено было его сжечь. Въ то время какъ русскіе корабли усиленной стрѣльбой изъ всѣхъ орудій привели въ замѣшательство турецкій флотъ, Грейгъ пустилъ 4 брандера (зажигательныя судна) въ середину непріятельскаго флота; всѣ турецкіе корабли были сожжены, а единственный уцѣлѣвшій достался русскимъ. Послѣ этихъ пораженій Турція завела съ нами мирные переговоры, но умышленно затягивала ихъ, такъ какъ западныя державы непріязненно относились къ нашимъ успѣхамъ и Франція даже открыто поддерживала Турцію деньгами и людьми. Такимъ образомъ военныя дѣйствія противъ турокъ продолжались.

Въ 1771 г. Долгорукій двинулся въ Крымъ и въ двѣ недѣли занялъ его. Румянцевъ не могъ предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій на Дунаѣ, такъ какъ сильно нуждался въ подкрѣпленіяхъ, а Екатерина не могла послать ему войска, потому что въ это же время шли военныя дѣйствія въ Польшѣ, а внутри государства происходилъ пугачевскій бунтъ. Только въ 1774 г. Румянцеву были посланы вспомогательныя войска подъ начальствомъ Каменскаго и Суворова; тогда Румянцевъ перешелъ Дунай и осадилъ крѣпость Силистрію, а Каменскій съ Суворовымъ двинулись впередъ по дорогѣ къ Константинополю. Въ это время Екатерина соглашалась на миръ съ Турціей, требуя независимости Крыма, а также независимости Молдавіи и Валахіи, но противъ послѣдняго требованія возстала Австрія, угрожая Россіи войной. Тогда Фридрихъ II, король прусскій, въ союзѣ съ которымъ Россія дѣйствовала въ Польшѣ, предложилъ Екатеринѣ совмѣстно съ Пруссіей и Австріей произвести раздѣлъ Польши (нѣкоторыя польскія области уже были заняты австрійскими и прусскими войсками) и такимъ образомъ вознаградить Россію за турецкую войну, а въ противномъ случаѣ отказывался помогать Россіи, если у ней произойдетъ война съ Австріей. Екатерина должна была уступить и согласиться на раздѣлъ Польши. Вслѣдъ затѣмъ окончилась турецкая война миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи близъ Силистріи (1774 г.). По этому миру Турція уступила намъ часть береговъ Азовскаго и Чернаго морей съ городами Азовомъ, Керчью и Кинбурномъ и уплатила $4^1/_2$ милліона рублей за военныя издержки, признала независимость крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ

татаръ, открыла русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное, даровала прощеніе своимъ христіанскимъ подданнымъ, возставшимъ противъ нея во время войны, предоставила русскимъ подданнымъ въ турецкихъ областяхъ всѣ права, которыми пользовались французы и другіе наиболѣе покровительствуемые народы, и позволила русскимъ резидентамъ ходатайствовать въ Константинополѣ за христіанскихъ подданныхъ Турціи. Миръ съ Турціей былъ торжественно отпразднованъ въ Москвѣ въ присутствіи императрицы; Румянцевъ и другіе полководцы получили щедрыя награды и почетныя прозванія: Румянцевъ—Задунайскаго, Долгорукій—Крымскаго, Алексѣй Орловъ—Чесменскаго.

Съ особенною щедростью Екатерина наградила Румянцева; онъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ, украшенный алмазами, за разумное полководство, шпагу съ драгоцѣнными камнями за храбрыя предпріятія, лавровый вѣнокъ за побѣды, масляничную вѣтвь, осыпанную алмазами, за заключеніе мира, орденъ св. Андрея Первозваннаго, медаль съ его изображеніемъ—въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства, 5,000 крестьянъ въ Бѣлоруссіи, 100,000 р. для построенія дома, серебряный сервизъ для стола и картины для убранства дома.

Чума въ Москвѣ. Въ 1770 г. въ южныхъ предѣлахъ Россіи появилась чума, занесенная изъ Молдавіи; отсюда она проникла въ Москву и здѣсь стала быстро распространяться лѣтомъ 1771 г. Узнавъ о появленіи чумы въ Москвѣ, Екатерина поручила отставному генералу, сенатору Еропкину, принять противъ чумы соотвѣтствующія мѣры. По распоряженію Еропкина, были устроены карантины, больницы, особенныя кладбища внѣ города, куда должны были отвозить умершихъ такъ наз. мортусы (колодники, одѣтые съ ногъ до головы въ черную просмоленную одежду); они ѣздили по улицамъ Москвы, собирали мертвыхъ и затѣмъ хоронили на кладбищѣ въ глубокихъ ямахъ. Простой народъ не хотѣлъ однако исполнять предписаній начальства и докторовъ, считая эти предписанія за напрасныя притѣсненія; больныхъ скрывали въ домахъ, думая, что доктора ихъ морятъ въ больницахъ, и хоронили умершихъ тайкомъ въ погребахъ и садахъ изъ боязни, чтобы полиція не сожгла вещей, принадлежавшихъ умершему, что еще болѣе способствовало распространенію чумы. Болѣзнь приняла такіе размѣры, что ежедневно умирало по нѣсколько сотъ человѣкъ. Многимъ, несмотря на карантины, удалось убѣжать изъ Москвы и они разнесли съ собою болѣзнь по окрестностямъ. Главнокомандующій Москвы старикъ графъ Салтыковъ, герой семилѣтней войны,

покинулъ зачумленный городъ и уѣхалъ въ деревню. Всѣ присутственныя мѣста были закрыты, торговля и всякія занятія прекратились, и народъ, доведенный до отчаянія страшной смертностью, начиналъ волноваться. Въ это время разнесся слухъ, что одинъ фабричный видѣлъ во снѣ Богородицу, которая будто бы сказала ему, что такъ какъ уже болѣе 30 лѣтъ не служатъ молебновъ и не ставятъ свѣчей передъ ея иконой, находящейся на Варварскихъ воротахъ въ Китай-городѣ, то Христосъ хотѣлъ послать на Москву каменный дождь, но она умолила Его и Онъ послалъ на Москву только трехмѣсячный моръ. Тогда масса народа стала собираться у этой иконы; служили молебны, ставили свѣчи, но отъ скопленія народа, среди котораго были и зараженные, чума еще болѣе распространилась. Московскій архіепископъ Амвросій, узнавъ объ этомъ, принялъ мѣры къ прекращенію сходбища и хотѣлъ даже снять икону съ воротъ. Тогда въ народѣ стали говорить, что Амвросій хочетъ отнять у нихъ заступницу Богородицу, что онъ стоитъ заодно съ докторами, которые морятъ народъ; произошло сильное возмущеніе черни, которая бросилась въ Кремль, чтобы схватить Амвросія; не найдя Амвросія въ архіерейскомъ домѣ, чернь стала разорять его жилище, но была разогнана Еропкинымъ. На другой день мятежники отыскали Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, куда онъ укрылся, и звѣрски убили его, а затѣмъ бросились въ Кремль для грабежа и разбоя. Тогда Еропкинъ съ небольшой командой солдатъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, ударилъ на мятежниковъ, и послѣ перваго залпа изъ пушекъ и ружей мятежная толпа разбѣжалась. Григорій Орловъ, присланный въ Москву императрицею, окончательно усмирилъ волненіе; бунтовавшіе дворовые люди, купцы, фабричные и раскольники были схвачены и сосланы на каторгу, а трое убійцъ Амвросія были повѣшены. Прибытіе Орлова, такого близкаго къ императрицѣ лица, успокоительно подѣйствовало на жителей зачумленнаго города, которые охотнѣе стали подчиняться санитарнымъ мѣрамъ; чума стала постепенно слабѣть, а съ наступившими морозами и совсѣмъ прекратилась въ декабрѣ того же года. Всѣхъ умершихъ въ Москвѣ отъ чумы считаютъ до 50,000.

Пугачевщина. Въ то время какъ Екатерина была занята турецкой войною и дѣлами польскими, въ юговосточныхъ предѣлахъ Россіи возникъ страшный казацкій мятежъ, извѣстный подъ именемъ Пугачевщины, такъ какъ во главѣ возстанія стоялъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Такъ какъ тогда ходили въ народѣ

нелѣпые слухи, что императоръ Петръ III живъ и скоро потребуетъ возвращенія ему престола, то Пугачевъ, ставъ во главѣ мятежныхъ казаковъ, объявилъ себя Петромъ III. Успѣху пугачевскаго бунта много способствовалъ характеръ населенія Пріуральскаго края, гдѣ появился Пугачевъ. Жившіе здѣсь кочевники—калмыки, киргизы и башкиры не были еще вполнѣ подчинены русскому правительству: среди нихъ было сильное неудовольствіе на то, что съ постепенной постройкой въ этой мѣстности многихъ городовъ и укрѣпленій русскіе отнимали у нихъ лучшія пастбищныя земли, и кромѣ того они жаловались на притѣсненія мѣстныхъ начальниковъ. Чуваши, черемисы и другіе инородцы также склонны были къ волненіямъ. Крестьяне, приписанные къ здѣшнимъ горнымъ заводамъ и обремененные тяжелой работой, постоянно волновались. Раскольники, спасавшіеся въ этотъ край въ прежнее время отъ преслѣдованій и поселившіеся здѣсь въ большомъ числѣ, по вызову Екатерины, также были склонны къ возстанію; хотя Екатерина ихъ не преслѣдовала, но они все-таки непріязненно относились къ правительству, такъ какъ старинное броженіе умовъ въ нихъ не прекращалось. Кромѣ того раскольники сочувствовали возстанію и по той причинѣ, что покойный Петръ III былъ особенно среди нихъ популяренъ. Издавна также убѣгали сюда и всякіе бездомные голяки—бѣглые солдаты, крестьяне, преступники, готовые всегда къ возстанію, такъ какъ терять имъ было нечего. Главными же заводчиками бунта явились яицкіе (уральскіе казаки). Яицкіе казаки, образовавшіеся изъ донскихъ выходцевъ и разныхъ бѣглецовъ въ началѣ XVII в., до Петра В. пользовались полной свободой и упрявлялись выборными атаманами, но съ Петра В. свобода ихъ постепенно ограничивалась, они были переписаны и должны были нести опредѣленную службу государству; такъ, напр., они должны были служить въ гарнизонахъ тѣхъ маленькихъ крѣпостей (Яицкъ, Оренбургъ, Илецкій городокъ и др.), которыя были основаны въ XVIII в. по Уралу и его притокамъ противъ набѣговъ киргизовъ и башкиръ. Въ XVIII в. между яицкими казаками и ихъ старшинами (казацкимъ начальствомъ) происходили частыя несогласія, такъ какъ казаки были недовольны притѣсненіями старшинъ и атамана, назначаемаго правительствомъ. При Екатеринѣ по жалобамъ казаковъ присылались коммиссіи для разбора ихъ споровъ со старшинами, но несмотря на это притѣсненія продолжались. Сами казаки хоть и обращались за покровительствомъ къ русской власти, но не хотѣли разстаться со своимъ казацкимъ устрой-

ствомъ и больше всего боялись, чтобы ихъ не заставили нести военную службу въ регулярныхъ войскахъ. Они были недовольны также постепеннымъ стѣсненіемъ ихъ вольностей и несправедливостями присылаемыхъ къ нимъ чиновниковъ, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ волновались въ царствованіе Екатерины. Наиболѣе сильное возмущеніе яицкихъ казаковъ произошло въ 1771 г.; имъ было приказано идти въ погоню за калмыками, которые, вслѣдствіе притѣсненій русскихъ чиновниковъ, въ числѣ 30,000 кибитокъ откочевали изъ русскихъ предѣловъ въ азіатскія степи, и вернуть ихъ назадъ. Казаки не захотѣли исполнить этого приказанія, за что были строго наказаны. Эти наказанія ожесточили казаковъ, и когда въ 1771 г. была прислана новая коммиссія подъ начальствомъ генерала Траубенберга для разбора ихъ жалобъ, то казаки взбунтовались и убили Траубенберга. Тогда изъ Москвы былъ присланъ генералъ Фрейманъ съ войскомъ, который усмирилъ мятежъ, строго наказавъ главныхъ зачинщиковъ, и уничтожилъ прежнее казацкое управленіе, отдавъ казаковъ подъ начальство яицкаго коменданта. Несмотря на эти строгія наказанія, казаки продолжали втайнѣ волноваться, поговаривая, что „то ли еще будетъ, такъ ли еще они тряхнутъ Москвою"; между ними стали происходить тайныя совѣщанія по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ).—Таково было состояніе Пріуральскаго края, готоваго къ возстанію и ожидавшаго только предводителя, когда среди яицкихъ казаковъ появился Пугачевъ.

Донской казакъ Пугачевъ участвовалъ въ польскихъ и турецкихъ походахъ, за которые получилъ чинъ хорунжаго; по возвращеніи изъ этихъ походовъ на родину, онъ вскорѣ бѣжалъ съ Дона, нѣсколько времени скитался по разнымъ мѣстамъ и во время этихъ скитаній близко сошелся съ раскольниками. Узнавъ о волненіяхъ среди яицкихъ казаковъ, онъ явился къ нимъ и сталъ уговаривать казаковъ бѣжать за Кубань и перейти въ подданство турецкому султану. Яицкое войсковое начальство схватило Пугачева и отправило въ Казань, откуда ему удалось однако убѣжать при содѣйствіи раскольниковъ. Лѣтомъ 1773 года Пугачевъ снова появился среди яицкихъ казаковъ и, по соглашенію съ нѣкоторыми изъ нихъ, объявилъ себя Петромъ III. Около него собралось 300 казаковъ, съ которыми онъ и подступилъ къ Илецкому городку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ воззваніе ко всему яицкому войску и къ крестьянамъ, обѣщая имъ полную волю, и къ раскольникамъ, которыхъ обѣщалъ пожаловать крестомъ и бородою. Илецкій горо-

докъ, а за нимъ и другія крѣпости безъ боя стали сдаваться Пугачеву, такъ какъ казаки, составлявшіе гарнизоны въ этихъ крѣпостяхъ, переходили на его сторону, а офицеры, коменданты крѣпостей, остававшіеся вѣрными правительству, были преданы Пугачевымъ мучительной смерти. Войско Пугачева быстро увеличивалось: со всѣхъ сторонъ подъ его знамена приходили казаки, заводскіе крестьяне, бѣглые каторжники, калмыки, башкиры и другіе инородцы. Въ октябрѣ у Пугачева уже было 25,000 войска, съ которымъ онъ осадилъ Оренбургъ. Такъ какъ Екатерина, занятая польской и турецкой войнами, не могла сразу принять рѣшительныхъ мѣръ для подавленія бунта въ самомъ началѣ и первыя военныя дѣйствія противъ мятежниковъ были неудачны, то возстаніе скоро охватило весь Поволжскій край—губерніи астраханскую, казанскую, нижегородскую, пермскую. Шайки Пугачева выжигали заводы, селенія, убивали помѣщиковъ и грабили ихъ добро, вслѣдствіе чего помѣщики приволжскихъ губерній покидали свои помѣстья и уѣзжали въ Москву. Тогда Екатерина назначила генерала Бибикова главнокомандующимъ войска, дѣйствовавшаго противъ Пугачева. Бибиковъ прибылъ въ Казань въ концѣ декабря и при содѣйствіи мѣстнаго дворянства принялъ противъ Пугачева рѣшительныя мѣры. Дѣла стали поправляться. Правительственныя войска взяли Самару и двинулись на выручку Оренбурга. Пугачевъ потерпѣлъ два сильныхъ пораженія и едва успѣлъ избѣжать плѣна. Дѣло Пугачева казалось совершенно проиграннымъ и казаки, которые и прежде оказывали Пугачеву только при другихъ наружное уваженіе, а безъ постороннихъ обходились съ нимъ, какъ съ товарищемъ, даже думали выдать его правительству, чтобы этимъ заслужить себѣ прощеніе, какъ вдругъ Бибиковъ заболѣлъ и умеръ отъ страшнаго напряженія силъ. Главнокомандующимъ на мѣсто Бибикова былъ назначенъ графъ Петръ Панинъ. Пугачевъ снова появился во главѣ казаковъ. Онъ сжегъ Казань, взялъ Пензу и Саратовъ, но разбитый нѣсколько разъ полковникомъ Михельсономъ, который энергически его преслѣдовалъ, Пугачевъ пустился внизъ по Волгѣ къ Царицыну. Михельсонъ настигъ Пугачева и разбилъ на голову подъ Чернымъ Яромъ (1774 г.), послѣ чего Пугачевъ бросился въ степь, гдѣ его со всѣхъ сторонъ окружили правительственныя войска, надъ которыми принялъ начальство вызванный сюда Суворовъ. Тогда казаки сами выдали Пугачева Суворову. Пугачевъ былъ отвезенъ въ Москву и казненъ (1775 г.).

Греческій проектъ. Присоединеніе Крыма. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру турецкій султанъ долженъ былъ признать независимость Крыма; потеря Крыма была слишкомъ тяжела для Турціи и поэтому вскорѣ послѣ первой турецкой войны султанъ сталъ домогаться возвращенія Крыма подъ его власть. Екатерина, конечно, не могла допустить этого и стремилась къ упроченію русскаго вліянія надъ крымскими татарами.

Вслѣдствіе этого въ Крыму образовались 2 партіи—русская, стоявшая за союзъ съ Россіей, и турецкая—за подчиненіе Турціи. Борьба партій сказывалась въ частой смѣнѣ хановъ и въ постоянныхъ междоусобіяхъ. Тогда Потемкинъ, получившій преобладающее вліяніе при дворѣ послѣ первой турецкой войны, сталъ доказывать, что гораздо лучше окончательно присоединить Крымъ къ Россіи и такимъ образомъ отнять у Турціи всякую надежду на его возвращеніе, вмѣсто того, чтобы поддерживать русскую партію въ Крыму и постоянно сталкиваться изъ-за этого съ Турціей, вслѣдствіе чего можно было ожидать во всякое время новой войны съ нею. Екатерина согласилась съ мнѣніемъ Потемкина; но такъ какъ нельзя было надѣяться, чтобы Турція безъ войны уступила намъ Крымъ, то для бо̀льшаго успѣха въ предстоявшей войнѣ Екатерина заключила тѣсный союзъ съ германскимъ императоромъ Іосифомъ II. Іосифъ II замышлялъ въ это время присоединить къ Австріи Баварію и потому самъ заискивалъ у Россіи, чтобы найти у ней поддержку своимъ намѣреніямъ; кромѣ того, Іосифъ II надѣялся также увеличить свои владѣнія на счетъ Турціи. При заключеніи союза былъ составленъ по плану Потемкина такъ наз. „греческій проектъ“; въ случаѣ успѣшной войны съ Турціей предполагалось изгнать турокъ изъ Европы и возстановить независимую греческую имперію со столицей Константинополемъ, а на греческій престолъ возвести великаго князя Константина Павловича, второго внука Екатерины, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Константинъ Павловичъ отказался отъ своихъ правъ на русскій престолъ и чтобы вообще россійская и греческая короны никогда не соединялись на одной главѣ. Россія, Австрія и другія европейскія державы должны были по этому проекту раздѣлить между собою остальныя турецкія владѣнія въ Европѣ. Заключивъ союзъ съ Іосифомъ II, Екатерина стала дѣйствовать въ Крыму съ большей рѣшительностью. Возведенный ею на крымскій престолъ ханъ Шагинъ-Гирей возбудилъ противъ себя въ Крыму сильное неудовольствіе тѣмъ, что сталъ вводить разныя преобразованія въ евро-

пейскомъ духѣ; противъ него вспыхнуло возстаніе; при поддержкѣ русскаго войска Шагинъ-Гирей усмирилъ возстаніе, но будучи не въ силахъ удержать за собою престолъ, вскорѣ отъ него отказался и переселился на жительство въ Россію. Тогда Екатерина безъ всякаго сопротивленія присоединила Крымъ къ Россіи (1783 г.). Присоединеніе Крыма было важнымъ событіемъ, такъ какъ Россія достигла на югѣ своихъ естественныхъ границъ и утвердилась на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Черноморскія степи, въ которыхъ издавна кочевали пришлые изъ Азіи разные монгольскіе народы и отсюда часто дѣлали нападенія на Россію и З. Европу, стали съ этого времени принадлежать Россіи, которая заселила ихъ, построила города и распространила здѣсь европейскую цивилизацію, что̀ было важно и для З. Европы. Управленіе Крымомъ, который Екатерина переименовала въ Тавриду (его древнегреческое названіе), было поручено ею князю Потемкину, намѣстнику Новороссійскаго края. Въ качествѣ намѣстника Новороссіи и Крыма Потемкинъ употребилъ много усилій для ихъ устройства. Для заселенія этого пустыннаго, но плодороднаго края онъ вызывалъ сюда раскольниковъ, иностранныхъ колонистовъ-нѣмцевъ, грековъ, армянъ, ласково обходился съ татарами, стараясь ихъ удержать отъ выселенія въ Турцію; много земель было также роздано русскимъ вельможамъ, которые переселяли сюда крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Въ этомъ краю Потемкинъ усилилъ земледѣліе и скотоводство, содѣйствовалъ винодѣлію, шелководству и разведенію овецъ. Здѣсь были основаны имъ новые города— Николаевъ съ крѣпостью и верфью, Херсонъ съ казармами для войскъ и верфью, Екатеринославль, который онъ думалъ сдѣлать главнымъ городомъ всего южнаго края. На всѣхъ основанныхъ на югѣ верфяхъ онъ дѣятельно принялся за постройку кораблей и въ короткое время создалъ черноморскій флотъ, гаванью для котораго долженъ былъ служить Севастополь.

„Разрушить мусульманскій міръ въ восточной Европѣ и вызвать къ жизни подавленныя имъ христіанскія племена,—вотъ что̀ должно было составлять, по мнѣнію Потемкина, великую задачу русской политики, и къ этой задачѣ ему удалось привлечь вниманіе Екатерины. Странно было бы утверждать, что эту мысль изобрѣлъ Потемкинъ: она представлялась и самой Екатеринѣ, когда она приглашала грековъ поднять вмѣстѣ съ Россіей оружіе противъ турокъ, и Петру I, когда онъ къ тому же приглашалъ задунайскихъ славянъ; Потемкину принадлежитъ та честь и та слава, что онъ разработалъ эту мысль во всѣхъ подробностяхъ, начерталъ программу постепеннаго ея осуществленія и въ продолженіе 17-ти лѣтъ неуклонно ее преслѣдовалъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сведемъ итоги

всей дѣятельности Потемкина, то увидимъ, что устройство Новороссійскаго края, сооруженіе черноморскаго флота, постепенное расширеніе самостоятельности Молдавіи и Валахіи, присоединеніе Крыма, первые шаги къ утвержденію русскаго владычества за Кавказомъ и, наконецъ, вторая турецкая война такъ тѣсно связаны между собою одною мыслью, одной цѣлью, что нельзя не признать ихъ отдѣльными главами того великаго предположенія, которое называютъ греческимъ проектомъ". (Щебальскій).

Путешествіе Екатерины въ Крымъ. Такимъ образомъ пустынный южный край быстро заселился, явилось земледѣліе, промыслы, закипѣла торговля и въ 1787 г. Екатерина по просьбѣ Потемкина отправилась въ Крымъ, чтобы лично познакомиться со своими новыми владѣніями. Она выѣхала изъ Царскаго Села въ январѣ мѣсяцѣ въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ и многочисленныхъ придворныхъ; среди пословъ находился французскій посолъ графъ Сегюръ и австрійскій—принцъ де-Линь, описавшіе путешествіе Екатерины въ своихъ мемуарахъ. Весь поѣздъ состоялъ изъ 14 каретъ и 200 саней. Въ городахъ, черезъ которые проѣзжала императрица, устраивались торжественныя встрѣчи, балы, иллюминаціи. По всему пути стекалось много народа изъ окрестныхъ деревень, чтобы видѣть государыню. Прибывъ въ Кіевъ, Екатерина оставалась въ немъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ, живя въ построенномъ для ея пріѣзда дворцѣ. Въ Кіевѣ было устроено въ честь ея нѣсколько блестящихъ праздниковъ, въ которыхъ принимали участіе и польскіе магнаты. Потемкинъ вызвалъ также въ Кіевъ представителей разныхъ народовъ Россіи, среди которыхъ были недавно присоединенные татары, грузины, калмыки и др. Весною Екатерина отправилась изъ Кіева на богато разукрашенныхъ галерахъ внизъ по Днѣпру въ области, которыми управлялъ Потемкинъ. На берегахъ виднѣлись села, паслись обширныя стада, были собраны толпы малорусскаго народа въ ихъ праздничныхъ живописныхъ костюмахъ, видны были тріумфальныя арки и маневрирующія войска. Въ Каневѣ привѣтствовалъ Екатерину польскій король Станиславъ Понятовскій и почтилъ ее великолѣпнымъ баломъ, закончившимся блистательнымъ фейерверкомъ. Подъ Кременчугомъ Екатерина смотрѣла маневры, произведенные войсками Потемкина; они изображали предполагаемое нападеніе на турокъ. Недалеко отъ Херсона встрѣтился съ Екатериной германскій императоръ Іосифъ II, пріѣхавшій сюда для того, чтобы личнымъ свиданіемъ скрѣпить заключенный съ Екатериною союзъ. Отсюда Екатерина, сопровождаемая Іосифомъ, поѣхала сухимъ путемъ

черезъ пустынную степь и остановились въ Херсонѣ, который былъ построенъ Потемкинымъ и въ теченіе 3 лѣтъ сдѣлался большимъ торговымъ городомъ, что доставило Екатеринѣ большое удовольствіе. Въ присутствіи Екатерины здѣсь были спущены на воду два военныхъ корабля и одинъ фрегатъ. Затѣмъ Екатерина поѣхала въ Крымъ, останавливалась въ Бахчисараѣ въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ и отсюда направилась въ Севастополь, гдѣ созданный Потемкинымъ черноморскій флотъ, состоявшій изъ 25 судовъ, привѣтствовалъ Екатерину залпами изъ своихъ орудій. Проѣхавъ по южному берегу Крыма, Екатерина въ іюнѣ мѣсяцѣ отправилась въ обратный путь и подъ Полтавой смотрѣла маневры 50,000 отборнаго войска, съ точностью повторившіе знаменитую полтавскую битву. Вся великолѣпная обстановка этого путешествія была устроена Потемкинымъ; много было при этомъ искусственнаго, театральнаго, такъ какъ цѣль Потемкина и состояла въ томъ, чтобы произвести возможно большій эффектъ этимъ путешествіемъ и не столько въ Россіи, сколько за границей.

Вторая турецкая война (1787—1791 г.). Турція сначала признала присоединеніе Крыма къ Россіи, но когда Россія стала утверждать свое владычество на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря постройкою укрѣпленій и заведеніемъ флота, который могъ угрожать Константинополю, Турція сознала всю важность потери Крыма и, подстрекаемая Англіей, ревниво относившейся къ нашимъ успѣхамъ, объявила Россіи войну. Положеніе Россіи во время этой войны было крайне затруднительное, такъ какъ Пруссія, недовольная союзомъ Россіи съ Австріей, заключила союзъ съ Польшей съ враждебными противъ насъ намѣреніями, а шведскій король Густавъ III задумалъ воспользоваться труднымъ положеніемъ Россіи для возвращенія завоеванныхъ у Швеціи земель. Что же касается нашей союзницы Австріи, то она вмѣсто наступательной войны противъ Турціи дѣйствовала больше оборонительно, да и то не особенно удачно. Екатерина выставила противъ Турціи двѣ арміи; одна подъ начальствомъ Румянцева находилась между Бугомъ и Прутомъ для защиты русскихъ границъ отъ Польши и Турціи, а другая, главная армія, подъ начальствомъ Потемкина должна была охранять сѣверные берега Чернаго моря. Начало войны было неудачно: черноморскій флотъ, отправленный къ берегамъ Турціи, былъ разбитъ бурею. Это такъ подѣйствовало на Потемкина, что онъ впалъ въ совершенное отчаяніе, хотѣлъ вывести войска изъ Крыма и даже просилъ себѣ отставки; но Ека-

терина отвѣчала ему, „что проситъ его ободриться и подумать, что̀ бодрый духъ и неудачу поправить можетъ“, и приказывала вести противъ турокъ наступательную войну. Вскорѣ дѣла наши стали поправляться благодаря побѣдамъ Суворова, который и былъ главнымъ героемъ 2-й турецкой войны. Первая его побѣда надъ турками была при Кинбурнѣ, который турки осадили съ суши и съ моря послѣ гибели русскаго флота. Ободренный этой побѣдой, Потемкинъ дѣятельно принялся за постройку новыхъ кораблей и большихъ лодокъ для гребной флотиліи, а также вводилъ разныя усовершенствованія въ устройствѣ и обмундировкѣ русскаго войска. Лѣтомъ 1788 г. вновь снаряженный русскій флотъ разбилъ турецкій флотъ, стоявшій у Очакова, и заставилъ его удалиться; тогда Потемкинъ приступилъ къ осадѣ Очакова, сильной турецкой крѣпости, и послѣ пятимѣсячной осады русскіе войска подъ начальствомъ Суворова взяли Очаковъ приступомъ, сопровождавшимся страшной рѣзней и грабежемъ.

По общему сужденію современниковъ, Потемкинъ былъ плохимъ полководцемъ: онъ умѣлъ выбирать людей, соображать всѣ обстоятельства дѣла, искусно подготовлять его успѣхъ, но передъ битвой совсѣмъ терялся; видъ крови производилъ на него какое-то оцѣпенѣніе; на приступъ къ Очакову онъ рѣшился уже съ отчаянія“.

Между тѣмъ Румянцевъ, занявъ городъ Яссы, впередъ не подвигался, хотя Екатерина и предлагала ему идти впередъ и соединиться съ австрійцами для совмѣстныхъ дѣйствій въ Молдавіи. Старикъ Румянцевъ считалъ себя оскорбленнымъ, что не ему дали главное начальство въ арміи, и, кромѣ того, онъ не любилъ австрійцевъ. Тогда Екатерина передала главное начальство надъ обѣими арміями Потемкину, а Румянцева хотѣла вызвать въ Петербургъ, но Румянцевъ вышелъ въ отставку и удалился отъ дѣлъ. Потемкинъ, сознавая свою неспособность къ военнымъ дѣйствіямъ, предоставилъ Суворову дѣйствовать самостоятельно противъ турокъ, а за собою оставилъ завѣдываніе общимъ планомъ кампаніи. Въ 1789 г. Суворовъ, соединившись съ храбрымъ австрійскимъ генераломъ, принцемъ Кобургскимъ, дважды разбилъ наголову турокъ въ Валахіи при мѣстечкѣ Фокшанахъ и при рѣкѣ Рымникѣ; въ послѣдней битвѣ у Суворова и принца Кобургскаго было всего 25,000 солдатъ, а у великаго визиря около 100,000. За эту побѣду Суворовъ получилъ титулъ графа Рымникскаго. Въ 1790 году умеръ союзникъ Екатерины Іосифъ II, а его преемникъ Леопольдъ заключилъ съ турками миръ, такъ что намъ пришлось однимъ продол-

жать войну. Въ этомъ году черноморскій флотъ продолжалъ опустошать берега Турціи, а Суворовъ послѣ страшнаго штурма взялъ крѣпость Измаилъ при устьяхъ Дуная, считавшуюся неприступной. Послѣ этихъ побѣдъ Суворова Потемкинъ поѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь въ своемъ Таврическомъ дворцѣ устроилъ въ честь Екатерины блестящій праздникъ, поразительный по великолѣпію и роскоши. Между тѣмъ турки, разбитые еще нѣсколько разъ на сушѣ и на морѣ, сами заговорили о мирѣ. Потемкинъ отправился въ армію для заключенія мира, но на пути заболѣлъ и умеръ (1791 г.). Для окончанія мирныхъ пореговоровъ былъ посланъ Безбородко, который и заключилъ съ Турціей миръ въ Яссахъ въ 1791 году. По этому миру Турція навсегда отказалась отъ Крыма и кромѣ того уступила Россіи земли между Бугомъ и Днѣстромъ съ городомъ Очаковымъ; такимъ образомъ Россія окончательно утвердилась на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Угрожающее положеніе Англіи и Пруссіи, враждебное отношеніе Польши, шведская война, и также смерть Іосифа II и Потемкина заставили Екатерину, несмотря на громкія побѣды Суворова и успѣшныя дѣйствія черноморскаго флота, отказаться отъ греческаго проекта и удовольствоваться скромными условіями ясскаго мира.

Шведская война (1788—1790 г.). Когда началась 2-я турецкая война и войска наши были на югѣ, шведскій король Густавъ III, подстрекаемый Англіей и Пруссіей, потребовалъ отъ Екатерины возвращенія земель, завоеванныхъ у Швеціи со времень Петра В., угрожая въ противномъ случаѣ идти на Петербургъ. Екатерина, конечно, отвѣчала отказомъ на его требованія, замѣтивъ, „что если бы король овладѣлъ Петербургомъ и Москвой, то она и тогда еще показала бы ему, что̀ можетъ сдѣлать во главѣ храбраго народа рѣшительная женщина“. Тогда Густавъ выслалъ флотъ въ Финскій заливъ, а самъ высадился съ войсками въ Финляндіи. Война со шведами происходила преимущественно на морѣ и безъ особеннаго успѣха съ обѣихъ сторонъ. У Густава III не хватило средствъ для продолженія войны и онъ первый заговорилъ о мирѣ, который и былъ заключенъ въ Верельской долинѣ на берегахъ Кюмени (1790 г.); границы обоихъ государствъ остались прежнія, но Густавъ III обязался не вмѣшиваться въ турецкія дѣла.

Отношенія къ Франціи. Персидская война. Когда во Франціи былъ казненъ Людовикъ XVI (1793 г.) и французская республика начала наступательное движеніе противъ европейскихъ госу-

дарствъ, Екатерина считала необходимымъ, чтобы европейскія державы сообща приняли мѣры для прекращенія французской революціи и возведенія на престолъ Людовика XVIII, брата казненнаго короля. Съ этою цѣлью Екатерина вступила въ переговоры съ Австріей, Пруссіей и Англіей. Въ Россіи были запрещены французскіе книги и журналы и позволено было оставаться въ ней только тѣмъ французамъ, которые давали присягу, что не признаютъ французской республики. Въ 1796 г., по просьбѣ германскаго императора, устрашеннаго побѣдами французскаго генерала Наполеона Бонапарта въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи, Екатерина рѣшила послать ему на помощь 60,000 войска подъ начальствомъ Суворова, но при этомъ потребовала, чтобы Пруссія также выслала войско противъ французовъ и Англія помогала деньгами. Походъ Суворова однако не состоялся, такъ какъ Екатерина скончалась въ ноябрѣ 1796 года.

Въ 1783 г. грузинскій царь Ираклій, тѣснимый персидскимъ шахомъ, отдался подъ покровительство Россіи, которая такимъ образомъ стала утверждать свое владычество и на Кавказѣ; для борьбы съ кавказскими горцами-мусульманами были поселены Потемкинымъ на Кубани бывшіе запорожскіе казаки. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины персидскій шахъ разорилъ Грузію и хотѣлъ подчинить ее своей власти, вслѣдствіе чего произошла война съ персами. Русскія войска, посланныя подъ начальствомъ графа Валеріана Зубова, начали удачныя дѣйствія противъ персовъ, но послѣ смерти Екатерины война прекратилась.

Паденіе Польши и возвращеніе Россіи западнорусскихъ областей.

Внутреннее состояніе Польши. Внутреннее состояніе Польши во второй половинѣ XVIII в. было такъ разстроено, что Польша не могла долѣе оставаться самостоятельнымъ государствомъ. Власть короля, постепенно уменьшавшаяся еще съ конца среднихъ вѣковъ, совсѣмъ ослабѣла послѣ установленія въ Польшѣ избирательнаго престолонаслѣдія (на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.) и перешла къ сейму. Сеймъ, обыкновенно собиравшійся въ Варшавѣ каждые 2 года на двѣ или на три недѣли, избиралъ короля и высшихъ сановниковъ; безъ согласія сейма король не могъ издавать законовъ, объявлять войну и заключать миръ, назначать новыя подати. Членами (послами) сейма могли быть только дворяне и духовные, горожане на немъ не участвовали. Въ каждомъ округѣ мѣстное дво-

рянство собиралось на т.-наз. сеймики, гдѣ рѣшало свои дѣла и выбирало пословъ на общій государственный сеймъ. Первенствующимъ сословіемъ въ Польшѣ было дворянство, которое присвоило себѣ всѣ права и привилегіи и рѣшало всѣ дѣла на сеймахъ. Дворянство (шляхта) состояло изъ немногихъ знатныхъ и богатыхъ фамилій (магнатовъ) и многочисленныхъ обѣднѣвшихъ дворянъ (собственно шляхтичей). При каждомъ магнатѣ обыкновенно состояло много шляхтичей, которые, съ презрѣніемъ относясь ко всякому труду, жили на счетъ магната, составляли его дворъ и на сеймахъ были преданной ему партіей, подавая голоса по его приказанію, такъ что Польша въ сущности была аристократической республикой. Всѣ дѣла на сеймѣ должны были рѣшаться единогласно; но такъ какъ каждый членъ сейма имѣлъ право сказать „не позволяю“ (liberum veto) и этимъ помѣшать общему рѣшенію (сорвать сеймъ), то сеймы часто оканчивались безъ всякихъ результатовъ. Этимъ правомъ пользовались магнаты для своихъ личныхъ цѣлей, а также и сосѣднія иностранныя державы, старавшіяся посредствомъ подкупа какого-либо шляхтича какъ можно чаще срывать сеймы для поддержанія въ Польшѣ ослаблявшихъ ее безпорядковъ. Само же дворянство дорожило правомъ срывать сеймы, называло это право „зеницею шляхетской вольности“ и говорило, что Польша живетъ безпорядкомъ. Иногда бывало, что часть шляхты, недовольная королемъ или какимъ-либо постановленіемъ сейма, составляла „конфедерацію“, чтобы силою оружія добиться исполненія своихъ желаній. Нравы польскаго дворянскаго общества при внѣшнемъ блескѣ европейской цивилизаціи отличались большою грубостью; пьянство, драки, насилія были обыкновеннымъ явленіемъ, причемъ вліятельные магнаты оставались безнаказанными за свои поступки. Считая всякій трудъ унизительнымъ для благороднаго шляхтича, дворянство занималось пирами, охотою, войной и часто въ мирное время магнаты враждовали между собой и съ толпой своихъ придворныхъ разоряли и захватывали другъ у друга помѣстья. Вслѣдствіе избирательнаго престолонаслѣдія послѣ смерти каждаго короля наступало болѣе или менѣе продолжительное междуцарствіе, сопровождавшееся страшными безпорядками; образовывалось нѣсколько враждебныхъ партій, изъ которыхъ каждая старалась возвести на престолъ своего кандидата, причемъ происходили кровавыя столкновенія. Сосѣднія державы также при этомъ вмѣшивались въ дѣла Польши и при помощи подкупа составляли партіи съ цѣлью возведенія на

польскій престолъ какого либо иностраннаго принца. Вообще магнаты, любившіе жить роскошно и потому часто нуждавшіеся въ денежныхъ средствахъ, не стыдились ради пріобрѣтенія денегъ жертвовать интересами Польши и становиться орудіемъ иностранныхъ государей. Городское сословіе въ Польшѣ преимущественно составилось изъ нѣмецкихъ переселенцевъ и евреевъ, которымъ поляки открыли свободный доступъ во всѣ свои города и которые захватили въ свои руки всю торговлю и промыслы; въ городахъ было введено нѣмецкое цеховое устройство. Крестьяне въ Польшѣ были крѣпостными, они жили крайне бѣдно и не имѣли никакихъ правъ, находясь въ полномъ подчиненіи у помѣщиковъ. Особенно тяжело было положеніе православныхъ крестьянъ въ зап. русскихъ областяхъ, въ которыхъ, кромѣ помѣщичьяго гнета, они терпѣли еще всякія преслѣдованія за вѣру.

Диссидентскій вопросъ. Насильственное введеніе уніи и преслѣдованіе православныхъ поляками въ югозападной Руси вызвали, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ казацкихъ возстаній и заставили царя Алексѣя Михайловича начать войну съ Польшей. Несмотря на то, что Польша послѣ этой войны должна была уступить намъ земли на восточномъ берегу Днѣпра и городъ Кіевъ, гоненія на православныхъ и всевозможныя притѣсненія русской народности въ югозападной Руси не только не прекратились, но въ XVIII в. еще болѣе усилились. Православныхъ священниковъ насильно заставляли принимать унію, а въ случаѣ упорства заключали въ тюрьму и страшно мучили; православныя церкви закрывали или силою передавали уніатскимъ священникамъ. Іезуиты всячески издѣвались надъ православными и насильно заставляли ихъ принимать участіе въ католическихъ церемоніяхъ и вносить деньги въ пользу католическаго духовенства. Православнымъ запрещали строить новыя церкви и поправлять старыя, не дозволяли занимать общественныя должности и быть послами на сеймахъ, намѣренно держали православный народъ въ невѣжествѣ, не позволяя заводить школъ. Одновременно съ преслѣдованіемъ православныхъ поляки стали стремиться и къ постепенному сліянію уніатской церкви съ католической, вводя католическіе обряды въ уніатскія церкви и умышленно унижая уніатское духовенство передъ католическимъ. На такія притѣсненія православное населеніе Польши постоянно жаловалось русскому правительству и просило у него заступничества. Вслѣдствіе этихъ жалобъ Петръ Великій неоднократно требовалъ отъ Августа II, короля польскаго, пре-

кращенія религіозныхъ преслѣдованій и дарованія православнымъ равныхъ правъ съ католиками; но эти требованія Петра не достигали цѣли, такъ какъ польскій король былъ слишкомъ слабъ, чтобы силою своей власти прекратить преслѣдованія. Императрицы Анна и Елизавета тоже безуспѣшно ходатайствовали за православныхъ передъ польскимъ правительствомъ. Когда на русскій престолъ вступила Екатерина II, то бѣлорусскій православный епископъ Георгій Конисскій пріѣхалъ въ Россію и принесъ Екатеринѣ жалобу на жестокія преслѣдованія православныхъ въ Польшѣ. Екатерина рѣшилась выступить энергичной защитницей православнаго народа въ Польшѣ. Въ это время умеръ польскій король Августъ III (1763 г.) и въ Польшѣ образовались двѣ партіи: одна хотѣла возвести на престолъ курфюрста саксонскаго, сына Августа III, а другая, съ князьями Чарторыйскими во главѣ, стояла за возведеніе на престолъ одного изъ фамиліи Чарторыйскихъ. Въ случаѣ избранія Августа Саксонскаго большое вліяніе на Польшу могли пріобрѣсти Австрія и Франція, съ которыми Россія была тогда во враждѣ, между тѣмъ какъ вторая партія стояла за союзъ съ Россіей. Екатерина II вмѣстѣ съ Фридрихомъ II, королемъ прусскимъ, рѣшила поддержать партію Чарторыйскихъ: русскія войска были двинуты въ Польшу и на польскій престолъ былъ возведенъ графъ Станиславъ Понятовскій, племянникъ Чарторыйскихъ, лично извѣстный Екатеринѣ. Съ возведеніемъ на престолъ Понятовскаго вліяніе Россіи еще болѣе усилилось, и тогда Екатерина совмѣстно съ Фридрихомъ II энергически потребовала у польскаго правительства уравненія диссидентовъ (т.-е. православныхъ и протестантовъ) въ правахъ съ католиками, но эти требованія Россіи и Пруссіи были отвергнуты сеймомъ. Тогда русскій посолъ въ Варшавѣ князь Репнинъ по приказанію Екатерины составилъ двѣ конфедераціи: православную и протестантскую и на сеймѣ 1767 г. снова потребовалъ правъ для диссидентовъ. Враждебная Россіи католическая партія, во главѣ которой стояли краковскій епископъ Солтыкъ, кіевскій епископъ Залусскій и краковскій воевода Ржевусскій, рѣшительно этому воспротивилась. Тогда Репнинъ, опираясь на русскія войска, находившіяся въ Варшавѣ, арестовалъ этихъ 3 лицъ и отослалъ ихъ въ Россію. Послѣ этого сеймъ согласился прекратить преслѣдованіе православныхъ и сравнялъ диссидентовъ съ католиками во всѣхъ политическихъ правахъ, но постановилъ, что польскимъ королемъ можетъ быть только католикъ и католическое испо-

вѣданіе остается въ Польшѣ господствующимъ. Вслѣдъ затѣмъ Россія заключила договоръ съ Польшей, въ силу котораго Польша принимала покровительство Россіи, а Россія ручалась за сохраненіе существовавшаго въ Польшѣ политическаго устройства (1768 г.).

Первый раздѣлъ Польши. Часть польскаго дворянства, недовольная постановленіемъ сейма 1767 г., составила конфедерацію въ городѣ Барѣ въ Подоліи и призывала поляковъ къ возстанію „за вѣру и свободу", вслѣдствіе чего образовалось еще нѣсколько конфедерацій въ другихъ городахъ. Конфедераты хотѣли отнять у диссидентовъ дарованныя имъ права и низложить съ престола Понятовскаго. Тогда польское правительство просило у Екатерины помощи противъ конфедератовъ, основываясь на договорѣ 1768 г. Репнинъ, по приказанію Екатерины, двинулъ русскія войска, еще находившіяся въ Польшѣ, противъ конфедератовъ, разбилъ ихъ и отнялъ занятые ими города. Конфедераты обратились за помощью къ Австріи и Франціи, жалуясь, что Россія хочетъ завладѣть Польшей. Франція сочувственно отнеслась къ дѣлу конфедераціи, и герцогъ Шуазель, министръ Людовика XV, прислалъ на помощь конфедератамъ нѣсколько французскихъ офицеровъ, среди которыхъ былъ знаменитый впослѣдствіи Дюмурье. Въ своихъ мемуарахъ Дюмурье мрачными красками рисуетъ тогдашнее политическое состояніе Польши, а относительно конфедератовъ замѣчаетъ, что предводители ихъ проводили большую часть времени въ шумныхъ пирахъ, а мелкіе шляхтичи, составлявшіе ихъ войско, ссорились между собою, пьянствовали и, не признавая никакой дисциплины, занимались грабежемъ. Дюмурье пробовалъ привести въ нѣкоторый порядокъ войско конфедератовъ, но вскорѣ увидѣлъ безплодность своихъ усилій и возвратился во Францію. Хотя конфедератскія войска и были плохо устроены, но они все-таки продержались въ Польшѣ около 5 лѣтъ, такъ какъ Россія, занятая въ то же время турецкой войной и кромѣ того принужденная усмирять казацкое возстаніе въ Польшѣ, могла высылать противъ конфедератовъ только малочисленные отряды. Для окончательнаго усмиренія конфедератовъ былъ присланъ Суворовъ, который разбилъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ ихъ отряды и наконецъ взялъ приступомъ послѣдній ихъ городъ Краковъ, чѣмъ и былъ положенъ конецъ Барской конфедераціи.

Поводомъ къ казацкому возстанію въ Заднѣпровской Украйнѣ, принадлежавшей Польшѣ, послужили тѣ жестокости, которыя со-

вершали конфедераты надъ православнымъ населеніемъ Украйны. Произошло народное возстаніе (1768 г.); отряды гайдамаковъ, соединившись съ запорожскими казаками, подъ предводительствомъ запорожца Желѣзняка и казацкаго сотника Гонты, стали разорять замки польскихъ помѣщиковъ, избивая польскую шляхту, ксендзовъ и евреевъ. Особенную жестокость казаки проявили при взятіи города Умани: они убили почти всѣхъ его жителей, не пощадивъ ни женщинъ, ни дѣтей (уманьская рѣзня). Желѣзнякъ былъ превозглашенъ украинскимъ гетманомъ и возстаніе приняло огромные размѣры. Тогда, по приказанію Екатерины, генералъ Кречетниковъ усмирилъ казацкое возстаніе. Въ то время какъ русскія войска усмиряли конфедератовъ и гайдамаковъ, согласно договору 1768 г., само польское правительство не только ничего не дѣлало съ своей стороны для успокоенія Польши, но даже задумало отказаться отъ трактата 1768 г., пользуясь тѣмъ, что Россія была занята турецкой войной. Екатерина старалась привлечь Польшу на свою сторону и соглашалась даже на пересмотръ договора 1768 г., но польское правительство не хотѣло вступать ни въ какія соглашенія въ надеждѣ, что турецкая война заставитъ Екатерину совершенно отказаться отъ вмѣшательства въ дѣла Польши. Между тѣмъ Пруссія и Австрія непріязненно относились къ вмѣшательству Россіи въ дѣла Польши и подъ предлогомъ водворенія порядка заняли (1770 г.) сосѣднія польскія земли: Пруссія—Померанію и часть Великой Польши, Австрія—Галицію, а въ 1773 году, по предложенію Фридриха II, произошелъ первый раздѣлъ Польши. (Двѣ главныя части прусскаго королевства: Бранденбургъ и Прусское герцогство, были отдѣлены другъ отъ друга польскими землями на нижнемъ теченіи Вислы; эти земли были необходимы Фридриху II для „округленія" его государства, вотъ почему онъ и составилъ планъ перваго раздѣла Польши). По этому раздѣлу Россія получила Бѣлоруссію, а на долю Пруссіи и Австріи достались земли, ранѣе ими занятыя.

Второй раздѣлъ Польши. Первый раздѣлъ Польши заставилъ призадуматься лучшую, болѣе просвѣщенную часть польскаго дворянства и пробудилъ въ ней духъ патріотизма. Эта патріотическая партія рѣшила произвести важныя реформы въ государственномъ устройствѣ Польши и такимъ образомъ спасти ее отъ окончательнаго паденія. Обстоятельства, казалось, благопріятствовали замысламъ патріотовъ, такъ какъ Россія въ это время въ союзѣ съ Австріей начала вторую турецкую войну. Екатерина хотѣла

привлечь къ участію въ войнѣ и Польшу, обѣщая ей вознагражденіе на счетъ Турціи въ случаѣ успѣшной войны, но прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II убѣдилъ польское правительство отказаться отъ союза съ Россіей и заключить союзъ съ Пруссіей. Патріотическая партія, къ которой присоединился и король Станиславъ Понятовскій, особенно настаивала на союзѣ съ Пруссіей, такъ какъ надѣялась при поддержкѣ Пруссіи произвести задуманныя реформы. Воспользовавшись тѣмъ, что Россія была занята турецкой и шведской войнами, и полагаясь на союзъ съ Пруссіей, патріоты внесли на обсужденіе сейма, собравшагося въ 1788 г., новую польскую конституцію и рѣшили не расходиться до тѣхъ поръ, пока предложенныя ими реформы въ государственномъ устройствѣ Польши не будутъ окончательно приняты. Несмотря на сильное противодѣйствіе многихъ дворянъ, не желавшихъ никакихъ перемѣнъ, патріоты, руководимые Игнатіемъ Потоцкимъ, Малаховскимъ и Коллонтаемъ, все-таки успѣли провести на сеймѣ новую конституцію (3 мая 1791 г.).

Перемѣны, вводимыя ею, состояли въ слѣдующемъ: избирательное престолонаслѣдіе замѣнялось наслѣдственнымъ, и польскій престолъ послѣ смерти бездѣтнаго Понятовскаго долженъ былъ перейти къ саксонскому курфюрсту и утвердиться за его потомствомъ. Королю и его министрамъ предоставлялась исполнительная власть, сейму—законодательная, но дѣла на сеймѣ должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ и liberum veto отмѣнялось. Верховный судъ также принадлежалъ сейму. Сеймъ былъ объявленъ постояннымъ съ выборомъ пословъ на два года; конфедераціи уничтожались. За шляхтой были оставлены всѣ ея права. Города получили право представительства на сеймѣ, причемъ богатые горожане могли дѣлаться шляхтичами. Помѣщики могли заключать добровольные договоры со своими крестьянами и такіе договоры признавались сеймомъ ненарушимыми. Была объявлена свобода вѣроисповѣданій, но господствующей вѣрой оставалась римско-католическая.

Приверженцы прежняго государственнаго порядка все-таки не хотѣли примириться съ конституціей; они составили тарговицкую конфедерацію съ Феликсомъ Потоцкимъ, великимъ короннымъ гетманомъ Браницкимъ и польнымъ короннымъ гетманомъ Ржевускимъ во главѣ и просили помощи у русской императрицы въ виду того, что конституція была введена безъ соглашенія съ Россіей. Такъ какъ войны турецкая и шведская были уже окончены, то Екатерина послала въ Польшу 100,000 войска на помощь конфедератамъ. Тогда польское правительство обратилось за помощью къ Пруссіи, съ которою было въ союзѣ, но Фридрихъ Вильгельмъ II отказалъ въ помощи, заявивъ, что майская конституція была вве-

дена безъ его вѣдома и согласія. Дѣло въ томъ, что въ виду событій, происходившихъ тогда во Франціи, Пруссія сблизилась съ Австріей, а также искала союза съ Россіей; кромѣ того прусскій король рѣшилъ воспользоваться внутренними замѣшательствами въ Польшѣ, чтобы произвести новый раздѣлъ ея владѣній, и вошелъ въ переговоры объ этомъ съ Екатериной; Австрія соглашалась на новый раздѣлъ Польши между Россіей и Пруссіей, надѣясь при помощи этихъ державъ пріобрѣсти для себя Баварію. Польское войско, высланное противъ русскихъ подъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго и генерала Костюшко, было разбито и русскія войска въ короткое время заняли большую часть Польши. Православное населеніе всюду сочувственно встрѣчало русскихъ и многіе города сдавались почти безъ сопротивленія, а польская шляхта спѣшила присоединяться къ тарговицкой конфедераціи. Тогда польское правительство, обманутое въ надеждахъ на помощь прусскаго короля, стало снова искать союза съ Россіей, причемъ патріоты, раздраженные коварствомъ Пруссіи, мечтали отомстить ей съ помощью русскихъ. Станиславъ Понятовскій по требованію Екатерины присоединился къ тарговицкой конфедераціи, польское правительственное войско было распущено и русскіе заняли Варшаву. Предводители патріотической партіи и Костюшко эмигрировали въ Дрезденъ. Между тѣмъ прусскій король тоже двинулъ свои войска въ Польшу и занялъ города Познань, Торнъ, Данцигъ и такъ называемую Великую Польшу съ городами Калишемъ, Ченстоховымъ и др.

Это занятіе польскихъ областей прусскій король оправдывалъ тѣмъ, „что такъ назыв. патріотическая партія въ Польшѣ, напитанная французскимъ демократическимъ якобинскимъ духомъ, несмотря на свое пораженіе, ведетъ всюду тайныя крамолы, пріобрѣтаетъ приверженцевъ, преимущественно же этимъ ядомъ наполнена Великая Польша, вслѣдствіе чего онъ, король, ведя войну съ Франціей, рѣшился для прикрытія тыла занять польскія области".

Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши, по которому Россія получила Волынскую, Подольскую и Минскую области, а Пруссія удержала за собою занятыя земли.

Въ Гроднѣ былъ созванъ сеймъ, который долженъ былъ формально признать этотъ новый раздѣлъ. Представителемъ Россіи на этотъ сеймъ былъ назначенъ графъ Сиверсъ. Сеймъ согласился на уступку земель Россіи, къ которой отходили области, нѣкогда ей принадлежавшія, но рѣшительно отказался уступить Пруссіи коренныя польскія земли. „Россія въ правѣ быть на насъ въ гнѣвѣ, говорили нѣкоторые депутаты на сеймѣ, мы нарушили договоръ съ нею, мы ее не разъ оскорбляли; но Пруссія сама побудила насъ къ перевороту 3 го мая и заклю-

чила съ нами союзъ, а теперь она объявляетъ, что этотъ переворотъ сдѣланъ якобинцами, и ввела въ наши предѣлы свои войска. Кажется, она теперь могла убѣдиться, что никакого якобинства въ Польшѣ нѣтъ: что же она ихъ не выводитъ? Пруссія сама бы еще должна поплатиться, что безъ всякаго повода нарушила договоръ съ нами". „Москва происходитъ съ нами отъ одного племени, говорили другіе депутаты, и мало разнится по обычаямъ; но съ Пруссіей мы никогда не сойдемся: пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ, нѣмецъ не будетъ поляку братомъ". Прусскій посолъ угрожалъ войной, если сеймъ не согласится на уступку Пруссіи польскихъ земель, но эти угрозы не дѣйствовали. Тогда графъ Сиверсъ вынужденъ былъ оказать дѣятельную поддержку требованіямъ Пруссіи; передъ однимъ засѣданіемъ сейма онъ окружилъ войскомъ сеймовую избу и заявилъ, что депутаты до тѣхъ поръ не будутъ выпущены изъ залы засѣданія, пока не согласятся съ требованіями Пруссіи. Депутаты пришли въ сильное волненіе и не знали, какъ поступить; наконецъ, порѣшили принять договоръ съ Пруссіей полнымъ молчаніемъ,—король и всѣ послы сѣли на свои мѣста и погрузились въ молчаніе; казалось, что все засѣданіе окаменѣло. Наконецъ уже въ 3 часа ночи сеймовый маршалъ 3 раза, согласно обычаю, спросилъ депутатовъ, согласны ли они подписать договоръ съ Пруссіей, но депутаты хранили упорное молчаніе. „Молчаніе—знакъ согласія", сказалъ маршалъ, „договоръ съ Пруссіей принятъ единогласно". Послѣ того депутаты поднялись со своихъ мѣстъ и оставили залу засѣданія со слезами на глазахъ, заявивъ протестъ противъ сдѣланнаго имъ насилія.

По просьбѣ сейма Екатерина согласилась защищать неприкосновенность оставшихся у Польши земель; но на самомъ дѣлѣ Польша сохранила только тѣнь самостоятельности, такъ какъ Станиславъ Понятовскій обязался ни съ кѣмъ не воевать и не заключать договора безъ согласія Россіи. Внутреннее устройство Польши было возстановлено въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось до майской конституціи. Генералъ Игельстромъ, назначенный Екатериною на мѣсто Сиверса, остался въ Варшавѣ съ русскимъ войскомъ.

Третій раздѣлъ и паденіе Польши. Послѣ второго раздѣла образовалось въ Польшѣ тайное патріотическое общество, которое надѣялось еще на возстановленіе польскаго государства въ его прежнихъ предѣлахъ. Въ этомъ обществѣ приняли участіе Игнатій Потоцкій, Коллонтай и Костюшко. Возстаніе началось въ Краковѣ, а затѣмъ возстали Варшава и Вильна. Русское войско, находившееся въ Варшавѣ и застигнутое врасплохъ этимъ возстаніемъ, должно было защищаться въ узкихъ улицахъ противъ возмутившагося народа и польскаго гарнизона; при этомъ погибло болѣе 2,000 русскихъ солдатъ, остальные съ генераломъ Игельстромомъ успѣли спастись изъ Варшавы. Тогда временное правительство пре-

возгласило диктаторомъ и главнокомандующимъ польскихъ войскъ генерала Костюшко и объявило войну Россіи и Пруссіи. Это возстаніе поляковъ не имѣло большого успѣха, такъ какъ польскіе простолюдины, долгое время находившіеся въ угнетеніи, равнодушно относились къ возстанію шляхты. Екатерина послала въ Польшу сильное войско подъ начальствомъ генерала Ферзена, а прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II осадилъ Варшаву. Польскія войска въ разныхъ мѣстахъ потерпѣли нѣсколько пораженій. Пруссаки заняли Краковъ, Литва была занята русскими. Вскорѣ однако прусскій король снялъ осаду Варшавы и вернулся назадъ, такъ какъ получилъ извѣстіе, что возстаніе произошло и въ тѣхъ польскихъ областяхъ, которыя принадлежали Пруссіи. Тогда Екатерина послала въ Польшу Суворова, который долженъ былъ, соединившись съ Ферзеномъ, идти на Варшаву. Костюшко рѣшился предупредить соединеніе Суворова съ Ферзеномъ, пошелъ на встрѣчу Ферзену и сразился съ нимъ при деревнѣ Маціовицахъ, недалеко отъ Варшавы (1794 г.). Поляки были разбиты наголову, Костюшко раненъ и взятъ въ плѣнъ; говорятъ, что, отдаваясь въ плѣнъ, онъ бросилъ свою саблю и сказалъ: „конецъ Польшѣ". Затѣмъ Суворовъ соединился съ Ферзеномъ и послѣ кровопролитнаго штурма взялъ Прагу, предмѣстье Варшавы; Варшава сдалась уже безъ боя. Война кончилась и предводители возстанія спаслись бѣгствомъ заграницу. Станиславъ Понятовскій отказался отъ польскаго престола и остальную жизнь провелъ въ Петербургѣ. Затѣмъ произошелъ 3-й раздѣлъ Польши (1795 г.). Россія получила Литву и герцогство Курляндское, находившееся въ вассальной зависимости отъ Польши, Австрія—Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую области, Пруссія—остальныя земли съ Варшавою. Такимъ образомъ Польша перестала существовать, какъ независимое государство. Курляндскій герцогъ Петръ Биронъ, сынъ извѣстнаго Бирона, отказался за денежное вознагражденіе отъ своихъ правъ на курляндскій престолъ. Въ югозападныхъ русскихъ областяхъ, возвращенныхъ Россіи по тремъ польскимъ раздѣламъ, а также въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи Екатерина ввела русскія общегосударственныя учрежденія.

Взглядъ на царствованіе Екатерины. «Всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ эпохою Екатерины II и прочесть о ней нѣсколько русскихъ и иностранныхъ извѣстій, должна поразить совершенная противоположность между отзывами о Екатеринѣ иностранцевъ и мнѣніемъ, составившимся о ней въ русскомъ народѣ. Мало именъ такихъ популярныхъ въ Россіи и столько дорогихъ

для нея, какъ имя Екатерины II. Еще недавно сошло въ могилу поколѣніе людей, которые по крайней мѣрѣ дѣтьми застали ея время; они говорили о ней не иначе, какъ съ глубокимъ умиленіемъ. Довольно большое число извѣстныхъ намъ мемуаровъ и воспоминаній ея современниковъ, почти безъ исключенія, дышатъ самою горячею къ ней преданностью, какимъ-то поклоненіемъ; ея портреты и бюсты можно видѣть въ каждомъ старинномъ домѣ. Напротивъ того, иностранные отзывы о ней, за весьма малыми исключеніями, крайне неблагосклонны. Они представляютъ ее жестокою, безсердечною, въ высшей степени неразборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; нѣкоторые писатели, и притомъ такіе, которыхъ сочиненія очень распространены, изображаютъ ее какимъ-то чудовищемъ, сплетеніемъ всякаго зла и всякихъ преступленій. Какъ ни странны должны показаться такія противорѣчія, но они могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Иностранцы видятъ Екатерину болѣе въ дѣйствіяхъ ея внѣшней политики, которая, дѣйствительно, часто была безпощадна и неразборчива въ средствахъ; говоря отъ имени раздраженныхъ противъ нея правительствъ и народовъ, эти писатели язвительно отзываются и о ея частной жизни. Русскіе, напротивъ того, болѣе всего ощущали вліяніе ея внутренняго управленія, которое рѣзко отличалось отъ предшествовавшихъ кротостью и было наполнено полезными и либеральными преобразованіями. Наши предки не могли оставаться нечувствительными и къ той славѣ, которою Екатерина окружила Россію: отечество наше было поставлено этою государыней дѣйствительно на степень первенствующихъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ, намъ, потомкамъ Екатерины, знакомымъ съ отзывами о ней и русскихъ и иностранцевъ, она представляется какъ будто двуликимъ богомъ древности: ея ликъ, обращенный къ сосѣднимъ державамъ, строгъ и непривѣтливъ; тотъ, напротивъ, который обращенъ къ Россіи, исполненъ величія и кротости. Моралистъ долженъ, конечно, осудить эту двойственность. Законы нравственности ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ послабленія, и мы должны признаться, что Екатерина далеко не безупречна во многихъ отношеніяхъ, но упрекамъ, которые должны быть ей сдѣланы съ этой стороны, нельзя не противопоставить 34 года величія и благоденствія, которыми Россія при ней пользовалась и которые народный голосъ назвалъ «Екатерининскимъ вѣкомъ». Намъ русскимъ невозможно забыть, что если политика Екатерины и подлежитъ упреку съ точки зрѣнія высшей нравственности, то эта политика имѣла цѣлью и послѣдствіемъ величіе и выгоды Россіи. Въ нашей душѣ могутъ и должны создаваться идеалы такихъ политическихъ дѣятелей, которые разливали бы добро на всѣ націи и на всѣ страны безъ исключенія; но дѣйствительность не представляетъ такихъ людей и при томъ интересы различныхъ народовъ нерѣдко такъ противоположны между собою, что благо одного есть зло для другого. Что долженъ въ такомъ случаѣ дѣлать человѣкъ, призванный быть блюстителемъ славы и благоденствія одного какого-нибудь народа? Очевидно, заботиться о его судьбѣ болѣе, нежели о судьбѣ прочихъ, которые въ свою очередь имѣютъ правительства для соблюденія ихъ славы и ихъ интересовъ». (Щебальскій).

Павелъ I (1796—1801 г.).

6 ноября 1796 г. послѣ смерти Екатерины II на престолъ вступилъ императоръ Павелъ, сынъ Петра III и Екатерины II. Павелъ воспитывался подъ руководствомъ графа Никиты Ивановича Панина. О дѣтскихъ годахъ и его воспитаніи мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ запискахъ Порошина, бывшаго воспитателемъ Павла около 2 лѣтъ и преподававшаго ему военныя науки, русскую исторію и географію Россіи. Порошинъ описывалъ день за днемъ, что̀ дѣлалось въ комнатѣ цесаревича; его записки чрезвычайно важны и для исторіи нравовъ того времени, и для объясненія характера императора Павла. Изъ этихъ записокъ видно, что Екатерина старалась окружить наслѣдника престола самыми умными и образованными людьми. Почти ежедневно в. князя посѣщали Панинъ, Бецкій, Румянцевъ, Разумовскій, Бибиковъ, Елагинъ, Сумароковъ, законоучитель Платонъ и другіе извѣстные дѣятели того времени. Въ присутствіи великаго князя они завязывали между собою живую бесѣду о философіи, политикѣ, исторіи, литературѣ, общественной жизни и разныхъ ремеслахъ; Павелъ Петровичъ очень интересовался этими разговорами, высказывалъ свои мнѣнія и задавалъ разные вопросы. Павелъ получилъ также основательное религіозное образованіе. По свидѣтельству Порошина, Павелъ въ дѣтствѣ отличался живымъ воображеніемъ, любознательностью, воспріимчивостью, бойкостью ума, былъ великодушенъ, не любилъ лести и выказывалъ благодарность къ людямъ, которые о немъ заботились; но въ то же время въ немъ уже сказывались неустойчивость характера, вспыльчивость и вообще преобладаніе чувства надъ разсудкомъ. Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, Павелъ Петровичъ съ супругою своею Маріею Ѳеодоровною (урожденною принцессою виртембергскою) жилъ большею частію въ Гатчинѣ, и хотя при жизни Екатерины II онъ не принималъ никакого участія въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, но тѣмъ не менѣе внимательно слѣдилъ за ихъ ходомъ, составлялъ проекты различныхъ преобразованій и по восшествіи на престолъ немедленно сталъ приводить ихъ въ исполненіе.

Внутреннія распоряженія. Изъ внутреннихъ распоряженій Павла самымъ важнымъ было „учрежденіе объ императорской фамиліи“ (5 апрѣля 1797 г.), т.-е. опредѣленіе порядка престолонаслѣдія и отношеній между членами императорской фамиліи. По

указу Петра Великаго царствующій государь назначалъ наслѣдника престола по своему выбору; но такъ какъ этотъ указъ былъ причиною тѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, которыми ознаменовано въ нашей исторіи время со смерти Петра В. до вступленія на престолъ Екатерины II, то императоръ Павелъ установилъ опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго государю долженъ наслѣдовать на престолѣ его старшій сынъ.—Привилегіи, данныя дворянству Екатериной II, были уменьшены; дворяне и городскіе гильдейскіе обыватели за уголовныя преступленія стали вновь подвергаться тѣлесному наказанію наравнѣ съ крестьянами; помѣщикамъ было запрещено заставлять крестьянъ работать въ праздничные дни и барщина была ограничена тремя днями въ недѣлю, а остальные три дня крестьяне могли работать для себя; въ Малороссіи было запрещено продавать крестьянъ безъ земли; такимъ образомъ Павелъ положилъ начало ограниченію помѣщичьей власти. Государственные и удѣльные крестьяне (доходы съ послѣднихъ шли на содержаніе членовъ царской фамиліи) были раздѣлены на волости (не болѣе 3,000 душъ въ каждой) и въ каждой волости было учреждено волостное правленіе, состоявшее изъ выборныхъ—волостного головы, старосты и писаря, которые собирали подати, распоряжались хозяйственными дѣлами и судили маловажные проступки. Относительно духовенства Павелъ высказалъ желаніе, „чтобы болѣе священство имѣло образъ и состояніе, важности сана своего соотвѣтственные", и сообразно съ этимъ были приняты мѣры къ улучшенію положенія бѣлаго духовенства; духовенство при Павлѣ стало получать знаки отличія за службу. Старообрядцамъ раскольникамъ, которые не чуждались православной церкви и священниковъ, но только слѣдовали старопечатнымъ книгамъ и стариннымъ обрядамъ, было позволено, по ходатайству московскаго митрополита Платона, во всѣхъ епархіяхъ имѣть свои церкви и священниковъ, рукоположенныхъ православными архіереями; такіе раскольники стали называться „единовѣрцами".—Павелъ также позаботился о поправленіи русскихъ финансовъ, которые въ концѣ царствованія Екатерины находились въ бѣдственномъ состояніи; во время 2-й турецкой войны былъ 3 года подъ рядъ неурожай въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ, вслѣдствіе чего пришлось закупать въ Польшѣ хлѣбъ для русской арміи и такимъ образомъ много звонкой монеты ушло за границу; пришлось увеличить количество выпущенныхъ ассигнацій и даже сдѣлать первый внѣшній заемъ въ 44 милліона рублей, а вслѣдствіе этого

цѣнность ассигнацій сильно понизилась. Для поправленія курса Павелъ по вступленіи на престолъ велѣлъ сжечь въ своемъ присутствіи на 6 милліоновъ рублей ассигнацій и прекратить выпускъ новыхъ ассигнацій.—Вслѣдствіе событій, происходившихъ во Франціи, и революціонныхъ идей, распространившихся оттуда по З. Европѣ, Павелъ запретилъ отправлять на Западъ молодыхъ людей для образованія и всѣмъ вообще русскимъ подданнымъ запретилъ выѣздъ за границу. Частныя типографіи были закрыты и установлена строгая цензура книгъ. Ввозъ книгъ, изданныхъ за границей, былъ совершенно запрещенъ. Относительно просвѣщенія были сдѣланы слѣдующія распоряженія: дворянству прибалтійскаго края было позволено учредить свой университетъ въ Дерптѣ (1799 г.) взамѣнъ запрещенія посылать сыновей для науки за границу. (Въ Прибалтійскомъ краѣ и въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, Павелъ возстановилъ ихъ прежнее устройство). Въ Петербургѣ и Казани были учреждены духовныя академіи. Въ Петербургѣ же основаны военно-сиротскій корпусъ (впослѣдствіи Павловскій) и женскіе институты Екатерининскій и Маріинскій; новые институты вмѣстѣ со смольнымъ приняла въ свое непосредственное вѣдѣніе императрица Марія Өеодоровна.—Павелъ очень любилъ военное дѣло; еще будучи наслѣдникомъ престола и живя въ Гатчинѣ, онъ постоянно занимался воинскимъ ученьемъ съ небольшимъ отрядомъ войска, находившагося подъ его начальствомъ; подобно своему отцу, онъ былъ сторонникомъ прусскаго воинскаго строя. Сдѣлавшись государемъ, Павелъ сталъ вводить разныя преобразованія въ войскѣ, завелъ строгую дисциплину, новую обмундировку, заимствованную изъ Пруссіи, и лично присутствовалъ каждый день на вахтпарадѣ передъ дворцомъ.

Война съ Франціей. Вступивъ на престолъ, Павелъ хотѣлъ заняться исключительно внутренними дѣлами и потому прекратилъ персидскую войну и отказался отъ войны съ Франціей.

Иностраннымъ державамъ было объявлено, что „Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ превужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакоже, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь не менѣе затѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными

мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія".

Однако Павелъ вскорѣ принужденъ былъ принять участіе въ войнѣ съ французской республикой въ виду сдѣланныхъ ею завоеваній. Въ это время французы отняли у Австріи Бельгію и Ломбардію и образовали изъ послѣдней Цизальпинскую республику; изгнавъ изъ Голландіи Оранскій штатгальтерскій домъ, они обратили ее въ Батавскую республику; заняли Римъ и, отославъ папу Пія VI во Францію, превозгласили Римскую республику; изъ Швейцаріи была образована Гельветическая республика. Кромѣ того были и непосредственныя причины ко взаимному неудовольствію между Россіей и Франціей. Многіе поляки, удалившіеся во Францію послѣ 3-го раздѣла Польши, замышляли возстановить Польшу при содѣйствіи французской директоріи. Французскій генералъ Наполеонъ Бонапартъ захватилъ островъ Мальту, приналлежавшій мальтійскимъ рыцарямъ, несмотря на то, что незадолго передъ тѣмъ Павелъ по просьбѣ рыцарей, приславшихъ въ Петербургъ депутацію, взялъ орденъ подъ свою защиту и принялъ титулъ великаго магистра ордена.

Духовно-рыцарскій орденъ Іоаннитовъ образовался въ Іерусалимѣ во время крестовыхъ походовъ для защиты пилигримовъ и для борьбы съ турками. По окончаніи крестовыхъ походовъ іоанниты удалились на островъ Кипръ, а затѣмъ на островъ Родосъ; вытѣсненные отсюда турками, іоанниты утвердились на островѣ Мальтѣ, который имъ былъ подаренъ германскимъ императоромъ Карломъ V, и съ тѣхъ поръ стали называться мальтійскими рыцарями. Въ XVIII в. многіе знатные и богатые дворяне католики З. Европы записывались въ мальтійскіе рыцари, такъ какъ принадлежать къ этому ордену считалось особымъ почетомъ.

Французская директорія въ свою очередь была недовольна тѣмъ, что императоръ Павелъ далъ убѣжище въ Митавѣ Людовику XVIII и назначилъ ему ежегодное денежное вспомоществованіе, а также позволилъ размѣститься на Волыни и въ Подоліи 7,000 французскихъ эмигрантовъ, составлявшихъ корпусъ войска подъ начальствомъ принца Конде. Въ 1799 году Павелъ заключилъ союзъ съ Австріей, Англіей и Турціей и неаполитанскимъ королемъ (удалившимся послѣ потери Неаполя въ Сицилію), чтобы „дѣйствительнѣйшими мѣрами положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенія правилъ анархическихъ, а также принудить Францію войти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе". Соединенный русско-турецкій флотъ отправился къ Іоническимъ островамъ,

чтобы изгнать оттуда французовъ, а сухопутная русская армія въ соединеніи съ австрійцами должна была дѣйствовать противъ французовъ въ Италіи, причемъ по просьбѣ австрійскаго императора главнокомандующимъ союзныхъ войскъ Павелъ назначилъ знаменитаго Суворова. По вступленіи Павла на престолъ, 70-лѣтній Суворовъ, привыкшій къ самостоятельнымъ распоряженіямъ въ своихъ войскахъ, подвергся опалѣ за медленность въ исполненіи указовъ относительно преобразованій въ войскѣ и за рѣзкіе отзывы объ этихъ нововведеніяхъ. Суворову дана была отставка съ приказаніемъ жить въ его новгородской деревнѣ. Живя въ деревнѣ, Суворовъ велъ по прежнему оригинальную жизнь: игралъ съ деревенскими мальчиками, звонилъ въ праздничные дни на церковной колокольнѣ и пѣлъ на клиросѣ, но въ то же время внимательно слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій и, читая о громкихъ военныхъ подвигахъ Наполеона, страстно желалъ встрѣтиться съ нимъ на полѣ битвы; „далеко шагаетъ молодой человѣкъ, пора бы унять его“, говорилъ Суворовъ. Вызванный собственноручнымъ письмомъ императора Павла, Суворовъ немедленно прибылъ въ Петербургъ. Павелъ принялъ его въ высшей степени милостиво и назначилъ его главнокомандующимъ союзной арміи („иди спасать царей“, сказалъ ему Павелъ). Прибывъ въ Вѣну, гдѣ австрійскій императоръ далъ ему титулъ фельдмаршала австрійскихъ войскъ, Суворовъ съ неудовольствіемъ узналъ, что въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ онъ долженъ будетъ подчиняться приказаніямъ придворнаго военнаго совѣта въ Вѣнѣ, предсѣдателемъ котораго былъ баронъ Тугутъ, совершенно неопытный въ военномъ дѣлѣ. Затѣмъ Суворовъ принялъ въ Италіи начальство надъ войскомъ и въ короткое время одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ французами (на берегахъ Адды и Требіи и при городкѣ Нови), которыми командовали лучшіе генералы французской республики—Моро, Макдональдъ, Жуберъ (Наполеонъ былъ въ это время въ Египтѣ). Слѣдствіемъ этихъ побѣдъ было очищеніе французами всей сѣверной Италіи и уничтоженіе Цизальпинской республики. За побѣды въ Италіи императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство съ прозваніемъ „Италійскаго“ и въ лестныхъ рескриптахъ говорилъ, что „изъявляетъ признательность къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, которыми прославляется его царствованіе“. Что касается австрійцевъ, то они завидовали побѣдамъ Суворова, приписывали ихъ только слѣпому счастію и порицали всѣ его дѣйствія, находя ихъ противными

правиламъ военнаго искусства; а придворный совѣтъ своими предписаніями изъ Вѣны сильно стѣснялъ распоряженія Суворова. Этимъ совѣтомъ былъ составленъ новый планъ войны, по которому австрійскія войска должны были остаться въ Италіи, а Суворову было предписано идти въ Швейцарію, соединиться тамъ съ корпусомъ русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, и дѣйствовать противъ французовъ, находившихся въ Швейцаріи подъ начальствомъ генерала Массены; австрійскія войска, бывшія въ Швейцаріи, должны были уйти оттуда только послѣ прибытія Суворова. Пероходъ Суворова изъ Италіи въ Швейцарію черезъ Альпійскія горы не имѣетъ себѣ подобныхъ въ исторіи: здѣсь во всемъ блескѣ выказался геній Суворова, какъ величайшаго полководца.

„Австрійскій эрцъ-герцогъ Карлъ, не дожидаясь Суворова, поспѣшилъ вывести свои войска изъ Швейцаріи, хотя Римскій-Корсаковъ съ 24,000 войска, даже и при содѣйствіи 20,000 австрійцевъ, еще остававшихся въ Швейцаріи, не могъ держаться противъ 70,000 французовъ; эрцъ-герцогъ хотѣлъ и эти 20,000 вывести изъ Швейцаріи, какъ только вступитъ туда Суворовъ, а Суворовъ могъ привести съ собою только 20.000 русскихъ. Въ концѣ августа Суворовъ приближался къ Швейцаріи быстрыми переходами. Не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о силахъ непріятельскихъ, ни о мѣстности новаго театра войны, положившись во всемъ на бывшихъ при немъ австрійскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, знакомыхъ съ мѣстностью, Суворовъ выбралъ путь черезъ С. Готардъ. Въ ненастную погоду (10—13 сентября), при сильномъ сопротивленіи непріятеля, русскіе взобрались на С. Готардъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Но взобравшись на гору, надобно было спускаться съ нея; при помощи густого тумана, русскіе скатились на французовъ и обратили ихъ въ бѣгство; но переходъ черезъ Готардъ стоилъ Суворову 2,000 человѣкъ. Препятствія и опасности только начинались: надобно было пройти сквозь узкое и низкое отверстіе, пробитое въ утесахъ, загораживающихъ дорогу на правомъ берегу рѣки Рейсы, надобно было перейти знаменитый Чортовъ мостъ, арку, перекинутую съ утеса на утесъ на высотѣ 75 футовъ надъ бездною, и каждый шагъ при этомъ должно было покупать кровью. Преодолѣвая на каждомъ шагу страшныя преграды природныя, встрѣчая вездѣ упорное сопротивленіе отъ непріятеля, Суворовъ достигъ Альторфа, но куда идти далѣе? Дорога, по которой шли до сихъ поръ русскіе, прекращалась у Люцернскаго озера; впереди тропинка, въ позднее время года доступная только для смѣлыхъ охотниковъ, привыкшихъ съ малолѣтства карабкаться по громаднымъ утесамъ и пустыннымъ ледникамъ. Но Суворовъ, во что бы то ни стало, хочетъ идти къ Швицу, гдѣ условился соединиться съ Корсаковымъ, и для этого избираетъ самую трудную тропинку къ Муттенской долинѣ; погруженные въ сырую мглу, солдаты лѣзутъ ощупью, не видя ничего ни снизу, ни сверху; обувь у нихъ

избилась, сваливается съ ногъ, сухарные мѣшки совсѣмъ опустѣли, такъ что нечѣмъ подкрѣпить истощенныя силы. Наконецъ Суворовъ достигаетъ Муттенской долины, хочетъ идти далѣе къ Швицу, но тутъ получаетъ страшныя вѣсти: Корсаковъ потерпѣлъ совершенное пораженіе при Цюрихѣ и съ огромною потерею отступилъ къ Шафгаузену, а побѣдитель его Массена собираетъ армію къ Швицу, чтобы запереть русскимъ выходъ изъ Муттенской долины. Массена былъ твердо увѣренъ, что Суворовъ со своимъ 18,000 отрядомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, превосходнымъ несравненно въ силахъ, принужденъ будетъ положить оружіе; выѣзжая изъ Цюриха, французскій главнокомандующій обѣщалъ плѣннымъ русскимъ офицерамъ привести къ нимъ черезъ нѣсколько дней Суворова и в. князя Константина Павловича, находившагося при войскѣ. Суворовъ хорошо понималъ весь ужасъ своего положенія; на военномъ совѣтѣ, собранномъ 18 сентября, онъ объявилъ, что со временъ Прута русскія войска никогда не были въ такомъ безвыходномъ положеніи: „мы среди горъ, говорилъ онъ, окружены непріятелемъ, превосходнымъ въ силахъ,—что предпринять намъ? Идти назадъ постыдно—никогда еще не отступалъ я; идти впередъ къ Швицу—невозможно; у Массены болѣе 60,000, а у насъ нѣтъ и 20,000; къ тому же мы безъ провіанта, безъ артиллеріи. Помощи ждать не отъ кого... Мы на краю гибели! Одна надежда на всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ! Мы русскіе! Съ нами Богъ! Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына нашего императора!“ Съ этими словами старикъ бросился къ ногамъ вел. князя и облился слезами. Изъ толпы генераловъ первый послышался голосъ Дерфельдена, который ручался за храбрость и самоотверженіе войска, готоваго безропотно идти всюду, куда поведетъ великій полководецъ. На совѣтѣ принято мнѣніе в. князя идти къ Гларису, и если непріятель преградитъ дорогу, пробиться силою. Рѣшеніе было исполнено. Французы, имѣя двойной перевѣсъ въ силахъ, вмѣсто того, чтобы совершенно истребить и забрать всю армію Суворова, какъ надѣялись, сами потерпѣли совершенное пораженіе отъ корпуса генерала Розенберга въ Муттенской долинѣ, въ то время какъ Суворовъ пробивалъ себѣ дорогу черезъ долину Кленталь къ Гларису. 23 сентября у Глариса собралось все, что оставалось отъ арміи Суворова: изнуренныя безпримѣрнымъ походомъ, продолжительнымъ голодомъ, ежедневнымъ боемъ, оборванныя, босыя войска были безъ патроновъ, почти безъ артиллеріи; большая часть обоза погибла, не было на чемъ везти раненыхъ. 26 сентября русскіе вышли изъ горъ и страшный походъ швейцарскій кончился. Выведши войско изъ Швейцаріи, Суворовъ расположилъ его въ Баваріи“. (Соловьевъ). За этотъ героическій подвигъ, который былъ послѣдній въ жизни Суворова, Павелъ наградилъ его званіемъ генералиссимуса и въ рескриптѣ между прочимъ писалъ ему: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, вамъ недоставало одного рода славы—преодолѣть и самую природу, но теперь вы и надъ нею одержали верхъ“. Итальянская кампанія принесла съ собой Суворову на закатѣ его лѣтъ невиданныя до того почести. Имѣя всѣ русскіе ордена, онъ былъ награжденъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя; войска по повелѣнію Павла отдавали ему царскія

почести; въ церквахъ на молебствіяхъ за побѣды велѣно было возглашать „россійской арміи побѣдоносцу“. Карлъ Эмануилъ даровалъ ему высшія итальянскія награды, сдѣлавъ его великимъ маршаломъ піемонтскихъ войскъ и грандомъ королевства, съ потомственнымъ титуломъ принца и кузена короля. Городъ Туринъ поднесъ герою золотую шпагу, осыпанную бриллiантами; не только въ Россіи и въ Италіи, но и въ Англіи онъ былъ первою знаменитостью эпохи, любимымъ героемъ.

Императоръ Павелъ былъ очень недоволенъ двуличнымъ и коварнымъ поведенімъ австрійскаго военнаго совѣта по отношенію къ русскимъ войскамъ, а потому прекратилъ союзъ съ Австріей и велѣлъ Суворову съ русскимъ войскомъ возвратиться обратно въ Россію (въ началѣ 1800 г.). По возвращеніи изъ похода Суворовъ умеръ. Союзъ съ Англіей также былъ прекращенъ вслѣдствіе ея вѣроломной политики относительно Россіи, и Павелъ даже отозвалъ своихъ пословъ изъ Вѣны и Лондона. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ сблизился съ Пруссіей и при ея посредничествѣ завелъ сношенія съ первымъ консуломъ французской республики Наполеономъ, который всячески добивался расположенія императора Павла. Заключивъ миръ съ Франціей, Павелъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Англіей; донскимъ казакамъ уже было приказано идти черезъ Хиву и Бухару въ Остъ-Индію, но среди приготовленій къ этой войнѣ Павелъ скончался 11 марта 1801 года. Императору Павлу наслѣдовалъ на престолѣ его старшій сынъ Александръ.

Императрица Марія Θеодоровна — супруга Императора Павла. „Въ ряду знаменитыхъ женщинъ, появлявшихся во всемірной исторіи, очень немного найдется такихъ, которыя, какъ Марія Θеодоровна, запечатлѣли свое имя въ памяти потомства столь свѣтлой, благотворной и широкой человѣколюбивой дѣятельностью. Марія Θеодоровна посвящала себя филантропіи по дѣйствительной, внутренней, горячей потребности творить добро людямъ, какъ можно больше добра, въ особенности же тѣмъ, кто нуждался въ помощи и милосердіи. Въ одну изъ торжественныхъ минутъ она сама замѣтила въ назиданіе своимъ подчиненнымъ, что благотворительность вообще тогда только можетъ приносить истинную пользу, когда проистекаетъ изъ сердца, исполненнаго любви. Она была чужда всякаго властолюбія. Высокое положеніе, власть и возможность распоряжаться большими средствами служили ей только для развитія своей благотворительной миссіи, для возможно бо́льшаго распространенія дѣйствія основанныхъ ею человѣколюбивыхъ учрежденій. Въ ней была истинно гуманная способность сердцемъ угадывать положеніе каждаго, чѣмъ-нибудь несчастливаго и неудовлетвореннаго лица, и какъ бы само по себѣ лицо это ни было незначительно и ничтожно, какъ бы ни были малы и мелочны съ высшей точки зрѣнія его нужды, лишенія и страданія, Марія Θеодоровна съ неизмѣнно теплымъ участіемъ просто и искренно входила въ непосредственныя сношенія съ подобными лицами, дѣлая

все, чтобы доставить имъ утѣшеніе. Вѣнцомъ благотворительности Маріи Ѳеодоровны и главнымъ поприщемъ всей ея дѣятельности была ея учебно-воспитательная система, до сихъ поръ существующая въ своихъ главныхъ основахъ подъ именемъ „учрежденій Императрицы Маріи". Сюда входили пріюты и дома призрѣнія для дѣтей и учебно-воспитательныя заведенія, преимущественно женскія. Предметомъ главнѣйшей, самой неусыпной заботливости императрицы былъ воспитательный домъ, доведенный ею до огромныхъ размѣровъ и ея щедростью поставленный въ возможность не оскудѣвая тратить сотни тысячъ рублей на призрѣніе и воспитаніе тысячъ брошенныхъ дѣтей. Все, что только касалось ихъ, было ею преобразовано и доведено до возможной степени совершенства. Самый пріемъ младенцевъ былъ обставленъ такимъ образомъ, чтобы они не терпѣли ни холода, ни голода, ни малѣйшаго неудобства. Стараніемъ Маріи Ѳеодоровны во всѣхъ частяхъ города были устроены пріемные для нихъ ясли, куда они приносились матерями. Въ то же время были приняты всѣ мѣры для обезпеченія здороваго питанія грудныхъ младенцевъ кормилицами, для раціональнаго ухода за ними, съ соблюденіемъ гигіеническихъ требованій, а также для организаціи контроля за состояніемъ питомцевъ, отдаваемыхъ на выкормленіе въ деревни крестьянкамъ. Марія Ѳеодоровна, не ограничиваясь строгимъ выборомъ инспекторовъ, объѣзжавшихъ деревни, гдѣ имѣлись питомцы воспитательнаго дома, сама лично просила крестьянокъ-воспитательницъ поберечь ея дѣтокъ и поощряла ихъ денежными наградами и подарками.

Внимательная и благосклонная ко всѣмъ воспитанникамъ и воспитанницамъ своихъ учебныхъ заведеній, Марія Ѳеодоровна относилась съ особенной нѣжностью и заботливостью къ больнымъ дѣтямъ. Она посѣщала ихъ, привозила имъ цвѣты, лакомства, игрушки, картинки и все, что могло ихъ развлечь. Видъ всякаго страданія и немощи возбуждалъ въ ней съ особенной силой чувство любви и потребность благотворить. Благодаря этой впечатлительной отзывчивости императрицы положено было основаніе одного изъ прекраснѣйшихъ ея человѣколюбивыхъ учрежденій—училища глухонѣмыхъ. Попечительная заботливость Маріи Ѳеодоровны распространялась на всѣхъ, ее окружавшихъ и покровительствуемыхъ ею, выражаясь въ разнообразныхъ, всегда чрезвычайно гуманныхъ, деликатныхъ и матерински сердечныхъ формахъ. Она, напр., очень часто посѣщала покровительствуемыя ею больницы, лично обходила палаты, участливо осматривая и разспрашивая больныхъ, входя въ малѣйшія ихъ нужды и являясь для нихъ, по выраженію одного біографа, ангеломъ-утѣшителемъ. Мало того, она присутствовала нерѣдко при трудныхъ, невыносимыхъ для многихъ, операціяхъ, ради того, чтобы облегчить страданія подвергавшихся имъ и утѣшить ихъ. Нѣкоторые больные соглашались на операціи только подъ условіемъ, чтобы императрица при этомъ присутствовала, и она охотно исполняла ихъ желаніе. Большую заботливость обнаруживала также Марія Ѳеодоровна относительно воспитанія и обученія своихъ дѣтокъ. Она руководила общимъ ходомъ ученія, лично провѣряла его результаты, просматривая и оцѣнивая упражненія и работы воспитанниковъ и воспитанницъ, отличала ихъ успѣхи, сама выбирала учебники и

руководства, наконецъ указывала выборъ спеціальностей для того или другого изъ своихъ питомцевъ, а когда они оканчивали ученіе, открывала имъ дорогу къ полезной себѣ и обществу службѣ. Снисходительная, кроткая и милостивая къ другимъ, Марія Ѳеодоровна была очень строга къ самой себѣ и вела жизнь трудовую, безъ упущеній, методически-точную и правильную. Покойная одежда, покойная мебель и какія-нибудь прихоти въ обстановкѣ и порядкѣ жизни были ей чужды. Занятія, главнымъ образомъ, по управленію учебно-благотворительными учрежденіями наполняли весь ея день. Утромъ она ежедневно принимала доклады и дѣлала распоряженія; потомъ почти каждодневно посѣщала то или другое изъ покровительствуемыхъ ею заведеній, а когда въ послѣднихъ происходили экзамены, императрица методически присутствовала на каждомъ изъ нихъ. Даже во время отдыха по вечерамъ во дворцѣ она являлась съ какою-нибудь ручною работою, замѣнявшеюся обыкновенно во время войнъ, столь частыхъ тогда, приготовленіемъ корпій для раненыхъ. Въ обхожденіи со всѣми окружающими она была всегда ровною, внимательною и милостивою. Гнѣвъ и раздраженіе были ей недоступны, и не было человѣка, который бы имѣлъ когда-нибудь причину сѣтовать на нее и жаловаться. „Пріятно было всегда свиданіе съ нею, говоритъ одна ея приближенная, потому что благосклонность всегда сіяла на ея лицѣ“... Однимъ словомъ, кроткая душа Маріи Ѳеодоровны, какъ было сказано въ манифестѣ по случаю ея кончины въ 1828 году, была вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и добродѣтелей“. (Заимствовано изъ очерковъ „Русская женщина XVIII столѣтія“, напечатанныхъ въ журналѣ „Женское Образованіе“).

Александръ I Благословенный (1801—1825 г.).

Воспитаніе Александра и вступленіе его на престолъ. Александръ родился 12 декабря 1777 г. и былъ любимымъ внукомъ Екатерины II. Она взяла его на свое попеченіе, неусыпно заботилась о немъ и среди своихъ многообразныхъ и важныхъ занятій находила время лично слѣдить за его воспитаніемъ. Когда Александру исполнилось 7 лѣтъ, Екатерина поручила надзоръ за нимъ и его братомъ Константиномъ графу Салтыкову и сама составила планъ ихъ воспитанія, написанный ею подъ вліяніемъ сочиненій французскихъ писателей XVIII в.; для своихъ внуковъ она написала также азбуку, нѣсколько книгъ для первоначальнаго чтенія и поучительныя сказки. Учебными занятіями великихъ князей руководилъ Лагарпъ, родомъ швейцарецъ, человѣкъ благородный и образованный. Лагарпъ, какъ иностранецъ, лично не могъ содѣйствовать тому „спознанію Россіи во всѣхъ ея частяхъ“, которое Екатерина находила особенно важнымъ для своихъ внуковъ („спознаніе Россіи во всѣхъ ея частяхъ главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно“, говорила она въ своемъ наставленіи Сал-

тыкову); но зато Лагарпъ, воспитанный въ идеяхъ французской литературы XVIII в., былъ благороднымъ энтузіастомъ и имѣлъ огромное вліяніе на Александра. Александръ питалъ нѣжную привязанность къ Лагарпу и еще въ дѣтствѣ предпочиталъ поучительныя бесѣды съ нимъ играмъ и забавамъ. Къ сожалѣнію, учебныя занятія Лагарпа съ Александромъ окончились раньше, чѣмъ бы слѣдовало: по желанію Екатерины, Александръ, когда ему минуло 15 лѣтъ, женился на принцессѣ баденской, нареченной при миропомазаніи Елизаветой Алексѣевной, а вслѣдъ затѣмъ Лагарпъ, по интригамъ своихъ недоброжелателей, долженъ былъ уѣхать изъ Россіи, не окончивъ ученія Александра. Александръ однако не забылъ своего наставника и по отъѣздѣ Лагарпа изъ Россіи велъ съ нимъ постоянную переписку, которая продолжалась и послѣ вступленія Александра на престолъ. Изъ этой переписки видно, какъ сильно Александръ любилъ Лагарпа и какъ былъ признателенъ своему наставнику; „Лагарпу, не разъ говаривалъ впослѣдствіи Александръ, я обязанъ всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго, и всѣми моими познаніями“. Александръ при красивой наружности, величественной и благородной осанкѣ, отличался необычайной добротой, привѣтливостью въ обхожденіи, искренней готовностью содѣйствовать благополучію каждаго; на всѣхъ окружающихъ онъ производилъ чарующее впечатлѣніе. Вступленіе его на престолъ было съ восторгомъ встрѣчено по всей Россіи: „всѣ, говоритъ одинъ современникъ, чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ всѣми были приняты слѣдующія слова въ манифестѣ Александра о вступленіи его на престолъ: „Мы, говорилъ Александръ, воспріемля наслѣдственно императорскій Всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ“.

Внутренняя дѣятельность Александра по вступленіи на престолъ. Вступивъ на престолъ, Александръ возстановилъ порядки, бывшіе при Екатеринѣ; такъ онъ возстановилъ дворянскую грамату и городовое положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ они были даны Екатериною; отмѣнилъ тѣлесное наказаніе для дворянъ и гиль-

дейскихъ гражданъ, снова позволилъ русскимъ ѣздить за границу, ввозить въ Россію иностранныя книги и открывать частныя типографіи, издалъ новый цензурный уставъ. Начало своего царствованія онъ ознаменовалъ амнистіей въ небывалыхъ еще размѣрахъ; прощеніе было даровано нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ, находившихся въ ссылкѣ или въ заключеніи. Вообще внутренняя дѣятельность Александра въ первую половину его царствованія отличалась весьма важнымъ преобразовательнымъ характеромъ. Онъ уничтожилъ тайную экспедицію, учрежденную при Екатеринѣ II для разслѣдованія политическихъ преступленій, приказавъ такія дѣла разбирать въ сенатѣ обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ; окончательно отмѣнилъ пытки и въ указѣ сенату по этому поводу говорилъ, „чтобы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“. Въ первые годы своего царствованія Александръ сильно желалъ уничтожить крѣпостное право, но большая часть его приближенныхъ была противъ освобожденія крестьянъ, говоря, что крестьяне еще не подготовлены къ освобожденію. Тогда Александръ, оставивъ эту мысль объ освобожденіи крестьянъ, старался улучшить насколько возможно ихъ участь. Отъ помѣщиковъ, уличенныхъ въ безчеловѣчномъ обращеніи съ крестьянами, онъ приказалъ отбирать крестьянъ и отдавать самихъ помѣщиковъ въ опеку; самъ перестилъ жаловать населенныя имѣнія въ награду за государственную службу, всячески старался ограничить продажу крестьянъ безъ земли; наконецъ по указу 1803 г. помѣщики могли вступать въ соглашеніе со своими крестьянами и отпускать ихъ на волю цѣлыми селеніями или отдѣльными семьями, надѣливъ при этомъ землей; эти освобожденные крестьяне образовали особый классъ „вольныхъ хлѣбопашцевъ“. Крестьяне прибалтійскихъ губерній, по почину мѣстнаго дворянства, получили личную свободу, но безъ надѣла землей и безъ права переселенія въ другія русскія губерніи.

По вступленіи на престолъ, Александръ нашелъ государственныя дѣла въ большомъ безпорядкѣ; повсюду былъ произволъ и своекорыстіе, такъ что онъ вынужденъ былъ издать указъ, въ которомъ говорилъ: „съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ мы замѣчаемъ, что пагубное лихоимство или взятки не токмо существуютъ, но даже распространяются между тѣми самыми, которые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ долженствовали“. Но Александръ не думалъ ограничиться отдѣльными указами противъ различныхъ

злоупотребленій, а рѣшилъ произвести коренныя реформы. Для подготовительныхъ работъ къ этимъ реформамъ Александръ образовалъ въ маѣ 1801 г. особый комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, въ который вошли слѣдующія, самыя приближенныя къ нему въ то время лица: Новосильцевъ, графъ Строгановъ, князь Адамъ Чарторыйскій, бывшіе сверстниками и друзьями Александра, и графъ Кочубей, племянникъ и воспитанникъ графа Безбородко. Изъ задуманныхъ въ этомъ комитетѣ преобразованій самымъ важнымъ было учрежденіе постояннаго государственнаго совѣта и министерствъ (1802 г.), но окончательное устройство этихъ общегосударственныхъ учрежденій принадлежитъ Сперанскому.

Сперанскій. Государственный совѣтъ, министерства, финансы. Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи; первоначальное образованіе онъ получилъ въ суздальской духовной семинаріи, а докончилъ свое образованіе въ петербургской духовной академіи. По окончаніи курса съ отличіемъ, онъ остался на службѣ при академіи и преподавалъ съ большимъ успѣхомъ разнообразные предметы — сначала математику, потомъ краснорѣчіе, физику, философію, французскій языкъ. Рекомендованный въ домашніе секретари къ князю Куракину, Сперанскій вскорѣ оставилъ службу при духовной академіи и поступилъ въ канцелярію Куракина, когда послѣдній при Павлѣ I былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ сената. Умный и образованный Сперанскій умѣлъ работать безъ устали, отлично говорилъ и писалъ и вслѣдствіе этихъ качествъ былъ настоящей находкой для канцелярскаго міра. Его служебная карьера шла чрезвычайно быстро и уже при Павлѣ онъ получилъ извѣстность въ петербургскомъ чиновномъ мірѣ. При воцареніи Александра Сперанскій былъ переведенъ въ новообразованный государственный совѣтъ на должность статсъ-секретаря, а когда были образованы министерства, то министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей перезвалъ его въ свою канцелярію, съ оставленіемъ впрочемъ въ прежней должности при государственномъ совѣтѣ. Всѣ важнѣйшіе проекты законовъ, изданныхъ съ 1802 г., были редактированы Сперанскимъ, какъ директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1806 г., когда Александръ I уже разошелся со своими первыми сотрудниками, Сперанскій за болѣзнью Кочубея нѣсколько разъ докладывалъ дѣла императору. Александръ, уже нѣсколько знавшій Сперанскаго, теперь лично убѣдился въ его умѣ и замѣчательныхъ способно-

стяхъ и поэтому приблизилъ его къ себѣ. Огправляясь на свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртъ, Александръ взялъ съ собою Сперанскаго для докладовъ по гражданскимъ дѣламъ. Въ Эрфуртѣ Сперанскій сблизился съ представителями французской администраціи, присмотрѣлся къ нимъ и многому отъ нихъ научился. По возвращеніи въ Петербургъ Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи и вмѣстѣ съ Александромъ I началъ работать надъ общимъ планомъ государственныхъ реформъ. По этому плану предполагалось устроить новую систему общегосударственныхъ учрежденій, преобразовать областное устройство, уравнять права сословій и т. д.; планъ этотъ отличался замѣчательной стройностью и послѣдовательностью въ проведеніи принятыхъ началъ; было рѣшено вводить его постепенно.

Такъ какъ для новыхъ правительственныхъ учрежденій требовались образованные чиновники, которые могли бы дѣйствовать въ духѣ задуманныхъ преобразованій, то прежде всего былъ установленъ новый порядокъ производства въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника въ виду того, что этими чинами въ значительной степени обусловливалось назначеніе на должности. Для полученія этихъ чиновъ требовалось уже свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса, а тѣ чиновники, которые не были въ университетѣ, должны были выдержать экзаменъ по установленной программѣ. Затѣмъ послѣдовало преобразованіе государственнаго совѣта, который получилъ вполнѣ опредѣленное и гораздо большее значеніе, чѣмъ то, которое онъ имѣлъ. Членовъ совѣта назначалъ самъ государь изъ высшихъ сановниковъ государства. Совѣтъ долженъ былъ обсуждать всѣ новые законы, которые затѣмъ поступали на утвержденіе верховной власти; совѣтъ разъяснялъ истинный смыслъ законовъ, принималъ общія мѣры къ ихъ успѣшному дѣйствію, распредѣлялъ государственные доходы и расходы, разсматривалъ отчеты всѣхъ министерствъ по управленію ввѣренными имъ частями. Онъ состоялъ изъ общаго собранія и 4-хъ департаментовъ—законодательнаго, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи. Веденіемъ дѣлопроизводства совѣта занималась учрежденная при немъ государственная канцелярія съ особымъ отдѣленіемъ для каждаго департамента. Дѣла каждаго отдѣльнаго управленія статсъ-секретарь докладывалъ въ своемъ департаментѣ, а всей канцеляріей руководилъ государственный секретарь, докладывавшій дѣла въ общемъ собраніи и представлявшій журналъ совѣта на высочайшее

усмотрѣніе. Государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ Сперанскій, что при новости дѣла дало ему значеніе руководителя всего совѣта. 1-го января 1810 г. Александръ лично открылъ засѣданіе преобразованнаго государственнаго совѣта. — Петровскія коллегіи въ 1802 г. были преобразованы въ 8 министерствъ, между которыми были раздѣлены разныя отрасли государственнаго управленія (иностранныхъ дѣлъ, военное, морское, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, коммерціи и народнаго просвѣщенія). Главнымъ отличіемъ министерствъ отъ коллегій было то, что каждое министерство управлялось министромъ вмѣсто прежняго коллегіальнаго присутствія. Преобразованіе министерствъ Сперанскимъ заключалось въ слѣдующемъ: министерство коммерціи было упразднено и его дѣла распредѣлены между министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; вновь были учреждены министерства полиціи (для дѣлъ о внутренней безопасности) и путей сообщенія, государственный контроль и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; кромѣ того, кругъ дѣятельности каждаго министерства, его составъ, отвѣтственность министровъ и другія подробности министерскаго управленія были опредѣлены вполнѣ ясно и точно. — Сенатъ вѣдалъ дѣла и административныя и судебныя; Сперанскій предполагалъ преобразовать сенатъ въ высшее судебное учрежденіе. Александръ утвердилъ преобразованіе сената, но послѣдовавшія вскорѣ затѣмъ отставка Сперанскаго и отечественная война помѣшали преобразованію сената, который такимъ образомъ остался въ прежнемъ своемъ видѣ. По этимъ же причинамъ не были приведены въ исполненіе и другія преобразованія, которыя входили въ планъ, составленный Сперанскимъ. — Среди разнообразной дѣятельности Сперанскаго замѣчательны также мѣры, принятыя имъ для поправленія русскихъ финансовъ (ассигнацій было въ обращеніи на 577 милліоновъ и расходы превышали доходы вслѣдствіе войнъ и континентальной системы, подорвавшей нашу отпускную торговлю). Планъ финансовыхъ реформъ, составленный Сперанскимъ по порученію государя, заключался въ слѣдующемъ: ассигнаціи признавались государственнымъ долгомъ, выпускъ новыхъ ассигнацій совершенно прекращался, а старыя должны быть постепенно изъяты изъ обращенія; всѣ налоги, прямые и косвенные, были возвышены и кромѣ того былъ обложенъ налогомъ доходъ помѣщиковъ съ ихъ земель; въ концѣ года было положено обнародовать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ и была учреждена особая касса для погашенія госу-

дарственнаго долга. Эти финансовыя преобразованія Сперанскаго не могли однако быть приведены въ исполненіе, такъ какъ имъ помѣшала отечественная война.

Сперанскій своими смѣлыми преобразованіями нажилъ себѣ много враговъ. Люди знатные завидовали его близости къ государю и указывали на его незнатное происхожденіе, старые чиновники были недовольны указомъ объ экзаменахъ, такъ какъ они не могли уже получать высшіе чины за выслугу; народъ роопталъ на возвышеніе налоговъ. Противникомъ Сперанскаго выступилъ также историкъ Карамзинъ, доказывавшій въ составленной имъ запискѣ „О старой и новой Россіи", что реформы Сперанскаго несогласны съ характеромъ русской государственной жизни. При посредничествѣ великой княгини Екатерины Павловны, супруги принца Ольденбургскаго, Карамзинъ былъ представленъ въ Твери Александру I, которому онъ и подалъ свою записку. Враги Сперанскаго со всѣхъ сторонъ клеветали на него государю, говорили даже, что онъ измѣнникъ, что онъ будто бы передался Наполеону; поводомъ къ этому обвиненію послужило то, что Сперанскій былъ поклонникъ французской литературы и государственнаго устройства, введеннаго во Франціи Наполеономъ; будучи начальникомъ коммиссіи для составленія новаго уложенія, учрежденной въ 1801 г., Сперанскій думалъ положить въ основаніе русскаго законодательства кодексъ Наполеона, и кромѣ того Сперанскій былъ сторонникомъ союза Россіи съ Наполеономъ. Всѣ эти обвиненія и жалобы такъ подѣйствовали на Александра, что онъ самъ наконецъ повѣрилъ обвиненіямъ и охладѣлъ къ Сперанскому и внезапно сослалъ его въ Пермь въ мартѣ 1812 г. Паденіе Сперанскаго было встрѣчено въ обществѣ съ радостью; говорили, что его ссылкою одержана первая побѣда надъ французами. Нѣсколько лѣтъ спустя Сперанскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири, гдѣ въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія старался искоренить самоуправство и лихоимство мѣстныхъ чиновниковъ. По его мысли обширная Сибирь относительно управленія была раздѣлена на 2 генералъ-губернаторства—западное и восточное. Въ концѣ царствованія Александра Сперанскій снова былъ возвращенъ въ Петербургъ и принятъ въ государственный совѣтъ, но уже не имѣлъ никакого вліянія на дѣла.

Просвѣщеніе. Съ самаго начала своего царствованія Александръ обратилъ особое вниманіе на распространеніе просвѣщенія. Еще Екатерина II стала открывать главныя и малыя народныя учи-

лица; при Александрѣ дѣло народнаго образованія приняло болѣе широкіе размѣры. Главныя народныя училища, переименованныя въ „гимназіи", были открыты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ; число малыхъ народныхъ училищъ, переименованныхъ въ „уѣздныя", было значительно увеличено, а для первоначальнаго образованія были учреждены „приходскія училища". Въ Петербургѣ и Москвѣ были основаны педагогическіе институты для образованія учителей; въ Царскомъ Селѣ учрежденъ лицей; университеты московскій, дерптскій и виленскій были преобразованы и, кромѣ того, учреждены новые въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ (1819 г.), причемъ изъ-за границы было вызвано нѣсколько профессоровъ. Въ Петербургѣ же были учреждены медико-хирургическая академія, преобразованная изъ медицинской коллегіи, институтъ корпуса путей сообщенія, лѣсной институтъ, институтъ женскаго патріотическаго общества. Для высшаго завѣдыванія всѣми учебными заведеніями было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго былъ поставленъ графъ Завадовскій. Самъ государь дѣлалъ щедрыя пожертвованія въ пользу просвѣщенія (напр., онъ подарилъ московскому университету кабинетъ рѣдкостей и коллекцію монетъ), усилилъ средства Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Благодаря денежному содѣйствію правительства, историкъ Карамзинъ получилъ возможность написать свою „Исторію Государства Россійскаго". „Если Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый, писалъ Карамзинъ императору Александру, то добрые россіяне узнаютъ съ чувствительностью, что Вы были великодушнымъ и единственнымъ покровителемъ автора, усерднаго къ славѣ отечества".

„Карамзинъ посвятилъ свою дѣятельность отечественной исторіи и все, что могъ сдѣлать сильный талантъ для внѣшней живописи событій, все было сдѣлано Карамзинымъ; русская исторія нашла своего Ливія. Что касается до основнаго взгляда исторіографа, то Карамзинъ былъ представителемъ Екатерининскаго вѣка, въ который окончательно сложились его воззрѣнія: недовольство эпохою преобразованія, недовольство внѣшнимъ заимствованіемъ формъ западно-европейской гражданственности, требованія внутренняго совершенствованія, перерожденія, требованія души, чувства, чувствительности; наконецъ вслѣдствіе недовольства Петровскою эпохою естественное обращеніе сочувствія къ древней Россіи,— все это отражается въ его Исторіи Государства Россійскаго. Остановка этой исторіи на смутномъ времени, отсутствіе подробной исторіи XVII вѣка, этого моста между древнею и новою Россіею, надолго должны были способствовать распространенію мнѣнія, что новая русская исторія есть слѣдствіе произволь-

наго уклоненія отъ прежняго правильнаго пути, тогда какъ именно она была необходимымъ слѣдствіемъ древней русской исторической жизни". (Соловьевъ).

Богатые люди того времени старались подражать государю; такъ Демидовъ пожертвовалъ болѣе милліона рублей на учрежденіе лицея въ Ярославлѣ, графъ Безбородко пожертвовалъ деньги и землю для учрежденія лицея въ Нѣжинѣ, дворяне Харьковской и Екатеринославской губерній сдѣлали щедрыя пожертвованія на харьковскій университетъ. Вниманіе правительства было обращено также на устройство духовныхъ училищъ; была учреждена коммиссія духовныхъ училищъ, которая выработала уставы духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Средства для содержанія этихъ заведеній были увеличены дарованіемъ церквамъ исключительнаго права продавать въ нихъ восковыя свѣчи; часть дохода отъ продажи свѣчей шла на содержаніе церковныхъ причтовъ. Петербургъ при Александрѣ сталъ застраиваться и украшаться новыми общественными зданіями; самъ государь лично интересовался постройками; былъ сооруженъ казанскій соборъ, воздвигнуты зданія адмиралтейства, биржи, публичной библіотеки, поставленъ памятникъ Суворову, по Невѣ устроены набережныя и пристани.

Двѣ первыя войны съ Франціей. Одновременно съ важными внутренними преобразованіями Александръ I велъ нѣсколько войнъ, изъ которыхъ самою важною была отечественная война съ Наполеономъ, которая отвлекла Александра отъ дальнѣйшихъ внутреннихъ преобразованій. Вступивъ на престолъ, Александръ намѣревался посвятить все свое царствованіе важной внутренней дѣятельности и потому прекратилъ приготовленія къ войнѣ съ Англіей и сохранилъ миръ съ Франціей. Между тѣмъ первый французскій консулъ Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ (1804 г.) и новыми войнами хотѣлъ утвердить свою династію на французскомъ престолѣ, расширить предѣлы Франціи и пріобрѣсти первенствующее значеніе въ Европѣ. Тогда человѣколюбивый Александръ задумалъ смирить неукротимаго завоевателя и избавить Европу отъ безпрерывныхъ войнъ; онъ заключилъ союзъ съ Австріей и Англіей и началъ войну съ Наполеономъ (1805 г.). Пруссія отказалась отъ участія въ войнѣ. Въ самомъ началѣ кампаніи передовая австрійская армія была окружена войсками Наполеона и взята въ плѣнъ, вслѣдствіе чего русскія войска, пришедшія въ это время на театръ войны подъ начальствомъ Кутузова, должны были отступить въ Моравію, постоянно отражая наступавшую на

нихъ многочисленную французскую армію. Въ Моравіи Кутузовъ соединился съ австрійцами и далъ Наполеону битву при деревнѣ Аустерлицѣ, въ которой союзныя войска потерпѣли рѣшительное пораженіе. Послѣ этого пораженія Австрія была принуждена заключить съ Наполеономъ миръ, а Александръ вернулся со своей арміей въ Россію. Въ слѣдующемъ году (1806 г.) Пруссія объявила войну Наполеону, вступивъ въ союзъ съ Россіей и Англіей. Чтобы предупредить соединеніе русскаго войска съ пруссаками, Наполеонъ быстро двинулся въ Пруссію и въ одинъ день разбилъ наголову 2 прусскія арміи при Іенѣ и при Ауерштетѣ; Пруссія осталась безоружною и въ нѣсколько недѣль почти вся страна съ Берлиномъ и крѣпостями была завоевана Наполеономъ. Жители польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, съ восторгомъ встрѣтили Наполеона, вступившаго въ Варшаву, и выставили ему вспомогательные отряды, надѣясь при его содѣйствіи возстановить Польшу. Такимъ образомъ русскія войска, пришедшія въ это время подъ начальствомъ Беннигсена на помощь Пруссіи, должны были одни сражаться съ Наполеономъ. Произошелъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ и упорныхъ, но большею частію нерѣшительныхъ битвъ (напр., при Эйлау), въ которыхъ русскія войска изумили Наполеона своею стойкостью; такого противника еще не встрѣчалъ Наполеонъ; въ первый разъ у непобѣдимаго полководца послѣ столькихъ сраженій не было никакихъ трофеевъ, ничего, кромѣ потоковъ крови. Наполеонъ первый пожелалъ прекращенія войны. Между тѣмъ Александръ самъ явился въ дѣйствующую армію на защиту прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, который со всѣмъ семействомъ долженъ былъ бѣжать изъ Берлина на край своей земли подъ защиту русскихъ войскъ. Война продолжалась до тѣхъ поръ, пока Наполеону удалось одержать рѣшительную побѣду надъ русскими при Фридландѣ, послѣ чего наша армія отступила за Нѣманъ. Видя равнодушное отношеніе Англіи и Австріи къ его войнѣ съ Наполеономъ, Александръ послѣ Фридландской битвы не захотѣлъ болѣе истощать средства своего государства и проливать русскую кровь ради интересовъ З. Европы, а потому онъ вступилъ въ мирные переговоры съ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ личное свиданіе на р. Нѣманѣ близъ города Тильзита, гдѣ и былъ заключенъ Тильзитскій миръ (1807 г.). Наполеонъ хотѣлъ совершенно уничтожить прусское королевство; Александръ отстоялъ существованіе Пруссіи, но Пруссія должна была уступить Наполеону почти половину своихъ земель, а именно:

земли между Рейномъ и Эльбою, изъ которыхъ Наполеонъ образовалъ вестфальское королевство, отдавъ его своему младшему брату, и польскія провинціи, изъ которыхъ Наполеонъ образовалъ варшавское герцогство на подобіе прежняго польскаго королевства и поставилъ его подъ верховную власть саксонскаго короля. Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ признали Наполеона императоромъ Франціи, королемъ Италіи и протекторомъ Рейнскаго союза, а братьевъ Наполеона признали королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ. Такимъ образомъ господство Наполеона надъ большею частью З. Европы было утверждено по Тильзитскому миру. Россія получила Бѣлостокскую область. При личномъ свиданіи Александръ сблизился съ Наполеономъ и они взаимно обязались помогать другъ другу во всѣхъ войнахъ. Для общаго успокоенія Европы Александръ согласился вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и при содѣйствіи Наполеона заключить миръ съ Турціей, съ которой Александръ въ то время велъ войну. Было рѣшено, что если Турція не приметъ французскаго посредничества для примиренія съ Россией или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе 3 мѣсяцевъ, то Франція соединится противъ нея съ Россіей, и обѣ договаривающіяся стороны согласятся на счетъ средствъ избавить отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣ области оттоманской имперіи въ Европѣ, исключая города Константинополя и провинціи Румеліи. Александръ долженъ былъ выступить посредникомъ къ примиренію Франціи съ Англіей, но такъ какъ это посредничество не имѣло успѣха, то Россія должна была принять континентальную систему; эта система состояла въ слѣдующемъ: не имѣя сильнаго флота, Наполеонъ не могъ ни побѣдить англичанъ на морѣ, ни высадиться на ихъ берега, а потому онъ задумалъ запереть для англійскихъ кораблей всѣ европейскія гавани и такимъ образомъ подорвать ихъ торговлю, отъ которой зависѣло все благосостояніе Англіи.

Войны шведская, турецкая и персидская. Густавъ IV, король шведскій, будучи непримиримымъ врагомъ Наполеона, остался недоволенъ тильзитскимъ миромъ и, несмотря на требованія Россіи и Франціи, отказался разорвать союзъ съ Англіей, слѣдствіемъ чего была война Россіи со Швеціей (1808—1809 гг.). Русскія войска подъ начальствомъ Буксгевдена въ короткое время заняли всю Финляндію и взяли неприступную крѣпость Свеаборгъ; затѣмъ были заняты Аландскіе острова, а зимою генералъ Барклай-де-Толли перешелъ по льду черезъ Ботническій заливъ въ предѣлы **самой**

Швеціи. Густавъ IV, угрожаемый народнымъ волненіемъ, принужденъ былъ отказаться отъ престола, а его преемникъ Карлъ XIII заключилъ съ Россіей миръ въ Фридрихсгамѣ (1809 г.), по которому уступилъ намъ остальную часть Финляндіи до рѣки Торнео, впадающей посрединѣ сѣвернаго берега Ботническаго залива, и Аландскіе острова. Александръ оставилъ Финляндіи ея прежнее шведское устройство и, назвавъ ее великимъ княжествомъ, даровалъ ей особое управленіе, причемъ къ этому княжеству была присоединена и Выборгская губернія, т.-е. финляндскія земли, завоеванныя Петромъ I и Елизаветою. (Впослѣдствіи при Александрѣ II финляндцамъ было даровано право собираться въ опредѣленные сроки на сеймъ, въ которомъ участвуютъ представители отъ всѣхъ сословій княжества, и съ этого времени Финляндія стала пользоваться почти полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ съ дѣлопроизводствомъ и преподаваніемъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ и получила даже свою особую монету).

Въ 1806 г. Турція, подстрекаемая Наполеономъ, объявила Россіи войну (1806—1812 гг.). Эта война до 1810 г. шла съ перерывами и особенно рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій не было, такъ какъ все вниманіе Александра было отвлекаемо отношеніями къ Франціи. Въ 1810 г. графъ Каменскій одержалъ блестящую побѣду надъ турками близъ Рущука и дошелъ до Балкановъ; за его смертью начальство надъ войскомъ принялъ Кутузовъ, который уничтожилъ армію великаго визиря на лѣвомъ берегу Дуная. Послѣ этихъ пораженій Турція заключила съ Россіей миръ въ Бухарестѣ (1812 г.), по которому уступила намъ Бессарабію, т.-е. земли отъ Днѣстра до Прута и устьевъ Дуная. Эта война была собственно первымъ шагомъ Россіи къ освобожденію единовѣрныхъ намъ народовъ Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига. Во время этой войны русскія войска въ первый разъ явились въ Сербіи, гдѣ были встрѣчены какъ братья, и съ этого времени начинается возстаніе сербовъ противъ турецкаго владычества. Одновременно съ турецкой войной происходила удачная война съ Персіей, которая хотѣла уничтожить русское владычество въ Закавказскомъ краю. (Грузинскій царь Георгій XII передъ смертью завѣщалъ свои владѣнія императору Павлу, который и присоединилъ Грузію къ Россіи).

Отечественная война 1812 г. Причины войны. Послѣ тильзитскаго свиданія Александръ еще разъ видѣлся съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ и согласился выставить ему вспомогательное русское

войско на границахъ Австріи, когда Наполеонъ объявилъ Австріи войну (1809 г.); но во время войны русское войско по приказанію Александра уклонялось отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ австрійцевъ, чѣмъ Наполеонъ остался недоволенъ, и съ этихъ поръ начались взаимныя неудовольствія между Александромъ и Наполеономъ. Могущество Наполеона въ это время было особенно велико: онъ самовластно распоряжался въ З. Европѣ, лучшія европейскія области съ 70 милліоннымъ населеніемъ были непосредственно ему подчинены, онъ имѣлъ возможность въ короткое время собрать и двинуть къ опредѣленному пункту огромныя массы войскъ, и потому властолюбіе его уже не имѣло границъ. Въ 1810 г. Наполеонъ публично произнесъ слѣдующія слова: „черезъ 5 лѣтъ я буду владыкою міра,—остается одна только Россія, но я раздавлю ее“. Въ 1811 г. Наполеонъ сталъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Россіей; поводомъ къ войнѣ послужили слѣдующія обстоятельства: Наполеонъ увеличивалъ предѣлы варшавскаго герцогства и не хотѣлъ, согласно требованію Александра, дать ему обязательство, что Польша не будетъ возстановлена. У герцога Ольденбургскаго, дяди императора Александра, Наполеонъ отнялъ земли, несмотря на протестъ русскаго государя. Наполеонъ въ свою очередь былъ недоволенъ тѣмъ, что Россія не соблюдала строго континентальной системы; вслѣдствіе этой системы сильно уменьшился вывозъ русскихъ сырыхъ произведеній и цѣна ассигнацій упала, а Наполеонъ между тѣмъ требовалъ совершеннаго прекращенія русской морской торговли, чтобы корабли даже нейтральныхъ державъ (напр., американскіе) не допускались въ русскія гавани. Александръ съ этимъ не согласился и кромѣ того обложилъ высокой пошлиной предметы роскоши, привозимые изъ Франціи, чтобъ сократить вывозъ изъ Россіи звонкой монеты. Несмотря однако на всѣ эти обстоятельства, Александръ прямо заявлялъ, что онъ не хочетъ начинать войны, но въ случаѣ нападенія Наполеона будетъ отражать его на своей землѣ и защищаться до послѣдней крайности, и въ виду явно враждебныхъ дѣйствій Наполеона сталъ приготовляться къ защитѣ. 12 іюня 1812 г. Наполеонъ во главѣ 600,000 отборнаго войска, составлявшаго цвѣтъ З. Европы, перешелъ черезъ Нѣманъ въ русскіе предѣлы. Въ составъ французской арміи входили слѣдующія войска: французскія, ломбардскія, иллирійскія, тосканскія, неаполитанскія, голландскія, австрійскія, прусскія, баварскія, виртембергскія, вестфальскія, баденскія, гессенъ-дармштадтскія, бергскія, мекленбургскія, испанскія, пор-

тугальскія и польскія. Во главѣ этого войска стоялъ геніальный полководецъ: „смѣлость, новизна и громадность его инціативы, стальная энергія въ исполненіи, неутомимая настойчивость въ преодолѣніи всѣхъ препятствій, ясность взгляда и быстрота рѣшенія при всякомъ стеченіи обстоятельствъ—такими качествами Наполеонъ далеко оставлялъ за собою всѣхъ вождей новаго времени и напоминалъ Александра Македонскаго, Аннибала и Юлія Цезаря".

„Предпринимая походъ въ Россію, говоритъ профессоръ Соколовъ, Наполеонъ взвѣсилъ все: онъ зналъ до послѣднихъ мелочей составъ и число нашихъ армій, число возможныхъ подкрѣпленій, принялъ въ соображеніе огромныя разстоянія, трудность прокормить людей и лошадей, принялъ въ расчетъ, что въ эту кампанію онъ будетъ каждый день гораздо больше тратить людей, чѣмъ въ другіе походы и отъ храбрости враговъ и отъ трудностей всякаго рода. Имѣя 600,000 войска, казалось вполнѣ вѣроятнымъ дойти до Москвы по крайней мѣрѣ съ 200,000 и на пути воспользоваться однимъ изъ тысячи случаевъ разбить малочисленныя русскія арміи. Онъ много разъ пересчитывалъ и провѣрялъ свои цифры: все выходило вѣрно. Съ такими средствами мы пожремъ всѣ препятствія!—восклицалъ онъ".

Эту увѣренность Наполеона въ успѣхѣ кампаніи раздѣляли его маршалы и генералы.

„Солдаты, говорилъ Наполеонъ въ прокламаціи къ войскамъ наканунѣ перехода черезъ Нѣманъ, вторая польская война началась; первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей! Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи. Неужели Россія полагаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Вторая польская война будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ 50-лѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы".

Дѣйствительно, матеріальныя средства Россіи были несравненно скуднѣе средствъ Наполеона; для отраженія непріятельскаго нашествія Александръ могъ выставить на западной границѣ только 200,000 войска, среди которыхъ было много новобранцевъ. Въ русскомъ народѣ имя Наполеона распространяло какой-то таинственный страхъ, и многіе думали, что Россія погибнетъ, что ей настал конецъ; но общее мнѣніе всего русскаго народа было лучше погибнуть, но не покоряться врагу, и это мнѣніе раздѣлялъ съ народомъ самъ Александръ. Узнавъ о вторженіи Наполеона, Александръ далъ приказъ по арміи, оканчивавшійся слѣдующими словами: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ

нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости: въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ!". Въ рескриптѣ на имя президента государственнаго совѣта Александръ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружіе, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ".

Барклай де-Толли и его планъ войны. 200,000 русское войско, выставленное противъ Наполеона, было раздѣлено на двѣ арміи: одна находилась въ Виленской губерніи подъ начальствомъ Барклая де-Толли, а другая въ Гродненской подъ начальствомъ князя Багратіона. Барклай, имѣя въ виду превосходство непріятельскихъ силъ, рѣшился дѣйствовать противъ Наполеона такъ же, какъ Петръ I противъ Карла XII: не давая рѣшительнаго сраженія Наполеону, начать отступленіе и, увлекая непріятеля за собою въ глубь страны, безпокоить его мелкими схватками и всячески стараться истощать его силы. Барклай былъ опытный и свѣдущій генералъ и въ качествѣ военнаго министра принесъ большую пользу арміи своими преобразованіями, направленными противъ разныхъ злоупотребленій въ военномъ управленіи; но онъ не умѣлъ привлечь къ себѣ солдатъ; принятый имъ планъ войны не встрѣтилъ сочувствія въ народѣ и возбудилъ уныніе въ войскѣ, жаждавшемъ рѣшительной битвы съ врагами, а его нѣмецкое происхожденіе также не мало вредило ему въ глазахъ народа и войска. Такъ какъ трудно было расчитывать на успѣхъ войны въ виду численнаго превосходства непріятельской арміи, то Александръ издалъ манифестъ о всеобщемъ ополченіи.

„Мы, говорилось въ манифестѣ, взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ непріятель на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ! Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества; святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ: никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ".

Это воззваніе произвело сильное впечатлѣніе по всей Россіи. Когда Александръ вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ изъ арміи въ Москву, то былъ встрѣченъ здѣсь народомъ съ неописаннымъ восторгомъ: „веди насъ, куда хочешь, кричалъ народъ, веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ! Возьми, государь, все—имущество и жизнь нашу!“ Въ короткое время Россія выставила болѣе чѣмъ 300,000 ратниковъ ополченія и пожертвовала около 100 милліоновъ рублей. Кромѣ того, крестьяне готовились къ поголовному возстанію и, намѣреваясь съ приближеніемъ непріятеля сжечь свои жилища, просили солдатъ сказать имъ, когда придетъ пора зажигать. Это былъ такой моментъ въ нашей исторіи, когда патріотическое воодушевленіе достигло высшаго напряженія и когда во всей полнотѣ сказалась сила народнаго духа. Чувство, охватившее русскій народъ, было то самое, которое спасло Россію въ 1612 г. Этотъ народный восторгъ, подъемъ народнаго духа доставилъ Россіи важное преимущество: онъ далъ нашимъ воинамъ несокрушимый духъ, полнѣйшее презрѣніе смерти, далъ имъ нравственныя силы, которыя сдѣлали ихъ неодолимыми.

Въ іюлѣ произошли первыя схватки отдѣльныхъ отрядовъ русской арміи съ французами подъ Витебскомъ и Смоленскомъ. Такъ какъ дѣйствія двумя отдѣльными арміями на одномъ театрѣ войны представляли значительное неудобство, то было рѣшено, что обѣ арміи соединятся подъ Витебскомъ, причемъ Багратіонъ долженъ былъ подчиниться Барклаю. По приказанію Барклая, графъ Остерманъ съ небольшимъ отрядомъ долженъ былъ задерживать французовъ, чтобы дать время Багратіону соединиться съ Барклаемъ. Остерманъ цѣлый день геройски отражалъ французовъ, но Багратіонъ не могъ однако пробиться къ Витебску и послѣ сраженія съ французами подъ Могилевымъ отступилъ къ Смоленску, гдѣ и соединился съ Барклаемъ. Послѣ соединенія обѣихъ армій Барклай двинулся къ Витебску на встрѣчу французамъ, но въ это время Наполеонъ неожиданно направился къ Смоленску, думая взять его и, зайдя въ тылъ русской арміи, отрѣзать ее отъ Москвы. Планъ Наполеона однако не удался: 7,000 русскій отрядъ подъ начальствомъ Невѣровскаго, встрѣтившись съ многочисленнымъ авангардомъ французской арміи подъ Краснымъ, до тѣхъ поръ задерживалъ непріятеля, пока Раевскій съ 16,000 корпусомъ не занялъ Смоленска. Раевскій отбилъ приступъ 200,000 французской арміи и продержался въ Смоленскѣ до тѣхъ поръ, пока Барклай, извѣщенный о движеніи Наполеона къ Смоленску, не подошелъ

сюда съ главной арміей. Отсюда Барклай рѣшился отступить къ Москвѣ, а для того, чтобы главная армія успѣла выйти на московскую дорогу, надо было еще задержать Наполеона подъ Смоленскомъ, что̀ и было поручено корпусу Дохтурова. Дохтуровъ геройски отразилъ страшный приступъ наполеоновской арміи, сопровождавшійся такой сильной канонадой, что большая часть домовъ въ Смоленскѣ превратилась отъ нея въ груду развалинъ; тѣмъ временемъ главная армія успѣла выйти на московскую дорогу и Дохтуровъ вышелъ изъ Смоленска, который вслѣдъ затѣмъ и былъ занятъ Наполеономъ. Послѣ взятія Смоленска Наполеонъ убѣдился, что война съ Россіей совсѣмъ не походитъ на его войны въ Западной Европѣ, непобѣдимый завоеватель впервые сталъ сомнѣваться въ успѣшномъ окончаніи задуманной войны и потому первый заговорилъ о мирѣ, но Александръ не далъ ему отвѣта. Тогда Наполеонъ двинулся къ Москвѣ по слѣдамъ отступавшей русской арміи и на своемъ пути находилъ только развалины селъ и деревень и опустошенныя поля, такъ какъ крестьяне, съ приближеніемъ французовъ, уходили въ лѣса, сжигая свои жилища и все то, чего не могли взять съ собою.

Кутузовъ. Бородинская битва. Планъ войны, принятый Барклаемъ, принесъ огромную пользу Россіи въ 1812 г. и былъ по достоинству оцѣненъ безпристрастнымъ потомствомъ, но немногіе изъ современниковъ понимали этотъ планъ; Багратіонъ, войско, весь народъ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительной битвы. Барклая стали подозрѣвать въ измѣнѣ. Тогда Александръ, уступая общему желанію, назначилъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи князя Кутузова. „Кутузовъ кромѣ рѣдкихъ военныхъ доблестей обладалъ большимъ умомъ, проницательностью и дальновидностью. Въ началѣ своей военной карьеры онъ участвовалъ въ двухъ турецкихъ войнахъ въ царствованіе Екатерины II подъ начальствомъ такихъ полководцевъ, какъ Румянцевъ и Суворовъ. Послѣ взятія Измаила Суворовъ писалъ: „Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою моей рукой“. При Екатеринѣ же Кутузовъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь, гдѣ выказалъ замѣчательныя дипломатическія способности. Будучи назначенъ главнокомандующимъ союзною русско-австрійскою арміею въ 1805 г., онъ хотя и былъ разбитъ при Аустерлицѣ, но по винѣ австрійцевъ. Въ 1811 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турціей и во время этой войны послѣ цѣлаго ряда искусныхъ военныхъ операцій совершенно уничтожилъ

60,000 турецкую армію и принудилъ Турцію заключить Бухарестскій миръ передъ самымъ вторженіемъ Наполеона; затѣмъ Кутузовъ былъ избранъ предводителемъ петербургскаго ополченія. Участіе въ турецкихъ войнахъ и въ войнахъ на Западѣ развило въ Кутузовѣ глубокое пониманіе государственныхъ событій и большую увѣренность въ могущество и жизненность русскаго народа. Вотъ почему въ самые тягостные, потрясающіе моменты, переживаемые Россіей, Кутузовъ не терялъ присутствія духа и вѣры въ непобѣдимость Россіи; его прозорливость не помрачалась и спокойствіе не нарушалось ни во время рискованнаго отступленія послѣ неожиданной сдачи австрійской арміи подъ Ульмомъ, ни на поляхъ Аустерлица; „разбить меня можетъ Наполеонъ, говорилъ онъ, *но обмануть никогда*". *Ко всѣмъ своимъ заслугамъ* Кутузовъ присоединялъ преимущество старшинства по службѣ (ему было 67 лѣтъ) надъ всѣми генералами нашихъ армій; наконецъ, имя Кутузова, природнаго русскаго, было русское, что въ отечественную войну имѣло большую важность. Имя Кутузова было извѣстно по всей Россіи и вѣсть о назначеніи его главнокомандующимъ была встрѣчена народомъ и войскомъ съ невыразимымъ восторгомъ; на высокое назначеніе заслуженнаго, израненнаго воина всѣ смотрѣли какъ на призваніе свыше". 17 августа Кутузовъ пріѣхалъ въ Царево-Займище, гдѣ находились тогда наши войска. Войска встрѣтили Кутузова съ восторгомъ. Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ, говорили между собою солдаты. Съ быстротою молніи разнеслась вѣсть, будто въ то самое время огромный орелъ вознесся надъ головою Кутузова, сопровождая его при объѣздѣ лагеря. Осмотрѣвъ позицію войскъ, Кутузовъ сначала думалъ сразиться здѣсь съ французами, но на слѣдующій день приказалъ войскамъ отступать. Не доходя 100 верстъ до Москвы, у села Бородина Кутузовъ остановился и рѣшилъ дать сраженіе Наполеону. День 25 августа, канунъ бородинской битвы, прошелъ въ приготовленіяхъ. По рядамъ воиновъ, стоявшихъ на колѣнахъ и усердно молившихся, была пронесена чудотворная икона Божьей Матери, спасенная изъ Смоленска во время занятія его Наполеономъ. Многіе солдаты отказались въ этотъ день отъ положенной порціи водки, замѣчая, что не къ тому они готовятся, не такой завтра день. Въ солдатахъ не было замѣтно унынія, но не было и шумнаго восторга: предстоящая битва, священная въ понятіяхъ русскихъ, вызывала торжественную тишину и молчаніе. Что касается французовъ, то они были возбуждены надеждою на прекращеніе

трудовъ и лишеній, которая манила ихъ такъ долго и наконецъ готова была осуществиться. На пространствѣ квадратной мили находилось 110,000 русскихъ и 130,000 французовъ, болѣе 60,000 лошадей и 1,200 орудій. Съ одной стороны были воины, пришедшіе съ крайнихъ предѣловъ запада и юга Европы, большею частью опытные, участвовавшіе во многихъ битвахъ, и во главѣ ихъ величайшій полководецъ нашего времени; съ другой—стояли воины со всѣхъ областей обширной Россіи, уступавшіе противникамъ въ боевой опытности, но закаленные въ трудахъ и лишеніяхъ и предводимые полководцемъ, на котораго возлагала надежду вся Россія. Рано утромъ 26 августа Наполеонъ поѣхалъ обозрѣвать свои полки; „сегодня немножко холодно, но ясно; это солнце Аустерлица“, — говорилъ онъ своимъ приближеннымъ. Затѣмъ французскимъ войскамъ было прочитано слѣдующее воззваніе Наполеона:

„Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ: она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою“.

Кутузовъ тоже обратился съ воззваніемъ къ своимъ войскамъ, въ которомъ особенно сильное впечатлѣніе производило напоминаніе, что за ними Москва. Битва началась съ восходомъ солнца и продолжалась до самаго вечера. Русскіе и французы не уступали другъ другу въ храбрости и самоотверженіи. Взаимное ожесточеніе было такъ велико, что солдаты, бросивъ оружіе, вступали въ рукопашный бой. Когда сраженіе окончилось, то оказалось, что съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя болѣе 100,000; у насъ убитыхъ и раненыхъ было 50,000, погибло и много генераловъ, въ числѣ которыхъ былъ Багратіонъ; но остальная половина нашей арміи вполнѣ сохранила бодрость духа и готова была къ новому бою, такъ что Кутузовъ хотѣлъ сначала возобновить битву на другой день, но, убѣдившись въ страшныхъ потеряхъ, приказалъ войскамъ отступить за Можайскъ къ Москвѣ. Вслѣдствіе этого отступленія Наполеонъ превозгласилъ побѣду, хотя позже самъ говорилъ, „что изъ всѣхъ его сраженій самое ужасное то, которое онъ далъ подъ Москвой; французы показали себя въ немъ достойными одержать побѣду, а русскіе пріобрѣли право назваться непобѣдимыми“.—Подойдя къ Москвѣ, Кутузовъ рѣшилъ дать здѣсь второе сраженіе Наполеону, о чемъ и увѣдомилъ московскаго

генералъ-губернатора графа Растопчина. Растопчинъ сдѣлалъ воззваніе къ жителямъ Москвы, приглашая ихъ къ поголовному ополченію для отраженія враговъ; вслѣдствіе этого множество народу направилось къ арсеналу, чтобы запастись оружіемъ и идти на встрѣчу французамъ. Между тѣмъ Барклай и другіе генералы стали доказывать Кутузову, что мѣстность, выбранная имъ для сраженія, крайне невыгодна для русской арміи, такъ какъ въ случаѣ неудачи армія можетъ быть здѣсь совершенно уничтожена французами. Тогда Кутузовъ собралъ 1-го сентября въ подмосковной деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ для окончательнаго рѣшенія вопроса, дать ли сраженіе или отступать дальше, отдавъ Москву непріятелю безъ боя? При рѣшеніи этого вопроса мнѣнія членовъ совѣта раздѣлились; тогда Кутузовъ прекратилъ ихъ споры, приказавъ арміи отступить черезъ Москву на рязанскую дорогу; „съ потерею Москвы, говорилъ Кутузовъ, еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія“.

Занятіе Москвы Наполеономъ и его бѣгство изъ Россіи. Уже послѣ бородинской битвы большая часть жителей Москвы начала уѣзжать изъ нея; вывезли также цѣнное казенное имущество и важныя дѣла изъ архивовъ. Когда же 2 сентября стало извѣстно, что Москва будетъ отдана безъ бою, и когда наши войска пошли черезъ Москву на рязанскую дорогу, то и оставшіеся жители спѣшили оставить Москву. Растопчинъ приказалъ уничтожить запасы хлѣба и провіанта, которыхъ не успѣли вывезти, и оставилъ нѣсколько полицейскихъ въ Москвѣ съ приказаніемъ зажечь городъ въ разныхъ мѣстахъ, когда въ него вступятъ французы. Между тѣмъ французскія войска уже подходили къ Москвѣ. Чтобы дать время русскимъ войскамъ и жителямъ выйти изъ Москвы, генералъ Милорадовичъ, начальствовавшій русскимъ аріергардомъ, потребовалъ у Мюрата, начальника французскаго авангарда, заключенія перемирія на нѣсколько часовъ, угрожая въ противномъ случаѣ драться до послѣдней крайности; Мюратъ согласился на перемиріе. Москва опустѣла; остались въ ней только иностранные торговцы, да небольшое число простого народа.—Пріѣхавъ на Поклонную гору, Наполеонъ смотрѣлъ отсюда на Москву; „такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!.... Теперь война кончена“, говорилъ онъ своимъ окружающимъ. У Дорогомиловской заставы Наполеонъ, сойдя съ коня, долгое время напрасно ожидалъ депутаціи отъ Москвы; наконецъ привели къ нему изъ города нѣсколькихъ иностранцевъ, которые объявили, что Москва оставлена жи-

телями. Наполеонъ былъ пораженъ и озадаченъ, такъ какъ ничего подобнаго онъ еще не встрѣчалъ, когда ему приходилось занимать столицы зап.-европейскихъ государствъ. Онъ занялъ Москву и помѣстился въ кремлевскомъ дворцѣ, думая дать необходимый отдыхъ своимъ войскамъ, но вдругъ начались пожары и въ теченіе 3 дней сгорѣло три четверти Москвы; загорѣлся и Кремль, такъ что Наполеону пришлось переѣхать за городъ въ Петровскій дворецъ. На французскую армію, на самого Наполеона, на всю Европу оставленіе и пожаръ Москвы произвели огромное нравственное впечатлѣніе. Наполеонъ ясно теперь увидалъ, что его походъ не удался, что русскую армію нельзя разбить, а надо перебить всю до послѣдняго человѣка: онъ никого не покорилъ и находился въ пустой Москвѣ посреди ополчавшейся на него цѣлой Россіи. Наполеонъ снова первый заговорилъ о мирѣ, угрожая въ противномъ случаѣ идти на Петербургъ, но императоръ Александръ не хотѣлъ и слышать о мирѣ.

Когда полковникъ Мишо привезъ изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ извѣстіе о занятіи Москвы французами, то Александръ, посылая его назадъ, сказалъ: „Возвратитесь въ армію и говорите моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ будете проѣзжать, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвину всѣ средства моей имперіи. Но если Промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить... Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Я узналъ его: онъ болѣе меня не обманетъ“.

Страшное извѣстіе о занятіи Москвы Наполеономъ сначала поразило Россію и привело всѣхъ въ уныніе, такъ какъ всѣ думали, что будетъ заключенъ постыдный миръ; но вскорѣ былъ обнародованъ манифестъ Александра, въ которомъ государь заявлялъ о своемъ непреклонномъ намѣреніи продолжать войну.

„Не въ ту страну зашелъ Наполеонъ, говорилъ Александръ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, и, спасая себя, спасетъ независимость царей и царствъ“.

Твердое намѣреніе государя продолжать войну было принято народомъ съ восторгомъ. Всѣ сословія воодушевились мыслью ото-

мстить ненавистному врагу. Началась народная война. Жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ находились французы, поголовно возставали на защиту родины и всячески старались вредить непріятелю; они истребляли французскіе обозы, запасы продовольствія, вырѣзывали цѣлые отряды и безъ пощады губили ненавистныхъ враговъ огнемъ и желѣзомъ. Французы, ругавшіеся надъ иконами и обращавшіе церкви въ казармы, оскорбляли религіозное чувство русскаго народа и тѣмъ сильнѣе возбуждали въ немъ страстное желаніе отомстить за поруганіе вѣры и разореніе русской земли. Кромѣ того образовались партизанскіе отряды, которые нападали на отряды французовъ, выходившихъ изъ Москвы за добываніемъ съѣстныхъ припасовъ, и забирали ихъ въ плѣнъ. Изъ партизанскихъ предводителей особенную извѣстность пріобрѣли Давыдовъ, Фигнеръ и Сеславинъ. Между тѣмъ Кутузовъ съ рязанской дороги перешелъ на калужскую и расположилъ свои войска при Тарутинѣ, такъ что за нимъ находилась Калуга, гдѣ были склады продовольствія для войска, и Тула съ оружейнымъ заводомъ. Къ русскому войску постоянно приходили обозы съ мясомъ, хлѣбомъ, виномъ, такъ какъ жители подмосковныхъ и южныхъ губерній дѣлали огромныя пожертвованія на снабженіе русскаго войска всѣмъ необходимымъ. Со всѣхъ сторонъ приходили отряды ополченцевъ. Къ Москвѣ подошли также донскіе казаки въ числѣ 20,000 подъ предводительствомъ своего атамана Платова; своею удалью и смѣлостью они наводили великій страхъ на французовъ. Французская армія стала терпѣть сильный недостатокъ въ продовольствіи, страдала отъ болѣзней и холодовъ, рано тогда наступившихъ; дисциплина въ ней до такой степени ослабла, что солдаты занимались грабежомъ и переставали отдавать воинскую честь своимъ генераламъ и самому Наполеону. Между тѣмъ русская армія въ Тарутинѣ все усиливалась и къ началу октября въ ней уже числилось 110,000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ казаковъ. 3 октября Наполеонъ формально предложилъ Кутузову миръ, но когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Александра, то Александръ отвѣчалъ Кутузову, что „въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ его прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество“. 6 октября Кутузовъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ французовъ: авангардъ французской арміи, находившійся недалеко отъ Тарутина, былъ разбитъ русскими. Тогда Наполеонъ рѣшился оставить Москву, приказавъ одному изъ своихъ маршаловъ взорвать

Кремль и сжечь уцѣлѣвшія зданія, послѣ того какъ французскія войска выйдутъ изъ Москвы. Этимъ взрывомъ были разрушены кремлевскій дворецъ, грановитая палата, стѣны, но соборы уцѣлѣли отъ взрыва. — Наполеонъ направился къ Калугѣ, но послѣ битвы при Малоярославцѣ принужденъ былъ выйти на разоренную смоленскую дорогу, по которой и стала отступать или, лучше сказать, бѣжала „великая“ армія. Кутузовъ со своими войсками и казаками неутомимо преслѣдовалъ французовъ, постоянно нападая на нихъ съ тыла и съ боковъ, захватывая обозы и орудія, какъ бы желая „потушить кровью непріятельскою пожаръ Москвы“. Во время бѣгства французы потерпѣли нѣсколько значительныхъ пораженій при Вязьмѣ, близъ Духовщины, подъ Краснымъ, особенно много погибло ихъ въ окрестностяхъ Смоленска. Рано наступившая зима съ сильными морозами помогла истребленію враговъ, не привыкшихъ къ нашему климату и неимѣвшихъ съ собой теплыхъ одеждъ, такъ что во время ночлега замерзало иногда по нѣсколько сотъ человѣкъ; много гибло ихъ и отъ голода. Въ это время для борьбы съ Наполеономъ подоспѣли еще 2 русскія арміи: одна подъ начальствомъ адмирала Чичагова возвращалась изъ турецкой войны, а съ сѣвера шелъ графъ Витгенштейнъ, защищавшій до сихъ поръ дорогу къ Петербургу и разбившій французовъ при Полоцкѣ. (Витгенштейнъ дѣйствовалъ противъ того французскаго корпуса, который былъ отправленъ Наполеономъ, послѣ перехода черезъ Нѣманъ, къ сѣверу съ цѣлью угрожать Петербургу). Эти двѣ русскія арміи должны были преградить Наполеону путь къ отступленію на рѣкѣ Березинѣ, а затѣмъ, окруживъ Наполеона со всѣхъ сторонъ, предполагалось захватить его въ плѣнъ. Однако Наполеонъ, обманувъ Чичагова ложнымъ движеніемъ, успѣлъ переправиться черезъ Березину и такимъ образомъ избѣжалъ плѣна, хотя при этой переправѣ много французовъ было убито, 20,000 взято въ плѣнъ, вся артиллерія и добыча, награбленная въ Москвѣ, тоже достались русскимъ. Во время бѣгства отъ Березины къ Вильнѣ французы еще потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ благодаря морозамъ, доходившимъ до 30°. Вообще изъ 600,000 войска, съ которымъ Наполеонъ вторгнулся въ предѣлы Россіи, возвратилось назадъ не болѣе 60,000 человѣкъ. Въ концѣ ноября Наполеонъ покинулъ остатки своей арміи недалеко отъ Вильны и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы набирать новую армію. „Отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ“, сказалъ Наполеонъ въ Вѣнѣ своему послу при австрійскомъ дворѣ. 25-го декабря 1812 г.

вся Россія торжественно праздновала свое избавленіе „отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ“.

„Россія вела много войнъ, но никогда война не вызывала такого патріотическаго напряженія, какъ война 1812 года. Наполеона уже давно знала вся Россія и успѣла возненавидѣть; ненависть эта отъ высшаго и средняго классовъ перешла къ простому народу. Извѣстно, что войнѣ предшествовала ужасная комета, которую суевѣрный народъ почелъ за грозное знаменованіе будущихъ несчастій: „помететъ она русскую землю“, говорилъ онъ; за кометою явились новыя бѣдствія: во многихъ мѣстахъ появился голодъ, запылали русскіе города и села. Кіевъ, Воронежъ, Казань, Уфа, Житоміръ и Бердичевъ обратились въ пепелъ или въ развалины. На Наполеона, готовившагося со своими громадными полчищами идти на Россію, народъ сталъ смотрѣть, какъ на антихриста, который „шелъ съ нечистой ратью истреблять народъ и вѣру“, и разлагалъ его имя на апокалипсическое число 666 (что означаетъ антихристъ). Неблагопріятныя знаменія передъ началомъ войны съ Наполеономъ, отступленіе русской арміи до самого Бородино, затѣмъ пожаръ и занятіе Москвы придали всей войнѣ характеръ страшной борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, до послѣдняго истощенія. Самыя опасности и первыя неудачи не подавили народнаго духа, напротивъ, воспламеняли народъ еще болѣе и приводили его къ неслыханнымъ пожертвованіямъ. „Всѣ распоряженія и усилія правительства, замѣчаетъ одинъ современникъ, были бы недостаточны, если бы народъ остался въ оцѣпенѣніи. По собственному почину жители съ приближеніемъ французовъ удалялись въ лѣса, оставляя свои жилища на сожженіе, и все народонаселеніе Москвы выступило вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. Даже въ рядахъ между солдатами каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ. Никогда прежде и никогда послѣ императоръ Александръ не былъ такъ сближенъ со своимъ народомъ, какъ въ это время“. Какъ слѣдствіе войны и патріотическаго напряженія явилась ненависть ко всему иностранному и особенно французскому. Общество вдругъ возвратилось къ народности и все русское сдѣлалось моднымъ: люди высшаго класса, всю жизнь проговорившіе на французскомъ языкѣ, стали говорить по-русски. Въ ряды защитниковъ отечества становились даже писатели и поэты,—такъ Батюшковъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ противъ Наполеона, Жуковскій вступилъ въ московское ополченіе и сражался въ Бородинской битвѣ, князь Вяземскій надѣлъ казацкій мундиръ и въ отечественную войну находился при отважномъ Милорадовичѣ“. (Галактіоновъ).

Низложеніе Наполеона. Вѣнскій конгрессъ и священный союзъ. Несмотря на ужасныя потери, которыя понесла Россія въ отечественной войнѣ, Александръ рѣшился продолжать войну, чтобы свергнуть Наполеона съ престола и освободить отъ него Европу. 1 января 1813 года русскія войска подъ начальствомъ Кутузова перешли Нѣманъ и черезъ герцогство варшавское направились въ Германію; императоръ Александръ лично находился при войскѣ.

Сначала только одна Пруссія возстала противъ Наполеона и соединила свои войска съ русскими. Наполеонъ, собравъ большое войско, разбилъ союзниковъ въ двухъ битвахъ и заставилъ ихъ отступить. Тогда Александру удалось привлечь Австрію и Швецію къ союзу съ Россіей и Пруссіей; Англія тоже обязалась помогать союзникамъ деньгами и снарядами. Союзныя войска, раздѣленныя на 3 арміи, состояли изъ 450,000 человѣкъ, противъ которыхъ Наполеонъ выставилъ 440,000 войска, но генералы и войска Наполеона были угнетаемы тою мыслію, что имъ приходится одновременно бороться съ тремя великими державами (Россіей, Австріей и Пруссіей). Эта нравственная причина, какъ полагаютъ историки, и привела арміи Наполеона къ пораженіямъ. Произошелъ цѣлый рядъ битвъ; въ послѣдней изъ нихъ подъ Лейпцигомъ, названной „битвой народовъ", которая продолжалась 3 дня и въ которой участвовало 480,000 человѣкъ, Наполеонъ потерпѣлъ страшное пораженіе; тогда онъ очистилъ Германію и ушелъ за Рейнъ. Несмотря на сопротивленіе австрійцевъ, хотѣвшихъ оставить Наполеона на французскомъ престолѣ, Александръ уговорилъ союзниковъ перенести войну въ предѣлы Франціи. Въ мартѣ 1814 г. Парижъ былъ взятъ союзными войсками, которыя торжественно и вступили въ него съ императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ во главѣ. По приговору французскаго сената Наполеонъ былъ низложенъ съ престола и долженъ былъ удалиться на островъ Эльбу, причемъ за нимъ былъ сохраненъ титулъ императора, а во Франціи возстановлена династія Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII. Послѣ низложенія Наполеона европейскіе государи со своими министрами съѣхались на конгрессъ въ Вѣну (1814 г.), чтобы сообща возстановить въ З. Европѣ порядокъ, нарушенный французской революціей и имперіей. Императоръ Александръ занималъ на этомъ конгрессѣ первенствующее мѣсто. Въ вознагражденіе за освобожденіе Европы Александръ требовалъ себѣ всѣхъ польскихъ земель, составлявшихъ варшавское герцогство, но въ виду противодѣйствія другихъ державъ, грозившихъ даже войной, и въ виду полученнаго извѣстія о новомъ появленіи Наполеона въ Парижѣ, согласился для прекращенія споровъ на уступку Пруссіи и Австріи части польскихъ земель. Между тѣмъ Наполеонъ, узнавъ о недовольствѣ французскаго народа своимъ новымъ правительствомъ и о распряхъ, возникшихъ на вѣнскомъ конгрессѣ, возвратился во Францію и снова былъ превозглашенъ императоромъ. Союзники со всѣхъ сторонъ двинули на него свои войска и Наполеонъ,

проигравъ битву при Ватерлоо, вторично былъ низложенъ съ престола и заключенъ на островѣ св. Елены. Союзники хотѣли жестоко наказать Францію за это стодневное царствованіе Наполеона, но Александръ какъ при взятіи Парижа въ 1814 г., такъ и теперь явился не только великодушнымъ побѣдителемъ, но и защитникомъ Франціи противъ излишнихъ притязаній союзниковъ. Послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Наполеономъ Александръ не возбудилъ никакого раздраженія въ побѣжденныхъ французахъ и даже пріобрѣлъ ихъ любовь и уваженіе.—Такимъ образомъ большая часть варшавскаго герцогства была присоединена къ Россіи подъ именемъ Царства Польскаго, причемъ Александръ даровалъ ему учредительной хартіей особое политическое устройство съ національнымъ сеймомъ (для обсужденія предлагаемыхъ русскимъ правительствомъ проектовъ законовъ) и собственнымъ войскомъ. Послѣ вѣнскаго конгресса Александръ задумалъ образовать такой союзъ, который былъ бы основанъ на нравственныхъ началахъ и связалъ бы государей и народы братскими узами, освященными христіанской религіей. Александръ собственноручно написалъ уставъ этого союза, названнаго священнымъ, и подписалъ его вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ 14-го сентября 1815 года.

Государи, подписавшіе актъ союза, согласились: „какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и водительствовать ихъ дѣяніями, какъ единственное средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенство“, и вслѣдствіе сего положили: „соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ взаимную помощь и доброжелательство, подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства, для сохраненія вѣры, правды и мира“.

Перемѣна въ характерѣ и дѣятельности Александра послѣ вѣнскаго конгресса. Остальное время царствованія Александра съ 1815 г. было временемъ политическаго господства Россіи въ Европѣ; Александръ, освободитель Европы, достигъ такого величія и славы, какихъ не имѣлъ еще ни одинъ европейскій государь. Согласно постановленіямъ священнаго союза, Александръ вмѣстѣ съ другими государями принималъ дѣятельное участіе въ прекращеніи революціонныхъ движеній, обнаружившихся въ Испаніи,

Неаполѣ и въ сѣверной Италіи, и на всѣхъ конгрессахъ, которые собирались по этому поводу, былъ главнымъ дѣятелемъ. Патріотическое настроеніе Россіи въ это время было особенно сильно; отечественная и заграничная войны были окончены съ громкимъ успѣхомъ, и русскіе люди гордились Александромъ, который освободилъ Европу отъ Наполеона и былъ предметомъ всеобщаго удивленія и поклоненія. Въ послѣдніе годы царствованія Александра прекратилась та преобразовательная дѣятельность, которою отличалась первая половина его царствованія, особенно до отечественной войны. Уже съ 1812 г. въ характерѣ Александра произошла замѣтная перемѣна: по словамъ современниковъ, онъ казался старше своихъ лѣтъ и на лицѣ его выражались задумчивость и грусть, смѣнившія его прежнюю чарующую улыбку. Александръ сильно желалъ уничтожить всякія злоупотребленія и улучшить положеніе народа, но встрѣтилъ большія препятствія своимъ благимъ начинаніямъ въ лицѣ многочисленныхъ защитниковъ старыхъ порядковъ. Для преодолѣнія этихъ препятствій надо было столько твердости и даже суровости, что впечатлительный Александръ глубоко страдалъ, сознавая, что онъ не въ состояніи ихъ побѣдить. Страшная борьба съ Наполеономъ, потребовавшая полнаго напряженія силъ Александра и сопровождавшаяся потрясающими впечатлѣніями, то горестными, то радостными, также сильно изнурила Александра; онъ усталъ и началъ тяготиться бременемъ правленія. Въ это время онъ усиленно сталъ искать утѣшенія въ религіи и подумывалъ объ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ; такъ лѣтомъ 1813 г. онъ объявилъ своему брату великому князю Николаю Павловичу, что „непреложно рѣшился отказаться отъ престола, лишь только замѣтитъ по упадку силъ своихъ, что настало къ тому время". Вмѣстѣ съ тѣмъ жизненный опытъ сдѣлалъ его менѣе довѣрчивымъ къ людямъ, чѣмъ онъ былъ прежде; „мнѣ такъ плохо помогаютъ въ осуществленіи моихъ плановъ, говорилъ онъ... Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи". Эпоха вѣнскаго конгресса и дальнѣйшія событія потребовали новой усиленной дѣятельности Александра и еще болѣе его утомили. Мрачное настроеніе души Александра усилилось, когда ему пришлось затѣмъ испытать неблагодарность облагодѣтельствованнаго имъ польскаго народа, видѣть страданія грековъ, возставшихъ противъ турецкаго ига и страшно истязаемыхъ турками, и сознавать, что онъ не въ состояніи помочь имъ, такъ какъ былъ связанъ поста-

новленіями священнаго союза. Онъ совершенно прекратилъ всякія празднества, выходы, избѣгалъ общества и большую часть года проводилъ въ Царскомъ Селѣ. Около 1820 г. Александръ окончательно отказался и отъ своего прежняго образа мыслей относительно преобразовательной внутренней дѣятельности, и дальнѣйшее движеніе реформъ прекратилось. Въ это время самымъ вліятельнымъ лицомъ при Александрѣ и единственнымъ докладчикомъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія сдѣлался графъ Аракчеевъ. Аракчеевъ, сынъ мелкопомѣстнаго новгородскаго дворянина, по окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу въ гатчинскій полкъ, когда императоръ Павелъ былъ еще наслѣдникомъ престола. Ревностнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и строгимъ соблюденіемъ дисциплины Аракчеевъ пріобрѣлъ такое расположеніе Павла Петровича, что послѣдній по вступленіи на престолъ возвелъ Аракчеева въ графское достоинство, но потомъ за жестокое обращеніе съ подчиненными сослалъ въ деревню. При Александрѣ Аракчеевъ былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи, а потомъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ, предсѣдателемъ военнаго департамента государственнаго совѣта и начальникомъ военныхъ поселеній и получилъ преобладающее вліяніе на всѣ государственныя дѣла.

Вліяніе Аракчеева, человѣка безсердечнаго и жестокаго, на Александра, отличавшагося своею мягкостью и свѣтлымъ умомъ, историки объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „на сторонѣ Аракчеева было одно важное преимущество—онъ изучилъ Александра еще съ дѣтства, во время пребыванія въ Гатчинѣ, и одаренный природнымъ инстинктомъ, умѣлъ воспользоваться происшедшею перемѣною въ государѣ, уставшемъ отъ бремени правленія и поколебавшемся въ довѣріи къ людямъ. Александръ, испытавшій всѣ роды лести и восхваленій, чувствовалъ особенное отъ нихъ отвращеніе и любилъ, чтобы ему говорили искренно, въ какой бы рѣзкой формѣ ни высказывалась истина. Аракчеевъ, какъ казалось Александру, былъ преданъ ему безусловно и безгранично; открыто, хотя иногда грубо, высказывалъ все, что было у него на душѣ, трудился неусыпно и повидимому безкорыстно, отказываясь отъ наградъ во все время царствованія Александра“.

Особенное вниманіе Аракчеевъ обратилъ на войско, численность котораго имъ была доведена до 900,000. Для уменьшенія расходовъ на содержаніе войска въ мирное время, Аракчеевъ устроилъ военныя поселенія на земляхъ государственныхъ крестьянъ въ Новгородской, Харьковской и Херсонской губерніяхъ; такіе поселенцы должны были одновременно заниматься земледѣліемъ и военною службою при самой строгой дисциплинѣ и жестокихъ

наказаніяхъ за проступки. Соединеніе двухъ различныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ оказалось трудно соединимымъ, почему военныя поселенія и были уничтожены въ 1856 г.

Впечатлительная натура Александра была окончательно потрясена страшнымъ наводненіемъ въ Петербургѣ 7 ноября 1824 г. и болѣзнью императрицы Елизаветы Алексѣевны. Осенью 1825 г. Александръ поѣхалъ съ больной супругой на югъ Россіи въ Таганрогъ; отсюда онъ отправился въ Крымъ, но во время пути заболѣлъ и по возвращеніи въ Таганрогъ скончался 19 ноября 1825 г. Вся Россія искренно оплакивала смерть горячо любимаго императора Александра I; современники наименовали его „Благословеннымъ“.

Личность Императора Александра I и значеніе его царствованія. „Императоръ Александръ, принимавшій столь славное и выдающееся участіе въ достопамятныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его царствованіе, оставилъ по себѣ великое имя и положилъ неизгладимую печать свою на европейскую лѣтопись начала XIX вѣка. Обширныя земельныя пріобрѣтенія, приблизившія Россію къ ея естественнымъ границамъ и совершившіяся подъ его правленіемъ, пожаръ Москвы и страшное пораженіе французской арміи въ 1812 году, освобожденіе Германіи и паденіе Наполеона—все это даетъ характеръ поражающаго величія и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнаго интереса его царствованію. Александръ научился государственной мудрости и политической твердости въ наиболѣе надежной для всякаго человѣка школѣ—школѣ бѣдствій. Если онъ сначала увлекся, быть можетъ, слишкомъ легко обаяніемъ генія Наполеона и подчинился его могуществу, передъ которымъ трепетала вся Европа, то впослѣдствіи, рѣшившись поднять противъ него оружіе, съ изумительною твердостью отстоялъ цѣлость Россіи и свергъ съ престола своего геніальнаго противника. Безъ твердости и рѣшимости Александра коалиція не разъ разстроилась бы и распалась на части. Но если немного героевъ превзошли его блескомъ своихъ побѣдъ, то никто не сравнился съ нимъ въ безпримѣрной умѣренности, съ какою онъ воспользовался своею властью, и никто не превзошелъ его въ милосердіи, съ какимъ онъ въ минуту торжества удерживалъ подъятый мечъ правосудія. Онъ среди европейскихъ державъ явился представителемъ новаго могущества, доселѣ не встрѣчавшагося въ лѣтописяхъ міра—могущества, предписавшаго себѣ законъ: не разрушать, но спасать и хранить. Уступая Наполеону въ геніи, Александръ превосходилъ его въ великодушіи; тотъ и другой покорили міръ, но одинъ Александръ умѣлъ побѣждать самого себя“.

„Императоръ Александръ положилъ основаніе тѣмъ государственнымъ совѣщательнымъ учрежденіямъ, кои въ исторіи законодательства и правленія Россіи въ XIX столѣтіи занимаютъ видное мѣсто. Многія его просвѣщенныя, всегда на любви къ человѣчеству основанныя, предположенія не достигли желаемаго осуществленія. Убѣдившись, что грубые нравы, невѣжество, административныя не-

урядицы не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ бы ему того хотѣлось, согласно его широкимъ, но подчасъ мечтательнымъ планамъ, онъ отказался отъ нѣкоторыхъ реформъ, которыя передъ тѣмъ признавалъ необходимыми для преуспѣянія Россіи,—отказался, быть можетъ, отчасти потому, что,—какъ пишетъ современникъ,—„онѣ требовали систематической твердости политики, не смущающейся ни трудностями, ни первоначальными неудачами". Люди, подвергавшіе оцѣнкѣ нравственный характеръ императора Александра, нерѣдко обвиняли его въ двуличіи. Но если принять въ соображеніе, что почти вся жизнь его прошла въ борьбѣ стремленій, вложенныхъ въ него XVIII столѣтіемъ, съ тяготѣвшими надъ Европою ужасами революціи и обычныхъ ея послѣдствій, военнаго деспотизма и усиленной реакціи, то сдѣлается весьма понятною, особливо для людей, не довольно оцѣнивающихъ затруднительныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось дѣйствовать императору Александру, нѣкоторая двойственность въ проявленіи имъ своей воли. Несомнѣнно то, что во всякомъ проявленіи этой воли всегда замѣчалась безмѣрная доброта, искреннее, истинно человѣческое чувство, не омраченное личнымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ, гордынею. Вотъ почему при полученіи извѣстія о смерти императора такъ единодушно раздался возгласъ: „нашъ ангелъ на небесахъ". Нельзя было противиться очарованію его неизмѣнно любезнаго обхожденія; свойственная ему привлекательная застѣнчивость соединилась въ немъ съ глубокимъ монархическимъ самосознаніемъ. Весьма понятно, что послѣ тягостныхъ и трагическихъ событій, пережитыхъ императоромъ Александромъ въ послѣдніе годы его царствованія, нравственное его состояніе во многомъ измѣнилось, и настроеніе это выразилось и въ ходѣ политической его дѣятельности. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I отступленіе его личности на второй планъ повторилось и въ сферѣ внутренняго управленія, но здѣсь выступилъ не дипломатическій ареопагъ, а тусклая фигура суроваго временщика, заслонившаго собою усталаго и разочарованнаго царственнаго труженика. Эта предсмертная тѣнь, наброшенная на привлекательный обликъ Александра, исчезла въ моментъ его смерти" (изъ статьи Шильдера въ Русскомъ біографическомъ словарѣ).

Николай I (1825—1855 г.).

Восшествіе на престолъ. Смута 14 декабря. Такъ какъ у императора Александра дѣтей не было, то еще при его жизни наслѣдникомъ престола, согласно закону о престолонаслѣдіи императора Павла, считался старшій послѣ него братъ Константинъ, который и носилъ титулъ цесаревича. Въ 1822 г. Константинъ письменно заявилъ императору Александру и матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что онъ добровольно отказывается отъ престола въ пользу своего брата Николая, такъ какъ не чувствуетъ себя способнымъ къ царствованію. Александръ также пись-

менно изъявилъ ему согласіе свое и Маріи Θеодоровны на отреченіе отъ престола, а вслѣдъ затѣмъ составилъ особый манифестъ, въ которомъ объявилъ о добровольномъ отреченіи Константина и о назначеніи наслѣдникомъ престола в. князя Николая Павловича. Этотъ манифестъ Александръ однако не обнародовалъ, а велѣлъ написать въ 4 экземплярахъ, которые, вмѣстѣ съ письменнымъ отреченіемъ Константина и письменнымъ же согласіемъ Александра и Маріи Θеодоровны на это отреченіе, были положены на храненіе въ синодъ, сенатъ, московскій Успенскій соборъ и государственный совѣтъ въ запечатанныхъ пакетахъ съ собственноручной надписью государя: „хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи". Объ этомъ манифестѣ знали очень немногія лица, и даже Николай Павловичъ, не будучи оффиціально посвященъ въ эту семейную тайну, не считалъ рѣшеннымъ вопроса о престолонаслѣдіи. Когда въ Петербургъ пришло извѣстіе изъ Таганрога о кончинѣ Александра, то Николай Павловичъ самъ присягнулъ императору Константину и привелъ къ присягѣ ему гвардію и всѣ чины духовные и гражданскіе. Вслѣдъ затѣмъ въ чрезвычайномъ собраніи государственнаго совѣта былъ раскрытъ находившійся тамъ запечатанный пакетъ съ манифестомъ покойнаго государя объ отреченіи Константина, но, несмотря на это, Николай Павловичъ отказался превозгласить себя императоромъ, пока старшій братъ Константинъ лично не изъявитъ ему на то своей воли, а потому сенатскій указъ о присягѣ Константину былъ обнародованъ. Между тѣмъ извѣстіе о кончинѣ Александра было получено въ Варшавѣ двумя днями ранѣе, чѣмъ въ Петербургѣ; цесаревичъ Константинъ, находившійся въ Варшавѣ, немедленно увѣдомилъ письмомъ брата Николая о своемъ отреченіи отъ престола и просилъ Николая принять отъ него присягу, а затѣмъ и оффиціальнымъ образомъ подтвердилъ свое отреченіе отъ престола, возвративъ въ Петербургъ нераспечатаннымъ рапортъ, присланный ему министромъ юстиціи съ извѣщеніемъ о принесенной ему присягѣ. Послѣ этого Николай согласился принять императорскій престолъ. Въ этотъ день во время принесенія гвардіей присяги императору Николаю вспыхнулъ въ Петербургѣ военный мятежъ.

Нѣкоторые молодые русскіе офицеры, познакомившись съ политическими идеями и учрежденіями З. Европы во время заграничныхъ походовъ въ царствованіе Александра I, по возвращеніи

на родину стали замышлять о перемѣнѣ русскаго государственнаго устройства. Во вторую половину царствованія Александра I они образовали два тайныхъ общества—сѣверное въ Петербургѣ, мечтавшее о введеніи конституціи, и южное въ Тульчинѣ (гдѣ была расположена часть русскаго войска), мечтавшее о республикѣ. Императоръ Александръ зналъ о существованіи этихъ обществъ, но по своему великодушію не принималъ противъ нихъ строгихъ мѣръ, надѣясь, что заговорщики, большею частію неопытные молодые люди, сами образумятся и откажутся отъ своихъ намѣреній; но когда онъ получилъ въ Таганрогѣ незадолго до своей кончины подробныя извѣстія о составленіи заговора членами южнаго общества, то приказалъ арестовать главныхъ зачинщиковъ. Послѣ кончины Александра лица, находившіяся при покойномъ государѣ, послали въ Петербургъ и Варшаву (такъ какъ они не знали, гдѣ находился въ то время Константинъ Павловичъ) подробное донесеніе о заговорѣ на югѣ. 12 декабря Николай Павловичъ получилъ и другое извѣстіе о заговорѣ въ Петербургѣ. Между тѣмъ члены петербургскаго тайнаго общества задумали привести въ исполненіе свои замыслы, воспользовавшись короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отреченія Константина отъ престола, и тѣмъ обстоятельствомъ, что Константина не было въ Петербургѣ. Заговорщики возмутили часть гвардейскихъ полковъ ложными слухами, что Константинъ не думалъ отказываться отъ престола и находится въ заключеніи; вслѣдствіе этого 14 декабря, когда гвардія должна была присягать Николаю I, нѣкоторыя роты гвардейскихъ полковъ, подстрекаемыя заговорщиками, отказались отъ присяги и съ оружіемъ въ рукахъ собрались на сенатской площади. Разсказываютъ, что нѣкоторые солдаты, крича „Ура! Константинъ!", кричали также „Ура! Конституція!", думая, что такъ зовутъ супругу Константина Павловича, который былъ второй разъ женатъ на польской княгинѣ Ловичъ. Императоръ Николай, выѣхавъ на площадь передъ Зимнимъ дворцомъ, собралъ вокругъ себя остальные гвардейскіе полки, которые ему присягнули. Поведеніе Николая Павловича въ этотъ день, его присутствіе духа, его личное мужество, не страшившееся никакой опасности, хладнокровіе, съ которыми онъ принималъ мѣры къ возстановленію порядка, возбуждали всеобщее восторженное удивленіе. Такъ какъ Николай I уже зналъ, что мятежъ устроенъ заговорщиками, то хотѣлъ сначала образумить возмутившихся солдатъ мѣрами увѣщанія и потому послалъ петербургскаго генералъ-губернатора

графа Милорадовича уговаривать ихъ, но Миларадовичъ былъ убитъ однимъ изъ заговорщиковъ. Попытки двухъ митрополитовъ петербургскаго и кіевскаго и в. князя Михаила Павловича уговорить мятежниковъ тоже остались безуспѣшны. Тогда Николай I велѣлъ кавалеріи атаковать мятежниковъ, но когда и атака не имѣла успѣха, то императоръ приказалъ дѣйствовать артиллеріи; послѣ трехъ картечныхъ выстрѣловъ мятежники обратились въ бѣгство и сенатская площадь была ими очищена. Послѣ того была назначена Верховная слѣдственная коммиссія, которая раскрыла составъ и замыслы обоихъ тайныхъ обществъ; особый Верховный судъ нашелъ виновными 121 человѣка, изъ которыхъ 5 были казнены, а остальные сосланы въ Сибирь; солдаты, увлеченные заговорщиками, были посланы на Кавказъ, гдѣ могли заслужить себѣ прощеніе въ битвахъ съ горцами. 22 августа 1826 г. во время коронаціи императора Николая въ Москвѣ в. князь Константинъ Павловичъ своими сердечными отношеніями къ брату еще разъ подтвердилъ въ глазахъ народа свое добровольное отреченіе отъ престола.

Внутреннія распоряженія. Вступивъ на престолъ, Николай I далъ обѣтъ „жить единственно для любимаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, что онъ желалъ для счастія Россіи". Такимъ образомъ внутренняя политика Николая I отличалась охранительнымъ характеромъ: сохраняя всѣ государственныя учрежденія своихъ предшественниковъ, Николай продолжалъ развивать нѣкоторыя отдѣльныя части этихъ учрежденій. Прежде всего онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ русскихъ законовъ, такъ какъ при вступленіи его на престолъ новаго Уложенія все еще не было составлено, а между тѣмъ накопилось множество законовъ, изданныхъ предшественниками Николая I, начиная съ Петра Великаго; эти законы, изданные въ разное время и потому часто противорѣчивые между собою, не были сведены вмѣстѣ и даже не было хорошаго хронологическаго указателя къ нимъ, что сильно затрудняло дѣлопроизводство и давало возможность чиновникамъ совершать разныя злоупотребленія. Медленность въ рѣшеніи дѣлъ была такъ велика, что къ 1826 г., какъ оказалось по наведеннымъ справкамъ, въ разныхъ судахъ по всей Россіи накопилось до 3-хъ милліоновъ не рѣшенныхъ дѣлъ и тысячи подсудимыхъ находились въ заключеніи, въ ожиданіи рѣшенія суда. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца по восшествіи на престолъ Николай объявилъ, что онъ принимаетъ законодательныя работы

въ свое непосредственное вѣдѣніе, и для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ учредилъ при собственной своей канцеляріи особое отдѣленіе (т. наз. „Второе“), поручивъ главное руководство законодательнымъ дѣломъ графу Сперанскому, извѣстному сотруднику Александра I. Сперанскій дѣятельно принялся за работу и черезъ 4 года (1830 г.) было издано въ 45 томахъ „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“, въ которое вошли почти всѣ законы, начиная съ Уложенія 1649 г. до 1825 г., числомъ болѣе 30,000 актовъ. По окончаніи этой работы изъ полнаго собранія законовъ были извлечены Сперанскимъ тѣ законы и постановленія, которые еще сохранили свою силу и дѣйствіе, и въ 1833 г. были изданы подъ названіемъ „Свода законовъ Россійской Имперіи“; затѣмъ велѣно было въ ежегодномъ приложеніи къ этому своду издавать вновь состоявшіеся указы. Съ изданіемъ свода законовъ каждый русскій подданный получилъ возможность узнать законы своего государства; съ этого же времени можно было начать систематическое изученіе русскихъ законовъ и такимъ образомъ было положено основаніе наукѣ русскаго права. Затѣмъ Николай I поручилъ Сперанскому пересмотрѣть и исправить тѣ статьи свода законовъ, которыя не вполнѣ соотвѣтствовали нравамъ и обычаямъ того времени, и велѣлъ начать пересмотръ съ уголовныхъ законовъ. Это новое „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ было составлено во 2-мъ Отдѣленіи подъ руководствомъ графа Блудова, такъ какъ Сперанскій умеръ при началѣ этого труда; утвержденное Николаемъ I, оно было издано въ 1845 г.

Изъ другихъ внутреннихъ распоряженій Николая I замѣчательны слѣдующія постановленія относительно сословій: на дворянскихъ собраніяхъ, гдѣ дворяне избирали должностныхъ лицъ губернскихъ и уѣздныхъ, каждый дворянинъ имѣлъ право голоса, вслѣдствіе чего происходили частыя злоупотребленія; богатые помѣщики составляли себѣ партіи изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и произвольно распоряжались ихъ голосами при выборахъ. Для уничтоженія такихъ злоупотребленій Николай I позволилъ имѣть право голоса при выборахъ только тѣмъ дворянамъ, которые имѣли 100 душъ крестьянъ или 3,000 десятинъ земли, или высокій чинъ. Такъ какъ дворянское званіе, помимо происхожденія, пріобрѣталось съ полученіемъ извѣстнаго чина на государственной службѣ, и число дворянъ быстро увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа чиновниковъ, то Николай I постановилъ давать потомственное дворянство за службу только тѣмъ, которые достигли въ воен-

ной службѣ штабсъ-офицерскаго чина, а въ гражданской—пятаго класса. Оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники съ IX до V класса, происходившіе не изъ дворянъ, должны были называться только личными дворянами и не имѣли права владѣть крѣпостными; чиновники съ XIV до IX класса получали права почетныхъ гражданъ (почетное гражданство могли получать и торговые люди за особенныя заслуги). Былъ изданъ законъ о назначеніи пенсій за 35-лѣтнюю государственную службу. Дворянамъ было позволено по собственному желанію учреждать майораты. Для управленія государственными крестьянами, казенными землями и лѣсами и кочевыми инородцами было учреждено новое министерство „государственныхъ имуществъ", которое должно было заботиться также объ улучшеніи быта крестьянъ, земледѣлія и сельской промышленности. Помѣщичьи крестьяне, по вступленіи Николая на престолъ, волновались ложными слухами о перемѣнѣ ихъ положенія, а потому Николай I заявилъ манифестомъ, что крѣпостное право остается попрежнему; впрочемъ, нѣкоторыми послѣдующими указами императоръ Николай старался облегчить положеніе крестьянъ, — такъ онъ запретилъ продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семействъ, позволилъ помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестьянамъ за извѣстныя повинности, и такіе крестьяне были названы „обязанными", позволилъ крестьянамъ пріобрѣтать недвижимую собственность съ дозволенія ихъ помѣщиковъ. — Относительно просвѣщенія были приняты слѣдующія мѣры: былъ изданъ новый уставъ учебныхъ заведеній—высшихъ, среднихъ и низшихъ, причемъ жалованье профессорамъ и учителямъ было удвоено; были учреждены новыя учебныя заведенія: два института — „профессорскій" для приготовленія профессоровъ въ высшія учебныя заведенія и „главный педагогическій" для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія, университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, военная академія (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), училище правовѣдѣнія, технологическій институтъ; въ губерніяхъ было открыто нѣсколько новыхъ кадетскихъ корпусовъ и женскихъ институтовъ. Наибольшее вниманіе правительства было обращено на военно-учебныя заведенія. Вновь учрежденная „археографическая коммиссія" должна была собирать и издавать источники для изученія русской исторіи; ея изданія и полное собраніе законовъ россійской имперіи дали возможность историкамъ заняться научной обработкой русской исторіи. Съ 1848 г. въ виду событій, происходившихъ на западѣ, правительство было

вынуждено принять нѣкоторыя ограничительныя мѣры относительно народнаго образованія.

Финансы въ царствованіе Николая I значительно поправились, благодаря дѣятельности министра финансовъ графа Канкрина. Вслѣдствіе усиленнаго выпуска ассигнацій во время заграничныхъ войнъ Павла I и Александра I цѣнность ихъ настолько упала, что въ 1816 г. за ассигнаціонный рубль давали только 24 коп. металлическихъ. Съ учрежденіемъ особой кассы при Александрѣ I для погашенія государственныхъ долговъ, которая изъяла изъ обращенія нѣсколько милліоновъ ассигнацій, цѣнность послѣднихъ повысилась. Вслѣдствіе войнъ 1829—31 гг. цѣна ассигнацій снова понизилась, но послѣ 1831 г. въ теченіе 16 лѣтъ не было войнъ, не было и новыхъ выпусковъ ассигнацій, а потому установилась опредѣленная ихъ цѣнность: серебряный рубль равнялся $3^1/_2$ рублямъ ассигнаціонныхъ. Этимъ и воспользовался Канкринъ для проведенія своей денежной реформы. Указомъ 1839 г. отношеніе серебрянаго рубля къ ассигнаціонному, какъ $1 : 3^1/_2$, было признано неизмѣннымъ; затѣмъ былъ устроенъ „депозитный банкъ", который принималъ звонкую монету въ качествѣ вкладовъ, выдавая взамѣнъ новые, т.-наз. „депозитные билеты", которые во всякое время размѣнивались на серебро (рубль за рубль). Депозитные билеты имѣли большой успѣхъ въ обращеніи, вслѣдствіе чего въ банкѣ накопилось значительное количество звонкой монеты; тогда подъ обезпеченіемъ этого металлическаго фонда были выпущены „государственные кредитные билеты", которыми постепенно замѣнялись въ обращеніи ассигнаціи и депозитки и которые во всякое время по предъявленіи въ размѣнную кассу государственнаго банка размѣнивались на звонкую монету золотую и серебряную (считая рубль за рубль). Выкупъ кредитныхъ билетовъ былъ обезпеченъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ. Вслѣдствіе этой реформы появилось въ обращеніи большое количество звонкой монеты и кредитные билеты ходили по номинальной цѣнѣ. Изъ другихъ финансовыхъ распоряженій Канкрина замѣтимъ возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на заграничные товары, возобновленіе откуповъ, установленіе акциза съ табаку. Въ царствованіе Николая были проведены въ Россіи первыя желѣзныя дороги — изъ Петербурга въ Царское Село и Москву.

1828 г.

Внѣшняя политика. Персидская война (1826—1828 гг.). Для поддержанія въ Европѣ того важнаго политическаго значенія Россіи, которое она пріобрѣла при Александрѣ I, императоръ Николай во

все время своего царствованія принималъ дѣятельное участіе въ важныхъ европейскихъ событіяхъ, но въ дѣла своего государства и въ отношенія Россіи къ сосѣдямъ не допускалъ никакого посторонняго вмѣшательства. Первой войной въ его царствованіе была персидская. При Александрѣ I наша война съ Персіей закончилась Гюлистанскимъ миромъ (1813 г.), по которому Персія признала наше владычество въ Грузіи, но переговоры о границахъ продолжались до кончины Александра I. Послѣ восшествія на престолъ Николая персидскій шахъ внезапно началъ съ нами войну, и персидскія войска вторгнулись въ предѣлы Грузіи. Николай I рѣшился наказать шаха за такое вѣроломство и на помощь генералу Ермолову, который былъ главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ, послалъ храбраго генерала Паскевича. Паскевичъ разбилъ персовъ наголову при Елизаветполѣ и заставилъ ихъ уйти изъ русскихъ предѣловъ; назначенный затѣмъ главнокомандующимъ вмѣсто Ермолова и подкрѣпленный свѣжими войсками, Паскевичъ перенесъ войну въ предѣлы Персіи, взялъ сильную крѣпость Эривань и направился къ столицѣ Персіи Тегерану. Тогда персидскій шахъ сталъ просить мира, который и былъ заключенъ въ деревнѣ Туркманчаѣ близъ Тегерана. Персія должна была уступить Россіи ханства Эриванское и Нахичеванское, заплатить 20 милліоновъ рублей контрибуціи и предоставить русскимъ торговцамъ въ Персіи разныя преимущества. За удачное окончаніе персидской войны Паскевичъ получилъ титулъ графа Эриванскаго.

Борьба грековъ за независимость. Турецкая война (1828—1829 гг.) и освобожденіе Греціи. Поводомъ къ турецкой войнѣ послужило покровительство, которое императоръ Николай оказалъ грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго ига. Войны Екатерины II съ Турціей обнаружили упадокъ турецкаго могущества и возбудили среди грековъ надежду на освобожденіе. Порабощенные турками въ 1453 г., греки во все время турецкаго ига сохраняли свою вѣру и національность. Ведя довольно большую морскую торговлю, греки въ началѣ XIX в. достигли значительнаго матеріальнаго благосостоянія; вмѣстѣ съ тѣмъ они стали заводить у себя училища и посылать молодыхъ людей для довершенія образованія въ З. Европу. Изученіе классической литературы и древнегреческой исторіи напомнило грекамъ ихъ прежнюю славу; они сильнѣе почувствовали тяжесть ига и больше прежняго стали желать отъ него освободиться. Въ началѣ XIX в. молодые греки, обучавшіеся въ Парижѣ, образовали патріотическое общество

182.

(гетерію) съ цѣлью возстановить свободу Греціи. Такія гетеріи возникли затѣмъ и въ другихъ европейскихъ городахъ. Греческіе патріоты надѣялись на успѣхъ возстанія, такъ какъ турецкая имперія въ это время уже начала распадаться; турецкіе паши въ Алжирѣ, Тунисѣ, Аравіи и въ другихъ областяхъ стремились сдѣлаться самостоятельными государями: египетскій паша почти не признавалъ власти султана,—по бухарестскому договору Молдавія и Валахія считались подъ покровительствомъ Россіи, а Сербія получила внутреннюю самостоятельность, наконецъ Али-паша въ Эпирѣ и Македоніи возсталъ противъ султана (1820 г.) и убѣждалъ грековъ послѣдовать его примѣру. Замышляя возстаніе, греки болѣе всего расчитывали на помощь единовѣрной Россіи, которая по исторически сложившимся условіямъ дѣлалась ихъ естественной защитницей. Дѣйствительно, со второй половины XVIII в. во всѣхъ договорахъ съ Турціей (Кучукъ-Кайнарджійскому, Ясскому, Бухарестскому) Россія выговаривала для грековъ и другихъ балканскихъ православныхъ народовъ разныя льготы и право имъ покровительствовать. Надежда грековъ на помощь императора Александра I была особенно сильна въ виду того, что два наиболѣе дѣятельныхъ члена гетеріи находились на русской службѣ и занимали видныя мѣста при дворѣ Александра I: графъ Каподистріа былъ статсъ-секретаремъ Александра, а князь Александръ Ипсиланти, сынъ молдавскаго господаря, генералъ-адъютантомъ. Александръ I, несмотря на всѣ свои симпатіи къ грекамъ, не могъ однако оказать имъ помощи, такъ какъ былъ связанъ постановленіями священнаго союза, члены котораго вооруженною силою подавляли всѣ революціонныя движенія въ юго-западной Европѣ, а возстаніе грековъ западно-европейскія державы, по внушеніямъ Австріи, называли революціоннымъ мятежомъ грековъ противъ ихъ законнаго повелителя султана.

Греческіе патріоты пригласили стать во главѣ возстанія графа Каподистріа, но онъ отказался, зная, что Александръ I не можетъ помочь грекамъ. Тогда по призыву патріотовъ поднялъ знамя греческаго возстанія Александръ Ипсиланти; онъ вторгнулся съ отрядомъ гетеристовъ (1821 г.) изъ Бессарабіи въ Молдавію и Валахію, занялъ Яссы и Бухарестъ и отсюда сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ грекамъ, приглашая ихъ возстать противъ турокъ. Александръ I, узнавъ объ этомъ, уволилъ Ипсиланти изъ русской службы. Возстаніе Ипсиланти окончилось полной неудачей: дружина его была разбита турецкимъ войскомъ, а самъ онъ бѣжалъ въ Вѣну, гдѣ

его заключили въ темницу; союзникъ его Али-паша былъ захваченъ турками и казненъ. Слѣдствіемъ движенія Ипсиланти было возстаніе грековъ въ Мореѣ, въ средней Греціи и на островахъ Архипелага; турки, застигнутые врасплохъ и избиваемые греками, должны были спасаться въ крѣпости. Извѣстіе о возстаніи грековъ страшно раздражило турокъ: множество безоружныхъ грековъ было избито въ Константинополѣ, патріархъ и 3 митрополита были повѣшены передъ церковью въ Свѣтлое воскресенье. Русскій посолъ потребовалъ прекращенія звѣрствъ, но безуспѣшно; подвергнувшись самъ оскорбленію со стороны турокъ и не получивъ удовлетворенія, посолъ выѣхалъ изъ Константинополя. Дѣло стало клониться къ войнѣ Россіи съ Турціей, по Австрія и Англія, опасаясь, что въ случаѣ войны Россія усилится на счетъ слабой Турціи, выступили посредницами и успѣли задержать войну до кончины Александра I. Между тѣмъ возстаніе грековъ шло настолько успѣшно, что они созвали въ Эпидаврѣ національное собраніе и провозгласили независимость Греціи съ республиканской формой правленія. Хотя западныя европейскія правительства все еще видѣли въ грекахъ революціонеровъ, но многіе частные люди (филэллины), сочувствуя борьбѣ грековъ за свободу, жертвовали имъ деньги и оружіе и даже становились въ ряды греческихъ борцовъ за независимость. Тогда турецкій султанъ, видя, что однѣми своими силами онъ не въ состояніи усмирить грековъ, просилъ помощи у своего вассала, египетскаго паши, Мегмета-Али, у котораго была хорошо устроенная армія и флотъ. Мегметъ-Али послалъ въ Грецію большое войско подъ начальствомъ своего сына, который взялъ нѣсколько крѣпостей и съ безчеловѣчной жестокостью сталъ истреблять грековъ и опустошать ихъ страну. Геройское мужество, съ которымъ защищались греки, и жестокости египетскихъ войскъ возбудили въ Европѣ еще большее участіе къ грекамъ.

При такомъ положеніи греческихъ дѣлъ вступилъ на русскій престолъ Николай I. Хотя Николай I вполнѣ сочувствовалъ охранительнымъ началамъ священнаго союза, но не будучи связанъ по отношенію къ нему никакими обязательствами онъ рѣшился принять дѣятельное участіе въ судьбѣ грековъ. Тогда Англія, а затѣмъ и Франція стали опасаться, чтобы Россія не рѣшила одна, безъ участія западныхъ европейскихъ державъ, греческаго вопроса, и потому обѣ эти державы сблизились съ Россіей и сообща сдѣлали представленіе Турціи о необходимости прекратить преслѣдованіе грековъ и даровать имъ внутреннее самоуправленіе съ

тѣмъ, чтобы греки платили Турціи ежегодную дань. На коллективную ноту 3-хъ державъ султанъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ допускать иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи и готовъ отразить въ случаѣ надобности силу силою. Тогда Россія, Англія и Франція, согласно заключенному между ними договору, порѣшили вооруженною силою прекратить борьбу грековъ съ турками; когда сильный турецко-египетскій флотъ повезъ въ Морею новое войско и, войдя въ Наваринскую гавань, началъ военныя дѣйствія противъ грековъ, то 3 соединенныя эскадры—русская, англійская и французская, напали на турецкій флотъ при Наваринѣ и въ теченіе 4-хъ часовъ совершенно истребили его (1827 г.) Раздраженный наваринскимъ пораженіемъ, султанъ сталъ готовиться къ войнѣ, причемъ гнѣвъ его обрушился исключительно на Россію; призывая мусульманъ къ поголовному ополченію, султанъ въ своемъ манифестѣ называлъ русскихъ главными врагами Турціи и говорилъ, что русскіе въ теченіе 60 лѣтъ пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нападать на Турцію, а теперь составили заговоръ съ греками и вооружили другихъ европейцевъ, чтобы стереть имя мусульманское съ лица земли, вслѣдствіе чего онъ прекращаетъ всякіе переговоры съ Россіей. Въ отвѣтъ на это императоръ Николай заявилъ въ своемъ манифестѣ, что онъ вовсе не думаетъ объ уничтоженіи Турціи, а требуетъ отъ нея только соблюденія прежнихъ договоровъ относительно внутренней самостоятельности Сербіи, Молдавіи и Валахіи и дарованія независимости Греціи. Такъ какъ султанъ не далъ никакого отвѣта, то и началась русско-турецкая война (1828—1829 гг.).

Русскія войска подъ начальствомъ Витгенштейна заняли Молдавію и Валахію, перешли Дунай въ присутствіи самого императора Николая и взяли турецкія крѣпости Браиловъ и Варну; въ то же время въ Азіи Паскевичъ взялъ штурмомъ сильныя турецкія крѣпости Карсъ и Ахалцыхъ. Несмотря на эти побѣды русскихъ войскъ, султанъ не хотѣлъ мира, расчитывая на новый разрывъ Персіи съ Россіей вслѣдствіе того, что возмутившаяся тегеранская чернь убила русскаго посланника Грибоѣдова и большую часть его свиты. Войны между Персіей и Россіей однако не произошло, такъ какъ персидскій шахъ прислалъ въ Петербургъ своего внука, который въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи иностранныхъ пословъ, просилъ императора Николая предать забвенію происшествіе въ Тегеранѣ. Такимъ образомъ надежда султана на союзъ съ персидскимъ шахомъ не сбылась. Паскевичъ

продолжалъ въ Азіи военныя дѣйствія противъ турокъ; поразивъ двѣ турецкія арміи, онъ взялъ Эрзерумъ. Въ то же время въ Европѣ графъ Дибичъ, смѣнившій заболѣвшаго Витгенштейна, разбилъ великаго визиря, взялъ крѣпость Силистрію и, перейдя за Балканы, занялъ Адріанополь. (Когда Россія одна вела борьбу съ Турціей за освобожденіе грековъ, Англія и Австрія стали завидовать нашимъ успѣхамъ, причемъ Австрія даже предложила Англіи, Франціи и Пруссіи общими силами принудить Россію къ миру и предписать его условія; но этому воспротивилась Франція, стоявшая тогда за Россію: она объявила, что будетъ воевать съ Австріей, если послѣдняя начнетъ враждебныя дѣйствія противъ Россіи). Послѣ занятія Адріанополя султанъ, по совѣту пословъ зап.-европейскихъ державъ, просилъ мира, который и былъ заключенъ въ Адріанополѣ (1829 г.) на слѣдующихъ условіяхъ: Россія удержала за собою острова при устьяхъ Дуная и восточный берегъ Чернаго моря съ крѣпостями Анапой, Поти и Ахалцыхомъ, необходимыми для безопасности Закавказскаго края; русскіе подданные получили полную свободу торговли въ турецкихъ областяхъ; торговыя суда Россіи и другихъ державъ, дружественныхъ съ Турціей, могли свободно проходить черезъ Дарданеллы и Босфоръ; Молдавія, Валахія и Сербія получили внутреннюю самостоятельность съ правомъ имѣть собственныхъ государей, но съ уплатою Турціи ежегодной дани, и признавались состоящими подъ покровительствомъ Россіи,—наконецъ, Турція признала независимость Греціи. Европейскія державы по взаимному согласію образовали особое греческое королевство, въ составъ котораго вошли средняя и южная Греція и нѣкоторые острова Архипелага.

Польское возстаніе. Большая часть варшавскаго герцогства на вѣнскомъ конгрессѣ была присоединена къ Россіи подъ именемъ Царства Польскаго. Съ этихъ поръ матеріальное благосостояніе Польши стало быстро развиваться, доходы увеличились и населеніе въ теченіе 15 лѣтъ возросло съ $2^1/_2$ до 4 милліоновъ. Русское правительство заботилось также о развитіи въ Польшѣ образованія; былъ основанъ университетъ въ Варшавѣ, двѣ военныя академіи, женскій институтъ, школа земледѣлія и сельскаго хозяйства и другія учебныя заведенія. По словамъ самихъ поляковъ, „Польша никогда не была такъ счастлива, какъ во времена Александра I, и если бы продолжала идти по этому пути, то скоро забыла бы 200 лѣтъ своей анархіи и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы“. Поляки однако не умѣли

цѣнить благодѣяній Александра I, который предалъ забвенію помощь, оказанную поляками Наполеону въ его войнахъ съ Россіей (въ 1812 г. поляки выставили 80,000 армію, которая вмѣстѣ съ Наполеономъ вступила въ Россію), и даровалъ Польшѣ учредительную хартію, и на первыхъ же сеймахъ обнаружили открытую оппозицію русскому правительству. Имѣя особое отъ Россіи политическое устройство и свое національное войско, отлично устроенное стараніями в. князя Константина Павловича, они стали стремиться къ отдѣленію отъ Россіи и возстановленію Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она находилась до перваго раздѣла. Поляки считали возможнымъ возвращеніе имъ Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи на томъ основаніи, что коренное русское населеніе этихъ областей принадлежало къ низшимъ сословіямъ и состояло большею частію изъ крѣпостныхъ крестьянъ, а высшій образованный классъ составляли по преимуществу поляки католики. По всему Царству Польскому возникъ цѣлый рядъ тайныхъ обществъ съ цѣлью возстановленія прежней независимой Польши. Члены этихъ обществъ подготовляли юношество къ возстанію посредствомъ особой системы воспитанія, устроенной въ польско-католическомъ духѣ, мечтали даже посредствомъ школъ полонизировать весь западно-русскій край. Въ такомъ духѣ дѣйствовали кураторъ виленскаго учебнаго округа Адамъ Чарторыйскій, который съ этою цѣлью увеличилъ число школъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, и графъ Чацкій, визитаторъ школъ на Волыни, Украйнѣ и Подоліи, основавшій на свой счетъ кременецкій лицей и 120 новыхъ школъ. Лелевель, профессоръ исторіи виленскаго университета (который былъ преобразованъ изъ Академіи при Александрѣ I), стоялъ во главѣ польской патріотической партіи въ Литвѣ и своими краснорѣчивыми лекціями о прежнемъ величіи и блескѣ Рѣчи Посполитой сильно дѣйствовалъ на воображеніе своихъ слушателей. Революціонныя движенія въ З. Европѣ также имѣли вліяніе на волненія въ Польшѣ. Всѣ отдѣльныя тайныя общества въ концѣ царствованія Александра I слились въ общій патріотическій союзъ и выжидали только благопріятнаго времени, чтобы начать возстаніе. При такомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ скончался Александръ I и вступилъ на престолъ Николай I.

Когда при Николаѣ I Россія начала войну съ Турціей, тайныя общества въ Польшѣ рѣшили воспользоваться этимъ временемъ для исполненія своихъ замысловъ, и волненія стали усиливаться; іюльская революція въ Парижѣ (1830 г.) ускорила возстаніе по-

ляковъ, подавъ имъ надежду на помощь Франціи. Возстаніе началось въ Варшавѣ въ ночь на 17 ноября 1830 г. Толпа заговорщиковъ, состоявшая изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ, бросилась въ Бельведерскій загородный дворецъ съ намѣреніемъ убить в. князя Константина Павловича, бывшаго намѣстникомъ Царства Польскаго. Константинъ Павловичъ успѣлъ однако спастись и удалился къ войску. Тогда заговорщики разграбили арсеналъ и роздали оружіе черни, возбудивъ ее ложными криками, что русскіе рѣжутъ поляковъ и жгутъ городъ. Чтобы показать несправедливость этихъ криковъ, Константинъ Павловичъ, по совѣту приближенныхъ къ нему польскихъ офицеровъ, удержалъ русское войско отъ энергическихъ дѣйствій и даже удалился съ войскомъ изъ Варшавы въ сосѣднюю деревню; тогда возстаніе приняло огромные размѣры. На слѣдующій день поляки послали депутацію для переговоровъ съ великимъ княземъ, которая между прочимъ потребовала присоединенія къ Царству Польскому западнорусскихъ областей. Великій князь отказался отъ переговоровъ и заявилъ, что онъ покидаетъ Варшаву и предоставляетъ полякамъ самимъ согласить свои недоразумѣнія. Между тѣмъ среди членовъ польскаго патріотическаго общества образовались 2 партіи: аристократическая (умѣренная) съ Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ, желавшая сохранить связь съ Россіей и конституціонное устройство, но только съ большею самостоятельностью, и демократическая съ Лелевелемъ, требовавшая республиканскаго устройства, возстановленія независимой Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ и войны съ Россіей. Такъ какъ польская армія перешла тоже на сторону революціи, то Константинъ Павловичъ съ русскими войсками вышелъ изъ предѣловъ Польши; тогда образовалось временное правительство, превозгласившее генерала Хлопицкаго главнокомандующимъ польскихъ войскъ и диктаторомъ. Хлопицкій вмѣстѣ съ умѣренной партіей хотѣлъ добиться самостоятельности Польши путемъ мирныхъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ, такъ какъ не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ Россіей, и поэтому были отправлены депутаты въ Петербургъ для переговоровъ. Императоръ Николай объявилъ депутатамъ, что онъ обѣщаетъ амнистію полякамъ, если они немедленно покорятся; но если они дерзнутъ поднять оружіе противъ Россіи и законнаго своего государя, то сами они и ихъ пушечные выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу. Между тѣмъ въ это время въ Польшѣ демократическая партія уже взяла верхъ и поляки стали готовиться къ

войнѣ съ Россіей; былъ созванъ сеймъ, который выбралъ новаго главнокомандующаго, такъ какъ Хлопицкій сложилъ съ себя власть.

Графъ Дибичъ-Забалканскій, по повелѣнію императора Николая, немедленно вступилъ въ предѣлы Польши во главѣ 100,000 арміи и дошелъ до Вислы, не встрѣтивъ никакого сопротивленія въ городскомъ и сельскомъ населеніи, которое напрасно возбуждали къ возстанію католическое духовенство и шляхта. Польское войско было разбито Дибичемъ въ кровопролитной битвѣ при Гроховѣ, недалеко отъ Варшавы; поляки съ ужасомъ ожидали штурма Варшавы, но Дибичъ далъ отдыхъ войскамъ, надѣясь, что поляки покорятся послѣ этого пораженія. Новый польскій главнокомандующій Скржинецкій, дѣйствительно, завелъ переговоры съ Дибичемъ, которые впрочемъ ни къ чему не привели, а между тѣмъ поляки воспользовались этимъ временемъ и увеличили свою армію до 80,000 человѣкъ.—Поляки пробовали также поднять возстаніе въ Волыни и въ Литвѣ. Въ Волыни и Подоліи помѣщики поляки съ небольшими отрядами, дѣйствительно, возстали и соединились съ присланнымъ сюда польскимъ войскомъ, но русскіе крестьяне отнеслись къ возстанію крайне враждебно; польское войско скоро было вытѣснено отсюда русскими за австрійскую границу въ Галицію и возстаніе прекратилось. Возстаніе въ Литвѣ было гораздо значительнѣе, такъ какъ здѣсь польскіе помѣщики при содѣйствіи католическаго духовенства повсюду составляли банды изъ единовѣрныхъ имъ литовскихъ крестьянъ; но и оно скоро прекратилось, такъ какъ Вильно, центръ возстанія, было занято русскими войсками; войско, присланное сюда поляками, было разбито подъ Вильно и затѣмъ вытѣснено изъ Литвы. — Скржинецкій со всѣмъ своимъ войскомъ напалъ на русскій гвардейскій корпусъ, стоявшій между Бугомъ и Наревомъ и бывшій подъ начальствомъ в. князя Михаила Павловича, но Дибичъ поспѣшилъ на помощь гвардіи и разбилъ Скржинецкаго при Остроленкѣ. Дибичъ двинулся къ Варшавѣ, но среди похода умеръ отъ холеры, которая свирѣпствовала тогда въ разныхъ мѣстахъ Россіи и особенно сильно въ Москвѣ и Петербургѣ. (Императоръ Николай своимъ личнымъ присутствіемъ и энергическими распоряженіями не мало способствовалъ прекращенію болѣзни въ обѣихъ столицахъ). На мѣсто Дибича былъ назначенъ Паскевичъ, который перешелъ Вислу и осадилъ Варшаву, гдѣ уже происходили внутреннія смуты, сопровождаемыя насиліями и убійствами. Передъ приступомъ Паскевичъ предлагалъ полякамъ добровольно покориться и сдать Варшаву, но его пред-

ложенія были отвергнуты; тогда Паскевичъ приступомъ взялъ укрѣпленное предмѣстье Волю, а затѣмъ и Варшаву. Польскія войска однако не захотѣли положить оружія и спаслись бѣгствомъ за прусскую и австрійскую границы. Такимъ образомъ возстаніе Польши было усмирено. Слѣдствіемъ возстанія было уничтоженіе учредительной хартіи и отдѣльнаго польскаго войска. Органическимъ статутомъ устройство Царства Польскаго было приравнено къ устройству русскаго государства и во главѣ управленія въ качествѣ намѣстника былъ поставленъ Паскевичъ, получившій титулъ князя Варшавскаго, который и возстановилъ въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ. Варшавскій и Виленскій университеты и Кременецкій лицей были закрыты, а вмѣсто нихъ для западныхъ областей былъ основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

Уничтоженіе уніи. Послѣ присоединенія къ Россіи юго-западныхъ русскихъ областей при Екатеринѣ II многіе уніаты стали обращаться въ православіе, но при Павлѣ I и Александрѣ I это обращеніе остановилось, и поляки всячески старались обращать уніатовъ въ католицизмъ, чему много помогало то обстоятельство, что вѣдѣніе церквей уніатской и католической въ Россіи принадлежало одной и той же римско-католической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ. Николай I для управленія уніатскою церковью учредилъ особую коллегію, которая должна была очищать уніатскую церковь отъ вошедшихъ въ нее католическихъ обрядовъ и обычаевъ и возстановленіемъ грекорусскихъ обрядовъ приготовлять ее къ возсоединенію съ церковью православною, чему дѣятельно помогало и само уніатское духовенство. Вмѣстѣ съ тѣмъ для образованія уніатскаго духовенства въ православномъ духѣ были основаны особыя семинаріи и училища. Возсоединеніе уніатовъ было ускорено польскимъ возстаніемъ 1831 года. Въ 1839 г. уніатскіе епископы и священники, собравшись въ Полоцкѣ на соборъ, постановили просить государя о дозволеніи уніатамъ присоединиться къ православію. Николай I, по разсмотрѣніи ихъ просьбы синодомъ, далъ на нее свое согласіе и такимъ образомъ унія, напоминавшая о польскомъ владычествѣ въ юго-западныхъ областяхъ, была уничтожена. Унія временно сохранилась только въ холмской епархіи Царства Польскаго до 1875 г. Для огражденія православныхъ крестьянъ въ юго-западныхъ губерніяхъ отъ угнетенія помѣщиками католиками было рѣшено опредѣлить повинности крестьянъ ихъ помѣщикамъ т. наз. инвентарными положеніями, которыя и

1831

1831

183

были введены сначала въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, а затѣмъ и въ остальныхъ юго-западныхъ областяхъ.

Венгерская война. Февральская революція 1848 г. въ Парижѣ возбудила сильныя революціонныя движенія въ Пруссіи и Австріи. Въ Австріи возстали венгры; увлеченные ораторомъ Кошутомъ, они превозгласили независимую венгерскую республику. Поляки эмигранты думали воспользоваться этими смутами для достиженія своихъ цѣлей и приняли дѣятельное участіе въ венгерскомъ возстаніи. Въ виду этихъ событій императоръ Николай ввелъ свои войска въ Молдавію и Валахію, а въ 1849 г., когда венгры одержали нѣсколько побѣдъ надъ австрійскими войсками, Николай по просьбѣ австрійскаго императора Франца Іосифа послалъ къ нему на помощь русскія войска подъ начальствомъ Паскевича. Венгерское возстаніе было усмирено въ короткое время и венгерскій диктаторъ Гергей со всѣмъ войскомъ сложилъ оружіе передъ русскими при Вилагошѣ въ августѣ 1849 года.

Крымская война (1853—1856 г.). Черезъ два года по окончаніи русско-турецкой войны за освобожденіе Греціи, противъ султана возсталъ египетскій паша Мегметъ-Али; онъ разбилъ двѣ турецкія арміи, занялъ Сирію и Малую Азію и готовился къ походу въ турецкія области, находившіяся въ Европѣ. Султанъ обратился за помощью къ Россіи, Англіи и Франціи; двѣ послѣднія державы отказали султану въ помощи, но императоръ Николай послалъ флотъ и сухопутное войско на защиту Константинополя, которые и заставили Мегмета-Али отозвать свои войска изъ Малой Азіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ война султана съ Мегметомъ-Али возобновилась; на этотъ разъ султана поддержали, кромѣ Россіи, Англія, Австрія и Пруссія, такъ что Мегметъ-Али принужденъ былъ удовольствоваться однимъ Египтомъ и снова признать себя данникомъ султана. Послѣ этихъ событій Россія пріобрѣла значительное вліяніе въ Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ у христіанскихъ подданныхъ Турціи увеличились симпатіи къ Россіи, отъ которой они ожидали улучшенія своего положенія. Западно-европейскія державы и особенно Англія всячески старались ослабить наше вліяніе въ Турціи и уронить Россію въ глазахъ христіанскаго населенія Турціи. Этотъ т.-наз. „восточный вопросъ“ и былъ главною причиною крымской войны Россіи съ Турціей, которую особенно подстрекали къ войнѣ Англія и Франція. Этой войной западныя европейскія державы думали поколебать значеніе Россіи на Востокѣ; кромѣ того Англія хотѣла этой войной отвлечь вниманіе

Россіи отъ Средней Азіи, гдѣ русское владычество быстро распространялось, а французскому императору Наполеону III нужна была военная слава, которая бы заставила французовъ забыть объ уничтоженіи республики и помогла бы династіи Наполеона утвердиться на французскомъ престолѣ. Поводомъ къ войнѣ послужило то обстоятельство, что Николай I вступился за права православныхъ христіанъ въ Палестинѣ. Когда султанъ отказался исполнить требованіе русскаго государя, то князь Горчаковъ, по приказанію Николая I, занялъ войсками Молдавію и Валахію въ залогъ возстановленія русскихъ правъ въ Палестинѣ (1853 г.). Тогда Турція, подстрекаемая Англіей и Франціей, первая начала военныя дѣйствія въ Азіи и выслала въ Черное море сильный флотъ; но когда этотъ флотъ былъ истребленъ русскимъ адмираломъ Нахимовымъ въ битвѣ при Синопѣ, то Англія и Франція тоже объявили Россіи войну и послали свои флоты въ Черное море. Когда же русскія войска перешли Дунай и осадили Силистрію, то Австрія выставила въ тылъ русскимъ войскамъ значительную армію и потребовала очищенія нами Молдавіи и Валахіи, вслѣдствіе чего императоръ Николай былъ принужденъ прекратить наступательныя дѣйствія въ Европейской Турціи и отозвать свои войска. Пруссія хотя не приняла участія въ войнѣ, но и не заключила союза съ Россіей, на что послѣдняя могла разсчитывать въ виду всего сдѣланнаго ею въ прежнее время для Пруссіи. Такимъ образомъ Россіи пришлось одной выдержать войну съ цѣлой коалиціей европейскихъ державъ.

Союзники послали свои корабли во всѣ моря, окружающія Россію, но дѣйствія непріятельскаго флота въ моряхъ Балтійскомъ и Бѣломъ и у береговъ Камчатки не имѣли успѣха. Главныя военныя дѣйствія происходили у Севастополя, на южныхъ берегахъ Крыма, такъ какъ цѣлью Англіи было уничтоженіе русскаго черноморскаго флота. Союзное 60,000 войско высадилось у Евпаторіи. Русскій главнокомандующій князь Меншиковъ, послѣ неудачнаго сраженія при рѣкѣ Альмѣ, отступилъ къ сѣверу. Тогда непріятели съ суши и съ моря осадили Севастополь, въ гавани котораго находился нашъ черноморскій флотъ. Во время осады Севастополя Сардинія также присоединилась къ числу нашихъ враговъ и сардинскій король отправилъ подъ Севастополь 15,000 отборнаго войска. Инженеръ Тотлебенъ окружилъ Севастополь такими замѣчательными укрѣпленіями, что русскія войска, несмотря на все превосходство непріятельскихъ силъ, могли защи-

щать его въ теченіе 11 мѣсяцевъ (съ 5 октября 1854 г. по 27 августа 1855 г.). Борьба подъ Севастополемъ была чрезвычайно ожесточенная; союзники нѣсколько разъ бомбардировали городъ, но безуспѣшно, такъ какъ русскіе мужественно выдерживали осаду (во время этой кровопролитной борьбы погибли смертью героевъ русскіе адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ). Одновременно съ обороной Севастополя происходили сраженія и въ другихъ мѣстахъ Крыма, напр., при Балаклавѣ и Инкерманѣ. На сторонѣ нашихъ враговъ было то преимущество, что они при помощи флота постоянно получали подкрѣпленія свѣжими войсками (число которыхъ ими было доведено до 175,000) и всякое продовольствіе; оружіе ихъ было также лучше нашего, между тѣмъ какъ сообщеніе Крыма съ внутренней Россіей было чрезвычайно затруднительно за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ.

18 февраля 1855 г. скончался императоръ Николай Павловичъ; наслѣдовавшій ему на престолѣ старшій сынъ его **Александръ II** продолжалъ крымскую войну. Главнокомандующимъ крымскихъ войскъ былъ назначенъ князь Горчаковъ, а Муравьевъ — главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ за Кавказомъ. Союзники удвоили свои усилія, чтобы взять Севастополь, но русскіе упорно и геройски оборонялись; наконецъ 27 августа послѣ предварительной бомбардировки, начавшейся съ 5 августа и отъ которой городъ обратился въ груды развалинъ, союзники взяли приступомъ Малаховъ курганъ (главное севастопольское укрѣпленіе). Тогда Горчаковъ оставилъ разрушенную южную часть города и, переведя войско по наведенному плавучему мосту въ сѣверную часть, взорвалъ уцѣлѣвшія укрѣпленія и затопилъ въ бухтѣ русскіе корабли. Такъ окончилась геройская 11-мѣсячная оборона Севастополя. Наши неудачи въ Крыму были вознаграждены успѣшными военными дѣйствіями противъ турокъ въ Азіи, гдѣ Муравьевъ взялъ сильную турецкую крѣпость Карсъ. Паденіе Севастополя и взятіе Карса способствовали окончанію войны, которая была тяжела не только для насъ, но и для союзниковъ, потратившихъ на нее много средствъ и войска. Крымская война окончилась парижскимъ миромъ (1856 г.), по которому Россія отдала Турціи Карсъ взамѣнъ возвращеннаго Севастополя и отказалась отъ устьевъ Дуная и части Бессарабіи, которыя были присоединены къ Молдавскому княжеству; Черное море было объявлено нейтральнымъ, т.-е. доступнымъ для торговыхъ судовъ всѣхъ націй; Россія обязалась срыть севастопольскія укрѣпленія и на будущее время

какъ Россія, такъ и Турція обязались не заводить на Черномъ морѣ ни военнаго флота, ни укрѣпленныхъ военныхъ портовъ. (Это условіе было отмѣнено на лондонской конференціи 1871 г.). Турція была принята въ систему европейскихъ державъ, которыя признали необходимымъ сохраненіе ея цѣлости, и обязалась уравнять своихъ христіанскихъ подданныхъ въ правахъ съ мусульманами. Румынія и Сербія, находившіяся до сихъ поръ подъ исключительнымъ покровительствомъ Россіи, должны были впредь состоять подъ общимъ покровительствомъ всѣхъ великихъ державъ. Судоходство по Дунаю было объявлено свободнымъ. Крымская война, стоившая намъ очень дорого, принесла Россіи тѣмъ не менѣе большую пользу, такъ какъ обнаружила наши слабыя стороны и недостатки въ военныхъ учрежденіяхъ и въ гражданскомъ порядкѣ, а потому императоръ Александръ II и посвятилъ свое царствованіе обновленію Россіи посредствомъ многихъ важныхъ реформъ.

Александръ II—Освободитель (1855—1881 г.).

Въ тяжелую годину для Россіи вступилъ на престолъ Александръ II: севастопольская война истощала средства Россіи и требовала огромныхъ жертвъ отъ всего народа. Александръ II видѣлъ тяжесть этого положенія и рѣшилъ заключить миръ даже съ уступками въ пользу враговъ Россіи.

„Сіи уступки не важны, сказано было въ Высочайшемъ манифестѣ, послѣдовавшемъ 19 марта 1856 года, въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога намъ врученной. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями нашими и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея, да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое живѣйшее желаніе наше, свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“.

26 августа 1856 г. Александръ II короновался въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ и по этому случаю даровалъ народу многія льготы для облегченія бѣдствій, причиненныхъ войной; т. напр., всякія недоимки были сложены, прекращены на 3 года рекрутскіе

наборы; упоминая о долгахъ русскихъ подданныхъ государству и о провинностяхъ ихъ передъ закономъ, Высочайшій манифестъ въ каждомъ такомъ случаѣ говорилъ: „отмѣнить, простить, возвратить". Многимъ преступникамъ было уменьшено наказаніе; оставшіеся въ живыхъ участники возмущенія 14 декабря 1825 г. и польскаго мятежа 1831 г. были прощены и возвращены изъ Сибири. Послѣ коронаціи Александръ II немедленно приступилъ къ важной преобразовательной дѣятельности, совершенно обновившей Россію, нужды и потребности которой онъ самъ узналъ во время путешествія по Россіи, когда былъ еще наслѣдникомъ престола.

Освобожденіе крестьянъ. Главнымъ препятствіемъ къ улучшенію русскаго быта было крѣпостное право, вслѣдствіе котораго около 22 милліоновъ крестьянъ находились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. Земля, на которой жили крѣпостные крестьяне, принадлежала помѣщику; за пользованіе этой землей крестьяне должны были отбывать барщину и доставлять помѣщику разныя сельскія произведенія. Помѣщики вполнѣ распоряжались личностью своихъ крестьянъ: женили ихъ и выдавали замужъ крестьянокъ по своему усмотрѣнію, могли наказывать крестьянъ тѣлесно, отдавать ихъ въ солдаты, ссылать на поселеніе. Крѣпостное право давало помѣщикамъ возможность злоупотреблять своею властію надъ крестьянами, оказывало вредное вліяніе на нравы, препятствовало установленію равноправности передъ закономъ и правильности отношеній между сословіями, наконецъ мѣшало экономическому развитію Россіи. Императоры Павелъ, Александръ I и Николай своими указами старались облегчить положеніе крестьянъ. Александръ II рѣшился совершенно уничтожить крѣпостное право и для предварительнаго разсмотрѣнія этого вопроса учредилъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ (1857 г.), въ который были привлечены лучшіе и выдающіеся люди того времени. Въ томъ же году государь въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора Виленской, Ковенской и Гродненской губерній (въ этихъ губерніяхъ существовали дворянскіе комитеты для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ) разрѣшилъ мѣстнымъ дворянамъ приступить къ составленію проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ и повелѣлъ учредить для этого общую дворянскую коммиссію въ Вильнѣ. Государь указалъ и на тѣ начала, на которыхъ должно быть основано новое устройство быта крестьянъ: „помѣщики сохраняютъ право собственности на всю землю, но помѣщичьи крестьяне пріобрѣтаютъ посредствомъ выкупа свою усадебную

осѣдлость и такое количество пахотной земли, какое нужно для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ повинностей". Послѣ этого рескрипта дворянство другихъ губерній само просило и получило отъ государя разрѣшеніе открыть въ каждой губерніи отдѣльные комитеты объ улучшеніи крестьянскаго быта на такихъ же основаніяхъ; членами комитетовъ были лица, избранныя мѣстнымъ дворянствомъ изъ своей среды. Проекты, выработанные губернскими комитетами, поступали въ главный комитетъ, гдѣ они соглашались и сводились въ систему въ такъ наз. редакціонной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Ростовцева. Для участія въ этихъ работахъ въ редакціонную коммиссію были на время вызваны изъ 45 губерній представители отъ дворянъ землевладѣльцевъ. На основаніи отдѣльныхъ проектовъ было составлено одно общее положеніе о крестьянахъ для всей Россіи, которое затѣмъ было разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ. Во всѣхъ этихъ работахъ государь лично принималъ самое дѣятельное участіе. Выдающимися дѣятелями въ работахъ по крестьянскому вопросу были слѣдующія лица: Ростовцевъ, графъ Ланской, князь Черкасскій, Юрій Самаринъ и Н. А. Милютинъ. По приведеніи къ концу всѣхъ работъ государь подписалъ 19 февраля 1861 г. манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права. 5 марта манифестъ былъ объявленъ въ Петербургѣ и Москвѣ; онъ оканчивался слѣдующими словами: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Вмѣстѣ съ манифестомъ были изданы „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости", т.-е. законъ о новомъ устройствѣ быта крестьянъ и надѣленіи ихъ землей. По этимъ положеніямъ крѣпостные крестьяне и дворовые люди навсегда освобождались отъ крѣпостной зависимости и дѣлались свободными сельскими обывателями и вмѣстѣ съ тѣмъ получали личныя и имущественныя права, сравнявшія ихъ съ прочими гражданами государства. Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежавшія имъ земли, обязывались предоставить въ постоянное пользованіе крестьянъ ихъ усадебную осѣдлость и, сверхъ того, для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, извѣстное количество полевыхъ угодій въ размѣрѣ, сообразномъ съ качествами земли данной мѣстности. За отведенный надѣлъ крестьяне были обязаны отбывать въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя повинности—ра-

ботою или деньгами, и назывались временно обязанными крестьянами. Въ теченіе 2 лѣтъ со дня утвержденія Положеній каждый помѣщикъ со своими крестьянами долженъ былъ заключить уставную грамату, въ которой точно опредѣлялось количество земли, отходящей къ крестьянамъ, и размѣръ повинностей, причитающихся за эту землю помѣщику. Крестьянамъ было предоставлено право выкупать въ собственность ихъ усадебную осѣдлость посредствомъ взноса опредѣленной выкупной суммы, и кромѣ того, съ согласія помѣщиковъ крестьяне могли пріобрѣтать въ собственность и тѣ полевыя угодья, которыя имъ были отведены въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ крестьянами въ собственность ихъ полевого надѣла прекращались всѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и означенными крестьянами и послѣдніе получали названіе крестьянъ собственниковъ. Обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами также прекращались и въ томъ случаѣ, если крестьяне добровольно отказывались отъ пользованія предоставленнымъ имъ надѣломъ. Чтобы облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе въ собственность отведенныхъ имъ въ постоянное пользованіе земель, въ случаѣ добровольнаго соглашенія на то между помѣщиками и крестьянами, или въ случаѣ требованія самого помѣщика, правительство оказывало имъ содѣйствіе посредствомъ выкупной операціи, т.-е. правительство ссужало подъ пріобрѣтаемыя крестьянами земли опредѣленную сумму денегъ, которую и выдавало помѣщику въ видѣ процентныхъ кредитныхъ бумагъ, а крестьяне уже оплачивали свой долгъ правительству въ продолженіе 49 лѣтъ со дня выдачи ссуды. Дворовые люди обязаны были въ теченіе 2 лѣтъ платить своимъ владѣльцамъ оброкъ или служить имъ, оставаясь въ полномъ повиновеніи; по истеченіи двухлѣтняго срока они навсегда освобождались отъ всякихъ обязанностей къ владѣльцу. Для приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ и для разбирательства всѣхъ могущихъ возникнуть споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и временно обязанными крестьянами были учреждены особыя губернскія и уѣздныя Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и уѣздные мировые съѣзды, и назначены мировые посредники. Имѣнія, въ которыхъ были водворены вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне, распредѣлялись на мировые участки и въ каждомъ участкѣ избирался изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ мировой посредникъ. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили слѣдующее общинное устройство для

своего внутренняго управленія: каждое сельское общество или міръ рѣшаетъ свои домашнія дѣла на сельскомъ сходѣ; исполнителемъ этихъ рѣшеній является выбранный міромъ (на 3 года) староста; изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ составляется волость, дѣлами которой завѣдуетъ волостное правленіе съ волостнымъ старшиной; при волостномъ правленіи находится волостной судъ. Такое же общинное устройство получили и крестьяне государственные и удѣльные.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Въ прежнее время уголовные преступники предварительно подвергались наказанію плетьми, клейменію лица и затѣмъ уже пѣшеэтапнымъ порядкомъ, скованные попарно, шли въ Сибирь. Александръ II указомъ 17 апрѣля 1863 г. отмѣнилъ тѣлесныя наказанія преступниковъ и клейменіе лица. Были также преобразованы тюрьмы, для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ заведены исправительные пріюты и земледѣльческія колоніи, пѣшеэтапный порядокъ при отправкѣ преступниковъ въ Сибирь замѣненъ перевозкою. Такимъ образомъ человѣческое достоинство и въ осужденномъ преступникѣ болѣе не подвергается ненужному оскорбленію и униженію, и къ преступнику карающій законъ относится все-таки человѣколюбиво.

Судебная реформа. Прежніе суды наши были закрытые, судъ происходилъ въ присутствіи однихъ только судебныхъ чиновъ, тяжущіеся и обвиняемые въ судъ не всегда призывались, вслѣдствіе чего возможны были частыя злоупотребленія и пристрастныя рѣшенія. Производство дѣлъ было основано главнымъ образомъ на формальностяхъ и на письменной процедурѣ, вслѣдствіе чего дѣла тянулись по нѣскольку лѣтъ и все это время подозрѣваемое лицо, если дѣло было уголовное, находилось въ тюрьмѣ въ ожиданіи рѣшенія суда. Гражданскія дѣла разрѣшались на основаніи однихъ письменныхъ документовъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ требовались только формальныя доказательства, напр., поимка вора съ поличнымъ и показаніе противъ него двухъ свидѣтелей, а обстоятельства, при которыхъ совершено было преступленіе, весьма рѣдко принимались во вниманіе. За отсутствіемъ формальныхъ доказательствъ настоящіе преступники часто оправдывались или оставлялись только въ подозрѣніи. Въ виду такихъ недостатковъ старыхъ судовъ Александръ II хотѣлъ водворить въ Россіи судъ „скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ“ и поэтому утвердилъ новые „Судебные Уставы“ (1864 г.), которыми судъ устанавливался на совершенно новыхъ началахъ, а именно гласный и

устный судъ, съ участіемъ присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Разборъ менѣе важныхъ проступковъ и мелкихъ имущественныхъ исковъ предоставленъ участковымъ „мировымъ судьямъ“, которыхъ выбираетъ само населеніе изъ среды лицъ, получившихъ среднее или высшее образованіе и имѣющихъ опредѣленное недвижимое имущество, и которые утверждаются въ должности правительствомъ. Уголовныя и болѣе важныя гражданскія дѣла подлежатъ разбору „окружныхъ судовъ“. Окружной судъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властію по представленію министра юстиціи. Уголовныя слѣдствія предварительно производятся судебными слѣдователями. Разбирательство дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ производится гласно и публично, т.-е. въ присутствіи постороннихъ лицъ. Тяжущіеся и обвиняемые могутъ или сами вести свое дѣло въ судѣ, или поручить веденіе дѣла „присяжнымъ повѣреннымъ“, лицамъ спеціальнаго юридическаго образованія, состоящимъ при судебныхъ мѣстахъ. Въ качествѣ обвинителей по уголовнымъ дѣламъ, при окружныхъ судахъ и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ состоятъ прокуроры и ихъ товарищи. Защита подсудимыхъ и обвиненіе и вообще вся существенная сторона судебныхъ разбирательствъ происходитъ передъ судомъ устно. При разборѣ болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ присутствуютъ 12 присяжныхъ засѣдателей, которые основываютъ свои рѣшенія о виновности или невиновности подсудимыхъ на внутреннемъ убѣжденіи; они выражаютъ какъ бы общественную совѣсть. Присяжные принимаютъ во вниманіе не только представленныя на судѣ доказательства, но и всѣ обстоятельства, при которыхъ было совершено преступленіе, внимательно выслушиваютъ рѣчи прокурора и присяжныхъ повѣренныхъ, затѣмъ совѣщаются между собою въ отдѣльной комнатѣ и тогда уже выносятъ обвиняемому, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или оправдательный приговоръ (нѣтъ, не виновенъ), или смягчающій (виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія), или обвинительный (да, виновенъ); въ послѣднихъ двухъ случаяхъ судъ опредѣляетъ подходящее по закону наказаніе. Присяжные засѣдатели ежегодно назначаются установленнымъ порядкомъ изъ всѣхъ сословій, а должностныя лица судебнаго вѣдомства назначаются правительствомъ изъ лицъ, получившихъ спеціальное юридическое образованіе. Недовольные рѣшеніемъ мирового судьи могутъ приносить жалобы мировому съѣзду, состоящему изъ мировыхъ судей всего участка; таковыя же жалобы на рѣшенія окружного суда (по дѣ-

ламъ менѣе важнымъ) поступаютъ въ судебную палату. Судебная палата раздѣляется на департаменты. Каждый департаментъ палаты состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ по представленію министра юстиціи Высочайшею властію. Высшее судилище (верховный кассаціонный судъ) составляетъ правительствующій сенатъ, въ который приносятся жалобы (въ случаѣ несоблюденія формъ или неправильнаго примѣненія закона) на съѣзды мировыхъ судей, на окружные суды (по дѣламъ болѣе важнымъ) и судебныя палаты. Власть сената распространяется на всю имперію, и его рѣшенія, какъ составляющія толкованіе смысла закона, печатаются во всеобщее свѣдѣніе и обязательны для судебныхъ мѣстъ. При новомъ устройствѣ суда права гражданъ и личная участь подсудимаго ограждены образованіемъ судей, гласностью разбора дѣлъ, повѣркою судебнаго рѣшенія въ высшей инстанціи и участіемъ въ судѣ присяжныхъ, которые, будучи совершенно посторонними суду и подсудимому, заинтересованы только справедливымъ рѣшеніемъ дѣла, по чистой совѣсти. Новые суды сначала были открыты въ петербургскомъ и московскомъ округахъ, а затѣмъ стали вводиться и въ другихъ губерніяхъ. Власть мирового судьи, съѣздовъ мировыхъ судей, окружного суда и судебной палаты ограничивается особыми участками и округами, при назначеніи которыхъ принимается въ соображеніе пространство мѣстностей, количество народонаселенія, число мѣстныхъ судебныхъ дѣлъ и удобство путей сообщенія.

Земскія учрежденія. Экономическому развитію Россіи не мало мѣшало то обстоятельство, что губернскимъ и городскимъ общественнымъ хозяйствомъ завѣдывали назначаемые отъ правительства чиновники, которые мало знали общественное хозяйство и въ немъ лично не были заинтересованы. Кромѣ того, рѣшеніе разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ чрезвычайно затягивалось, такъ какъ зависѣло отъ высшихъ учрежденій, у которыхъ надо было испрашивать дозволенія по каждому отдѣльному вопросу. Для устраненія этихъ неудобствъ Государь утвердилъ (1864 г.) „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“, по которому завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ и уѣздахъ ввѣрялось представителямъ мѣстнаго населенія, которыхъ избираетъ само населеніе установленнымъ порядкомъ. Эти представители обсуждаютъ также нужды земскаго хозяйства и могутъ обращаться къ правительству съ ходатайствами о мѣрахъ къ улучшенію экономическаго состоянія своей мѣстности. Вѣдѣнію земскихъ учрежденій

въ каждой губерніи и уѣздѣ подлежатъ слѣдующія дѣла: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства, устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и путей сообщенія, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, попеченіе о постройкѣ и содержаніи земскихъ школъ и благотворительныхъ заведеній, земское взаимное страхованіе имуществъ, принятіе мѣръ къ развитію мѣстной торговли, промышленности и народнаго образованія, къ прекращенію падежей скота и эпидемій и т. п. Земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно въ томъ кругу дѣлъ, которыя имъ довѣрены, но подъ высшимъ наблюденіемъ губернатора, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы постановленія земскихъ учрежденій не были противны законамъ и общей государственной пользѣ. Земскія учрежденія дѣлятся на уѣздныя и губернскія. Уѣздныя земскія учрежденія состоятъ изъ „уѣзднаго земскаго собранія“ и „уѣздной земской управы“. Члены уѣзднаго земскаго собранія называются „гласными“; ихъ выбираютъ на 3 года всѣ уѣздные обыватели изъ своей среды, безъ различія сословій, имѣющіе въ уѣздѣ извѣстную недвижимую собственность. Уѣздное земское собраніе собирается разъ въ годъ на извѣстный срокъ для обсужденія и рѣшенія хозяйственныхъ дѣлъ своего уѣзда; самое же веденіе земскаго дѣла собраніе поручаетъ „уѣздной земской управѣ“, которая состоитъ изъ предсѣдателя и 2 членовъ, избираемыхъ на 3 года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа участвующихъ въ немъ лицъ; отчеты управы утверждаетъ собраніе. „Губернское земское собраніе“ составляется изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями на 3 года; оно также собирается ежегодно по разу и обсуждаетъ общегубернскія дѣла, веденіемъ которыхъ занимается „губернская земская управа“; предсѣдатель и члены губернской земской управы избираются на 3 года губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ своей среды. Такія же начала были положены и въ основаніе городского управленія. По „Городовому Положенію“ городскіе обыватели собственники, безъ различія сословій, выбираютъ изъ своей среды на 4 года гласныхъ, которые составляютъ „городскую думу“, занимающуюся дѣлами городского хозяйства и благоустройства; текущими дѣлами завѣдуетъ избранная гласными „городская управа“ подъ предсѣдательствомъ „городского головы“.

Всесословная воинская повинность. Въ прежнее время ряды нашей арміи пополнялись рекрутскими наборами съ податныхъ сословій, которыя такимъ образомъ одни несли обязательную воен-

ную службу. Отъ рекрутской повинности позволялось, впрочемъ, освободиться, представивъ наемщика или денежный выкупъ. Преступники часто приговаривались судомъ къ отдачѣ въ солдаты; помѣщики тоже отдавали въ солдаты своихъ крѣпостныхъ за дурное поведеніе. Служба въ войскахъ продолжалась 25 лѣтъ, и солдатъ могъ вернуться въ родное село только на старости лѣтъ, такъ что время наборовъ было тяжелымъ и печальнымъ временемъ для податныхъ сословій. Воинская дисциплина была чрезвычайно суровая, провинившіеся солдаты подвергались жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ шпицрутенами и прогонялись сквозь строй. Александръ II прежде всего запретилъ отдачу въ солдаты за преступленія и отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, а затѣмъ манифестомъ 1 января 1874 г. призвалъ къ участію въ воинской повинности всѣ сословія; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ новый уставъ о воинской повинности. Манифестъ, возвѣщавшій о новой реформѣ, указывалъ обстоятельства, ее вызвавшія: „Событія доказали, что сила государства не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, и достигаетъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединяются на это святое дѣло“. Съ этого времени для пополненія арміи и флота ежегодно призываются молодые люди всѣхъ сословій, достигшіе въ томъ году 20 лѣтъ; изъ нихъ поступаютъ въ военную службу только тѣ, которымъ достанется жребій, а всѣ остальные зачисляются въ государственное ополченіе, которое созывается только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени; въ составъ государственнаго ополченія входитъ также все мужское населеніе Россіи отъ 20 до 40-лѣтняго возраста, способное носить оружіе, но не числящееся въ постоянныхъ войскахъ. Число людей, потребное для пополненія войска, ежегодно опредѣляется законодательнымъ порядкомъ по представленію военнаго министра. Общій срокъ службы въ войскахъ 15-лѣтній, изъ которыхъ 6 лѣтъ дѣйствительной службы, послѣ чего отбывшіе ее распускаются по домамъ и числятся въ запасѣ 9 лѣтъ; запасные могутъ избрать любой родъ дѣятельности, но они обязаны явиться по призыву для пополненія дѣйствующихъ войскъ въ военное время. Срокъ дѣйствительной службы во флотѣ 7 лѣтъ и въ запасѣ 3 года. Отъ исполненія воинской повинности уже нельзя освободиться денежнымъ выкупомъ или наймомъ охотника. Лица, отбывающія воинскую повинность, сохраняютъ личныя и

имущественныя права своего состоянія, но подчиняются требованіямъ военной службы. По призыву въ военную службу допускаются льготы и исключенія по семейному положенію; срокъ дѣйствительной службы сокращается также для лицъ, получившихъ образованіе, смотря по разряду учебнаго заведенія, въ которомъ новобранецъ окончилъ курсъ. Во всѣхъ этихъ военныхъ преобразованіяхъ главнымъ дѣятелемъ былъ военный министръ графъ Д. А. Милютинъ.

Заботы о народномъ образованіи и другія правительственныя распоряженія. Александръ II съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія обратилъ особенное вниманіе на народное образованіе. Было утверждено положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ и число ихъ стало быстро увеличиваться, особенно благодаря дѣятельному участію земства. Для приготовленія народныхъ учителей министерство народнаго просвѣщенія и земства стали учреждать учительскія семинаріи. Число гимназій и вообще средне-учебныхъ заведеній возросло съ 88 до 280; гимназіи были раздѣлены на классическія гимназіи и реальныя училища и получили новый уставъ; въ классическихъ гимназіяхъ въ основу образованія было положено изученіе классическихъ языковъ (при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Толстомъ). Въ университеты позволено было принимать неограниченное число студентовъ; новые университеты были открыты въ Одессѣ и Варшавѣ, разрѣшено открыть университетъ въ Томскѣ для Сибири. Особенно замѣчательно быстрое развитіе женскаго образованія. До сихъ поръ существовали только женскіе институты и частные пансіоны, и то въ очень ограниченномъ числѣ; въ царствованіе Александра II впервые были открыты (1858 г.) женскія гимназіи и прогимназіи для приходящихъ дѣвицъ, которыя приняла подъ свое высокое покровительство императрица Марія Александровна, супруга императора Александра II. Серьезный учебный курсъ женскихъ гимназій, доступность по цѣнѣ, доступъ для всѣхъ сословій, возможность воспитывать дочерей, не отрывая ихъ отъ семьи, возбудили къ новымъ заведеніямъ большое сочувствіе со стороны общества, и число женскихъ гимназій стало быстро расти. Съ развитіемъ средняго женскаго образованія были сдѣланы попытки открыть женщинамъ доступъ и къ высшему образованію: соотвѣтственно мужскимъ университетамъ и академіямъ были учреждены педагогическіе курсы, высшіе женскіе курсы и курсы для занятій медициной и хирургіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщинамъ былъ открытъ доступъ и къ нѣкоторымъ служебнымъ занятіямъ. Кромѣ главныхъ коренныхъ

преобразованій, нами указанныхъ, въ царствованіе Александра II не осталось почти ни одной части нашего государственнаго управленія, гдѣ бы не были произведены болѣе или менѣе значительныя улучшенія.

Вотъ перечень еще нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій: введены новыя правила для составленія и исполненія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ и единство государственной кассы, отмѣнены винные откупы и введена акцизная система питейныхъ сборовъ, построена цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, что̀ способствовало развитію промышленности и торговли, проведены телеграфныя линіи, облегчены строгіе цензурные уставы, изъяты изъ духовнаго званія дѣти священно- и церковнослужителей, облегчено положеніе раскольниковъ.

Мятежъ въ Польшѣ. Внутреннее спокойствіе, наступившее въ Россіи послѣ парижскаго мира, было нарушено возстаніемъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г. Послѣ усмиренія польскаго возстанія 1830 г. управленіе въ Польшѣ было сосредоточено въ рукахъ военныхъ начальниковъ и намѣстника, которому принадлежала большая власть. Александръ II сталъ облегчать положеніе Польши, простилъ поляковъ, участвовавшихъ въ прежнихъ мятежахъ, и возвратилъ сосланныхъ изъ Сибири; но эти либеральныя мѣры возбудили среди поляковъ надежду на возстановленіе древней Польши; подстрекаемые польскими эмигрантами, находившимися во Франціи, и надѣясь на помощь Наполеона III, поляки задумали произвести новое возстаніе противъ русскаго правительства; происходившая въ то время борьба итальянцевъ съ австрійцами за объединеніе Италіи ускорила революціонное движеніе въ Польшѣ. Въ 1861 г. въ Варшавѣ и другихъ городахъ, а также и въ западно-русскихъ губерніяхъ стали происходить враждебныя Россіи демонстраціи, въ которыхъ особенно дѣятельное участіе принимало католическое духовенство. Государь думалъ успокоить волненіе дарованіемъ Польшѣ новыхъ льготъ, но волненіе продолжало усиливаться; произошелъ рядъ покушеній на жизнь лицъ, поставленныхъ въ Польшѣ во главѣ управленія, и даже на жизнь великаго князя Константина Николаевича, назначеннаго въ то время намѣстникомъ. Наконецъ въ январѣ 1863 г. вспыхнулъ открытый мятежъ и вооруженные отряды поляковъ появились въ разныхъ мѣстахъ Польши, а также въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Волыни, думая поднять общее возстаніе. Общаго возстанія однако не произошло, такъ какъ крестьяне и русскіе и польскіе оставались вѣрны правительству. Польскіе отряды были повсюду разбиваемы русскими войсками и скрывались въ лѣсахъ. Окончательному усмиренію

мятежа способствовалъ графъ Бергъ, назначенный намѣстникомъ въ Варшаву, и особенно Муравьевъ, который былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края и принялъ противъ заговорщиковъ энергическія и суровыя мѣры. Въ это время Франція, Англія и Австрія прислали русскому правительству угрожающія требованія о необходимости сдѣлать разныя уступки полякамъ. Эти требованія вызвали сильное негодованіе въ русскомъ народѣ и всѣ сословія заявили государю о своей готовности пожертвовать всѣмъ для борьбы съ врагами. Тогда по приказанію государя канцлеръ князь Горчаковъ энергически отвергнулъ всякое вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Россіи. По усмиреніи мятежа (1864 г.) были приняты мѣры для окончательнаго слiянія Польши съ Россіей. Польша была раздѣлена на 10 губерній; въ ней были уничтожены ея отдѣльныя правительственныя учрежденія и введены общерусскія (за исключеніемъ судебной и земской реформъ), русскій языкъ былъ введенъ въ администраціи и преподаваніи. Польскіе крестьяне, освобожденные при Наполеонѣ I отъ крѣпостной зависимости, но безъ надѣла землей, были теперь надѣлены землей и освобождены отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ; крестьяне получили особое сельское управленіе и за полученную ими землю должны были вносить поземельный налогъ въ казну, отъ которой въ свою очередь помѣщики получили вознагражденіе за землю.

Покореніе Кавказа. Въ царствованіе Павла Грузія была присоединена къ Россіи, такъ какъ послѣдній грузинскій царь Георгій XII передъ смертью завѣщалъ свое царство императору Павлу. При Николаѣ I по туркманчайскому миру Россія пріобрѣла ханства Эриванское и Нахичеванское и такимъ образомъ прочно утвердилась за Кавказомъ; но такъ какъ русскія владѣнія за Кавказомъ отдѣлялъ отъ Россіи Кавказскій хребетъ, населенный воинственными горцами, то съ этими горцами пришлось вести упорную и трудную борьбу. Въ 30-хъ годахъ на Кавказѣ образовалась новая магометанская секта — „мюридизмъ", благодаря которой разрозненныя кавказскія племена соединились вмѣстѣ и, воодушевленныя религіознымъ фанатизмомъ, начали наступательныя дѣйствія противъ русскихъ; во главѣ горцевъ сталъ имамъ Шамиль, соединившій въ своемъ лицѣ высшую духовную и свѣтскую власть. Отдѣльныя экспедиціи русскихъ войскъ въ горныя области, сопровождавшіяся разореніемъ черкесскихъ ауловъ, мало подвигали впередъ покореніе горныхъ племенъ. Послѣ крымской войны Александръ II

рѣшился покончить долговременную войну съ Кавказомъ, которая стоила намъ очень дорого; покорить Кавказъ надо было и въ виду того, что во время войнъ Россіи съ зап. европейскими державами наши враги обыкновенно подстрекали горцевъ къ возстанію и тѣмъ развлекали силы Россіи, заставляя ее держать на Кавказѣ большую армію. На Кавказъ были двинуты большія военныя силы и главнокомандующимъ назначенъ князь Барятинскій, хорошо знакомый по опыту съ войной на Кавказѣ. Барятинскій повелъ рѣшительное наступленіе противъ горцевъ, причемъ главное вниманіе было обращено на восточную часть Кавказа, гдѣ было мѣстопребываніе Шамиля; прорубивъ широкія просѣки сквозь густые лѣса, онъ достигъ до самыхъ глухихъ мѣстъ, въ которыхъ горцы считали себя недоступными. Напрасно Шамиль пытался остановить наступательное движеніе русскихъ; горныя племена одно за другимъ изъявляли покорность, а наконецъ и самъ Шамиль послѣ отчаянной обороны въ аулѣ Гунибъ (въ Дагестанѣ) сдался въ плѣнъ русскимъ (1859 г.). Такимъ образомъ была покорена восточная часть Кавказа. Затѣмъ послѣ 4-лѣтней упорной борьбы, въ которой горцамъ всячески помогала Турція, Англія и поляки эмигранты, была покорена и западная часть Кавказа при намѣстникѣ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ (1864 г.). Такъ закончилась 65-лѣтняя борьба за обладаніе Кавказомъ. Послѣ окончательнаго покоренія Кавказа болѣе 200,000 черкесовъ, не желавшихъ подчиниться русскому владычеству, выселились оттуда въ предѣлы Турціи.

Распространеніе русскаго владычества въ средней Азіи и на крайнемъ Востокѣ. Пограничныя владѣнія Россіи въ средней Азіи подвергались постояннымъ нападеніямъ кочевниковъ туркменъ и воинственныхъ жителей сосѣднихъ мусульманскихъ ханствъ Коканскаго, Бухарскаго и Хивинскаго, расположенныхъ въ области рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, вслѣдствіе чего русское правительство принуждено было построить на границахъ нѣсколько укрѣпленій. Между тѣмъ коканскій ханъ и бухарскій эмиръ дѣйствовали противъ Россіи настолько непріязненно, что русское правительство рѣшилось воевать съ ними и подчинить ихъ своему вліянію. У коканцевъ были взяты городъ Туркестанъ (генераломъ Веревкинымъ), крѣпость Ауліе-Ата и большой укрѣпленный городъ Ташкентъ (генераломъ Черняевымъ въ 1865 г.), послѣ чего ханъ коканскій призналъ свою зависимость отъ Россіи; черезъ нѣсколько лѣтъ коканцы начали снова враждовать съ нами и этимъ вынудили

русское правительство совсѣмъ присоединить ихъ ханство къ Россіи въ 1876 г. Бухарскій эмиръ также былъ побѣжденъ и долженъ былъ уступить Россіи городъ Самаркандъ, бывшій нѣкогда столицей Тамерлана, и нѣсколько крѣпостей. Изъ завоеванныхъ коканскихъ и бухарскихъ земель было образовано отдѣльное Туркестанское генералъ-губернаторство съ главнымъ городомъ Ташкентомъ (1867 г.). Затѣмъ Россіи пришлось воевать съ хивинскимъ ханомъ, который грабилъ русскіе караваны и уводилъ въ плѣнъ русскихъ купцовъ, разсчитывая, что русскіе не могутъ его наказать, такъ какъ непроходимыя, песчаныя и безводныя пустыни отдѣляли Хиву отъ русскихъ владѣній, и 2 русскихъ похода въ Хиву при Петрѣ I и Николаѣ I были неудачны. Такъ какъ хивинскій ханъ не хотѣлъ прекратить своихъ разбоевъ, несмотря на наши требованія, то русскія войска были двинуты противъ Хивы подъ начальствомъ генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана; всѣ трудности похода по песчанымъ безводнымъ пустынямъ при 45° жарѣ были побѣждены русскими войсками, хивинское ханство было занято въ теченіе 3 недѣль, съ боя взята и столица Хива въ 1873 г. Хивинскій ханъ долженъ былъ уступить Россіи часть своихъ владѣній, признать свою зависимость отъ нея, освободить всѣхъ бывшихъ у него рабовъ и въ своихъ владѣніяхъ обязался навсегда отмѣнить рабство.—Текинцы, одно изъ туркменскихъ племенъ, и послѣ взятія Хивы продолжали свои разбойническіе набѣги; тогда противъ нихъ былъ посланъ генералъ Скобелевъ, который взялъ текинскую крѣпость Геокъ-Тепе (1881 г.) и заставилъ текинцевъ принять русское подданство. Такимъ образомъ въ Туркестанѣ прочно утвердилось русское владычество и вмѣстѣ съ русской колонизаціей въ немъ стала быстро распространяться русская гражданственность, развивалась торговля и увеличивалось матеріальное благосостояніе туземцевъ.

При Александрѣ II русское владычество окончательно утвердилось и на отдаленномъ востокѣ. Амурскій край, уступленный китайцамъ при царевнѣ Софіи, снова былъ возвращенъ Россіи по договору 1858 года, заключенному съ Китаемъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ; сюда была направлена русская колонизація и построены города Николаевъ и Благовѣщенскъ. Затѣмъ по новому договору съ Китаемъ русскія владѣнія распространились отъ устьевъ Амура на югъ по прибрежью Японскаго моря до Кореи.— Наши отдаленныя владѣнія на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки были уступлены Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ за

денежное вознагражденіе, а часть архипелага Курильскихъ острововъ уступлена Японіи, которая отдала намъ свою часть острова Сахалина.

Русско-турецкая освободительная война (1877—1878 гг.). По условіямъ парижскаго мира 1856 г. Турція обязалась уравнять своихъ христіанскихъ подданныхъ въ правахъ съ мусульманами, но обязательства своего не исполнила и положеніе турецкихъ христіанъ съ каждымъ годомъ становилось даже болѣе тяжелымъ, вслѣдствіе чего въ 1875 году сербы, населявшіе турецкія провинціи Боснію и Герцеговину, возстали и потребовали уравненія ихъ въ правахъ съ мусульманами. Такимъ образомъ восточный вопросъ снова появился на сценѣ исторіи. Русское правительство хотѣло мирнымъ путемъ успокоить возстаніе славянъ и съ этою цѣлью предлагало великимъ европейскимъ державамъ сообща потребовать отъ Турціи, чтобы она ввела необходимыя реформы въ управленіи своими христіанскими подданными. По настояніямъ Россіи европейскія державы хотя и сдѣлали сообща представленія Турціи о необходимости реформъ, но вообще къ участи славянъ онѣ относились равнодушно, а что касается Англіи (руководимой первымъ министромъ графомъ Биконсфильдомъ) и Австріи (первымъ министромъ которой былъ графъ Андраши), то онѣ даже явно держали сторону Турціи, вслѣдствіе чего эти представленія и не были ею уважены. Турки думали подавить возстаніе избіеніемъ нѣсколькихъ тысячъ христіанъ, но возстаніе не прекращалось, а даже усилилось, такъ какъ князья Сербіи (Миланъ) и Черногоріи (Николай) объявили Турціи войну, вступившись за своихъ единоплеменниковъ. Эта борьба славянъ съ турками за свободу возбудила къ славянамъ сильное сочувствіе въ русскомъ народѣ; были сдѣланы большія денежныя пожертвованія и кромѣ того нѣсколько тысячъ русскихъ добровольцевъ отправились на театръ войны, чтобы сражаться въ рядахъ славянъ противъ турокъ, и въ числѣ ихъ отставной генералъ Черняевъ, который сталъ во главѣ сербскихъ войскъ. Однако Турція, которую англичане снабжали деньгами, оружіемъ, офицерами, скоро побѣдила сербовъ и турецкія войска уже готовились вторгнуться въ предѣлы Сербіи, но императоръ Александръ II, выставивъ часть русской арміи на южныхъ нашихъ границахъ, приказалъ Турціи немедленно заключить перемиріе съ Сербіей. Затѣмъ послы великихъ державъ собрались на конференцію въ Константинополѣ, чтобы опредѣлить условія мира Турціи съ Сербіей и Черногоріей и выработать реформы для Босніи, Гер-

цеговины и Болгаріи. Пока шли переговоры, Турція при помощи Англіи дѣятельно готовилась къ войнѣ, и когда приготовленія были окончены, то она отвергла всѣ предложенія константинопольской конференціи. Тогда Александръ II объявилъ Турціи войну 12-го апрѣля 1877 года.

Русская армія, состоявшая изъ 7 корпусовъ и собранная подъ Кишеневымъ, подъ начальствомъ в. князя Николая Николаевича вступила въ Румынію и направилась къ Дунаю; при арміи находился императоръ Александръ II съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и другими членами царской фамиліи. Въ то же время корпусъ кавказскихъ войскъ подъ начальствомъ в. князя Михаила Николаевича вступилъ въ предѣлы Азіатской Турціи въ Арменію, взялъ крѣпости Ардаганъ, Баязетъ и осадилъ Карсъ. Въ половинѣ іюня русскія войска, дѣйствовавшія на европейскомъ театрѣ войны, переправились черезъ Дунай въ двухъ мѣстахъ и взяли крѣпость Никополь, послѣ чего авангардъ русской арміи подъ начальствомъ генерала Гурко быстро двинулся къ Балканамъ, занялъ Тырновъ, древнюю столицу Болгаріи, Шипкинскій перевалъ и перешелъ за Балканы, но, остановленный арміей Сулеймана паши, принужденъ былъ отступить. Между тѣмъ сильный турецкій корпусъ подъ начальствомъ Османа паши занялъ городъ Плевну и угрожалъ правому флангу нашихъ войскъ, а главная турецкая армія подъ начальствомъ Мегмета Али паши находилась между Рущукомъ, Силистріей, Варной и Шумлой и угрожала нашему лѣвому флангу; въ то же время Сулейманъ паша стоялъ на южномъ склонѣ Балканъ и нѣсколько разъ штурмовалъ Шипкинскій перевалъ, желая вытѣснить оттуда небольшой русскій отрядъ. Такое положеніе дѣлъ лишило насъ возможности дѣйствовать наступательно до взятія Плевны и кромѣ того заставило вызвать изъ Россіи новыя войска и въ числѣ ихъ гвардію, для обезпеченія нашихъ фланговъ. Съ этого времени главныя военныя дѣйствія сосредоточились у Плевны. Занявъ Плевну, турки устроили вокругъ нея цѣлый рядъ укрѣпленій и сдѣлали ее неприступной. 3 раза русскіе штурмовали Плевну, но всѣ штурмы были отбиты (въ этихъ штурмахъ особенно прославился молодой генералъ Скобелевъ), и тогда было рѣшено вести правильную осаду Плевны. Осадою руководилъ генералъ Тотлебенъ, а главное начальство надъ осаждавшею арміею принадлежало румынскому князю Карлу, который присоединился со своими войсками къ русской арміи. Это было самое тяжелое время войны, но среди войскъ находился самъ государь, раздѣ-

лявшій съ ними всѣ труды и лишенія. До взятія Плевны рущукскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича, задерживалъ Мегмета Али, чтобы послѣдній не могъ подать помощи Осману пашѣ, и выдержалъ съ нимъ нѣсколько битвъ, а генералъ Радецкій защищалъ Шипкинскій перевалъ отъ нападеній арміи Сулеймана паши. Отдѣльный русскій корпусъ занималъ низовья Дуная,препятствуя движенію турокъ съ моря и отвлекая часть турецкой арміи, дѣйствовавшей противъ рущукскаго отряда, а торпеды, опущенныя русскими въ нижнемъ Дунаѣ, отрѣзали сообщеніе броненосной турецкой флотиліи на Дунаѣ съ турецкимъ черноморскимъ флотомъ, причемъ два турецкихъ монитора были взорваны русскими моряками на воздухъ. Наши наступательныя дѣйствія въ Малой Азіи должны были тоже пріостановиться въ ожиданіи подкрѣпленій новыми войсками, такъ какъ турки, господствуя на Черномъ морѣ благодаря своему сильному флоту, перевезли въ Азію большія военныя силы. У насъ же на Черномъ морѣ вовсе не было броненоснаго флота, который могъ бы бороться съ турецкимъ, а было только нѣсколько крейсеровъ съ миноносными лодками. Трудность войны увеличивалась и вслѣдствіе того, что Англія усердно снабжала турокъ деньгами и усовершенствованнымъ скорострѣльнымъ оружіемъ. Когда прибыли новыя русскія войска на оба театра войны, наши военныя дѣйствія приняли рѣшительный характеръ. Въ Малой Азіи генералъ Лорисъ-Меликовъ разбилъ турокъ при Авліарѣ, затѣмъ былъ взятъ Карсъ и осажденъ Эрзерумъ, а на европейскомъ театрѣ войны пала Плевна послѣ 3-мѣсячной осады, и Османъ паша со всей своей арміей сдался въ плѣнъ. Затѣмъ, несмотря на суровую зиму, русскія войска двумя колоннами перешли въ декабрѣ мѣсяцѣ черезъ Балканы; Гурко двинулся къ Софіи и разбилъ армію Сулеймана паши у Филиппополя, а генералъ Радецкій взялъ въ плѣнъ турецкій корпусъ, оттавленный Сулейманомъ у Шипки. Послѣ этого наши передовые отряды заняли Адріанополь и подступили къ Константинополю. Тогда турецкій султанъ сталъ просить императора Александра II о прекращеніи войны.

19 февраля 1878 г. въ городкѣ Санъ-Стефано, близъ Константинополя, уполномоченными Россіи (в. княземъ Николаемъ Николаевичемъ и дипломатомъ Игнатьевымъ) и Турціи былъ заключенъ предварительный мирный договоръ, по которому Турція признала полную независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи, согласилась на образованіе автономнаго княжества болгарскаго въ

ленной зависимости отъ султана, обязалась немедленно ввести реформы въ Босніи и Герцеговинѣ, уступила Россіи на Балканскомъ полуостровѣ ту часть Бессарабіи, которая была у насъ отнята по парижскому миру (такъ какъ эта область принадлежала въ то время Румыніи, то Румынія была вознаграждена Добруджей, землей на нижнемъ Дунаѣ), а въ Малой Азіи полосу земли въ Арменіи съ крѣпостью Карсомъ и портомъ Батумомъ и должна была заплатить Россіи 300 милліоновъ рублей контрибуціи. Зависть Англіи и Австріи къ успѣхамъ русскаго оружія и боязнь русскаго вліянія на востокѣ возбудили въ З. Европѣ сильное неудовольствіе противъ условій нашего договора съ Турціей, такъ что чуть было не произошла война между Англіей и Россіей. При посредничествѣ Германіи и съ согласія Россіи былъ созванъ конгрессъ въ Берлинѣ для пересмотра Санъ-Стефанскаго договора на томъ основаніи, что постановленія парижскаго мира 1856 г., измѣняемыя Санъ-Стефанскимъ договоромъ, могли быть измѣнены только съ общаго согласія великихъ державъ. На берлинскомъ конгрессѣ (въ іюнѣ 1878 г.) подъ предсѣдательствомъ германскаго канцлера князя Бисмарка былъ выработанъ берлинскій трактатъ, долженствовавшій служить основаніемъ новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ, и подписанъ представителями Россіи (канцлеръ князь Горчаковъ и русскій посолъ при англійскомъ дворѣ графъ Шуваловъ), Германіи, Австріи (графъ Андраши), Англіи (графъ Биконсфильдъ), Франціи, Италіи и Турціи. Этотъ трактатъ измѣнилъ Санъ-Стефанскій договоръ главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что Болгарія была раздѣлена на двѣ половины — на княжество болгарское, вассальное Турціи, и на восточную Румелію, которая должна была остаться подъ непосредственною властью султана, но получила автономію съ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ, а Боснія и Герцеговина были отданы въ управленіе Австро-Венгріи. Оккупаціонный корпусъ русскихъ войскъ оставался въ Болгаріи послѣ войны въ теченіе 9 мѣсяцевъ, а затѣмъ русскія войска вышли изъ Болгаріи и на престолъ болгарскаго княжества былъ избранъ болгарскимъ народнымъ собраніемъ князь Александръ Баттенбергскій.

Кончина Императора Александра II. Несмотря на всѣ труды и заботы Александра II о благѣ Россіи, нашлись такіе люди, которые были недовольны его дѣятельностью, питали къ нему вражду и замышляли произвести въ Россіи государственный переворотъ. Эти люди, подъ вліяніемъ принесенныхъ съ Запада соціальныхъ

идей, составляли еще въ половинѣ 60-хъ годовъ тайныя общества въ разныхъ мѣстахъ Россіи и вошли въ сношенія съ заграничными революціонерами и анархистами. Сначала эти злоумышленники пробовали распространять свои ложные взгляды среди простого народа, надѣясь поколебать его преданность законной власти, но не имѣли въ этомъ ни малѣйшаго успѣха. Тогда они начали распространять свои идеи среди учащейся молодежи и кромѣ того рядомъ гнусныхъ убійствъ хотѣли навести ужасъ на русское общество и вызвать анархію. Одновременно съ этимъ злоумышленники, подстрекаемые врагами Россіи, произвели нѣсколько возмутительныхъ покушеній на жизнь чтимаго и любимаго всѣмъ русскимъ народомъ императора Александра II. Послѣднее изъ этихъ покушеній (1 марта 1881 г.) имѣло гибельныя послѣдствія. Въ этотъ день Александръ II, проѣзжая по набережной Екатерининскаго канала въ Петербургѣ, былъ смертельно раненъ разрывнымъ снарядомъ, брошеннымъ къ его ногамъ гнусными заговорщиками, и скончался черезъ нѣсколько часовъ. Это страшное злодѣяніе поразило всю Россію неизмѣримою скорбью и ужасомъ и вызвало безпредѣльное негодованіе противъ дерзкой шайки анархистовъ, неимѣвшихъ ничего общаго съ русскимъ народомъ и со всѣмъ русскимъ обществомъ.

2 марта 1881 г. на престолъ вступилъ императоръ Александръ III, второй сынъ Александра II (старшій сынъ Александра II Цесаревичъ Николай умеръ 12 апрѣля 1865 г.).

Александръ III—Царь Миротворецъ (1881—1894 г.).

Внутреннія распоряженія. Тяжелое время переживала Россія, когда вступилъ на престолъ Императоръ Александръ III. Финансы Россіи сильно пострадали вслѣдствіе войны съ турками въ 1877—1878 г. и неурожая 1880 г., а трагическая смерть императора Александра II показывала наше внутреннее нестроеніе. Александръ III, вступившій на престолъ уже въ зрѣломъ возрастѣ и въ бытность свою наслѣдникомъ престола принимавшій по волѣ отца дѣятельное участіе во многихъ государственныхъ дѣлахъ, хорошо понималъ значеніе царствованія Александра II и настоящее положеніе дѣлъ и составилъ себѣ опредѣленный взглядъ на великое служеніе, которое выпало на его долю. Реформы Александра II, быстро слѣдовавшія одна за другою, создали въ Россіи совершенно новый порядокъ вещей, и нужно было время, чтобы

народъ съ ними освоился. Александръ III понялъ, что Россія нуждается не въ новыхъ реформахъ, а въ спокойномъ пересмотрѣ реформъ Александра II и въ устраненіи обнаружившихся недостатковъ и злоупотребленій, и потому поставилъ своей задачей постепенно упрочить и завершить реформы Александра II, еще не вполнѣ усвоенныя народною жизнью, а прежде всего находилъ необходимымъ поднять авторитетъ правительства и власти. Въ манифестѣ отъ 29 апрѣля 1881 г. онъ высказалъ тѣ основные взгляды, которыми былъ намѣренъ руководствоваться во время своего царствованія:

„Въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ, пріявъ отъ Бога самодержавную власть на благо ввѣреннаго ему народа, пребылъ вѣренъ до смерти принятому Имъ обѣту и кровію запечатлѣлъ великое Свое служеніе. Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостью ея и кротостью, совершилъ онъ величайшее дѣло своего царствованія—освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ-владѣльцевъ, всегда послушныхъ гласу добра и чести; утвердилъ въ царствѣ судъ и подданныхъ своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія содѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣки! Низкое и злодѣйское убійство Русскаго Государя посреди вѣрнаго народа, готоваго положить за Него жизнь свою, недостойными извергами изъ народа,—есть дѣло страшное, позорное, неслыханное въ Россіи, и омрачило всю землю Нашу скорбію и ужасомъ. Но посреди великой Нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ уповаціи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній. Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и въ славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбу ея. Посвящая Себя великому Нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служитъ Намъ и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей,—къ истребленію неправды и хищенія,—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ Ея, возлюбленнымъ Нашимъ родителемъ“.

Этотъ манифестъ и циркулярная депеша министра иностранныхъ дѣлъ къ русскимъ посламъ за границей 4 апрѣля 1881 г. содержали въ себѣ всю правительственную программу новаго царствованія. Эта программа была слѣдующая: „рѣшительная борьба съ крамолою, неприкосновенность великихъ реформъ Александра II,

полное миролюбіе во внѣшнихъ отношеніяхъ и сосредоточеніе вниманія на внутренней жизни, на вопросахъ экономическихъ и соціальныхъ".

Александръ III, самъ глубоко религіозный, обратилъ особенное вниманіе на положеніе православной церкви и на улучшеніе положенія нашего сельскаго духовенства. Въ его царствованіе по его слову и почину было сооружено много новыхъ храмовъ внутри Россіи и на ея окраинахъ; были совершены торжественныя церковныя празднества въ память 1000-лѣтія кончины славянскаго апостола Меѳодія, 900-лѣтія крещенія Руси и 500-лѣтія со дня кончины препод. Сергія Радонежскаго. Народному образованію онъ хотѣлъ дать религіозную основу, для чего велѣлъ учреждать церковно-приходскія школы подъ руководствомъ пастырей церкви, которые должны были воспитывать народъ въ духѣ православной вѣры и русской народности. Число такихъ школъ стало быстро увеличиваться, благодаря содѣйствію св. Синода и его оберъ-прокурора Побѣдоносцева.

Заботясь объ улучшеніи гражданскаго и семейнаго быта простого народа, Александръ III учредилъ должность земскихъ начальниковъ (1890 г.), которые были обязаны постоянно наблюдать за внутреннею жизнью крестьянъ и въ своихъ рукахъ соединяли власть административную и судебную. Для поднятія благосостоянія крестьянъ онъ учредилъ Крестьянскій земельный банкъ (1882 г.), изъ котораго крестьяне могли получать ссуды для пріобрѣтенія новыхъ участковъ земли, такъ какъ полевые надѣлы 1861 года оказывались недостаточными съ увеличеніемъ числа душъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Подушная подать была уничтожена (1883 г.) и замѣнена другими источниками дохода, главнымъ образомъ сборами, падавшими на болѣе богатые классы населенія, какъ-то: увеличеніе гербоваго и таможеннаго сборовъ, акцизъ съ табака и др. Были изданы правила о наймѣ рабочихъ на сельскія и фабричныя работы, организована фабричная инспекція, которая должна была ограждать интересы рабочихъ на фабрикахъ и упорядочить положеніе фабричнаго трудящагося люда. Крестьяне, какъ свободные сельскіе обыватели, подчиненные наравнѣ съ другими сословіями общимъ законамъ, были впервые призваны къ присягѣ по вступленіи на престолъ Александра III. Чтобы поднять пошатнувшееся благосостояніе дворянъ, вынужденныхъ послѣ освобожденія крестьянъ обрабатывать свою землю наемнымъ трудомъ, и спасти ихъ имѣнія отъ разоренія и продажи въ руки другихъ сословій, Александръ III

учредилъ Дворянскій земельный банкъ (1885 г.), при помощи котораго дворяне могли поддержать и улучшить хозяйство въ своихъ имѣніяхъ. Кромѣ того въ рескриптѣ дворянству (21 апр. 1885 г.) онъ говорилъ, что „оно должно занимать первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности". Учрежденіемъ должности земскихъ начальниковъ дворянству были ввѣрены важныя задачи по мѣстному управленію.

Русскіе финансы, сильно поколебленные послѣдней русско-турецкой войной, обратили на себя самое серьезное вниманіе Александра III и благодаря цѣлому ряду мѣръ сильно поправились къ концу его царствованія, несмотря даже на великій неурожай и голодъ 1901 года. Помощниками государя въ дѣлахъ финансовыхъ были Бунге, Вышнеградскій и Витте, занимавшіе должность министра финансовъ. Особенное вниманіе Александръ III обратилъ на развитіе всѣхъ отраслей русской промышленности и съ этою цѣлью возвысилъ таможенныя пошлины на иностранные товары и заключилъ новые торговые договоры съ другими странами. При немъ особенно усилились разведеніе своего хлопка, добыча и разработка желѣза и другихъ металловъ, нефти, каменнаго угля, соли, обработка лѣсныхъ матеріаловъ. Огнестрѣльныя орудія и броненосцы, заказывавшіеся прежде за границей, стали теперь изготовляться преимущественно на русскихъ заводахъ. Въ связи съ этими мѣрами для усиленія русской промышленности было обращено особенное вниманіе на развитіе профессіональнаго образованія, главнымъ образомъ, низшаго и средняго и начала осуществляться цѣлая система разнаго рода промышленныхъ школъ. Въ концѣ царствованія онъ учредилъ особое министерство земледѣлія, которое должно было заботиться объ улучшеніи главныхъ основъ народнаго хозяйства — земледѣлія. Для развитія внѣшней и внутренней торговли были построены новыя желѣзныя дороги, изъ которыхъ средне-азіатская и особенно великая сибирская (закладка которой была сдѣлана Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 19 мая 1891 г. во время его путешествія на дальній Востокъ) важны не только для Россіи, но имѣютъ міровое значеніе.

Всѣ внутреннія распоряженія Александра III были основаны на строго національной почвѣ. Руководясь принципомъ „Россія для русскихъ", Александръ III принялъ цѣлый рядъ мѣръ къ обрусенію окраинъ Россіи; такъ онъ уничтожилъ средневѣковыя нѣ-

мецкія привилегіи, ввелъ русскіе судебные уставы и придалъ подобающее значеніе русскому языку и православію въ прибалтійскихъ губерніяхъ, положивъ такимъ образомъ прочное основаніе къ полному обрусенію этого края. Такая же твердая, чисто русская національная политика велась и въ привислянскомъ краѣ и начаты были мѣры для большаго объединенія съ Россіей великаго княжества финляндскаго. Онъ положилъ предѣлъ усиленному переселенію нѣмецкихъ колонистовъ изъ Германіи и пріобрѣтенію ими земель въ юго-западной Россіи, ограничилъ еврейскую эксплоатацію сельскаго населенія и уничтожилъ отдѣльность кавказскаго управленія отъ центральной власти. Во внутреннихъ распоряженіяхъ дѣятельнымъ помощникомъ Александра III былъ назначенный имъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой (бывшій въ царствованіе Александра II министромъ народнаго просвѣщенія), а по смерти Толстого министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново.—Изъ мѣръ, касавшихся образованія, замѣчательны: открытіе новаго университета въ Томскѣ (1888 г.), введеніе новаго устава въ русскіе университеты, учрежденіе 4-классныхъ Маріинскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ и новаго женскаго института Ксеніинскаго. Сотрудникомъ Александра III въ дѣлѣ народнаго образованія былъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ. Женскіе институты, гимназіи и маріинскія училища Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи находились подъ высокимъ покровительствомъ Супруги Александра III **Императрицы Маріи Ѳеодоровны**, а ея дѣятельнымъ помощникомъ по управленію этими заведеніями былъ главноуправляющій С. Е. И. В. Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи графъ Пратасовъ-Бахметевъ.

Еще будучи наслѣдникомъ престола, Александръ III лично участвовалъ въ послѣдней войнѣ съ Турціей, командуя отдѣльною частью русской арміи. Здѣсь онъ самъ увидѣлъ всѣ недостатки тогдашняго устройства нашей арміи и поэтому во все время своего царствованія обращалъ особенное вниманіе на благоустройство и усовершенствованіе нашихъ вооруженныхъ силъ, что было особенно необходимо въ виду усиленныхъ вооруженій сосѣднихъ европейскихъ державъ за послѣднее 20-лѣтіе.

Въ рескриптѣ на имя военнаго министра Александръ III такъ объяснялъ причину своихъ заботъ объ арміи: „Отечеству нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои я уповаю съ

Божьей помощью еще надолго продлить для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями".

Наша западная граница, со стороны которой Россіи можетъ угрожать наибольшая опасность, была защищена цѣлымъ рядомъ новыхъ крѣпостей и тамъ же построено нѣсколько стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ. Численность войска была увеличена, устроено систематическое обученіе запасныхъ и ратниковъ ополченія, обмундированіе и вооруженіе измѣнены, совершенно измѣненъ планъ мобилизаціи войска, возстановлены кадетскіе корпуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ было улучшено матеріальное положеніе офицеровъ и облегчена служба солдатъ сокращеніемъ срока пребыванія ихъ подъ знаменами. Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ войска дѣятельными помощниками государя были военный министръ Ванновскій и начальникъ Главнаго штаба Обручевъ. Увеличивая военныя силы Россіи на сушѣ, Александръ III также постоянно заботился и объ увеличеніи русскаго военнаго флота, который онъ любилъ смолоду, принимая дѣятельное участіе въ созданіи добровольнаго флота въ 1877 г. Было построено много новыхъ боевыхъ судовъ для балтійскаго флота, возстановленъ черноморскій флотъ, сооруженъ Либавскій портъ.

Внѣшняя политика. Характеръ внѣшней политики Александра III всецѣло выразился въ слѣдующей циркулярной депешѣ (4 апрѣля 1881 г.) министра иностранныхъ дѣлъ Гирса къ русскимъ посламъ за границей:

Его Величество, Государь Императоръ, вступая на прародительскій престолъ, пріемлетъ въ наслѣдіе преданія, освященныя временемъ, дѣяніями Его предшественниковъ, трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи. Его Величество, принимая это наслѣдіе всецѣло, ставитъ себѣ въ священную обязанность передать его ненарушимо Своимъ преемникамъ. Россія, какъ всѣ другія государства, должна была для созиданія своего выносить борьбу, въ которой выработались ея силы и народный духъ. Нынѣ она достигла своего полнаго развитія. Чувства зависти и недовольства ей одинаковы чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе. Такова цѣль, которую поставляетъ себѣ нашъ Августѣйшій Монархъ, и Его Величество твердо рѣшился неуклонно идти къ ней. Государь Императоръ посвятитъ себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ. Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ

миролюбивою. Россія останется вѣрною своимъ друзьямъ и неизмѣнною въ чувствахъ, освященныхъ преданіями, отвѣчая въ то же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ. Сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе и заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія, согласно съ ея интересами, она не уклонится отъ призванія охранять, совмѣстно съ другими правительствами, общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ. На Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы. Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи, для счастья ея и безъ вреда другимъ. Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться Государь Императоръ въ своей политикѣ".

Александръ III поставилъ себѣ правиломъ не вмѣшиваться въ европейскія дѣла и постоянно имѣлъ въ виду только интересы и благо Россіи; такъ, напр., онъ совершенно прервалъ всякія сношенія съ освобожденной нами Болгаріей, когда послѣдняя стала заискивать расположенія Австріи и вопреки желанію Россіи призвала къ себѣ на престолъ нѣмецкаго принца Фердинанда Кобургскаго послѣ того, какъ князь Александръ Баттенбергскій покинулъ болгарскій престолъ. Свою внѣшнюю политику Александръ III велъ открыто, не прибѣгая ни къ какимъ ухищреніямъ и держался въ отношеніи къ другимъ державамъ безукоризненной прямоты и неуклонной справедливости. Значеніе Россіи среди европейскихъ державъ, пошатнувшееся вслѣдствіе неблагопріятнаго для насъ исхода Берлинскаго конгресса, сильно возвысилось при Александрѣ III. Постоянное недоброжелательство къ намъ Англіи, коварное поведеніе Австріи въ крымскую войну, сочувствіе Наполеона III польскому возстанію заставили Александра II заключить тѣсный союзъ съ Германіей, но дружба съ послѣдней и сопряженныя съ этимъ союзомъ обязательства вскорѣ оказались очень невыгодными для Россіи. Германія поняла, что этотъ союзъ не будетъ долго продолжаться, и вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса заключила тайный тройственный союзъ съ Австріей и Италіей, обращенный противъ Франціи съ одной и противъ Россіи съ другой стороны. Дѣйствительно, Александръ III освободилъ Россію отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Германіи и возвратилъ себѣ полную свободу дѣйствій въ отношеніяхъ къ западнымъ державамъ, а затѣмъ въ самый разгаръ торжествъ, сопровождавшихъ возобновленіе тройственнаго союза на Западѣ, завязалъ дружественныя отношенія съ Франціей, которая оставалась одинокой послѣ прусскаго погрома 1870 года. Необходимость сближенія

Россіи съ Франціей была единодушно понята огромнымъ большинствомъ людей въ обѣихъ странахъ. Пріѣздъ военной французской эскадры въ Кронштадтъ (1891 г.) и отвѣтное посѣщеніе русской эскадрой Тулона (1893 г.) и бывшія при этомъ торжественныя встрѣчи ясно показали, какъ велики обоюдныя симпатіи русскихъ и французовъ. Сближаясь съ Франціей, Александръ III тѣмъ самымъ открыто выказалъ передъ всей Европой, что онъ не допуститъ никакой европейской войны и не дозволитъ тройственному союзу напасть на Францію. Дружба съ Франціей совершенно парализовала замыслы тройственнаго союза и прекратила его угрозы спокойствію Европы. Сближеніе Александра III съ Франціей ради сохраненія мира во всей Европѣ, не сопровождавшееся заключеніемъ формальнаго договора о союзѣ наступательномъ или оборонительномъ, а явившееся „актомъ братанья" двухъ великихъ народовъ во имя общаго мира и спокойствія, произвело громадное впечатлѣніе на всѣ европейскія государства и высоко подняло обаяніе личности Императора Александра III, ставшаго охранителемъ мира въ Европѣ—Миротворцемъ.—Предѣлы русскаго государства въ средней Азіи при Александрѣ III значительно расширились вслѣдствіе занятія Мерва, Серакса и Памира и вассальнаго подчиненія Бухары. Опасаясь усиленія русскаго могущества въ средней Азіи, Англія возбудила противъ насъ Афганскаго эмира, вслѣдствіе чего было столкновеніе афганцевъ съ русскимъ пограничнымъ отрядомъ на берегахъ рѣки Кушки (1885 г.), окончившееся полнымъ пораженіемъ афганцевъ генераломъ Комаровымъ, начальникомъ русскаго отряда.

Благодаря усиленнымъ трудамъ и заботамъ Александра III Россія достигла при немъ высокой степени могущества и получила рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ европейскихъ и азіатскихъ. „13 лѣтъ непрерывнаго мира, управленія спокойнаго, разумнаго и твердаго, въ духѣ народномъ, съ горячимъ желаніемъ преслѣдовать злоупотребленія и упрочить могущество и благоденствіе Россіи — таковъ конечный результатъ царствованія Императора Александра III".

Личность Императора Александра III. Александръ III родился 26 февраля 1845 г. и былъ вторымъ сыномъ Императора Александра II. Воспитаніе великаго князя Александра Александровича было поручено сначала генералъ-адъютанту Зиновьеву, а затѣмъ генералъ-адъютанту графу Перовскому. Оба эти воспитателя были истинно русскіе люди, горячо любившіе родину. Великій князь

Александръ былъ очень друженъ со своимъ старшимъ братомъ Цесаревичемъ Николаемъ, горячо любилъ его и проводилъ вмѣстѣ съ нимъ почти все время. Цесаревичъ Николай скончался 12 апрѣля 1865 г. и тогда великій князь Александръ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Онъ всей душой отдался дѣлу служенія Россіи. Во время сильнаго голода (1865—1866 г.) онъ дѣятельно помогалъ своему отцу Императору Александру II въ спасеніи русскаго народа отъ голодной смерти. 28 октября 1866 г. совершилось его бракосочетаніе съ датской принцессой Дагмарой, нареченной при миропомазаніи Маріей Θеодоровной, послѣ чего августѣйшіе новобрачные поселились въ Аничковомъ дворцѣ. 6 мая 1868 г. у наслѣдника Цесаревича родился сынъ Николай, нынѣ благополучно царствующій **Государь Императоръ Николай II**. Въ 1877 г. во время турецкой войны Цесаревичъ былъ назначенъ командиромъ Рущукскаго отряда и за успѣшныя военныя дѣйствія противъ турокъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени и золотою саблею, украшенною бриллiантами, съ надписью „за отличное командованіе Рущукскимъ отрядомъ“. Сдѣлавшись государемъ, онъ почтилъ „памятникомъ Славы“ (противъ церкви Троицы въ Измайловскомъ полку въ Петербургѣ) подвиги и славную смерть участниковъ войны съ турками. Картины ужасовъ войны сильно подѣйствовали на доброе сердце Цесаревича Александра и, безъ сомнѣнія, послужили основаніемъ того, что потомъ во все время своего царствованія онъ избѣгалъ войны и всѣми мѣрами старался поддержать миръ.

2 марта 1881 г. Цесаревичъ Александръ вступилъ на престолъ. Священное коронованіе было совершено въ московскомъ Успенскомъ соборѣ 15 мая 1883 г. въ присутствіи высшихъ чиновъ государства и иностранныхъ пословъ. На коронаціонныя празднества были собраны изъ разныхъ губерній волостные старшины и представлены государю. Такъ какъ среди крестьянъ распространялись тогда нелѣпые слухи о какихъ-то новыхъ надѣлахъ землею, то Александръ III со свойственной ему прямотой обратился къ старшинамъ съ такою рѣчью: „Я очень радъ еще разъ видѣть васъ; душевно благодарю за ваше сердечное участіе въ торжествахъ нашихъ, къ которымъ такъ горячо отнеслась вся Россія. Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ мое сердечное спасибо; слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти

слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно также какъ и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья".

Александръ III былъ истинно русскій царь и по душѣ и по наружному виду и удивительно соотвѣтствовалъ понятію о Самодержцѣ и Великомъ Государѣ всея Россіи. Высокій, могучій, съ окладистой русской бородой, съ открытымъ ласковымъ взглядомъ и доброй улыбкой, онъ производилъ обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось видѣть его и говорить съ нимъ. Истинный сынъ православной церкви, нѣжный и заботливый супругъ и отецъ, онъ своею жизнью давалъ высокій примѣръ своимъ подданнымъ. Всѣ немногія свободныя отъ государственныхъ заботъ минуты онъ проводилъ въ кругу обожавшей его семьи, часто раздѣляя съ дѣтьми ихъ игры. Въ своей жизни онъ не позволялъ себѣ никакой роскоши. Вступивъ на престолъ, онъ остался жить въ своемъ тѣсномъ Аничковомъ дворцѣ, расширивъ только садъ этого дворца для игръ его дѣтей; обстановка его комнатъ, его обѣдъ, чисто русскій, отличались замѣчательной простотой. Большую часть года онъ проводилъ въ Гатчино, обширные парки и озера котораго были любимыми мѣстами его прогулокъ; здѣсь онъ жилъ въ обстановкѣ русскаго богатаго помѣщика прежнихъ временъ. Лѣтомъ онъ любилъ посѣщать финскія шкеры въ сопровожденіи самыхъ близкихъ ему людей, а осенью часто уѣзжалъ со всей своей августѣйшей семьей въ Данію, гдѣ запросто проводилъ время въ кругу близкихъ родныхъ, отдыхая отъ дѣлъ и набирая силъ для новыхъ трудовъ. Александръ III отличался спокойнымъ умомъ, прямотою мысли, твердостью характера и болѣе всего любилъ правду, требовалъ ея отъ другихъ и когда замѣчалъ въ человѣкѣ неискренность, то навсегда лишалъ его своего довѣрія. „У Александра душа чистая, какъ хрусталь", говорилъ про него братъ Цесаревичъ Николай. Онъ любилъ самостоятельно и спокойно обдумывать каждое дѣло, всегда старался узнать истину и строго требовалъ, чтобы всѣ прошенія, посылаемыя на его имя, доставлялись прямо ему въ собственныя руки. Твердость, послѣдовательность, искренность сказывались во всѣхъ его царственныхъ трудахъ и отпечатлѣлись въ его собственноручныхъ помѣткахъ на докладахъ министровъ. Онъ охотно давалъ аудіенціи ученымъ и выдающимся писателямъ и отличался замѣчательной простотой въ обращеніи. Близъ себя онъ любилъ видѣть только тѣхъ лицъ, которыя пользовались его полной довѣренностью. Въ годы народ-

ныхъ бѣдствій Александръ III употреблялъ всѣ усилія, чтобы помочь народу; такъ во время сильнаго голода 1891 г. онъ учредилъ подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Николая Александровича коммиссію для поданія помощи голодающимъ. Въ слѣдующемъ году была сильная холера и Александръ III оставался въ своей столицѣ во все время эпидеміи и даже посѣтилъ холерный баракъ Обуховской больницы вмѣстѣ съ супругою своею Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Вообще рѣдкій годъ онъ не ѣздилъ по разнымъ больницамъ и лазаретамъ, не боясь входить въ заразныя отдѣленія съ тифомъ, скарлатиной и другими болѣзнями, руководясь однимъ благимъ желаніемъ утѣшить страждущихъ. Онъ любилъ также часто посѣщать вмѣстѣ со своею супругою различныя учебныя заведенія, особенно женскіе институты, и милостиво бесѣдовалъ съ учащими и учащимися. Александръ III любилъ родную старину. Будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ предсѣдательствовалъ въ Русскомъ Историческомъ Обществѣ (основанномъ въ 1866 г.), собранія котораго происходили у него во дворцѣ, и содѣйствовалъ напечатанію многихъ важныхъ историческихъ документовъ въ Сборникѣ этого Общества. Поддерживая своими средствами разныя общества русской исторіи и археологіи, онъ и самъ находилъ время для скромной ученой работы, особенно по изученію отечественной исторіи и древностей и былъ глубокимъ знатокомъ въ иконографіи. Вообще онъ любилъ все русское; читалъ русскія газеты, любилъ русскую литературу, назначалъ пенсіи выдающимся писателямъ, всячески поощрялъ русское искусство, особенно живопись и музыку.

Въ 1888 г. Александръ III со всей своей августѣйшей семьей предпринялъ путешествіе на Кавказъ. На обратномъ пути въ Петербургъ, у станціи Борки, недалеко отъ Харькова произошло крушеніе царскаго поѣзда (17 октября). Всѣ вагоны рухнули и своими обломками придавили царскую семью и ихъ спутниковъ. Казалось, не было спасенія. Но Господь Богъ дивно сохранилъ Государя и всю его семью: всѣ они остались живы и невредимы. Когда государь и его семейство вышли изъ-подъ обломковъ вагоновъ, то первой заботой государя было поданіе помощи раненымъ во время крушенія. Государь самъ распоряжался надъ откапываніемъ раненыхъ, ухаживалъ за ними вмѣстѣ съ государыней императрицей, и только, когда всѣмъ пострадавшимъ была подана докторская помощь и раненые были отправлены въ госпитали, подали новый царскій поѣздъ и государь поѣхалъ на ближайшую

станцію Лозовую. Спокойствіе и самообладаніе государя во время этого событія, по разсказамъ очевидцевъ, были изумительны.

Отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ и большой физической силой, Александръ III, казалось, имѣлъ всѣ задатки долгой жизни, но съ весны 1894 года онъ сталъ недомогать, хотя долго не придавалъ своей болѣзни надлежащаго значенія. Осенью онъ отправился на южный берегъ Крыма, но усилившійся тяжкій недугъ не уступилъ ни лѣченію знаменитѣйшихъ докторовъ, ни благодатному климату Крыма, и Александръ III тихо скончался въ Ливадіи 20 октября 1894 г. на рукахъ своей супруги, окруженный всей своей семьей. Кончина Александра III была такъ же праведна, какъ праведна была вся его жизнь, исполненная глубокой вѣры, евангельской любви и христіанскаго смиренія. Въ послѣдніе дни онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и мужественно готовился къ ней, какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя, однако, заботъ о дѣлахъ правленія до дня кончины. Рано утромъ 20 октября онъ сказалъ своей супругѣ: „чувствую конецъ, будь покойна. Я совершенно покоенъ“. Въ этихъ словахъ, полныхъ величавой простоты и спокойнаго мужества, высказалась поразительно великая душа почившаго государя, безбоязненно глядѣвшаго въ лицо приближавшейся смерти, съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга передъ Россіей и своей семьей.

„Когда вѣсть о кончинѣ императора Александра III разнеслась по Европѣ, случилось нѣчто невиданное и неслыханное въ исторіи. Всѣ европейскія государства и всѣ народы единодушно приняли участіе въ общемъ и глубокомъ горѣ Россіи и всѣ ознаменовали скорбные дни траура сочувственными манифестаціями самаго искренняго свойства. Въ одинъ голосъ, какъ бы исполняя чью-то высшую, всѣми одинаково признаваемую волю, пресса всей Европы принесла дань признательности и уваженія на гробъ государя, котораго не одинъ русскій народъ, а всѣ народы Европы почтили прекраснымъ именемъ „Миротворца“; а печальное и глубоко-трогательное преданіе землѣ останковъ русскаго царя обратилось въ торжество мира и человѣколюбія“ (изъ ист. Іегера).

Значеніе царствованія Александра III. „Прошло 13 лѣтъ царствованія императора Александра III, и чѣмъ торопливѣе рука смерти спѣшила закрыть его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ и камни возопіяли, органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду и заговорили тѣмъ искреннѣе, чѣмъ непривычнѣе было для нихъ говорить это. Оказалось по этимъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому

опасному оборонительному складу и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго царя тихо и осторожно отводила его. Тогда историческое сознаніе Европы сдѣлало надъ собою одно изъ тѣхъ великихъ усилій, какія не разъ поднимали его въ минуты ослабленія и въ которыхъ сказывается его сила, воспитанная строгимъ научнымъ знаніемъ и добросовѣстной мыслью, его способность при встрѣчѣ съ истиной отрѣшаться отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ. Европа признала, что царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго мира и порядка, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи, ибо въ Россіи по ея политической организаціи въ волѣ царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя. Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ природнымъ членомъ семьи своихъ народовъ. Это признаніе само собой невольно вырвалось изъ души европейскаго общества подъ впечатлѣніемъ извѣстій о послѣднихъ минутахъ жизни почившаго императора и не замретъ съ его послѣднимъ вздохомъ: октябрьскіе дни ливадійскихъ страданій были для западной Европы днями нравственнаго сближенія съ Европой восточной и, провожая въ могилу гробъ русскаго царя, она впервые оплакиваетъ въ немъ своего европейскаго государя... Наука отведетъ императору Александру III подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей Европы, но и въ русской исторіографіи, скажетъ, что онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются побѣды, побѣдилъ предразсудокъ народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ оборотѣ человѣчества, ободрилъ и приподнялъ русскую историческую мысль, русское національное сознаніе и сдѣлалъ все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ онъ былъ для нея". (Ключевскій).

---

21 октября 1894 г. вступилъ на престолъ старшій сынъ Александра III, нынѣ благополучно царствующій **Государь Императоръ Николай II**. 14-го ноября того же года совершилось бракосочетаніе Императора Николая Александровича съ Принцессой Гессенской Алисою, нареченною при мѵропомазаніи Александрой Ѳеодоровной. Въ 1896 г. 14 мая въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ было торжественно совершено священное коронованіе Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Ѳеодоровны.

...ами.

ПЕРЕЧЕНЬ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

Домъ Рюрика.

	Годы:
Рюрикъ	съ 862 по 879
Олегъ	879— 912
Игорь	912— 945
Ольга	945— 957
Святославъ	957— 972
Ярополкъ	972— 980
Владиміръ Святой .	980—1015
Междоусобія сыновей Св. Владиміра . .	1015—1019
Ярославъ Мудрый .	1019—1054
Изяславъ I. . . .	1054—1078
Всеволодъ I . . .	1078—1093
Святополкъ II. . .	1093—1113
Владиміръ Мономахъ	1113—1125
Мстиславъ I . . .	1125—1132
Ярополкъ Владиміровичъ	1132—1139
Всеволодъ II . . .	1139—1146
Изяславъ II . . .	1146—1154
Юрій Долгорукій. .	1154—1157
Андрей Боголюбскій.	1157—1174
Междоусобія братьевъ и племянниковъ Андрея Боголюбскаго	1174—1176
Всеволодъ III . . .	1176—1212
Междоусобія сыновей Всеволода III . .	1212—1219

	Годы:
Юрій II. . . .	съ 1219 по 1238
Ярославъ Всеволодовичъ	1238—1246
Усобицы.	1246—1252
Александръ Невскій.	1252—1263
Ярославъ Ярославичъ	1263 —1272
Василій Ярославичъ.	1272—1276
Междоусобія сыновей Александра Невскаго	1276—1304
Михаилъ Ярославичъ	1304—1319
Юрій Даниловичъ .	1319—1326
Александръ Михайловичъ	1326—1328
Іоаннъ Калита . .	1328—1340
Симеонъ Гордый. .	1340—1353
Іоаннъ II Кроткій .	1353—1359
Дмитрій Константиновичъ	1359—1363
Дмитрій Донской. .	1363—1389
Василій I	1389 —1425
Василій II Темный .	1425—1462
Іоаннъ III	1462—1505
Василій III. . . .	1505—1533
Іоаннъ IV Грозный .	1533—1584
Ѳеодоръ Іоанновичъ.	1584—1598

Домъ Романовыхъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ	1613—1645
Алексѣй Михайловичъ	1645—1676
Ѳеодоръ Алексѣевичъ	1676—1682
Петръ I Великій. .	1682—1725
Екатерина I . . .	1725—1727
Петръ II	1727—1730
Анна Іоанновна . .	1730—1740
Іоаннъ VI	1740—1741
Елизавета Петровна.	1741—1761
Петръ III	1761—1762
Екатерина II Великая	1762—1796
Павелъ I	1796—1801
Александръ I. . .	1801—1825
Николай I. . . .	1825—1855
Александръ II . .	1855—1881
Александръ III . .	1881—1894

Вступленіе на престолъ нынѣ благополучно царствующаго **Государя Императора Николая II** — 21 октября 1894 г.

Пс рящій фитиль

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

Годы:	
862	Призванiе норманскихъ князей.
865	Походъ Аскольда и Дира на Царьградъ.
882	Перенесенiе столицы въ Кiевъ.
988	Крещенiе Руси.
1051	Начало Кiево-Печерскаго монастыря.
1054	Утвержденiе удѣльной системы.
1056—1114	Пр. Несторъ.
1057	Остромирово Евангелiе.
1074	Кончина Пр. Θеодосiя.
1097	Съѣздъ князей въ Любечѣ.
1100	Съѣздъ князей въ Витичевѣ.
1111	Битва Владимiра Мономаха съ половцами при рѣкѣ Салѣ.
1147	Первое упоминанiе о Москвѣ.
1152—1187	Княженiе Ярослава Осмомысла.
1154—1227	Темучинъ.
1169	Взятiе Кiева войсками Андрея Боголюбскаго.
1172—1205	Княженiе Романа Мстиславича.
1185	Походъ Игоря, князя Новгорода-Сѣверскаго, на половцевъ.
1198	Соединенiе Галицiи съ Волынью подъ властью Романа.
1201	Основанiе Ордена Меченосцевъ.
1206	Объединенiе монголовъ подъ властью Темучина.
1216	Битва при рѣкѣ Лицицѣ между сыновьями Всеволода III.
1223	Битва южныхъ князей съ татарами на Калкѣ.
1229—1264	Княженiе Данiила Романовича.
1238	Битва Юрiя II съ татарами при рѣкѣ Сити.
1240	Разоренiе Кiева татарами.
	Битва Александра Невскаго со шведами на берегахъ Невы.
1242	Ледовое побоище.
1260	Распаденiе царства Темучина.
1263	Смерть Миндовга.
1268	Раковорская битва съ ливонскими рыцарями.
1299	Перенесенiе митрополiи изъ Кiева во Владимiръ.
1313—1391	Св. Сергiй.
1315—1340	Княженiе Гедимина.
1326	Перенесенiе столицы въ Москву.
1337—1427	Св. Кириллъ.
1345—1377	Княженiе Ольгерда.
1377—1434	Княженiе Ягелла.
1380	Куликовская битва.
1386	Соединенiе Литвы съ Польшей.
1392—1430	Княженiе Витовта.
1395	Нашествiе Тамерлана на русскую землю.
1410	Битва при Танненбергѣ съ тевтонскими рыцарями.
1413	Сеймъ въ Городлѣ.
1437	Основанiе Казанскаго царства.
1439	Флорентiйская унiя.
1453	Взятiе Константинополя турками.

Годы:

1458	Отдѣленіе югозападной русской церкви отъ сѣверовосточной.
1466	Подчиненіе тевтонскаго ордена Польшѣ
1468	Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію.
1471	Походъ Іоанна III на Новгородъ.
1472	Бракъ Іоанна съ Софьей Палеологъ.
1475	Подданство Крыма турецкому султану.
1478	Присоединеніе Новгорода къ Москвѣ.
1480	Сверженіе татарскаго ига.
1485	Присоединеніе Твери къ Москвѣ.
1497	Изданіе Судебника при Іоаннѣ III.
1502	Паденіе Золотой Орды.
1503	Перемиріе съ Литвой.
1504	Осужденіе на духовномъ соборѣ ереси жидовствующихъ.
1510	Присоединеніе Пскова къ Москвѣ.
1514	Взятіе Смоленска Василіемъ III.
1520	Присоединеніе Рязани къ Москвѣ.
1523	Присоединеніе Сѣверскаго княжества къ Москвѣ (послѣдній удѣлъ).
1533—1538	Правленіе Елены Глинской.
1547	Вѣнчаніе Іоанна IV на царство.
1550	Изданіе новаго Судебника.
	Первый земскій соборъ.
1551	Стоглавый соборъ.
1552	Покореніе Казани.
1553	Первыя торговыя сношенія съ Англіей.
1556	Покореніе Астрахани.
1558—1582	Ливонская война.
1559	Походъ Д. Адашева въ Крымъ.
1560	Смерть Анастасіи Романовны.
1561	Распаденіе Ливонскаго Ордена.
1563	Книгопечатаніе въ Москвѣ.
1564	Появленіе іезуитовъ въ Польшѣ.
1569	Люблинская унія.
1571	Нападеніе крымскаго хана на Москву.
1572	Прекращеніе дома Ягеллоновъ въ Польшѣ.
1582	Миръ съ Польшей въ Запольскомъ Ямѣ.
	Покореніе Сибири.
1589	Учрежденіе патріаршества.
1591	Убіеніе царевича Дмитрія.
1596	Брестскій соборъ и введеніе уніи въ Ю.-З. Руси.
1598	Прекращеніе дома Рюрика.
1598—1613	Смутное время.
1605	Рожденіе Никона.
1608	Появленіе Тушинскаго вора.
1608—1610	Осада Троицкой лавры поляками.
1610	Присяга Москвы королевичу Владиславу.
1611	Походъ Ляпунова подъ Москву.
	Взятіе Смоленска Сигизмундомъ III.
	Взятіе Новгорода шведами.
1612	Походъ нижегородскаго ополченія подъ Москву.
1613	21 февр.—Избраніе на царство Мих. Ѳед. Романова.
1617	Столбовскій миръ со Швеціей.

Годы:	
1618	Деулинское перемиріе съ Польшей.
1619—1633	Филаретъ—патріархъ.
1633	Основаніе Кіевской академіи.
1634	Миръ на рѣкѣ Поляновкѣ съ Польшей.
1642	Земскій соборъ по случаю взятія Азова донскими казаками.
1646—1649	Первая война Хмельницкаго съ Польшей.
1647	Смерть Петра Могилы.
1648	Мятежъ въ Москвѣ.
	Битва Хмельницкаго съ поляками при Ж. Водахъ и Корсуни.
	Никонъ назначенъ новгородскимъ митрополитомъ.
1649	Изданіе Соборнаго Уложенія.
	Зборовскій договоръ Хмельницкаго съ поляками.
	Запрещеніе англичанамъ безпошлинной торговли.
1651	Вторая война Хмельницкаго съ Польшей.
	Битва Хмельницкаго съ поляками подъ Берестечкомъ.
	Миръ Хмельницкаго съ поляками при Бѣлой церкви.
1652—1666	Никонъ—патріархъ.
1654	Подданство Малороссіи Москвѣ.
	Исправленіе богослужебныхъ книгъ.
1654—1656	Первая война Алексѣя Михайловича съ Польшей.
1657	Смерть Хмельницкаго.
1658—1667	Вторая война Алексѣя Михайловича съ Польшей.
1661	Кардисскій миръ со Швеціей.
1662	Волненія въ Москвѣ, вызванныя финансовыми затрудненіями.
1667	Андрусовское перемиріе съ Польшей.
1668—1671	Возстаніе Разина.
1672	Рожденіе Петра Великаго.
1681	Бахчисарайское перемиріе съ Турціей.
1682	Уничтоженіе мѣстничества.
1682—1689	Правленіе царевны Софьи.
1682	Стрѣлецкій бунтъ.
1686	Вѣчный миръ съ Польшей.
1689	Женитьба Петра на Лопухиной.
	Начало самодержавія Петра.
	Нерчинскій договоръ съ Китаемъ.
1695	Азовскій походъ.
1696	Взятіе Азова.
	Смерть Іоанна V.
1697—1698	Путешествіе Петра за границу.
1698	Начало преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.
1700	Миръ съ Турціей.
	Смерть послѣдняго патріарха Адріана.
1700—1721	Великая сѣверная война.
1703	16 мая—основаніе Петербурга.
1706	Мятежъ въ Астрахани.
1708	Возстаніе на Дону.
1709	27 іюня—Полтавская битва.
1711	Учрежденіе Сената.
	Прутскій походъ.
1713	Перенесеніе столицы въ Петербургъ.
1714	Указъ Петра В. о единонаслѣдіи въ недвижимыхъ имуществахъ.

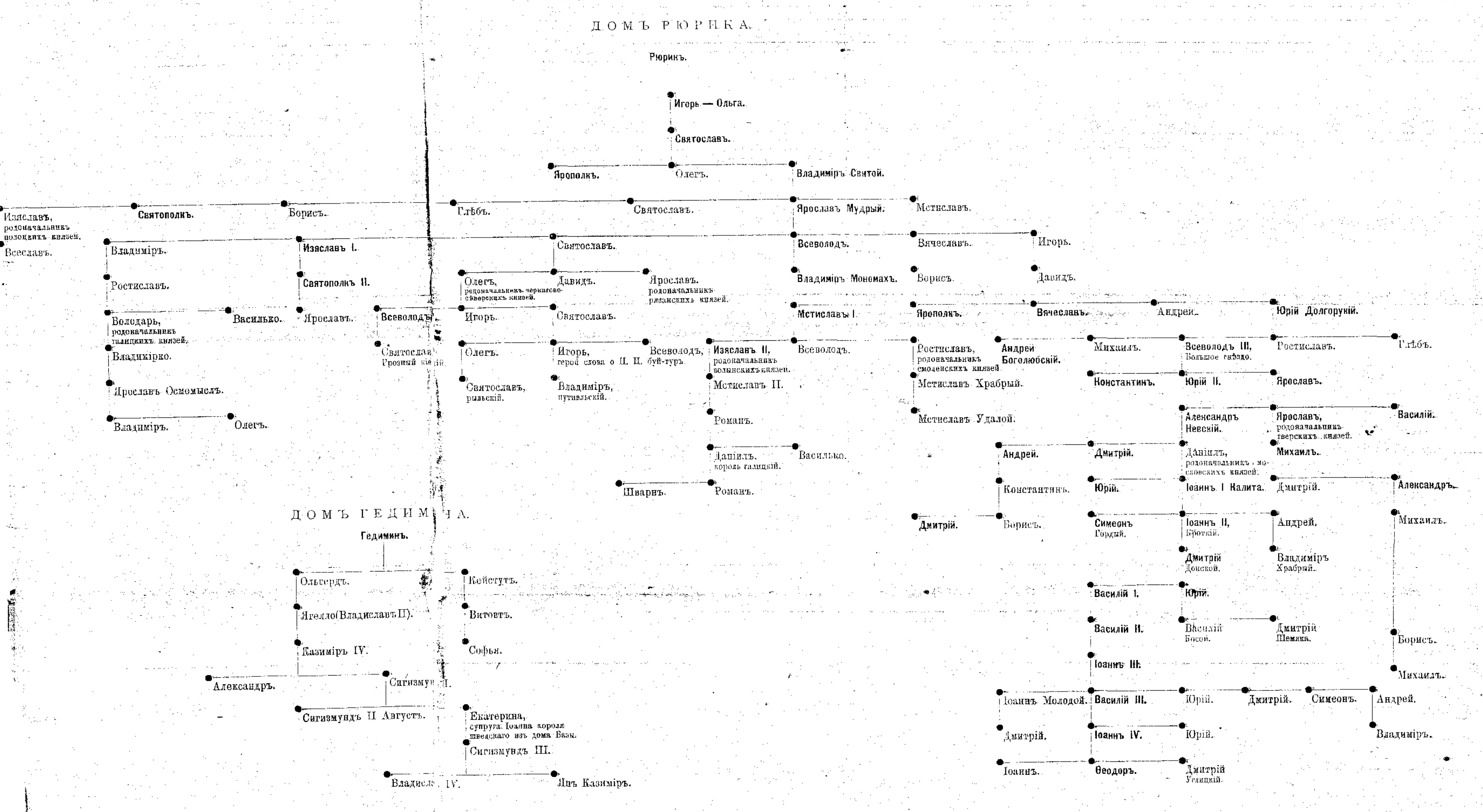
Годы:	
1718	Смерть царевича Алексѣя Петровича.
1719	Первая ревизія податного сословія.
1721	Ништадтскій миръ.
	Учрежденіе Синода.
	Указъ Петра В. о престолонаслѣдіи.
1722	Табель о рангахъ.
1722—1723	Персидская война.
1726	Открытіе академіи наукъ.
1729	Рожденіе Екатерины II.
1739	Бѣлградскій миръ.
1743	Миръ со Швеціей въ Або.
1755	Основаніе московскаго университета.
1756	Основаніе публичнаго театра въ Петербургѣ.
1756—1763	Семилѣтняя война.
1757	Основаніе академіи художествъ.
1758	Битва при Цорндорфѣ.
1759	Битва при Кунерсдорфѣ.
1760	Занятіе Берлина.
1762	Указъ о вольности дворянства.
	Уничтоженіе тайной канцеляріи.
1763	Учрежденіе медицинской коллегіи.
	Основаніе воспитательнаго дома въ Москвѣ.
1764	Уничтоженіе гетманства въ Малороссіи.
	Отобраніе церковныхъ недвижимыхъ имуществъ.
	Учрежденіе смольнаго института.
1767	Открытіе коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.
	Основаніе воспитательнаго дома въ Петербургѣ.
1768	Принятіе Россіею Польши подъ свое покровительство.
	Учрежденіе ассигнаціоннаго банка.
1768—1774	Первая турецкая война.
1770	Битва при Ларгѣ, Кагулѣ и Чесмѣ.
1771	Чума въ Москвѣ.
1773	Первый раздѣлъ Польши.
1773—1775	Пугачевскій бунтъ.
1774	Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.
1775	Уничтоженіе Запорожской Сѣчи.
	Учрежденія для управленія губерній.
1777	Рожденіе Александра I.
1780	Проектъ вооруженнаго нейтралитета.
1782	Образованіе коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ.
1783	Присоединіе Крыма.
	Подданство Россіи грузинскаго царя Ираклія.
1785	Жалованная грамата дворянству.
	Городовое положеніе.
1786	Учрежденіе государственнаго заемнаго банка.
1787	Путешествіе Екатерины II въ Крымъ.
1787—1791	Вторая Турецкая война.
1788—1790	Война со Швеціей.
1789	Битвы при Фокшанахъ и Рымникѣ.
1790	Взятіе Измаила.
	Миръ со Швеціей въ Верельской долинѣ.
1791	Смерть Потемкина.

Годы:	
1791	Миръ съ Турціей въ Яссахъ.
	Майская конституція въ Польшѣ.
1793	Второй раздѣлъ Польши.
1794	Битва при Маціовицахъ.
1795	Третій раздѣлъ Польши.
1796	Смерть Румянцева.
1797	Учрежденіе объ императорской фамиліи.
1799	Основаніе дерптскаго университета.
	Походъ Суворова въ Италію.
1800	Смерть Суворова.
1801	Присоединеніе Грузіи.
	Отмѣна пытокъ.
1802	Учрежденіе государственнаго совѣта и министерствъ.
1803	Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ.
1805	Война Россіи и Австріи съ Наполеономъ.
	Битва при Аустерлицѣ.
1806	Возвышеніе Сперанскаго.
1806—1807	Война Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ.
1806—1812	Война съ Турціей.
1807	Битва при Фридландѣ.
	Тильзитскій миръ.
1808—1809	Война со Швеціей.
1809	Фридрихсгамскій миръ.
1810	Окончательное образованіе государственнаго совѣта.
1812	Паденіе Сперанскаго.
	Отечественная война.
	26 авг.—Бородинская битва.
	Бухарестскій миръ съ Турціей.
1813	Лейпцигская битва.
	Гюлистанскій договоръ съ Персіей.
1814	Взятіе Парижа.
	Вѣнскій конгрессъ.
1815	Священный союзъ.
1819	Основаніе петербургскаго университета.
1821	Возстаніе грековъ.
1824	Наводненіе въ Петербургѣ.
1826—1828	Персидская война.
1827	Наваринская битва.
1828	Туркманчайскій миръ съ Персіей.
1828—1829	Турецкая война.
1829	Адріанопольскій миръ съ Турціей.
1830	Полное собраніе законовъ Россійской имперіи.
1830—1831	Польское возстаніе.
1833	Изданіе Свода законовъ.
1839	Присоединеніе уніатовъ къ православной церкви.
1845	Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.
1849	Венгерская война.
1853—1856	Крымская война.
1854—1855	Осада Севастополя.
1856	Парижскій миръ.
1858	Присоединеніе Амурскаго края по Айгунскому трактату.
1859	Покореніе восточнаго Кавказа.

Годы:	
1861	19 февр.—Освобожденіе крестьянъ.
1863	Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.
	Мятежъ въ Польшѣ.
1864	Судебная реформа.
	Земскія учрежденія.
	Покореніе западнаго Кавказа.
1865	Взятіе Ташкента.
1867	Образованіе туркестанскаго генералъ-губернаторства.
1870	Новое городовое положеніе.
1871	Лондонскій трактатъ.
1873	Завоеваніе Хивы.
1874	Всесословная воинская повинность.
1875	Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ.
1876	Присоединеніе Коканскаго ханства.
1877—1878	Русско-турецкая освободительная война.
1878	Санъ-стефанскій миръ съ Турціей.
	Берлинскій конгрессъ.
1881	Взятіе Геокъ-Тепе.
1882	Учрежденіе крестьянскаго земельнаго банка.
1883	Отмѣна подушной подати.
1885	Учрежденіе дворянскаго земельнаго банка.
1888	Открытіе томскаго университета.
	17 окт.—Крушеніе царскаго поѣзда близъ станціи Борки.
1890	Учрежденіе должности земскихъ начальниковъ.
1891	Закладка сибирской желѣзной дороги.
	Пріѣздъ военной французской эскадры въ Кронштадтъ.
1893	Отвѣтное посѣщеніе русской эскадрой Тулона.
1894	14 нояб.—Бракосочетаніе Императора Николая Александровича съ принцессою гессенскою Александрой Θеодоровной.
1896	14 мая.—Священное коронованіе Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Θеодоровны.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Родословная таблица княжескихъ домовъ Рюрика и Гедимина.

Родословная таблица царствующаго дома Романовыхъ.

Андрей Ивановичъ,
прусскій князь,
выѣхалъ изъ литовской земли на
службу къ Іоанну Калитѣ.

Θеодоръ.
Иванъ.
главные совѣтники Василія I.

Захарій,
его потомки
Захарьины.

Юрій.
Захарьины-Юрьевы.

Романъ. — Михаилъ.

Никита,
отъ него Романовы. — Анастасія,
супруга Іоанна IV.

Θеодоръ (Патріархъ Филаретъ).

Михаилъ Θеодоровичъ.
Евдокія Лукьяновна.

Алексѣй.
Марія Ильинишна. — Наталья Кирилловна.

Θеодоръ. — **Іоаннъ V.** Парасковья Θеодоровна. — Софья.

Екатерина. Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій. — **Анна.** Фридрихъ, герцогъ Курляндскій. — Парасковья.

Анна. Антонъ Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій.

Іоаннъ VI.

Евдокія Θеодоровна. — **Петръ I Великій.** **Екатерина I Алексѣевна.**

Алексѣй. Софія Шарлотта. — Анна. Карлъ Фридрихъ, герцогъ Голштинскій. — **Елизавета.**

Петръ II. — **Петръ III.** **Екатерина II Великая.**

Павелъ I. Марія Θеодоровна.

Александръ I. Елизавета Алексѣевна. — Константинъ. — Александра. — Елена. — Марія. — Екатерина. — Анна. — **Николай I.** Александра Θеодоровна. — Михаилъ.

Александръ II. Марія Александровна. — Марія. — Ольга. — Александра. — Константинъ. — Николай. — Михаилъ.

Николай. — **Александръ III.** **Марія Θеодоровна.** — Владиміръ. — Алексѣй. — Марія. — Сергій. — Павелъ.

Николай II. **Александра Θеодоровна.** — Георгій. † 1899 г. — Ксенія. — Михаилъ. — Ольга.

Ольга. — Татіана — Марія. — Анастасія. — Алексѣй, Наслѣдникъ Цесаревичъ.